ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В двадцати томах

*

Издание осуществляется
совместно с Институтом русской литературы
(Пушкинский дом) Академии наук СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1977

М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том двадцатый

✲

ПИСЬМА

(1884—1889)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1977

Р1
С16

Подготовка текста и примечания
В. Н Баскакова

При участии *С. А. Макашина* (письма к А. М. Скабичевскому, А. М. Унковскому, В. Р. Зотову)

Оформление художника
И ЖИХАРЕВА

С $\frac{70301\text{-}329}{028(01)\text{-}77}$ подписное

ПИСЬМА

1884—1889

1884

1018. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

20 апреля 1884. Петербург

20 апреля

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Сегодня в «Правит<ельственном> вестнике» напечатано распоряжение о совершенном прекращении «Отеч<ественных> зап<исок>»[1]. Завтра оно, конечно, будет перепечатано и в «Новом времени» и следовательно дойдет и до Вас[2]. Мотивы запрещения изложены настолько подробно, что комментариев с моей стороны не требуется.

Я проведу лето не на Сиверской станции, как предполагал, а в Тверской губ. Ржевского уезда по Новоторжской жел. дороге, где мне предлагают купить имение, а в ожидании предлагают за умеренную цену нанять на лето в виде дачи[3].

Впрочем, и это только предположение, ибо времена ныне суровые, и предполагать значит строить на песце.

Прошу Вас передать мой привет Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 576, карт 2, № 25, л. 42

Впервые опубликовано без обращения и последней фразы в статье Г. З. Елисеева «М Е. Салтыков в письмах к Гр. Зах. Елисееву» — «Заветы», 1914, № 4, с. 47—48 (вторая пагинация), полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 41.

Послано во Флоренцию, получено в Париже, куда Елисеев вернулся к 1 мая. Сообщение Елисеева о том, что письмо послано в Рим («Заветы», 1914, № 4, с. 48), не соответствует действительности, так как в Риме он жил с октября 1883 до конца марта 1884 года. Салтыков имел адрес, сообщенный Елисеевым из Флоренции в письме от 4 апреля 1884 года н. ст. (Флоренция, Via Cavour, 70).

Письмо к Елисееву — первый документ, содержащий сообщение Салтыкова о закрытии «Отеч. записок».

[1] «Правительственный вестник», 1884, № 87, 20 апреля, с. 1. Текст «распоряжения» см. на с. 479.

[2] *НВ*, 1884, № 2925, 21 апреля. Сообщение о закрытии «Отеч. записок» 21 апреля перепечатали многие петербургские, московские и провинциальные газеты (*СПб. вед.*, «Новости», «Рус. ведомости» и др).

[3] Покупка имения в Ржевском уезде Тверской губернии не состоялась Лето Салтыков провел на станции Сиверская.

1019. В. П. ГАЕВСКОМУ

23 апреля 1884 Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Стасюлевич говорил мне о предположении собраться в субботу у Донона отобедать. Так как в этом случае тебя миновать нельзя, то я бы попросил тебя отклонить этот обед. Право, мне не до обедов, да и время не такое[1]. В настоящее время я испытываю безграничную скуку, какой никогда не испытывал.

Весь твой

М. Салтыков.

23 апреля.

Печатается по подлиннику· *ГПБ*, ф 171, № 248, л 40.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 147—148

В письме отразились настроения Салтыкова после закрытия «Отеч записок» («безграничная скука») Почти в тех же выражениях он на следующий день охарактеризовал их в письме к Белоголовому (см. письмо 1021) Сопоставление записки к Гаевскому с этим письмом позволяет отнести ее к 1884 году.

---

[1] Обед 28 апреля, в субботу видимо, все же состоялся 25 апреля, уже получив записку Салтыкова, Гаевский писал Пыпину: « ..предполагающийся на 28 апреля обед состоится у меня. Участвуют: Салтыков, Кавелин, Стасюлевич» (*ГПБ*, ф 621, № 181, л 15).

1020. Г. И. НЕДЕТОВСКОМУ

23 апреля 1884 Петербург

Многоуважаемый Григорий Иванович.

Считаю долгом уведомить Вас, что по случаю закрытия «Отеч<ественных> зап<исок>» повесть Вашу «Недоразу-

мение» я передал в редакцию «Русской мысли» (Москва, Леонтьевский переулок, 20) [1]. Ежели Вы находите это для себя неудобным, то благоволите обратиться туда: Вам ее возвратят.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

23 апреля.

Печатается по подлиннику. *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 130, л. 15.

Впервые опубликовано А. Путинцевым в статье «Неизданные письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к беллетристу Г. И. Недетовскому (О. Забытому)».— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР», т. XXXI, Л., 1926, с. 281.

Письмо к Недетовскому — единственное известное обращение к авторам, чьи произведения в момент прекращения «Отеч. записок» печатались или готовились к публикации в журнале

---

[1] Салтыков ошибся повесть называется «Недоразумения» (*РМ*, 1884, №№ 6—8).

1021. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24 апреля 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Извещаю Вас кратко: «Отеч<ественные> зап<иски>» приказали долго жить. Пространно же Вы, я полагаю, уже прочитали об этом во всех газетах [1]. Очень-очень серьезное время мы переживаем. Выходит, что журнал прекращен не за содержание, а за то, что некоторые из сотрудников его арестованы [2]. Но и в департаментах арестуют чиновников, а департаменты не закрывают. Вообще, я как-то спутался и испытываю ощущение громаднейшей скуки. Я ни мало не сомневаюсь, что в настоящее время всего нужнее — уморить меня, и что тут главным подстрекателем Катков [3]. Может быть, я и помру, потому что тут никакое здоровье не выдержит. А публика у нас просто презренная. Уже со второго дня начали ходить и спрашивать, скоро ли расчет.

Лето я думаю провести в Тверской губернии по Новоторжской жел<езной> дороге в 5 минутах ходьбы от станции Панино (и усадьба называется Панино, в 15 верстах от Ржева, ½ ч. езды по железной дороге). Это имение мне желают про-

дать, но так как мне не хочется повторять прежние опыты, то я предварительно нанял там на лето господский дом[4].

Но на какие средства я буду жить — это загадка. Кое-что скопил, но немного, а изменять образ жизни трудно.

Я поехал бы в деревню на днях, но задерживают экзамены детей. Лиза окончит свои к 10-му мая, а Константин едва ли раньше 20-го.

Извините, что мало пишу. Совсем скверно. Ноги у меня очень болят.

Передайте мой сердечный привет уважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

24 апреля

Печатается по подлиннику. *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 38

Впервые опубликовано в статье Вл. Розенберга «Конец «Отечественных записок» (Из переписки М. Е. Салтыкова с Н. А. Белоголовым)».— *РБ,* 1913, № 3, с. 56.

---

[1] О закрытии *Отеч. записок* Белоголовый узнал из газет еще до получения письма Салтыкова «Я весь под впечатлением краха «Отечественных записок»,— писал он 25 апреля (7 мая) 1884 года П. Л. Лаврову,— ругаю и проклинаю все и вся, достается тут нашим и вашим,— и вашим, по понятному пристрастию, в особенности Конечно, прежде всего страшно за жизнь Салтыкова, как он все это перенесет? А Елисееву, по моему мнению, совсем теперь не следовало бы ехать в Россию: и цели нет, да и не без риску подвергнуться разным вовсе неприятным допросам» (*ЦГАОР,* ф. 1762, оп 4, № 33, л. 10).

[2] К моменту закрытия *Отеч. записок* были подвергнуты репрессиям два члена редакции журнала — Н. К. Михайловский, в январе 1883 года высланный в Выборг, а потом в Любань, и С. Н. Кривенко, арестованный 3 января 1884 года. Кроме того, из эпизодически участвовавших в журнале в 1884 году был арестован М. А. Протопопов и административно выслан А. И. Эртель (см письмо 1034).

[3] В ликвидации *Отеч. записок* Катков и возглавляемое им реакционное крыло русской печати сыграли решающую роль, подготовив для этой акции почву и приняв в ней живейшее участие. См. прим. к «Правительственному сообщению о закрытии «Отечественных записок».

[4] Покупка имения не состоялась (см. прим 3 к письму 1018).

1022. Ш. ШАССЕНУ

24 апреля/6 мая 1884. Петербург

Saint-Pétersbourg, le 24 avril/6 mai 1884.

Monsieur et cher collaborateur.

J'ai l'honneur de vous informer que, par ordre supérieur, les «Annales de la patrie» ont cessé de paraître. Ce n'est pas une suspension temporelle de quelques mois, mais bien et bella fin d'une revue qui a existé depuis 45 ans.

Les ordres sont donnés pour vous transmettre les mille francs du trimestre courant.

Je vous prie de vouloir bien croire à mes sincères regrets de voir votre collaboration si inopinément interrompue.

Veuillez agréer l'assurance de ma haute considération.

M. Soltikoff.

P. S. Dans quelques jours je quitte Pétersbourg, n'ayant plus rien à faire ici [1].

Перевод· С.-Петербург. 24 апреля/6 мая 1884.

Милостивый государь и дорогой сотрудник.

Честь имею известить вас, что по высочайшему повелению «Отечественные записки» прекратили свое существование Это — не временная приостановка на несколько месяцев, а просто-напросто конец журнала, просуществовавшего 45 лет.

Отданы распоряжения о пересылке вам тысячи франков за текущую треть года

Прошу вас верить в искренность моего сожаления о том, что ваше сотрудничество так неожиданно прервано.

Благоволите принять уверение в моем глубоком уважении

М Салтыков.

Р. S Через несколько дней я уезжаю из Петербурга, так как мне здесь более нечего делать [1].

Печатается по факсимильному воспроизведению автографа в изд.: *ЛН*, т 67, с 493 Подлинник хранится в Исторической библиотеке города Парижа (Bibliotheque historique de la Ville de Paris). Перевод Л. Р. Ланского.

Впервые опубликовано Kyra Sanine Les Annales de la patrie et la diffusion de la pensée francaise en Russie (1868—1884). Paris, 1955, p 119.

---

[1] Салтыков уехал в Сиверскую 20 мая (см письмо 1035 и прим 3 к нему).

1023. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

25 апреля 1884. Петербург

25 апреля

Многоуважаемый Николай Константинович.

К тем неприятностям, которые навлекло закрытие «Отеч<ественных> зап<исок>», я испытываю еще неприятности объяснений с Краевским. Подлее и противнее этого старика ничего представить себе нельзя. Вчера я имел с ним целую стычку по поводу выдачи единовременно и безвозвратно некоторой суммы денег, которая дала бы возможность осмотреться сотрудникам нашим, потерявшим работу. Насилу уломал дать, до расчета с подписчиками, 2500 р., ибо он требовал, чтоб ждать расчета. Деньги эти распределены так: Скабичевскому 600 р., Южакову, Абрамову, Плещееву и Кривенко по 400 р. и Курочкину 300 р. Я знаю, что этого мало, но ничего поделать не могу. Сверх того, я взял в счет могущих быть остатков, для Вас и для себя по 1 т. р. и деньги распорядился выдать Людмиле Николаевне.

Расчет полагается сделать так: предложить подписчикам или «Русскую мысль» или «Наблюдатель»[1]. У нас 7600 подписчиков, но из них до 1100 с рассрочкой, которые частью не требуют расчета, как внесшие за треть, а частью будут рассчитаны деньгами. «Русская мысль» соглашается принять подписчиков по 7 р. 50 к. (сюда приехал Бахметев), «Наблюдателю» Краевский предлагает 6 р. Что выйдет из расчета — не знаю, но боюсь, что Гаспер ради получения жалованья затянет его. Боюсь также, что Краевский просто уклонится от расчетов с нами, хотя я его уже предупреждал, чтоб он этого не делал. Вообще он очумел от жадности, и даже не постыдился намекнуть мне, что он мог бы «попользоваться» от «Отеч<ественных> зап<исок>», если бы не запретили их — то есть явно валит беду на меня.

Мне тоже невольно припоминается при этом: как было бы хорошо, если б дело устроилось с Карновичем![2] Никакого Краевского я бы не знал теперь, и не боялся бы, что он, согласившись передать удовлетворение подписчиков «Русской мысли», не соблазнился бы предложением «Века» и не отступился бы от слова[3].

До свидания. Я нашел дачу в Ржевском уезде по линии Новоторжской жел<езной> дороги. Мне предложил ее г. де Роберти, которого я совсем не знаю. После экзаменов сына (между 18 и 20 мая) я туда поеду и дам Вам знать, когда именно буду в Любани.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 29, лл. 61—62. Впервые опублнковано· *Письма*, с. 259—261.

---

[1] Соглашение с редакцией «Наблюдателя» не состоялось: подписчики были переданы «Русской мысли».

[2] В феврале 1884 года, в связи с усиливающимися цензурнымн гонениями, у Салтыкова возннкла мысль о передаче редакторства в «Отеч записках» Е. П Карновичу. Об этом проекте Салтыкова Михайловский писал: «Я, разумеется, никакнм образом не мог согласнться на эту комбинацию Карнович был хороший человек, но ни в каких смыслах не соответствовал положению редактора «Отечественных записок». Все издание, долгими усилиямн воздвигнутое, рухнуло бы — так мне представлялось по крайней мере — самопроизвольно, и я предпочитал, чтобы оно лучше уж прямо шло навстречу своей судьбе..» (*Салтыков в воспоминаниях*, с. 329—330).

[3] Ежемесячный журнал «Век», в 1882—1884 годах издававшийся в Петербурге М. А. Филипповым, не пользовался популярностью среди читателей и в начале 1884 года переживал из-за недостатка подписчнков жесточайший кризис, который и вынудил, видимо, его издателя обратиться к Краевскому с просьбой передать часть подписчиков «Отеч. записок» «Веку» н тем самым спасти погибающее издание Отказ руководителей «Отеч. записок» обусловил окончательное банкротство журнала «Век» и его закрытие.

1024. В ГИМНАЗИЮ КНЯГИНИ ОБОЛЕНСКОЙ

1 мая 1884. Петербург

Считаю долгом уведомить гимназию княгини Оболенской, что я и в будущем году предполагаю оставить дочь свою, Елизавету, продолжать курс наук в той же гимназии[1].

1 мая 1884 года.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГИАЛО*, ф. 323, оп. 1, № 12, л 83. Публикуется впервые.

---

[1] Е. Салтыкова поступила в гимназию Оболеиской в 1883 году и окончила полный ее курс в 1890 году (*ГИАЛО*, ф. 323, оп. 1, № 8, лл. 14—15)

1025. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2 мая 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не знаете ли Вы адреса П. В. Анненкова, и ежели знаете, то не будете ли так любезны сообщить мне его.

Искренно Вам преданный

2 мая *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 58, л. 33 Внизу страницы рукой Стасюлевича недописанный адрес Анненкова в Дрездене.

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 13.

Год устанавливается по связи с письмом 1026.

1026. П. В. АННЕНКОВУ

3 мая 1884 Петербург

3 мая. Петербург. Литейная, 62

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Вот какой со мной казус случился. Сидел я, больной, в своем углу и пописывал. Думал, что я на здоровье отечеству пописывал, а выходит, что на погибель. Думал, что я своим лицом действую, а выходит, что я начальником банды был. И все это я делал не с разумением, а по глупости, за что и объявлен публично всероссийским дураком И Пошехонье теперь думу думает: так вот он каков! Прежде, бывало, живот у меня заболит — с разных сторон телеграммы шлют: живите на радость нам! а нынче — вон, с божьею помощью, какой переворот![1] — и хоть бы одна либеральная свинья выразила сочувствие![2] Даже из литераторов — *ни один* не отозвался[3]. Стасюлевич выразил кондолеанс[4], но относительно сотрудничества в «Вестнике Европы» — ни гугу. У него, впрочем, уж октябрьский № уж готов, как он объяснил одному из бывших сотрудников «Отеч<ественных> зап<исок>», обратившемуся к нему за работой. И книжечка такая есть, где записано, что̀ будет до октября включительно, а вот дескать в ноябре, кажется, есть свободных полтора листа. И при этакой-то шельмовской аккуратности все-таки обязывается за себя дрожать.

Обидно следующее: человека со связанными руками бьют, а Пошехонцы разиня рот смотрят и думают: однако, как же его и не бить! ведь он — вон какой!

Неужели я, больной, издыхающий, переживу эту галиматью! В городе разные слухи ходят: одни говорят, что я бе-

жал за границу, другие, что я застрелился; третьи, что я написал сказку «Два осла» и арестован. А я сижу себе на Литейной № 62 — один-одинешенек!

Один Краевский отозвался, как ему, в качестве старого кобеля, надлежит. «Я, говорит, мог бы еще попользоваться от «Отеч<ественных> зап<исок>».— Так попользуйтесь! говорю.— Нет, теперь уж что — а мог бы... продать!

Вообще хорошая будет страничка для моей биографии. Столько я в две недели пережил, сколько в целые годы не переживал.

Прощайте, будьте здоровы.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Невольно вспоминал Тургенева в эти дни: уж, конечно, он отозвался бы.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 3, лл. 46—47.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 261—262.

---

[1] Выражение, в разных вариантах встречающееся в ряде салтыковских произведений («Современная идиллия», «Письма к тетеньке», «В среде умеренности и аккуратности»).

[2] Ни одного отклика в связи с закрытием «Отеч. записок» в архиве Салтыкова не сохранилось. Однако известно, что было получено сочувственное письмо студентов («Русское прошлое», 1923, № 4, с. 121) и ряд писем, присланных «под псевдонимами». Вероятно, получил Салтыков и обращение «К русскому обществу» Московского центрального кружка Общестуденческого союза от 21 апреля 1884 года, включенное в состав второго выпуска литографированного издания сказок, осуществленного членом «Общества переводчиков и издателей» П. В. Соколовым (1884).

[3] См. письмо 1027.

[4] Кондолеанс — сочувствие, соболезнование (от *франц.* condoléance). Письмо Стасюлевича с выражением сочувствия по поводу закрытия «Отеч. записок» неизвестно. Возможно, оно было выражено в устной форме.

1027. К. Д. КАВЕЛИНУ

4 мая 1884. Петербург

Многоуважаемый Константин Дмитриевич.

Разница между покойным Тургеневым и прочими пошехонскими литераторами (я испытал ее теперь на собственной шку-

ре) следующая: если б литературного собрата постигла бы такая же непостижимость[1], какая, например, меня постигла, Тургенев непременно отозвался же. Прочие же пошехонские литераторы (наприм. Гончаров, Кавелин, Островский, гр. Толстой) читают небылицы в лицах и распахнув рот думают: как это еще нас бог спас!

М. Салтыков.

4 мая.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф 323, № 62, л. 1.

Впервые опубликовано: *РМ*, 1895, № 2, с. 231, с примечанием Д. А. Корсакова в составе публикации «Из литературной переписки Кавелина (1847—1884)». Фамилия Л. Толстого заменена криптонимом «Т». Полностью: *ЛН*, т. 13—14, с. 331.

---

[1] Салтыков имеет в виду закрытие *Отеч. записок.*

1028. Н. Н. БАХМЕТЬЕВУ

5 мая 1884. Петербург

5 мая.

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Очень жалею, что Вы не зашли ко мне еще раз перед отъездом в Москву[1]. Вероятно, Вы взяли из Конторы повесть г. Фирсова[2]. Теперь оказывается, что это только одна часть, что я усматриваю из двух его писем, которые при сем прилагаю. Я вместе с сим пишу к нему, чтобы он окончание выслал к Вам[3]. Так как он пред<о>ставляет погасить свой долг «От<ечественным> зап<искам>» из заработной своей платы, то будьте так добры, по отпечатании работы Фирсова на сумму 150 р. выслать их в бывшую контору журнала (Бассейная, 2). Равным образом, благоволите выслать из заработной платы г. Недетовского 100 р., по тому же адресу.

Кланяюсь С<ергею> А<ндреевичу>[4], ежели он еще в Москве. Повесть Фирсова я много сокращал.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по копии рукой Н. Н. Бахметьева: *ЦГАЛИ*, ф 640, оп. 1, № 321, л. 9.

Впервые опубликовано: *ЛН*, т. 13—14, с. 331.

---

[1] Бахметьев был в Петербурге в конце апреля (см. письмо 1023).

[2] Н. Н. Фирсов в 1877—1884 годах выступал в «Отеч. записках» с очер-

ками, статьями и переводами с итальянского языка. Салтыков имеет в виду, вероятно, повесть Н Н Фирсова «Куда ни кинь, все клин (Из истории одного семейства)», переданную в редакцию «Русской мысли». Она действительно состояла из двух частей По свидетельству Н. Н. Бахметьева, «повесть Фирсова оказалась очень плохой, и непомещение ее в «Р<усской> м<ысли>» было одной из причин недовольства Салтыкова, благодаря которому он помещал свои произведения в «В<естнике> Е<вропы>», а не в «Р<усской> м<ысли>» (*ЦГАЛИ*, ф. 640, оп. 1, № 321, л. 9) В ноябре 1884 года Салтыков хлопотал о возвращении рукописи, намереваясь отредактировать повесть и пристроить ее «куда-нибудь» (см. письмо, 1090). Вполне возможно, что появление повести в «Северном вестнике» в 1885 году (№№ 2—4) явилось результатом встречи Салтыкова с редактором-издателем «Северного вестника» А М Евреиновой.

[3] Письмо Салтыкова к Н. Н. Фирсову, отправленное в Новгород, неизвестно, как и два письма Н Н. Фирсова, которые Салтыков переслал в редакцию «Русской мысли».

[4] С. А. Юрьеву.

1029. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

5 мая 1884 Петербург

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Вы так упорно молчите, в те самые минуты, когда именно следует говорить, что мне просто становится страшно за природу человеческую. Вам известна катастрофа, постигшая «Отеч<ественные> записки» (я писал Вам об этом); [1] это дело поконченное и рассуждать об этом нечего. Но у меня есть Ваши деньги (11 900 р. облигациями П<етер>б<ургского> гор<одского> кред<итного> общ<ества> и 344 р. наличными), и это меня положительно затрудняет. Не то чтобы я тяготился услугой, но я не могу ручаться за свою жизнь ни по состоянию моего здоровья, ни по тем тревогам, которыми она отравлена. Я положительно убеждаю Вас сказать мне, предполагаете ли Вы приехать и когда именно [2], и ежели *не* предполагаете сделать это вслед за сим, то как поступить с деньгами.

Я предполагал провести лето на даче в Ржевском уезде Тверской губернии и с этою целью послал туда жену для осмотра; сейчас получил от нее телеграмму [3], что дачу нанять нельзя — не понравилась. Эту особу ничто не вразумляет, и все катастрофы ей нипочем. Вероятно, придется жить на Сиверской станции и платить за дачу тысячу рублей. Все эти милые шутки были хороши, когда был верный источник дохода, но теперь, когда, может быть, и от писательства придется со-

всем отказаться, они очень и очень неуместны. Впрочем, может быть, недолго придется издеваться надо мной.

Прощайте, будьте здоровы. Жду Вашего ответа незамедлительно.

Весь Ваш
М. Салтыков.

5 мая.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 25, л. 43.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 46.

Не зная о переезде Елисеева из Италии в Париж, Салтыков отправил письмо по известному ему флорентийскому адресу (см прим. к письму 1018). Поэтому сообщение о прекращении издания *Отеч. записок* дошло до Елисеева со значительным опозданием

[1] См. письмо 1018.
[2] Елисеев вернулся в Россию летом 1885 года и поселился в Твери.
[3] Телеграмма неизвестна.

1030. В. П. ГАЕВСКОМУ

8 мая 1884. Петербург

Будь так добр, многоуважаемый Виктор Павлович, уведомь меня о результате переговоров с Краевским относительно 300—400 рублей для Успенского. Я сегодня получил от него громадное письмо, где он *настоятельно* требует денег. Пожалуйста, уведомь поскорее [1].

Весь твой

8 мая.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ,* ф. 171, № 248, л 41.
Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с 148.

«Громадное письмо» Г. Успенского с требованием денег неизвестно. «Отечественные записки» ничего мне не дали, ни копейки...» — жаловался Г. Успенский Е. С. Некрасовой в конце апреля 1884 года (Г. И. Успенский Полн. собр. соч., т. XIII, Изд-во АН СССР, 1951, с. 360). По требованию Салтыкова, переданному через В. П. Гаевского, Краевский выслал Успенскому в Сябринцы 300 рублей· «. .Салтыков прислал мне 300 р. и любезнейшее письмо. » (там же, с. 364). См также письмо 1032.

1031. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

11 мая 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за сочувственное письмо[1]. Но вряд ли предстоящий отдых принесет пользу моему здоровью, ибо редакционная суматоха заменяется теперь суматохою еще более тяжелою: по содержанию семьи. Все наши затеи остаются те же, хотя ежегодный доход уменьшился не менее как на 12 тыс. рублей. Я никаких других слов не слышу, кроме, как «подавай денег». При таких условиях даже на Сиверской станции, куда мы уезжаем на лето, нельзя быть счастливыми. Вся беда моя в том, что у меня угла нет, куда бы я мог скрыться. Отдать все нажитое и уйти на хлеб и воду. Вот истинное блаженство, при котором нездоровье <?> несомненно восстановилось бы.

Как и следовало ожидать, Пошехонцы всему поверили и считают меня теперь начальником банды. Не только от простецов пошехонских я не вижу никаких симпатических заявлений, но даже ни один из так называемых литературных тузов ни одним словом не поступился. Поневоле вспомнишь Тургенева: тот, по крайней мере, приличия понимал. Я серьезно знаю людей, которые прямо говорят, что я же только *благодаря протекции,* не заслан к <— — — —>. Вот что значит говорить о Каткове: очень возможно, что Вы и совсем читать моего ничего не будете, ибо кому же надобны сочинения проказника, который источает из себя ... яд? В настоящую минуту, *ни один журнал* даже сотрудником своим меня объявить не решится. Вот так штука.

Но довольно об этом; у меня есть до Вас серьезная просьба. Уговорите Григория Захаровича[2], чтоб он отверз уста свои и написал, как мне с его капиталом поступить. У меня есть его 11 900 р. облигациями П<етер>б<ургского> гор<одского> кред<итного> общества, и я храню их дома, потому что Г<ригорий> З<ахарович> то едет в Петерб<ург>, то остается за границей. Сколько я ни писал к нему, чтоб он освободил меня от забот — он молчит. Это его обычная манера, которая, быть может, для него весьма удобна, но для других крайне тягостна. Мне теперь вовсе не до хранения чужих капиталов. Я чувствую такую ненависть к жизни, что было бы странно, если б судьба отказала мне в удовлетворении, послав хоть то успокоение, которое дается всякому смертному. Поэтому, в интересах самого Г<ригория> З<ахаровича> освободить меня. Только, быть может, он захочет возложить на

меня какую-нибудь сложную операцию, как напр. сношение с земством и т. д.,— то я заранее от этого отказываюсь. Я не могу угла себе лично добыть, потому что недуги не дают мне возможности передвигаться и ставят меня в зависимость от капризов посторонних лиц,— тем более не могу хлопотать по чужим делам. Это не эгоизм, а физическая агония.

Мне многие предлагали услуги относительно приискания угла, но дело именно в том, что все-таки надо самому видеть, а я не могу. Пробовал я поручать Елиз<авете> Апол<лоновне> сделать осмотр, но ей непременно нужно, чтоб был дворец и судоходная река [3]. А мне нужно, чтобы было тепло и стоял письменный стол с письменным прибором. Ни в чем мы с ней никогда не сходились, и ни одним своим капризом она никогда в мою пользу не поступилась. Какая ужасная жизнь.

Но возвращаюсь к Елисееву. Кончится тем, что в одно прекрасное утро я положу его капиталы в пакет и отправлю Paris, poste-restante. Ибо этот кляузный человек даже адрес свой скрывает.

Прощайте. Передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне и будьте здоровы.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

11 мая

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 39
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 47—48.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Елисеева.

[3] В начале мая 1884 года Е. А Салтыкова ездила смотреть дачу в Ржевском уезде Тверской губернии (см письмо 1029).

1032. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

11 мая 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Искренно благодарен Вам, что откликнулись и вспомнили добром нашу совместную службу на радость и пользу Пошехонцам [1]. С своей стороны, отвечаю Вам тем же. Думаю, что моя песня уже спета и что ни лета мои, ни здоровье не позволяют в этом отношении никакого сомнения. Желаю мирной кончины живота моего, а что она будет непостыдна — это уж от меня зависит.

По письму Вашему об Успенском я входил, через посредство Гаевского, в сношение с Краевским[2]. После объяснений моих с этим старым кобелем по случаю закрытия журнала и необходимости выдать какое-нибудь пособие сотрудникам, он мне до того омерзел, что я ни за что не желаю его видеть. Сегодня Гаспер уведомил меня, что Краевский согласился выдать Успенскому 300 р., о чем я вместе с сим и пишу Гл<ебу> Ив<ановичу>. От последнего я получил плохое письмо, которое отсылаю к нему обратно[3].

Поездка моя в Ржевский уезд не состоялась: супруге не понравилось. По воле ее и судеб мне придется провести лето на Сиверской станции. По-видимому, мне не удастся в сей жизни иметь свой угол, так что я даже и пытаться больше не хочу.

Желаю, чтоб жизнь когда-нибудь улыбнулась Вам. Когда кончится ликвидация дел «Отеч<ественных> зап<исок>», то уведомлю Вас о материальном результате, если только Краевский не утаит его.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

11 мая

P. S. Я написал Успенскому просто на ст. Чудово. Другого адреса не знаю[4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 29, лл. 29—30.
Впервые опубликовано: *Письма*, с 262—263.

---

[1] Речь идет о совместной работе в *Отеч. записках*. Письмо Михайловского неизвестно.

[2] 13 мая 1884 года Михайловский сообщал Г. Успенскому· «Салтыков написал мне, что «Краевский согласился выдать» Вам 300 р. Он сам об этом написал Вам, но боится, что перепутал адрес. Поэтому отправляйтесь в Петербург, получите у Гаспера деньги и по дороге туда или назад вспомните про Любань» (*ИРЛИ*, ф. 313, оп 3, № 188, л. 65). См. также письмо 1030. Письмо Михайловского к Салтыкову неизвестно.

[3] Имеется в виду письмо с требованием денег (см. письмо 1030).

[4] Письмо неизвестно.

1033. К. Д. КАВЕЛИНУ

12 мая 1884 Петербург

12 мая.

Многоуважаемый Константин Дмитриевич.

Письмо Ваше глубоко меня тронуло и утешило[1]. Не ради удовлетворения пустому тщеславию я ожидал некоторых заяв-

лений, а ради убеждения, что Пошехонье не все сплошь переполнено пошехонцами. К сожалению, это убеждение и теперь не составилось.

Впечатление, произведенное на пошехонцев катастрофой «Отеч<ественных> зап<исок>», двоякое. Одни безоговорочно верят, что «Отеч<ественные> зап<иски>» был не журнал, а организованный заговор (иждивением Краевского); другие не верят, но говорят, что совершена «новая штука».— И даже не прибавляют, что «новая штука» совершена над связанными людьми. На этой «новой штуке» пошехонское общественное мнение, вероятно, и успокоится. Еще несколько недель как «Отеч<ественных> зап<исок>» и их деятельности и в помине не будет.

Что касается лично меня, то меня, прежде всего, поражает (и до сих пор не могу освоиться) то обстоятельство, что я лишен возможности ежемесячно беседовать с читателем. При моей старости и недугах, это только утешение и оставалось мне. Живу я совершенным нелюдимом, почти никого не вижу, никуда не выезжаю, чувствуя, что я везде буду в тягость. Один ресурс у меня оставался — это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренно и горячо любил, с ним одним не стеснялся. И,— не припишите это самомнению,— мне казалось, что эта отвлеченная персона тоже меня любит, и именно потому любит, что и я для нее «отвлеченная персона». Может быть, придя в личное со мною соприкосновение, читатель был бы не совсем удовлетворен больным и брюжжащим стариком, но издали и при посредстве мысли общение выходило свободное и от болезни и от брюжжаний. Я даже убежден, что если бы меня запереть наглухо, оставив в моем распоряжении только «читателя», я был бы вполне счастлив, даже счастливее, нежели в обществе людей. Довольно я понатерся между ними, взял от них, что мог, и, что мог, возвратил.

Теперь у меня все это отняли. Можно ли представить себе что-нибудь более жестокое, унизительное, озорное? «Нехорошо хотеть» — вот и все. Удивительно странно. И что всего досаднее — это видимое в этом деле и для меня совершенно несомненное участие фразистого идиота Каткова.

Деятельность моя так сложилась, что переламывать ее на другой манер потребуется не мало времени. Хотя я давно задумывал написать большую бытовую картину (целое «житие»), но полагал приступить к этому позднее[2]. Думал, что в конце 1885 года покончу с «Отеч<ественными> зап<исками>» добровольно и засяду. Теперь приходится сделать ломку, а удастся ли она — не знаю. Голова до сих пор полна совсем другим и, между прочим, сказками, которых задумано,

а отчасти и написано до 4 штук [3]. Надобно отказаться от этой книги, которая не повредила бы мне...

Прощайте. Еще раз благодарю за сочувственное письмо и крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Впервые с пропуском второго и четвертого абзацев и опечаткой в дате (12 мая 1894 г.) опубликовано *РМ,* 1895, № 2, с. 231—232, с примечаниями Д. А. Корсакова в составе публикации «Из литературной переписки Кавелина (1847—1884 гг.)», полностью: *ЛН,* т. 13—14, с 332, 334. Печатается по тексту публикации в «Литературном наследстве». Автограф неизвестен

---

¹ Письмо неизвестно.

² Имеется в виду замысел «Пошехонской старины».

³ К маю 1884 года у Салтыкова имелось шесть сказок, написанных в начале года и по цензурным причинам изъятых из «Отеч. записок»: «Добродетели и пороки», «Медведь на воеводстве», «Вяленая вобла», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель», «Орел-меценат», «Карась-идеалист» (см. т. 16, кн 1, с. 439). В данном письме речь идет, видимо, о задуманных, но еще не написанных (или только начатых) произведениях. Среди них могли быть сказки «Чижиково горе», «Недреманное око», «Неумытный Трезор», «Дурак», напечатанные в декабре 1884 — феврале 1885 года.

1034. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

17 мая 1884. Петербург

17 мая Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Львович.

С «Отечеств<енными> записками» случилась история весьма обыкновенная: их прекратили навсегда. Почему именно прекращение последовало в апреле, а не в мае — не знаю, но, вероятно, потому что мера беззакония переполнилась. Вообще, я стараюсь размышлять об этом как можно меньше. Не невозможно тут и участие Каткова. Из сотрудников арестован только Кривенко еще 2-го или 3 января [1]. За что арестован — я не знаю, но «Отеч<ественные> зап<иски>» в этом столько же виноваты, сколько виновато сыскное ведомство в том, что в числе его агентов был Дегаев [2]. Кривенко до сих пор содержится, хотя я тщетно ломаю себе голову, додумываясь, что такое мог совершить этот метафизик, которому даже перо в руки взять лень было. Еще, как Вам известно, удален из Петербурга Михайловский [3], но уже полтора года тому назад. Два сотрудника, которые тоже приписываются к «Отеч<ест-

венным> зап<искам>» (Эртель и Протопопов), в журнале нашем почти не участвовали (Эртель *в первый раз* появился с крошечным рассказом в апрельской книжке), а участвовали в «Вестн<ике> Евр<опы>» и в «Деле»[4]. Все остальное тоже до «Отеч<ественных> зап<исок>» не относится.

Что касается до меня, то я покуда чувствую только повсеместную боль. Чувствую также, что я лишен возможности периодически беседовать с читателем, и эта боль всего сильнее. При старости и недугах моих я сделался мизантропом и даже любить отвык. Только и любил одно это полуотвлеченное существо, которое зовется читателем. И вот с ним-то меня разлучили. Будет ли продолжаться моя литературная деятельность, где и как она сложится — ничего еще определить не могу. Предстоит такая ломка, что в скорости справиться с ней невозможно. Но в «Вестнике Европы» едва ли Вы будете меня читать: очень уж они для меня умны. Скорее в «Русскую мысль» пойду — там попроще, но зато потеплее. А впрочем, весьма возможно, что и так захирею. Здоровье мое все хуже и хуже, хотя доктора утверждают, что оно все в том же виде, как и шесть лет тому назад. Боткин, который меня в последнее время посещал довольно часто, утешается моим бодрым видом и прописывает средствица. В настоящее время я принимаю ежедневно четыре средствица по четыре раза в день, так что, стыда ради, мне разрешено принимать по два средствица за раз. А ежели заболит живот, то прописывают еще два средствица, и это случается со мной довольно часто. Нил Ив<анович> Соколов ужасно меня упрашивал поставить в задницу свечку, но на этот раз я отказался, потому что никогда постороннее тело не входило ко мне в задний проход, ни в виде <— — —>, ни даже в виде клистира. Так я и хочу предстать куда следует.

Вы совершенно правы, говоря, что мне не следовало бы возобновлять с Краевским условие в нынешнем году. Я так и сам намеревался, да вот подите же — дал себя уговорить[5]. Нужно, впрочем, сознаться, что и к еде вожделение во мне не прошло, а теперь не знаю, в какой мере оно будет удовлетворяться. Собственно говоря, мои требования очень скромные, но... знаете ли, что̀ я думаю? Надо бы устраивать для женщин особые дворцы с салонами и там их держать, чтоб не мешали. Утром они переболтают между собой все, что у них на душе, а вечером пусть принимают les messieurs[6], которые будут приносить им конфекты, букеты и брильянты. Тогда только мужчины узнают, что̀ такое свобода. Это я Вам говорю, между прочим, по поводу приезда сюда К. П. Елисеевой, которая три дня тому назад прибыла сюрпризом в Петербург и уже столько

наболтала, что я готов бы был собственноручно расправиться с нею. Остановилась она у Матвеевых — воображаю, какой там идет Содом. Григ<орий> Зах<арович> остался в Париже и пишет только, что чувствует потребность проветриться. Кат<ерина> Павл<овна> горько жалуется, а я ей говорю прямо: да неужто ж Вы думаете, что больной человек в силах выносить Вашу болтовню? Но на нее и это не действует.

Еду я на дачу в воскресенье 20-го числа. Еду с величайшим отвращением, во-первых, потому что очень еще холодно, во-вторых потому, что дача модная и стоит 1000 р. Все это супруга моя устроила. Я теперь совсем беззащитный и беспомощный человек; ничего сам не могу для себя сделать под угрозой смерти или мучения — вот она и пользуется этим. Следовало бы на цепь ее посадить, да говорят, что закона такого нет. А я — от закона не прочь. Адрес моей тысячной дачи: СПБ Варшав<ская> железная дорога, станция Сиверская, дача г. Шперера. О деревне я не помышляю. Все мое нутро туда устремляется, но Ел<изавета> Ап<оллоновна> находит, что на Сиверской станции лучше.

Очень рад, чго Сережа Вас радует, а прочие дети утешают. У меня Лиза — очень умная девочка; но Константин хотя и умен, но ленив и разгильдяй. И слаб для своих лет.

Передайте мой сердечный привет Елизавете Юльевне и поцелуйте детей. Пишите — буду рад.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Унковский был у меня в то время, как я получил Ваше письмо[7]. Говорит, что дама, которую он Вам адресовал, осталась весьма довольна. Но чем Вы ее уконтентовали[8] — не знает.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 7, лл 35—36.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 148—151.

---

[1] Кривенко был арестован 3 января 1884 года (см письмо 1021) и после полуторагодичного заключения в 1885 году сослан в Западную Сибирь.

[2] В 1883 году было раскрыто предательство видного члена партии «Народная воля» С П. Дегаева, подкупленного политической полицией («сыскное ведомство»). Стремясь избежать справедливой расплаты за измену, Дегаев предложил уничтожить завербовавшего его жандармского подполковника Судейкина. Убийство Судейкина было совершено 16 декабря 1883 года при содействии Дегаева.

[3] Михайловский был арестован и выслан в Выборг 27 декабря 1883 года. В мае 1884 года ему было разрешено переехать в Любань.

[4] В *Отеч. записках* (1884, № 4) Эртель напечатал рассказ «Миниатюры», Протопопов же в 1877—1884 годах эпизодически выступал в отделе «Современное обозрение» с рецензиями.

[5] 20 октября 1883 года договор Салтыкова с Краевским об издании «Отеч. записок» был продлен до 2 января 1886 года. Текст договора см. т. 19, кн 2, с 321—327.

[6] Мужчины.

[7] Письмо неизвестно.

[8] Уконтентовать — доставить удовольствие (от *франц.* contenter).

1035. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

17 мая 1884. Петербург

17 мая

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Вам необходимо самим послать заявление о Вашем желании передать Литературному фонду проэктированный капитал. Для этого следует написать письмо к председателю Комитета Общества для пособия русским литераторам и ученым, Виктору Павловичу Гаевскому (Литейная, 48), где сказать, что такой-то (т. е. я) передает 11 т. р. облигациями СП<етер>б<ургского> городского кред<итного> общества на таких-то условиях. Все условия, которые Вы излагаете в Вашем письме, совершенно правильны, но я прибавил бы еще одно: буде Общество прекратит почему-либо существование до Вашей смерти или до смерти Ек<атерины> Павл<овны>, то оно обязано возвратить Вам капитал обратно или в тех же бумагах, или равной с ними ценности.

Но прежде, нежели Вы окончательно решитесь на такой шаг, я попросил бы Вас принять в соображение след<ующие> два обстоятельства. Во-первых, нет ничего невозможного, что функции Литературного фонда признано будет нелишним передать другому учреждению. Во-вторых, сколько мне известно, Вы не весьма изобильны доходами, а в то же время и лета и недуги Ваши не могут уже благоприятствовать Вам в смысле получения заработной платы. Может случиться, что, по обстоятельствам, потребуется для Вас экстренная издержка. Теперь, имея хотя небольшой капитал, Вы можете удовлетворить экстре, а ежели Вы передадите его в фонд, то окончательно отрежете у себя все пути.

По моему мнению, Вы гораздо удобнее достигнете той же

цели путем завещания, которое Вы можете сделать в любом городе, где есть посольство или консульство, и которое будет иметь силу крепостного акта. В завещании Вы можете оговорить, что фонд (общество для пособия и проч.) получает имеющий остаться после Вашей смерти наличный капитал, с тем чтобы уплачивать Ек<атерине> Павл<овне>, по ее смерть, 5% с него.

Я убедительно прошу Вас размыслить об этом, ибо, повторяю, терпеть нужду старому и недужному человеку слишком тяжело. Литература дала Вам сравнительно очень скудный кусок, тогда как Вы отдали ей всю жизнь свою [1].

Что касается до остальных 900 р. облигациями и 344 р. наличными, то я их передал уже Екатерине Павловне и имею от нее расписку.

Екатерина Павловна остановилась у Матвеевых [2], но последние до того обробели, что даже ко мне Вера Гр<игорьевна> не зашла, возвратясь из-за границы, из опасения, как бы Федя не пострадал. Помните, когда Вы просили меня похлопотать о каком-то месте для Матвеева, я Вам сказал, что это трудно, потому что он имеет вид зайца, высматривающего, откуда его застрелят — так оно и вышло. Вы представьте себе ужас этого человека, когда к Екат<ерине> Павл<овне> пришла *сама мадам Кривенко!!* Поэтому мне кажется, что Вы бы поступили весьма благоразумно, назначив Ек<атерине> Павл<овне> срок, когда она должна возвратиться. Матрешу Вы напрасно тревожите. Она все ставит условием, чтобы жить в таком городе, где есть Успленья-Матушка, и Вы с ней наплачетесь. Что касается до племянницы, то ее все хвалят и Вы хорошо делаете, что зовете ее. Присутствие третьего лица помогает жизн<и>.

Я в воскресенье переезжаю на дачу, хотя с большим отвращением, потому что еще холодно [3]. Но жена и слышать ничего не хочет, а я и проветриться от нее не могу, потому что дети не пускают. Все мои мечты о деревне и собственном угле разбиваются, благодаря упрямству жены. Я, к сожалению, не в силах сам распорядиться. Всякая поездка может повлечь за собою мучительное усиление недуга. Поневоле, приходится смотреть из чужих рук. Этим и пользуются для *не*удовлетворения моих желаний.

Нездоровье мое все усиливается. Необыкновенный кашель и самая нестерпимая одышка. Теперь, я даже на месте сидя, по временам, задыхаюсь. А поводов для волнения пропасть не только внешних, но в самом семействе.

Закрытие «Отеч<ественных> зап<исок>» произвело во всем моем существе нестерпимую боль — вот все, что покуда

могу сказать. В будущее покуда еще не заглядываю. Вижу, что связь моя с читателем порвана, а я, признаться, только и любил, что эту полуотвлеченную персону, которая называется «читателем».

До свидания, будьте здоровы. Дружески жму Вашу руку.

М. Салтыков,

Адрес мой: С. П<етер>бург. Варшавская жел. дорога. Станция Сиверская, дача Шпёрера.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ,* ф 576, карт. 2, № 25, л. 44.
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941,* т XX, с 53—54.
Ответ Елисеева от 24 мая 1884 года (см *Письма Елисеева,* с. 142—146)

---

[1] В 1884 году, последовав совету Салтыкова, Елисеев в Литературный фонд не обращался Он завещал Литературному фонду значительную часть своих капиталов, которые после его смерти (18 января 1891 года) поступили туда по частям, в 1891 и 1893 годах (см *Письма Елисеева,* с. 247—248).

[2] В. Г. Матвеева с семьей жила в квартире Елисеевых во время их отъезда за границу Через нее Салтыков иногда пересылал письма Елисееву.

[3] В 1884 году Салтыков переехал на дачу (станция Сиверская) в воскресенье 20 мая.

1036. П. В. АННЕНКОВУ

26 мая 1884. Сиверская

26 мая.

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Благодарю Вас за участливое письмо, которому, впрочем — признаюсь откровенно — я придал бы еще больше цены, если б оно не было вызвано моим собственным письмом [1]. Вот это-то и составляет истинную скорбь: погибает человек насильственною смертью, человек, который около сорока лет делал дело по мере разумения, не колеблясь и не предательствуя — и никому как будто до этого дела нет. Получил от добровольцев несколько соболезновательных писем — немного,— но и то под псевдонимами [2]. Где, кроме пошлого и оголтелого Пошехонья, может быть такое явление, чтобы вчерашний день не имел ничего общего с нынешним, никакой связи? А со мной именно так случилось. Я не о том совсем говорю, что литература должна была выразить открыто соболезнование по поводу «Отеч<ественных> зап<исок>». Я знаю, что это немыслимо и даже материально невозможно. Но ведь могли же, например, Островский, который, неизменно 15 лет сряду, начинал новогодие журнала, или гр. Л. Толстой, который, за месяц

до закрытия, писал и мне и журналу похвалы[3],— могли же они хоть несколькими строками заявить мне — письменно, а не печатно — что понимают нечто. Нет, ни один ни слова. Вот почему мне вспомнился Тургенев, который совсем не так бы поступил. Я отлично понимаю, что Тургенев имел свои недостатки, но в то же время не могу не согласиться с словами Михайловского (по поводу смерти Т<ургенева>), что если бы он даже ничего больше не написал, то и в таком случае он был нужен для литературы, имя его было нужно, присутствие[4].

О себе ничего определительного сказать Вам еще не могу, кроме того, что я как будто разом окунулся в воды забвения. Даже объявления о моих сочинениях сомневаются печатать. Буду ли печататься и где именно — не знаю. Живу теперь на даче и вот мой адрес: Пет<ербургско>. Варшав<ская>жел. дор., станция Сиверская, дача Шпёрера.

Кое-что пишу, но вяло и неохотно[5]. До сих пор не могу опомниться, что меня лишили ежемесячной беседы с читателем. Читатель был единственное существо, которое я любил — и вот на склоне моих дней у меня это существо отняли. Мудрено в 59 лет изыскивать новые пути общения и придумывать новые формы.

Но помимо меня, нельзя не пожалеть и об «Отеч<ественных> зап<исках>». Поистине, это был единственный журнал, имевший физиономию журнала, насколько это в Пошехонье возможно. Стасюлевич издает ежемесячный альманах[6], Юрьев — что-то колеблющееся, неопределенное[7]. У Стасюлевича уже до октября все книжки готовы. Во всяком случае, беллетристика, с смертью «Отеч<ественных> зап<исок>», окончательно замерла. Не только мне, но никому из молодых нет охоты писать. Наиболее талантливые люди шли в «Огеч<ественные> зап<иски>», как в свой дом, несмотря на мою нелюдимость и отсутствие обворожительных манер. Мне — *доверяли,* моему такту и смыслу, и никто не роптал, ежели я изменял и исправлял. В «Отеч<ественных> запис<ках>» бывали слабые вещи, но *глупых* — не бывало. Я даже придумать не могу, как все это опять войдет в колею. Скучно, погано писать сделалось — вот что слышишь. И хотя, разумеется, нужда заставит писать, но можно себе представить, что̀ выйдет из этой вымученности. Я Вам скажу прямо: большинство новых литерат<урных> деятелей, участвовавшее в других журналах, только о том и думало, чтобы в «Отеч<ественные> зап<иски>» попасть. Вот Вам характеристика журнала, и позволяю себе думать, что в этой характеристике я занимал свое место.

Теперь, литературным судьею сделалось — правительство. Ведь это же сущий вздор, будто «Отеч<ественные> зап<иски>» служили чем-то вроде конспиративной квартиры. Просто, живое слово не нравилось. Находят, что достаточно Атавы и Авсеенка с прибавкой старых патентованных подлецов: Григоровича, Майкова, Полонского и Данилевского. Да будет.

Прощайте, будьте здоровы. Жена и дети Вам кланяются и Павла Павлыча обнимают. Я было совсем забыл, что Вы маленькую Лизу обидели, но она сейчас же вспомнила: выпил мой чай.

Ваш
М. Салтыков.

Успенский получал у нас 250 р. за лист. Разумеется, сейчас же побежал к Стасюлевичу: спасите! Сей мудрец предложил 150 р. за лист, и притом с тем, чтобы *не часто* печатать [8].

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 3, лл. 48—49. Впервые опубликовано *Письма*, с 263—265.

---

[1] Салтыков имеет в виду письмо к Анненкову от 3 мая (см письмо 1026) Письмо Анненкова не сохранилось

[2] См. прим. 2 к письму 1026.

[3] Письмо Л Толстого с похвалами журналу было получено в январе 1884 года. Салтыков ответил 14 февраля (см письмо 993). Письмо Л. Толстого не сохранилось.

[4] Речь идет о письме в редакцию *Отеч. записок*, написанном Михайловским (под псевдонимом «Посторонний») в связи с кончиной Тургенева (1883, № 9, Современное обозрение, с 80—99). Салтыков имеет в виду следующую мысль из статьи Михайловского· «Тургенев дал русской литературе все, что мог дать, и какова бы ни была художественная красота его последних произведений, но никто уже не ждал от него чего-нибудь, приблизительно равного по значению его старым вещам . Заслуга Тургенева не только в прошлом. Он был нужен и в настоящем, в нашем скудном настоящем» (с 82).

[5] Вероятно, имеется в виду сказочный цикл, который Салтыков в это время обдумывал и даже пытался продолжать (см письмо 1033).

[6] «Вестник Европы».

[7] «Русская мысль».

[8] Согласие получать 150 рублей за лист Успенский дал Стасюлевичу еще в конце апреля, о чем он, видимо, сообщил Салтыкову в несохранившемся письме, содержавшем просьбу о расчете с редакцией «Отеч. записок» (Г. И. Успенский. Полн. собр. соч, т. XIII. Изд-во АН СССР, 1951, с. 359).

1037. В. П. ГАЕВСКОМУ

28 мая 1884. Сиверская

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Бывший сотрудник «Отеч<ественных> зап<исок>» Николай Эльпидифорович Петропавловский, живущий в гор. Ишиме, находится в крайнем положении вследствие закрытия журнала; вследствие чего, его жена обращается за пособием к Обществу, прося единовременно 300 рублей. С своей стороны могу засвидетельствовать о настоятельной нужде, заставляющей г. Петропавловского решиться на эту просьбу.

М. Салтыков.

28 мая

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155, Приложения к журналам Литфонда за 1884 год*, л. 575.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 266.

Как свидетельствуют пометы Гаевского, письмо получено 30 мая и рассмотрено Комитетом Литературного фонда на заседании, состоявшемся 1 июня. В. М. Линьковой-Петропавловской выдано 150 рублей.

1038. В. П. ГАЕВСКОМУ

30 мая 1884 Сиверская

30 мая.

Любезный друг Виктор Павлович.

Ежели Карбасников уплатил 150 р. по векселю 25 мая [1], то будь так добр вручить эти деньги Мине [2], которая употребит их на заготовку дров. Не знаю, как у Вас, но у нас очень еще на лето не похоже. Холод совершенно октябрьский. Я так кашляю, как никогда, а между тем из аптеки, вместо коричневых, зеленые лекарства присылают. Хлеб — кислый, мясо — коровье. И все в восхищении: наконец-то на дачу попали!

Искренно тебе преданный

М. Салтыков

Будь так добр узнать в конторе, зачем у них дело стало. Право, пора бы кончить расчеты, оставив в запас сумму около 1500 р., как я говорил.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф 171, № 248, л 42

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 152.

[1] Речь идет о деньгах за проданные Салтыковым книги (см. письмо 994). В 1883—1884 годах Карбасников издал шесть книг Салтыкова: «Сборник» (изд. 2-е), «Круглый год» (изд. 2-е), «Благонамеренные речи» (изд. 2-е), «Современная идиллия», «Недоконченные беседы», «Пошехонские рассказы». Последние две книги вышли в 1884 году с пометой 1885.

[2] Мина — горничная Салтыковых.

1039. В. П. ГАЕВСКОМУ

1—10 июня 1884. Сиверская

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Будь так добр передать жене 500 р., ежели Карбасников заплатил по векселю[1]. Я сам боюсь поездок в Петербург, потому что они меня утомляют. Но думаю, что посмотрю-посмотрю, да и переееду совсем с дачи. И Боткин не советует мне заживаться на даче в такой холод.

Извини за беспокойство.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 44.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 155.

Датируется по связи с письмами 1038, 1042 и по упоминанию о холоде, во второй половине июня сменившемся жарой (см. письмо 1042).

---

[1] См. письмо 1042.

1040. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

11 июня 1884 Сиверская

11 июня. Сиверская станция
П-бургско-Варшав. жел. д., дача Шпёрера.

Многоуважаемый Александр Львович.

Я на Ваше письмо отвечал, но получили ли Вы мой ответ — не знаю, ибо Вы имеете похвальный обычай замолчать вдруг и надолго[1]. А между тем случилось следующее. Ко мне обратился кунгурский 1-й гильдии купец Наркиз Богданович Кормильцын с вопрос<ом>: нет ли в моем ведомстве(очевидно, он еще не знает, что ведомство мое распущено)[2] стихотворца, который мог бы написать стихи на бракосочетание его дочери Ирины Наркизовны[3], но так, чтобы стихи были по

1-ой гильдии, и что̀ это будет стоить. Я указал ему на Вас, думая, что это Вас развлечет. Но при этом написал ему, что так как стихи требуются непременно по 1-ой гильдии, то цена им будет 1 р. 25 к. за строку, ежели не меньше 200 строк. Или, говоря короче, за все стихотворение 250 р., если же Вы напишете меньше 200 строк, то за каждый недописанный стих платите по 5 р. неустойки. Кроме того, я объяснил ему, что Вы надворный советник (кажется, так?) [4] и занимаете несменяемую должность, которая, впрочем, вскоре сделается сменяемою [5], и что, ввиду этого, Вы, может быть, пожелаете, чтоб стихи были прочитаны под псевдонимом Случевского [6]. Кроме Вас, я указал ему еще на Аполлона Майкова, который тайный советник и имеет через плечо орден [7].

Не знаю, на что решится г. Кормильцын, но, во всяком случае, считаю нужным Вас предупредить, чтоб Вы не испугались, получив из Кунгура предложение.

Я живу на Сиверской станции и нахожу, что это единственный уголок в окрестностях Петербурга, который можно назвать сносным и даже живописным. Никого не вижу, ибо меня все либералы обегают, и ничего не делаю, ибо до сих пор не могу овладеть собою. Вот разве с легкой руки Кормильцына несколько оживлюсь. Болен я по-прежнему и кашляю жестоко.

Из газет, я полагаю, Вы знаете, какой с Лихачевым случился анекдот. Ужасно мне его жаль, до слез. Главное, что вышло все как-то необыкновенно нелепо. Я его после происшествия еще не видал, но на днях нарочно еду в Петербург, чтобы с ним видеться [8].

Дама, которую Вам адресовал Унковский, воротилась от Вас в восторге; говорит: не знаю, что такое у него в панталонах, но совершенно как фимиам. А Унковский ей на это: да Вы не у Победоносцева ли по ошибке были?

Прощайте, будьте здоровы. Мой сердечный привет всем Вашим, хотя я знаю, что в настоящее время Вы в Одессе одни. Прошу извинить, что пишу на гнусной бумаге: жена лучшей не дает, говорит, надо экономить. Представьте себе!

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 37—38.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 152—154.

---

[1] Имеется в виду письмо от 17 мая (см. письмо 1034), являющееся ответом на несохранившееся письмо Боровиковского.

[2] Салтыков намекает на закрытие *Отеч записок.*

[3] Переписка Салтыкова с Н Б Кормильцыным неизвестна.

[4] Боровнковский в 1884 году был коллежским асессором и служил членом Одесской судебной палаты

[5] Салтыков имеет в виду готовившийся в это время и вступивший в силу в 1885 году закон, значительно ограничивающий принцип несменяемости судей и усиливающий их служебное подчинение председательствующему в судебной палате.

[6] Ироническое упоминание имени К. К. Случевского обусловлено резко критическим отношением писателей-демократов к творчеству этого поэта, в 1880-е годы служившего в Министерстве государственных имуществ и пожалованного придворным званием камергера

[7] А. Н. Майков, более 45 лет прослуживший в Комитете иностранной цензуры, в 1884 году имел чин действительного статского советника. На чресплечной ленте он мог носить имевшиеся у него в это время ордена Владимира и Станислава.

[8] 29 мая 1884 года на собрании членов Петербургского городского кредитного общества подверглась резкой критике деятельность правления и особенно его председателя В. И. Лихачева. Главным пунктом этой критики были нарушения в выдаче ссуд. Среди них в качестве наиболее яркого примера назывался случай с Лихачевым, получившим незаконную ссуду за принадлежавший ему дом на Екатерининском канале, основной доход с которого давал помещавшийся там публичный дом (*Спб вед.,* 1884, № 148, 31 мая).

1041. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

11 июня 1884. Сиверская

11 июня

Многоуважаемый Григорий Захарович.

На даче летом дело не так-то скоро делается — вот почему я до сих пор не отвечал на Ваше письмо[1]. Единственные юристы, которые были у меня здесь (сам я до сих пор в Петербург не ездил),— это Унковский и Лихачев. Вы не написали мне, каким порядком Вы сделали в Гатчине завещание, крепостным или домашним. Но ежели даже и крепостным порядком сделали, то это нисколько не мешает Вам его изменить. Приводимое Вами сомнение, будто бы завещание, сделанное в России, не может быть отменено за границей, не имеет никакого основания. Завещания, являемые за границей в Консульствах и в Посольствах, имеют совершенно такую же силу, как и завещания, являемые крепостным порядком в России. Всего же лучше, ежели Вы, не *нарушая* силы Гатчинского завещания, сделаете за границей крепостным порядком (т. е. с явкой у Консула) *дополнительное* завещание относи-

тельно тех капиталов, о которых в Гатчинском завещании не упоминается. Формулу завещания и все, что следует Вам, конечно, сделают в Консульстве, где эти дела бывают очень часто. Я охотно прислал бы Вам эту формулу, но решительно никого не вижу. Унковский промелькнул и удрал в деревню до 15 августа. Лихачев теперь в высшей степени взволнован случившимися передрягами и тоже уехал на дачу в Финляндию. Во всяком случае, мой совет таков: сделайте дополнительное завещание, в котором откажите остальной капитал Ваш Обществу для пособия русским литераторам и ученым, с тем чтобы оно такой-то процент выдавало и т. д. Что касается до дарственной записи, о которой Вы пишете, то, по уверению тех же юристов, это сделать совсем нельзя [2]. Ежели Вы решитесь на это, то я Ваши билеты продам и капитал вышлю Вам, а Вы приобретете на него за границей консолидированные фонды дешевле, нежели здесь.

Вы пишете, что связь моя с читателем не порвалась [3]. Порвалась, в том-то и дело, что порвалась. И не знаю, восстановится ли. Ведь надобно еще вновь обрести то душевное равновесие, которое нарушено. Меня нынче избегают. Либералы, как Таганцев, Самарин и т. п., прямо боятся меня, как распубликованного. Пошехонье помнит недолго, а забывает — скоро.

Екатерина Павловна была у нас на даче. По-видимому, она согласна будет жить везде, где Вы пожелаете, и ждет Ваших распоряжений. Относительно Матреши скажу Вам следующее. Был у меня в имении бурмистр Максим Андреич, который еще родителям моим служил и знал меня с малых лет. Потом поступил управляющим ко мне с братом (общее имение) и когда брат умер [4], то на вопрос мой: согласен ли он остаться у меня, отвечал: я образ снимал Вашему братцу до смерти оставаться у Вас. Вот я и пригласил его на этом основании управлять имением около Ораниенбаума [5]. И что же! не прошло и осьми месяцев, как он стал проситься к матушке Казанской (престол). Уехал на месяц, да так и ездит о сю пору.

С Лихачевым случился необыкновенный казус, о котором Вы знаете, конечно, из газет. Я его с тех пор не видал, но поистине душевно жалею об нем. В мелкой прессе положительная сатурналия [6]. Все над ним глумятся, и вряд ли он опять поднимется. Смешное — это всего страшнее. Я, впрочем, ни мало не изменяю к нему отношений.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте обо мне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Кривенко, как слышно, будет скоро выпущен. Но ничего верного не знаю. А «Отечеств<енные> записки» закрыты *навсегда*. Ну, не позор ли?

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 25, л. 45.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 58—60.

---

[1] Письмо из Парижа от 24 мая 1884 года (*Письма Елисеева*, с. 142—146).

[2] В письме от 24 мая 1884 года Елисеев просил Салтыкова узнать у Гаевского или Унковского о возможности завещания части капитала Литературному фонду посредством дарственной записи. «Такая дарственная запись будет по своему смыслу тоже завещанием. » (*Письма Елисеева*, с. 146).

[3] Мысль о сохранившейся связи Салтыкова с читателем содержалась, видимо, во второй части письма Елисеева от 24 мая 1884 года, которая не сохранилась.

[4] С. Е. Салтыков умер 7 июля 1872 года.

[5] В 1877 году Салтыков приобрел небольшую усадьбу Лебяжье, близ Ораниенбаума, на берегу Финского залива, которая вскоре была продана ввиду ее чрезвычайной убыточности.

[6] «Сатурналия» в мелкой прессе вокруг имени Лихачева связана главным образом с отношением его к хищениям и махинациям в Петербургском городском кредитном обществе. По этому поводу с обвинениями Лихачева выступили «Новости», «Судебная газета», «Петербургский листок», «Петербургская газета» и другие столичные и московские издания. Одни («Новости», «Судебная газета») обвиняли Лихачева в том, что в принадлежащем ему доме помещался дом терпимости, другие («Петербургский листок») видели суть дела в том, что «г. Лихачев скрыл причину высокого дохода с дома старого, разрушающегося, маленького.. Суть в том, что он взял куш с позорного промысла — он, член ревизионной комиссии обобранного им общества .» («Петербургский листок», 1884, № 151, 4 (16) июня, с. 2).

Кроме того, по мнению той же мелкой прессы, Лихачев был повинен в том, что он «совершил неправильности при последних выборах мировых судей», что «он держит явно сторону железнодорожников против товароотправителей, как председатель мирового съезда», *что он пользуется* «правом дарового проезда по железным дорогам» («Петербургская газета», 1884, № 143, 26 мая, с. 1).

1042. В. П. ГАЕВСКОМУ

12 июня 1884. Сиверская

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Завтра, в среду, около 11 часов утра, я буду у тебя, во-первых, для получения Карбасниковских 500 р.[1], кои мне до

зарезу нужны, и во-вторых, чтоб переговорить об деле. Извини, что беспокою: я отниму у тебя очень немного времени, потому что и сам приезжаю в Петербург лишь на несколько часов для устройства некоторых дел.

Искренно тебе преданный
М. Салтыков.

12 июня.

Нельзя ли предупредить Карбасникова, чтобы он пришел завтра к тебе. Мне хотелось бы покончить с Конторой «Отеч<ественных> зап<исок>», которая тянет дело, и поручить всю остальную операцию Карбасникову.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л 43.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 154—155.

---

[1] Расчет за проданные Карбасникову книги (см прим. 1 к письму 1043). 13 июня Салтыков был в Петербурге, но деньги, видимо, не получил, в связи с чем вынужден был специально послать к Гаевскому жену (см. письмо 1043).

1043. В. П. ГАЕВСКОМУ

16 июня 1884. Сиверская

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Будь так добр передать А. А. Краевскому прилагаемую расписку и убеди его покончить с делом, как в ней проэктировано[1]. Тогда можно было бы, отложив 1200 р. на всякий случай, сделать и окончательный расчет.

В среду, 20-го, Карбасников должен уплатить 200 р. Жена в этот день зайдет к тебе около 11 часов утра или Мину пришлет.

Извини за беспокойство.

Весь твой
М. Салтыков.

16 июня.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л 45
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 155—156.

---

[1] Расписка не сохранилась, содержание изложено в письме 1044.

1044. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

Около 20 июня 1884 Сиверская

Многоуважаемый Николай Константинович.

О ликвидации «Отеч<ественных> зап<исок>» имею сведения очень несовершенные, потому что в Петербурге был всего раз, 13 июня [1]. В этот день Гаспер мне говорил, что в кассе, за удовлетворением «Р<усской> мысли» и «Наблюд<ателя>», состоит около 12 т. р. да еще предстоит расхода примерно тысячи на полторы. Судя по этому в раздел пойдет $10\frac{1}{2}$ т. р. да взятые мной вперед $1\frac{1}{2}$ т., Вами 1 т., украденные Краевским (я заставлю его заплатить) 1000 руб. и взятые в течение 4 месяцев на содержание редакции (меня, Плещеева, квартиры и проч.) 1700 р. Всего, значит, 15 700 р. На долю Краевского придется 5230 р., на долю редакции 10 460 р., а за исключением 1700 р.— 8700 р , или по 4350 р. на каждого члена, а Вам, за исключением 1000 р. взятых вперед — 3350 р. Это, впрочем, расчет очень приблизительный, за который я никаким образом ручаться не могу. Когда дело кончится — не знаю. Гаспер — тянет, и хотя я просил Гаевского наблюсти за ним [2] и на днях еще послал к Краевскому записку, где предлагаю отложить на всякий случай 1500 р. и передать окончание дела Карбасникову, но ответа не получил [3]. Советую Вам вызвать к себе Гаспера на 29 июня (праздник) и поговорить с ним, потому что с Краевским можно всего опасаться. Деньги на проезд Гаспера к Вам Вы ему выдайте. Я уже дал Гасперу при расставании 100 р. и обещал дать при ликвидации, но толку мало. А украл Краевский 1000 р. след<ующим> образом. Был должен редакции Достоевский 1000 р. Когда «Отеч<ественные> зап<иски>» были закрыты, то вдова Достоевская восчувствовала и деньги возвратила [4]. А Краевский положил их в карман. Но при расчете я из его доли их вычту. Надобно только, чтоб Гаспер расчет представил мне, а не Краевскому, как это всегда делалось. Я на будущей неделе напишу Гасперу [5], чтоб он поспешил, а сам поеду в Петербург не раньше 8-го июля.

Что касается до меня, то я совсем болен. Несмотря на жары, кашель — необыкновенный. Причина — сквозной ветер, от которого не могу спастись. Ничего не пишу и вряд ли буду. Слишком велик переполох, и я слишком стар. Надо новую дорогу прокладывать, а это и трудно да и противно. Вы молодые, перед Вами большой путь. Не знаю, как Вы думаете устроиться, но, во всяком случае, для Вас это вопрос времени. Я — человек оконченный. Меня и теперь уж наполовину

забыли. Задумал я одну вещь давно «на всякий случай», но теперь вижу, как мне трудно из колеи выдти [6].

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Извините небрежность письма. Хотелось бы и больше и складнее поговорить, да лучше не ворошить. Болен я и... огорчен!!!

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 29, лл. 31—32. Впервые опубликовано *Письма*, с 266—267.

Судя по упоминанию о посещении Петербурга 13 июня и о желании пригласить Гаспера в Любань на 29 июня, письмо написано около 20 июня.

---

[1] См. письмо 1042.

[2] «Наблюсти» за Гаспером Салтыков, вероятно, просил Гаевского 13 июня при личном свидании. Эту же просьбу он вновь изложил в письме от 25 июня (см. письмо 1046).

[3] Речь идет, видимо, о «расписке», переданной через Гаевского (см. письмо 1043).

[4] А Г. Достоевская внесла деньги Краевскому 11 мая 1884 года (см.: А. Достоевская. Письмо в редакцию — *НВ*, 1884, № 3571, 5/17 апреля, с. 3).

[5] Письмо неизвестно.

[6] Имеется в виду замысел «Пошехонской старины».

1045. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

23 июня 1884. Сиверская

23 июня.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Давно я Вам не писал [1], да и от Вас никаких вестей не имею. Уже целый месяц как я живу на даче (С. П<етер>б<ургско>-Варш<авская> жел. дорога, станция Сиверская, дача Шпёрера), и совсем никого не вижу, исключая Е. А. Головина, который поблизости имеет собственную дачу и посещает меня довольно часто. Место здесь едва ли не лучшее в окрестностях Петербурга; живописное, гористое, прекрасный воздух и не загажено ни Ливадиями, ни Аркадиями, ни вообще кабаками [2]. Но к моему горю, всем этим я почти не пользуюсь. Кого дачное время восстановляет, а меня еще больше расстраивает. На зимней квартире, по крайней мере, сквозных ветров нет, а здесь от них никак не убережешься. Вот и теперь одолевает меня такой кашель, что хуже, чем

зимой. И главная мерзость — в горле свербит, и никак не могу от этой докуки избавиться.

Что касается до моего социального положения, то я теперь все равно что генерал без звезды. Никак не могу выяснить себе, какого я пола. Заниматься ничем не могу, ибо, направив свою деятельность известным образом, очень трудно ломать ее. А между тем предстоит об этом серьезно подумать, ибо и материальные нужды вопиют. Лучше сказать, это не нужды, а прихоти, но в иных случаях прихоти говорят громче нужд. С прекращением «Отеч<ественных> зап<исок>» я потерял 12—13 тыс. р. дохода; да сверх того каждогодно книги мои издавались, что тоже приносило до 5 т. р., а теперь и этот доход сократится на три четверти, потому что публика наша такова, что раскупает только тех авторов, которые об себе напоминают.

Вот уже два месяца с лишком, как я ничего не пишу [3]. Как на полфразе застала меня катастрофа, так и остановилось. Готовил для майской книжки статью, и нельзя ее даже утилизировать [4]. Сказки тоже приходится бросить, а у меня есть и готовая и проэктированная. Плохое мое положение, и вряд ли я из него выйду. Нечто подобное испытал я в 75-м году, когда больной лежал в Бадене и поневоле бездействовал. Тогда я вышел из бездействия сильнее прежнего, но тогда были годы, а теперь — другие. Да и журнал был свой собственный, а теперь — какие-то особенные, куда и идти-то сомнительно. Стасюлевич, пожалуй, и ломаться будет. Он даже не пригласил меня, а ждет, чтоб я сам с поклоном пришел. «Русскую мысль» — того гляди, постигнет участь «Отеч<ественных> записок». Вообще, такое для литературы время настало, что разве только чудо спасет ее. Ей-богу, «Отеч<ественные> зап<иски>» представляли единственное приличное убежище, ибо батоги «Вестника Европы» решительно никого не привлекают.

Как-то Вы живете? видитесь ли с Лорис-Меликовым, который, кажется, тоже в Висбадене. Ежели видитесь, то поклонитесь ему от меня. Впрочем, быть может, он тоже видит во мне госуд<арственного> преступника, подобно прочим русским либералам, которые как будто стыдятся, встречаясь со мною. Аминь глаголю Вам: нет животного более трусливого, как русский либерал.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный поклон многоуважаемой Софье Петровне.

До свидания; будьте здоровы и благополучны и не забывайте искренно Вас любящего

М. Салтыкова.

Е. П. Елисеева была у нас; но, по-видимому, рассердилась, ибо я не показал большого доверия ее россказням.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 4.

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е. Салтыковым».— *Р. вед.*, 1894, № 330, 29 ноября (начало второго абзаца), полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 63—64.

---

[1] Последнее письмо отправлено Белоголовому 11 мая (см письмо 1031).

[2] В это время Салтыков работал над «Пестрыми письмами». Действие во втором письме частично происходит на станции Сиверская, где проводил лето и сам Салтыков. Поэтому пейзажная зарисовка, содержащаяся в письме, во многом совпадает с начальными строками второго «Пестрого письма» «Место это и сейчас довольно дикое Нет в нем ни Аркадий, ни Ливадий и вообще никаких распутств, которымн знаменует себя вступившая в свои права цивилизация» (т. 16, кн. 1, с. 236). Столь близкое совпадение может свидетельствовать об одновременности написания «Пестрого письма» и письма к Белоголовому.

[3] Не совсем точно. См. письма 1036 и 1044.

[4] Для майской книжки «Отеч. записок» предполагалась заключительная (десятая) глава цикла «Недоконченные беседы (Между делом)», впервые напечатанная в отдельном издании.

1046. В. П. ГАЕВСКОМУ

25 июня 1884. Сиверская

25 июня.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Извини, что беспокою тебя новою просьбой. Будь так добр уведомить меня, отдал ли ты Краевскому мою записку и что̀ он по ее поводу сказал[1]. Справься, пожалуйста, у Гаспера, долго ли он будет копаться с расчетом по «Отеч<ественным> зап<искам>» и ежели этот расчет у него готов, то не может ли он привезти его ко мне для окончательной проверки. Покуда последнее не будет сделано, ликвидация никогда не кончится. Надо прямо кончить и преподнести Краевскому счет и деньги. Меня и Михайловский спрашивает: по-видимому, он крайне нуждается. Еще раз, извини.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 46.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с 156.

---

[1] Записка передана Гаевскому 16 июня (см. письмо 1043). Текст записки неизвестен (см. письмо 1044).

1047. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

29 июня 1884. Сиверская

29 июня

Многоуважаемый Николай Константинович.

Очень жалею, что Вы не решаетесь позвать к себе Гаспера. Дело это интересует Вас столько же, сколько и меня. Тем не менее я вместе с сим пишу к Гасперу и прошу его известить меня, в каком положении дела, и даже приехать ко мне для объяснений[1]. Самое неприятное тут то, что разговору об деле всего на десять минут, а между тем поезда так устроены, что придется валандаться с Гаспером 6—7 часов. Ну да впрочем, это уж в последний раз.

Я все-таки не уверен, что Кр<аевский> не уворует. И что всего неприятнее — это то, что придется его обличать. Я просил Гаевского, чтоб он наблюл за этим делом и предотвратил скандал; но сколько я ни пишу по этому поводу писем, ответа не получаю[2]. Богатство, в глазах многих людей, имеет особое обаяние, и если даже оно сопряжено с воровством, то и тогда ему прощается. Вот почему Краевского знают за вора и все-таки жмут ему руки. Даже у Некрасова был этот культ богатства. Он смеялся над Краевским, но *уважал* его.

Я полагаю, что поселиться Вам в Твери все-таки будет удобнее, нежели остаться в Любани, и я не думаю, чтоб тут могли встретиться препятствия. Ведь надо же где-нибудь жить. Я совершенно не знаю Новгорода, но думаю, что и там все-таки лучше, чем в Любани. В Любани, мне кажется, и жилья настоящего нет. Впрочем, я сужу как старик и притом больной. Я даже теперь не могу наверное сказать, чем разыграется для меня нынешнее прелестное лето, проведенное на даче, за которую заплачено 1000 рублей.

Я очень рад, что Вы собираетесь работать, хотя, конечно, это для Вас будет трудно. Сужу по себе: с тех пор как у меня душу запечатали[3], нет ни охоты, ни повода работать. Вся суть заключалась в непрерываемом общении с читателем. Для русского литературного деятеля это, покаместь, единственная подстрекающая сила. Антонович — недюжинный человек, а стушевался, будучи лишен этого общения.

А надежд на восстановление общения очень мало. Так мало, что я и не думаю об нем. Если найдется возможность, буду кой-что кропать, а не то так и ухну в Лету без разговоров. Ужасно как нелестно быть свидетелем своей собственной смерти и пережить ее.

Прощайте, будьте здоровы. Ежели что узнаю от Гаспера до 4 июля, то дам Вам знать. В противном случае, сделаю расчет (ежели таковой будет) и поручу ему доставить деньги Людмиле Николаевне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Если что напишется, не знаю, где и печатать. Ежели в «Русской мысли» — противно в Москву ходить. Ежели в «Вестнике Европы» — Стас<юлевич> ломаться будет. Совсем несносное положение. Посоветуйте. Ведь, в сущности, писать все-таки надо. Не умирать же заживо.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 29, лл. 33—34.
Впервые опубликовано: *Письма*, с 268—269.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] 13 июня Салтыков приезжал из Сиверской в Петербург, чтобы «переговорить о деле» с Гаевским (см. письмо 1042). Позднее он неоднократно обращался к Гаевскому с просьбами, связанными с производством расчетных операций по *Отеч записк*ам.

[3] Речь идет о закрытии *Отеч записок*.

1048. Н. Н. БАХМЕТЬЕВУ

30 июня 1884 Сиверская

30 июня.

Многоуважаемый Николай Николаевич.

Я слышал, будто бы кн. Долгоруков призывал Юрьева и спрашивал его, правда ли, что в «Русскую мысль» переходят сотрудники «Отечественных записок», предупреждая, что ежели это справедливо, то «Р<усской> м<ысли>» не жить долго. И на это будто бы С<ергей> А<ндреевич> ответил, что в «Р<усской> м<ысли>» будут участвовать те сотрудники «Отеч<ественных> зап<исок>», которые и прежде в журнале участвовали, и что кроме того, быть может, я буду печататься. Но какое этот ответ произвел на Долгорукова впечатление — мне неизвестно [1].

Будьте так добры уведомить меня, насколько этот слух справедлив вообще и в частности во относящемся до меня. Адрес мой: Сиверская станция, Пет<ербургско>-Варш<авской> жел. дор., дача Шпёрера.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по копии: *ЦГАЛИ,* ф. 640, № 321, л. 9. Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано. *ЛН,* т 13—14, с 334 (с ошибочной датой: 20 июня 1884).

---

[1] Источником сведений о вызове Юрьева к Долгорукову является письмо Елисеева от 25 июня «Ковалевский получил письмо из Москвы, в котором ему пишут, что по поводу распространившихся в Москве слухов, что все сотрудники «Отечественных записок» будут участвовать в «Русской мысли», Долгоруков призывал к себе Юрьева и сказал ему, что если этот слух справедлив, то «Русская мысль» долго не проживет. Юрьев ответил, что некоторые сотрудники «Отечественных записок» писали в «Русской мысли» и прежде, а что кроме прежних будете писать еще и Вы. На это, дескать, Долгоруков промолчал» (*Письма Елисеева,* с. 149). Бахметьев на копии своего письма Салтыкову так комментировал этот эпизод: «Долгорукий... не призывал Юрьева, так как со времени введения в 82 г. игнатьевских правил по делам печати генерал-губернатор никакого отношения к журналу не имел, но Юрьев сам полез успокаивать небеспокоившегося Долгорукова и затем много приврал» (*ЛН,* т 13—14, с. 336). Стремление подчеркнуть свою благонамеренность и опровергнуть мысль о близости идеологической позиции «Русской мысли» и закрытых «Отеч записок» звучит и в записке редакции журнала, поданной 6 февраля 1885 года в Главное управление по делам печати (см. «Из истории русской журналистики». Под ред. А. В. Западова. М., 1959, с 237—248).

1049. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

Начало июля 1884. Сиверская

Многоуважаемый Николай Константинович.

Надеюсь, что письмо это еще застанет Вас в Любани. Вчера получил, вместе с Вашим письмом, еще письмо от Гаевского[1], который уведомляет, что Гаспер объявил ему, что ранее 15 июля он не кончит счетов. А Краевский — обещал «наблюсти». Вот и ожидайте с терпением, потому что тут хоть говори, хоть нет — все одно.

Я получил также на днях письмо от Г. З. Елисеева[2], который в настоящее время видится часто в Париже с М. Ковалевским, ездившим на какое-то торжество в Эдинбург. Ковал<евский> получил из Москвы известие, будто бы кн. Долгоруков призывал Юрьева и сказал ему, что ежели в «Р<усскую> мысль» перейдут сотрудники «Отеч<ественных> зап<исок>», то журналу не сдобровать[3]. Я имею полное основание думать, что все эти подходы имеют в виду преимущественно меня. Желают, чтоб я *не был* в литературе, и вот под рукой устраивают, чтоб меня нигде не принимали. А публика будет думать, что я *сам* бросил. Благородно и остро. Подумайте, ведь я и под псевдонимом пройти не могу — узнают. Да и неприлично уж мне, после 40 лет деятельности, переменять характер ее.

Стасюлевич это сразу понял своим необширным умом, и ни разу даже не пригласил меня участвовать в «Вестн<ике> Евр<опы>». Теперь всякий будет от меня открещиваться. Нет, даже накануне смерти трудно переживать такие моменты. Жаль, что Вы не читаете «Моск<овских> вед<омостей>». В № 29 июня Катков с такою циническою ирониею утверждает, что он отнюдь не враг свободы самой широкой, что смех самый наглый так и звучит в каждом слове, а «Нов<ое> время» приняло это серьезно. И все это глумление пройдет Каткову безнаказанно. Какие же тут могут быть надежды![4]

Прощайте, будьте здоровы.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 29, лл 35—36. Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с 269—270.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Салтыков имеет в виду письмо Елисеева от 25 июня (см. *Письма Елисеева,* с. 146—149).

[3] См письмо 1048 и прим. к нему.

[4] В передовой статье, посвященной «университетскому вопросу», Катков писал «Как стоим мы за науку, так стоим и за свободу. Мы высоко ценим свободу, а потому стараемся более всего оберегать ее чистоту, ее существо, ее права» (*М. вед*, 1884, № 178, 29 июня, с. 2). Излагая статью об университетских порядках, «Новое время» полностью присоединилось к мнению ее автора, отметив, что «Московские ведомости» этой теме «сумели придать... интерес, связав эту тему с вопросами общего характера» (*НВ,* 1884, № 2995, 1 июня, с. 2).

1050. П. В. АННЕНКОВУ

1 июля 1884. Сиверская

1 июля.
Станция Сиверская, дача Шпёрера.

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Очень, очень благодарю Вас за сочувственное письмо[1], и ежели не пишу Вам, что оно меня ободрило, то по<тому> только, что с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что литературное мое поприще закончено. А так как в последнее время литературная деятельность обнимала меня всего, то весьма естественно, что и самый интерес жизни становится для меня как бы несуществующим. Поэтому же прошу Вас извинить, что я в письмах своих так часто говорю Вам о своем *литературном* горе. В сущности, тут заключалось для меня все, и я не знаю, зачем я буду дальше существовать и даже кому и на что я нужен.

Ни на какие изменения обстоятельств в будущем я не надеюсь, да и странно было бы надеяться в 60 лет[2]. Что относительно меня меры задуманы весьма обстоятельно, это доказывается многими фактами. Между прочим, до меня дошел слух, что Долгоруков призывал Юрьева (редактора «Русской мысли») и сказал ему, что ежели в «Р<усской> м<ысли>» будут участвовать сотрудники «Отеч<ественных> зап<исок>», то журнал проживет недолго. Не знаю, насколько этот слух точен, но что он вероподобен,— в этом я не сомневаюсь[3]. Начало личной мести, бывшее некоторое время в забвении, возобновляется во всей наготе. И при этом все делается втихомолку, так чтобы сами редакции журналов уклонялись от моего сотрудничества. Этим для меня объясняется и уклончивость Стасюлевича относительно меня. Журнал его с каждым годом все больше и больше падает, а при настоящем остолбенении русской публики, вероятно, и совсем пойдет книзу, но для многих собственное умирание, хотя бы и верное, все-таки предпочтительнее смерти от посторонней руки (хотя бы только возможной). Ведь пишут же, что в Тулоне некто бросился из четвертого этажа и расшибся из опасения умереть от холеры.

Но довольно об этом. Живу я на даче второй месяц и все думаю о том, когда же, наконец, придется переезжать опять в Петербург. Дело в том, что я постоянно болен и так как нынешнее лето крайне изменчиво, то на мне эти быстрые переходы от жары к холоду и наоборот отражаются с необыкновенной жестокостью. Теперь меня одолевает непрерывный зуд в горле, который возбуждает кашель и не дает по ночам

спать. С утра до вечера я лечусь, а ночью принимаю раза два Доверов порошок (с опиумом). Вот какую старость уготовала мне судьба. Целых десять лет кряду умираю, так что уж и начальство недоумевает, что такое со мной происходит. Если б не страшная болезнь, измучившая Тургенева, то можно бы ему позавидовать: умер, как и жил — ловко. И более, чем когда-либо, его жалко. В последнее время не столько была дорога его литературная производительность, сколько сознание, что он жив. Редким достается такой завидный удел.

Очень рад, что Вы отдохнете в своих родных палестинах. В особенности же рад за юношу Вашего. Хотя и постылое это Пошехонье, но сынам его необходимо его знать. Что в Тагае не имсется изрядных материалов для еды — этого Вы должны были ожидать. Но ежели бы Вы там пожили подольше, то материалы создались бы сами собою. Отцы наши жили в деревнях безвыездно и не скучали.

Прощайте, будьте здоровы и верьте искреннему уважению преданного Вам

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 3, л. 50—51.
Впервые опубликовано *Письма,* с. 270—272.

---

[1] Письмо неизвестно.
[2] В 1884 году Салтыкову шел 59-й год.
[3] См. письмо 1048.

1051. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 июля 1884. Сиверская

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Будь так добр уведомить меня, что произошло по поводу письма ко мне Тургенева о переписке Н<иколая Павловича> с Поль де Коком [1].

2 июля.

Твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 47.
Впервые опубликоваио: *Неизданные письма,* с. 156—157.

[1] Имеется в виду одно из двух писем Тургенева к Салтыкову (3 или 19 января 1876 года), содержащих упоминания о Переписке Николая Павловича с Поль де Коком (см. т. 18, кн 2, с 238) и летом 1884 года подготавливаемых к публикации в «Первом собрании писем И. С. Тургенева», которое, по сообщению Салтыкова, вышло в свет 9 ноября (см. письмо 1093). Сведений об истории, связанной с этими письмами, не сохранилось.

1052. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

3 июля 1884. Сиверская

3 июля.
Сиверская, дача Шпёрера.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вы не совсем раскусили всю прелесть моего положения, созданного манифестом 20 апреля [1]. Во-первых, недостаточно того, что многие стали чуждаться меня, страха ради иудейска, но я сам обязываюсь избегать всяких проявлений симпатии ко мне, ибо, в противном случае, рискую, яко возмутитель, быть выслан [2]. Во-вторых, теперь каждый редактор бога молит, дабы внушил ему, как бы от меня приличным образом отделаться, ибо в противном случае он рискует, что и с его журналом будет то же, что и с «Отеч<ественными> зап<исками>». Московский Долгоруков уже призывал редактора «Р<усской> мысли» и предупреждал его (не от себя, конечно, а по поручению), что ежели в «Р<усской> м<ысли>» будут участвовать сотрудники «Отеч<ественных> зап<исок>», то журналу этому не суждено жить [3]. Таким образом, на поверку окажется: 1) что *я сам* отказываюсь от заявлений сочувствия, и 2) что *я сам* прекращаю литературную деятельность. Вот это какая комбинация, и ежели Вы воспримете ее вполне, то я уверен, что у Вас голова заболит. *Никогда ничего подобного не бывало,* или лучше сказать, никогда еще не издавалось публичных актов, в которых неправда так хладнокровно рассчитывала, что она останется без возражений. И это мог выдумать только распутный литератор Катков, который, во-первых, понимает, каким способом чувствительнее уязвить собрата, и, во-вторых, знает, что̀ такое Пошехонье и его обитатели. Поговорите-ка об этом с Л<орис>-М<еликовым>,— он, наверное, в душе вздохнет.

Что касается до Лихачева, то я с глубоким сожалением присутствую при глупой истории, которой он сделался жертвою. Многие, а между прочим, по-видимому, и Вы, смешиваете,

что у него бордель в доме, а не в душе. Я не отрицаю, что с его стороны была допущена большая неловкость, но людям, которые вышли из крепостного права и пользовались им (я не об Вас), право, еще менее ловко говорить об этом. Дом есть недвижимое имущество — и ничего больше. Дома, в которых нет явных или тайных притонов, составляют исключение. Всякий трактир, всякий ресторан есть притон, в котором количественно проливается семени больше, нежели в самой расхожей бордели. Судить о нравственности человека по характеру владеемых им домов — едва ли основательно, ибо владелец дома на Невском всегда окажется безнравственнее владельца дома на Литейной [4], а последний безнравственнее владельца дома на Песках. В Москве других доходных домов нет, кроме тех, в коих ютятся притоны разных наименований. Дом достался Лихачеву от маменьки, и никакого другого назначения дать ему нельзя, ибо у Банковского моста никто другой и жить не будет. Следовало этот дом продать, и я уверен, что Лихачев не сделал этого или по неряшеству, или потому, что нынче вообще охотников на дома мало. Очень-очень печально, что из-за пустяков может прекратиться деятельность человека, несомненно честного и полезного. Рассуждая логически, можно дойти до убеждения, что и проценты с капитала черт знает из каких элементов состоят.

Вл<адимир> Ив<анович> очень упал духом, а Ел<ена> Ос<иповна> и подавно. Кажется, они за границу собираются.

Гр<игорий> Зах<арович> поистине меня удивляет. Есть у меня его капитал 11 т. р. облигациями П<етер>бург<ского> кред<итного> общ<ества>. Я целый год к нему приставал, чтоб он освободил меня от хранения этих денег, и он постоянно вилял. Теперь здесь его жена. Всего естественнее было бы отдать его ей, чтоб она продала и дала деньгам соответственное желанию Г<ригория> З<ахаровича> назначение. Так нет. Обязанность продать возлагается на меня, а как я это сделаю, сидя на Сиверской и не имея ни малейшего желания пропекаться в Петербурге. Ибо капитал в 11 т. р. (притом две облигации по 5 т. р.) не так-то скоро продать, в особенности летом [5].

Прощайте. Прошу Вас передать привет от меня и от жены многоуважаемой Софье Петровне. Она должна быть в большом горе по поводу смерти Широбокова. Но как же вдова его к Вам приедет? Дела не так-то легко ликвидировать [6].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 41.
Впервые опубликовано· *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 68—70.

---

[1] Имеется в виду Правительственное сообщение о закрытии *Огеч. записок.*

[2] После запрещения журнала Салтыков не исключал возможных по отношению к себе репрессий и даже высылки из Петербурга. Н. Н. Бахметьев на копии письма Салтыкова к нему от 20 июня 1884 года сделал примечание «Салтыков боялся быть высланным из Петербурга и хлопотал через меня, Муромцева и Гольцева о том, чтобы московские студенты не являлись к нему с адресом» (*ЛН*, т. 13—14, с 336).

[3] См. прим. 1 к письму 1048.

[4] См прим. 8 к письму 1040.

[5] Просьба обменять 11 тысяч рублей в облигациях кредитного общества на франки и выслать их в Париж содержится в письме Елисеева от 25 июня 1884 года (*Письма Елисеева*, с. 146—147).

[6] Вероятно, речь идет о Леониде Алексеевиче Широбокове, тверском знакомом Салтыкова. Кандидат в мировые посредники, он в 1862 году был арестован и заключен в Петропавловскую крепость за подписание заявления тверских мировых посредников от 5 и 19 февраля 1862 года.

1053. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

6 июля 1884 Сиверская

6 июля.
Ст. Сиверская, дача Шпёрера.

Многоуважаемый Александр Львович.

Письмо Ваше получил[1] с истиннейшим удовольствием и спешу отозваться на оное, чтобы застигнуть Вас еще в Чуфаровке. О стихах на бракосочетание Ирины не беспокойтесь: их уже сочинил Надсон и отослал по назначению[2]. Стало быть, он и деньги получит. Бедный, по-видимому, немного поживет. Головин (доктор) говорит, что у него чахотка[3]. К счастию, Головин очень часто ошибается, и в этом единственное спасение. Может быть, диагноз его даже означает: сто лет здравствовать. На днях у нас кухарка стала часто в обморок падать. Послали к Головину (он здесь же на Сиверской) — он освидетельствовал и говорит: хроническое воспаление почек. Надо ей одним молоком питаться. Та было поверила; но потом вдруг спохватилась: у меня, говорит, совсем не почки болят, а мне мужика надо. И уехала в Петербург для случки, а когда оплодотворится, то назад приедет.

Вот наша нынешняя внутренняя политика. Живем, никого

не задеваем и обращаем исключительное внимание на почки. Все же остальное предоставляем Каткову — буди его святая воля над нами. Но кроме этого, есть и еще важная политическая новость. Ераков собрался жениться на девице Малоземовой [4], пьянистке в<еликой> к<нягини> Екатерины Михайловны, у которой два зуба изо рту выперло наружу, да два зуба *там*... Вот Ераков и собрался это обстоятельство проверить — инженер ведь он. Но тут его лукавый попутал. Показалось ему, что у него из огорода по ночам клубнику воруют, вот он и дал себе слово подкараулить. Ночью, услышав подозрительный шорох, в одной рубашке, без подштанников, ползком вышел в огород и засел в куст. Кстати, думает, я там и за большой нуждой схожу. А в кусте между тем змея спала. Не ядовитая, но все-таки змея. Услышала, что кто-то сбирается на нее класть, взяла да и укусила в самое причинное место. Взревел Ераков, а брачные пули в одно мгновение раздулись, как картечи. Прибежал домой, всполошил дочерей; те пристают: что у Вас, папенька, болит? А он объявить не смеет, а только кричит: не могу жениться. Послали к августейшей владетельнице города Ораниенбаума — она тоже хочет знать, что́ у милого старичка болит. Наконец, приехал доктор, и всем потихоньку объяснил. Теперь Еракову уже не больно, но едва ли не придется расстаться со своим архитектурным украшением. Дочери ходят мимо него, потупив глаза, августейшая владетельница нюхает спирт, а девица Малоземова всем горько жалуется: стоило ли из-за фунта клубники лишать себя удовольствия! Сам же Ераков, не будь глуп, завел переговоры с Моршанском, насчет принятия большой печати. Говорят, Платицын дает ему всего 85 копеек, но он надеется, что это по недоразумению, и на днях собирается в Моршанск лично [5]. Это правда, говорит, что я и без того должен бы их лишиться, но ведь тут дело идет не об них одних, а *обо всем* — должен же «корабль» что-нибудь накинуть, тем более что у меня долги.

Лихачев несколько оправился после произведенного скандала, а то чуть было не впал в уныние. Я был один из тех, которые убеждали его наплевать на все. Удивительное, право, дело, какие пустяки могут влиять на судьбу людей. В результате все это глупое дело обойдется без вреда для него, хотя, конечно, домик придется продать, что̀ я, впрочем, давно советовал ему сделать [6].

От Унковского получил письмо: [7] он затеял настоящее хозяйство; арендатору отказал и орудует сам. Жалуется, что навозу мало. Я советовал, разумеется, принимать всей семьей касторовое масло, но с тем, чтобы это удобрение класть иск-

лючительно на огород. Если же хочет персидскую ромашку сеять, то пусть пригласит Головачова, которого кал удивительно для этой цели хорош.

Что касается до меня, то я кашляю. О будущих литературных трудах не думаю, да и редакторы все, я полагаю, молебны служат, чтоб я к ним не обращался. Ведь ежели я покажусь в каком-нибудь журнале, то ему несдобровать — это верно.

Прощайте. Больше писать нечего. Живите смирно и не тревожьте Косаговского [8].

Многоуважаемой Елизавете Юльевне передайте от меня и от жены сердечный привет. Птенцов поцелуйте.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 39—40.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 157—159.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Упоминаемые стихи Надсона неизвестны

[3] Надсон умер от туберкулеза 19/31 января 1887 года

[4] Видимо, Салтыков имеет в виду С. А. Малоземову (род. 1845), одну из способнейших русских пианисток, впоследствии ставшую профессором С.-Петербургской консерватории (см.: Г. Риман. Музыкальный словарь. М, 1901, с 802).

[5] Моршанский купец М К. Платицын был главным обвиняемым в процессе моршанских скопцов. В его доме при обыске найдено много золота, серебра, 10 миллионов рублей билетами коммерческого банка (К. Кутепов. Секты хлыстов и скопцов. Казань, 1882, с 265).

[6] См письмо 1052.

[7] Письмо неизвестно.

[8] В это время П. П. Косаговский служил одесским градоначальником. Салтыков был знаком с ним и встречался во время приездов его в Петербург у Унковского (см письмо 1106).

1054. В. П. ГАЕВСКОМУ

8 июля 1884. Сиверская

8 июля.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

В четверг я заеду к тебе около 12 часов, чтоб получить Карбасниковские деньги по двум векселям. Я бы раньше 12 ч. заехал, но боюсь, как бы не задержали в банке, куда я проеду прямо с машины. Прости, что так часто тебя беспокою.

Я здесь болею сильнее, нежели зимой в городе. Совсем задыхаюсь, особливо при такой гнусной погоде, как например сегодня. Вчера начал пить Эмс, но пользы не жду. Пил я его и на самом месте — вотще. Только и есть результат, что беспрерывно приспичивает.

Об «Отеч<ественных> зап<исках>» ни слуху ни духу.

Весь твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф. 171, № 248, л 48.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 160

1055. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

15 июля 1884. Сиверская

15 июля.

Многоуважаемый Александр Львович.

Я так обрадовался, узнав, что в Саксагань проведен телеграф, что сейчас же хотел телеграфировать Вам известный малороссийский тропарь: Грае, грае, воропае и т. д. [1]. Но не будучи уверен, что телеграфист передаст священнопения, решился до поры до времени помолчать. Потом хотел Вам телеграфировать, что целую Вас в пупо́чек, но и на это, пожалуй, телеграфист не согласится. Лучше всего оставить телеграф в покое и тем доказать, что в Саксагань его проводить совсем не следовало. С непривычки телеграмма так может напугать, что и рыло на сторону своротит. Но ведь, право, ради этой цели, не предстояло надобности тратить десятки тысяч казенных рублей.

Я здесь сижу и ничего не делаю — буквально. Уподобился Унковскому, который в деревне лежит задрав ноги и невежничает. Я не лежу и не невежничаю, но читаю «Нов<ое> время», «Петерб<ургский> листок» и «Петерб<ургскую> газету». Одним словом, нюхаю портки чичиковского [2] Петрушки. Нехорошо пахнет, и оттого, быть может, здоровья мне бог не посылает. Не знаю, не лучше ли пойдет дело в Петербурге, куда в конце августа переселюсь непременно [3]. Здесь я окружен детьми и женским сословием. Никого не вижу, и ничего путного не слышу. Еще месяца два и совсем оглупею. Вот жизнь анафемская: то, что интересует меня — никого не интересует; то, что интересует других — меня не интересует. Живу словно в Иностранном Государстве, как Г. З. Елисеев,

который говорит: пренё и пен[4], и за всем тем думает: как здесь хорошо!

Вы, кажется, серьёзно уехали из Петербурга. Лихачев мне сказывал, что будто бы Вас думают в Госуд<арственный> совет посадить, но Вы ничего не пишете[5]. А как было бы хорошо! Дела бы пó боку и засели бы мы в винт. Государственный же совет пусть как хочет. 20-го числа за жалованьем, вместе с прочими. Право, приезжайте. Как-то странно, что Вы серьёзно в Одессе основаться хотите — совсем это к Вам не идет. И Сережу хотите в Одессе воспитывать — помилуйте, где ж это видано! Может быть, Вы и тросточку завели для прогулки по бульвару?

Недостаток в деньгах есть величайшее несчастие. Кабы не это — ну, на кой черт Вам Одесса! Поэтому я и желаю Вам выиграть 200 т. Выиграйте и переезжайте опять на Знаменскую, где мы у Вас таких чудесных карасей ели.

Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой сердечный привет многоуважаемой Елизавете Юльевне и поцелуйте детей.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Жена всем кланяется.

Представьте себе: пишу письмо к Елисееву и на адресе называю его Грегуаром... Кто мог это себе представить? Я думаю, даже Кат<ерина> Павл<овна> в порывах нежности никогда подобного кощунства себе не дозволяла.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 7, лл. 41—42. Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 160—162.

---

[1] Слова из украинской народной песни «По-пид горою, по-пид зеленою, грае, грае, воропае! Гоп! Гоп!»

[2] Первоначально было гоголевского (зачеркнуто).

[3] Салтыков вернулся в Петербург 23 августа (см. письмо 1068).

[4] Возьмиге и хлеб (от *франц* prenez и pain).

[5] В состав Государственного совета Боровиковский никогда не входил.

1056. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

15 июля 1884. Сиверская

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Простите, что так давно Вам не писал:[1] истинно говорю, так болен, что ни к чему приступиться не хочется. Не знаю, что

именно во мне делается, но с каждым днем чувствую себя хуже и хуже. Другие летом воскресают, а я до того дошел, что ноги не ходят, руки не пишут, голова не думает. Лето здесь поскуднейшее: переходы от зноя к холоду, и наоборот, грозы и удивительная тяжесть в воздухе. Даже самые нечувствительные люди приходят в нервное состояние. Я не думаю, чтоб катастрофа с «Отеч<ественными> записками» тут много участвовала, хотя несомненно, что потеря общения с читателем есть для меня вопрос очень жизненный. Во всяком случае, с 20 апреля вплоть по сей день я не принимался за работу и как остановился на полуслове, так и кончил [2]. Пытался несколько раз и не могу. Все болит у меня и все раздражает. Сидя задыхаюсь — вот какая мучительная старость. С ужасом жду зимы, ибо предвижу себя окончательно осужденным на одиночество и бездействие.

Чтобы продать Ваши облигации, надо ехать в Петербург. Это бы ничего, но главное, надо там дня два жить, потому что облигации крупные, а наши банкиришки разом не осилят. По крайней мере, я настолько не знаком с финансовыми операциями, что отсюда ничего не могу сделать. В конце августа, т. е. через месяц, перееду в Петербург, и сейчас же займусь этим делом, а между тем и купон к 1 сентября полный выйдет. Во всяком случае в начале сентября дело это будет кончено; поэтому и прошу Вас написать мне, где Вы в течение сентября предполагаете быть [3].

Екатерина Павловна однажды у нас была [4], и с тех пор я ее не видел. Может быть, за что-нибудь сердится. Вообще люди так созданы, что, по выражению Некрасова,

Голодного от пьяного
Не могут отличить [5].

А в настоящем случае: хворого от злого. Прибавьте к этому: живя зимой в Петербурге я все-таки кого-нибудь видел; а здесь вот уже два месяца никого, кроме женского сословия, не вижу. Боюсь, что скоро задумываться начну. Ведь, собственно говоря, все эти женские мысли суть только полумысли, как и у детей. Я знаю, что это ересь, но право — так.

Не знаю, что ждет меня впереди. Положим, что я начну писать — вопрос, где печататься. Моя работа журнальная, а какой же можно указать подходящий журнал. «Русская мысль»? — но ведь это чистейшая окрошка. «Вестник Европы» — тараканье кладбище. Притом же я думаю, теперь редактора молебны служат, чтоб я об них позабыл. Нынче один

расчет у журналов: не быть скучнее прочих, а интереса, пожалуй, и совсем не нужно. Я убежден, что в «Отеч<ественных> зап<исках>» литература понесла громадную потерю. Кроме крайней рутинности, бесчестность, очевидно, подняла голову. Вы читаете «Нов<ое> время» — ведь стошнить может от фельетонов Атавы, «Жителя» (Незлобина), Морского, от корреспонденций Молчанова, Кочетова («Странник») и проч. [6]. Точно нюхаешь портки чичиковского Петрушки.

Прощайте, будьте здоровы, и не забывайте меня. Все сотрудники «Отеч<ественных> зап<исок>» разбежались — ни слуху, ни духу. О Кривенке ничего не знаю; но кажется, что он выслан.

Пишите, пожалуйста.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На днях был здесь В. И. Покровский и зашел ко мне. Я хотел было поручить ему продажу Ваших облигаций, но раздумал: не знаю, как бы Вам это показалось.

15 июля

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 25, л. 46.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 73—75.

Ответ Салтыкова на письмо Елисеева от 7 июля (25 июня) 1884 года из Парижа. Елисеев ответил Салтыкову письмом от 11 августа (30 июля) 1884 года (см. *Письма Елисеева*, с. 146—152).

---

[1] Салтыков не писал Елисееву с 11 июня (см. письмо 1041).

[2] См. прим. 4 к письму 1045.

[3] Отказавшись от поездки во Флоренцию, Елисеев решил осень и зиму провести в Париже (см. *Письма Елисеева*, с. 147).

[4] Е П. Елисеева приехала в Петербург 14 мая и была у Салтыковых между 14 и 17 мая (см. письмо 1034).

[5] Неточное цитирование заключительных строк из стихотворения Некрасова «Филантроп» (1853). У Некрасова. «А голодного от пьяного // Не умеют отличить».

[6] Салтыков имеет в виду главным образом литературный отдел газеты «Новое время» Там в это время печатались роман Н. Морского «Калиф на час», повесть Жителя (Незлобина) «Путешествие в страну, в которой быть нельзя», очерки С Атавы, корреспонденции «Русского странника» о наводнении в Радомской губернии, и т. д.

1057. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

21 июля 1884 Сиверская

21 июля. Сиверская, дача Шпёрера.

Многоуважаемый Александр Львович.

Спешу ответить на Ваше письмо от 15 июля [1]. Когда автор книги живет в Одессе, а издатель в Петербурге, то объяснения по поводу замечаемых плутней относительно количества печатаемых экземпляров весьма затруднительны [2]. Суворина, конечно, заподозрить невозможно, но фактор его типографии, Неупокоев, преизрядный хлыщ, и люди, близко стоящие к делу, сомневаются в его благонадежности. Я полагаю, что Вы хорошо сделаете, если обратитесь письмом к управляющему книжным магазином Суворина, Ник<олаю> Филиппов<ичу> Зандроку, с просьбой о разъяснении этого обстоятельства. А еще лучше, если Вы кому-нибудь поручите лично объясниться с Зандроком. Насколько я могу судить, это человек порядочный, а ежели он сам не разрешит сомнения, то, во всяком случае, укажет путь и даже окажет содействие. Что же касается до прошлых изданий, то произвести поверку их очень легко: стоит только поручить кому-нибудь обратиться к «Правит<ельственному> вестнику» или в Цензурный комитет. Впрочем, прежде, кажется, эти сведения помещались в специальном издании, под названием «Книжный вестник». Вам известны сроки выхода прежних изданий — вот по этим срокам и можете добраться.

Я тоже печатал некоторые издания в типографии Суворина, но печатал сам [3]. Слышал, будто бы одновременно с выходом книг появлялось некоторое количество их на Апраксином дворе, но достоверно сказать не могу. Во всяком случае, количество — ничтожное. Но у Вас дело совсем иное. У Вас есть условие, определяющее число экземпляров, и выход из этого числа есть прямое нарушение условия. Самое неприятное — то, что Вы не можете лично вступиться в это дело.

Дом, о котором Вы пишете, принадлежит не Вл<адимиру> Ив<ановичу>, а совсем другому Лихачеву. В Петербурге множество домов, принадлежащих Лихачевым, и теперь мода говорить об них, как будто они все принадлежат Влад<имиру> Ив<ановичу>.

Елисеев жену свою отпустил в Петербург, и она здесь пропекается с начала мая. Выдал он ей, через меня, 172 р., и этими деньгами она обязывается содержать себя неопределенное время. Обещал он вызвать ее со временем обратно в Париж, но покуда молчит. Вызвать ее он хочет не иначе как с Матрё-

шей, вероятно, для того, чтобы дать исход ее болтовне, и самому отдохнуть от назойливости. Живет он в Париже (Boulevard Jourdan, 2) и трепещет за жизнь ввиду холеры.

От Белоголового вчера получил письмо;[4] он здоров и думает провести будущий год за границей. Адрес его: Allemagne, Wiesbaden, poste restante.

Будьте здоровы. Жму Вашу руку и прошу передать от меня и от жены сердечный привет Елизавете Юльевне.

Искренно преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 43—44.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 134.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Речь идет о вышедших в 1883 и 1884 годах двух первых выпусках книги «Устав гражданского судопроизводства, с объяснениями по решениям гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената». Издание (в семи выпусках) завершено в 1887 году

[3] В типографии Суворина напечатаны «Господа Головлевы» (1880), «Круглый год» (1880), «Убежище Монрепо» (1880), «Господа ташкентцы» (1881) и др.

[4] Письмо неизвестно.

1058. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

23 июля 1884. Сиверская

23 июля.

Многоуважаемый Николай Константинович.

После множества глупейших трибуляций[1] ликвидация по «Отеч<ественным> зап<искам>» наконец приведена к окончанию. Денег налицо оказалось 7550 руб. 25 к. К этому прибавлено 1740 р., взятые в первые четыре месяца на содержание Редакции (по 435 р. в мес. на жалованье мне, Плещееву, наем квартиры и пособие Чижову), 1600 р., взятые вперед мной, 1000 руб., взятые Вами, 1000 р., полученные Краевским с Достоевского. Всего к разделу оказалось 12 890 р. 25 к., из них $^{2}/_{3}$ редакции, т. е. 8593 р. 50 к. Из этой суммы прежде всего вычтено 1740 р. упомянутые выше и 200 р., которые следуют Плещееву, нанимавшему квартиру по август (за 4 месяца по 50 р.). Затем осталось 6653 р. 50 к. или на каждого из нас по 3326 р. 75 к. Следовательно, Вам подлежит в выдачу 2326 р. 75 к., из коих 100 р. Гасперу, как Вы писали. Осталь-

ные 2226 р. 75 к. я поручил Гасперу отвезти к Людмиле Николаевне, что он и сделает в пятницу 27 числа, так как Краевский приезжает в Петербург только по средам, и следоват<ельно>, деньги из Учетного банка будут вытребованы в четверг. Я и сам поеду в четверг в Петербург и настою, чтобы Гаспер в пятницу рассчитался с Людмилой Николаевной. Все это будет, ежели только деньги каким-нибудь образом не исчезнут. Вообще с этими счетами происходило что-то неладное. Я рассчитывал на больший остаток, а оказалось нечто совсем нищенское. Я, впрочем, глубоко рад, что наконец совсем разделался. Это — последние капли журнального труда, а может быть и литературного. Ибо я положительно потерял всякую охоту к писанию и вот уже 3 месяца как ничего не делаю[2]. Я болен, а больше всего привык работать в общем тоне и в *своем месте.* Куда я теперь пойду — просто ума не приложу.

Провидение послало мне ужасную старость. Я на свете любил только одну особу — читателя — и его теперь у меня отняли. Болезнь же моя, шумная и поганая, делает меня несносным для всех окружающих.

До свидания; будьте здоровы и пишите, если хотите меня обрадовать. Мой адрес до конца августа: Сиверская станция, дача Шпёрера.

Сегодня был у меня Гаршин. Он несколько уныл и говорит, что ему не пишется. Видел Вас и Вы здоровы. Об Успенском говорит, что он хочет переселиться на Урал. Кривенко все еще сидит.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 29, лл 37—38. Впервые опубликовано· *Письма,* с 272—273.

---

[1] Трибуляции — нравственные муки, терзания (от *франц.* tribulation)

[2] См прим 3 к письму 1045.

1059. А. М. ВОЛЬФУ

24 июля 1884. Сиверская

24 июля.

Милостивый государь Александр Маврикиевич.

Искренно благодарю Вас за приглашение участвовать в «Нови», выраженное в письме от 19 текущего июля[1]. К вели-

чайшему сожалению, я не могу дать вполне удовлетворительный ответ. Во-первых, состояние моего здоровья таково, что я никак не могу рассчитывать на большую литературную производительность; во-вторых, я уже дал некоторые обещания, но и те, бог весть, удастся ли мне выполнить[2].

Во всяком случае, от души желаю успеха Вашему предприятию.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

Находясь вне Петербурга, я только вчера получил Ваше письмо.

Впервые опубликовано. «Новь», 1899, № 12, с. 53 Автограф неизвестен.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] О «некоторых обещаниях» Салтыков упомянул, видимо, из желания аргументировать свой отказ Вольфу. На самом же деле в конце июля 1884 года он еще пе решнл вопроса относительно издания, в котором возможно его сотрудничество.

1060. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

27 июля 1884. Сиверская

Сиверская. 27 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Извините, что несколько дней оставил Ваше письмо[1] без ответа. Последние дни я занят был окончанием ликвидации «Отеч<ественных> зап<исок>» и теперь, слава богу, отделался. Ликвидация принесла мне 1550 рублей — вот какую уйму! Это — последний литературный мед. Но хорошо, во всяком случае, что я отделался от Краевского.

Вы пишете, что прекращение «Отеч<ественных> зап<исок>» оказывается для Вас ощутительным — я этому верю. Не потому, чтобы я превозносил этот журнал выше небес, но потому что если у него не было положительных качеств, то было отличнейшее качество отрицательное. Он представлял собою дезинфектирующее начало в русской литературе и очищал ее от микробов и бакцил. Вы это качество оцените очень скоро, ибо и теперь читать русскую книгу все равно что нюхать портки чичиковского Петрушки. Деревянный Стасюлевич, конечно, останется по-прежнему деревянным, а «Русская мысль»,

несмотря на добрые намерения, пребудет, по выражению Успенского, телятным вагоном, куда заперли всевозможных сборных телят, и везут неведомо куда и неведомо зачем [2]. А об газетах и говорить нечего — это именно портки, и Вы совершенно правильно поступите, подписавшись на «J<ournal> de St. Petersb<ourg>» или на «Herold».

Я ужасно болен. Лето у нас анафемское, холодное, а дача подобная леднику. Это меня Елизавета Аполлоновна угощает. Я рвусь что-нибудь приобрести, какой-нибудь теплый угол, а ей ничто не нравится, непременно нужно пакости. Я двадцать шесть лет на своих плечах несу обузу кормления, а не заслужил, чтобы мой голос имел какое-нибудь значение. Это просто убийство. Она никак не может понять, что я не Шереметев и не Самуил Поляков, и требует реку, парков, оранжерей и т. п. Я хотел купить усадьбу в Ржеве, и уверен, что было бы там отлично,— по милости супруги, ничего не удалось. Вы, может быть, скажете, что я нелеп, что я мог бы и не смотреть на женские прихоти, и т. д. Но поймите меня: я болен до того, что ни осмотра сделать не могу, ни даже передвижений. Она и пользуется этим, чтоб убивать меня. Буквально, я беспомощен, и с этой стороны смерть была бы для меня истинным благом. Я уже и не ищу имения: знаю наперед, что эта бессердечная женщина все спутает. Бессердечие, соединенное с ограниченностью,— это такая твердыня, против которой бессильно все.

Я кашляю и задыхаюсь. Сверх того у меня мучительно начинают болеть ноги. И с этим я должен проводить время в леднике. В город я не могу переехать, потому что там нет прислуги, да и в квартире переделки идут. Сверх того, и знакомых совсем никого. Лечит меня Головин, человек вполне отличный, но, как мне кажется, не вполне искусный. Как Ваша ментонская кухарка, отличные качества сердца которой вы восхваляете. Ноги в особенности меня тревожат, и я боюсь совсем лишиться их. Представьте себе: Головин выдает замуж свою 17-летнюю дочь за господина 44-х лет, Иванова, члена Окр<ужного> суда. Правда, что он выдает ее по ее собственному выбору и настоянию, но, право, разница в 27 лет не может не страшить. Притом же, ни у жениха, ни у невесты ничего нет, кроме казенного жалования. Она, впрочем, отличная девушка и недурна, да и Иванов — хороший человек [3]. Все хорошие люди, а дело, пожалуй, выйдет нехорошее.

Лихачевы собираются в Висбаден 6-го августа (русского); но я решительно отказываюсь его понимать. Между прочим, он председатель Санитарной ком<иссии>, и вот в ту минуту, когда все замерло в ожидании холеры, он берет на два месяца

отпуск. Вероятно, придумает какое-нибудь канцелярское округление[4].

О Боткиных знаю одно: что они по субботам служат в своей церкви всенощные, а по воскресеньям — обедни, для чего приезжает к ним из Выборга поп. Совершенно по-старинному. В старину в Москве такие медики бывали. Доктор Мудров, например, который и телеса лечил, и к обедне ходил. Впрочем, тогда лечили больше пластырями, так еще можно было согласовать, а как согласует С<ергей> П<етрович> — не знаю. Конечно, он может сказать: это не я, а Петр Петрович — да ведь этому и Унковский едва ли поверит.

Пожалуйста, передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Напомните и Лор<ис>-Мел<иков>, ежели это удобно.

До свидания. Не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 42.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 78—80

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Высказывание Успенского относительно «Русской мысли» нигде письменно не зафиксировано.

[3] В. И. Иванов, член С-Петербургского окружного суда, неоднократно помогал Салтыкову в оформлении его отношений с издателями (см письмо 1444).

[4] Летом 1884 года русские газеты были переполнены сообщениями о начавшейся на Западе, в Италии и во Франции, холерной эпидемии и возможном распространении ее на Россию Лихачев был председателем городской Комиссии общественного здравия и членом Санитарной комиссии, состоявшей под председательством градоначальника.

1061. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

5 августа 1884 Сиверская

Сиверская. 5 августа.

Многоуважаемый Александр Львович.

В августе меня обыкновенно посещает lumbago[1]. Посетил и теперь. Болезнь эта глупая и состоит в том, что чувствуешь будто задницу вывихнул. Теперь я мажу себе иодом хвостик (кстати: Боткин меня удостоверял, что он знает одного сенатора с хвостом — к счастью, в старом сенате) и так как это го-

рячит, то по ночам я вижу ни с чем несообразные сны. Так, например, будто бы задница моя разделена на участки, и один участок с торгов достался Вам, а Вы хотите на нем шпанскую мушку поставить. Я протестую, говорю: ведь больно-то будет мне; а Вы говорите: должен же я свои деньги выручить и т. д. Словом, сущий вздор, который может привидеться только после долгого разговора с Ратынским[2].

Или еще: будто бы Победоносцев и митрополит Аника спорят, отчего оное место называется причинным. Победоносцев будто бы утверждает, что оттого, что оно есть причина всех зол, а Аника возражает: это смотря по тому, какова причина! Ежели у кого причина малая и слабая, то, действительно, кроме пакости, ничего и ожидать нельзя; но ежели у кого причина исправная, то оная даже удовольствие доставить может и т. д. Опять сущий вздор, но при драхеншусе неизбежный.

Кстати о Победоносцеве. Ходит слух, будто на одном званом обеде хозяйка дома, которая от своих родственников-офицеров постоянно слышала, что К<онстантин> П<етрович> болен, что у него шулята слабы, и когда она обращалась за разъяснением, то ей говорили, что это та самая болезнь, которая на вульгарном языке называется «в три пальчика без смычка» — так вот эта самая хозяйка в самый разгар обеда вдруг обращается к Побед<оносцеву> с вопросом: а что̀, К<онстантин> П<етрович>, у вас шулята все еще слабы? Общий конфуз. Но, к счастью, выручила молоденькая сестра хозяйки, которая, видя общее замешательство, спросила: ведь, кажется, по-французски эта болезнь онанизмом называется. В эту минуту ударил гром и кто-то <———>, но не Алексей Михайлович[3], потому что он еще в деревне. А через минуту из-за туч показалось солнышко и стали разносить фрукты. А на другой день все либералы говорили: и не то еще будет, ежели доступ на высшие курсы будет для женщин затруднен.

Политических новостей нет; по крайней мере, я таковых не знаю. Говорят, будто старика Шелгунова арестовали, но что он мог соделать — даже придумать не могу[4]. Еще говорят, будто писателя Лейкина выслать из П<етер>б<урга> хотели, за то что он написал рассказ, в котором мясник говорит, что он четверть телятины участковому надзирателю в презент снес. Однако помиловали, потому что он раскаялся[5].

Погода у нас дней с 5 стоит ясная, но холодная. Некоторые дачники начинают уж перебираться в город. Я думаю, однако ж, остаться здесь до конца августа. Ничего не делаю; кашляю и дремлю. Мне представляется, что меня *нет*. Т. е. что я уж не литератор, а ревизская душа. Может быть, это и правда.

Вот с божьей помощью, какой поворот! Скажите, куда деваться?

Прощайте, будьте здоровы и не сетуйте на мое пустословие.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 7, лл. 45—46.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 165—167.

---

[1] Люмбаго — прострел, острая боль в пояснице.

[2] Используя дружеские отношения со времен совместной учебы в Московском дворянском институте, Салтыков поддерживал постоянную связь с Н. А. Ратынским, долгое время служившим в С.-Петербургском цензурном комитете и в Совете главного управления по делам печати. Ироническое упоминание о Ратынском свидетельствует о характере отношений с ним Салтыкова, в период редакторства в «Отеч. записках» обращавшегося к нему по делам издания.

[3] А М. Унковский.

[4] См прим. 2 к письму 1062.

[5] Лейкин об этом писал· «Я написал юмористическую сценку, как мясник делит теленка, поднося приставу заднюю ногу, помощнику пристава котлеты, околоточному — лопатку за то, что он не заставлял его подновлять лавочную вывеску. И вот за эту шуточную сценку Грессер вызвал меня к себе, издевался над прессой, называл ее сплошной сплетней и грозил выслать меня из Петербурга и выслал бы может быть, ежели бы не заступничество покойного городского головы И. И. Глазунова» («Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке». СПб., 1907, с. 227—228).

1062. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

5 августа 1884. Сиверская

5 августа.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Вы пишете мне все заказными письмами, и это до известной степени замедляет получение их. Почта от нас в 3-х верстах, и обыкновенные письма разносятся почтальонами; заказные же получаются по повесткам, и мне надо каждый раз посылать, так как я сам ходить не могу. Затем на почте требуются удостоверения личности, и только после долгих убеждений соглашаются выдать в *последний раз.* Все это проделано было и с Вашим последним письмом от 30 июля [1].

Я совсем не забыл Вас, а болен и не могу до сих пор опомниться. Право, со мной делается нечто странное после закры-

тия «Отеч<ественных> зап<исок>». Мне кажется, что я уж больше не литератор, и что вообще меня *нет*. Писаний моих нигде нет, и ни об «Отеч<ественных> зап<исках>», ни обо мне — нигде ни слова. Подумайте, что это такое. Сотрудников я не вижу и даже не знаю, куда все девалось и расползлось. Очевидно, я включен в число обывателей, и никак не могу свыкнуться с этим. От этого я целые дни томлюсь, ничего не делая, и дремлю.

О том, что делается, слышу мало. Но говорят, будто арестованы Шелгунов и Гольцев[2]. Кривенко все сидит и, кажется, нехорошо; но точного ничего не знаю.

Екатерину Павловну не видел больше двух месяцев. Вероятно, рассердилась. Слышал, что она все хлопочет и что у нее совсем нет денег. Так как 1-го сентября Вам следует по купонам процентов 275 р., то не отдать ли ей купоны теперь.

К числу фантастических предприятий Ваших я отношу и Ваши предположения о перевозе мебели. Ради бога, не делайте этого. Совсем не 60 пудов будет мебели, а не меньше 600. Подумайте, один письменный Ваш стол с тарой будет весить не менее 35 пудов, а по сему судите и об остальном. Верьте, что Вам придется одна перевозка втрое дороже, нежели покупка совсем новой мебели. Лучше здесь продать. Я не знаю, сообразила ли это Екатерина Павловна, но мне кажется, на первых же шагах она должна была убедиться, что тут дело далеко не 90 пудами (с тарой) пахнет[3].

Лихачевых я недели две уже не видел. При последнем свидании он говорил, что 6-го числа (т. е. завтра) едет за границу вместе с Е<леной> Ос<иповной>, и я просил его предупредить меня телеграммой, чтоб я мог выехать на станцию повидаться с ними Он обещал, и даже сказал, что приедет ко мне прежде отъезда, но ни сам не был, ни телеграммы не прислал. Может быть, и отложил временно свой отъезд, а может быть, я и получу завтра утром телеграмму. Вероятно, Екатерина Павловна уже виделась с ним по Вашему письму, хотя, повторяю, положительно Вас раззорит мебель.

У нас погода переменчивая: но дней пять стоят хорошие, хотя уже порядочно холодно. Ежели хорошее время продлится, то я недели три еще проживу здесь. Ведь я невольник: что хочет Лиз<авета> Апол<лоновна>, то и делает. Не могу же я жить на квартире один без прислуги — вот этим она и пользуется. Во всяком случае, как приеду в Петербург, так займусь Вашими деньгами.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

С затеянной перевозкой еще история, пожалуй, выйдет.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 25, л. 47.
Впервые опублнковано *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 81—83.

---

[1] Письмо Елисеева от 30 июля 1884 года с жалобой, что «Вы меня забыли точно так же, как и все прочие», опубликовано в кн.· *Письма Елисеева*, с 149—152.

[2] Шелгунов арестован в ночь с 27 на 28 июня 1884 года по подозрению в связях с «Народной волей» и политической эмиграцией (см. «Воспоминания Н В Шелгунова об аресте и высылке 1884 г.».— В кн.: Н В Шелгунов, Л. П Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания, т 1. М, 1967, с. 290—324). В. А. Гольцев арестован 20 июня 1884 года по обвинению в передаче денег Л Тихомирову и «в сношениях с революционерами» (см. сб «Памяти Виктора Александровича Гольцева. Статьи, воспоминания, письма» М., 1910, с. 48—52).

[3] Предположение о перевозке мебели из Петербурга, при посредстве конторы Ленца, высказано Елисеевым в письме от 30 июля. Елисеев хотел везти мебель морем из Петербурга в Гавр с перегрузкой ее там на железную дорогу. Доводы Салтыкова, кажется, убедили Елисеева, и он от этого предприятия отказался.

1063. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

11 августа 1884. Сиверская

11 августа.
Сиверская.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Благодарю за память и за приглашение, от времени до времени, переписываться [1]. Я ощущаю в этом даже некоторую необходимость, ибо со времени упразднения нахожусь в крайнем одиночестве. Глубоко сожалею о невозможности видеться с Вами, и сравнивая Ваше положение со своим, все-таки отдаю предпочтение последнему. Я хотя относительно большой и малой нужды свободен, могу исправить ее где угодно на всем лице России; Вы даже для этой ничтожной свободы должны ограничиться Любанью и ее окрестностями. Это положение просто ужасное, особливо ежели припомнить, что никому до него дела нет. Третьего дня «Нов <ое> время» в статье о гр. Л. Толстом выразилось об Вас, как о «критике, сошедшем со сцены» [2],— вот до какого похабства могут дойти портки чичиковского Петрушки в уверенности, что им ниоткуда не будет отпора и что они могут на всей своей воле заражать вселенную своим специфическим запахом. Может быть, и обо мне будут так же выражаться и с полным основанием, потому что

чем больше я думаю о предстоящей литературной деятельности, тем более сомневаюсь в ее возможности. Собственно говоря, ведь писать нé об чем. Легко сказать: пишите бытовые вещи, но трудно переломить свою природу. Прежде всего, это возьмет пропасть времени, а мне, между прочим, и денег добывать нужно. И куда идти?— это тоже вопрос. Посмотрите последний № «Вестника Европы»— просто претит, а это все-таки лучшенькое [3]. Да еще примет ли Стасюлевич? А ежели и примет, то переговорами надоест. Минский сказывал, что он ему стихи исправляет и даже заменяет собственными. А об «Русской мысли» даже думать не хочется — таково скверно.

Я живу жизнью почти отчужденною и болен необыкновенно, чему отчасти, впрочем, и рад, потому что это дает мне надежду на скорую развязку. Но болезнь все-таки совсем не дает мне работать. Ощущали ли Вы когда-нибудь щекотание в горле? Так вот это самое щекотание преследует меня и днем и ночью. Сплю мало и потому днем хожу как сонный. Таковы прелести дачной жизни, хотя я занимаю дачу громадную и плачу 1000 рублей. Меня дрожь пробирает, ввиду предстоящего бесплодия моей жизни, и вся надежда на то, что скоро предстоит провести черту.

О читателе скажу Вам, что хотя я страстно его люблю, но это не мешает мне понимать, что он великий подлец.

Проживу я здесь, полагаю, весь август, ежели влезет. А потом опять в Петербург на прежнюю квартиру (Лит<ейная>62), но не к прежним занятиям.

Прощайте, будьте, по крайней мере, здоровы и не забывайте преданного Вам

М. Салтыкова.

Ясинский глуп и больше ничего.

Чтó бы Вам заняться Островским? Любопытно, что сказал бы Добролюбов, если б прочитал «Красавца-мущину»? [4]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 29, лл. 39—40.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 273—275 (с пропуском одного слова в характеристике Ясинского); полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с 83—84.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] В статье Ф. Б. (Ф. Булгаков) «Г. де-Вогюэ о гр. Л. Н. Толстом. Статья вторая» (*НВ*, 1884, № 3035, 10 августа, с. 2) Михайловский упоминается как критик, «ныне сошедший со сцены».

[3] Июльский и августовский номера «Вестника Европы», заполненные переводами и статьями научно-публицистического и политического характера, отличаются почти полным отсутствием отечественной беллетристики.

[4] Михайловский выступил со статьей об Островском в связи со смертью драматурга («Северный вестник», 1886, № 6, отд. II, с. 193—196). Пьеса Островского «Красавец-мужчина» напечатана — *ОЗ*, 1883, № 1.

1064. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

15 августа 1884. Сиверская

15/27 августа

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за известие о себе[1]. Боюсь, что предположение Ваше насчет пребывания в Висбадене до конца сентября не осуществится, ибо холера уже в Женеве и, по-видимому, делает быстрые успехи. И до Парижа недалеко от Лиона, где она тоже распоряжается. Почему-то мне кажется, что главным образом она разовьется в будущем году,— может быть, и к нам заберется, хотя, будучи в дружеских отношениях с Вл. Ив. Лихачевым, я надеюсь, что он, по знакомству, как-нибудь защитит[2]. Вот какая вещь: не боишься смерти и даже желаешь, а как вспомнишь, какие мучительные сорта смерти бывают, так и не знаешь, на чем остановиться. Говорят, что от разрыва сердца умирают мгновенно, но, вероятно, и тут ногами дрыгать придется. Всего целесообразнее было бы отравиться, да в аптеках хороших ядов не дают, а Соколов не прописывает. При прочих родах самоубийства, пожалуй, сам инстинктивно закричишь караул.

Лихачевы намеревались выехать в субботу 18-го числа и не предполагали останавливаться в Берлине, а прямо проехать в Висбаден. Впрочем, они люди вольномысленные и могут день отъезда отложить. Они Вам расскажут про похождения Екат<ерины> Павл<овны> в Петербурге, которая вот уже три месяца живет на пожалованные ей Гр<игорием> Захар<овичем> 175 р. и не может возвратиться, потому что хитрый старик дал ей вид только для проезда в Петербург, но не обратно. Я, впрочем, послал ему ультиматум, угрожая выдать Е<катерине> П<авловне> из принадлежащих ему денег 275 р.[3]. Теперь он затеял перевезти в Париж свою изящную петербургскую мебель, вообразив, что ее будет только 90 пудов, вместе с ящиками, и что это обойдется ему дешевле, нежели купить мебель в Париже. Е<катерина> П<авловна>, разумеется, принялась за выполнение приказания, но с нее сейчас же назначили за одну упаковку 150 рублей, а мебели с тарой будет не меньше 600 пуд. Но все это Вам подробнее расскажет В<ладимир> И<ванович>, равно как и об ужасном питании Е<катерины> П<авловны> и ее житье в чужой квартире, где перестилаются полы. А Матреша, на кото-

рую он так надеется, уехала в свое место в побывку и оттуда голосу не подает. И не подаст, конечно.

Как ни необычайны такие факты, но мне все-таки жаль старца. Очевидно, в нем происходит что-то неладное, и может быть, Е<катерина> П<авловна> довела его до исступления своею неестественною привязчивостью и болтовнею. Я по себе знаю, что значит каждый день или слушать с утра до ночи глупости, или сидеть в полном одиночестве. Больному и беспомощному человеку это не всегда под силу, и ежели благоразумие велит подчиняться, то сколько бесчестности или бессмыслия нужно иметь, чтобы пользоваться этим благоразумием подчинения. Я ужасно боюсь ослепнуть или быть разбитым параличем,— надругательствам (быть может, и мнимым) не будет конца. Я на этот случай вручил Боткину закрытый пакет, где требую, чтобы, в случае такой болезни, которая будет препятствовать выражению моих желаний, поместить меня *непременно* в больницу [4].

А покаместь я живу, бога не гневлю и ничего не делаю. Стало быть, обыватель во всех статьях. Благодарю бога, что имею свободу исправлять большую и малую нужду по всему лицу России, а вот Михайловский — так тот обязывается делать это в Любани и ее окрестностях. К несчастью, средства мои денежные не совсем исправны,— и то, впрочем, ввиду непомерных требований Е<лизаветы> А<поллоновны>, которая лучшей угрозы не знает: а вот я буду у тебя каждый день деньги тратить,— а не то было бы совсем хорошо.

До свидания. Прошу Вас передать мой привет уважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 43.
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 84—85.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Намек на председательство Лихачева в Санитарной **комиссии.** См. также письмо 1060.

[3] См письмо 1062.

[4] Письмо неизвестно.

1065. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

15 августа 1884. Сиверская

15 августа.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Как Вы думаете, удобно ли это будет, ежели я свои статьи буду помещать в «Русских ведомостях»? Собственно говоря,

я никогда этой газеты не читал, и она никаких предложений мне не делала, но я слышал, что это газета, относительно, недурная и, вероятно, не откажется от помещения моих статей [1]. Кроме того, есть и некоторое преимущество в сотрудничестве газеты — преимущество совершившегося факта. Быть может, Вы лучше меня знаете эту газету — поэтому, пожалуйста, сообщите.

Я пробуду здесь еще дней десять, а может быть, и все две недели.

До свидания — надеюсь, по крайней мере.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Не знаете ли, к кому следует обращаться в «Рус<ских> вед<омостях>», и ежели к Соболевскому, то как его зовут.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 29, л. 41.
Впервые опублнковано. *Письма*, с. 275—276.

[1] Утверждение Салтыкова о том, что он никогда «Русских ведомостей» не читал, не совсем точно. В этой газете 13 мая 1883 года было напечатано письмо Салтыкова с выражением благодарности окончившим курс медикам Московского университета, приславшим ему сочувственную телеграмму (см. письмо 917). Из письма к Белоголовому от 31 августа 1884 года также следует, что Салтыков хорошо знаком с направлением и с содержанием газеты (см. письмо 1069)

1066. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

19 августа 1884. Сиверская

19 августа.

Многоуважаемый Александр Львович.

Бог Вас знает, какой Вы странный корреспондент. Когда хочется знать, получили ли Вы письмо [1] — Вы как нарочно молчите. Ведь если даже Вы находите мои письма неуместными, то и тут можно написать: неуместны-де Ваши письма. Вот и все. Я, право, не обижусь, ибо нахожусь в таком возрасте, когда люди уже не обижаются.

На всякий случай пишу к Вам, уведомляя, что дня через три переезжаю на житье в Петербург (Литейная, 62) [2]. А Лихачев вчера отправился за границу на 2 месяца.

Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой привет Елизавете Юльевне. У нас — холодище неслыханный. Овес не со-

зреет. Рожь только что сжали. Что касается до винограда, то его и в помине нет, кроме Милютиных лавок. Хотел написать Вам сто пар анекдотов, да боюсь, уместно ли.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 7, л 47.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 167.

---

[1] Письмо от 5 августа (см письмо 1061).
[2] См прим. 2 к письму 1067.

1067. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

19 августа 1884. Сиверская

19 августа.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Извините, что третье письмо кряду пишу к Вам[1]. Дело в том, что я в четверг уже буду в П<етер>бурге, и следоват<ельно> ежели Вам вздумается писать ко мне, то адресуйте Ваши письма уже туда (Литейная, 62)[2].

Екат<ерина> Павл<овна> Елисеева рассказывает, что Кривенко — молодец. Совершенно обворожил следователей своим умом. Выразил будто бы мысль, что их всех (?) надлежало бы сосредоточить в одной губернии («а губернатором назначить, конечно, г. Салтыкова?» добродушно шутят следователи. — Нет, говорит Кривенко, не Салтыкова, а высокопоставленное лицо). И теперь пишет записку, в которой излагает, чего он ожидает от правительства. И наверное, изложит так убедительно, что все так и будет исполнено, как он напишет.

Прощайте, будьте здоровы. Во всяком случае, меня в губернаторской должности не ждите. Кривенко сам сознал, что это уж слишком.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннчку· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, л. 43.
Впервые опубликовано *Письма*, с 276.

---

[1] См письма от 11 н 15 августа.
[2] Салтыков вернулся в Петербург, видимо, не 24 августа, в четверг, а на день раньше, то есть в среду, 23 августа, как он и сообщил об этом Гаевскому 20 августа.

1068. В. П. ГАЕВСКОМУ

20 августа 1884. Сиверская

20 августа.

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Будь так добр, передай прилагаемой при сем девице Мине 200 р., ежели Карбасников заплатил. Я же сам буду в среду в Петербурге, где и останусь; но мои еще предполагают недели две наслаждаться морозом на Сиверской.

Твой по гроб жизни
М. Салтыков.

В каком положении дело о переданных тебе мною 2-х сказках? [1] Говорил ли ты с Феоктистовым?

Печатается по подлиннику· *ГПБ*, ф 171, № 248, л 50.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 168.

---

[1] Вероятно, речь идет о сказках, предложенных через Гаевского в юбилейный сборник Литературного фонда. В этом издании были напечатаны три сказки: «Карась-идеалист», «Добродетели и пороки», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель» («XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб., 1884, с. 401—422). Разрешение у начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова испрашивалось, видимо, на две последние сказки, вырезанные из февральского номера *Отеч записок* и таким образом известные цензуре Сказку же «Карась-идеалист» Салтыков снял сам до рассмотрения номера в цензуре, а поэтому специальное разрешение Феоктистова для ее публикации не требовалось (см. также письмо 1083).

1069. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

31 августа 1884. Петербург

31 августа.
Петерб<ург>.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Надеюсь, что это письмо еще застанет Вас в Висбадене. Я несколько ленился писать к Вам в последнее время, но полагал, что Лихачевы все, что нужно, Вам сообщили и обо мне и о делах вообще. На днях я писал Влад<имиру> Ив<ановичу> [1] и думаю, что писать об одном и том же в два семейства, которые часто бывают вместе, совершенно излишне. Вот теперь пишу к Вам, хотя от Вас, собственно говоря, давнень-

ко известий не получаю и знаю только из письма Вл<адимира> Ив<ановича>[2], что Вы благодушествуете, хотя не совсем здоровы.

Я лично уже переехал с дачи уже десять дней тому назад, а семья моя переедет завтра 1-го сентября. Вероятно, все будут негодовать, что из-за старой гнилушки им приходится бросать дачу именно в такое время, когда, по-видимому, установилась чудесная погода. Но я бы и не настаивал на переезде, если б Константину не предстояло начать учение. И в то же время я так болею, что мне действительно жить одному не совсем удобно. Главное неудобство заключается в том, что я должен ходить обедать. Вот до чего я дожил, что самая ничтожная экскурсия для меня — мат. Кажется, никогда я не был так болен и беспомощен. В настоящее время, при усилившейся до крайних пределов одышке и несносном кашле, посетила меня ужаснейшая боль в нижней половине спины. Сначала я думал, что это драхеншус, но теперь начинаю подозревать, что тут замешался ревматизм Посещает меня Головин, но мы с ним больше о вольномыслии беседуем. Да и вообще моя участь такая: все доктора со мной беседуют больше о вольномыслии, нежели о моей болезни. Может быть, болезнь-то такого рода, что на нее нужно махнуть рукой. Тем не менее я страдаю поистине жестоко. Из комнаты в комнату переходя, задыхаюсь, а чтобы дойти до ватерклозета, раза три отдыхаю; стою упершись в стену и вылупивши глаза. Надо утром видеть, что со мной происходит. А врачи, видя меня, восклицают: какой у вас сегодня прекрасный вид! А я, по крайней мере, раза четыре в день по получасу лаю, как собака. Вот что значит быть сатириком: и лицо ненастоящее. При таком положении моего организма мне не до писания. Не знаю, выберется ли когда-нибудь светлый момент. Да и негде писать, совсем негде. На днях был у меня редактор «Русских ведомостей» и предлагал участвовать[3]. Но явно, что, предлагая, он боится за газету. Да и мне как-то совестно на старости лет сделаться газетным фельетонистом. Однако я обещал и попробую. Это единственный порядочный орган, и притом со смыслом издающийся. Очень умеренный, но честный.

Прошу Вас передать мой привет уважаемой Софье Петровне и Лихачевым.

Прощайте Извините за пустоту письма. Голова пуста — вот в чем сила.

Ваш

М. Салтыков.

Соколов (Нил Иванович) женился на днях в Симферополе и проводит медовый месяц на южном берегу Крыма. Головин в воскресенье выдал замуж свою дочь Ольгу.

Печатается по подлиннику *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 118, лл. 1—2.

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е. Салтыковым».— *Р. вед.*, 1894, № 330, 29 ноября, с. 3—4 (фрагмент о состоянии здоровья); полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 88—89.

---

[1] Письмо к Лихачеву неизвестно.

[2] Письмо Лихачева неизвестно.

[3] Посещение Соболевского явилось, вероятно, результатом письма Салтыкова к Михайловскому от 15 августа (см. письмо 1065), содержание которого могло быть сообщено Соболевскому.

1070. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

6 сентября 1884. Петербург

6 сентября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сейчас, читая «Нов<ое> вр<емя>» (от 6 сентября), я случайно усмотрел в ведомости телегр<афным> депешам, не доставленным по назначению вследствие неполноты адреса (в самом конце № после биржи, перед театрами), что прислана из Иркутска (от 4 сентября) депеша Белоголовому. Полагаю, что это Вам, и спешу известить Вас. Думаю, что ежели Вы интересуетесь, то Вам следует обратиться с письмом или с депешей на главную телеграфную станцию, чтобы Вам ее переслали в Висбаден, или же поручить это кому-нибудь. Но последнее, кажется, сопряжено с представлением доверенности. Уплата за пересылку депеши в Висбаден может быть произведена там.

Я ужасно болен. Просто как никогда. В спине — ревматические боли, насилу хожу, и затем такая одышка, что каждочасно при откашливании думаю: вот-вот умру. Соколова, к несчастью, нет. Головин же хотя и отличный врач, но лекарства ему не повинуются. Вератрин должен колоть — не колет; хлороформ — не обжигает. Дигиталис — не успокаивает. Сегодня отыскал рецепт Соколова, настой дигиталиса, прописанный именно в таком же случае, когда я думал, что вот-вот сейчас все во мне лопнет, и две ложки уже принял. Получше как будто. Но спина — черт знает, что делается со спиною. Ноги тоже постоянно ноют, и, вставши утром, долгое время не могу на правую ногу ступить. Нет ли у меня в спине раков,

как у Тургенева? А мне еще о писаньи говорят. Где уж тут писать, когда всякий суставчик болит! Я и сам все думаю: вот завтра засяду, а завтра придет — с утра до вечера везде ломит и целые озера мокроты, по капельке извергаемые с неслыханными усилиями. Должно быть, кончается. Жалко детей, так жалко, что и сказать нельзя. Ведь и Елиз<авета> Аполл<оновна> не весьма здорова, да кстати и неосторожна. Вот будет ужас, ежели попадут птенцы в передел к родственникам. А на друзей плохая надежда, да и права они, кажется, не имеют, ежели есть налицо близкие родственники. Я бы вот Боткину поручил (стадо у него большое, так уже заодно), да ведь, в сущности, и переговорить с ним порядком нельзя. Надо в Финляндию ехать, а я и на Галерную не могу[1]. Какая ужасная старость! Как хотите, а есть в моей судьбе что-то трагическое. Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой привет многоуважаемой Софье Петровне и Лихачевым.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 44.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т. XX, с. 89—90.

---

[1] Боткин в это время жил на даче в Финляндии. На Галерной же улице помещалась редакция «Вестника Европы» и жил Стасюлевич (дом № 20).

1071. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

20 сентября 1884 Петербург

20 сентября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Два месяца тому назад Вы обещали мне, *вслед за сим,* прислать мне инструкцию, как поступить с Вашим капиталом, хранящимся у меня[1]. С тех пор я ожидаю Вашего письма, но тщетно. Между тем я положительно болен и до такой степени, что с утра до ночи мучусь, не имея возможности ни работать, ни даже думать. Ваши деньги положительно сводят меня с ума, и я усерднейше прошу Вас развязать меня с ними. Чего доброго, меня обвинят в присвоении, а я не желал бы, чтоб на моей памяти лежал позор Я совсем не понимаю, что заставляет Вас медлить решением по этому делу Признаюсь откровенно, я несколько раз порывался продать облигации, и послать Вам переводные векселя. Но во-первых, я не желал бы сделать Вам неугодное, а во-вторых, Вы как-то не-

твердо указываете на квартиру. Теперь, когда все Ваши собрались около Вас в Париже, Вы, вероятно, окончательно основались. Поэтому, прошу Вас уведомить меня теперь же, как мне поступить[2]. Убеждаю Вас сделать это, потому что я без шуток собрался умирать.

Сегодня был у меня Михайловский, которому разрешено на 6 дней приехать в Петербург. Он нигде не пристроился, да вряд ли и кому-нибудь из лиц, близких «Отеч<ественным> зап<искам>», придется устроиться. Особенно жаль Скабичевского, который решительно сидит без дела. Кривенку Михайловский сегодня видел; он все еще сидит арестованный, равно как и Шелгунов. Но Протопопова и Эртеля — выпустили. С «Делом» поступили так же, как и с «Отеч<ественными> зап<исками>», то есть совсем уничтожили журнал, не утверждая редактора. Даже продать его теперь нельзя[3].

Я буквально ничего не делаю, даже ничего не читаю — до такой степени я весь измучен болезнями. Второй месяц у меня поясница болит и третью неделю — зубы Соколов женился и проводит медовый месяц в Крыму, Боткин — приехать не догадался, а Головин, который лечил меня на Сиверской станции, не весьма удачно действует. В эту самую минуту я чувствую признаки лихорадки, а при болезни сердца это аккомпанимент весьма плохой. Я уж и для уплаты за квартиру деньги приготовил и даже почтовых марок целый запас сделал, чтобы на первых порах не затруднить. А потом пусть уж распоряжаются сами.

Прощайте, извините, что безалаберно пишу: весь в жару и голова в потемках.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Ради бога, ответьте скорее.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ,* ф 576, карт. 2, № 25, л 48
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941,* т. XX, с 90—91.

---

[1] В письме из Парижа от 30 июля 1884 года Елисеев высказал желание превратить деньги, находящиеся у Салтыкова, «в консолидированные облигации железных дорог», которые в Париже продаются дороже, чем в Петербурге. Окончательное же решение он обещал сообщить Салтыкову в следующем письме после ознакомления с сообщениями русских и французских газет (см *Письма Елисеева,* с 152).

[2] В августе — сентябре Елисеев был болен и решение свое относительно денег сообщил Салтыкову лишь 28 сентября, отказавшись от приобретения процентных бумаг ввиду предполагаемого в 1885 году возвращения в Россию (*Письма Елисеева,* с. 153—154)

³ Журнал «Дело» в 1883—1884 годах находился в чрезвычайно тяжелых цензурных условиях, что обусловило частую смену редакторов: К. М. Станюкович, Н. А. Лебедев, В. П. Острогорский, Д. Н. Цертелев. Однако, в отличие от *Отеч. записок,* издание не было прекращено, но с переходом под редакцию И. С Дурново оно потеряло общественное значение, превратилось в откровенно реакционный орган и, растеряв подписчиков, в 1886 году прекратило свое существование.

1072. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

27 сентября 1884. Петербург

27 сентября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю Вам небольшую статейку [1]. Извините, что замедлил: все время так был болен, что только это и успел написать.

Печатать или не печатать — совершенно оставляю на Вашу волю. Может быть, для Вас покажется несколько неудобным — не стесняйтесь, только не утеряйте и возвратите. Места, обведенные карандашом, можно и не печатать совсем. Я хотел сначала заномеровать письмо 1, но потом подумал, что так без № надежнее. Но я буду продолжать, ежели настоящее письмо будет напечатано [2]. Не пугайтесь, не часто.

Плата, как я уже Вам сообщал, 250 р. за лист «Отеч<ественных> зап<исок>» по расчету.

Кроме физических болей, я и нравственно нахожусь в угнетенном положении. Киевская история обнаружила, что я состою предметом начальственной диффамации и что в имени моем заключается нечто инфекционное [3]. А тут еще анекдот кстати подоспел: в Твери есть какой-то музей, и там стоял мой бюст, яко тверского уроженца. Теперь этот бюст оттуда вынесли [4].

Во всяком случае, не весело мне живется. Таков результат почти сорокалетней деятельности.

Известите меня о Вашем решении по поводу прилагаемой статейки, и затем, помогай Вам бог!

М. Салтыков.

Благодарю за присылку газеты. Напрасно Вы напечатали, что у меня что-то готово для «Русской мысли» [5]. Ничего у меня готового нет, и, мне кажется, я Вам даже лично говорил, что начал кое-что и бросил.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 1.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн *Русские ведомости*, с. 188 (без обращения, с пропусками и изменениями отдельных слов); полностью *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 95

Первое письмо к Соболевскому, положившее начало близким отношениям и оживленной переписке, продолжавшейся до последних дней жизни писателя.

---

[1] Первый очерк из цикла «Пестрые письма».

[2] Присланный первый очерк из цикла «Пестрые письма» не был напечатан в «Русских ведомостях». Салтыков опубликовал его в «Вестнике Европы» (1884, № 11). Это было его первое выступление на страницах журнала Стасюлевича.

[3] Беспорядки в университете св. Владимира в Киеве, закончившиеся демонстрацией и разгромом квартиры ректора, произошли в связи с празднованием 50-летия со дня основания университета и были вызваны ущемлением прав студентов при организации этого торжества. Выступления студентов вскоре приняли политический характер В распространявшихся прокламациях говорилось о гонениях и преследованиях всего передового, о закрытии «лучших журналов и библиотек», среди которых в первую очередь имелись в виду, конечно, «Отеч. записки» Для усмирения студенческих волнений были вызваны казаки, а университет закрыт и все студенты уволены («Правительственный вестник», 1884, № 215, 29 сентября, с. 1—2).

[4] См прим 2 к письму 1074.

[5] В сентябрьских номерах газеты «Русские ведомости» сообщение о предполагаемой публикации произведений Салтыкова в «Русской мысли» напечатано не было.

1073. В. П. ГАЕВСКОМУ

Июль — сентябрь 1884. Сиверская — Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Возвращаю письма Тургенева. Кое-что я в них замарал, но мало[1].

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф 171, № 248, л. 49.

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 164

Письмо написано после 2 июля, когда Салтыков запросил Гаевского об «истории» с его письмами к Тургеневу, но до начала октября, когда началось печатание «Первого собрания писем И. С. Тургенева», вышедшего в свет 9 ноября (см. письмо 1093).

---

[1] Восстановить зачеркнутые места невозможно, так как автографы писем не сохранились, а их копии (*ИРЛИ*, ф. 293, оп. 1, № 1758) идентичны опубликованному тексту.

1074. К. А. БУХУ

5 октября 1884. Петербург

5 октября.

Многоуважаемый Константин Андреевич.

Сдается мне, что Вам известен председатель Тверской Казенной Палаты А. К. Жизневский, года два или три тому назад оставивший заблуждения католицизма и познавший свет истинной веры [1].

Недавно он совершил след<ующий> подвиг:

С 1880 г. в Тверском музее (в котором г. Жизневский состоит распорядителем) был поставлен мой бюст как тверского уроженца. Стоял он таким образом беспрепятственно до закрытия «Отеч<ественных> зап<исок>», после чего г. Жизневский приказал его вынести. Вероятно, он думает на мой счет устроить свою карьеру [2].

Замечательно, что г. Жизневский в прежнее время неоднократно заявлял мне о своем сочувствии и даже спешил приобретать мои сочинения, опасаясь, что они будут запрещены.

Простите, что беспокою Вас этим письмом, но думаю, что сообщаемые сведения будут не безынтересны.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 43, карт. 8, № 24. Письмо вложено в конверт с надписью. «Любопытное письмо, полученное мною в октябре 1884 года от Михаила Евграфовича Салтыкова (Щедрина). К. Бух».

Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 96, одновременио в «Записках Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина», вып. 1. М., 1937, с. 11.

---

[1] Намек на былые умеренно-либеральные увлечения Жизневского, от которых он в 80-е годы полностью отрекся и примкнул к правительственной реакции (см. также письмо 1135).

[2] Бюст, представляющий собою гипсовый слепок со скульптурного портрета работы П. П. Забелло, был пожертвован музею известным тверским земским деятелем М. И. Петрункевичем. Удаление бюста Салтыкова из музейной экспозиции связано с закрытием *Отеч. записок* и отношением реакционных кругов русского общества, видевших в нем опасного противника самодержавного строя. См. *Салтыков в воспоминаниях,* с. 626—627, 828.

1075. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

5 октября 1884 Петербург

5 октября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Очень сожалею, что рукопись моя не застала Вас в Москве, и еще больше — что она была без Вас вскрыта[1]. Из сегодняшнего № «Р<усских> вед<омостей>» вижу, что в Москве происходила какая-то история, о которой, впрочем, еще вчера ходили в П<етер>бурге смутные слухи[2]. Это заставляет меня думать, что для моей деятельности литературной время еще не наступило и что как ни малозначительна сама по себе моя статья, едва ли она может появиться в настоящий момент. Поэтому будьте так любезны возвратить ее мне. Вероятно, Вы и сами, прочитавши статью, будете одного мнения со мною. Я же тем больше об этом жалею, что у меня в проекте было продолжение «писем»[3].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по автографу *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л. 3.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 189 (без обращения, первой фразы и подписи); полностью: *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 96.

---

[1] Рукопись первого «Пестрого письма» отправлена Соболевскому 27 сентября (см. письмо 1072).

[2] 2 октября в Москве на Страстном бульваре напротив дома университетской типографии состоялась студенческая демонстрация. Толпа студентов была «окружена городовыми, жандармами и казаками и препровождена без всякого сопротивления в Московскую центральную пересыльную тюрьму. Всего арестовано 110 человек» (*Р. вед*, 1884, № 275, 4 октября, с. 3).

[3] Первое «Пестрое письмо» было возвращено Салтыкову (см. прим. 2 к письму 1072).

1076. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

10 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Сегодня совсем неожиданно пришел ко мне Гаспер и принес 410 р.— новые плоды ликвидации. Я разделил их на 3 равных части, по 136 р. 50 к. (Краевскому, мне и Вам); поэтому поручите Людмиле Николаевне, когда она будет в Петербур-

ге, или кому-нибудь из бывающих в Любани, взять у Гаспера Вашу часть. Он все еще живет в доме Краевского управляющим.

Недели две с половиной тому назад я послал в «Рус<ские> вед<омости>» фельетон, но так как московские редакторы имеют обыкновение ездить к родственникам на именины в разные губернии, то статья моя не застала Соболевского в Москве[1]. Затем, когда случилась в Москве история перед домом Каткова, то я написал Соболевскому, чтоб статью не печатать, а возвратить мне[2]. В воскресенье вечером получил телеграмму: «возвратился из Одессы, письмо почтой»[3]. Но вот уж среда вечер, а никакого письма нет. Вероятно, на телеграмму энергии хватило, а о письме забылось, или рука не пишет. Очевидно, с Москвой связываться нет резона. И далеко и очень уж спустя рукава. Вы представьте себе хоть это: устроил я замену «Отеч<ественных> зап<исок>» «Русскою мыслью» — уж, конечно, ради Юрьева[4]. А выплыл какой-то Бахметев. Купец Лавров, который на Кавказ уехал, чтоб от «Рус<ской> мысли» отвязаться, воротился с Кавказа, чтоб снова взять в руки бразды правления. А об Юрьеве — ни слуху ни духу.

Впрочем, я так болен, что и пользы в моем сотрудничестве нет. Даже в настоящую минуту задыхаюсь.

До свидания; искренно Вам преданный

М. Салтыков.

10 октября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 45—46.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 277—278.

---

[1] См письмо 1075.

[2] См. письмо 1075 Отказ от публикации связан с событиями 2 октября в Москве. См письмо 1075 и прим. 2 к нему.

[3] Телеграмма получена Салтыковым 7 октября.

[4] Речь идет о передаче «Русской мысли» подписчиков запрещенных «Отеч записок».

1077. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

14 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Напрасно Вы так обеспокоились по поводу моей статейки. Я сам первый признал печатание ее неудобным в настоящий

момент, и особенно в газете, издающейся в Москве, в которой все цензурное ведомство находится под пятой у Каткова[1]. Последний, без сомнения, не замедлил бы указать, и газете Вашей, наверное, грозила бы неприятность. Поэтому я ни мало не претендую, и не отказываюсь прислать Вам что-нибудь другое, хотя не могу заранее сказать, скоро ли выполню свое обещание. Я как-то необыкновенно болен и в то же время нравственно угнетен. Положительно даже перо в руки брать не хочется. Об одном прошу: прикажите статейку мою разобрать, ибо я крайне опасаюсь, как бы она не появилась литографированною, подобно «сказкам» и проч. Эти проделки уже служили поводом для запросов, которые были весьма для меня неприятны[2].

Статейку я, между тем, отдал Стасюлевичу для ноябрьской книжки. Но уверен, что она будет вырезана. По крайней мере, Стас<юлевич> как-то чересчур уж весело говорит: а ежели нельзя, то мы вырежем[3].

Вообще, если б не некоторые финансовые соображения, порождаемые нерасчетливостью и приобретенною, в течение 15 лет, привычкой жить широко, следовало бы совсем бросить писать. Этого требовало бы чувство собственного достоинства. Нелестно отдавать свое имя на поругание Катковым, с одной стороны, и Боборыкиным — с другой. Может быть, впрочем, так и случится. Во всяком случае, конец моей карьеры не из веселых, и, как признак времени, настолько характерен, что, быть может, историк не оставит его без внимания.

А между прочим, у меня и другое дело на носу. Я издаю книжку разных мелких статей, и в пятницу она отправлена была в цензуру[4]. В субботу уже приходил в типографию инспектор узнать, разобран ли *весь* набор. Если б хотя один лист был *не* разобран — тогда всю книгу подвергли бы цензуре, но оказалось, что типография Стасюлевича настолько искушена, что отправила книжку в цензуру не прежде, как разобрав *весь* набор. Теперь я жду ареста — вот и еще 600 р. убытка.

Не худо бы Вам поразнообразить фельетон, а то переводы с французского как-то совестно читать[5]. «Вспышка гнева» — нечто ужасное (*)[6]. Взяли бы Скабичевского для литературных обозрений — право, человек с голоду погибает, а между тем он не дурно дело делает[7].

Напечатанное в «Р<усских> в<едомостях>» известие о чем-то мною приготовляемом для «Рус<ской> мысли» было несколько досадно для меня[8]. Я охотно готов бы был

оказать всякое содействие С. А. Юрьеву, но положительно вижу, что он там ни при чем. А о г.г. Лаврове и Бахметеве я ничего не знаю.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

14 октября

(*) Я многим давал читать и сегодня очень обрадовались все, что «она» пришла в суд.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, лл 5—6.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн: *Русские ведомости,* с. 189—190, 199 (в отрывках); полностью: *Неизданные письма,* с. 170—172.

---

[1] См письмо 1075 и прим. 3 к нему.

[2] Литографированные и гектографированные издания запрещенных цензурой сказок и третьего «Письма к тетеньке» воспроизводились, как правило, по гранкам «Отеч. записок», из которых произведения изымались в процессе набора номера. В 1883—1886 годах было осуществлено несколько таких изданий, инициатором большинства из них был нелегальный Общестуденческий союз (см. «Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века». М., 1971, с. 565—574) Именно в связи с этими изданиями, в одном из которых было напечатано воззвание «К русскому обществу», начальник Московского губернского жандармского управления генерал-майор Н. Середа 20 мая 1884 года запросил директора департамента полиции В. К. Плеве о возможности применения полицейских мер к Салтыкову: «допросить ли его только, как свидетеля, или же прямо произвести обыск и действовать затем согласно его результатам» (*Неизданные письма,* с. 419). Плеве распорядился не привлекать Салтыкова «ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля» (там же, с 418) Однако запрос Середы, видимо, стал известен писателю, который и счел необходимым известить о нем Соболевского.

[3] Опасения Салтыкова не оправдались. «Русские ведомости» 2 ноября сообщили: «Петербург. 1 ноября В вышедшей сегодня книжке «Вестника Европы» помещен фельетон Щедрина».

[4] Речь идет о «Пошехонских рассказах». Первое издание этой книги (изд. Н. П Карбасникова, типография Стасюлевича) появилось между 16 и 23 ноября.

[5] «Русские ведомости» часто обращались к переводам французской прозы. Крупнейшими из французских авторов, чьи произведения печатались в 1884 году в газете, являются Мопассан и К. Мендес.

[6] Новелла Гастона Бержере «Вспышка гнева» печаталась в «Русских ведомостях» 10, 11 и 13 октября.

[7] Соболевский прислушался к совету Салтыкова и привлек Скабичевского к участию в «Русских ведомостях». В 1884—1886 годах он вел там регулярные обзоры литературы под рубрикой «Новые книги», напечатав

за это время свыше двадцати фельетонов. После марта 1886 года участие Скабичевского в «Русских ведомостях» стало эпизодическим (см *Русские ведомости*, с 159—160).

⁸ Упоминаемая информация в «Русских ведомостях» не появлялась.

1078. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем (в корректуре) статейку, которую «Рус<ские> ведомости» возвратили мне [1]. Я изрядно ее почистил, как Вы увидите, а в некоторых местах даже и оскопил [2]. Не пожелаете ли Вы напечатать ее в ноябрьской книжке. Я знаю, что книжка уже скомпонована, но пол-листа (или даже меньше) не произведут пертурбации. Тем не менее, если б самая статья Вам показалась заразительною или ответственною, то без церемонии возвратите. Я хотел целый ряд таких писем написать, независимо от большой работы. Во всяком случае, пожалуйста, уведомьте меня о Вашем решении, когда прочтете. Гонорар я просил бы тот самый, какой получал в «Отеч<ественных> зап<исках>», т. е. 250 р. за лист.

Будьте так добры распорядиться в типографии, чтобы, в случае ареста книги моей, мне дали знать [3].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

14 октября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 35. Впервые опубликовано· *Стасюлевич*, т. V, с. 13.

---

[1] Первый очерк из цикла «Пестрые письма».

[2] Выяснить соотношение первоначального текста и текста корректурных гранок «Русских ведомостей» сейчас невозможно, так как рукопись и корректуры не сохранились Однако при подготовке отдельного издания Салтыков сделал свыше десяти исправлений и дополнений, пытаясь ликвидировать последствия вмешательства в текст очерка, произведенного из цензурных соображений. Вероятно, и в отдельном издании писателю не удалось восстановить всего, что было исключено из первоначального текста, о чем свидетельствуют ряды точек, проходящие через все издания «Пестрых писем» (см т. 16, кн. 1, с 485—491).

[3] Речь идет о «Недоконченных беседах», вышедших в свет 19 или 20 октября См. письмо 1080.

1079. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 октября 1884 Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Возвращаю при сем корректуру; извините, что несколько помарал[1]. Статью я все-таки желал бы видеть подписанною моим обычным псевдонимом[2].

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

18 октября.

Будьте так добры распорядиться, чтобы, по истечении срока, книгу выдали Карбасникову, а равно и счет издержкам по печатанию[3].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 37.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с. 14.

---

[1] См прим. 2 к письму 1078.

[2] При публикации в «Вестнике Европы» очерк «Пестрые письма» подписан псевдонимом Н. Щедрин.

[3] «Недоконченные беседы», печатавшиеся в типографии Стасюлевича.

1080. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Сейчас у меня был редактор «Р<усских> вед<омостей>» Михаил Семенович Соболевский[1], приехавший сюда по цензурным делам, и сообщил, что Феокт<истов> сегодня с докладом у министра, вместо обычной субботы. Быть может, сегодня решится и участь «Недоконченных бесед»[2].

Соболевский желал бы побывать у Вас, и я ему сказал, что самое лучшее застать Вас утром в субботу. Не наврал ли я? — сообщите, пожалуйста, и назначьте удобный для Вас час, ибо вечером в субботу он возвращается в Москву.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

18 октября.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 39.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 13

[1] Соболевского звали Василием Михайловичем.
[2] См прим. 3 к письму 1078.

1081. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Признаюсь Вам откровенно, у меня у самого было такое намерение относительно декабрьской книжки, но я боюсь обещать наверное[1]. И теперь говорю то же: постараюсь написать такое же письмо (т. е. по размерам) от $1/2$ до $3/4$ л., так чтобы в случае неустойки, это не могло значительно стеснять Вас насчет размеров книги. Доставлю не позднее 12—15 числа, а между тем увижу сам и ранее. Я было уже начал. Два начала сделал и все вижу, что надо ускромниться. Завтра же примусь.

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

21 октября.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, л. 41.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 14.

[1] В декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1884 год напечатано «Пестрое письмо» (без нумерации), впоследствии ставшее вторым очерком в цикле.

1082. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Книжка, наделавшая Вам не мало хлопот, вышла. Считаю долгом просить Вас принять от меня экземпляр при сем прилагаемый, а прочие два передать А. Н. Пыпину и К. К. Арсеньеву[1]. Книга вышла несколько пестрая, ибо соединяет в себе статьи, разновременно напечатанные в течение 8 лет.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

21 октября.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 43.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 14.

[1] Известен лишь экземпляр, подаренный К. К. Арсеньеву. На нем надпись. «Константину Константиновичу Арсеньеву. Автор». Экземпляр хранится в Государственной республиканской библиотеке им. Фирдоуси в городе Душанбе. Описание книги и публикация автографа сделаны А. Мазуниным в статье «Книга с автографом М. Е. Салтыкова-Щедрина» («Маҳорати педагог» («Педагогическое мастерство»), Ленинабад, 1970, № 6, 12 февраля).

1083. В. П. ГАЕВСКОМУ

22 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Ты мне не сказал, предупреждал ли ты Феоктистова, что две сказки уже были напечатаны и вырезаны по распоряжению М<инист>ра вн<утренних> дел? [1]

Мне кажется, это необходимо.

Весь твой

М. Салтыков.

22 октября.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 51.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 172.

[1] Речь идет о сказках «Добродетели и пороки» и «Обманщик-газетчик и легковерный читатель». См. прим. 1 к письму 1068.

1084. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 октября 1884. Петербург

22 октября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Извините, что затрудняю Вас каждодневными письмами. На этот раз дело заключается в том, что в «Daily News» напечатана весьма пошлая корреспонденция на мой счет, которую я при сем прилагаю [1]. Я решился отвечать на нее и проэкт ответа тоже при сем прилагаю. Прочтите, пожалуйста, и посоветуйте [2]. Нет ли у Вас каких связей в здешнем английском репортерском мире — и нельзя ли кому следует показать, как вырезку из «D<aily> N<ews>» так и мой проект. Сверх того, я по-английски ни слова не знаю — не имеете ли Вы кого-нибудь, кто бы мог мое письмо перевести. Ежели нужно уплатить за перевод — я уплачу [3].

Я сегодня утром положительно думал, что умру: совсем дыхания не стало. И так мучительно, что даже лучше бы умереть. Вчера у меня были разом и Боткин и Соколов, но, к удивлению, самые страшные пароксизмы всегда случаются *после* их визита. Хотя и вчера мне было совсем плохо.

Еще раз прошу извинить меня и верить искренней преданности уважающего Вас

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 45.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с 14—15.

---

[1] Сообщение о Салтыкове, сделанное одесским корреспондентом, напечатано в «Daily News» 10/22 октября 1884 года.

[2] См. письмо 1088

[3] Исполняя просьбу Салтыкова, Стасюлевич обратился к П. Миглю, брат которого сотрудничал в «Daily News». Через него и была осуществлена публикация ответа Салтыкова в этой газете.

1085. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

24 октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Сейчас прочитал я в «Р<усских> в<едомостях>» объявление о моих книгах, за что и приношу Вам искреннейшую благодарность[1]. Но ежели Вы были так добры напечатать объявление, то довершите оказанную мне услугу, исправив два упущения. Во-первых, новая книга названа «Недоконченн*ая* бесед*а*», вместо «Недоконченн*ые* бесед*ы*»; во-вторых, пропущена одна книга: «Благонамеренные речи» I т. ц. 2 р. 50 к.[2].

Извините, что слишком назойлив.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

24 октября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л 7.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 172—173.

---

[1] Имеется в виду объявление о выходе в свет «Недоконченных бесед» с информацией об имеющихся в продаже старых изданиях произведений Салтыкова (*Р. вед*, 1884, № 294, 23 октября, с. 1).

[2] Объявление с предложенными Салтыковым исправлениями напечатано в *Р. вед* 27 октября.

1086. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

26 октября 1884. Петербург

26 октября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Простите, что давно не писал:[1] право, совсем мне плохо приходится. Не могу самого ничтожнейшего выезда сделать, чтобы бронхи не разыгрались. Вчера целую ночь просидел в кресле без сна и только к 6 часам утра свалило меня. Трудно жить больному человеку, да еще среди всякого рода ненавистей. Доброжелателей-то, конечно, больше, да где они? а ненавистники — гарцуют. Иногда сдается, что как ни жмись, а все-таки плохо кончится.

Да и адреса Вашего подлинного не знаю, хотя и пишу в Ниццу наудачу (туда же послал вновь вышедшую мою книгу)[2]. Лихачевы сказывают, что Вы будто бы в Париже, за болезнью, засели, но так как Вы сами ничего об этом не пишете, то я и полагаю, что это вздор.

Новостей у нас довольно, но все неудобные, и бог знает верные ли. Говорят, будто арестовали какого-то Лопатина и нашли у него кучу указаний. Я, признаюсь, и слушаю-то эти рассказы неохотно. Нынче так много физиономистов развелось, что и выражение лица истолковывается. Но кто же может сказать, что толкование будет правильное.

Я пишу мало, или, лучше сказать, только прицеливаюсь писать. Неимение прямого места, для которого необходимо и полезно работать, отняло всякий кураж. Отдал маленькую-маленькую вещицу Стасюлевичу для ноябрьской книжки, но вряд ли ей суждено появиться. Теперь пишу еще вещицу (тоже маленькую) для декабрьской книжки, и тоже ничего верного сказать не могу[3]. В «Русской мысли» положительно участвовать не могу, потому что это не журнал, а телятный вагон[4], в который собрали со всех сторон телят, и везут неизвестно куда. Да и объясняться с Москвою трудно и цензура там совсем уж необыкновенная.

На днях выйдет переписка Тургенева с разными лицами (а в том числе и со мной), изданная в пользу Литературного фонда. Стасюлевич сказывал, что сегодня она должна быть отправлена в цензуру и пробыть там до 2 ноября. Выйдет ли оттуда невредимою — вот в чем вопрос?[5]

Сверх того, в пользу того же фонда затевается сборник. Там, между прочим, будут 3 главы из романа Льва Толстого «Декабристы» и мои три сказки. По поводу последних, Гаевский ездил к Феоктистову и давал ему их прочесть. Ответ

получен такой, что хотя сказки принадлежат к числу тех произведений, которые возбуждают неудовольствие правительства, но препятствия к печатанию их в «Сборнике» не предвидится. Таким образом, они и появятся. Вот вам две книги, которые, быть может, Вас развлекут[6].

К Лор<ис>-Мел<икову> отправляется на днях одна из дочерей с дядей. Это сообщила мне жена, потому что сам я, по болезни, не мог еще быть у графини. Во всяком случае, старцу будет веселее, и я очень за него рад. Признаюсь Вам, меня удерживает от некоторых визитов не только болезнь, но и боязнь компрометировать. Вот какой я нынче опасный человек Говорят, что сегодня появилась в «П<етер>бургских ведомостях» статья, где меня прямо обвиняют в ненависти к отечеству Вот, что называется попал пальцем в небо[7].

До свидания. Передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне, и не считайтесь письмами.

Пишите, когда вздумается и найдете время, а об остальном не заботьтесь. Ваши письма всегда доставят удовольствие.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 45.

Впервые опубликовано в статье В Розенберга «Долг справедливости и благодарности» в газете *Р вед*, 1914, № 97, 27 апреля, с. 5 (часть седьмого абзаца), полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 102—104.

---

[1] Салтыков не писал Белоголовому с 6 сентября.

[2] Салтыков послал Белоголовому книгу «Недоконченные беседы (Между делом)», которую Белоголовый получил 8 ноября. На следующий день он сообщал Лаврову. «...вчера получил присланный им с надписью недавно вышедший том его рассказов (Между делом)» (*ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, № 33, л 118).

[3] «Пестрые письма».

[4] «Телятным вагоном» журнал «Русская мысль» называл Г. Успенский (см. прим 2 к письму 1060).

[5] «Первое собрание писем И. С. Тургенева» вышло 9 ноября (см. письмо 1093)

[6] Юбилейный сборник Литературного фонда («XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым») вышел в свет между 1 и 8 ноября. В сборнике напечатаны сказки «Карась-идеалист», «Добродетели и пороки», «Обманщик-газетчик и легковерный читатель».

[7] Статья Ergo «Литературные письма. Талант и бездарность», посвященная октябрьской книжке «Русской мысли». Сравнивая Успенского и Салтыкова, автор (Р. И. Гинзбург) обвиняет Салтыкова в том, что он «для успеха, для похвалы, для того, чтобы быть поднятым на щит, не остановится резнуть бритвою по самым артериальным сосудам русской жизни... Вся добродетель г. Салтыкова в этой смелости обнажения он не царапает, а дергает» (*СПб. вед.*, 1884, № 296, 26 октября, с. 1).

1087. Г. И. УСПЕНСКОМУ

31 октября 1884. Петербург

31 октября.

Многоуважаемый Глеб Иванович.

С своей стороны и я давно хотел послать Вам свою книжку, но не знал, куда адресовать. Теперь исполняю свое намерение[1]. Благодарю Вас за память и за подарок и весьма сетую, что Вы никогда не посетите болящего человека.

Ожидаю завтра появления «Вестн<ика> Евр<опы>», чтобы удостовериться, прошла ли там маленькая-маленькая моя статейка. Это будет мой первый дебют на чужих людях[2]. До сих пор мне как-то всегда удавалось работать в своем месте.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Через две недели выйдет еще моя книжка[3].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 313, оп. 3, № 280, л 29.

Впервые опубликовано В. Е. Чешихиным (Ветринским Ч) в статье «М. Е Салтыков и Г. И Успенский».— *ГМ*, 1914, № 5, с. 218—219.

Написано, видимо, в связи с получением от Успенского пятого тома его сочинений, вышедшего в сентябре 1884 года.

---

[1] Салтыков посылает Успенскому вышедшие в октябре 1884 года «Недоконченные беседы».

[2] Первый очерк из цикла «Пестрые письма».

[3] Во второй половине ноября вышла в свет книга Салтыкова «Пошехонские рассказы».

1088. РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «Daily News»

31 октября 1884. Петербург

Милостивый государь.

Мне показали номер Вашей газеты от 10(22) октября, в котором сделаны Вашим одесским корреспондентом некото-

рые неосновательные сообщения, касающиеся меня лично[1]. Очевидно, ваш сотрудник был введен в заблуждение, и я вследствие этого надеюсь, что Вы будете столь любезны и опубликуете следующие фактические сообщения, от которых должно испариться непреднамеренное сочинительство Вашего корреспондента: 1) я никогда не был представителем русской республиканской партии, существование которой мне совершенно неизвестно; 2) в продолжение всей моей литературной карьеры, т. е. уже в течение около сорока лет, я никогда не брал на себя защиты какой бы то ни было особой формы правления, предпочтительно перед другой, и всегда ограничивался исключительно обсуждением вопросов чисто нравственного характера; 3) полиция никогда не производила обыска в моей квартире, а следовательно вовсе не могла даже случиться смешная сцена, описанная Вашим корреспондентом, изображающим меня и мое семейство поющими русский национальный гимн в назидание собравшейся полиции, с целью выиграть время, между тем как документы компрометирующего характера предавались пламени в соседней комнате. Также неосновательно предположение, будто беспорядки среди киевских студентов следует приписать тому обстоятельству, что студентам не позволили пригласить меня на юбилейный праздник[2]. Я надеюсь, что в интересах истины и в видах справедливости лично ко мне, Вы напечатаете это письмо и тем положите конец неосновательным слухам, попавшим через посредство Вашего корреспондента на столбцы Вашей газеты.

Ваш покорный слуга

Щедрин-Салтыков.

Петербург, 31 октября (12 ноября).

Впервые опубликовано на английском языке: «Daily News», 1884, 12 (24) ноября; на русском языке· *НВ*, 1884, 17 (29) ноября, № 3134, с 3. 20 ноября письмо перепечатали *Р. вед.* Печатается по тексту газеты «Новое время». Автограф неизвестен.

---

[1] Л. Ф. Пантелеев, обративший внимание Салтыкова на корреспонденцию в «Daily News», писал, что в ней писатель «выставлялся как глава республиканской партии в России, очень хитро ведущий свои дела; при этом подробно рассказывалась фантастическая сцена обыска у него (легенда об этом обыске разнеслась по всей России, хотя никакого обыска у М. Е. в действительности никогда не было). М Е послал в «Daily News» опровержение, справедливо указывая в нем, что никогда не стоял во главе какой-нибудь политической партии, и всего менее республиканской, о кото-

рой в России никто и никогда не слыхал» (Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., Гослитиздат, 1958, с. 453).

[2] См. прим 3 к письму 1072.

1089. В. П. ГАЕВСКОМУ

Конец октября 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Вот уже неделя, как странствуют мои «Сказки». Ежели они у тебя, будь так добр возвратить их[1].

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 52.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 173.

---

[1] Речь идет о сказках, предназначенных для юбилейного сборника Литературного фонда и до 20 августа переданных Гаевским Феоктистову для получения разрешения на их публикацию (см письмо 1083). Записка представляет собой напоминание о сказках. Она связана с письмом к Гаевскому от 22 октября и написана, видимо, вскоре после него.

1090. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

3 ноября 1884. Петербург

3 ноября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Будьте так любезны, не печатайте телеграмм обо мне. Вот когда я умру, то Вы меня весьма одолжите, известив об этом читателей. А то «написал» да вдобавок еще «фельетон» — что же тут хорошего[1]. Со времени Тряпичкина слову фельетон придается нарочито презрительное значение. Хотя это и не совсем правильно, но частичка правды все-таки есть. Фельетон трактует исключительно о происшествиях дня, а я, ей-богу, совершенно к ним равнодушен. Если б читатели смотрели на меня, как на фельетониста — ей-богу, я перестал бы писать. Это все равно, как ежели бы напечатали, что я написал «насмешку». Извините меня, пожалуйста, но я полагаю, что к телеграммам г. Василевского следует относиться с осмотрительностью. Вот он так фельетонист в полном смысле слова. Он и Суворин (был). Фельетоны его читаются с удовольствием, но никто об них не помнит. Льщу себя надеждою, что я все-таки остаюсь в памяти.

Поздравляю Вас с именнинником (М. Н. Катков). Я ду-

маю, вся Москва ринется 8-го числа на Страстной бульвар для поздравлений и пожеланий. И он будет ломаться и изрекать афоризмы. И Ланин потихоньку с заднего крыльца сходит, но его не примут. Возьмут кулек с русским шампанским, а его самого с лестницы спустят. Думаю, что Лавров не пойдет поздравлять.

Добыли ли Вы из редакции «Р<усской> мысли» рукописи, о которых я Вам говорил? Я говорил Вам, что писал к Юрьеву, но в ответ — ни гугу[2]. Может быть, ему даже письма моего не отдали. Это какая-то волшебная редакция. Так как дело идет о голодном человеке, Фирсове, то не будете ли Вы так любезны попросить Юрьева от моего имени ответить на мое письмо. Ежели роман Фирсова для них не годится, то пускай пришлют его мне (я просил об этом); я его проредактирую и пристрою куда-нибудь[3].

Вновь прошу извинить за беспокойство.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, лл. 9—10. Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с 190 (первые два абзаца с искажениями и пропуском фамилии Василевского); полностью. *Неизданные письма*, с. 174—175.

---

[1] Речь идет о телеграмме из Петербурга: «В вышедшей сегодня книжке «Вестника Европы» помещен фельетон Щедрина» (*Р. вед*, 1884, № 304, 2 ноября, с 2).

[2] Письмо неизвестно.

[3] Фирсов (Рускин) в «Русской мысли» не печатался. Вероятно, имеется в виду его роман «Куда ни кинь, все клин» (см. прим. 2 к письму 1028).

1091. В. П. ГАЕВСКОМУ

3—4 ноября 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Одно могу сказать: перечитав письма ко мне Тургенева, никогда себе не прощу, что отдал их печатать, а еще более, что не держал их корректуры. Там все: и ужин у наследника, и сравнение меня с бельвильцами, и переписка Н<иколая Павловича> с П<оль> д<е> Коком, и объяснения по поводу «Отцов и детей»[1]. Для Каткова это будет богатая пища, а для меня — источник больших неприятностей.

Я слышал, что книжка должна была вчера выйти, т. е. цензурный срок кончиться. Удивляюсь, что ты не знаешь этого.

М. Салтыков.

Печатается по подлииннику: *ГПБ*, ф 171, № 248, л. 55.

Впервые опубликоваио *Неизданные письма*, с. 179.

Датируется по упоминанию о цензурном сроке для «Первого собрания пнсем И. С. Тургенева», который истек 2 ноября (см. письмо 1093).

---

[1] В «Первом собрании писем И. С. Тургенева» напечатано 21 письмо к Салтыкову. Сравнение с белльвильцами — в письме от 14 февраля 1876 года (с. 282), упоминание о переписке Николая Павловича с Поль де Коком — в письме от 19 января 1876 года (с. 280), рассуждение об «Отцах и детях» — в письме от 3 января 1876 года (с. 278—279).

1092. В. П. ГАЕВСКОМУ

7 ноября 1884. Петербург

Извинись перед Верещагиным за меня и сам меня извини. Решительно не в состоянии слушать.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 53.

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 175.

Письмо представляет собою ответ на приглашение посетить устроенный Литературным фондом 7 ноября 1884 года литературный вечер с участием беллетриста А. В. Верещагина.

1093. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

10 ноября 1884. Петербург

10 ноября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Хотя Вы не упоминаете о получении моего письма, но думаю, что в настоящее время оно уже Вами получено [1]. Благодарю Вас за поздравление меня с ангелом [2], но ныне я уже ангелам не праздную и потому, вместо вчерашнего дня, позвал к себе Лихачевых, Унковских и Соколовых (Н. И с женою) обедать — сегодня. Это все едино, ведь и по субботам есть можно.

Жемчужникова, о смерти которого Вы меня извещаете, я совсем не знал [3]. Я вообще не симпатизирую Жемчужнико-

вым — всей породе. Они как-то окаменели на Кузьме Пруткове, которого, в сущности, теперь и читать нельзя На днях был у меня Алексей Жемчужников (старший из братьев), а так как в это же самое время пришел и Н. И. Соколов, с намерением меня выстукать, то Жемчужников, по-видимому, обиделся и ушел. Но все время у него на лице мелькало что-то острое. Согласитесь, что ужасно тяжело видеть шестидесятипятилетнего старика, который вместо до сви*дания*, говорит: до сви*швеция*. Это уж порода такая, которая ничего не забывает и ничему не научается. Я никогда не мог равнодушно видеть, как Горбунов (тоже за 60 перевалило) передразнивает квартальных и проч. Все мне казалось: ведь у него есть дети,— что они могут подумать об отце, который дряхлым и пьяным голосом, одной ногой в могиле, продолжает коленца откалывать.

Вчера вышла здесь переписка Тургенева (цена 2 р. 50 к.), которая, наверное, наделает шуму. «Новое время» уже начинает полегоньку подругивать, а со временем, конечно, и в азарт войдет[4]. Завтра выйдет «Литературный сборник», в котором, между прочим, три главы из романа Толстого и три сказки — мои. Две из них Вы, вероятно, читали; третья — новая, и, по-моему, лучшая[5]. Непременно выпишите обе книги,— это Вас развлечет; если хотите, поручите мне.

О житье нашем могу сказать одно: тяжело. Я собственно до такой степени ослаб, что ни за что приняться не могу. И тем не менее, должен писать, потому что образ жизни переменить трудно, а средства уже не те, что прежде. Да и писать в *своем месте* ходчее было. Вот я в ноябрьской книжке «В<естника> Е<вропы>» крошечку написал, а стоило мне это громадного труда. Для декабрьской книжки тоже чуть-чуть побольше написал, а вышло даже несуразно[6]. Самое лучшее и пристойное было бы совсем не писать, да, видно, так уж до гробовой доски и останусь литературным колодником. Вот прочтете письма Тургенева,— увидите, ка́к литературные бара̀ живут. Таков же и Толстой. Говорит о вселюбви, а у самого 30 т. р. доходу. Живет для показу в каморке и шьет себе сапоги, а в передней — лакей в белом галстуке. Это не я, дескать, а жена. А Михайловскому, Скабичевскому и иным есть нечего. Особливо последнему Обиднее всего то, что ни Некрасов, ни Тургенев ни обола Литературному фонду не оставили, а от Толстого и ждать нечего.

Жаль Надсона: юноша талантливый и хороший, а должен умереть. Где тут справедливость? И если б не Давыдова (жена виолончелиста), которая достала для него где-то денег, то он и на юг не попал бы, а так и изныл бы где-нибудь на Песках.

Печальная участь литературных тружеников. Как ни легкомыслен Плещеев, а все-таки подумать страшно, что человек за 60 лет вынужден быть литературным поденщиком. А Владимир Жемчужников на розы все состояние ухлопывает! Где же тут равномерность?

До свидания. Передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Крепко жму Вашу руку.

М. Салтыков.

От Елисеевых получил 8 ноября телеграмму за подписью Nadejdinskaia [7].

Печатается по автографу: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 46.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 107—108.

---

[1] Письмо Салтыкова отправлено 26 октября в Ниццу.

[2] Поздравительное письмо неизвестно. Именины Салтыкова 8 ноября.

[3] В. М. Жемчужников умер в Ментоне 6 (18) ноября 1884 года (см. *НВ*, 1884, № 3125, 8 ноября, с. 3, 6; № 3126, 9 ноября, с. 3).

[4] Салтыков имеет в виду рецензию Незнакомца (А. С Суворина) в разделе «Маленькая хроника» (*НВ*, 1884, № 3125, 8 ноября, с. 3) с упреком в адрес Тургенева, что он не оставил «в литературном мире ни одной живой души, о которой он не сказал бы чего дурного».

[5] Новая сказка — «Карась-идеалист» (см. прим. 6 к письму 1086).

[6] Имеются в виду первый и второй очерки из цикла «Пестрые письма».

[7] Телеграмма неизвестна.

1094. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

10 ноября 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Извините, что затрудняю Вас. Я несколько исправил свою статью, т. е. более выпустил и очень мало прибавил, как Вы это увидите из прилагаемой корректуры. По моему мнению, необходимо устранить некоторые длинноты. Ежели к печатанию ее еще не приступлено, то нельзя ли исправить по новой моей корректуре. Если же приступлено уже, то делать нечего [1]. Alea jacta est [2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

10 ноября.

Не можете ли уведомить с сим же посыльным, исполнима ли моя просьба.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, **№ 58, л. 47.**
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 15.

---

[1] Установить объем и содержание изменений, внесенных в корректурные гранки второго «Пестрого письма», не представляется возможным, так как рукопись и корректуры не сохранились.

[2] Жребий брошен *(лат.)* Слова, приписываемые Юлию Цезарю, принявшему в 49 году решение открыто выступить против римского сената.

1095. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

11 ноября 1884. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Само собою разумеется, что фельетон г. Введенского ничего, кроме удовольствия, доставить мне не мог[1]. Но, право, Вы напрасно меня считаете таким назойливым и чувствительным к похвале или порицанию; если я писал к Вам относительно телеграмм г. Василевского, то потому только, что, по мнению моему, телеграф существует совсем для других потребностей[2].

Юрьев на мое письмо к нему, писанное по просьбе Фирсова, не отвечал ни слова. Я начинаю думать, что мои письма ему не отдают, а адреса его квартиры я не знаю[3].

Корректуру я получил в воскресенье в 6 часов вечера. Отсылаю в понедельник[4].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

11 ноября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, **№ 57, л. 11.**
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 175—176.

---

[1] Салтыков имеет в виду статью А. Введенского «Литературные беседы» (*Р вед.*, 1884, № 316, 14 ноября, с. 1—2, псевд. Аристархов), в которой содержался положительный отзыв о первом очерке цикла «Пестрые письма».

[2] См прим 1 к письму 1090.

[3] Письма неизвестны.

[4] Видимо, речь идет о корректуре статьи А. Введенского

1096. С. А. ЮРЬЕВУ

11 ноября 1884. Петербург

11 ноября.

Многоуважаемый С<ергей> А<ндреевич>.

Извините, что я вновь обращаюсь с вопросом о судьбе статей Фирсова[1]. Я делаю это не для себя, а чтобы ответить Фирсову, который меня понуждает. Притом же я сам передал его роман в редакцию «Рус<ской> мысли» и, следовательно, принял на себя ответственность за участь его. Прошу тебя на этот раз не оставить меня без ответа, потому что в другой раз даю тебе слово никакими рекомендациями не отягощать редакцию «Р<усской> мысли».

Искренне тебе преданный *М. С.*

Отчего во вновь открытом библиографическом отделе не говорится, что в 1884 г. вышло 4 №№ журнала, называвшегося «Отеч<ественные> записки»? Это многих интригует[2].

Впервые опубликовано «В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного». М, 1891, с. 290 (в публикации Алексея Веселовского «Отрывки из старой переписки»).

Автограф неизвестен, печатается по тексту первой публикации.

[1] Письмо по поводу Фирсова неизвестно.

[2] Библиографический отдел открыт в «Русской мысли» с октябрьского номера. В указателе «Содержание книг, главнейших русских и иностранных журналов, вышедших в текущем году» (с. 67—73) «Отеч записки» отсутствуют, не упоминаются онн и в «Обзоре журналов», открывающем отдел. В библиографических отделах ноябрьского и декабрьского номеров также ничего не говорится об *Отеч. записках.*

1097. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

13 ноября 1884. Петербург

13 ноября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Прежде всего, благодарю Вас за телеграмму, полученную 8 ноября[1]. День этот я провел вполне семейно, так что он ничем не отличался от прочих дней. Да и пора перестать торжествовать; совсем это нынче не к лицу.

Давно я не писал к Вам и признаю себя виноватым; но я нахожусь в такой апатии, что трудно и описать[2]. Не могу объяснить, в чем проходит день, но знаю, что он проходит в праздности. Писать пробую, но так как ни один журнал меня не привлекает, то пишется неохотно и медленно. В ноябрь-

ской книжке «Вестн<ика> Европы» есть моя статейка в 1/2 листа — это плод 4-х месяцев; для декабрьской книжки я тоже приготовил статейку приблизительно таких же размеров, но она как-то скомкана и не нравится мне[3]. Кто бы мог предсказать, что я буду участвовать в «Вестн<ике> Евр<опы>», а между тем это совершившийся факт. Знаю, что чувство собственного достоинства требовало бы замолчать совсем, но, к сожалению, жизнь в материальном смысле сложилась не вполне удовлетворительно. Да и привычка.

На днях, т. е. два дня тому назад, здесь вышел Сборник, изданный Литературным фондом. В нем есть отрывок из романа Толстого Льва и три моих сказки. Две из числа вырезанных из «Отеч<ественных> зап<исок>», третья — новая, но написана была мною еще до катастрофы с «Отеч<ественными> зап<исками>» и предназначалась для майской книжки. По странному случаю она представляет как бы предсказание катастрофы[4]. Стоит сборник 3 р. Еще вышли «Письма Тургенева», не особенно интересные, но при современной литературной бедности все-таки не лишние. Изданы они тоже в пользу Литерат<урного> фонда и стоят 2 р. 50 к.[5].

Ценные Ваши бумаги хранятся у меня. Давно я собираюсь их в Гос<ударственный> банк положить на хранение, но так как боюсь выходить из дому, то со дня на день дело откладывается. 1-го марта будущего года Вам будет причитаться по купонам 275 р. Поэтому ежели Вы желаете дать мне какие-нибудь поручения (например, выписать книги, журналы, газеты), то я с удовольствием выполню насчет этих денег, а после 1-го марта пришлю Вам счет и остающиеся деньги.

Мало кого я вижу, а потому и мало знаю. По газетам вижу, что идет старая разнокалиберщина, без всякой системы. Из старых знакомых вижусь только с Лихачевыми и Унковскими; из бывших сотрудников — очень редко с Скабичевским. Все остальные точно растаяли в воздухе. Одним словом, отчуждение полное.

С удовольствием вижу из газет, что холера в Париже ослабевает. Да, признаться, кажется, она не была там серьезною. Но паники, по-видимому, было достаточно[6]. И мы ожидаем ее к весне и Лихачев с Боткиным приготовляются к ее принятию[7].

До свидания; будьте здоровы и передайте от меня дружеский привет уважаемой Екатерине Павловне. Искренно жму Вашу руку.

М. Салтыков.

И я и жена от души поздравляем Екатерину Павловну с предстоящими именинами, а Вас с дорогою именинницей.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 25, л. 49.
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 110—111.

---

[1] Телеграмма Елисеева неизвестна.
[2] Салтыков не писал Елисееву с 20 сентября (см. письмо 1071).
[3] «Пестрые письма».
[4] См. прим. 5 к письму 1093
[5] И. С. Тургенев. Первое собраиие писем. 1840—1883. СПб., 1884.
[6] С 12 ноября в газетах начали появляться сообщения об ослаблении холеры: «Ввиду значительного ослабления холеры, комитет общественной помощи решил прекратить обнародование бюллетеней» (*Р. вед.*, 1884, № 312, 13 ноября, с 3).
[7] Лихачев — председатель Санитарной комиссии, а Боткин ее член.

1098. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

15 ноября 1884. Петербург

15 ноября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Письмо, которое Вы мне вчера переслали, заключает в себе весьма едкий, хотя и симпатичный упрек по поводу фразы: стыд есть вывороченная наизнанку наглость [1]. Хотя это не более как недоразумение, но так как и другие читатели могут впасть в него, то не будете ли Вы так добры напечатать в конце декабрьской книжки прилагаемую на обороте «Поправку». Это успокоит и моего корреспондента, который, к сожалению, подписался только инициалами. Впрочем, если бы Вы нашли это лишним, то прошу Вас не церемониться и оставить мою просьбу без последствий.

Искренно Вас уважающий
М. Салтыков.

Поправка. В ноябрьской книжке «В<естника> Е<вропы>» в статье «Пестрые письма», стр. 319, стр. 3, фразу: «По моему мнению, стыд есть вывороченная наизнанку наглость» — следует читать так: «Предложите этот вопрос любому прихвостню современности, и он не обинуясь ответит: «по моему мнению стыд» и т. д. [2].

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, лл. 49—50.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 15.

---

[1] Письмо неизвестно
[2] Поправка напечатана — *ВЕ*, 1884, № 12, с. 948.

1099. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

16 ноября 1884. Петербург

16 ноября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не обратите ли Вы внимание на след<ующее> обстоятельство. Сегодня в разосланном при «Наблюдателе» объявлении книжного магазина Вольфа, в числе журналов, на которые принимается в магазине подписка, значится: «Вестник Европы. *Специальный* журнал *историко-политических наук*». Очевидно, это сделано для провинции, которая не любит *скучного* чтения, и потому, не ожидая встретить в «В<естнике> Е<вропы>» ничего, кроме политических и исторических статей, будет подписываться на «Новь» [1]. Это прием совершенно новый, небывалый даже в нашей мошенническо-книгопродавческой практике.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 51.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 16.

---

[1] Журнал «Новь» под редакцией А. М. Вольфа стал выходить с 1 ноября 1884 года. См. также письмо 1059.

1100. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

17 ноября 1884. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Ужасно любопытно мне знать, читает ли Г. И. Успенский Вам свои новейшие произведения, и под Вашим ли наитием компонует их? Или только всуе призывает Ваше имя? Мне кажется, лавры Сюсляева (мужичок такой в Новоторжском уезде есть, который всех московских празднословов с ума свел), а отчасти Толстого, не дают ему спать, и он серьезно задумал сделаться пророком [1]. Но, право, я до сих пор не полагал, что Ваша критическая деятельность может иметь какое-нибудь отношение к Сюсляевскому миросозерцанию (зри «Р<усскую> мысль» за ноябрь) [2].

Заметили ли Вы в октябрьской книжке «Р<усской> м<ысли>» такую проделку. Введен там библиографический отдел довольно ребяческого свойства, и между прочим напечатано содержание всех книжек, всех журналов, вышедших *с на-*

чала года по октябрь. И представьте себе, «Отеч<ественных> зап<исок>» там нет, точно они и не существовали. Вот, что называется, гражданское мужество! [3]

Успенский называет «Р<усскую> мысль» телятным вагоном [4], а я называю органом Сюсляевского миросозерцания. А редакцию имею полное основание называть свиным хлевом, и вот почему. Передал я туда еще в апреле два рассказа Каронина, большую повесть Фирсова и проч. Теперь, Фирсову есть нечего, и он ко мне вопиет, ибо на все его письма редакция «Р<усской> м<ысли>» не дает никакого ответа. Вследствие этого, я два раза писал к Юрьеву, и все-таки остаюсь без ответа. Адреса квартиры Юрьева я не знаю, и потому письма ему адресовал через контору журнала. Вероятно, их ему не передали. Вообще, сколько я слышал, с ним обращаются, как с илотом [5].

Я решился печататься в «Вестнике Европы» и отчасти в «Р<усских> ведом<остях>» — больше идти нѐкуда. Но, конечно, и в том и в другом месте я буду не более как случайный сотрудник.

Скучно мне до зарезу, и совсем не пишется. Надо новую жилу найти, а не то совсем бросить.

До свидания; ежели будете в Питере, не забудьте обо мне.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

17 ноября Лит<ейная> 62

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, лл. 47—48. Впервые опубликовано: *Письма*, с. 278—279.

---

[1] Речь идет о В. К. Сютаеве (ум. 1892), крестьянине Новоторжского уезда Тверской губернии, основавшем секту «сютаевцев», религиозно-нравственная проповедь которой оказала воздействие на Л. Толстого. В ироническом упоминании Сютаева (Сюсляева) в его связи с Л. Толстым отражается отношение Салтыкова к проповеди непротивления злу насилием.

[2] Имеются в виду очерки Г. Успенского из цикла «Скучающая публика» (*РМ*, 1884, №№ 9—12), содержащие ссылки на Л. Толстого, Янжула, Михайловского.

[3] См. прим 2 к письму 1096.

[4] См прим 2 к письму 1060

[5] Имеется в виду положение Юрьева в редакции «Русской мысли», в которой ведущую роль играли Лавров и Бахметьев.

1101. В. П. ГАЕВСКОМУ

19 ноября 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Представь себе, в Москве есть женская лечебница *Заяицкого* (на Полянке в собст. доме) *с постоянными кроватями*[1]. Какое счастливое стечение обстоятельств!

Так как ты не читаешь «Моск<овских> вед<омостей>» (там сегодня я вычитал это объявление) и между тем следишь за этим предметом, то считаю долгом уведомить тебя об этом открытии.

Весь твой

М. Салтыков.

19 ноября.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 54.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 176.

---

[1] Салтыков имеет в виду объявление «Женская лечебница С. Заяицкого с постоянными кроватями и для приходящих больных переведена на Малую Полянку в соб. дом. Прием больных ежедневно, от 2 до 4-х» (*М. вед.*, № 321, 19 ноября, с. 1).

1102. А. Ф. КОНИ

20 ноября 1884. Петербург

Милостивый государь Анатолий Федорович!

Согласно Вашему письму от 19 ноября текущего года[1], мы, как представители бывшей редакции «Отечественных записок», имеем честь при сем препроводить Вам, как душеприкащику г-жи Буткевич, всю собранную в редакции сумму после кончины Н. А. Некрасова на устройство школы в память его имени в Чудове (Новгор<одской> губернии) следующими денежными документами: 1) Госуд<арственный> пятипроцентный билет 4-го выпуска в 500 руб. 2) Облигация восточного займа 1877 года в 100 руб. 3) Двенадцать облигаций третьего восточного займа в 3900 руб. 4) Тринадцать облигаций СПБургского городского кредитного общества на сумму 2100 р. и наличными деньгами 36 р. 15 коп Всего же на сумму ШЕСТЬ ТЫСЯЧ ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ РУБЛЕЙ ПЯТНАДЦАТЬ КОПЕЕК, покорнейше прося Ваше

Превосходительство выдать нам расписку в получении означенных сумм [2].

Примите уверение в совершенном уважении.

М. Салтыков.
А. Краевский.

20 го ноября 1884 г. Его Превосходительству А. Ф. Кони.

Печатается по подлиннику (рукой писаря, подпись — автограф): *ИРЛИ*, ф. 134, оп. 37, л. 57.

Публикуется впервые (указано С. А. Рейсером).

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] В воспоминаниях о Некрасове Кони писал. «...вследствие новых заявлений земства о недостаточности средств я вошел в 1884 году в сношение с А. А. Краевским и М. Е. Салтыковым о передаче новгородскому земству шести тысяч шестисот семидесяти трех рублей, собранных редакцией «Отечественных записок» на устройство школы в память Некрасова в месте его родины» (А Ф. Кони Собр. соч, т. VI. М., «Юридическая литература», 1968, с. 272).

Полученные от Салтыкова и Краевского деньги Кони переслал Новгородской уездной земской управе, которая получила их 24 ноября (*ИРЛИ*, ф. 134, оп. 1, № 37, л. 59).

1103. В. П. ГАЕВСКОМУ

21 ноября 1884. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Людмила Николаевна Кривенко находится в крайнем положении. И лично средства ее истощились и сверх того болезнь дочери требует расходов. Будь так добр предложить комитету о выдаче ей пособия в количестве 200—300 рублей [1].

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

21 ноября.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ, ф. 155, Приложения к журналам Литфонда за 1884 год*, л. 514.

Впервые опубликовано. *Письма*, с. 280—281.

---

[1] Решением Комитета Литературного фонда от 24 ноября 1884 года Л. Н. Кривенко выдано пособие в размере 200 рублей.

1104. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

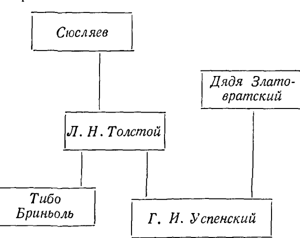
21 ноября 1884. Петербург

21 ноября

Многоуважаемый Николай Константинович.

Не удивляйтесь получению брошюры о влиянии социализма на ухудшение лошадиных пород и уменьшение дождей [1]. Это я просил Карбасникова послать Вам. Во-первых, Вы убедитесь, что вопрос о преувеличениях есть вопрос праздный, ибо нет такого преувеличения, которого бы не превзошла действительность, и во-вторых, чтение этой брошюры поможет Вам уразуметь последнее произведение Г. И. Успенского [2].

Вот проект генеалогии:



Я спрашивал Вас, правда ли, что Вы пишете роман, но Вы мне не ответили ни слова [3]. Возобновляю этот вопрос с таким присовокуплением, не хотите ли поместить его в «Вестн<ике> Европы». Ежели у Вас есть желание, то я могу войти в переговоры со Стасюлевичем. Но присовокупляю при этом, что до сих пор я ни слова об этом никому не говорил и не буду говорить до получения от Вас разрешения. Напишите и об условиях.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, л. 49.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 279—280.

[1] Имеется в виду брошюра реакционного публициста Петра Тибо де Бриньоля «Социализм, как причина ухудшения крестьянской лошади и как косвенная причина уменьшения дождей с половины лета» (Смоленск, 1884).

[2] Очерки Успенского «Скучающая публика» (см. также письмо 1100).

[3] Речь идет, видимо, о романе «Карьера Оладушкина», одна глава которого под заглавием «Сказки Таволгина» напечатана — *Р. вед.*, 1885, № 156, 9 июня.

1105. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

22 ноября 1884 Петербург

22 ноября.

Многоуважаемый Александр Львович.

Давно я собирался писать к Вам, но все как-то робею. Вы такой серьезный, что мои шутливые письма должны казаться Вам странными. А у меня на уме только шутки, так что я даже на такое мероприятие, как закрытие Кавк<азского> транзита, серьезно смотреть не умею. Вам хорошо. Вы, ежели Вам взгрустнется, возьмете X-ый том [1] и начнете его сопоставлять с кассационною практикою. Выйдет книжка под названием: «Свод Гражд<анских> Законов, объясненный А. Л. Боровиковским, или Бабушка надвое сказала» [2]. Я же этого ресурса не имею, хотя и у меня ресурс есть. Но, разумеется, не серьезный, а именно: когда мне грустно, я беру лист бумаги и сочиняю беседы К. П. Победоносцева с Аникой [3]. Беседа 1-ая: что̀ сим достигается? Беседа 2-ая: почему оное место называется причинным? Беседа 3-я: имеют ли бесплотные духи половые органы и какие именно, ежели же совсем не имеют, то чем они <— — —>? Беседа 4-ая: кого следует разуметь под «девкой жидовской из колена Данова» [4], от которой имеет произойти антихрист — первый ли департамент Правит<ельствующего> Сената, или судебное ведомство вообще, а в том числе и Одесскую судебную палату, коей Вы состоите членом? Ежели я в течение дня напишу хоть одно такое собеседование — я доволен и даже меньше кашляю; ежели не успею написать — я грустен и недомогаю. Вот как мало для меня нужно, и вот как я весел, несмотря на то, что, по обстоятельствам, мне не веселиться, а плакать следует.

Нет воскресенья, чтобы мы не вспоминали об Вас у Лихачевых, но я всякий раз, как произношу Ваше имя, — робею. Или лучше сказать, проникаюсь благоговением. Но, когда я услышал на днях, что Пахман в Вас души не чает, то воскликнул: о! этому человеку открыты все горизонты! [5] Говорят даже, что Вас сенатором хотят сделать на место Трощинского [6] — помните, того, который истину царям с улыбкой говорил? [7]

Или, быть может, это был Яков Долгоруков — так на место его. Ежели это осуществится — тогда я буду издали на Вас любоваться и спрашивать у знакомых: что̀ Сенатор? какую он резолюцию надвое положил?

Впрочем, покуда эта мечта сбудется (чего я всем сердцем и даже брюхом желаю), я все-таки не забываю, что Вы член Одесской судебной палаты. Вот и я: мог бы быть редактором «Правительственного вестника» или даже президентом Совета книгопечатания, но за дурное поведение осужден киснуть на Литейной и молить бога за Стасюлевича, который *решается* печатать меня Истинно бог еще не оставляет меня, посылая на помощь добрых людей Вы не можете себе представить, как мне приятно, когда меня спрашивают: так вы *перешли* в «Вестник Европы»? — Разумеется, перешел!

Когда же Вы собираетесь в Петербург?

До свидания, будьте здоровы Не сетуйте на меня за безобразные письма и простите человеку, который до шестидесяти лет успел сохранить во всей свежести свое легкомыслие [8]. Даже Суворину это не удается. Иногда он и хочет быть легкомысленным, а выходит серьезно.

Передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Елизавете Юльевне и поцелуйте детей. Покуда, до сенаторства, это еще для меня возможно и допустительно.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 7, лл 49—50
Впервые опубликовано. *Неизданные письма,* с. 176—179.

---

[1] Речь идет о X томе Свода законов.

[2] Имеется в виду составленный Боровиковским «Устав гражданского судопроизводства», два выпуска которого вышли в 1883—1884 годах. См. прим 2 к письму 1057.

[3] Аника — митрополит московский Иоанникий (Руднев).

[4] Дан — один из двенадцати сыновей Иакова. От него в Египте произошло особое колено, отличавшееся хитростью, коварством, замечательными художественными способностями.

[5] С В. Пахман, сенатор и член комитета для начертания гражданского уложения, был, видимо, знаком с Боровиковским еще по Харькову, где последний учился в университете, а Пахман был там профессором.

[6] Д П. Трощинский — статс секретарь при Екатерине II, сенатор при Павле I, министр при Александре I.

[7] Цитата из стихотворения Державина «Памятник».

[8] Салтыкову в это время шел 59-й год.

1106. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

2 декабря 1884. Петербург

2 декабря.

Многоуважаемый Александр Львович.

Искренно поздравляю Вас и добрейшую Елизавету Юльевну с рождением сына (чуть-чуть было не написал: а Нам — внука, как в манифестах), тезоименитого государю наследнику цесаревичу. Судя по тому, что он был задуман одновременно с систематическим сводом кассационных решений, должно полагать, что из него выйдет со временем законодатель. Ввиду этого необходимо всячески убеждать его, что вредных и сомнительных законов издавать не следует, хотя бы, по обстоятельствам, это и казалось нам полезным. Нередко нам представляется, что в данную минуту всего полезнее сделать вред, но это положительно неправильно и никогда на практике не оправдывалось. Так и скажите ему от меня. Исключение было только одно: вредные сочинения приносили нередко пользу.

Не менее искренно поздравляю Вас с окончанием тех напастей, которым подвергались Ваши молодые люди в последнее время. Это поистине самый ужасный бич из всех, какие можно себе представить. У меня до сих пор не было особенно острых проявлений болезней на детях, но по тем мелким (но постоянно чередующимся) припадкам, которые бывают, я знаю, как это тяжело.

Здесь находится в настоящее время П. П. Косаговский, с которым я на днях играл в карты у Унковского, в каковой игре принимал участие и тайный советник Кидошенков. Но должен сказать Вам, что со времени упразднения «Отеч<ественных> зап<исок>» и объявления меня опасным дураком, круг знакомых мне тайных советников постепенно суживается. И быть может, не далеко время, когда и действительные статские советники будут чуждаться меня. Совсем другое происходит относительно А. М. Унковского, который чем больше живет, тем больше заслуживает любовь тайных советников. Теперь последние отзываются об нем не иначе, как «симпатичный Унковский», точно так же как о Лихачеве: «умный Лихачев», а обо мне: «эта гадина Салтыков». И я имею слабость думать, что самое лестное прозвище все-таки выпало на мою долю.

Посылаю Вам две мои последние книжки, которые, впрочем, пойдут на почту лишь завтра [1]. Эти книги (все издание) купил у меня книгопродавец Карбасников по полтине за рубль. Кроме того, в январе и феврале я издаю 3-м изданием четыре книги: «Ташкентцев», «Дневник провинциала», «Невинные рассказы», «Сатиры в прозе» и «В среде умеренности». Этими изданиями я буду распоряжаться уже сам. Может быть,

при помощи книжек и удастся прожить, а то, судите сами, с запрещением «Отеч<ественных> зап<исок>», я лишился годового дохода в 12 т. рублей — на что похоже! А усердие к сочинению, между тем, ослабевает вместе с талантом.

Прошу Вас передать от меня и от жены дружеский привет многоуважаемой Елизавете Юльевне и поцеловать детей.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, № 57, лл 51—52.
Впервые опублнковано: *Неизданные письма*, с. 179—181.

---

[1] Салтыков послал Боровиковскому «Недоконченные беседы» и «Пошехонские рассказы», вышедшие в октябре — ноябре, но помеченные 1885 годом.

1107. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

7 декабря 1884. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Знаете ли Вы, что это, наконец, ужасно Сейчас прочитал я в «Р<усских> вед<омостях>» телеграмму о похоронах Курочкина и глазам своим не верил [1]. Я действительно дал на похороны Курочкина, но дал всего 50 р. и никак не думал попасть за эту сумму в число благодетелей. Умоляю Вас, будьте столь добры! не печатайте обо мне никаких телеграмм! Ведь это Вам ничего не стоит, а для меня — лёгость. Повторяю Вам, что это ужасно, особливо ввиду того, что Вы объявили меня своим сотрудником. Печатайте телеграммы о том, что «Доктор Мошков» переведен на польский язык, но, ради бога, исключите меня из отдела телеграмм [2]. Истинным богом прошу Вас, ибо я положительно не заслуживаю разоблачений по телеграфу.

Я написал для Вас сказку, но вышла такого сорта, что и думать о печатании ее невозможно. Теперь принимаюсь писать три небольшие сказки, но что выйдет — не знаю [3]. К сожалению, у меня глаза заболели от чтения корректур, и я поневоле должен отдыхать Целых пять книг издаю 3-м изданием, но без особенной надежды на выгоду [4]. Дай бог окупить издержки, а гонорар года через два. Вот эти-то проклятые корректуры и изгадили мое зрение.

Я послал Вам экземпляр «Пошехонских рассказов» — получили ли Вы?

Здесь М. М. Ковалевский и дня три тому назад был у меня. Обещал и еще побывать, да вряд ли исполнит. Может быть, его и в Петербурге уж в эту минуту нет.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

7 декабря.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366 оп. 3, № 57, лл. 13—14.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с. 191 (первый абзац с пропуском одной фразы и начало второго); полностью: *Неизданные письма,* с. 181—182.

[1] Имеется в виду телеграмма: «Сегодня похоронен на Волковом кладбище Курочкин на счет Литературного фонда и пособия от Салтыкова. Несли четыре венка. На похоронах присутствовало много писателей» (*Р. вед*, 1884, № 338, 6 декабря, с. 2).

[2] Пьеса Боборыкина «Доктор Мошков» напечатана в журнале «Изящная словесность» (1884, № 2). Позднее Боборыкин вспоминал: «Из всех славянских сцен только Краковский театр поставил мою пьесу «Доктор Мошков» в польском переводе, по инициативе режиссера, актера Семашко, с которым я познакомился еще в России» (П. Д. Боборыкин. Воспоминания, т. 2. М., «Худож. литература», 1965, с. 127).

[3] Салтыков в это время писал сказки «Чижиково горе», «Недреманное око» и «Верный Трезор».

[4] Салтыков выпускал третьим изданием «Господа ташкентцы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Сатиры в прозе», «Невинные рассказы», «В среде умеренности и аккуратности». Последние две книги вышли в свет уже в январе — феврале 1885 года.

1108. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

10 декабря 1884. Петербург

10 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вышел очень неприятный случай. Издания Литературного фонда я поручил отправить к Вам книгопродавцу Карбасникову, и он еще 27 ноября сдал их на почту, но в адресе не поместил «Menton». Наш дурацкий почтамт, конечно, принял, а сегодня книги воротили из Франции назад, и завтра будут высланы вновь[1]. Вообще, я, при болезнях моих, плохой корреспондент. Да и Вл. Ив. Лихачев не лучше меня: представьте себе, он до сих пор не передал по принадлежности тех 100 р., которые Вы предназначали для Литературного фонда. Я ему напоминал, но он как-то совсем замотался. Все по обедам да по раутам ездит, а недавно, на обеде правове-

дов Набоков у него на плече заснул. Можете себе представить эту картину! Напомните ему об деньгах для Лит<ературного> фонда, но не пишите, что от меня знаете, а просто спросите, выдал ли ему фонд квитанцию. Вообще, по-видимому *fortuna venit*[2] добрейшему Владимиру Ивановичу, и хотя я, по-прежнему, неизменный член его воскресений (почти я один и бываю), но думаю, что серьезные обязанности скоро отвлекут его от невинных занятий.

У нас, слава богу, благополучно, как это свидетельствует дело Рыкова[3] и процесс Мироновича[4]. Рыков прямо сослался на Каткова, назвав его «благодетельным для России публицистом», и сказал: нам надо не советовать, а приказывать. А относительно Мироновича оказывается, что он политическим агентом был и аттестовал в благонадежности. Вот как прекрасно.

Вы, вероятно, прочитали «Пестрое письмо» в декабрьской книжке «В<естника> Евр<опы>». Смысл сей басни таков: завозных конституций бояться нечего. Следовательно, ежели надобность встретится, то таковую может написать Передрягин, коего адрес почтамту известен. Многие комментируют, будто бы я хотел указать на Лорис-Меликова, но это неправда. А другие говорят, что «братушек» я только для вида привлек,— об этом я ничего не знаю и сказать не могу. Dixi et animam levavi[5].

Здоровье мое плохое, хотя я, по наружности, молодец, и все мне это говорят. Теперь глаза что-то ломит, да в ногах, по-видимому, опять purpura[6] забирается. А к тому и сын не радует: плохо учится; дочка же прямо говорит: надоел ты нам! Вот ужо вырастут и голову снимут.

Ераков проект железной дороги сочинил: соединить Нижний с Харьковом. Условие sine qua non:[7] чтобы Харьков два раза в год ездил в гости в Нижний, а Нижний тоже два раза в год — в Харьков А посередке лежит имение Еракова: там будут блины с икрой, с сметаной и снетками. Вот старый вор какую штуку придумал!

До свидания; напишите, пожалуйста, есть ли надежда когда-нибудь свидеться?

Прошу Вас передать и от меня и от жены дружеский поклон многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 47.

Впервые с искажениями и произвольными дополнениями о Рыкове и Каткове опубликовано В. Розенбергом в статье «Долг справедливости и

благодарности».— *Р. вед*, 1914, № 97, 27 апреля, с. 5; полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 120—121 (с ошибкой в дате: 16 декабря).

---

[1] Салтыков отправлял Белоголовому изданные Литературным фондом письма Тургенева и юбилейное издание «XXV лет. 1859—1884. Сборник, изданный Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». СПб, 1884.

[2] Везет *(лат.)*.

[3] В ноябре — декабре 1884 года русская печать была переполнена сообщениями о процессе И. Г. Рыкова, главы скопинского банка и главного обвиняемого в расхищении его средств. Рыков «двадцать лет... систематически грабил сбережения тысяч людей со всей России, собрав с них до двенадцати миллионов рублей»,— вспоминал рязанский сослуживец Салтыкова С. Н. Егоров (*Салтыков в воспоминаниях*, с. 451). См. также т. 16, кн. 1, с. 506.

[4] Отставной подполковник И. И. Миронович, владелец ссудной кассы на Невском проспекте, убил «в запальчивости и раздражении» 14-летнюю дочь конторщика этой же кассы Сарру Стер-Беккер, за что был сослан «в каторжные работы на заводах на 7 лет». Процесс Мироновича, как и процесс Рыкова, освещался всеми петербургскими и московскими газетами.

[5] Сказал и на душе стало легче *(лат.)*.

[6] Purpura — сыпь в виде множественных кровоизлияний в толщу кожи и слизистых оболочек.

[7] Необходимое *(лат.)*.

1109. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

16 декабря 1884. Петербург

16 декабря.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Сейчас посылаю страховым (10 часов утра) свою сказку «Чижиково горе». Думаю, что еще не опоздал. Набрать ее можно скоро,— она немного больше полулиста «Вестн<ика> Евр<опы>», а лист<а>, во всяком случае, не будет. Ежели для одного фельетона будет велика, то можно и на два разделить; в таком случае первый фельетон можно кончить на третьем полулисте (1-ая стр. в конце, абзац: «И вот он женился»,— с этого начать второй фельетон). Но, разумеется, ежели Вы, как пишете, выпустите особый Рожественский №, то можно и всю сказку целиком напечатать[1]. По-моему, сказка вполне цензурна; во всяком случае, я цензурнее писать *не умею*. Прошу Вас прислать мне корректуру. Я думаю, что Вы в среду успеете выслать, а в субботу получите назад. Так как заказные письма доходят позднее, то не сделаете ли так: пришлите две корректуры в двух письмах простых. Ежели одно потеряется, то другое дойдет. А я тем же порядком их

Вам возвращу. Гонорар я желал бы получить тот же, какой получал прежде и получаю теперь, т. е. 250 р. с листа «Вестн<ика> Евр<опы>». Лист этот заключает 42 стр<оки> в странице и по 50 букв в строке. Неполные строки — все равно, что полные.

Что касается до другой сказки, то я распоряжусь переписать ее и тоже пришлю[2]. Но на напечатание не рассчитываю. Напишу еще несколько сказок, когда удосужусь, а теперь принимаюсь за другую работу.

До свидания; очень буду рад, ежели Вы исполните свое намерение быть на праздниках в Петербурге.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 15.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 191.

---

[1] Сказка «Чижиково горе» напечатана в *Р. вед.*, № 357, 25 декабря 1884 года.

[2] Сказка «Недреманное око» послана 8 января 1885 года (см. письмо 1116).

1110. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

18 декабря 1884. Петербург

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Посылаю Вам счет Карбасникова. Вы увидите из него, что журналов и книг Вам выслано на 109 р. 50 к., которые и уплачены мною из мартовских Ваших купонов. Теперь у меня Ваших денег остается 165 р. 50 к., которые в марте и вышлю Вам, ежели Вы не дадите им другого назначения Не желаете ли из них заплатить в Литературный фонд на 1885 год 10 р.

Книги Вам высланы не с petite vitesse[1], а почтой, потому что комиссионеры принимают кладь не меньше 3 пудов по 3 р. 50 к. То есть они примут и меньше, но все-таки сочтут на 3 пуда. А по почте пересылка стоила 8 р. 05 к.

Поздравляю Вас и многоуважаемую Екатерину Павловну с наступающим Новым годом, который уже потому будет лучше истекающего, что имеет одним днем меньше. Ужасный был последний год, поистине ужасный. Жестокий без резона, безалаберный, глупый. Кроме злобы, бесплодно мечущейся и выражающейся в самых необдуманных предприятиях, ничего не видно. К величайшему сожалению, с наступлением старости чувство не притупляется во мне, а делается более и более вос-

приимчивым. Никогда я такой глубокой боли не испытывал — просто не знаешь где место найти. Хотелось бы спрятаться куда-нибудь, ничего не видеть, все забыть, да не знаю, куда деться. Хлопочу какой-нибудь угол подальше найти, чтобы зарыться туда И самому быть забытому и обо всем забыть. Хорошо бы водку начать пить, да боюсь — мучительно.

О бывших сотрудниках «Отеч<ественных> зап<исок>» почти ничего не знаю, кроме того, что бедный Скабичевский бьется, как рыба об лед, да и Плещеев в авантаже не обретается Первый с горем пополам пристроился в «Р<усских> вед<омостях>», но денег там немного получает. Говорят, будто бы он и в «Новостях» участвует, но так как я этого журнала не получаю, то и не знаю ничего верного[2]. О прочих: Абрамове, Южакове и друг<их> совсем ничего не знаю. Михайловский мне ничего не пишет, а на мои письма отвечает так кратко и таким странным тоном, как будто говорит: отвяжись! Очень возможно, впрочем, что я сам во всем виноват, т. е. не я собственно, а мое положение, которое всегда было как-то нелепо.

Замечание Ваше относительно первого «Пестрого письма» отчасти справедливо, но Вы забываете, что содержание жизни совсем изменилось[3]. Прежние рамки сузились, и деятелю печати, который почему-либо не смыкает уста, приходится цепляться за крупицы. Вы не подумайте, что я играю в «Вестн<ике> Евр<опы>» какую-нибудь роль: я просто случайный сотрудник — и ничего больше. От «Р<усской> мысли» я совсем отказался, ибо это не журнал, а телятный вагон.

До свидания; желаю Вам и всем Вашим всего лучшего и прошу не забывать искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

18 декабря.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 25, л 50.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 122—123
Ответ на письмо Елисеева от 27 ноября (9 декабря) 1884 года.

---

1 Малой скоростью.

2 Скабичевский активно участвовал в «Русских ведомостях» с конца 1884 года по март 1886 года, после чего его сотрудничество в газете носило случайный характер (см. *Русские ведомости*, с. 159—160). Изредка выступал он в «Новостях и Биржевой газете», печатая там «Литературную хронику» (1884, № 330, 29 ноября, с 1—2, № 344, 13 декабря, с 1—2). Плещеев с 1884 года сотрудничал в «Русских ведомостях», печатая там иногда стихи и очень часто выступая со статьями о новинках иностранной литературы (см. *Русские ведомости*, с. 134).

[3] 27 ноября (9 декабря) Елисеев писал Салтыкову: «... мне показалось странным, что Вы после пятимесячного молчания сочли нужным выступить перед публикой с разъяснением во всеуслышание психологического момента. Силы, конечно, нельзя не признавать, но исповедовать ее во всеуслышание значит ее увеличивать и в ней самой и вовне Это уж никак не может помогать росту читателя, убегающего по своему детству в подворотню от любимого автора при первом противном ветре, а может утвердить его в безнадежном детстве навсегда А впрочем, я ведь не знаю плана ваших новых «Пестрых писем». Начало их может быть только особого рода стратегический прием» (*Письма Елисеева*, с. 160).

1111. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Ноябрь — декабрь 1884. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Простите, пожалуйста, что я наделал Вам столько хлопот корреспонденциями, направляемыми через редакцию «В<естника> Евр<опы>» Еще больше писем я получаю на дому. Это уж судьба такая. Как только я что-нибудь напишу, так сейчас же посыплются всякого рода недоумения и вопросы, на которые я, впрочем, отвечать не могу, потому что письма анонимные Теперь читатель вопиет за то, что я назвал его слабосильной командой. И пишет письма. Не хочет понимать, что я не Петра или Ивана называю так и вовсе не для того употребил сильные выражения, чтобы ожидал для себя оваций, а для того, чтобы читатель сознал себе цену и заставил себя уважать. По-моему, это было бы не невозможно, если б в самой среде читательской не развелось гаду без конца.

Еще раз извините за беспокойство и вооружитесь терпением и пятикопеечными марками.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Когда-нибудь я напишу маленькое разъяснение по этому поводу[1], но теперь я, право, так ужасно настроен, что не до разъяснений.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 53.

Впервые опубликовано· *Стасюлевич*, т. V, с 16 (с датой· декабрь 1884).

Датируется по связи письма с первым очерком из цикла «Пестрые письма», где Салтыков назвал читателя «слабосильной командой» (*ВЕ*, 1884, № 11, с. 321).

---

[1] «Маленьким разъяснением» следует считать раздел «Читатель» из цикла «Мелочи жизни» (1887).

1112. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

2 января 1885. Петербург

2 января.

Многоуважаемый Петр Исаевич.

Летом, когда я был совершенно свободен и когда здоровье мое *относительно* все-таки было сносно, Вы мне не говорили ни слова. Теперь я и болен и вынужден работать. Вы требуете от меня переводов. Я не отказываюсь и не имею причин отказываться от содействия Вашему журналу, но все-таки оригинальная работа для меня симпатичнее и даже обязательнее [1]. Вообще, по состоянию моего здоровья, работа для меня есть тяжкое иго, а переводная тем больше. Будущим летом я постараюсь выполнить Вашу просьбу, но ранее ничего обещать не могу. Я затеял две книжки и должен задуманное выполнить. Согласно с этим и работу свою располагаю. Я работаю с величайшим трудом, и уже прошло то время, когда я мог во всякую минуту взяться за перо. Поэтому такие заказы, как к 15 января, для меня совсем немыслимы.

Ведь теперь 2-е января.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 10.

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 186—187.

Летом 1884 года, после закрытия *Отеч. записок,* Салтыков был «совершенно свободен», к началу же 1885 года он начал сотрудничать в «Русских ведомостях» и в «Вестнике Европы», и у него сложился замысел двух книг («Сказки» и «Пестрые письма»). Это дает основание отнести письмо к 1885 году.

---

[1] Журнал Вейнберга «Изящная литература» выходил в 1883—1885 годах Салтыков в этом журнале не печатался, хотя в ноябрьском номере 1884 года он и объявлен в качестве сотрудника.

1113. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

2 января 1885. Петербург

2 января Ночью.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я слышал, что сегодня было экстренное заседание совета по делам книгопечатания. Не знаете ли Вы об этом чего-нибудь? нет ли тут чего-нибудь, касающегося «Вестника Европы» вообще и моего письма в частности [1].

Новое письмо я заканчиваю и, быть может, в пятницу совсем совладаю с работой. Но это будет письмо только по названию, а в сущности вышла повесть. Но — увы! — кажется, размеры ее несколько больше, от 2—2½ листов. Не знаю, насколько Вы будете этим довольны. Повесть — совершенно цензурная. Так, по крайней мере, я думаю [2].

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

От души поздравляю с Новым годом, а равно и уважаемую Любовь Исаковну. За присылку «Вестника <Европы>» благодарю.

Совсем забыл при личном свидании (да и теперь чуть-чуть не прозевал) сообщить Вам следующее. Была у меня Заиончковская, дней шесть тому назад. Говорили о том и о сем, а между прочим я спросил, пишет ли она что-нибудь и где пристроится. Она ответила, что покуда ничего готового нет, а пристроиться где не знает. Я предложил ей мое посредничество между ей и Вами, и она, по-видимому, с удовольствием согласилась. Ежели и Вы согласны, то уведомьте меня: я буду ее понуждать. Она сказала мне, что ежели это дело состоится, то пришлет мне повесть для прочтения. Пишу к Вам об этом, хотя и не ручаюсь, чтоб старушка не сбрендила. Но, во всяком случае, не сочтите этого за вмешательство с моей стороны в Ваши дела. Заиончковская получала в «Отеч<ественных> зап<исках>» 250 р за лист, да кажется и Вы платили ей столько же» [3].

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, лл 55—56
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 17.

---

[1] Заседание Совета Главного управления по делам печати состоялось 2 января 1885 года в связи с докладом цензора Ведрова о январской книжке «Вестника Европы», значительная часть которого была посвящена «Пестрому письму» (см. т. 16, кн. 1, с. 497—498).

[2] Четвертый очерк из цикла «Пестрые письма» для февральского номера журнала.

[3] Н. Д Зайончковская после закрытия *Отеч. записок* лишь однажды выступила в «Вестнике Европы» с повестью «Жить, как люди живут» (1888, №№ 5—6).

1114. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

6 января 1885. Петербург

6 января.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем конец «Пестрого письма»[1]. Вы совершенно правы: и с боязнью, и без боязни — все едино. Все зависит от Каткова, и как ему бог на сердце положит, так и будет. А коль скоро замешана личность, то всякое неделикатное прикосновение к ней есть достаточный повод для административных подвохов. Теперь можно потрясать собственность, семейство, государство, все что угодно — исключая Каткова. А честь потрясать даже благонамеренно.

Заиончковской я напишу, как только узнаю ее адрес, о сообщении какового ныне же написал Плещееву[2]. Об ответе ее сообщу Вам. Но думаю, что Вы бы хорошо сделали, если б сами у ней побывали. Во-первых, она женщина, и во-вторых, очень хорошая писательница, хотя с давних пор пишет все одну и ту же повесть. Живет она близко от Вас, где-то на Адмиралтейском канале; но подробный адрес я Вам сообщу, когда узнаю от Плещеева. Есть и еще один писатель, который пишет не много, но хорошо. Это — Гаршин. Не в качестве вмешательства, но просто в виде благожелательного мнения, я думал бы, что ежели бы Вы или Александр Николаевич Пыпин написали ему пригласительное письмо, то он примкнул бы к «В<естнику> Е<вропы>». Мне это сделать положительно неловко. То же самое я сказал бы и о Салове, о котором говорил Вам вчера. По крайней мере, я в своей практике всегда приглашал и по временам напоминал. Адресы Гаршина и Салова я Вам пришлю[3]. Есть еще след<ующие> писатели: 1) Карнович Евгений Петрович, неважный, но для летних месяцев очень полезный; 2) Г-жа Смирнова, ныне Сазонова (жена актера), которая давно уж не пишет, но, может быть, вдруг разразится; 3) Ясинский, Иероним (он же Макс<им> Белинский), который где-то теперь здесь пропекается (я читал в газетах, что он в Пушкинском кружке орудует), но ко мне — ни ногой, хотя год тому назад не мало утруждал меня своею преданностью. Все эти писатели, право, не хуже Боборыкина и Гришки Данилевского, и грамотнее Альбова, который имеет громадный недостаток быть подражателем До-

стоевского. Напоминаю также о Фирсове (Ник. Никол.), которого адрес след<ующий>: Napoli, Via Tasso, Corso Vitt<orio> Emmanuele, Ospedale Internationale. Может быть, теперь и нет его там, но ему все-таки оттуда передадут. О Златовратском (Ник. Ник.) я не упоминаю, хотя, мне кажется, А. Н Пыпин мог бы его привлечь. Вот, кажется, все наличные беллетристические силы, на которые можно рассчитывать, кроме Успенского, которого Вы знаете.

Что касается до похвалы маститого старца, то я польщен ею, хотя этот старец себе на уме и доверяться его похвалам не особенно можно [4].

Очень благодарен Вам за передачу поклона от П. В. Анненкова и очень рад, что Вы получили его статью. Пожалуйста, при случае, сообщите его адрес.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, лл. 57—58. Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 17—18.

---

[1] Для февральского номера «Вестника Европы».

[2] Письмо неизвестно.

[3] См. письмо 1115. Гаршин и Салов в «Вестнике Европы» не печатались.

[4] Вероятно, речь идет о каком-то отзыве Гончарова.

1115. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

После 6 января 1885. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Гаршин, Всеволод Михайлович, живет на Песках, 9 улица, 20/37. Н. Д. Заиончковская на Адмиралтейском канале (у церкви Благовещения № 9 кварт. 26 у г-жи Москалевой). Салов, Илья Александрович, живет в Саратове, полагаю, что этого адреса достаточно.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Я слышал, что Гаршин нечто кончает.

Внизу помета рукой Стасюлевича: «Взято для факсимиле к Сочинениям М Е Салтыкова под портрет. 12 X 89».

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, л. 59. Подпись в автографе вырезана.

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с 19

Датируется по связи с письмом к Стасюлевичу от 6 января 1885 года.

1116. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 января 1885. Петербург

8 января.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю Вам новую сказку: «Недреманное око»[1]. Кажется, не особенно в цензурном отношении опасно, а впрочем, сами увидите. Полагаю, что сказка эта может составить фельетон на одну страницу, строк по 40 на столбец.

Ежели решитесь печатать, то пожалуйста корректуру пришлите; в противном случае возвратите подлинник. У меня и еще одна сказка к концу приходит, тоже небольшая, хотя *несколько* побольше. Думаю, что дня через два-три пришлю[2].

Я сравнивал строку «Вест<ника> Евр<опы>» с строкой «Р<усских> в<едомостей>» и нахожу, что по цене последняя равняется 24—25 к. Так я попросил бы Вас рассчитывать, ежели не имеете препятствий.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 17.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 192 (первые два абзаца без обращения и с пропуском трех слов); полностью: *Неизданные письма*, с. 187.

---

[1] Сказка «Недреманное око». Напечатана — *Р. вед*, № 14, 15 января, с. 1.

[2] Имеется в виду сказка «Неумытный Трезор». Опасаясь цензурного вмешательства, Салтыков передал ее П. А. Гайдебурову для публикации в «Книжках «Недели».

1117. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

9 января 1885 Петербург

9 января.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Хотя я и возвестил Вам, что у меня готова еще сказка, и хотя таковая действительно готова, но для Вас она положительно неудобна[1]. Вышло нечто такое, что при условиях московской цензуры в «Рус<ских> вед<омостях>» напечатать немыслимо. Со мною же, кстати, по поводу январ<ской> книги «В<естника> Евр<опы>» целая история произошла. Экстренно собирали совет, припомнили Персия и Ювенала, и нашли, что даже они такой смуты в общественное сознание не вносили, какую я вношу (буквально). Дело, на сей раз, кончилось тем, что записали в журнал: иметь в виду[2]. Вот я

какой. А Феоктистов по поводу «Чижикова горя» говорит, что скучнее и инсипиднее[3] ничего он не знает, даже дочитать не мог. Выходит, что ежели я цензурно пишу, то никуда не гожусь; ежели нецензурно, то меня имеют в виду. Поэтому я решаюсь поступить так. Так как ко мне приступает Гайдебуров, чтобы я что-нибудь ему дал в «Неделю», то я и отдал ему эту сказку, хотя и уверен заранее, что он от нее откажется. Не сочтите пожалуйста, что это с моей стороны уловка: истинно Вам говорю, что сказка не годится для Вас и что я совсем не желаю, чтобы «Р<усские> вед<омости>» ради меня чем-нибудь рисковали. Я даже думаю, что и «Недреманное око» несколько для Москвы рисковано. В течение февраля, а может быть, даже и в этом месяце я Вам, наверное, фельетон доставлю. Но и опять это будут сказки. Такой уж стих на меня напал. Но я чувствую, что два-три «Чижиковых горя» — и репутация моих сказок будет значительно подорвана. Феокт<истов>, может быть, правду сказал, что партикулярные дела совсем для меня не подходят.

«Русск<ая> мысль» решительно идет по стопам «Нови». Каждый день во всех газетах в течение 2-х месяцев, только и бросалось в глаза на первой странице: «Русская мысль»! Я думаю, небольшой дом можно выстроить на те деньги, которые журнал это<т> истратил на объявления.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, лл. 19—20.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 192—194 (без первых двух фраз и заключительного абзаца); полностью: *Неизданные письма*, с. 188—189.

---

[1] «Неумытный Трезор». См. прим. 2 к письму 1116.

[2] См. прим. 1 к письму 1113.

[3] Инсипиднее — безвкуснее (от *франц.* incipider — безвкусный).

1118. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 января 1885. Петербург

12 января.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Мой хороший знакомый (которого и Вы у меня видели) В. И. Лихачев совершенно справедливо возмущен помещенною в 5 № (от 6 янв.) «Русс<ких> вед<омостей>» телеграммою, лично его касающеюся[1]. Поэтому он просил меня

передать Вам прилагаемое (на обороте) письмо, заключающее опровержение этого факта. Будьте так любезны напечатать его в ближайшем № газеты Вашей. Или же объявить о содержании его от редакции. Я нахожу, что требование это вполне справедливо [2].

Телеграмму Вашу [3] я сейчас получил и ожидаю как корректуры [4], так и письма Вашего. Корректур не задержу.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Вот «Светоч»-то и запретили! [5]

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 21. Написано на одном листе с письмом В. И. Лихачева к Соболевскому от 12 января 1885 года.

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 189—190.

---

[1] Речь идет о телеграмме из Петербурга о затребованных у председателя Петербургского мирового съезда В И. Лихачева объяснениях по поводу «взведенного на него обвинения в пристрастном решении железнодорожных дел и пользовании даровыми билетами на проезд от Главного общества железных дорог» (*Р. вед*, 1885, № 5, 6 января, с. 2).

[2] 15 января в «Русских ведомостях» было напечатано следующее опровержение «Спешим исправить ошибку корреспондента, телеграфировавшего это известие на основании слуха, появившегося в петербургских газетах. Из вполне достоверных источников мы узнали, что означенное известие лишено основания и что ни означенного, ни какого-либо подобного запроса от сената г. Лихачев не получал»

[3] Телеграмма неизвестна.

[4] Корректуры сказки «Недреманное око».

[5] Издававшаяся в Петербурге ежедневная газета «Светоч» была прекращена за «вредное направление». Последний ее номер вышел 19 января.

1119. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 января 1885 Петербург

12 января Вечером

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Над Вами дождит моими письмами. Вот четвертое, которое я сегодня посылаю Два пакета с корректурами часа два тому назад кинул в почтовый ящик [1]. Раньше не успел, потому что корректуры принесли: незастрахованную в 3, а застрахованную в 5 часов. А утром послал Вам письмо В. И. Лихачева с

просьбой напечатать в ближайшем № «Р<усских> вед<омостей>»[2]. Вероятно, Вы корректуры в понедельник получите. Я отметил на одной из них, что именно по ней я желал бы, чтоб было сделано исправление. Я, вместо «Куралес Куралесыч», везде поправил «Прокурор Куралесыч» — ежели это Вам кажется почему-либо неловким, то восстановите прежнее имя[3]. Вообще в цензурном смысле не стесняйтесь. Я очень жалею, что Вы не отметили сомнительных мест, хотя я лично нахожу сказку вполне цензурною. Но нынче нельзя угадать. Вот «Светоч» едва родился, а уж закрыли[4]. Кто этот Ярмонкин? Что-то я слышал об нем и, помнится, не хорошее[5]. Но когда и от кого именно,— хоть убейте, не помню.

Возвещенного телеграммой письма я еще не получил и по расчету думаю, что оно придет завтра[6].

Денег за «Недр<еманное> око» не высылайте — не сто̀ит. Когда пришлю еще что-нибудь, тогда вместе и за «Недр<еманное> око» пришлете. А я хотя и не обещаю прислать скоро, но вдруг, яко тать в нощи, появлюсь.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Литейная, 62

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л 23.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 194 (первый абзац без обращения); полностью *Неизданные письма*, с. 190—191.

---

[1] См письмо 1118 н прим. 4.

[2] См. письмо 1118 и прим. 1, 2.

[3] Поправка Салтыкова была учтена

[4] См прим 5 к письму 1118.

[5] Сотрудник «охранительных» изданий Ярмонкин, по свидетельству В. Розенберга, «на печальную судьбу «Светоча» никакого влияния не оказал. Он передал свою газету в пользование за какое-то вознаграждение редактору закрытой в 1883 году газеты «Московский телеграф» И И. Радзевичу, который и вел ее при ближайшем участии В. А Гольцева в течение семи дней ее существования» (*Русские ведомости*, с 194).

[6] Телеграмма и письмо неизвестны.

1120. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 января 1885 Петербург

13 января.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

К величайшему моему сожалению, я уже отдал Гайдебурову сказку[1]. Говорю «с сожалением» не для красного словца,

а воистину, потому что вовсе не рассчитывал сделать<ся> сотрудником «Недели», которую никогда не читал, и редактор которой вовсе не был мне сочувствен. Я думал было отделаться от него, отдав ему одну из сказок, выдранных цензурою из «Отеч<ественных> зап<исок>»[2] с тем, чтобы он переговорил об этом с Феоктист<овым>, но он сразу это дело погубил, начав свои цензурные переговоры не с того конца. Очень трудно отказывать, когда вас, так сказать, принуждают. Но я положительно убежден, что сказка моя не будет напечатана, потому что в настоящую минуту нет писателя, более ненавидимого, нежели я.

Я не думаю, что в письмах моих находилось что-нибудь, что заставляло бы предполагать, будто бы я Вас и «Русские ведомости» подозреваю в промышленных целях. Вы очень хорошо знаете, что у меня нет таких мыслей, и что даже сотрудничество мое в «Русск<их> вед<омостях>» состоял<ось> не столько по Вашей инициативе, сколько по моей собственной. Я желал этого сотрудничества именно потому, что считаю «Р<усские> в<едомости>» единственным в настоящее время порядочным печатным органом, и сожалею только о том, что это газета, а не журнал. Но вообще вижу, что мое время прошло и что так или иначе цензура вытеснит меня из литературы. Я и прежде никогда не забывал о существовании цензуры, но такого времени еще не было, когда бы передо мною с полною отчетливостью стояло слово: невозможность.

Я непременно и всеми мерами постараюсь прислать Вам что-нибудь, но теперь опять пишу «Пестрое письмо». Ежели я часто буду сказки писать, то боюсь, что они утратят соль. Исписываюсь я, по старости, болтлив делаюсь.

Вот об «Рус<ской> мысли» я никак не могу сказать, что это порядочный журнал, ибо он даже «Новь» перещеголял своими объявлениями. Во всех газетах, какие приходится видеть, первая страница непременно украшена объявлением об этом журнале, и в конце значится цифра 30, т. е. количество раз. По моему мнению, это совсем гнусно. А с 10-го января уже публикуется о предстоящем появлении 1-го №. А я-то воображал себе, что это добродушные <— — —>, которые не знают, куда поместить свои невинные строчки. А они надели чужое платье, да и пошли щеголять!

Статью Введенского о последнем «Пестром письме» я совсем не понял. Есть какой-то намек на то, что нужно, дескать, заступаться за людей, которых калечит жизнь, но все это темно, скомкано и нерезонно. Точно в нетрезвом виде писано. Тема о заступничестве за калечимых людей очень благодар-

на, но нужно ее развить и всесторонне объяснить. Ведь недаром же она не разрабатывается, а г. Введенский, по-видимому, полагает, что вот он дорос, а другие не доросли. Выходит общее место [3].

Вы обещали мне поговорить с Салаевым относительно моих изданий, но ничего не пишете. Очевидно, или Вам не удалось, или Вы забыли [4].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, лл 25—26

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн: *Русские ведомости,* с. 192, 199 (первый, часть второго и пятый абзацы); полностью: *Неизданные письма,* с. 191—193.

---

1 «Неумытный Трезор». Напечатана в февральском номере «Книжек «Недели»

2 Первоначально Салтыков предложил Гайдебурову вырезанную из «Отеч. записок» сказку «Вяленая вобла»

3 Имеется в виду статья А. И. Введенского «Литературные беседы», частично посвященная третьему очерку из цикла «Пестрые письма» и опубликованная под псевдонимом Аристархов в газете «Русские ведомости» (1885, № 10, 11 января, с. 1—2).

4 Речь идет о возможности реализации тиража вышедших в 1884 году «Недоконченных бесед» и «Пошехонских рассказов», а также третьих изданий «Господ ташкентцев», «Дневника провинциала в Петербурге» и «Сатир в прозе».

1121. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

15 января 1885. Петербург

2 ч. ночи с 14 на 15 января.

Многоуважаемый Александр Львович.

Пишу к Вам в ту самую минуту, как я в 59-ый раз рождаюсь, или, говоря языком менее литературным, сегодня, 15-го числа, мне исполнилось 59 лет. Вчера утром об этом уже послана была телеграмма кн. Бисмарку, который сказал (есть уже ответная телеграмма): однако велико должно быть долготерпение земли, которая носит на себе столь гнусное бремя! Вероятно, эта телеграмма завтра появится в «Моск<овских> ведомостях», и Вы ее прочитаете.

Вашу поздравительную телеграмму по случаю Нового года я получил [1], но не ответил на нее телеграммой по след<ую-

щим> причинам. Во-первых, поздравления с Новым годом (который только тем разве будет лучше предшествующего, что в нем одним днем меньше) считаю вообще праздным обычаем Во-вторых, сношения по телеграфу между людьми более или менее дружественными нахожу признаком охлаждения. Сношения эти свидетельствуют об имении лишних двух рублей и о желании отделаться приличным образом. Может быть, и «не право о вещах те думают, Шувалов, которые стекло чтут ниже минералов»[2], но у меня и до сих пор сохранилась страсть к минералам, т. е. к подлинным письменам.

Время я провожу необыкновенно скучно, и как-то все больше и больше одиноко. Чувствуется, что и те сношения с внешним миром, какие еще существуют, держатся на волоске. Боюсь, что мое одиночество перейдет в удел и к детям моим, если бог продлит мне веку. Вот с этой точки зрения, устранение меня из жизни было бы, пожалуй, весьма полезною мерою со стороны небесной империи Но кто же может предугадать небесные предначертания? — во всяком случае, не мы, временные странники в сей юдоли.

Из общих знакомых я только двоих продолжаю видеть: Унковского и Лихачева. Из них первый — веселится, второй — стремится. У второго сын, Александр, от земли не видать, а тоже уж стремится, состоит членом Кодификационной Комиссии, рассуждает столь здраво, что к праздникам 150 р. награды получил[3]. Только за одно здравое рассуждение — такая куча денег! сколько же бы ему дали, если б он не вполне здраво рассуждал, а например хоть на манер Кахановской комиссии?[4]

Но на Унковского даже смотреть приятно. Теперь я его редко вижу, но всякий раз, когда вижу, то думаю: стало быть, веселиться еще можно. Но он уже допустил в своих собеседованиях некоторые улучшения, и теперь даже при «дамах» употребляет вводные изречения, вроде «<— — — >!» «ах <— — —>!» Разумеется, «дамы» стараются не понимать, но как он ведет себя в высшем обществе и с министрами (представьте себе, является к ним по делам, просто возвещает об себе: Унковский — только и всего, и его не отсылают в участок),— не знаю Во всяком случае, лестно думать, что у меня до сих пор сохранилось два знакомых, из которых одного *все* любят, а другого *все* считают человеком, без коего шагу ступить нельзя.

В литературном смысле — около меня пустыня, «Отеч<ественные> зап<иски>» разбежались; Стасюлевич от времени до времени наезжает, но для того, чтобы посмотреть, работаю ли я. В Москве, говорят, меня любят и ждут, не приеду

ли я. Но я уверен, что если б я переехал, то и там нашел бы такую же пустыню. Когда-то Вы в Петербург, хоть на время?

До свидания; передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Елизавете Юльевне и поцелуйте детей, начиная от младшего несмыслёночка.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Мог ли я когда-нибудь, даже во сне, видеть свое имя напечатанным в «Вестн<ике> Европы»?

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 53—54.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 193—196.

---

[1] Телеграмма неизвестна.

[2] Из «Письма о пользе стекла камергеру Ивану Ивановичу Шувалову 1752 года» Ломоносова.

[3] А. В. Лихачев, криминалист, служил в Кодификационном отделе Государственной канцелярии.

[4] Кахановская комиссия — Особая комиссия для составления проектов местного управления под председательством статс-секретаря М С. Каханова, созданная в 1881 году взамен упраздненной Комиссии о губернских и уездных учреждениях, существовавшей с 1859 года

1122. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

15 января 1885. Петербург

15 января.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вот и опять я к Вам с письмом. Гайдебуров, между прочим, сказал мне, что «Чижиково горе» в *пяти* провинц<иальных> газетах от строки до строки перепечатано. Не знаю, как Вам, но мне это не совсем приятно. Ведь ежели все дармоеды примутся меня перепечатывать, то мне житья от них не будет. Один адвокат мне сказал, что есть закон, который воспрещает перепечатывать *цельные* вещи, хотя бы и меньше листа. Притом же и лист следует принимать в размере нормального, принимаемого в расчет цензурой. Нельзя ли хоть заметку по этому предмету в «Р<усских> вед<омостях>» напечатать. Не жадную и не длинную, а только дать понять, что подобные действия не допускаются. Мне называли «Орловский вестник» и три газеты, издающиеся в Казани, Одессе и Саратове. Пятую — Гайдеб<уров> позабыл. Вероятно, в Вашей редакции все эти газеты получаются [1].

Ожидаю появления «Недреманного ока» и молю богов, чтоб не вышло истории[2].

Сего 15 числа мне исполнилось 59 лет. Лета не малые. При крепостном праве 60 лет с тягла снимали. Авось и меня уволят.

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

15 января.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л 27

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 194, 197 (первый абзац с пропусками, второй и третий абзацы); полностью· *Неизданные письма*, с. 196.

---

[1] Сказку «Чижиково горе» в январе 1885 года перепечатал «Орловский вестник» В Казани, Одессе, Саратове сказка не печаталась. В связи с этим, вероятно, ие появилось и предупреждения в «Русских ведомостях».

[2] «Недреманное око» напечатано *Р. вед.*, № 14, 15 января.

1123. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

19 января 1885. Петербург

19 января

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Посылаю вам две моих сказки[1], которые Вы, конечно, не читали, потому что они помещены в «Русских ведомостях», Вами не получаемых (а между тем это единственная порядочная русская газета, которую не стыдно в руки взять). Дал я еще сказку Гайдебурову — не хотелось, но очень пристал — и тоже пришлю Вам оттиск, когда выйдет (т. е. в начале февраля)[2]. В «Вестнике Европы» я поставщик усердный до апрельской книжки включительно. После того на четыре месяца на покой[3]. Я все подыскиваю себе имение, но далеко забираться не хочется. Я великорусс по природе, и ни с малороссами, ни с жидами жить не могу: скучно. Но никто мне не поможет в этом, а сам я ступить шагу не могу. Теперь посматриваю, не наклюнется ли чего-нибудь около Рыбинска. Смущает меня и то обстоятельство. Всякий капитал, употребленный на имение, представляет соответствующее умаление дохода. Хорошо, ежели дело только этим и обойдется. Можно счесть это за наем дачи, но боюсь, что еще издержки потребуются ежегодно, и издержки большие. Прежде это было бы не весьма чувствительно, а теперь, когда силы слабеют — начинает жечься.

15-го я праздновал 59 лет своей жизни. Прожил же вот такую массу годов без запаса сил и без здоровья. Даже совестно. Совестно и работать в эти годы: все кажется, надоел всем.

Новолетие ознаменовалось для меня болезнью глаз Совсем было ослеп, но Тихомиров прописал каждодневные глазные души, и дело опять поправляется, хотя зрение все еще не в порядке. Другой сюрприз: ревматизм разыгрывается. Со мной и прежде бывало, что вдруг где-нибудь ломить начнет, но через сутки и перестанет. А теперь уж четвертые сутки ломит, боюсь, как бы не слечь. Насчет лечения теперь совсем плохо. С тех пор как Соколов женился — совсем редко ездит. Боткина вижу очень редко, да и совестно тревожить такое светило. Обычные болезни сам лечу известными средствами, но как поступить с ревматизмом — не знаю. Может быть, и так пройдет. Неприятно, что левую лопатку ломит, шею трудно повернуть и к левому уху подбирается.

К довершению Костя у меня с праздников уже второй раз серьезно болен. Оба раза ангина и температура в 40°. И в первый раз (на самое Рождество), и теперь он на попечении у Руссова. Вопрос: когда же тут учиться?

Вчера была у нас старшая дочь Л<орис>-М<еликова> и передала мне поклон от него. Прошу Вас передайте ему от меня привет и дайте прочесть ему мои сказки. Сам я ему не пишу и не посылаю сказок просто потому, что боюсь его компрометировать. Вообще, теперь около моего имени столько ненавистей собралось, что жить противно. А любви, котор<ые> есть,— молчат. В этом-то и трагизм писательской жизни. Вот и Тургенева ненавидят, а все-таки его сочинения за благонравие и успехи на актах в казенных заведениях раздают. А меня живого сжечь были бы рады.

Прошу Вас передать сердечный привет от меня и от жены многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ*, ф. 445, оп. 1, № 118, лл. 122—123.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Долг справедливости и благодарности» — *Р. вед*, 1914, № 97, 27 апреля, с. 5 (часть предпоследнего абзаца, со слов· «Вчера была у нас ..»); полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 133—134.

---

[1] Салтыков послал Белоголовому оттиски сказок «Чижиково горе» и «Недреманное око».

[2] «Неумытный Трезор».

[3] В январе — апреле Салтыков напечатал в «Вестнике Европы» III—VI очерки из цикла «Пестрые письма». В 1885 году Салтыков выступил в «Вестнике Европы» еще раз, поместив в июньском номере VII «Пестрое письмо».

1124. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

20 января 1885. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

На всякий случай, извещаю Вас, что у сына моего скарлатина и что теперь мне предстоит 6 недель жить как ошельмованному. Для мартовской книги статья («Письмо») будет готова на первой неделе поста, а может быть и раньше [1]. Я пришлю его к Вам через посыльного — авось, на его груди потеряет свои эпидемические свойства. Все эти дни я был в громадной суете по поводу болезни сын<а>. И у меня самого плечо жалуется. Дочь отдали Скребицким. Никогда со мной ничего подобного не было. Вот сколько подлостей имеет в запасе провидение!

Ваш
М. Салтыков.

20 января.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 61.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 19.

---

[1] «Пестрое письмо» (V) для мартовской книжки послано 28 **января** (см письмо 1125).

1125. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

28 января 1885. Петербург

28 января.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылая при сем «Пестрое письмо» для мартовской книжки, я бы желал, чтобы Вы прочитали его в корректуре предварительно и сообщили мне Ваше мнение как в цензурном отношении, *так и по существу.*

Искренно Вам преданный
М. Салтыков

28 января.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 63
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с. 19.

1126. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

29 января 1885 Петербург

29 января

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Вчера я послал Вам новое «Пестрое письмо», но так <как> посыльный подал его не в квартиру Вашу, а швейцару Демину, который и расписался, то меня, как человека мнительного, берет сомнение, дошел ли до Вас мой пакет [1].

Будьте так добры уведомить меня.

В доме у меня идет дело на лад. Вероятно, 3-го марта приступлю к дезинфекции квартиры, а сам с семьей, дней на пять, перееду в гостиницу (предполагаю в Европейскую) [2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 65
Впервые опубликоваио. *Стасюлевич*, т. V, с. 20

[1] См письмо 1125

[2] Дезинфекция производилась в связи с болезнью сына (скарлатина). Салтыков с семьей 5 марта переехал в гостиницу Демут (см письмо 1144)

1127. Н. В. КИДОШЕНКОВУ

1 февраля 1885. Петербург

1 февраля

Многоуважаемый Николай Васильевич.

Сердечно благодарен Вам за внимание и память. Вот уже две недели как я нахожусь в крайнем возбуждении и страхе потерять моего мальчика. Он находился в положении настолько тяжком, что С. П. Боткин четыре дня сряду навещал его. Теперь — болезнь, по-видимому, начинает уступать; больной меньше бредит, хотя температура все еще высока.

Прошлый год был для меня неблагосклонен [1], а нынешний возвещает о себе еще хуже.

Прошу Вас передать от меня и от жены искреннейший привет многоуважаемой Ольге Петровне.

Глубоко Вам преданный и уважающий

М. Салтыков.

Может быть, Вы не совсем довольны будете, получив письмо из заразного места, но думаю, что на груди у почтальона оно достаточно дезинфектируется.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 22, л 13
Впервые опубликоваио: *Письма*, с. 281.
Год устанавливается на основании упоминания о болезни сына.

[1] Имеется в виду закрытие *Отеч. записок.*

1128. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

2 февраля 1885. Петербург

2 февраля
Литейная, 62.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

В понедельник пошлю к Вам страховым письмом новую сказку: «Дурак». Послал бы завтра, но боюсь, что пьяный день, как бы письмо не пропало И еще боюсь, что сказка Вам не понравится. Идея ее не дурна, но в исполнении заметно утомление[1]. Я убеждаюсь, что сказки писать не легко, и требуются промежутки. Да и вообще я до смерти устал и бросил бы очень охотно писательство, если б не крайняя нужда. А кроме того, мне начинает казаться, что я волную только цензуру, а публика ни мало не интересуется мною. По крайней мере, полный неуспех моих изданий достаточно в том меня убеждает.

Скажу Вам следующее: по поводу 1-го № «Вестн<ика> Европы» было собрание 4-х, созванное гр. Толстым, который требовал закрытия журнала[2]. И опять по поводу, главным образом, меня. Кто-то инсинуировал Толст<ому>, что первое январское мое письмо и именно Федот написано на него, хотя я и во сне ничего подобного не видел да и похожего ничего нет. Толстой, конечно, не читал, но как же не поверить, ежели такой преданный человек говорит, как Феоктистов? Да и публика наша подлая сейчас подхватила: товарищ — Э! да это Толстой! Скажите, можно ли охотно писать, имея такую подлую переметную читающую публику, которая во всем способна видеть только подвох. Поистине, презренное время мы переживаем, презренное со всех сторон И нужно большое самообладание, чтоб не придти в отчаяние.

Вот уже скоро три недели, как я живу в великом страхе. У меня сын лежит в скарлатине, и всю прошлую неделю находился в такой опасности, что Боткин каждый день ездил, независимо от двух других врачей. Теперь опасность, по-видимому, миновала, но все еще 39°. Сам я живу совершенно как ошельмованный; никого не вижу, кроме докторов, а из знакомых только Лихачев посещает меня. Словом сказать, самая утешительная старость.

Я попросил бы Вас, по обыкновению, прислать мне корректуру. Но ежели бы Вы нашли мою сказку нецензурною или

слабою по выполнению, то напишите. Я же утратил смысл. Постараюсь меньше писать, хотя не ручаюсь, что выполню.

1-ый № «Русской мысли» меня положительно возмутил. Это московский сколок с петербургской «Нови». Одна проделка с рассылкою 1 № *всем* подписчикам 1884 года — такая выдумка, до которой даже Вольф не додумался[3]. И рядом с этим аншлаг, обещающий, что труд Л. Н. Толстого отлагается до февральской книжки[4]. В первой, дескать, книжке почитайте Григоровича (вот мерзость-то!)[5], а потом мы Вам дадим и еще объявление, что возвещенный труд Л. Н. Толстого, к сожалению, напечатан не будет.

Вы мне лично обещали переговорить с Салаевым о моих пяти изданиях, а потом и письменно подтвердили Ваше обещание[6]. Я, конечно, надоел Вам изрядно, но все-таки и теперь прошу: исполните Ваше обещание или же прямо скажите, что не можете. Клянусь Вам, что я не обижусь.

Дело в том, что при настоящих обстоятельствах мне было бы не бесполезно продать хотя некоторую часть моих изданий. Ближе всего у меня на душе два издания: «Господа ташкентцы» и «Дневник провинциала». Не купит ли Салаев хоть этих двух изданий по 200—300 экз. с уступкой 40%, но только уплата теперь же, наличными деньгами[7].

Но повторяю: ежели у Вас нет времени для переговоров, то напишите прямо. Чистота отношений — прежде всего.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, лл 29—30.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн · *Русские ведомости,* с 195 (первые два абзаца с пропусками), полностью: *Неизданные письма,* с 197—199

---

[1] Сказка «Дурак» напечатаиа *Р. вед,* № 41, 12 февраля.

[2] Речь идет о заседании Совета Главного управления по делам печати от 2 января 1885 года (см т. 16, кн. 1, с. 497—498).

[3] Имеется в виду следующее извещение «Высылая книжку «Русской мысли» всем прошлогодним подписчикам, контора журнала покорнейше просит тех из них, которые не возобновили еще подписку на текущий год и желают получать журнал безостановочно, доставить подписную плату ко времени выхода февральской книжки».

[4] До февральской книжки была отложена публикация трактата Л Толстого «Так что же нам делать?»

[5] Имеется в виду повесть Д. Григоровича «Акробаты благотворительности»

[6] Письмо неизвестно

[7] См прим 4 к письму 1120.

1129. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

5 февраля 1885. Петербург

5 февраля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Посылаю Вам новую мою сказку[1]. Не потому чтоб она стоила, а затем чтоб Вы знали все, что я блужу.

Я вот уже почти три недели, как в большой тревоге. Костя в скарлатине, которая к нему была особенно жестока. Сопровождалась опухолями в сочленениях и страданиями сердца. Почки до сих пор не тронуты; ожидают, что будет через 20 дней, т. е. послезавтра. Лечит его Руссов, но пять дней сряду навещал Боткин, а также Соколов. Боткин, по-видимому, дал болезни правильный ход. Прописал каломель и лед на голову и на сердце. Две недели мальчик не выходил из бреда Теперь несколько лучше, температура, видимо, падает, но я все жду 20-го дня. Н. И. Соколов тоже похаживает и даже сегодня был. Все это время, т. е. начиная с 18 января, мы живем секвестрованные, никого, кроме докторов, не видим, хотя иногда заходит Лихачев. У Унковского дочь в дифтерите. Говорят, настоящего дифтерита нет, а что-то вроде. Вот они, дети. А главное, гимназии, которые суть рассадники болезней. Я помню, что 6 лет пробыл в лицее, и ни одного тяжелого случая не было. Лизу мы отделили. Взяла ее у нас хозяйка дома, жена доктора Скребицкого, и до 3-го марта мы ее не увидим. Говоря относительно, это еще благополучно, потому что она в одном доме с нами и при ней наша гувернантка, очень порядочная женщина.

Прошу Вас передать от меня и от жены поклон многоуважаемой Софье Петровне. Напомните обо мне также Л<орис>-М<еликову>, ежели увидите.

До свидания. Вы не пишете, чтó предполагаете делать летом. Болезнь Кости может и нас заставить путешествовать. На Волгу я стремлюсь действительно,— но попаду ли,— неизвестно[2].

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 48
Впервые опубликоваио *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 137—138

[1] «Неумытный Трезор» из февральского номера «Книжек «Недели».

[2] «Сегодня получил письмо от Салтыкова,— 13/25 февраля сообщал Белоголовый П Л Лаврову,— его сыну лучше, но все еще он не вышел из опасности, а так как предвидится вероятность отправиться летом за границу, то спрашивает, где мы можем увидеться» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп. 4, № 34, лл. 21—21 об)

1130. В. П. ГАЕВСКОМУ

5 февраля 1885. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Будь так добр, замолви словечко или два за Веревкину, которая опять хлопочет о контракте на будущий оперный сезон[1]. Признаться сказать, я с каждым годом все больше и больше убеждаюсь, что племянницы — совсем лишняя вещь, но когда они даны природой, то хочешь не хочешь, а надо угнетать ими приятелей.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

5 февраля.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф 171, № 248, л 56
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 199.
Год устанавливается по связи с письмом 1007

---

[1] Оперная певица П Н. Веревкина (урожд. Зилова), племянница Салтыкова, годом ранее уже хлопотала о возобиовлеиии контракта (см. письмо 1007)

1131. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

5 февраля 1885. Петербург

5 февраля

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Давно не писал к Вам, потому что не выхожу из болезней. Не я лично, а Костя. Начал с Рождества, проболел праздники, потом на короткое время поднялся, а 18 января опять заболел скарлатиною, и теперь лежит. Болезнь была настолько жестока, что две недели сряду мальчик был в бреду. Лечит его Руссов, но покуда была опасность, 5 дней сряду посещал Боткин. Благодаря этому со вчерашнего дня болезнь начала уступать. Но до сих пор ему ничего не дают есть и только сегодня перестали класть лед на голову и на грудь. Вот уже скоро три недели как мы секвестрованы, никого не видим, кроме докторов. Иногда заходит Лихачев. Лизу мы вынуждены были отделить и отдали ее хозяйке дома, Скребицкой (жене доктора Скребицкого), и вот уже 18 дней как не видим ее. Хорошо, что она в том же доме и изредка показывается в окне на дворе. Хорошо также, что порядочные люди нашлись, которые взяли ее с гувернанткою, в то время, когда мы совсем теряли голову и намеревались взять номер для нее в гостинице. До 3-го марта, т. е. покуда не произойдет дезинфекция, мы остаемся все в том же положении. В первый раз это со мною случается. Живем как ошельмованные и страшно ску-

чаем. Как ни опасен был Константин — скарлатина была с большими осложнениями со стороны сердца и легких — по раз Боткин вступился, я все-таки не терял надежду. Одна боязнь: как бы умственные его способности не тронулись болезнью. Н. И. Соколов тоже довольно часто заходит.

Посылаю Вам три моих сказки, из которых две были помещены в «Рус<ских> ведом<остях>», а одна в «Неделе»[1]. Вот и я, как еврей, по всем журналам *града взыскую*. Что делать! такая уж старость пришла. Думал в своем дому умереть, а надо скитаться. У бога милостей много, полна пазуха. Только в «Р<усские> вед<омости>» посылать не особенно странно, а в прочие места даже удивительно. Мог ли я думать, что попаду в «Вестн<ик> Европы»? Да и действительно я там только *сотрудник*, т. е. случайный вкладчик. Как прежде никого не знал, так и теперь. Только Стасюлевич у меня бывает, а из сотрудников никого не вижу, даже Пыпина. Просто удивительно.

1-го марта вам следует получить по купонам 275 р. В счет их мною уже затрачено 109 р. 50 к. на журналы и книги для Вас, и счет Карбасникова был своевременно к Вам послан. Стало быть, Ваших денег будет у меня 165 р. 50 к. Напишите, пожалуйста — только не томите — как с ними поступить, т. е. прислать ли к Вам, или хранить до Вашего приезда. Теперь — курс изрядный, и я могу выслать немедленно по получении от Вас уведомленья.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Затем, желаю Вам всего лучшего и остаюсь преданный Вам

М. Салтыков.

На днях был пожар в здешнем Гор<одском> кред<итном> обществе, и вообще там порядочная неурядица. Но бумаги стоят 84%. А два месяца тому назад были $82^1/_2$%. Перед пожаром доходили до 85%.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 576, карт 2, № 26, л. 51
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 139—140

[1] «Чижиково горе», «Недреманное око», «Неумытный Трезор»

1132. А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

7 февраля 1885. Петербург

7 февраля.

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Я с величайшим удовольствием прочитал сегодня в «Р<усских> вед<омостях>» Ваш этюд о гр. Толстом[1]. Только мне

кажется, что для того, чтоб быть совсем логичным, надо и игру в верования счесть *баловством*[2]. Мне кажется, тот может назвать себя вполне хорошим человеком (хотя и не назовет, потому что ему это в голову не придет), кто живет честно и трудится как может. Все прочие, а в том числе и раскольники и взыскующие вечного града, вроде Сюсляева, гр. Толстого и проч, суть досужие люди, баловни и кобени (от глагола кобениться)[3]. Право, литературное ремесло, ежели оно согрето убеждение<м>, не так гнусно, чтобы на него смотреть как на блевотину сатаны.

Искренно вам преданный
М. Салтыков.

У меня сын скарлатиной болен, и я сижу секвестрованный

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 283, оп 2, № 170, л 3
Впервые опубликовано «Огонек», 1951, № 5, с 23 Повторная публикация *ЛН*, т 67, с 514

---

[1] Имеется в виду статья А Скабичевского (*Р. вед*, 1885, № 33, 6 февраля) о книге М С Громеки «Последние произведения графа Л. Н Толстого» (М, 1884) Статья Скабичевского посвящена оценке «Исповеди» Толстого, запрещенной в России, но обильно цитируемой Громекой.

[2] Замечание Салтыкова относится к следующему высказыванию Толстого (цитируемый текст Толстого подчеркнут курсивом). Рассказывая историю «переворота» в своей жизни и верованиях, разрыва с кругом «богатых и ученых», Толстой писал «Жизнь нашего круга богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл Все наши действия, рассуждения, наука, искусства,— все это предстало мне как баловство».

[3] Ирония Салтыкова вызвана признанием Толстого, который, не найдя удовлетворения в вере людей его круга, «стал сближаться с верующими из бедных, простых неученых людей, с странниками, монахами, раскольниками, мужиками» Салтыков знал, что среди последних Толстой подразумевал крестьянина Тверской губернии Сютаева, основателя секты «сютаевцев», фамилию которого он презрительно переиначил в Сюсляева.

1133. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

7 февраля 1885. Петербург

7 февраля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю Вам обратно корректуры[1]. Боюсь одного: не плохо ли. Что-то грызет меня, что совсем мне перестать писать нужно Я, впрочем, просил Вас: если Вы найдете мои труды

недостаточными или неудобными, то не стесняйтесь. *Я не отступлюсь от Вас, а только пришлю другое что-нибудь.*

Ежели Вы и за всем тем поместите «Дурака», то прошу Вас гонорар за него и за «Око» перевести мне через контору Стефаница (Кузнецкий мост, на углу Неглинной, дом Торлецкого, вход через магазин Тралин), так как это контора, с которой я здесь имею дело. Чек (или перевод) пришлите мне (по отпечатании), так как я теперь нуждаюсь. Еще просьба. Вместе с отпечатанием пришлите оттиски (штук 10).

Салаев ничего мне не писал. Видно, не нужно[2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлининку *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л 31.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 200.

---

[1] Салтыков отправил корректуры сказки «Дурак»
[2] См. прим. 4 к письму 1120

1134. А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

9 февраля 1885. Петербург

9 февраля

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Мне кажется, что, привлекая пример Слепцова и его коммуны, вы только запутываете вопрос самым неожиданным образом[1]. Это дело было совершенно ребяческое, так что, по моему мнению, об нем лучше всего позабыть. Примеры опыта осуществления коммуны были гораздо серьезнее, но и они совсем не идут к делу[2]. Что касается до отрицания искусства для искусства, какое было в начале 60-х годов, то оно явилось, действительно, во имя отрицания баловства, тогда как теория Толстого — самосовершенствование для самосовершенствования — есть именно *продолжение* баловства.

Всего обиднее тут ссылка на народ; народ вовсе не думает о самосовершенствовании — об этом разговаривают Сюсляевы, Толстые, Успенские, Достоевские,— а просто верует. Верует в три вещи: в свой труд, в творчество природы и в то, что жизнь не есть озорство. Это и вера и в то же время *дело,* т. е. дело в форме, доступной народу. Если жизнь испытывает его, он «прибегает», просит заступничества и делает это в той форме, какая перешла к нему от предков, т е. идет в церковь, взывает к Успленью-матушке, к Николе-батюшке и т. д. Но это не значит, что он верует в них по существу, а верует он в собственные слезы и в собственные воздыхания, которые и восстановляют в нем бодрость. Подобие сему и культурный чело-

век. Вера его тоже не иная, а вера в труд, вера в творчество природы и в жизнь. Он может применять эту веру ошибочно, но никак не может смотреть на честные свои убеждения, на свой честный труд, как на блевотину[3].

По моему мнению, Толстой не только балуется, но, может быть, и кобенится.

А впрочем, извините Вперед не буду.

Искренно вам преданный
М Салтыков

Пожалуйста, не подумайте, что лавры Толстого не дают мне спать. Уверяю Вас, что я на всякие вообще *лавры* плюю, или, лучше сказать, совсем об них не думаю.

Об урыльниках тоже Толстой напрасно коснулся. *Свои* урыльники всякий вынесет без особенной гадливости, но я иду дальше: и чужие урыльники человек вынесет без гадливости, но не по чувству самосовершенствования, а потому что это *труд* Нашел оселок для испытания нравственного самосовершенства!

Фурье и в чистке нужников видел только предлог для особенной комбинации[4], а в его время и ватерклозетов не было. Я же убежден, что со временем и урыльников не будет, так что этот способ доказательства нравственного преуспеяния устранится сам собою.

Сын мой был очень опасен, но теперь скарлатина уступает Я пробуду в карантине до 3-го марта.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 283, оп 2, № 170, лл 5—6

Впервые опубликовано «Огонек», 1951, № 5, с 23—24 Повторная публикация *ЛН*, т. 67, с 514—515

---

[1] Письмо неизвестно Очевидно, что, защищая главный тезис своей статьи о Громеке (см. письмо 1132) « жизненность новой веры гр Л Н Толстого заключается именно в том, что дело состоит здесь не в изменении каких-либо теоретических умозрений, а в стремлении изменить самое содержание жизни, весь ее склад»,— Скабичевский сослался на пример «знаменской («слепцовской») коммуны», организованной В А Слепцовым Салтыков в ней бывал

[2] Имеется в виду опыт Парижской коммуны 1871 года

[3] См письмо 1140

[4] Салтыков имеет в виду тот способ, при помощи которого Фурье предполагал в будущем идеальном человеческом общежитии — «фаланстере» — осуществить свою идею «привлекательного труда» по отношению к грязным, неприятным работам. Фурье полагал, что такие работы добровольно возьмут на себя «когорты самоотверженных».

1135. М. И. СЕМЕВСКОМУ

12 февраля 1885 Петербург

12 февраля.

Многоуважаемый Михаил Иванович.

Я получил приглашение на обед 19 февраля и считаю долгом просить Вас принести мою искреннюю благодарность распорядителям за оказанную мне честь[1]. Но воспользоваться приглашением я не могу, во-первых, потому что глубоко потрясен семейным моим горем, хотя здоровье сына моего уже значительно поправилось, и во-вторых, потому что считаю себя секвестрованным до тех пор, пока пройдет заразительный период и не останется никаких сомнений, что все кончилось.

Прошу Вас и лично принять мою признательность за Ваше доброе внимание, а также передать мой сердечный привет многоуважаемой Елизавете Михайловне.

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

А вот Вам и анекдот для «Русской старины» 900-х годов. В Твери, в промышленном музее, года три-четыре тому назад, без ведома моего, был поставлен мой бюст, как уроженца Тверской губ<ернии>. Бюст этот был пожертвован врачом Петрункевичем, которого я тоже не знаю, при бытности во главе Музея г. Жизневского, председателя Тверской каз<енной> палаты (К. К. Грот его знает), и стоял спокойно до прошлого года. Но в прошлом году г. Жизневский догадался, что бюст поставлен без разрешения Министра внутр<енних> дел, и возвратил его обратно жертвователю[2].

И заметьте, этот Жизневский — либерал, и лично нашептывал мне всякие комплименты.

В том же году в Киеве из городской библиотеки мои сочинения выбросили, хотя они даже в индексе не значатся.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 54.
Впервые опубликовано· *Письма*, с. 282—283

---

[1] Обеды по случаю освобождения крестьян проводились ежегодно по инициативе так называемого Кружка 19 февраля. Отчеты об этих обедах печатались, как правило, в «Русской старине». Салтыков на этих обедах не бывал, хотя и получал приглашения в 1885 и 1886 годах.

[2] См. прим. 2 к письму 1074.

1136. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

15 февраля 1885. Петербург

15 февраля

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я давно не писал к Вам, потому что четыре недели сряду нахожусь в величайшей тревоге. Сын мой заболел скарлатиной и две недели был между жизнью и смертью, так что Боткин пять дней сряду ездил. Он, конечно, и помог, и теперь уже наступил период выздоровления. Все это время я находился в карантине да и еще предстоит мне такового три недели. К счастью, хозяйка дома, в котором я живу, была так внимательна, что взяла к себе мою дочь, которой, в противном случае, угрожала та же адская болезнь.

Вообще, как говорится, на меня поехало. На днях опять-таки из-за меня едва не закрыли «Вест<ник> Евр<опы>». Собирался уже совет 4-х, но Победоносцев, узнав, что журналу еще не было дано ни одного предостережения, воспротивился[1]. Что касается до меня, то мое участие в «Вестн<ике> Евр<опы>» я считаю ниспосланною мне провидением карою Нет ничего ужаснее, как чувствовать себя иностранцем в журнале, в котором участвуешь. А я именно нахожусь в этом положении. Не понимаю, о чем хлопочут эти люди, хотя вижу, что у них есть что-то на уме. Какая-то шпилька. Но, во всяком случае, это не такой совершенный нужник, как «Русская мысль», а только ватерклозет. К тому же я чувствую себя до такой степени утомленным, что именно только нужда и заведенная исстари жизненная обстановка заставляют меня работать. Теперь остается только одно: чтоб меня на обе корки обругали, что несомненно и воспоследует в непродолжительном времени.

До свидания; пишу к Вам это письмо, чтобы напомнить Вам, что я еще не умер. Не приедете ли хоть на святой в Петербург? в то время я буду уже совсем дезинфектирован.

Искренно Вам преданный

М Салтыков

Печатается по подлиинику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 29, л 51
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 283—284.

[1] См письмо 1128

1137. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

15 февраля 1885. Петербург

15 февраля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Сейчас получил я 10 №№ «Р<усских> в<едомостей> с сказкой[1]. Искренне Вам благодарен. Сказка вышла не важная, в чем и приношу Вам извинение. Виновато в этом, по преимуществу, мое усердие, которое и необходимо обуздать. Вперед постараюсь быть менее усердным, но присылать вещи тщательнее сделанные. Тут только одно препятствие: ежели быть более тщательным, то, пожалуй, совсем придется бросать вследствие цензурных условий.

Расчет тоже получил, и по счету моему Вы прислали мне лишних 3 р. 50 к., которые и прошу в следующий раз вычесть.

Будьте благодетелем, напечатайте в «Р<усских> вед<омостях>» прилагаемое объявление раза три в течение недели, начиная с четверга, 21 числа. Прошу Вас стоимость объявлений с меня вычесть при следующих присылках[2].

Здоровье моего сына налаживается к лучшему, а сам я совсем расстроил себе нервы.

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

Пожалуйста, пришлите Ваш новый адрес.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 33

Впервые опубликовано В Розенбергом в ки: *Русские ведомости,* с 200 (первый абзац); полностью *Неизданные письма,* с. 200—201.

---

[1] Номера с публикацией сказки «Дурак».

[2] Объявление о продаже «во всех книжных магазинах» новых изданий произведений Салтыкова («В среде умеренности и аккуратиости», «Сатиры в прозе», «Невинные рассказы», «Дневник провинциала в Петербурге», «Современная идиллия», «Благонамеренные речи», «Сборник») напечатаио в «Русских ведомостях» 20, 23 и 26 февраля

1138. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

16 февраля 1885. Петербург

16 февраля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Посылаю Вам новую мою сказку «Дурак»[1]. Не особенно важно, но в числе прочих пойдет. Устал я, пора перестать писать.

Вчера началась пятая неделя моего карантина, но теперь, по крайней мере, видно, что Костя вступил в период выздоровления. Сегодня ему дают первую ванну. Быть может, Боткин и рассердится на это, но Руссов говорит, что он отвечает, и так как он с самого начала каждодневно за Костей следит, то я решился уж предоставить ему это дело. Тем более, что и Боткин останавливался ваннами (неделю тому назад) вследствие того, что в сердце был еще шумок, а Руссов говорит, что теперь и эта причина исчезла совсем. Сергей Петрович и на счет дезинфекции такие условия поставил, которые доступны только коронованным особам. Приходится и тут преслушаться, и делать что можно. Хорошо еще, что мы не за границей живем, а там, пожалуй, пришлось бы всю гостиницу на свой счет переделывать, да и за пустые номера платить.

Дайте мне, пожалуйста, знать, когда Вы предполагаете выехать из Ментоны, и куда. И где вообще будете летом[2]. А я про себя еще ничего не могу сказать. Болезнь Кости совсем сбила меня с толку.

Более писать, покуда, нечего. Говорят, будто Толстой так болен, что вынужден и оставить М<инистерст>во, и будто на его место метят Островского. Это будет хуже[3].

До свидания. Прошу Вас передать наш сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Пожалуйста, засвидетельствуйте от меня почтение Л<орис>-М<еликову>, ежели увидите, и поклонитесь Надсону. Что с ними?

Печатается по подлииику *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 49.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 143.

---

[1] Белоголовому послаи номер газеты «Русские ведомости» от 12 февраля с публикацией сказки «Дурак».

[2] В мае семья Белоголового переехала в Блазевиц, а в первой половине июня — в Висбаден. Салтыков встретился с Белоголовыми в Висбадене, где он прожил с 29 июня (11 июля) по 17 (29) августа.

[3] Вопрос об отставке гр. Д. А. Толстого с поста министра внутренних дел действительно возник 15 февраля 1885 года в связи с публикацией в газете «Русь» статьи «Прибалтийские привилегии в Веиденском уезде Лифляндской губернии (Письмо из Риги)». Однако гр. Д. А. Толстой, ссылаясь на состояние здоровья, «выпросил себе позволение ехать жить в Ливадию» и тем самым избежал предполагавшейся отставки. Слух о возможности назначения на пост министра внутренних дел М. Н. Островского,

в то время министра государственных имуществ, муссировался, вероятно, в связи со стремлением последнего «воспользоваться отсутствием Толстого, чтобы занять место первенствующего министра» («Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. М, «Наука», 1966, с. 291, 303).

1139. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 февраля 1885. Петербург

21 февраля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем новое «Пестрое письмо» [1]. В субботу Вы, вероятно, отошлете уже мартовский № в цензуру, и следовательно, начнется уже набор апрельской книжки.

Не будете ли так любезны приказать подчеркнутое набирать курсивом. Вы мне говорили, что это возможно. Иногда в целом слове нужно одну букву или две подчеркнуть, а с разрядкой это совсем неудобно. Впрочем, ежели это представляет какие-нибудь затруднения, то я, конечно, не настаиваю [2].

За мартовскую мою статью я сильно боюсь. Кожухов — это такой ужасный человек, что от него всего можно ждать [3].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Костя уже встал сегодня с постели. 1-го или 2-го предполагаю выехать в гостиницу, а квартиру отдать в распоряжение дезинфектору [4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 67.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 20.

[1] Речь идет о шестом очерке из цикла «Пестрые письма» для апрельского номера «Вестника Европы».

[2] См. письмо 1140.

[3] Член Совета Главного управления по делам печати Е. А. Кожухов в это время курировал «Вестник Европы».

[4] Салтыков с семьей переехал в гостиницу Демут 5 марта, где прожил до 10 марта.

1140. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

22 февраля 1885. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Сын мой уж скоро будет пять недель как болен, теперь уж он начал вставать с постели и конец предвидится уже недалеко. Думаю, что 2-го или 3-го марта перееду дней на 5 в гостиницу (вероятно, в Европейскую, ибо *шику* больше) и к концу 5-й недели буду уже опять в своем логовище, вполне де-

зинфектированном[1]. После этого, т. е. с конца 5-й недели и отцам семейств безопасно будет ко мне заходить. Но я Вам скажу, подобная болезнь, кроме сердечных тревог, и в материальном отношении стоит хорошего пожара. Вообще, с детьми трудно рассчитать свою жизнь — это я теперь отлично понял.

Все, что Вы пишете про «Русскую мысль», совершенно верно[2] — это действительный нужник, к возвеличению которого, к сожалению, способствовали «Отеч<ественные> записки» Но Юрьева все-таки жалко, несмотря на то, что он из ума выжил. В былые времена можно было бы протестовать соборне, но ныне подобный протест возбудит только хохот в свином лагере. Да и как заступаться за человека, который *никогда* в редакции не бывал и последний рассудок истратил на Поссарта и Барная[3]. Ведь, по правде говоря, с ним довольно-таки трудно дело иметь. Я очень рад, что хоть и случайно, но вовремя спохватился. Признаться, не очень-то мне ловко одному в «В<естнике> Евр<опы>» беседовать, да что же будете делать! И представьте себе, какие там порядки: Стас<юлевич> *курсив* уничтожил! Вместо курсива велел типографии «разрядку» употреблять. Я, впрочем, жаловался ему на это: как же вы, говорю, *я* разрядкой напечатаете? или иногда в целом слове один слог и даже одну букву курсивом напечатать нужно — ка̀к вы замените его разрядкой? — Ах, в самом деле! И обещал собственно для меня достать курсиву; но в мартовской книжке опять не исполнил[4]. Но, во всяком случае, это уже снисхождение: кроме 250 р. полистной платы, еще и курсив. Слава богу!

О Толстом Вы тоже правильно пишете. Но Скабичевский всплакнул-таки в «Русских ведомостях». Я, признаться, написал ему по этому поводу, что Толстой не более как Кобеня, но он не совсем согласился со мной; помилуйте, говорит, ведь он советует самим выносить из урыльников![5]

Хорошо, коли у кого урыльники есть, а вот у мужичков и этого нет. И рад бы выносить (в огород бы он снес), да приходится прямо на пусто поскудить. А между тем, и Толстой и Успенский только и бредят мужичком; вот, мол, кто истинную веру нашел!

И ведь какой хитрый этот Толстой: на прежнюю свою деятельность литературную, как пес на блевотину смотрит, а деньги за издание этой блевотины берет хорошие.

Я понимаю, что Вы не особенно интересовались видеться с Толстым в Москве, а любопытно было бы. Сказал ли бы он несколько теплых слов по случаю смерти «Отеч<ественных> зап<исок>».

Когда я читаю современное книгопечатание, то мне кажется, что в ловушку попался. Гулял, гулял да и догулялся. А может быть и не гуляя догулялся. Кто мог бы ожидать, что будет «Голос Москвы»?[6] И что всего досаднее· «Русские вед<омости>» занимаются этим говном.

До свидания, будьте здоровы и богом хранимы.

Искренно Вас уважающий

М Салтыков.

22 февраля

Печатается по подлининику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 29, лл 53—54.
Впервые опубликовано *Письма* с. 285—286.

---

[1] См письмо 1139

[2] Письмо неизвестно

[3] Поссарт и Бариай — известные немецкие актеры, неодиократио гастролировавшие в России Юрьев был одним из инициаторов поднесения золотого венка Барнаю в день его последнего спектакля (см: С. А Юрьев. К редактору «Русских ведомостей» — *Р. вед*, 1885, № 42, 13 февраля, с 4)

[4] См письмо 1139.

[5] См письмо 1134.

[6] Ежедневная газета «Голос Москвы» в 1885—1886 годах издавалась Н В Васильевым и И И Зарубиным Салтыков имеет в виду реакционно-шовинистическое направление этого издания, близкого к «Московским ведомостям» Каткова.

1141. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

25 февраля 1885 Петербург

25 февраля.

Многоуважаемый Александр Львович.

Судя по тому, с каким трудом приходится вызвать от Вас какое-нибудь сообщение, можно подумать, что Вы высоковыйнейший из сановников нынешнего высоковыйного времени. Но я знаю, что Вы добрый, и потому осмеливаюсь утруждать Вас своими скромными письмами.

Я целых шесть недель сряду сижу в карантине и выдержал ту же самую тревогу, какую Вы недавно выдержали. Костя мой заболел скарлатиной, и так как слабый его организм не представлял почти никакого противодействия болезни, то около 10 дней он находился между жизнью и смертью. Если б не Боткин, мы, наверное, лишились бы его. Теперь дело идет на выздоровление, а 3-го или 4-го марта мы переедем дней на пять в гостиницу, с тем, чтобы дезинфектировать квартиру и белье. Представьте себе, что вот уж шестая неделя как мы и Лизу не видим, потому что мы сейчас же ее, по требованию

докторов, отделили. К счастию, хозяйка дома, отличнейшая женщина, взяла ее с гувернанткой к себе, так что она в том же доме находится. Но мы, хоть и были знакомы с г-жою Скребицкою, но совсем не близко. К счастию, теперь уже видится конец всем этим мученьям.

Об себе скажу Вам не много: по-прежнему болен и попрежнему скребу пером. Жду, когда конец этому будет, и вполне искренно говорю, что чем скорее, тем лучше. Всем я надоел и везде лишний — это я чувствую. Вам, быть может, известно, что я с конца прошлого года печатаюсь в «Вестнике Европы». Из этого многие заключают, что я *перешел* в «В<естник> Евр<опы>» Но уверяю Вас, что я никуда не *переходил* и остаюсь на прежней квартире, хотя она и разорена. Кроме того, от времени до времени печатаю сказки в «Рус<ских> ведомостях». Одним словом, в поте лица снискиваю хлеб свой. В «Вестн<ике> Евр<опы>» я нахожусь на положении иногороднего сотрудника. С редакцией никакого общения не имею, и изредка вижу только Стасюлевича. И мне кажется, что с наступлением весны в глазах его я читаю совет: ты бы до осени отдохнул, а осенью бы опять разика три писнул. Да притом и покороче. Читаете ли Вы «Пестрые письма» и как об них думаете? Очень бы хотелось знать Ваше мнение, а то я до такой степени изолирован, что ни от кого ничего не слышу, да и никому ни до чего здесь дела нет.

Теперь, об общих знакомых. Лихачев все хлопочет? [1] Что́ ему нужно,— я разгадать не могу, но только он как в котле кипит. Быть может, мы так теперь отвыкли от идеи об общей пользе, что уже и понять не можем этой кипучей деятельности. Но, во всяком случае, нужно думать, что у него есть цель, и пошли ему господи поскорее ее достигнуть. Унковский больше всего — обедает. И с Поляковым обедает, и с Каншиным, и с Лермонтовым, а иногда и с нами — и нигде его не тошнит. Говорят, на днях у какого-то министра завтракал и тот его крымскими винами потчивал И все-таки воротился домой веселый. У него в доме, одновременно со мной, дифтерит маленькую Лизу чуть не съел. Есть термин: космополит, а Унковский — космодинатор [2]. Неуклюже несколько это слово, надо другое придумать, но непременно надо. Это совсем особенный тип. Назначение человека: обедать, хотя бы даже при отсутствии аппетита.

Елисеев живет в Париже и по временам пишет мне колкости. По случаю возобновления моей литературной деятельности поздравляет меня с возвращением веселья и т. д. [3]. Ужасное положение этого бедного, бедного старика. Все-таки он играл роль, и вдруг *никто* даже не обмолвится воспоми-

нанием об нем. Он и не понимает, что и со всеми так будет. И со мной в том числе — только брось я перо.

Напишите: намерены ли Вы когда-нибудь посетить Петербург?

Передайте, пожалуйста, наш общий сердечный привет многоуважаемой Елизавете Юльевне и поцелуйте детей.

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 7, лл 55—56
Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с 201—204

---

[1] В это время шла подготовка к выборам, иа которых Лихачев баллотировался на пост городского головы.

[2] Космодинатор — обедающий со всеми (от *франц* dîner, обедать, ужинать).

[3] См прим. 1 к письму 1142

1142. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

1 марта 1885 Петербург

1 марта.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Начну с денег. По купонам с Ваших 11 т. р. сегодня мною получено 275 р. да Вы прислали купонов на 45 р. Итого Ваших денег 320 р. Из них Вам послано по счету Карбасникова книг на 109 р. 50 к. да в Литературный фонд взнос за 1885 год 10 р. Итого истрачено 119 р. 50 к. Остаток 200 р. 50 к. Из них на 200 р. куплен прилагаемый при сем перевод в 516 фр. на 3 мес<яца>. У меня остается 50 к. Перевод сделан не весьма выгодно, ибо не далее как вчера в вексельном курсе произошло неожиданное падение, вследствие распространившихся тревожных слухов. Выжидать я не счел возможным, ибо ничего предвидеть не в состоянии. Когда-то еще курс улучшится, но теперь он выказывает решительную наклонность к падению. Если б я, не выжидая уплаты по купонам 1-го марта, дня два тому назад взял вексель, то Вы выиграли бы от 8 до 10 франков Но просто я ничего не предвидел.

Я не совсем хорошо понял, о каких Вы *веселостях* говорите в Вашем письме, которые будто бы препятствуют мне переписываться[1]. Я сколько могу, работаю — вот и все мои веселости. Работаю с величайшими усилиями и неохотой, потому что нуждаюсь в работе. В «Вестн<ике> Европы» я такой же чужак, как и во всяком другом месте С редакцией не схожусь, все равно как бы присылал статьи из Твери. В «Рус-

скую мысль» не помещаю статей, потому что это нужник, вроде «Нови». Юрьев уже вышел из редакции, а иметь дело с Лавровым да с каким-то Бахметевым не имею охоты. Успенский поневоле идет в «Р<усскую> мысль», потому что кругом туда задолжал. Он и у Стасюл<евича>, говорят, взял 500 р. и говорит, что в *следующем месяце* непременно отработает[2]. Остаются «Р<усские> ведомости» — газета, действительно, порядочная — но там можно только очень мелкие вещи печатать. Что касается до Гайдебурова, то он выпросил у меня небольшую вещицу[3], и я не вижу в его деятельности особенной подлости, а глупости очень много.

Вообще, будьте уверены, что веселостей в моем существовании не много, а пакостей — по горло. «Вестн<ик> Евр<опы> уже хотели, из-за моих статей, запретить совсем и даже совет по этому случаю 4-х министров собирался, но решили, *до времени,* оставить дело без последствий[4]. Но все это только *до времени.*

Косте лучше. Скарлатина приходит к концу. На будущей неделе переезжаем в гостиницу, чтобы дезинфектировать квартиру. Это возьмет дней пять. И это скитание для меня, больного человека, не совсем выгодно.

Напишите, пожалуйста, определеннее, будете ли Вы здесь летом или останетесь в Париже. Время и мне подумывать о даче. Ежели Вы останетесь в Париже, я Ваши бумаги в банк на хранение отдам. Не могу я с ними по дачам путешествовать.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Михайловский все в Любани, Кривенко — сидит, Скабичевский еле перебивается.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Будьте так добры, не замедлите уведомлением о получении прилагаемого векселя.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 25, л. 52.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 147—149.

---

[1] Салтыков имеет в виду письмо к нему Елисеева от 12 февраля 1885 года, где последний выражает надежду, что «зимний нынешний сезон выпал для Вас особенно веселый» (*Письма Елисеева*, с. 163). Что же касается «колкостей», то подразумевается рассуждение Елисеева о причинах, толкнувших Салтыкова к сотрудничеству в «Неделе», которая, по мнению Елисеева, «грязнейший из всех наших журналов» См также письмо 1131.

[2] Г. Успенский действительно еще в конце апреля или в начале мая взял у Стасюлевича 450 рублей, отработку которых он несколько раз переносил

[3] В «Неделе» Салтыков напечатал сказку «Неумытный Трезор».

[4] См. письмо 1128

1143. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

3 марта 1885 Петербург

3 марта

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Прежде всего благодарю Вас за память[1]. Живется мне так себе; карантину срок кончается, а во вторник думаю приступить к дезинфекции квартиры и сам на время переезжаю в гостиницу. В будущее воскресенье, 10-го думаю совсем водвориться у себя. Но теперь меня беспокоит новое обстоятельство: глаза мои, по-видимому, погибают. Перспектива ослепнуть страшнее всего, что я когда-нибудь себе представлял, и, кажется, она меня ожидает.

На днях я вам вышлю *две* сказки (в четверг или в пятницу получите); из них одна несколько больше «Недр<еманного> ока», другая — займет не более 60 строк[2]. Вот почему я и желал бы напечатать их вместе. Впрочем, это еще вопрос, может ли вторая (маленькая) сказка быть напечатана. Ежели найдете неудобным, то отложите, и, во всяком случае, когда будете присылать корректуры, то напишите прямо, что́ по Вашему мнению небезопасно или даже неловко. Теперь мне совсем беда: не с кем посоветоваться, а когда человек предоставлен исключительно самому себе, то он легко может впасть в распутство. Оттисков (особых), ради бога, Вы для меня не делайте — из-за пустяков еще историю наживете[3] — а присылайте мне 10 №№ газеты. Пожалуйста, не делайте оттисков, прошу Вас об этом, а тем паче не привлекайте цензуру. Затем, хотя я возвращусь из гостиницы в квартиру только в воскресенье, но корреспонденцию мне все-таки каждый день будут носить.

Ваше намерение придать разнообразие фельетону заслуживает всякого сочувствия. Литературный и общественный фельетоны, действительно, как будто прихрамывают. А главное, точно в пьяном виде пишутся — концов с концами свести нельзя. Статей Андреева ожидаю с величайшим любопытством[4].

Простите, что я Вас все сказками потчую: мне нужно *книжку* из них сделать, и непременно к будущему году.

Ваши мечтания о большом журнале в Москве в высшей степени приятны. Действительно, теперь совсем нет места, в котором можно было бы с удовольствием приютиться. «Р<ус-

ская> мысль» есть положительный нужник, и можно только жалеть о тех, которые связались с ним. Что касается до «Вестн<ика> Европы», то я в нем чувствую себя положительно иностранцем и никакого интимного участия не принимаю. Все равно как если бы я жил в Твери и оттуда посылал статьи и получал за них гонорар. Следовательно, и для нашего брата, инвалида, было бы недурно иметь сочувственный орган. Одно только: едва ли я *лично* могу быть полезен. Я уж последние силы трачу; еще немного — и лампада жизни потухнет, как говорил Жуковский.

Юрьева до смерти жаль, но все-таки, скажите по совести, разве не он провалил журнал, который мог бы быть весьма приличным? [5]

Ежели бы Вы были так любезны переговорить о моих книгах с Мамонтовым, то предложите ему следующее: пускай возьмет у меня по 150 экз. двух изданий: «Господа ташкентцы» и «Дневник провинциала»; я уступлю по 95 к. за экз., т. е. за все триста — 285 р. (более 35% уступки); из них 135 р. отдать немедленно, а на остальные 150 р. вексель на 6 месяцев. И пусть кому-нибудь поручит в Петербурге взять их от меня и переслать в Москву, как знает. За это я не берусь.

Когда же Вы соберетесь в Петербург?

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Переезжаете ли Вы на новую квартиру или отдумали?

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл 35—36

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн *Русские ведомости*, с 199, 200 (второй абзац без заключительной фразы, пятый абзац); полностью *Неизданные письма*, с 204—206

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Салтыков предполагал выслать Соболевскому сказки «Коняга» и «Кисель».

[3] Для печатания отдельных оттисков требовалось специальное разрешение цензуры (см *Русские ведомости*, с. 200).

[4] Из статей Чернышевского, выступавшего под псевдонимом Андреев, напечатана лишь одна· «Характер человеческого знания» (*Р. вед.*, 1885, №№ 63—64, 6 и 7 марта)

[5] В мартовской книжке «Русской мысли» напечатано письмо Юрьева с отказом от участия в редактировании журнала

1144. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4 марта 1885 Петербург

4 марта.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

На случай какой-либо надобности, считаю не лишним сообщить Вам, что завтра с утра я переезжаю в гостиницу Демут, ход с Конюшенной № 56. В «России» нет комнат ниже 3-го этажа, а мне так высоко ходить не приходится.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л 69
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 20

1145. А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

7 марта 1885 Петербург

7 марта

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Хотя у меня в квартире и разгром, но все-таки я где-нибудь живу, и потому всего лучше, ежели бы вы приехали ко мне в гостиницу Демут (Большая Конюшенная), где я живу в 56 № и пробуду до воскресенья утра[1]. Я не понимаю: каким образом Пыпин, давний и интимный сотрудник Стасюлевича, не может быть посредником между ним и вами, а могу быть этим посредником я, вчерашний сотрудник[2]. Я не отказываюсь от исполнения Вашего желания, но хотел бы сговориться с Вами, как бы это сделать, чтоб Вам не повредить. Стасюлевич — это такой человек, который в своем журнале курсив упразднил, и я не мог его убедить, что необходимо восстановить этот шрифт[3]. Ведь есть же причина, по которой Пыпин боится вступать с ним в переговоры. Я — не боюсь, но вижу, как слова убеждения отскакивают от него.

Пожалуйста, зайдите и продиктуйте сами, что нужно писать. А у меня таких слов нет, которые могли бы действовать. Предупреждаю Вас, что опасности видеть меня теперь нет никакой.

Весь ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 283, оп 2, № 170, л. 7.
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, с 515.

[1] Из за болезин сына.

[2] Салтыков стал печататься в «Вестнике Европы» с конца 1884 года, после закрытия *Отеч. записок.*

[3] См. письма 1139, 1140

1146. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

5—9 марта 1885 Петербург

Не можете ли, многоуважаемый Логгин Федорович, посетить меня на несколько минут в отеле Демут № 56.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 38, л 46 Написано на визитной карточке «Михаил Евграфович Салтыков».

Впервые опубликовано с ошибочной датировкой (10—22 августа 1886 года): *Письма,* с. 307.

Датируется на основании упоминания о гостинице Демут, в которой Салтыковы жили с 5 по 10 марта 1885 года.

1147. А. М. СКАБИЧЕВСКОМУ

10 марта 1885 Петербург

10 марта

Многоуважаемый Александр Михайлович.

Вероятно, Вы недовольны моим письмом [1] и потому не побывали у меня. Впрочем, дело уладилось само собою. Сегодня, по возвращении моем в квартиру (вполне дезинфектированную), ко мне приехал Стасюлевич, и я ему передал о Вашем желании переговорить с ним насчет Вашего участия в «Вестн<ике> Евр<опы>». На это он мне сказал, что очень рад будет повидаться с Вами и что Вы могли видеться с ним и без моего посредничества, так как очень хорошо Вас помнит и знает [2].

Затем, Вам, стало быть, остается съездить к Ст<асюлевичу>. К сожалению, я не спросил, когда его удобнее застать, но Пыпин Вам может сказать верно, когда бывают у них редакционные дни. Со своей стороны, мне очень любопытно будет знать о результате.

Весь ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф. 283, оп 2, № 170, л. 8
Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 67, с. 516.

---

[1] См письмо 1145.

[2] Результат переговоров был положительным Однако Скабичевский

опубликовал в «Вестнике Европы» всего две статьи «П. А. Плетнев» (1885, № 11) и «Песня о женской доле в поэзии Ю. В. Жадовской» (1886, № 11).

1148. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

11 марта 1885 Петербург

11 марта

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Я уже переехал из гостиницы в квартиру. Квартира вполне дезинфектирована, Костя — безопасен, так что и Лиза уже перебралась к нам. Вы бы весьма обязали меня, если б мимоходом зашли меня проведать. Мне эти дни было очень плохо; теперь несколько легче, но лишь настолько, чтоб видеть в этом облегчении небольшую отсрочку.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Белоголовый пишет, что Надсону несколько лучше. Но тоже, по мнению его, это не более, как отсрочка [1].

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф. 501, карт 1, № 7

Впервые опубликовано А Плещеевым в сообщении «Материалы для биографий русских писателей» — «Петербургский дневник театрала», 1905, №№ 15 и 16, с 2

---

[1] Весной 1885 года после операции состояние здоровья Надсона ухудшилось, хотя Белоголовый оптимистичнее других врачей смотрел на положение дел

1149. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

11 марта 1885. Петербург

11 марта вечером.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вследствие беспорядка, сопряженного с переездом в гостиницу, я не мог немедленно выслать Вам корректур, но еще в прошлую субботу отдал прислуге, чтоб в воскресенье отослала конверт заказным [1]. Но, к удивлению, в воскресенье конверт не послали, а послали только сегодня. Извините, пожалуйста. Но меня удивляет, что Вы не получили до сих пор письма моего *в ответ на Ваше* [2]. По моему расчету, Вы должны были получить мое письмо в воскресенье утром. Будьте так добры уведомить, получили ли?

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л. 37. Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 207—208.

---

[1] Речь идет о корректурных гранках сказок «Коняга» и «Кисель».
[2] Письма неизвестны

1150. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

12 марта 1885 Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Препровождаю при сем обратно присланное мне Вами сегодня письмо, так как оно касается Вас столько же, как и меня. Ежели Вы потрудитесь прочитать его вполне, то увидите, какие иногда бывают у людей фантазии и как неприятно быть осаждаемым подобными фантазиями чуть не еженедельно. Но ежели Вам не захочется прочитать письмо вполне, то я подчеркнул место, *касающееся Вас лично.* Посылаю Вам это письмо единственно ради очистки совести, потому что вынужден отвечать на него; а вынужден отвечать, потому что сей хитрец, дабы получить от меня ответ, прислал мне *подлинный* свой аттестат, который я, во всяком случае, должен возвратить.

Ежели Вы найдете нужным что-нибудь сказать по поводу просьбы Кранца, то сообщите мне. Письмо же, пожалуйста, возвратите для ответа [1].

Искренно Вас уважающий
М. Салтыков

12 марта

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л. 71
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 21.

---

[1] Видимо, речь идет о письме петербургского книгопродавца Оскара Кранца Однако раскрыть содержание его просьбы или «фантазии» сейчас невозможно, так как письмо О Кранца и ответ ему Салтыкова до нас не дошли.

1151. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

15 марта 1885. Петербург

15 марта.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Никакое известие давно меня так не радовало, как весть о предоставлении Вам свободы передвижения [1]. Вы были для

меня одним из симпатичнейших и любимейших людей, хотя разность лет и моя болезнь препятствовали мне ближе сойтись с Вами. Счастлив буду видеть Вас на страстной неделе. У меня теперь все благополучно. Сын выздоровел, и квартира дезинфектирована по всем правилам искусства.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 29, л 35
Впервые опубликовано. *Письма,* с. 287.

---

[1] Имеется в виду разрешение Михайловскому покинуть Любань и проживать где пожелает.

1152. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

20 марта 1885. Петербург

20 марта.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Вы, вероятно, забыли, что у меня Ваших облигаций было не 10, а 11 тыс. номинальных рублей. Я и продал их полностью через контору Гинцбурга, где в этом деле принял участие очень порядочный человек, готовый мне услужить, г. Баратц. Но всетаки не совсем согласно с Вашим расчетом вышло. Вообще я полагаю, что в такое тревожное время, какое мы переживаем, т. е. при ожидании войны и при учреждении 5% налога на доходы с процентных бумаг, трудно делать в Париже подробные расчеты на счет продаж ценностей. Во всяком случае, я очень рад, что разница против Вашего расчета не слишком велика. Из прилагаемого при сем расчета Вы увидите, что облигации Ваши проданы по курсу $85^7/_8$, тогда как обыкновенно банкиры дают цену *покупателя,* т. е. $85^3/_4$; при этом за комиссию ничего не взято. Сумма 9475 р. 27 к. переведена на франки по курсу $259^3/_4$ на 3 мес<яца>, но так как Вы желали получить деньги à vue[1], то сделан учет из 3 проц<ентов>годовых, которые и вычтены из 9475 р. 27 к., вследствие чего образовалась сумма 9417 р. 86 к, которая и подлежит оплате à vue по курсу $259^3/_4$ сант<има> или 24436 фр. 92 сант<има>. На эту сумму Вам сегодня же послан чек прямо из конторы Гинцбурга по адресу Boulevard Jourdan 2 bis и расписка в отправке чека находится у меня. В то же время об этом дано знать Парижской конторе Гинцбурга. Вместе с расчетом Гинцбурга прилагаю и вчерашний курсовой бюллетень. Прошу Вас уведомить меня о получении денег и ежели можно оговорить, что у меня Ваших капиталов на хранении более не находится. Извините, ежели при

исполнении Вашего поручения чем-нибудь ошибся. Я не финансист, да и самый шустрый финансист едва ли может предвидеть сегодня, что будет завтра. Могу сказать только одно: контора Гинцбурга выполнила это дело вполне добросовестно.

Новости у нас следующие: Михайловскому дозволили, наконец, жить где пожелает [2], а о Кривенко все еще ни слуху, ни духу. Недавно арестовали Аптекман и Емельянову (последнюю совершенно не знаю). Аптекман выпустили, но назначили к высылке [3]. Впрочем, это, кажется, уладится. Емельянова — и поднесь сидит. Что они совершили — не знаю, да и любопытство, признаюсь, как-то притупилось. Что и следовало доказать.

Поздравляю Вас и многоуважаемую Екатерину Павловну с праздником Пасхи. Надеюсь, что письмо мое придет к Вам как раз в самый этот день.

Летом семья моя отправляется в Гапсаль, куда доктора советуют везти детей для пользования грязями. Я же лично ничего определительного сказать о себе еще не могу. Хочу присмотреть именьице, но не знаю, как дозволит здоровье, которое в высшей степени расстроено.

До свидания. Дружески жму Вашу руку и желаю всего лучшего.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

У меня совсем глаза пропадают.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 26, л 53.
Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941,* т. XX, с 152—154.

---

[1] По предъявлению

[2] См письмо 1151.

[3] М. Н. Емельянова и Д. И. Аптекман арестованы 12 февраля 1885 года по делу центральной петербургской группы народовольцев Первая выслана на пять лет в Восточную Сибирь, вторая — на один год в Чудово.

1153. С. А. ЮРЬЕВУ

20 марта 1885 Петербург

20 марта.

Многоуважаемый друг Сергей Андреевич.

Извини, что несколько замедлил ответом на твое письмо [1]. Работал над одной вещью, да ничего не вышло, так и бросил. Теперь считаю себя свободным [2].

Все описываемые тобою обстоятельства вполне понимаю, и жалею только об одном, что они нашли себе разрешение не в

контрактных условиях, а в славянском «по душе» .. Ты не был бы вынужден писать письмо, которое теперь красуется в начале мартовского №[3]. Согласись теперь, что и в буржуазных порядках бывает нечто недурное. Например, хоть контракт: тем хорош, что не затрагивает «человека». Впрочем, раз это дело прошлое, я душевно радуюсь, что ты развязался.

Что касается до меня, то я, по обыкновению, хирею. Тебя хоть Барнай интересует[4], а у меня и этого удовольствия нет. Но ради этой болезни, я совершенно лишен всяких развлечений. К тому же у меня целых 8 недель болел сын скарлатиной, и если бы не вступился Боткин, то, вероятно, я бы лишился его. Все это время я был под секвестром и никого не видал, а в том числе и Унковского с Плещеевым. Но и теперь я никого почти не вижу, да оно и понятно: в отживающих старцах никому нет надобности, а прочие такие же старцы разлагаются каждый в своем углу, жалуясь на свой специальный недуг: у кого почки болят, у кого легкие, и от всех пахнет тлением. В сем виде ничего другого не остается желать, кроме смерти, что я и исполняю, только без успеха. Работаю с великим трудом и очень часто бросаю, не кончив, чего со мною прежде не бывало.

Ежели ты исполнишь свое намерение побывать на Святой в Петербурге, то буду душевно рад тебя видеть. Только не верится как-то, чтоб ты приехал. Собственно говоря, нет и особенной радости быть здесь: смутно и скучно.

Во всяком случае, до свидания.

Желаю тебе всего лучшего, поздравляю с праздником и остаюсь искренно тебя любящий и преданный

М. Салтыков

Впервые опубликовано Алексеем Веселовским в статье «Отрывки из старой переписки» в ки: «В память С А Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного». М, 1891, с 290—291 Автограф неизвестен

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Возможно, речь идет о замысле «Пошехонской старины».

[3] Письмо Юрьева с отказом от редакторства по причине резко ухудшившегося состояния здоровья (*РМ*, 1885, № 3). Юрьев, видимо, сообщал о сложившихся в редакции отношениях, из-за которых он и должен был выйти из состава редакции.

[4] См. прим. 3 к письму 1140

1154. Н. С. ТАГАНЦЕВУ

До 21 марта 1885. Петербург

Г. Председателю Комитета Общества для пособия русским литераторам и ученым.

Смоленский присяжный поверенный Никандр Иванович Верховский, в пользу которого, по почину покойного Некрасова, лет 15 тому назад, было собрано по подписке 750 рублей на покупку рекрутской квитанции, прислал мне по прилагаемой при сем описи 758 руб., с просьбою употребить их на благотворительное дело по моему усмотрению.

Имея в виду, что в упомянутом выше вспомоществовании г. Верховскому участвовал и Литературный фонд, выдачею ему заимообразно 200 р. (которых он не заплатил, а вместо него уплатил Некрасов), я нашел наиболее целесообразным препроводить присланные г. Верховским 758 р. в распоряжение Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам на предмет усиления его средств [1].

Исполняя сим волю жертвователя и в то же время не зная, пожелает ли он, чтобы пожертвование его было оглашено, я покорнейше прошу выдать квитанцию на мое имя, а деньги записать на приход так: переданные М. Е. Салтыковым от неизвестного жертвователя 758 р.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиинику· *ИРЛИ, ф. 155, Приложения к журналам Литфонда за 1885 год*, лл. 439, 442

Впервые опубликовано: *Письма*, с 288—289

Датируется по связи с письмом 1155

---

[1] Заявление Салтыкова рассмотреио в заседаиии Комитета Литературного фонда 8 апреля. Салтыков на заседании ие присутствовал. Комитет приия́л решение: «Согласио заявлеиию М. Е. Салтыкова записать эти деньги иа приход от неизвестиого жертвователя и за доставление их благодарить» (*ИРЛИ, ф. 155, Приложения к журналам Литфонда за 1885 год, л.* 401). См. письмо 1155.

1155. Н. И. ВЕРХОВСКОМУ

21 марта 1885. Петербург

Милостивый государь Никандр Иванович.

Крайне Вам обязан за доверие, которое Вы мне оказали, поручив дать назначение присланным Вами деньгам, в коли-

честве 758 р. Деньги эти переданы мною в Литературный фонд, расписку председателя которого г. Таганцева при сем и прилагаю. Не зная, пожелаете ли Вы огласить Ваше пожертвование, я внес его от имени неизвестного, но частным образом, разумеется, объяснил происхождение денег. В Литературный фонд я внес деньги потому, во-первых, что Вы сами указали на это учреждение, а во-вторых, и потому, что туда нередко обращаются бедные студенты. Стало быть, высказанная в Вашем письме цель будет вполне достигнута [1].

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

21 марта.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 11.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 155

---

[1] См. письмо 1154.

1156. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

22 марта 1885. Петербург

22 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Поздравляю Вас с праздником, о котором Вы, пожалуй, и не вспомнили, живя в Ментоне. А мы здесь пасху делаем, за куличами бегаем, ветчину покупаем и вообще стараемся объесться. Ветчиной всю компанию снабжает Е. А. Боткина, и чрезвычайно вкусною. Окорока молодых свинок от 6 до 10 фунтов — объедение. Хоть ради этого Вам следовало бы поспешить обратно.

За границу я нынешний год не собираюсь,— нѐ на что ехать,— а все-таки рад буду знать, где и когда Вы будете. Может случиться, что вдруг возьму да и поеду. И конечно туда, где Вы будете [1]. Жена с детьми поедет в Гапсаль,— так, по крайней мере, советует доктор Руссов, а я, вероятно, проведу лето то там, то сям, и буду присматривать для себя угол. Мне просто необходимо уединиться, потому что семейный диапазон делается настолько высок, что гораздо лучше, пускай поживут без помочей своим умом. Покуда был у меня журнал,— была и вольная деньга, а теперь ее нет, требования же все больше и больше увеличиваются. Вот я и думаю все отдать, и сколько можно продолжать работать, но уже без помехи. Думаю, что на свой скромный аппетит я все-таки достаточно наработаю, хотя творческая сила крайне оскудевает. Отчасти, впрочем, и отдельные издания поддерживают.

Вот Елисеев, по-видимому, затеял легкомысленное дело. Бывший у меня на хранении капитал (11 т. облигациями П<етер>б<ургского> гор<одского> кред<итного> общ<ества>) он перевел на днях за границу в количестве $24\frac{1}{2}$ тыс. фр. à vue[2]. Но это его дело, а вот что худо: всю переписку со мною по этому делу он вел не из дома, а из café, т. е. по секрету от Кат<ерины> Павл<овны> и, вероятно, принял меры, чтоб и мои письма не попадали Кат<ерине> Павл<овне> на глаза. Что-то тут кроется весьма сомнительное, а быть может даже и нечестное. Я боюсь, что в одно прекрасное утро он удерет из Парижа в иное место, а Екат<ерину> Павл<овну> с Матреной и Евлалией оставит на попечении русского посольства. И представьте, такую подробную мне инструкцию написал, как продать и за какую цену, что я чуть с ума не сошел[3]. Это теперь, когда курсы каждый день прыгают под влиянием всевозможных сенсационных известий. Однако кое-как продал и перевел приблизительно согласно желанию (франков на 150 меньше указания). А тут опять беда: сегодня отправили ему чек, а на другой день курс на $\frac{1}{8}$ поднялся. Вообще, я ожидаю головомойки, ежели не разрыва.

На всякий случай, жена написала Кат<ерине> Павл<овне>, что вот, дескать, слава богу, дело с Вашими капиталами покончено, и Григ<орий> Зах<арович> удовлетворен[4]. Я нашел необходимым это сделать, потому что, в самом деле, возмутительно так поступать. Ведь прошлым летом К<атерина> П<авловна> одними яйцами питалась и жила в квартире Матвеевых, куда с 4-х часов утра приходили плотники и маляры и начинали работать. Уж ежели нужно жить врозь, то неужто нельзя устроить по-хорошему?

Я, по обыкновению, недомогаю и никого не вижу, кроме Лихачевых. Даже Унковский перестал у нас бывать, а я, видя таковое охлаждение, тоже не настаиваю. Словом сказать, пустыня. И это тоже побуждает меня уединиться в деревню. Без меня семье моей будет веселее. Знакомые найдутся, и с утра до вечера будет сутолока и гам. А я словно пугало тут сижу.

Лихачевы в великом смущении. Сын, о котором они думали, что он превосходнейшей аглицкой отделки, оказался самым обыкновенным прохвостом. Ему предлагали кафедру (и даже в двух местах), а он предпочел место помощника столоначальника[5]. И теперь так здраво рассуждает, что русское войско всегда было победоносно, что у родителей сердце играет от удовольствия. Очевидно, молодой человек понял, что надо карьеру делать. Но не понял одного: что из профессоров карьеру сделать еще удобнее, как это уже доказал Таганцев,

который оставил профессуру и теперь — накануне сенаторства [6].

Ежели увидите Л<орис>-М<еликова>, то поклонитесь от меня. Поедет ли он летом в Висбаден, и будет ли там его семья?

Прошу Вас передать мой сердечный привет и поздравить с праздником многоуважаемую Софью Петровну.

До свидания. Дружески жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 50
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941*, т. XX, с 155—157.

---

[1] В июне 1885 года Салтыков уехал в Эльстер, потом был в Висбадене и в августе вернулся в Петербург.

[2] По предъявлению.

[3] Письмо неизвестно.

[4] Письмо неизвестно.

[5] См прим 3 к письму 1121.

[6] Н С. Таганцев оставил чтение лекций в С-Петербургском университете и в Александровском лицее в 1882 году С 1887 года Н. С. Таганцев — сенатор Кассационного департамента Сената.

1157. В. И. ЛИХАЧЕВУ

25 марта 1885 Петербург

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Я все-таки думаю выписаться из Общ<ества> вз<аимного> кред<ита>, ибо ничто не гарантирует и на будущее время от нелепостей. Как это сделать? Не будете ли вы так добры заехать завтра, проводивши Елену Осиповну? Мне все както хуже.

Ваш

М. Салтыков.

25 марта

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 70.
Впервые опубликовано· *ЛН*, т 67, с. 517.

---

[1] Решение выписаться из Общества взаимного кредита, как предполагает С. А. Макашин, могло возникнуть у Салтыкова в связи с появлеием весной 1885 года слухов о неэтичных поступках Лихачева (*ЛН*, т 67, с. 516—517).

1158. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

30 марта 1885. Петербург

30 марта

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Вы совсем обросили меня. Зайдите хоть на короткое время. Счастливый Вы человек! Свободны, здоровы, обеспечены и деятельны — каких еще условий жизни желать!

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 38, л. 10
Впервые опубликовано· *Письма*, с 288.
Год установлен предположительно Н. В Яковлевым (*Письма*, с 288)

1159. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

31 марта 1885 Петербург

31 марта

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Вы пишете, что у Вас душа болит, и я вполне Вам верю[1]. Но много ли есть порядочных людей, у кого она не болит. Представьте себе все близкое к «Отеч<ественным> зап<искам>» — у всех болит все. Все работали, мнили себя чем-то — и вдруг все оказались за флагом и убедились, что никому до них дела нет. И все это случилось каким-то проклятым волшебством. Пришли, остановили машину, заперли на ключ и ключ забросили в колодезь. Разве это не волшебство? Ежели я лично продолжаю еще подавать голос, то все-таки с каждым днем чувствую себя все более и более лишним и неуместным. А другие, как, напр., Михайловский, Абрамов и проч., положительно нигде места себе найти не могут. И все это люди в полном цвете лет. Прежде хоть надежда на просвет была, а теперь все, положительно все заглохло.

Праздники я провел смуро и, право, не веселился[2]. Помнится и мне, что это был веселый праздник, но что-то давно. Всего грустнее то, что и дети мои не имеют об этом празднике того представления, какое с ним связывали мы. Я слишком болен для того, чтобы приобщить их к этому представлению, а жена моя ни к чему подобному не имеет склонности. Несчастливы будут мои дети; никакой поэзии в сердцах; никаких радужных воспоминаний, никаких сладких слез; ничего, кроме балаганов. Ежели я что-нибудь вынес из жизни, то все-таки оттуда, из десятилетнего деревенского детства.

У нас теперь что-то необыкновенное творится: война не

война, мир не мир. Курс танцует, и в настоящую минуту показывает 243 фр. на 3 мес<яца>. Во всяком случае, я рад, что успел вовремя распорядиться с Вашими деньгами. Это падение курса и на меня косвенно действует, ибо ежели до сих пор были сомнения насчет предстоящего лета, то теперь, конечно, мне и в голову не придет ехать за границу[3].

Положение дел у нас все то же. На днях видел Михайловского, которому хотя и разрешено жить в Петерб<урге>, но он покуда еще остается (до осени) в Любани. Делать ему нечего, пристроиться — некуда. Скабичевский, Абрамов и Южаков почти нищенствуют. Я сам жажду купить себе небольшой угол и скрыться туда навсегда. Право, ничего лучшего придумать не могу.

До свидания, будьте благополучны и передайте мой привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 26, л 40
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 157—158.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Салтыков имеет в виду пасху.

[3] Лето 1885 года Салтыков провел в Эльстере и Висбадене.

1160. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

4 апреля 1885. Петербург

Пб. 4 апреля

Многоуважаемый Александр Львович.

Мне необходимо одно сведение, за которым и обращаюсь к Вам, хотя и сомневаюсь, чтоб Вы могли его удовлетворить. Некто Ф. Денисенко, из Одессы, обратился ко мне по почте с открытым письмом довольно пошлого свойства, и при этом, по обыкновению, не указал своего жительства. Не слыхали ли Вы этой фамилии в Одессе и не можете ли указать мне, что это за господин и как адресовать к нему письмо. Может быть, он и вращается где-нибудь в сфере Вам не безызвестной, например, в консервативной одесской журналистике, которой я совсем не знаю[1].

Я все по-прежнему: болен и необыкновенно скучаю. Продолжаю ежемесячно появляться в крашеном гробу, именуемом «Вестн<иком> Евр<опы>», и радуюсь, что наступает лето, которое даст мне несколько месяцев отдыха. Но до кон-

ца года протяну — и затем довольно. Кругом этого журнала царит какая-то невозможная и совсем нелепая атмосфера. Выносить ее не можно.

Что касается до юного Лихачева, то оказывается, что он не выдержал магистерского экзамена — вот и весь секрет, почему он поспешил усилить собой ряды бюрократической армии. Впрочем, этот юноша обещает много и рассуждает так солидно, что другой старик не <— — —> так. Лихачевы, видимо, сконфужены, что сын, о котором они мечтали, что он аглицкой работы, вышел весьма заурядного павловского изделия. Но со временем из него может выйти и нечто ядовитое [2]. О Лихачеве старшем боюсь сказать что-нибудь определенное: кажется, он попал в число почтенных и уважаемых лиц, а это означает, что карьера его кончена.

Унковский видимо разрушается. Спит и едва ходит. Худеет не по дням, а по часам и все дела проигрывает. Ужасно его жаль.

Прошу Вас передать мой искренний привет многоуважаемой Елизавете Юльевне и не забывать меня.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Насчет лета никаких прожектов не имею. Семья предполагает ехать в Гапсаль ради детей, а я — ни за что. Возьму да и приеду в Саксагань!

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 7, лл. 57—58
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с 208—209.

[1] Письмо Ф. Денисенко неизвестно Можно предположить, что Ф. Денисенко — это автор издававшихся в Одессе брошюр «Роль интеллигенции» (1884) и «По поводу беспорядков в Одесском сиротском доме» (1885).

[2] См. прим. 3 к письму 1121

1161. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

4 апреля 1885. Петербург

4 апреля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Я имею к Вам небольшую просьбу, которою, надеюсь, Вы не очень отяготитесь. Дело вот в чем.

Вчера я получил от некоего Ф. Денисенко из Одессы открытое письмо [1], в котором он, по поводу изображения Подхалимова, говорит, что я именно и есть родоначальник всех Подхалимовых [2]. Письмо это, конечно, меня ни мало не огорчило, но мне все-таки не хотелось бы оставить его без ответа. Но по

обыкновению адреса не дал, а Одесса — город большой. Теперь мне припоминается, что имя Ф. Денисенко мне по временам встречалось под мелкими статейками в «Москов<ских> ведомостях», и моя покорнейшая просьба именно в том и заключается, нельзя ли узнать в редакции «М<осковских> в<едомостей>», действительно ли есть у них сотрудник в Одессе Денисенко (Ф.) и ежели есть, то как к нему адресовать письма.

Помнится, я писал Вам, что провинциальные газеты целиком перепечатывают мои сказки, появляющиеся в «Р<усских> в<едомостях>» [3]. Теперь явилась еще новая промышленность: в Вологде, некто Шелехов отпечатал моего «Дурака» на полиграфе и очень наивно меня об этом уведомляет, прося моего разрешения делать это и на будущее время. Разрешение это ему и не понадобилось <бы>, да губернатор затруднился допустить печатание без авторского согласия. Конечно, я не дам разрешения, но что же такое будет, ежели во всех губернских городах примутся за контрафакцию? [4]

Все это время я был настолько недужен, что ничего не мог писать. Главное — глаза пропадают, а врач плохо помогает. Теперь принялся за «Пестрое письмо», которое нужно кончить к 15 числу, так как после этого срока набор «В<естника> Е<вропы>» заканчивается [5]. Признаюсь Вам откровенно, я очень-очень недоволен своим сотрудничеством в этом журнале, но положительно не знаю, куда деваться. Сношения с редакцией — самые неприятные. Это не редакция, а что-то деревянное, необыкновенно глупое и притом напыщенное.

Когда управлюсь с «Пестрым письмом», примусь за работу для Вас [6]. И так как целое лето я писать в «В<естнике> Е<вропы>» не буду, то времени у меня будет достаточно [7].

Я весь пост поджидал Вас, а потом и святую. Помнится, Вы собирались. Но в Москве и verba [8], и scripta [9] — одинаково volant [10].

Прощайте, будьте благополучны. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Насчет предстоящего лета я еще ничего не знаю. Хотелось бы поселиться где-нибудь в деревне, нанять господский дом, но удастся ли — не знаю.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, лл 39—40

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с 197, 198 (второй и третий абзацы); полностью *Неизданные письма*, с. 209—211.

[1] См прим 1 к письму 1160

[2] Имеются в виду пятый и шестой очерки из цикла «Пестрые письма» (*ВЕ*, 1885, №№ 3 и 4).

[3] См прим. 1 к письму 1122.

[4] Письмо Шелехова и вологодское издание сказки «Дурак» неизвестны.

[5] К 15 апреля Салтыков очередное «Пестрое письмо» не кончил. Появилось оно лишь в июньской книжке «Вестника Европы». В майском номере Салтыков не участвовал См письма 1162 и 1163.

[6] В это время Салтыков заканчивал сказку «Баран-непомнящий» и предполагал, видимо, начать работу над сказкой «Либерал» (см. письмо 1166)

[7] После выступления в июньском номере «Вестника Европы» Салтыков в этом журнале ничего не печатал до сентября 1886 года.

[8] Сказанное *(лат)*.

[9] Написанное *(лат)*.

[10] Летает *(лат.)*

1162. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

6 апреля 1885 Петербург

6 апреля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю Вам сказку, которую гладил-гладил, но успел ли до мягкости выгладить — не знаю. Во всяком случае, прочтите, и ежели найдете какие сомнительные места, отметьте. Может быть, и еще смягчить придется. В особенности, самый конец мне самому кажется сомнительным [1].

Я третьего дня писал Вам письмо — получили ли? [2] Я до такой степени измучен и болен, что должен был бросить начатое для майской книжки «В<естника> Е<вропы>» письмо [3], и до сентября решился серию эту прервать [4]. Совсем последние силы оставляют.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, л. 41.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с. 201 (в двух отрывках, без обращения, первой фразы второго абзаца и подписи), полностью *Неизданные письма,* с. 211—212

---

[1] Сказка «Баран-непомнящий» Проследить процесс работы Салтыкова над ней невозможно, так как рукописи произведения не сохранились См прим. к сказке «Баран-непомнящий» — т. 16, кн. 1, с. 467—468.

[2] См письмо 1161.

[3] Седьмой очерк из цикла «Пестрые письма», предназначавшийся первоначально для майской книжки, был напечатан в июньском номере «Вестника Европы».

[4] Серия «Пестрые письма» была прервана до сентября 1886 года

1163. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

6 апреля 1885. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Принявшись вчера вечером за работу, я почувствовал себя до такой степени измученным и больным, что окончательно сознал бесплодность дальнейших усилий. Поэтому для майской книжки я ничего не могу Вам прислать. Надеюсь возобновить серию «Писем» с сентябрьской книжки и продолжить до конца года, а до тех пор жажду отдыха.

Прошу Вас уведомить меня о получении настоящего письма, так как мне хотелось бы быть уверенным, что Вы предупреждены [1].

Искренно Вам преданный

6 апреля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 73
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 21.

[1] Уведомление неизвестно.

1164. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 апреля 1885. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Вы напоминаете мне о работе в характере семейства Головлевых Очень бы рад выполнить эту работу и даже имею ее в виду [1], но в настоящее время обстоятельства так сложились, что я предварительно должен окончить серию «Пестрых писем», так как иначе у меня не выйдет книжки [2]. Поэтому-то, собственно, я и предупреждал Вас в прошлом письме, что нахожу нужным поместить в сентябре — декабре «В<естника> Е<вропы>» еще четыре письма — разумеется, ежели состояние моего здоровья и духа позволит это. Но если бы Вы находили это для Вашего журнала неудобным, то, пожалуйста, уведомьте меня об этом без церемоний, так как я все-таки предполагаю летом понемногу работать, и именно над окончанием уже начатых мною работ, т. е. Писем и Сказок.

Искренно Вам преданный

7 апреля. *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, л. 75
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 21—22.

1 Имеется в виду замысел «Пошехонской старины».

2 В сентябре — декабре 1885 года Салтыков по состоянию здоровья ничего не печатал Три, а не четыре, как предполагалось, письма были напечатаны в «Вестнике Европы» в июне 1885, в сентябре и октябре 1886 года Отдельное издание «Пестрых писем» вышло в ноябре 1886 года.

1165. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 апреля 1885 Петербург

8 апреля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

В ведомстве, о котором Вы пишете, у меня имеется всего один знакомый, да и тот не особенно достоверный[1]. Сегодня утром я с ним виделся и спрашивал насчет «Р<усских> в<едомостей>». Ответ был такой, что газета вообще не пользуется репутацией благонамеренности и что против нее — Катков. Первое Вам должно быть и без того известно; что касается до второго, то верно или неверно это предположение,— фактов в подтверждение нет. Несомненно, что Ф<еоктистов> есть холоп Каткова, но как же с этим быть? Вообще ныне Совет не собирается, и все решения предпринимаются помимо его, неожиданно. Но в отсутствии главного действующего лица вряд ли можно ожидать резких решений, хотя не дальше, как третьего дня с «Совр<еменными> известиями» поступлено довольно своеобразно[2]. Я полагаю, что теперь прежде всего следует заручиться добрым мнением Плеве. Хотя я лично его не видал никогда и даже думаю, что он играл довольно видную роль в деле закрытия «Отеч<ественных> зап<исок>», но в то же время мне почему-то кажется, что, как человек умный, он может быть доступен убеждению[3]. Поэтому, если б Вы могли каким-нибудь образом объясниться с ним, это было бы не дурно. В противном случае остается одно: сидеть и ждать, продолжая делать свое дело. Беспокойством ничего не отвратишь.

Вчера у меня была г-жа Евреинова, редактор «Сев<ерного> вестника», для переговоров о сотрудничестве. Переговоры кончились, разумеется, ничем, но история возникновения «С<еверного> в<естника>» не лишена интереса. Феоктистов положительно отказал в разрешении журнала, но г-жа Евреинова нашла путь к Плеве и при его посредстве получила-таки желаемое. Но при этом ей поставлены три условия: а) что журнал будет подцензурным; б) что в редакции его не будут участвовать деятели «Отеч<ественных> зап<исок>» и в) что в числе сотрудников не будут профессора Мо-

ск<овского> унив<ерситета> Гольцев, Ковалевский и Муромцев [4]. И она эти условия приняла. Вот нынче какие условия ставят, и какие *принимают.* Недостает одного: кого-нибудь убить. Я и предложил этот вопрос г-же Евреиновой, но она уверяет, что это совсем не то, и что на убийство она бы не пошла. Ну и слава богу.

Я послал Вам вчера сказку [5]. Ежели она Вам покажется неудобною, напишите мне откровенно. Или, может быть, некоторые места не покажутся — отметьте их.

Я очень страдаю; совсем работать не в состоянии. С глазами бог знает что делается.

До свидания. Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 43—44.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с 192—193 (без обращения и третьего абзаца), полностью: *Неизданные письма,* с. 212—213.

---

[1] Речь идет либо о Н. А. Ратынском, товарище Салтыкова по Московскому дворянскому институту, либо о В. М. Лазаревском, которые были членами Совета Главного управления по делам печати и поддерживали отношения с Салтыковым.

[2] «Современные известия» 7 апреля 1885 года были приостановлены на один месяц за нарушение распоряжения о бесцензурных повременных изданиях от 29 октября 1882 года.

[3] Директор Департамента полиции В К. Плеве был автором поданной в 1883 году министру внутренних дел Д. А. Толстому записки о состоянии русской печати за последнее десятилетие, где специально подчеркивалась зловредная роль «Отеч записок». Он же выступил одним из инициаторов закрытия «Отеч. записок», составив вместе с Феоктистовым сообщение о прекращении издания (М. В. Теплинский «Отечественные записки» 1868—1884, История журнала. Литературная критика Южно-Сахалинск, 1966, с 118—123). По другой версии, проект составлен М. Н Катковым (см прим 3 к письму 1021).

[4] Умеренно-либеральные ученые и общественные деятели Гольцев, Муромцев и Ковалевский постепенно были лишены возможности преподавания в университете: Гольцев — в 1882, Муромцев — в 1884, Ковалевский — в 1887 году.

[5] «Баран-непомнящий» См. прим. 1 к письму 1162

1166. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

21 апреля 1885 Петербург

21 апреля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю вам сказку[1]. Боюсь, что мала, и для фельетона недостаточна будет; но полагаю, что Вы уладитесь. Больше прислать покуда не могу: болен совсем, сверху донизу. Сказкой этой я лично доволен; но может быть, это именно и означает, что она плоха. Цензурна она вполне. Корректуры мне не присылайте, ибо сказка хорошо переписана; но распорядитесь, чтоб ее тщательнее прочли.

Меня просил здешний книжник Карбасников рекомендовать его Вам в качестве агента для Петербурга. Я с своей стороны делаю это охотно, потому что знаю Карб<асникова> за человека аккуратного и весьма расторопного и услужливого. Деньги за сказку, по отпечатании, пришлите через Юнкера. Постараюсь и еще прислать.

Преданный Вам

М. Салтыков.

Пишу мало и через силу.

Не слыхали ли что-нибудь о подходящем для меня имении? [2]

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 57, л. 45.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с 201 (первый абзац, без двух заключительных фраз); полностью: *Неизданные письма,* с 214.

---

[1] Вероятно, речь идет о сказке «Либерал».

[2] Справки об имениях Соболевский послал Салтыкову в начале мая (письмо не сохранилось). См письмо 1176.

1167. В М. СОБОЛЕВСКОМУ

25 апреля 1885. Петербург

25 апреля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

И деньги и оттиски получил, за что и покорно Вас благодарю[1]. А еще более благодарю за приглашение в Москву и за обещание разузнать об имении. Будьте так любезны написать мне, если что узнаете об имении по Смол<енской> жел<езной> дороге. Вы пишете[2], что оно находится от станции железной дороги в *9* — но верстах или часах, не упоминаете, а перед этим идет речь, что станция отстоит от Москвы в 3-х часах. Ежели от станции придется ехать 9 часов на лошадях, то это не совсем для больного человека удобно. Еще у Вас в № 24

апреля публиковано на последней стр<анице> объявление об имении Тульской губ<ернии> в 12 в<ерстах> от станции жел<езной> дор<оги>, ценою в 23 т<ысячи>. Подробности у Плетникова, Софийка, в церковном доме от 10 до часу. Не будете ли так добры узнать, что такое, и уведомить меня. Простите, что я Вас беспокою, но в сущности, я покупаю имение с намерением вовсе переселиться в Москву.

Успенского статью читал у Вас в газете и, признаться, нашел ее несколько необдуманною[3]. Плохой он публицист, да и мыслитель не вполне исправный. Умиляется над менонитами[4], которые на свой счет переезжают в Америку, и ссылается на Е. Маркова. Верит в чудотворную силу крестьянского банка и радуется заведению 5 переселенческих станционных пунктов с 40-тысячным бюджетом на несколько сот тысяч переселенцев.

Все эти рассуждения едва ли многим превосходят ту ерунду о чиновнике с погонами, который раздает деньги. Я помню, в азбуке, по которой я учился, была фраза: не шутите вещами, кои важны. Польза крест<ьянского> банка действительно сказалась в том, что нынче земли в Тверской губ<ернии>, которые стоили не дороже 10 р. за десятину, продаются по 40 р. Некоторые помещики, сумевшие сохранить свои обрезки, действительно осушили слезы. А вот, когда окажется, что земля, купленная под влиянием увлечения, не дает столько выгод, чтоб покрыть ежегодные платежи, и когда, вследствие, начнутся продажи — тогда и окажется, что такое русский кисель. Способен ли он выработать из себя бламанже, или так навсегда и останется киселем.

До свидания. Будьте здоровы. Что касается до меня, то я весь болен, хотя не отчаиваюсь прислать Вам что-нибудь в скором времени.

Ваш
М. Салтыков

Напишите, когда и куда Вы из Москвы уедете на лето? и к кому в Ваше отсутствие обращаться?

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, лл 47—48.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн · *Русские ведомости*, с. 196, 200 (первый абзац без двух начальных фраз, второй и третий абзацы с пропуском двух фраз); полностью. *Неизданные письма*, с. 214—216

---

[1] Салтыков благодарит за присылку оттисков сказки «Барап-непомнящий» (*Р. вед*, 1885, № 109, 23 апреля).

[2] Письмо неизвестно

[3] Статья Г. Успенского «Несбыточные мечтания» (*Р. вед*, 1885, № 107, 21 апреля, с 1—3)

[4] Мениониты — протестантская секта, основанная в начале XVI века голландцем Менно-Симонисом и проповедующая беспрекословное исполнение библейских предписаний

1168. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

26 апреля 1885 Петербург

26 апреля Пбург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Посылаю Вам при сем новую мою сказку; [1] желаю, чтоб понравилась.

Я довольно долго не отвечал Вам на письмо [2], потому что был совсем болен. А в настоящую минуту мне даже особенно худо. Никуда не выхожу, а между тем схватил грипп. Кашляю беспрерывно, утром так задыхаюсь, что ежеминутно ожидаю смерти, и вот уж четыре дня как сплю не больше 3—4-х часов в сутки. При этом на лице у меня появились красные пятна, что никогда не бывало. Появление этих пятен Соколов объясняет тем, что я несколько дней сряду, по совету Боткина, принимал микстуру, в которую входил иодистый калий, а микстуру эту (в основании ее лежит бромистый аммоний и натр бикарбоникум и sulfuricum) я принимал по случаю болезни почек. Теперь я микстуру бросил, опять спина болит. И лицо горит, особливо к вечеру. Глаза несколько лучше, но вечером все-таки ноют.

Вы спрашиваете, куда я летом денусь? — не знаю, но боюсь, как бы не пришлось лечь в больницу. Жена с детьми, по совету Руссова, едет в Гапсаль, а я до такой степени весь расклеился, что весьма возможно, что меня ударит какая-нибудь очень серьезная болезнь, которая сшибет меня с ног. Но, во всяком случае, я прошу Вас повернее написать, как, где и когда Вы полагаете быть летом сами. Голь на выдумки хитра,— быть может, я возьму, да и приеду за границу для свидания с Вами [3]. Как только дорогу сделать одному — не подохнуть бы Ни разу я один не ездил. В передпрошлом году возвращался домой все-таки с сыном.

Дети у меня в хлопотах,— наступает пора экзаменов В Лизе не сомневаюсь, но Костя вряд ли выдержит. Очень мне его жаль. Это единственное существо, которое меня любит.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. За сим в ожидании Вашего ответа, остаюсь глубоко Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 51

Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 166—167.

[1] Оттиск сказки «Баран-непомнящий».
[2] Письмо неизвестно.
[3] Лето 1885 года Салтыков провел в Эльстере и Висбадене.

1169. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

28 апреля 1885. Петербург

28 апреля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Помнится, Вы желали определить бывшего метранпажа «Отеч<ественных> зап<исок>» Чижова (Егора Яковлевича) фактором или управляющим типографией «Русск<их> вед<омостей>». Ежели намерения Ваши не изменились, то Чижов нашелся и готов к Вам ехать. Ныне он служит фактором в типографии Яковлева, и живет в Фонарном переулке дом № 12, кварт. 32. Ежели будете к нему писать, то объясните Ваши условия. Но, во всяком случае, было бы лучше, даже и при отказе, уведомить его, так как он с понятным нетерпением ждет от Вас известия [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 49.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с 216—217.

---

[1] См. письмо 1171.

1170. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

30 апреля 1885. Петербург

30 апреля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не знаете ли Вы, как имя и отчество московского профессора Стороженко? Дело в том, что он в то же время и председатель Общества любителей российской словесности и уведомил меня об избрании Почетным членом этого общества [1]. Мне необходимо написать благодарственный ответ, а я не знаю, как зовут председателя. Ежели это Вам известно, то будьте так добры сообщить мне, равно и адрес, где живет г. Стороженко.

Что касается до статьи моей для июньской книжки, то я пришлю ее между 5 и 10 мая [2]. Я все время был болен да и теперь в очень плохом состоянии. Очевидно, дело идет к развязке. Я слышал вчера, будто Кавелин безнадежно болен.

Это, кажется, последний из более значительных представителей сороковых годов, и утрата его будет очень заметна. Останутся затем: Анненков, Евгений Корш и Кетчер. Но неужели так-таки и нет средств спасти Кавелина? [3]

В ожидании Вашего уведомления остаюсь искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлининику. *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, лл. 77—78. Впервые опубликоваио: *Стасюлевич*, т. V, с. 22.

---

[1] Салтыков был избран действительным членом Общества любителей российской словесности по предложению И. С. Аксакова 4 марта 1859 года, почетным членом — 19 апреля 1885 года (см. «Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете». М., 1911, с. 250).

[2] Седьмой очерк из цикла «Пестрые письма»

[3] К. Д. Кавелин умер 3 мая 1885 года.

1171. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

2 мая 1885. Петербург

2 мая

Многоуважаемый Николай Константинович.

К сожалению, я не спросил Вас, скоро ли Вы уезжаете в Любань, или еще останетесь в Петербурге, но думаю, что невдолге Вы все-таки попадете в Любань, а потому пишу туда.

Вот Вам пример московской волокиты. Известно Вам, что Собол<евский> хлопотал, чтоб ему доставили Чижова. Теперь Чижов разыскан, я уведомляю Собол<евского> и что же получаю в ответ? [1] — что он его непременно будет *иметь в виду*, и как только что-нибудь в этом роде понадобится, то и т. д. А между тем плачущий Чижов, выслушав повесть, как его искали в Клину, непременно возгорел надеждами, а может быть и нагрубил. Я, впрочем, буду тут в стороне, ибо, давая Чижову письмо [2], я тогда же сказал, что Москве верить нельзя и каждое ее слово есть не то что ложь, а бессознательное разведение турус на колесах. А тут кстати и со мной пример. Приехал в последний раз Соболевский: вы, говорит, имение ищеге, так у меня есть на примете; счастлив буду и т. д.— Ах, сделайте милость! да вот кстати: подле Вас, на Софийке публикуется одно имение, так не будете ли так добры справиться.— Ах, сделайте милость! все мое желание и т. д. Уехал, неделю живет и вот получаю письмо: [3] об имениях справиться все еще не собрался, на днях непременно; а вот

не хотите ли, я со многими лесопромышленниками знаком, так они иногда и т. д.

Одним словом, точно по степи идешь и видишь озера и реки. Он уж не раз мне книги мои таким образом сбывал: то Салаеву, то Мамонтову, и только что я во вкус войду — глядь, ничего нет. Самые это растравляющие господа: шутя могут изнурить человека, и даже пожалеть об нем по доброте сердечной.

Нельзя ли о Чижове Собол<евскому> написать? — ведь стыдно.

Забыл я Вас тоже спросить, не знаете ли чего о Кривенко. Правда ли, как я слышал, будто ему дозволено жить в Любани? [4]

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Как бы и Гольцев не оказался таким же миражем, как и все московские посулы?! [5]

Печатается по подлиинику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, лл 57—58
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 289—290.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Письмо неизвестно.

[3] Письмо неизвестно

[4] Слух о разрешении Кривенко жить в Любаии не подтвердился

[5] Вероятно, речь идет об участии В А Гольцева в делах редакции «Русской мысли», начавшемся весной 1885 года и связанном с уходом из редакции С. А. Юрьева.

1172. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

6 мая 1885 Петербург

6 мая

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем новое «Пестрое письмо» [1]. Если возможно набрать его скорее, то весьма меня обяжете, сделавши соответствующее распоряжение. Дело в том, что я писал в таком болезненном состоянии, что боюсь, не допустил ли несообразностей Придется их в корректуре поправить [2].

Не будете так добры сообщить мне адрес К. К. Арсеньева.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Эту бумажку с шифром мне сын подарил [3].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 79.
Впервые опубликоваио: *Стасюлевич*, т. V, с. 22.

[1] Седьмой очерк из цикла «Пестрые письма».
[2] Содержание и объем правки иеизвестны, так как рукописи и корректуры очерка не сохранились.
[3] Письмо иаписаио на листке с монограммой «С».

1173. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 мая 1885 Петербург

9 мая

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я должен был сегодня съездить к доктору Добровольскому — вот отчего Вы меня не застали. Может быть, Вы хотели сказать мне что-нибудь насчет статьи моей — сделайте одолжение, напишите[1]. Нельзя ли поторопить ее набором, потому что время идет, а глаза мои все больше и больше пропадают. Хотелось бы заблаговременно определить, удобна ли она к напечатанию.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиинику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 81.
Впервые опубликоваио: *Стасюлевич*, т. V, с. 23.

[1] Седьмой очерк из цикла «Пестрые письма». См. письмо 1172.

1174. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ»

11 мая 1885. Петербург

В «Новом времени» от 10 мая в фельетоне «Критические очерки», между прочим, напечатано: «Какой-то ядовитый сатирик — боюсь ошибиться, но кажется, это был сам г. Щедрин — сочинил в подражание помянутой пьесе такие стишки:

Давно ие катался я в лодке по Мойке,
Страшился, ио вдруг пожелал и т д.»[1]

Так как я никогда подобных стихов не сочинял, то был бы весьма обязан, если б редакция «Новостей» напечатала настоящее мое заявление в одном из ближайших №№.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков (Щедрин).

11 мая 1885.

Печатается по подлиннику. *ЦГАЛИ,* ф 455, оп 1, № 30, л. 1.

Впервые опубликовано: «Новости», 1885, № 130, 14 мая, с. 3 (без последней фразы), полностью. *Изд 1933—1941,* т. XX, с. 170

---

[1] Из статьи В. Буренина «Критические очерки II Айбулатовская поэзия» (*НВ,* 1885, № 3303, 10 мая, с 2).

1175. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 мая 1885 Петербург

12 мая 1885. Пб.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Завтра, в понедельник, посылаю Вам страховым письмом новую сказку «Здравомысленный заяц», которую и прошу напечатать, ежели найдете для себя удобным[1]. Корректуры мне не присылайте, потому что сказка хорошо переписана и корректура может быть весьма удобно держана и в Москве. В случае напечатания, прошу *в тот же день* прислать мне 10 экземпляров № «Р<усских> в<едомостей>», в котором сказка будет помещена.

А вот и еще просьба к Вам, которая, вероятно, не отяготит Вас. Дело в том, что, изверившись в возможность приобрести для себя угол, в форме небольшого имения-дачи и упустив, вследствие многих самообольщений, время для найма сколько-нибудь удобного летнего помещения, я решился ехать за границу[2]. Это единственная форма виллегиатуры[3], при которой не может быть самообольщений. Взял, поехал — и конец. Но удобство это требует увеличения денежных средств против обычного обихода. Не думайте, однако же, чтобы я заявлял претензию залезть в Ваш карман; нет, мои намерения весьма скромны. Так как я теперь уже посылаю Вам материала более нежели на 100 р. и через две-три недели пришлю еще столько же, а затем и из-за границы буду присылать, то я желал бы получить разом вперед 400 рублей[4]. Тогда не нужно будет Вам пересылать мне по мелочам деньги за границу, а между тем погашение этой суммы начнется теперь же с «Здравомысленного зайца», а к сентябрю мы сведем счеты, и, вероятно, за мной уже ничего не будет. Правда, что я как-то необыкновенно болен, но в последние пятнадцать лет я так себя дисциплинировал, что, кажется, и умереть себе не позволю, не отработавшись. Поэтому, ежели Вы можете, то пришлите просимые 400 р.; но ежели не находите удобным, то останемтесь при прежнем способе расчета поштучно. Никакой *измены,* с моей стороны, вследствие отказа Вашего, не последует. Семью мою я отправляю 22 мая, тотчас по окончании экзаменов сына, а

сам, вероятно, останусь в Питере до 15 июня. Куда я направлю свой бег — еще не определил, а семью покуда отправляю в Эльстерн, в Саксонию, близ Франизсбадена. Там есть грязные ванны, для детей полезные.

Как настоящее, так и завтрашнее страховые письма отправляю по прежнему Вашему адресу, так как Вы хотя и угрожали уведомить меня о предстоящих переменах в Вашем местожительстве, но московская волокита оказывается более сильною, нежели добрые намерения.

Искренно Вас уважающий и преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, лл 51—52.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с. 196—197 (часть второго абзаца); полностью. *Неизданные письма,* с. 217—218.

---

[1] Сказка «Здравомысленный заяц» напечатана в «Русских ведомостях» 19 мая 1885 года.

[2] Салтыков уехал за границу 18 июня и вернулся 20 августа 1885 года

[3] Виллегиатура — дачная, курортная жизнь (от *франц* villégiature).

[4] Салтыков получил 400 рублей 16 мая (см. письмо 1178).

1176. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 мая 1885. Петербург

13 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Справок об имениях, о которых говорится в письме Вашем от 12 мая, я не получил, и куда девалось Ваше письмо — не понимаю. Что касается до имения Катуара, то 23 т. р. за 92 дес. кажется мне слишком дорого. Надо бы знать, какие 40 дес. лугу. Ежели это луг поемный, то имение можно бы принять во внимание. В противном случае придется 23 т. р. заплатить да по малой мере 2 т. р. ежегодно тратить. Не знаю, что делать.

Я вчера послал Вам письмо [1], а сегодня — сказку (страховое) [2]. Ответьте, пожалуйста, на письмо, а буде возможно и насчет другого Вашего письма (со справками) [3]. Впрочем, ежели Вы послали заказным, то может быть, к вечеру сегодня и придет. У Катуара в имении реки нет, а пруд. Проточный-то он проточный, но что через него протекает — любопытно знать.

Я до того расстроил себе нервы, что места нигде найти не могу. Вероятно, летом умру.

Пишу новую сказку: «Собаки»[4].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Письмо и сказку послал по адресу в дом Худож<ественного> музея.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 57, л 53

Впервые опубликоваио В. Розенбергом в кн · *Русские ведомости,* с. 196 (первый абзац без обращения и заключительные фразы второго абзаца об имении Катуара); полностью *Неизданные письма,* с. 219

[1] См письмо 1175.

[2] «Здравомысленный заяц».

[3] Письмо со справками получено Салтыковым вечером 13 мая (см. письмо 1177).

[4] См. прим. 5 к письму 1177.

1177. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 мая 1885. Петербург

13 мая.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Письмо Ваше (заказное) со справками об имениях я получил только сегодня вечером[1]. Извиняюсь за беспокойство, которое Вам наделал. Кто этот Горовиц, который все три имения продает? Должно быть, сводчик, судя по тому, как он тщательно скрывает название имений и даже самых железнодорожных станций. Недавно жена моя по поводу одного объявления входила в переписку,— оказался сводчик. Так он прямо ответил, что откроет секрет, ежели ему дадут подписку в уплате 2-х проц. с цены, за которую будет куплено имение, а иначе и разговаривать-де не стоит. А г. Горовиц — лихой. Назначает от 250 до 300 р. за десятину, а за имение в 65 дес. с быстрой речкой даже больше 300 р. И имения без инвентаря, а которое с быстрой речкой, там владелец обещает дать покупателю 1 корову и 1 лошадь. Имение в Тульской губернии (судя по всему, близ Лопасни) было бы подходящее, но, по-видимому, совсем разорено. Ни мебели в доме, ни единой курицы в скотном дворе. Ехать осматривать подобные имения — весьма рискованно, и стоит денег, да покуда смотришь, и лето, пожалуй, пройдет.

Семья моя поедет на будущей неделе в Саксонию[2], а я по-

куда еще останусь в Петербурге (вероятно, до половины июня)[3]. Очень жаль, что Вы не пишете, сколько времени Вы предполагаете отсутствовать из Москвы. Я буду посылать, что напишу, в редакцию «Р<усских> в<едомостей>», а Вы уж распорядитесь, как знаете. Вероятно, «Здравомысленного зайца» Вы уже получили[4]. Начал писать новую сказку «Собаки», но не могу сказать, скоро ли пришлю. Вероятно, скоро, яко тать в нощи[5].

Я душою рвусь в Москву, но, вместо Москвы, конечно, попаду на тот свет. Аминь, глаголю Вам, никогда я так болен не был.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Ответьте, пожалуйста, получили ли Вы письмо от 12 числа. Я на старую квартиру Вашу адресовал[6].

Кто этот Горовиц и где живет? уведомьте, пожалуйста.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, лл 55—56.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн · *Русские ведомости*, с. 196 (первый и третий абзацы), полностью *Неизданные письма*, с. 220—221.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Семья Салтыкова уехала за границу 23 мая 1885 года (см письмо 1179).

[3] Салтыков уехал за границу 18 июня 1885 года (см письмо 1186).

[4] Сказку «Здравомысленный заяц» Салтыков отправил Соболевскому, видимо, 12 мая вечером, а не 13 мая, как обещал в письме от 12 мая (см письмо 1176).

[5] Сейчас невозможно установить, закончил ли Салтыков сказку «Собаки», сведения о которой ограничиваются упоминаниями в его переписке с Соболевским Скорее всего эта сказка не была завершена (см: А Бушмин Сказки Салтыкова-Щедрина. М — Л, Гослитиздат, 1960, с. 64).

[6] См. письмо 1176.

1178. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

17 мая 1885 Петербург

17 мая.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Благодарю за присылку денег[1]. Перевод на 400 р. вчера получил. Вчера же продал с 55 проц<ентами> уступки последние 5 своих изданий и с рассрочкой на $1^{1}/_{2}$ года[2]. Все для того, чтобы снарядить семью за границу. Сам я поеду не раньше 15 июня, ежели поеду. Никогда я не был так болен. Сплю не больше 4-х часов в сутки и то в разное время Полагаю, что

умру от истощения сил. Доктора меня лечат играючи. Завтра, впрочем, будет консилиум врача внутр<енних> болезней с глазным. Нервы до того расшатаны, что не нахожу места себе. Покуда еще хожу, но боюсь, что придется слечь — и тогда капут. Смерть у меня не с косою, а в виде лисицы, которая долго с зайцем разговаривает и, наконец, говорит: ну теперь давай играть.

Прислал бы Вам и другую сказку (она уже начата), но глаза мешают продолжать[3]. Надеюсь, однако, что через две недели пришлю. Прикажите, пожалуйста, 400 р. записать на меня долгом и вычесть из них гонорар за «Зайца». А потом и за следующие присылы, если таковые будут. Если же не будут, то неуплаченный долг Вам все-таки будет возвращен. Извините за назойливость. Эти денежные дела всегда очень подлы.

До свидания. Не могу больше писать.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, лл 57—58.

Впервые опубликоваио В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с. 201 (вторая половина первого абзаца), полностью. *Неизданные письма,* с 221—222.

---

[1] См письмо 1175.

[2] Речь идет о продаже тиража кииг, в декабре 1884 — январе 1885 года вышедших третьим изданием («Господа ташкеитцы», «Диевник провинциала в Петербурге», «Сатиры в прозе», «Невинные рассказы», «В среде умеренности и аккуратности»). См письмо 1120.

[3] Вероятно, нмеется в виду сказка «Собаки» (см. прим 5 к письму 1177).

1179. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

21 мая 1885. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Очень жалею, что Вы меня не застали дома: я выезжал поздравить Елену Иосифовну[1]. Предполагая, что оставленный Вами изящный бювар есть плод Вашего баловства к Константину, я передал его ему[2]. Он Вас сердечно благодарит и велит сказать, что даже из русского получил $2^1/_2$. Следовательно, остается в классе. В четверг все уезжают в $10^3/_4$ утра за границу и я остаюсь один. Слепой и с дрожащими руками. Не

знаю, что́ Вы предполагаете с собой делать, но ежели некоторое время еще остаетесь здесь, то весьма обяжете, посетив преданного Вам

М. Салтыкова.

21 мая.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л 12.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 290.

---

[1] Е. И. Стасюлевич с именинамн, которые приходились на 21 мая (3 июня н. ст.).
[2] Бювар был подарен Константину к 21 мая, к его именинам.

1180. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

22 мая 1885. Петербург

22 мая.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Был бы безмерно Вам обязан, если б Вы помогли мне отправить завтра, в четверг, мою семью за границу. Но для этого нужно быть в 10 часов утра или в 10¼ на вокзале Варшавской жел. дороги. Я совсем-совсем один, и так болен, что без сторонней помощи рискую не выдержать. Простите, что затрудняю Вас.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 14.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 291

1181. В. П. ГАЕВСКОМУ

23 мая 1885 Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Я совсем один; сегодня отправил семью за границу. Болен, хотя и хожу. Глаза пропадают. Посматривай иногда ко мне в квартиру, не умер ли я. В случае чего, я вручу тебе пакет на счет погребения и укажу средства, как это выполнить.

Весь твой

М. Салтыков.

23 мая.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л 57.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 222.

1182. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

28 мая 1885 Петербург

28 мая.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сейчас узнал от Лихачева Ваш адрес и спешу напомнить Вам, что я жив. Т. е. почти жив, потому что нервы до того у меня расстроены, что даже глаза испорчены, не могу ни читать, ни писать. И то и другое делаю через силу: минуты две почитаю, и уже становится тошно. И постоянно холодный пот. Словом сказать, погибаю.

Семью я отправил 23-го числа в Саксонию, Bad-Elster, где дети должны брать грязные ванны. Сего числа они должны быть в Дрездене, откуда и проедут в Эльстер. Сам я выеду отсюда 18 июня, на первый раз к своим, в Эльстер. Выехал бы и раньше, но боюсь такой больной ехать; все думаю, что на ноги хоть сколько-нибудь поставят. В пятницу сбираюсь к Боткину. Сверх того, 18-го хотел ехать за границу д-р Руссов и согласился сопровождать меня. Я думаю, что летом непременно умру, ибо жизнь моя — мученье. Вот и писать руки устают. Напишите, ради Христа, где и когда Вы будете: ведь на Вас одна надежда [1]. Застану ли я Вас еще в Блазевице 20—21 июня ст. стиля. А ежели встречу другого попутчика, то и раньше выеду. Боюсь один в дороге умереть; не думайте, что это преувеличение с моей стороны.

С Лихачевыми у нас размолвка, которая кончится, конечно, разрывом. Ел<ена> Ос<иповна> мне скандал сделала по самому пустому случаю. Расскажу при свидании, а теперь, ей-ей, едва перо в руках держу. Влад<имир> Ив<анович> через две недели баллотируется в городские головы и будет выбран *непременно.* Очевидно, мне с таким высокопоставленным лицом хлеб-соль водить не приходится,— вот они и начинают помаленьку отлынивать [2].

Больше писать не могу. Передайте мое уважение добрейшей Софье Петровне.

Искренно Вас любящий

М. Салтыков.

Пожалуйста, напишите.

Посылаю новую сказку [3].

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 52

Впервые опублнковано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 175.

---

[1] К моменту отъезда Салтыкова за границу Белоголовый переехал из Блазевица в Висбаден.

[2] О размолвке с Лихачевыми см. письмо 1183.

[3] Оттиск сказки «Здравомысленый заяц».

1183. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

31 мая 1885 Петербург

31 мая

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сегодня с большим удовольствием получил Ваше письмо [1]. Впрочем, я упредил его, написав Вам дня три тому назад [2], узнав Ваш адрес от Вл. Ив. Лихачева. Вот Вы какой: меня и знать не хотите (хотя сами обещали уведомить о Ваших намерениях), а к будущему городскому голове пишете. До сих пор голова этот еще бывает у меня, но это, очевидно, уже последние усилия, чтобы не сразу порвать 15-летнюю дружескую связь. Очевидно, в качестве гор<одского> гол<овы>, ему уже неловко будет эту связь поддерживать, и Елена Осиповна, как ангел-хранитель, поняла это и поспешила устроить скандал, о котором я писал Вам. Влад<имир> Ив<анович> говорит о своем головстве, как о деле окончательно решенном и заранее гордится тем, что он будет головою без *представительства*. И ежели, дескать, примет прибавочных 6 т. рублей, то с тем, чтобы дать в них отчет. Но при этом наивно прибавляет, что головство дает ему возможность попасть в два-три банка директором и воспользоваться крупным содержанием. Глазунов получал таким образом до 30 т. рублей в год. Вообще, он оказывается предусмотрительным, хотя иногда предусмотрительность эта подвергается испытаниям. Так, две недели тому назад он заявлял, что его выбирают в директоры в Главн<ое> общ<ество> жел<езных> дорог и в Камско-Волжский банк, и спрашивал, как тут поступить. А оказалось, что на деле даже кандидатура его не была поставлена. Сегодня в газете «Минута» (самой смрадной из смрадных) напечатан хвалебный гимн Лихачеву [3], а в прошлом году в это же время та же «Минута» печатала стишки насчет дома терпимости и приглашала всех скучающих ехать в гости к Владимиру Ивановичу. Стишки эти пели публично в «Ливадии». Вот как переходчивы времена.

Я еду завтра к Боткину с Унковским. Хочу попросить его обратить на меня серьезное внимание и указать меры. Впрочем, мне как будто слегка лучше, но все-таки достаточно погано. Лечит меня теперь Васильев, помощник Соколова. Наполняет меня бромом во всех соединениях: и с калием, и с натром, и с аммонием. А Соколов совсем перестал бывать у меня, хотя я, с его же соизволения, пригласил Васильева. Вот как трудно жить на свете.

Ежели Руссов не обманет меня, то я выеду отсюда 18-го июня прямо в Эльстер. Ничего не знаю о дальнейших наме-

рениях Елизаветы Аполлоновны, но знаю, что жить врозь с семьей для меня и начетисто и неприлично. Не говорила ли она Вам что-нибудь? Я совершенно запутался и отказываюсь понимать. Жаль детей, свидетелей всех этих недоразумений.

Во всяком случае, с Вами я увижусь.

Елисеев мне ровно ничего не пишет. Тоже, должно быть, похерил, хотя его и не выбирают в городские головы.

До свидания. Передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Сегодня утром здесь был снег!! Вот Вам и радостный май.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 22, карт 7, № 53.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т. XX, с. 176—177.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] См. письмо 1182

[3] Имеется в виду панегирическая статья «Кто будет головою» за подписью «Оса» («Минута», 1885, № 143, 31 мая, с 1): «Если голова должен быть выше головою всей остальной думы, то выбором и затрудняться нечего Более высокого ценза, чем В. И. Лихачев, никто не представляет».

1184. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

Май 1885 Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Предполагая, что Вы не навечно, а лишь временно позабыли обо мне, считаю долгом предупредить Вас, что завтра, во вторник, я целый день, за редкими промежутками, не дома, а также и в среду утром. Надо устроить некоторые дела.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Очень желал бы Вас видеть, и сожалею, что Вам не вздумалось посетить меня. Влад<имир> Ив<анович> тоже у меня не был. Он баллотируется в гор<одские> головы, и, как я слышал, *наверное* будет выбран.

Печатается по подлинику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 16. Написано на бумаге с монограммой «С».

Впервые опубликовано. *Письма*, с. 287.

Датируется по упоминанию о баллотировке Лихачева в городские головы и по сходству сообщения об этом событии с письмом 1182.

1185. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

4 июня 1885. Петербург

4 июня

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сейчас получил Ваше письмо[1] и спешу поскорее ответить. Я писал Вам *два* письма, из которых одного Вы, очевидно, не получили[2]. Во всяком случае, я нахожу необходимым уведомить Вас, что я, по выезде из Петербурга, прежде всего должен повидаться с семьею и потому направлюсь в Эльстер. Я не знаю, что говорила Вам Елиз<авета> Аполл<оновна> о своих предположениях, но я об них меньше всего знаю. Она имеет привычку кобениться и поражать меня неожиданностями. Как это ни глупо, но я в большинстве случаев вынуждаюсь принимать это в расчет, потому что жить врозь не расчет, да без детей и тяжело. Во всяком разе, однако ж, я Вас в Висбадене отыщу, хотя и не так рано. Выеду я не раньше 18-го потому, что хочу съездить дня на три к Унковскому[3].

В воскресенье был у Боткиных, которые Вам очень кланяются и весьма целуют.

Прощайте, спешу на почту. Передайте мой привет уважаемой Софье Петровне.

Вам искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 54.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 177.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] См письма 1182 и 1183.

[3] Унковский так вспоминал о посещении Салтыковым его имения: «В последний раз в сносном виде я помню его лишь в моей деревне, в июне 1885 года Приехав туда дня на три, он был весел и даже последний раз в жизни играл в карты. Так как его семья была за границею, в Эльстере, то он поехал туда и на дороге, уже за границею, почувствовал себя так плохо, что после того не поправлялся, а в ноябре 1885 года, будучи в Петербурге,

очутился почти при смерти, от которой был спасен С. П. Боткиным и Н. И. Соколовым, и затем жил, так сказать, почти искусственною жизнью» (*Салтыков в воспоминаниях*, с. 654).

1186. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 июня 1885. Петербург

14 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Мне удалось устроиться в двуместном отделении на 18-е число; но начальник станции (Иванов) билета мне не дал, а только записал. Поэтому я все-таки просил бы Вас черкнуть два слова Герке (объяснив ему, что я уже записался), чтобы действие мое из области фантазии перешло в действительность.

Вы обещались как-нибудь навестить меня; поэтому я предупреждаю Вас, что завтра в субботу я после трех часов отправлюсь в Царское Село, куда меня звал Н. И. Соколов.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Вот я как пишу. Это — болезнь.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 83.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 23

1187. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

16 июня 1885. Петербург

16 июня.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Никак я не ожидал, что Вы так скоро уедете в Висбаден. Думал заехать к Вам дня на два в Блазевиц и оттуда пробраться в Эльстер, где, судя по описаниям, довольно-таки гадко, и где, к довершению всего, теперь царит старая жидовка m-me Стасюлевич с своим Гинцбургом, который в восторге от того, что отвоевал себе такое сокровище. А так как я вынужден иметь с Стасюлевичем дела,— в будущем году надеюсь освободиться,— то мне видеть эту расфранченную продавщицу старого платья тошно Даже сам Стасюлевич, какая ни на есть дубина, а избегает сожительства за границей с своей половиной и откладывает свой отъезд чуть не до 1-го июля, а затем направляется не в Эльстер, а в Карлсбад.

Я выезжаю отсюда 18-го с курьерским поездом — уже взял место в спальном вагоне, и 20-го пробуду в Берлине, где имею

получить деньги, а затем, ежели есть ночной поезд из Берлина в Франценсбад, то 20-го же направлюсь, чтобы прибыть в Эльстер рано утром. Все это по старому стилю. Но так как я беспримерно болен, то, может быть, и помру дорогой. Я уже написал насчет этого жене инструкцию, с описанием всех ценностей, которые при мне будут находиться, потому что я везу с собой все капиталы, потребные на вояж. Болезнь моя, независимо от сердца и энфиземы, заключается в общем потрясении нервной системы. Я почти не сплю. Всю левую сторону, в особенности руку и плечо, дергает и беспокоит тупая боль, которую я не могу определить, но которая похожа на пиление тупым ножом. Когда эти боли наступают,— а продолжаются они целые часы,— то я не знаю, куда деваться. Я не хожу, а шатаюсь от слабости, и писать почти не могу, хотя это для меня необходимо в смысле насущного хлеба. Словом сказать, явственное старческое разложение. Приехавши в Эльстер, я Вам напишу, когда я приеду в Висбаден[1]. Вероятно, я предупрежду свою семью, которая останется в Эльстере до 15 июля нов. ст., а может быть, и дольше.

Я очень Вам благодарен, что Вы посоветовали Елизавете Аполлоновне дать детям морские купанья. Это же советуют и Руссов и Соколов. Она пишет, что сестрица ей предлагает купаться около Бордо (bains Boyau[2]), куда, дескать, и она из Каркасона приедет. Мне, собственно, все это безразлично, и Boyau Руссов хвалит, также не находит дурным, что дети будут купаться в жаркое время. Но я думаю, что Елиз<авета> Аполл<оновна> будет чересчур экономить ради того, чтоб потом в Париже сделать несколько платьев. Представьте себе, она только 2 раза в неделю дает детям ужинать, а между тем поехала в Франценсбад и купила Лизе платье в 90 марок. И заметьте, что она перед отъездом только что сделала Лизе два новых платья. Я недавно даже узнал, что у Лизы 13 пар ботинок и что она сама негодует на это. Я не могу Вам выразить, до какой степени я несчастлив в семье. Жена просто ненавидит меня за мою болезненную старость, скрывает от меня все, и делает всевозможные мне досады.

Лихачев выбран в гор<одские> головы, но будет ли утвержден, неизвестно. За него хлопочет Грессер, и Министерство внутр<енних> дел на его стороне. Журналам запрещено было говорить об нем перед выборами. Вот кто таков Лихачев. Вторым кандидатом выбран Ламанский, и ходит по городу версия, что сам Лихачев провел Ламанского и будет даже хлопотать об его утверждении. А за это Ламанский передает ему все свои директорские места. Я передаю Вам эту болтовню в том виде, как она ходит. Но замечательно, что ни

от одного порядочного человека не услышите путного отзыва о Лихачеве. Самый выбор его произведен водопроводною партией, против которой он всегда действовал. Через месяц он сбирается за границу, а Елена Осиповна, говорят, так выросла, что совсем belle femme сделалась. Покуда Влад<имир> Ив<анович> посещает еще меня, но очевидно, что отношения наши уже на излете. Боткин на выборы не приехал (Е<катерина> А<лексеевна>, должно быть, не пустила), но прислал В<ладимиру> И<вановичу> поздравительную телеграмму. Ал. Мих. Унковский думает, что Лихачев находится накануне такого срама, в котором по уши погрязнет. Я этого не думаю, но полагаю, что мишура слезет с него.

Передайте, прошу Вас, мой дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне и затем до близкого свидания.

М. Салтыков

Напишите, пожалуйста, Bad Elster, poste restante, в Висбадене ли Л<орис>-М<еликов> и надолго ли?

Печатается по подлиннику. *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 55.

Впервые опубликовано Н. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е Салтыковым».— *Р. вед*, 1894, № 331, 30 ноября, с 2 (часть второго абзаца); полностью· *Изд. 1933—1941,* т XX, с. 178—180.

---

[1] См. письмо 1188.

[2] Купанья Буайо.

1188. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

21 июня/3 июля 1885 Эльстер

3 июля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сегодня приехал в Бад-Эльстер и, признаюсь, в таком положении, в каком никогда не бывал. Вы в этом по почерку можете убедиться. Извините меня, хотя Вы и доктор, я полагаю, что Вы *никогда* не посоветовали бы мне ехать за границу при таких неслыханных переездах. Я весь дрожу, и одышка такая, что сплю не больше четырех часов в сутки. На дороге из Берлина сюда должен был <в> Рейнбахе остановиться в такой гадости, что с души воротило. Еще особенность: почти совсем не ем. Я уже не о смерти думаю, а о том, что очень тяжело. А меня только и делали, что гнали все за границу. А теперь кстати холодище. Подлые комнаты, гнусный немецкий язык, соседи, которые при малейшем шуме стучат в дверь,— словом сказать, все подлости бродячей жизни. И все это для

человека, который давно умирает и может существовать лишь при безусловном спокойствии [1].

Меня ужасно огорчило, что Вы так рано уехали из Блазевица. Теперь я бы Вас уже видел. Скажите, когда можно будет в Висбаден ехать? Дети берут грязные ванны уже около 20 дней, то есть 5 грязных ванн и остальные минеральные. Я думаю, что до 12-го или 10-го числа достаточно. Т. е. взять по 4 ванны и тех и других. Будьте так добры, зайдите на виллу Розенгальк (фрейлейн Кленце) против курзала, по улице Зонненбергштрассе. Года три тому назад мы жили там 3-е больших и 2 детей (за 1 большого) и платили по 7 марок за 4 комнаты с обедом. Теперь нас 5 больших (дети за больших),— сколько она возьмет за половину из 4 комнат, выходящую на улицу, но без обеда, а с кофеем и ужином из одного блюда, ибо обедать мы будем в другом месте. А впрочем, спросите и надвое, с обедом и у нее. И напишите: Bad Elster, poste restante.

Лихачев меня провожал. Он хотел ехать за границу месяца на полтора, но все это гадательно, ибо он пока не утвержден.

Лорис-Меликов в Висбадене ли?

Извините, что так пишу: совсем ничего не могу.

Прошу передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Как маршрут в Висбаден от Лейпцига?

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 58
Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 180—181

---

[1] Белоголовый позднее вспоминал «По мере того как приближалось наше свидание, я видел со страхом, что ему делается все хуже и хуже: уже последние письма из Петербурга были писаны им сильно дрожащим и изменившимся почерком, а из Эльстера я стал получать коротенькие записки, написанные так, что с трудом можно было разобрать, с беспрестанным пропуском букв в словах, и наполненные самыми отчаянными жалобами на свое состояние» (*Салтыков в воспоминаниях*, с 596)

1189. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

23 июня/5 июля 1885. Эльстер

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Считаю нелишним разъяснить Вам мое положение. И днем и ночью по малой мере 10 часов задыхаюсь, и всегда сряду несколько часов Пишу — Вы сами видите как, и при этом

беспрестанно ошибки делаю. В глазах у меня бабочки крыльями мелькают. И почти все время охаю — совсем не нарочно, а просто несносно Ем совсем мало. Мне только и дело все говорили, что надо скорее за границу уехать, а мне, по-видимому, этого-то и не надо, а просто надо спокойно на одном месте жить И это теперь тем больше удобно, что никому во мне надобности нет. Мне кажется, что если бы я так и лето в деревне в жилом доме жил, то мне было бы недурно.

Мы хотели выехать в Висбаден в субботу, но какой маршрут,— не знаем. Впрочем, я подле почты живу и может быть зайду узнать, ежели силы будут. Сегодня Стасюлевич из Петербурга выедет, а во вторник, вероятно, будет в Эльстере, где его жена живет. Может быть, он меня до Висбадена устроит. Я прошу Вас только об одном: если не в Rosenhaus, то в Villa Анна взять четыре комнаты, хотя в двух этажах на первый раз, но так, чтобы одна комната (угловая) была приемная, две — с двумя кроватями каждая, и одна (для Кости) с одной кроватью.

Простите, что так гнусно Вам пишу: нервы до такой степени у меня растрепаны, что насилу перо в руке держу. И при этом я уверен, что Вы, увидевши меня, скажете: а ведь Вы гораздо лучше выглядите. Так меня С<ергей> П<етрович> [1] всегда встречает.

Прощайте, передайте мой привет многоуважаемой Софье Петровне. Сегодня, ежели цензура не препятствует, будет напечатана в «Р<усских> вед<омостях>» моя сказка «Либерал», в среду, вероятно, мне ее сюда пришлют [2].

Прощайте, будьте здоровы.

М. Салтыков.

23 июня/5 июля

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 56.
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 181—182

---

[1] С П. Боткин

[2] Сказка «Либерал» напечатана в «Русских ведомостях» 23 июня

1190. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24—28 июня/6—10 июля 1885. Эльстер

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я сейчас получил от семейства Грота неприятную новость: будто в Висбадене эпидемический тиф [1]. Извините, что вместе с тем тревожу Вас вопросом по телеграфу [2]. Для меня это будет

глубокое несчастие, ибо я только на то и рассчитываю, чтобы поскорее увидеться с Вами, в надежде, что хоть Вы чем-нибудь мне поможете. В город, пораженный тифом, я семью везти не могу. Одна надежда, что Вы и сами переедете в другое место, если легенда о тифе справедлива. Пожалуйста, ответьте мне поскорее, как поступить. В субботу, рано утром, я уже собрался ехать и предупредил хозяина, который, кажется, и квартиру нашу сдал. Ах, если б Вы знали, как я бесконечно болен, Вы не удивились бы моей назойливости. Я ни руками, ни ногами почти не владею. И лекарства, которыми я пользуюсь, просто деморализируют меня. Будьте так добры, поскорее уведомьте, правда ли, что пишут про Висбаден, остаетесь ли Вы там. Ведь детей в зараженный город едва ли можно везти.

Искренно Вам и Софье Петровне преданный

М. Салтыков

Ей-богу лучше не могу писать.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 57

Впервые опубликовано· *Изд 1933—1941*, т. XX, с 182

Датируется по содержанию 23 июня/5 июля слух об эпидемии тифа еще не дошел до Салтыкова (см письмо 1189), а 29 июня/11 июля писатель уже был в Висбадене, то есть письмо написано между 24 и 28 июня ст ст

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Телеграмма неизвестна Слух об эпидемии не подтвердился (см письмо 1198).

1191. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

1/13 июля 1885 Висбаден

1 июля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Я в Висбадене с 29 июня ночью, но только сегодня получил Ваше письмо[1], потому что только сегодня посылал на пост-рестант. Читая настоящую грамоту, не думайте, что это некий сатирический прием, мною напоследок выработанный. Нет, это настоящее мое писание,— это зеркало, в котором отражаются мои нервы. Suum cuique[2]. И при этом, представьте себе, бессонные ночи и беспрерывные слезы Кажется, и Николай Андреевич слегка изумлен. Теряю память слов, и так как за мной никакого ухода нет, то погибаю самым поскудным образом. Об одном молю судьбу: воротиться домой.

Болел я с февраля: началось зрением и общим нервным расстройством. И что дальше, то хуже. Затем скарлатина

Кости еще подбавила; затем начались сборы за границу, предмет моей ненависти, потому что мне прежде всего нужен покой. А доктора в этом-то именно и видят покой, чтобы меня как сукина сына перевозили. Поезжайте, отдохните — только и слов. Вот и отдыхаю. А супруга меня ненавидит, да еще смеется. Я, впрочем, и писать настоящим образом не могу — совсем обессмыслел.

Вашему проекту насчет Кузнецовщины сильно завидую. А меня так и уморят где-нибудь на станции железной дороги. Я уж и карточку к груди прилаживаю свою: вот, мол, кому тело сие принадлежит. И заметьте, как быстро идет. Еще дней с пять я все-таки не был так слаб. Теперь мне предстоит след<ующее>. Жена с детьми 1 авг. нов. ст. отправится на морские купанья, а я — волен домой ехать, что и исполню. Но доеду ли — не знаю. Незнание немецкого языка ужасно раздражает.

Впрочем, прощайте; решительно не могу продолжать. Передайте поклон уважаемой Екатерине Павловне. Когда выкуете первый гвоздь, пришлите мне.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 26, л 54.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с 183

[1] Письмо неизвестно

[2] Каждому свое (*лат*) Выражение, восходящее к трактату Цицерона «Об обязанностях» и к «Тускуланским беседам» Письмо написано дрожащим почерком, свойственным периодам обострения болезни Салтыкова

1192. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

3/15 июля 1885. Висбаден

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Я покуда должен остаться в Висбадене и предоставить себя попечению Н. А. Белоголового. Может быть, с его помощью, и вызволит, но теперь все еще необыкновенно скверно. Должно быть, чересчур я себя запустил да и житье мое несколько досадно. Я сегодня был у Лор<ис>-Мел<икова> — вот тоже житье, не дай бог татарину! Одно хорошо: двадцать четыре тысячи содержания.

Прощайте, кланяйтесь Екатерине Павловне. Более не могу. Ни писать, ни читать, ни даже *мыслить* не могу.

Ваш

3 июля *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 576, карт 2, № 26, л 55.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т XX, с. 184

Ответ на письмо Елисеева от 2 июля, в котором сообщалось, что при необходимости немедленного отъезда писателя в Россию его можег сопровождать В И. Покровский, у которого кончился отпуск и который 9 июля должен быть в Петербурге (см. *Письма Елисеева,* с. 168).

1193. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5/17 июля 1885 Висбаден

Висбаден. Sonnenbergstrasse.
Villa Rosenhain

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Благодарю за присылку любопытнейшего документа, который хотя и был у меня, но на который я не обратил надлежащего внимания. И именно благодаря необычайно болезненному положению, которое в полном смысле слова делает мое существование сомнительным. Хотя Белоголовый и обнадеживает, но что-то уж чересчур странное происходит (по почерку видите). Ни писать, ни читать не могу, целый день дремлю, а ночь кашляю. Обиднее всего то, что вряд ли скоро придется мне возобновить свою деятельность — на это и Белоголовый не очень надеется. Это потому вдвое обидно, что пакостники из «Нов<ого> вр<емени>» и «П<етербургских> вед<омостей>» точно предчувствуют предстоящее мне разложение [1]. Из всех литературных концов мне предстоит, кажется, самый жалкий и безвестный. Может быть, даже безумие. Я уже теперь почти ничего сложить не могу, так что, имея в голове полное «Пестрое письмо», не могу совершить даже начала его. Я даже не знаю, как называется моя тепершняя болезнь, потому что это, очевидно, не то, чем я страдал до сих пор Ужасно со стороны врачей, что они дозволили мне уехать из Петербурга. Я не расстроился бы там до того, чтоб потерять способность к писанию.

Лориса-Меликова я видел два раза: он скучен и несчастен. Сегодня он уехал в Франкфурт, на свидание с Алекса<ндром> Абазой, который едет из Парижа куда-то и не мог заехать к старому товарищу в Висбаден, а вызывает больного человека в Франкфурт. Лор<ис>-Мел<иков> отзывается об этом господине с большою горечью и... едет. На днях, быть может, узнаю что-нибудь об этом свидании. Но, вероятно, ничего хорошего. Во всяком случае, и его, и Белоголового Вы здесь застанете.

До свидания. Рука отказывается писать. Может быть, Вы и меня еще здесь застанете и, вероятно, в самом жалком виде.

Будьте благополучны. Дружески жму Ваши руки.

Искренно преданный

М. Салтыков.

5 июля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 58, лл 85—86
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 23—24

[1] Салтыков имеет в виду «Критические очерки» В. Буренина, обозрение «Среди газет и журналов» (*НВ*, 1885, №№ 3330 и 3348) и статью «Разговор» за подписью «Писатель» (*СПб вед*, 1885, №№ 150 и 168).

1194. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

9/21 июля 1885. Висбаден

Висбаден.
Sonnenbergstrasse. Villa Rosenhain.
9 июля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Уже по почерку моему Вы догадаетесь, что со мной плохо. Руки дрожат, ноги колеблются, в голове шум и совершенное ослабление деятельности, потеря памяти, отсутствие воздуха и почти непрестанное умирание — вот какую картину я из себя представляю. И все это вследствие заграничного путешествия, которое меня, измученного, окончательно доконало. Мне следовало бы забраться в какое-нибудь русское деревенское уединение, а меня погнали в Германию, где одно плохое знание русского языка выводит меня на каждом шагу из себя. Ночи я почти совсем не сплю, но днем дремлю, не переставая. Никогда ничего подобного не было — очевидно, конец. Не сетуйте на меня, что я ничего Вам не присылаю: может быть, я и долго еще буду молчать. Мне крайне нужно «Пестрое письмо» написать, чтобы восстановить связь,— но и это, не знаю, удастся ли когда-нибудь выполнить [1]. Во всяком случае, я помню, что Вам с небольшим сто рублей должен, но ежели к августу не поправлюсь, то сделаю счет и должную сумму возвращу.

К счастью, я нашел здесь старого друга, доктора Белоголового, который и наблюдает за мною. Хотя он и обнадеживает меня, но ведь не говорить же человеку в глаза, что он не завтра — нынче покончен. В конце этой недели я отсылаю семью на морские купанья, а сам остаюсь здесь до 1—5 августа. Потом малыми расстояниями отправляюсь домой, т. е. в

Петербург. Отправляюсь один, пришпиливая к груди карточку с адресом. Так я и сюда приехал. Напишите мне хоть что-нибудь: где Михайловский? — если успеете. До 1-го августа времени еще много.

Больше писать не в силах. Для того только и пишу, чтоб Вы знали, что я помню об Вас.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л 59

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн *Русские ведомости*, с. 201—202

---

[1] Заключительные главы «Пестрых писем» (VIII и IX) напечатаны в «Вестнике Европы» в сентябре и октябре 1886 года

1195. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

13/25 июля 1885 Висбаден

Wiesbaden 13 июля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Горячо благодарю Вас за память[1]. Дело мое, однако ж, плохое, т. е. не подвигается вперед ни на шаг. Завтра семья моя уезжает на морское купанье в какой-то Boyau близ Бордо и несколько севернее Аркашона; я остаюсь совсем один в весьма сомнительном состоянии относительно здоровья. Поэтому я с готовностью принял предложение Белоголового поселиться в той же гостинице, где и они живут. Гостиница неважная и даже более чем неважная, но так как я буду жить в № рядом с Белоголовым, то мне важно, что я во всякое время буду пользоваться его доброю помощью, которую он, при своем собственном нездоровьи, не всегда в состоянии был бы мне дать, если б мы жили в разных местах. Адрес этого помещения: Geisbergstrasse, Brüsselerhof. Очень плохая улица и весьма раскаленное помещение. Впрочем, ежели не вытерплю, то уйду.

Главные мучители мои: одышка, по временам, ежеминутная, бессонница и ослабление самосознания и памяти. Последнего я боюсь, как бы не обратилось в сумасшествие По временам нападает неимоверная тоска и полная неспособность чем-либо заниматься. Не знаю, удастся ли мне поправиться, но ежели хотя мало избавлюсь от дрожаний во всем теле и от беспамятства, то немедля возвращусь в Россию. Там, мне кажется, после некоторого успокоения, я скоро поправлюсь[2].

Благодарю Вас душевно за теплое выражение участия: я и вполовину не заслужил его Всего досаднее мне, что сомнительно, чтобы в сентябрьской книжке «В<естника> Е<вропы>» появилось что-нибудь мое; но ежели очнусь хоть сколько-нибудь, то к 15 августа хотя немного, но доставлю Еще месяц времени впереди [3]

Я возвестил Ваш приезд и Белоголовому и Лорис-Меликову: оба высказали величайшее удовольствие Вас видеть и поговорить с Вами о всероссийских делах. Абаза, будучи в Франкфурте, вызывал Лор<ис>-Мел<икова>, и последний, по простодушию, поехал. Говорили они какой-то вздор, но Л<орис> -М<еликов> уже и оттого в восторге, что вот-мол вспомнил об нем старый коллега. Теперь ждет Бунге и, кажется, Грота.

До свидания, будьте здоровы и поклонитесь от меня многоуважаемой Любови Исаковне

Еще раз благодарю Вас за память

Искренно преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, лл 87—88
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 24—25

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Пересылая письмо Салтыкова жене, Стасюлевич заметил «..письмо Салтыкова меня и встревожило и растрогало, это целый вопль и стон не только больного тела, но и очень наболевшей души» (*Стасюлевич,* т V, с. 24).

[3] До сентября 1886 года в «Вестнике Европы» Салтыков ничего не напечатал.

1196. В. П. ГАЕВСКОМУ

14/26 июля 1885 Висбаден

Висбаден 26 июля

Многоуважаемый Виктор Павлович

Так как я не помню адреса Таганцева, то будь так добр уведомить его, что некоторый любитель литературы, находящийся здесь в Висбадене и желающий скрыть свое имя, вручил мне банковый билет 2-го выпуска за № 117158 в 1000 р. для передачи в Литературный фонд. Билет этот у меня, и так как я приеду в Петерб<ург> в половине августа, то тотчас же доставлю по принадлежности вместе с сентябрьским купоном.

Я уведомляю об этом для того, что я могу дорогой умереть.

а так как я один, то и сумка, в которой он будет, может быть засеквестрована вместе с другими ценностями.

Я болен больше нежели когда-нибудь. Ни писать, ни ходить не могу. И притом был бы совсем один, если б не принял во мне участия Белоголовый, который буквально взял меня на свое попечение. Но поправлюсь я едва ли.

Семья моя уехала во Францию, на морские купанья, а я жду не дождусь, чтобы хоть настолько поправиться, чтоб доехать до Литейной. Худо вот что: что мне и дорогу придется проделать одному. Ну, да авось.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

Кланяйся многоуважаемой Елизавете Николаевне и поцелуй сына.

Мой адрес: Geisbergstrasse. Bruxellerhof.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф 171, № 248, л 58.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 224—225

1197. П. В. АННЕНКОВУ

15/27 июля 1885 Висбаден

Wiesbaden
Geisbergstrasse, 8

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Пишет Вам убогий, едва держащий в руках перо человек. Вот уж скоро 4 недели, как я шатаюсь за границей, не знаю, живой или мертвый. Насилу хожу, задыхаюсь, забываю слова, ничего не могу сообразить. Проезжая через Берлин, думал Вас повидать — оказывается, что Вы в Бад<ен>-Бад<ен> переехали. В Висбадене нахожусь три недели — приехал под защиту доктора Белоголового, который здесь живет. И так как жена вчера уехала во Францию на купанья, то я и поселился рядом с Белоголовым. Болезнь моя, кроме всего прежнего, общее расстройство нервов. Весь потрясен, о писании и думать нечего. Это уж зимой началось, и мне был нужен покой, а меня за границу послали и окончательно доконали.

Прощайте, больше не могу.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 3, л 52
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 291
Датируется по упоминанию об отъезде семьи в Буайо 14(26) июля (см. письмо 1196).

1198. П. В. АННЕНКОВУ

17/29 июля 1885 Висбаден

Висбаден. 29 июля.

Многоуважаемый Павел Васильевич.

Благодарю за добрейшее письмо[1]. Хотел сейчас же ответить, но Стасюлевич возвестил на вчера свой приезд, и я думал зараз отдать отчет и об этом происшествии. Но происшествие оказалось бессодержательным, ибо муж сей приехал к нам в 2 часа, а в $5^1/_2$ уехал, и как мы ни уговаривали его хоть до следующего поезда остаться, но он отказал наотрез, потому что обещал жене возвратиться в Франкфурт именно в 7 часов и не позже. Затем, он вечером в то же число должен был ехать с женой делать во Франкфурте покупки, а на завтра у него был уже взят билет в Голландию на купанья. Вот как умеет человек опутать себя, ежели пожелает. За месяц все дни распишет, и множество людей аккуратностью своею оскорбит. Приехал он между прочим с тем, чтобы видеть Лорис-Меликова, а тот от 2 до 5 спит. Тем не менее, зная, что старец жаждет видеть приезжих россиян, мы повезли Стас<юлевича> и в 4 часа должны были приказать разбудить старика, а покуда он вставал, наступило почти 5 часов, и только $^1/_2$ часа г. Стасюлевич подарил измученному старику, почти превратившемуся в младенчество от того, что его бросили. Представьте себе, на днях проезжал через Франкфурт Абаза из Парижа в Карлсбад и в Карлсбаде рассказывал, что он уж из жалости вызвал Л<орис>-Мел<икова> к себе во Франкф<урт>. А Лорис-Меликов между тем был в восторге от этого свидания. Бунге отказался заехать из Эмса в Висбаден под предлогом, что в последнем царствует тиф. Между тем тиф такой ничтожный, что заболевает не больше 5 чел<овек> в день, и умирает совсем обыкновенный процент.

Стасюлевич, между прочим, сообщил мне, что и Вы собирались заехать в Висбаден — это будет с Вашей стороны очень доброе дело[2]. Я предполагаю остаться здесь до 8—10 августа и был бы безмерно рад Вас видеть. Но сам ехать в Бад<ен>-Баден решительно не могу. Мне немножко получше, но всетаки по почерку Вы видите, что именно только немножко. Обиднее всего, что писать не могу, а это заставляет меня опасаться насчет приличного пропитания. Самое подходящее для

меня теперь было бы помереть, так как я уже начинаю делаться для семьи лишним и даже обременительным человеком.

Прощайте, и еще бы лучше: до свидания. Рука устала и отказывается писать. Прошу Вас передать мой привет уважаемой Глафире Александровне и всем детям.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 3, л 54—55
Впервые опубликовано *Письма*, с 292—293

[1] Письмо неизвестно.

[2] Анненков приезжал в Висбаден, видимо, в начале августа (см письмо 1209).

1199. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

19/31 июля 1885 Висбаден

Висбаден, 31 июля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Пишу к Вам второе письмо, и никакого отзыва от Вас не имею. Положение мое все то же, хотя Белоголовый обнадеживает, что недели через 2—3 буду в состоянии возвратиться в Россию. У меня уж совсем сформировались две небольшие сказки, и как только руки мои поправятся, скоро их напишу[1].

Газета Ваша здесь многим нравится, и с будущего года Вы, вероятно, двумя-тремя подписчиками в Висбадене будете иметь больше. Но почтальоны смеются, какой странный бандероль, на старом обрывке газеты приклеен адрес. Одна мать семейства обиделась: прямо под адресом объявление: с и ф и л и с.

Прощайте, больше писать не в состоянии.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л 61.
Впервые опубликовано В Розенбергом в кн. *Русские ведомости*, с 202

[1] Речь, возможно, идет о неосуществленном замысле сказки «Собаки» и о сказке «Богатырь», над которой Салтыков начал работать в Висбадене (*Салтыков в воспоминаниях*, с. 597—598) Сказка «Богатырь» была закончена летом 1886 года (см т. 16, кн 1, с. 471).

1200. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

Первая половина августа 1885 Висбаден

СМЕРТЬ ОТ ТЕЛЕГРАММЫ.

Трагедия

Действие происходит в Висбаден<е>, Geisbergstrasse, hôtel Brüsselerhof; обедают: семейство доктора *Белоголового* и *Салтыков*. Входит служанка *Луиза* и приносит телеграмму.

Салтыков *(читает)*: «Будьте здоровы. Письмо почтой. Соболевский».

Д-р Белоголовый. Какие могут быть письма, о которых нужно возвещать телеграммой. Охота тревожить людей!

Салтыков. Это те самые письма, которые никогда не посылаются

Семейство д-ра Белоголового. Не может быть!

Салтыков. Вот увидите.

Явление 2-е.

Проходит месяц. Лето сменяется осенью Письма нет. Весть об этом разнеслась по всему Висбадену, и местные юристы вошли с представлением по начальству о внесении в свод законов особого вида преступления под названием: истязание посредством неприсылки обещанного письма. Служанка Луиза так заинтересовалась, что день и ночь стоит на крыльце и ощупывает у почтальонов сумки.

Луиза *(на крыльце)*. Вот уже шестидесятый раз ощупываю я этого почтальона, и все в нем тела не прибывает!

Голос Салтыкова *(изнутри)*. Луиза! Письма нет?

Луиза Много писем есть, но того, которое...

Голос д-ра Белоголового. Удивительно!!

Явление 3-е.

Декабрь месяц. Улица Гейсберг засыпана снегом, который хлопьями валит на мостовую Вечер. На диване в номере лежит тело Салтыкова; около него с кадилом стоит поп *Тачалов* Поодаль стоит доктор *Белоголовый* с семейством. Внезапно врывается *Луиза*, держа над головой письмо.

Все Письмо!

Доктор *Белоголовый* вскрывает пакет, в котором находит чистую бумажку. Вслед за тем опять врывается *Луиза* и кричит: телеграмма!

Доктор Белоголовый (*читает*): «По ошибке в конверт вложена пустая бумага. Письмо почтой» ..

Все. Изумительно

Салтыков (*на минуту воскресая и отдавая это письмо*). Отошлите настоящие каракули Василию Михайловичу Соболевскому (*умирает*).

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л 63

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с 202—203.

Комментируемое письмо вызвано запозданием ответов на посланные Соболевскому из Висбадена письма от 9 и 31 июля.

1201. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

1/13 августа 1885 Висбаден

Висбаден. 13 августа

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

По совету Вашему я возвращаюсь в Россию с семьею, которая на днях сюда прибудет гонимая призраком холеры. Но возвращаюсь на сих же днях, потому что здоровье мое не только не улучшается, но становится хуже и хуже, так что я не на шутку собрался умереть. Где умереть — это все равно, но на родине можно удобнее устроить дела своей семьи, а это для меня всего важнее. Об литературе я уже не думаю — разве чудо какое может возвратить меня к ней; но поистине удивляюсь тем мучениям, которые испытываю. У меня постоянная судорога во всем организме, задыхание ежеминутное, а сплю я не больше 3—4 ч. в сутки. Видите, как опять начал писать.

Ничего другого мне не остается ждать, кроме того, чтоб эти страдания кончились скорее, но, по-видимому, желание мое тогда только исполнится, когда природа ознаменует на мне последнее свое мучительство.

Здесь Лихачев, светлый, веселый, довольный, вместе с женою. Пробудет еще дней десять. Говорят, будто и Кони здесь, но не знаю, потому что он специально предназначил свой визит Лорис-Меликову.

До свидания, совсем не могу писать. Передайте мое почтение уважаемой Любовь Исаковне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 73

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 228—229.

1202. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

3/15 августа 1885. Висбаден

Висбаден. 3/15 августа.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я тем охотнее последую Вашему совету, что положение моего здоровья таково, что не позволяет мне и думать о писании. Я все так же кашляю, так же не сплю, и только руки немного как будто исправляются. Тем не менее так боюсь запоздать за границей, что 12-го числа непременно выезжаю в Берлин, где пробуду сутки и оттуда в Россию — к 15 вечером. Поэтому будьте так добры написать в типографию Вашего журнала, чтобы ради меня не задерживали печатанием сентябрьской книжки: я много раз пытался писать, и все ничего не выходило. Боюсь, что и совсем придется бросить мысль с писательстве.

Вы пишете, что у Вас погода все теплее и теплее, а здесь уже делается свежо даже при солнце, а ночью так и просто холодно. Разумеется, я выхожу очень мало и никого не вижу — можете себе представить, какая из этого выходит скука. Читать тоже не имею возможности. Часа четыре в день провожу с Белоголовым — только и отдыхаю. Лорис-Меликов заболел ревматизмом, дней пять сряду кричал от боли, и только вчера я увидел его несколько успокоившимся.

Здесь был Арцимович с дочерью и обедал у Белоголовых. Завтра Лорис ждет Кони. Завтра же Белоголовый ведет меня смотреть, как в саду будут шар пускать. Но я полагаю, что средство это, к сожалению, мне не поможет.

Будьте любезны передать мой сердечный привет многоуважаемой Любови Исаковне и поблагодарить ее за память. Затем, жму Вашу руку и прошу верить моей искренней преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, лл 89—90
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т V, с 25—26

1203 В КОНТОРУ ГАЗЕТЫ «РУССКИЕ ВЕДОМОСТИ»

14/26 августа 1885. Висбаден

Покорнейше прошу «Р<усские> вед<омости>», высылавшиеся мне в Висбаден под бандеролью № 9058, отныне высылать по-прежнему в Петербург, Литейная, 62 [1].

М. Е. Салтыков.

14 августа

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, Р III, оп 1, № 1871.
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941*, т XX, с 193

---

[1] Просьба связана с отъездом в Петербург, куда писатель прибыл 20 августа ст ст. (см письмо 1207).

1204. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18/30 августа 1885 Берлин

Берлин, Britisch Hôtel
18 августа

Многолюбимейшие и уважаемейшие друзья Николай Андреевич и Софья Петровна. Сейчас приехали в Берлин и остановились в Britisch hôtel. Ехали при несноснейшем холоде, но все-таки совершили путь благополучно. Однако ж со мной и тут совершилось неблагополучие: Владимир Иванович[1] взял билеты не до Вержболова, а до Эйдткунена, а равно и багаж туда же запрятал. К счастью, я, при выходе из вагона в Берлине, встретил начальника станции, который сказал мне, что завтра он телеграфирует в Эйдткунен, чтоб и нас и наш багаж пропустили в Вержболово. Иначе нам пришлось бы в Эйдткунене брать билеты до Петербурга и суетиться в 11 часов ночи. Впрочем, Вы не говорите об этом Лихачевым, хотя в виде практического примера это было бы и для них не бесполезно

Как я уже Вам сказал, ночь была чрезвычайно холодная, что было тем более чувствительно, что вагон попался ветхий и отвратительный. Но в Берлин мы въехали при солнце, только не знаем, долго ли продолжится его сияние Под утро в вагоне я познакомился с одним ординатором из барачной больницы (фамилию не спросил), который тоже ехал из Висбадена и очень нам помог при перемещении из вагона, а также при объяснении с начальником станции. Вообще до сих пор все идет довольно благополучно, хотя и не без зацепок. Личных подергиваний почти не было, но дрожание руки, от дорожной усталости, несколько усилилось. И общая усталость изрядная, так что без подсаживаний и поддерживаний совсем не могу выходить из вагона.

В заключение, позвольте мне снова и снова поблагодарить Вас. Никогда и никому я не был так обязан, как Вам. В течение целых пяти недель я наглым образом врезывался в Вашу жизнь и наскучал Вам своими болезнями. Думаю, однако ж, что Вы, по доброте сердечной, снизойдете мне, тем скорее, что я и сам не мог предвидеть всей неключимости случившегося.

Прощайте, кончаю письмо, ибо рука моя еще устает и не повинуется. Жена шлет Вам свой сердечный привет.

Искренно Вас любящий и признательный.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 59.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т XX, с. 193—194

---

[1] Лихачев.

1205. М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ

18/30 августа 1885 Берлин

Милостивый государь Михаил Тариелович.

Считаю долгом благодарить Вас и Ваше уважаемое семейство за благосклонный прием. Извините за дурной почерк: руки еще плохо владеют пером. В Берлин я прибыл в указ<ан>ный час, но чтобы вполне благополучно, не могу сказать. Лична́я судорога значительно уменьшилась, но кашель и общая слабость настолько же увеличились. Завтра рано утром выезжаю, но не знаю, доеду ли. Очень уж холодно. Прошлую ночь не мог согреться и боюсь, что простудился, несмотря на спальный вагон, одеяло и два пледа. Далее, вероятно, еще холоднее будет. Но надеюсь, что судьба не допустит меня умереть на распутьи.

Извините, что мало пишу: рука не владеет пером. Жена моя свидетельствует Вам свое почтение, равно как и глубокоуважаемой графине.

С истинным почтением имею честь быть

Вашего сиятельства

глубокопреданный слуга

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ЦГАОР*, ф 596, оп. 1, № 230, л. 6
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 229.
Датируется по упоминанию о пребывании в Берлине.

1206. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

21 августа 1885 Петербург

Пбург 21 августа.

Бесценнейший друг Николай Андреевич.

Выехал я из Берлина в свое время, при посредственном холоде, с обещанием, что в Эйдткунене меня не задержат,

хотя поезд останавливается там только 2 минуты, а не 20, как пишут в путеводителях. Вагон оказался весь русский, и хотя нам было обещано особое отделение, но двое русских ворвались туда, и мы были бы разорваны надвое, если б трое пассажиров из другого отделения не согласились уступить нам свои места, вследствие чего мы и устроились довольно благоприятно. Перед Эйдткуненом за две станции, когда у нас отбирали билеты, я поверил обер-кондуктору свою грусть, и он обещал мне сейчас же напомнить посредством телеграфа с таковым изменением, чтобы билеты дали не до Петербурга, а только до Вержболова, куда препроводили бы и вещи. И представьте себе, едва поровнялись мы с Эйдткуненом, как уже у нашего вагона стоял малый с пятью билетами и новым клеймом до Вержболова, так что мне оставалось только вручить $2^1/_2$ марки. В Вержболове меня встретили до крайности любезно; но случилось одно происшествие. Гувернантка наша не знала, что ей нужно, для обратного въезда в Россию, визировать паспорт у русс<кого> консула, и жандарм отказывался ее пропускать. Жена, при содействии властей, однако ж, убедила, что у ней дом не за Эйдткуненом, а за Вержболовым, и он согласился пропустить, но с тем, что паспорт взял банкир Шёкор и обязался в трехдневный срок визировать в Кенигсберге у консула. Да и то сделал это благодаря г. Михельсу, который, проезжая незадолго перед тем, просил его оказывать мне возможное содействие. Вероятно, он теперь и дрожит, в ожидании, что кто-нибудь из подчиненных донесет на него. Но что всего хуже, я даже в глаза не видел его и не поблагодарил, потому что меня до такой степени обсели, что я шагу ступить в сторону не мог. Полагаю, что он называет меня теперь свиньею, а унтер-офицер (я не видывал таких умных унтеров), который на него донесет, негодует на меня за то, что я не дал ему золотого. А я не сделал этого потому, что меня провожали целой толпой. А он, между тем, еврей, и теперь бог знает, может быть, нашу англичанку и вышлют За тем, все следовало идти благополучно, но под утро случилось еще происшествие. Нужно было мне послать на квартиру телеграмму, чтобы выехали навстречу. Вдруг *слух,* что телеграммы посылать можно, но переданы они не будут, ибо вслед за нашим поездом ожидается другой, и поэтому на наш поезд никого встречать не велено. Тем не менее, я все-таки телеграмму послал, и она до сих пор не пришла [1]. Но горничная наша была так умна, что и без телеграммы распорядилась послать за нами дворника и приготовить чай. Таким образом, мы преодолели все невзгоды и прибыли в дом свой.

Конечно, это отчасти повлияло на меня, и в особенности я

простудился порядком, по случаю необыкновенно холодной погоды, которая преследовала нас от Берлина до Петербурга. Мокроты извлекается видимо-невидимо, и ночь, несмотря на усталость, я спал не больше $4^1/_2$—5 часов. Был у меня Н. И. Соколов и оставил все Ваше лечение, обещав в пятницу заехать, а завтра прислать Васильева, который, вероятно, и будет лечить меня, под наблюдением Соколова. Может быть, и к Боткину съезжу, ежели погода поправится.

Билеты Ваши жена уже застраховала у Стефаница, и квитанция будет храниться у нее до дня розыгрыша.

Пожалуйста, передайте мой нижайший поклон и сердечный привет добрейшей и бесценной Софье Петровне; жена и Вам и ей шлет искренний поклон. Теперь она взяла меня в руки. Не могу я сказать: детям учиться надо, как она в ответ: Николай Андреевич тебе ни о чем заботиться не велел. Вот так раз. Со временем у нас совсем чепуха будет, все из-за того, чтоб мне покой дать.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 60
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 195—196

---

[1] Телеграмма неизвестна. См. письмо 1209

1207. В. П ГАЕВСКОМУ

21 августа 1885 Петербург

21 августа

Уважаемый Виктор Павлович.

Я приехал вчера вечером, а если ты хочешь знать в каком виде, то заезжай посмотреть. Ты завтра наверное будешь в Петербурге по случаю Тургеневского торжества [1], то тем целесообразнее было бы заехать ко мне, что я мог бы вручить тебе ту тысячу рублей, о которых писал из Висбадена [2]. Поспешай! ибо коса смерти не медлит!

Ты бы весьма меня обязал, если б, в случае увидишь Пыпина, сказал ему, что он хорошо бы сделал, повидавшись со мной, ибо стыдно считаться с умирающими.

Твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ* ф 171, № 248, л 59
Впервые опубликовано· *Неизданные письма,* с 230

[1] 22 августа 1885 года в Петербурге отмечалась годовщина со дня смерти Тургенева. На Волковом кладбище «состоялось освящение бюста, поставленного на могиле его рядом с прежним памятником, гранитною плитою с надписью» (*ИВ*, 1885, № 10, с. 222)

[2] См. письмо 1196.

1208. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

23 августа 1885. Петербург

Пбург. 23 августа

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Положение моего здоровья таково, что я, по крайней мере, считаю его вполне безнадежным. Во всяком случае, я не предполагаю, чтобы сотрудничество мое могло в скором времени возобновиться, хотя я всем сердцем желаю Вашей газете успеха и благопоспешения. Затем, так как для умирающего всего важнее очиститься от долгов, то я, будучи должен Вашей газете 400 р., желаю рассчитаться с нею без замедления.

В счет этой суммы я написал Вам три сказки. «Благомысл<енного> зайца», «Соседи» и «Либерал». По моему мнению, в них 1180 строк на сумму 295 р. Следовательно я должен редакции 105 р. Расчет этот я делаю так: беру средний столбец фельетона и помножаю на шесть, считая таким образом в свою пользу заголовок и подпись. Так это делалось в «Отеч<ественных> зап<исках>».

Уведомьте меня, находите ли Вы мой взгляд правильным, или нет, и в последнем случае сообщите мне свой расчет. Я вышлю немедленно деньги. Все это, однако ж, не помешает мне, ежели я выздоровлю и *ежели Вы пожелаете меня печатать,* продолжать присылать Вам мои труды.

В последнее время Вы обнаружили такое равнодушие ко мне и такое нежелание знать, жив я или умер, что мне просто за себя горько. Многие приписывают это каким-то особым московским качествам, но я начинаю приписывать просто моему недостоинству. Вообще, сочувствие ко мне сильно падает, и я совершенно правильно ожидаю, что ежели жизнь моя продлится, а я утрачу способность напоминать о себе ежемесячно, то буду очень скоро забыт.

Печатается по подлинннику. *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 57, л. 65 Вторая половина письма не сохранилась.

Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с. 230—231.

1209. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 августа 1885. Петербург

Петербург 23 августа

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Письмо Ваше я получил в самый день моего отъезда из Висбадена, 17-го числа [1], и как человек больной не успел ответить на него, хотя уехал только вечером. Уехал я со всей своей семьей, но путешествие было не вполне благополучное. Днем шли дожди, ночью, несмотря на спальные вагоны, было холодно. Спальные вагоны, особливо за границей, становятся вместилищем сырости и нечистоты, так что цельные отделения простых вагонов гораздо лучше. Затем распространился слух насчет воспрещения передачи телеграмм относительно встречи на петербургской станции. И действительно, хотя я, невзирая на слух, послал швейцару нашего дома телеграмму, чтобы нас встретили, но телеграмма сия была доставлена лишь на третий день [2]. Были, вероятно, политические причины.

Во всяком случае, болезни мои вполне восстановились и даже усугубились насморком, который вызывает на глазах моих целый источник непрерывно льющихся слез.

Об Анненкове я не сообщил Вам по забвению, так как я до того дошел, что забываю даже о совершившемся за пять минут. Но Павел Васильевич даже меня перещеголял в этом отношении. Во-первых, он, не доезжая Гейдельберга, вышел из вагона и пропустил поезд, вследствие чего обратился к нач<альнику> станции с просьбой телеграфировать в Гейдельберг, чтобы оставленные им в вагоне вещи отослали в Баден-Баден; затем сел на Майнцский поезд, жене не дал знать, а приехал к нам безо всего. Во-вторых, в Майнце или Кастеле он опять слез с поезда и прибыл в Висбаден уже на лошадях. На все вопросы, как это случилось, он отвечал только, что заплатил 12 марок. Да и это, бог знает, верно ли, потому что я, после двукратной встречи на бангофе [3], без успеха, обрел его самым оригинальным образом. Вышел я на балкон и вижу кого-то бродящим против нашей гостиницы Вглядываюсь — Анненков. Окликаю. Отзывается: я Вас ищу в 9-м №. Говорю: да я Вам писал, что в 8-м; так идите же сюда — Нет, я к попу иду; мне в 9-ом № сказали, что Ваш адрес следует узнать у попа. Можете себе представить мое изумление! Не говоря худого слова, сбегаю вниз и овладеваю дорогим гостем, который не может толком объяснить, каким образом он тут очутился. Вот тут-то и последовало то Валтасаровское угощение, о котором П<авел> В<асильевич> Вам пишет [4] и ко-

торому, главным образом, споспешествовало то, что Белоголовый накануне от одного из пациентов получил отличнейших сигар и превосходного бордо. А на другой день утром я получил от Глаф<иры> Алекс<андровны> депешу: вещи мужа пришли — где муж? На что я и ответил: будет сегодня к ночи доставлен Вам в целости [5].

Как видите, это целая эпопея.

Затем, возвращаясь к себе, повторяю: я так безнадежно болен, что потерял всякую способность к труду. Не читаю и не пишу. Мне это тем более досадно, что материал для «Пестрых п<исем>» был у меня уже собран [6]. В особенности жалко главы о *пестрых* людях, которою я хотел заключить письма. И еще более досадно, что я не могу содействовать «В<естнику> Евр<опы>», так как я человек совершенно особого характера: гляжу на свои обязательства вполне строго.

Затем, прошу Вас передать мой привет многоуважаемой Любови Исаковне и верить моей искренней преданности.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 58, лл 91—92
Впервые опубликовано· *Стасюлевич,* т. V, с 26—27

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Телеграмма неизвестна.

[3] Вокзал (от *нем* Bahnhof).

[4] Салтыков имеет в виду письмо Анненкова к Стасюлевичу от 3/15 августа 1885 года из Баден-Бадена (*Стасюлевич,* т. III, с. 442—443).

[5] «Депеша» Г. А. Анненковой и ответ Салтыкова неизвестны.

[6] Собранный Салтыковым материал реализован им в заключительных главах «Пестрых писем» (см т 16, кн 1, с 516—523).

1210. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

26 августа 1885 Петербург

26 августа

Многоуважаемый Александр Львович.

Я настолько всегда Вас любил, что молчание Ваше не сердило меня, а только глубоко огорчало. Теперь Вы возобновили переписку в самую тяжелую для меня минуту [1]. Я до такой степени болен, как никогда не бывал. И лицо и тело в постоянных судорогах, кашель несосветимый, сплю не больше 4—5 часов, почти ничего не ем. Руки дрожат, ноги ослабли, память почти потеряна, способность писать и даже думать — тоже. И все это идет crescendo. Все лето я провел в невыносимых

страданиях, хотя и на ногах, и все лето видел не улучшение, а постепенное ухудшение. В сей самый день нет минуты, в которую лицо мое судорожно не искривлялось бы. Вот я пока пишу еще довольно твердо, но уже чувствую приближение каракуль. Летом в течение последних 7 недель я жил вместе с Белоголовым, т. е. в одном пансионе, и пользовался неотступными его попечениями, и все-таки ничего не вышло: до такой степени глубоко потрясена вся моя нервная система. Подобные факты, как закрытие журнала, почти полугодовая болезнь сына и задержка его вследствие этого в старом классе, не проходят даром; но относительно меня они выразились уже чересчур мучительно. Клянусь Вам, я ничего подобного представить себе не мог. Покуда, однако ж, во сне еще не коверкаюсь, но предвижу и это. В результате, разумеется, ожидается смерть, но зачем такая длинная?

Но оставим это, тем более что мне много и писать нельзя. Буду отвечать на Ваши вопросы. Ежели Вы приедете в Петербург в конце сентября с Елизаветой Юльевной, то, разумеется, и я (ежели буду жив) и семья моя будем в восторге. Думаю также и о прочих членах нашего небольшого кружка. О них же сообщаю Вам следующее:

Унковский благодушествовал летом на лоне природы и воспользовался хорошим урожаем ржи (сам 15) и плохим — всего остального. Он, бедный, работает без устали, но, по обыкновению, скромен и живет с хлеба на квас. Даже возмутительно видеть рядом с этою личностью таких отпетых хищников, как Утин, Урусов, Потехин и даже Спасович, который уж так умен, что почти сравнялся не то с Картушем, не то с Иудой.

Лихачев в настоящую минуту за границей, в Париже, и возвратится 15 сентября. В конце сентября Вы его увидите. Головство его — вещь очень запутанная и загадочная. Писать об этом я не могу, а сами увидите. Я, впрочем, до сих пор нахожусь с ним в дружеских отношениях и в Висбадене в последние дни чуть не все время проводил с ним, но все-таки нахожусь в недоумении, каким образом оставаться в *прежнем* положении, коль скоро среда действия В<ладимира> И<вановича> так радикально изменилась. Тут уж от него потребуется особенная ловкость.

Г. З. Елисеева я не видал, но знаю, что он переехал в Тверь и устроился там. Из Киссингена он писал ко мне [2], и я ответил ему [3], но с тех пор замолк. Завтра буду ему писать. Хорошо бы сделали, если б и Вы бедному старцу написали. Хотя я адреса его не знаю, но буду писать так: в Тверь, Его Высокор<одию> Василию Иванов<ичу> Покровскому для передачи и т. д. Дойдет несомненно.

Прощайте. Желаю Вам всего лучшего и посылаю душевный привет уважаемой Елизавете Юльевне и детям.

М. Салтыков.

Поздравляю с именинами.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 7
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 231—234

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Видимо, имеется в виду письмо из Киссингена от 2 июля 1885 года (*Письма Елисеева*, с. 167—169)

[3] См письмо 1191.

1211. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

27 августа 1885 Петербург

Пбург 27 августа

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Ужаснейшая болезнь мешала мне писать Вам, болезнь, продолжающаяся и до сих пор, но изредка дающая мне некоторую свободу. Болезнь эта — крайнее расстройство нервов, которая сводит судорогой не только лицо, но и тело. Припадки ее длятся по целым часам, и все это время я испытываю невыразимейшую тоску. При этом астма, кашель, дрожание в руках и ногах. Память ослабела, способность к работе пропала; три месяца, сколько раз ни принимался за работу, ничего не выходит, хотя содержание есть. Вот мое положение, и так как оно длится сряду два месяца с половиной, то Вы можете себе представить, какую страдальческую жизнь я веду. Даже общества людей я должен избегать, потому что разговоры утомляют меня. Лечат меня доктора Соколов и Васильев и уверяют, что все пройдет. Т. е. не все, а что я вновь приду в прежнее болезненное состояние, и потом должен буду жить опасаясь. Возвратится ли ко мне прежняя способность к литературной работе — не знаю, но весьма сомневаюсь. А тогда для меня предстоят два последствия· материальные недостатки и забвение. Ибо с тем образом жизни, который ведет моя семья, я не иначе могу удовлетворять ее потребностям, как постоянно работая, а с другой стороны, и публика только тогда помнит писателя, когда он сам непрестанно напоминает о себе. Я, по крайней мере, именно принадлежу к числу таких писателей.

С каким бы удовольствием последовал я Вашему примеру, переехавши в Тверь[1], где есть все, что нужно для воспитания детей и для личного спокойствия, где и жизнь дешевле, и суматохи меньше, и воздух чище. Но тут я, по-видимому, уже совершенно бессилен, и даже заикнуться об этом не могу. Я бы

мог позволить себе тогда купить маленькое имение и пользоваться им. Вообще, если б жизнь моя зависела от меня одного, я бы мог еще кой-как устроиться на покой, несмотря на болезнь, но теперь это совсем невозможно. Если б я стал настаивать, то и тут меня остановит мысль. мне, быть может, и жить-то остается вот с эстолько, а я буду своими настояниями портить жизнь другим, которые немедленно же все мною сделанное начнут переделывать.

Вот и теперь случай: Унковский сообщил мне, что 30 сентября в Твер<ском> окр<ужном> суде будет продаваться (суд<ебный> пристав Старков) имение некоего Палицына Новоторжского уезда близ ст<анции> Терехиной при селе Климове. Земли всего 143 дес. Оно в залоге у Алымова за 10 т. р., но наросло процентов; мебель вне продажи, скот тоже — все это надо завести. Есть казенные и другие недоимки. Словом сказать, нужно будет до 16 т. р., чтоб совершенно устроиться. Оценка 3 т. р., но Алымов, конечно, возвысит до 11 т. р. Хотя я почти напрасно затеваю разговор об этом, но все-таки, на всякий случай, спросите у В. И. Покровского, не знает ли он этого имения, и стоит ли оно предполагаемых 16 т. р. с. Говорят, дом чересчур мал [2].

Затем из общих наших знакомых никто у меня не бывает. Сотрудники почти бросили, Лихачевы за границей, один Унковский навещает меня.

Прошу Вас передать мой искренний привет многоуважаемой Екатерине Павловне; жена моя тоже Вам обоим кланяется.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков

Дайте Ваш адрес.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 576, карт. 2, № 26, л 56.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 200—202.

---

[1] Елисеев переселился из Парижа в Тверь в августе 1885 года.

[2] Отвечая Салтыкову 3 сентября, Елисеев еще не имел сведений относительно имения Палицына. Он сообщил их Салтыкову несколько позднее в недатированном письме, относящемся к сентябрю 1885 года (см *Письма Елисеева*, с. 171).

1212. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

28 августа 1885. Петербург

Пбург. 28 августа

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам положительно сам не знаю как. Мне час от часу не легче. Сегодня меня с утра ломает *всем корпусом*. Че-

рез день у меня бывают Соколов и Васильев. Лечение: 2 раза в день перед едой по одной пилюле из меркурия и опия; 3 раза в день по две пилюли из камфоры монобромат<ико>, бромистого хинина, хлорал гидрат и валериана,— пахнет дермом; 3 раза в день микстура из сенеги, дигиталиса, анисового аммония, опия и ландыша. Итого 8 раз. Сегодня, ввиду экстраординарного припадка в присутствии Н. И. Соколова, принял разом две столовых ложки бромистого калия с горьким миндалем и ландышами. Немножко как будто полегчало, и рука тверже. Что всего хуже,— почти ничего не ем; напротив, сплю лучше, хотя и с продолжительным предварительным кашлем на кресле. Около 7-ми часов высыпаю, с редкими исключениями.

Владим. Ив. Лихачев счастливец. Перестройка гостиного двора решена до его выбора, и моя смерть произойдет в его отсутствие: на похороны не надо будет ехать. Но сын приедет[1].

На «Сев<ерный> вестн<ик>» подписался через Карбасникова с сентября по январь и получил редакционный билет, который тотчас же потерял. Но это все равно, так как экземпляр с пересылкой. Ежели не будут высылать, то напишите. Стоимость — 5 р. Карбасников говорит, что конторы еще нет, а в редакции был, так там как будто сами себя спрашивают: что такое случилось?

Нового ничего Вам не сообщаю, да и сам ничего не знаю. Погода здесь странная, переменная. Говорят, будто тепло, а другие утверждают, что холодно. Я сейчас, по требованию Нила Ив<ановича>, выезжал в карете и в холодном пальто — холодно не было.

Прощайте. Коли не умру, буду писать. Но ежели Вы желаете мне добра, то пожелайте смерти. Воистину справедливо будет гласить объявление: «после долгой и мучительной болезни». Да и не болезни, а просто «жизни».

Прошу Вас передать от меня глубоко-сердечный привет добрейшей Софье Петровне.

Жена Вам обоим кланяется.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 61.
Впервые опубликовано· *Изд 1933—1941*, т XX, с 202—203

---

[1] А. В. Лихачев приехал в Петербург до 5 сентября (см письмо 1217).

1213 Н А. БЕЛОГОЛОВОМУ

1 сентября 1885 Петербург

С П б 1 сентября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Решительно не понимаю, как Вы могли усмотреть из моего письма, что мне гораздо лучше[1]. Напротив, все мое путешествие было таково, чтоб ухудшить мое положение. И теперь я, по временам, чувствую такое мучение, что впору руки на себя наложить. Одно лучше: руки меньше дрожат, да один раз принялся за писание и кое-что написал, но, как потом оказалось, совсем негодное. Иногда по нескольку часов сряду меня корчит, и при этом бывает невыносимейшая тоска, а дня три тому назад дело доходило до того, что я ни о чем другом не думал, кроме распоряжений на случай смерти, ибо даже и в мыслях не мог держать, чтобы можно было жить при подобных мучениях.

Вчера приезжал ко мне Боткин, и вид его несколько ободрил меня. Он удержал лечение посредством меркурия и пилюль, о которых я Вам писал, но прибавил порошки из chloral hydrat на ночь, на случай корчей и задыхания. Но во вторую половину дня опять случился длинный кризис, и, только после двух приемов хлорала, я заснул, проспав затем до $7^{1}/_{2}$ часов утра с $12^{1}/_{2}$ ночи, т. е 7 часов сряду. Сегодня утром — опять удушье и беспрерывный кашель и корчи до настоящей минуты (3 ч. пополудни). В то время, как я пишу, корчи перестают, но после свое все-таки наверстывают. Боткин благосклонно утверждает, что все пройдет, или, лучше сказать, придет в прежнее состояние, но ведь бог знает, как этому верить. Тем больше, что при этом рекомендуется терпение и перспектива немалого числа дней. А для меня каждый день есть день мучения, и я встаю утром только для того, чтобы в страданиях ожидать ночи. Многие даже не верят величине моих страданий, потому что я все еще на ногах; но если б кто видел меня *целый* день, тот понял бы, что я действительно переношу муку великую. Иногда я даже говорю с трудом, до такой степени ослабели мои силы, а аппетит мой, начавший уменьшаться уже в Висбадене, теперь почти совсем пропал. Словом сказать, не знаю, что будет, но вижу и чувствую, что хуже и мучительнее не может быть.

Вы хорошо сделаете, если предпримете кампанию примирения Боткина с Лихачевым. Но я должен Вам сказать, что тут на сцене личности, и вряд ли Влад<имир> Ив<анович> не виноват. Дело в том, что хотя Боткин и не был на выборах, но он поздравил Вл<адимира> Ив<ановича> с выбором телеграммой и потом письмом, и Вл<адимир> Ив<анович> ни

на первую, ни на второе не ответил. Боткин не был на выборах в уверенности, что дело так слажено, что и без его участия обойдется; но что он действительно был не против Вл<адимира> Ив<ановича>, это доказывается и телеграммой, и письмом Поэтому, вряд ли Лих<ачев> тут прав. Ведь Боткин не первый встречный, чтоб можно было так им брюскировать[2] и даже посылать к нему письмоводителя с приглашением прибыть в Комиссию. Что же касается до меня лично, то я ничего не порываю, но думаю, что отношения наши с Вл<адимиром> Ив<ановичем> установятся сами собой, природой вещей.

Прощайте, рука устает. Передайте от меня и от жены сердечный привет добрейшей Софье Петровне. Лихачеву думаю писать завтра.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 62
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т. XX, с 203—204

[1] См письмо 1206.
[2] Грубо обходиться (от *франц* brusquer).

1214. С. М. БАРАЦУ

2 сентября 1885 Петербург

С. П б., Литейная, 62. 2 сентября.

Многоуважаемый Семен Моисеевич.

Извините, что я, быть может, злоупотребляю Вашею добротою, но я так жестоко болен, что не только выезжать, но и дома ничем заниматься не могу.

У меня есть три просьбы к Вам:

1) От путешествия у меня осталось 1080 фр. золотом и 903 марки (100 банк<овскими> бил<етами>, 8 — сер<ебряной> мелочью и остальные 795 золотом). Не может ли контора г. Гинцбурга купить у меня эти деньги по курсу?

2) Не может ли контора купить мне 6 акций Московско-Ряз<анской> железной дороги тоже по курсу? (Кажется, 389 р., а впрочем, не знаю верно). Ежели это возможно, то благоволите прислать мне на дом как акции, так и расчет. Я уплачу, что следует.

Затем третья просьба, более важная. У меня есть Харьковские закладные листы на сумму 41 тыс., из них 40 тыс. $18^1/_2$-летних и 1 тыс. 43-летних. Мне кажется выгодным их продать

и вместо них купить акций Московско-Рязанской дороги, которые стоят 390 р. и дают 27 р. дивиденда. Как Вы мне посоветуете? Настолько ли же прочны акции М<осковско> Р<язанской> ж. д., как закладные листы Харьк<овского> з<емельного> банка? И ежели, по Вашему мнению, это окажется выгодным, то не возьмется ли контора Гинцбурга произвести всю эту операцию и прислать мне предварительный расчет? Закладные листы хранятся у меня в Госуд<арственном> банке.

Я потому затрудняю Вас моею просьбою, что при настоящем почти безнадежном положении моего здоровья желал бы хоть несколько более обеспечить будущее моих детей.

Во всяком случае надеюсь, что Вы будете так добры уведомить меня о получении настоящего письма.

Искренно Вам преданный
М Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 4
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 234—235
Год устанавливается по упоминанию о «путешествии», то есть заграничной поездке 1885 года и по ссылкам на «безнадежное положение < > здоровья».

1215. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

3 сентября 1885. Петербург

3 сентября

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Не можете ли Вы завтра утром зайти ко мне на короткое время. У меня есть к Вам просьба, а именно: отдать Мозеру в починку мои женевские часы с репетицией и проч. Я потому обращаюсь к Вам, что домашние мои, если возьмутся за это дело, то, наверное, напутают, или же, скрыв от меня, отдадут часы какому-нибудь второстепенному часовщику. Извините за беспокойство. Положение мое не только не улучшается, но все более ухудшается. Страдаю безмерно.

Весь Ваш
М Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 38
Впервые опубликовано *Письма*, с 293
Датируется по упоминанию об ухудшении болезненного состояния и по сходству бумаги с письмом 1216

1216. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ
4 сентября 1885 Петербург

4 сентября

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я говорил Вам при свидании о желании моем продать в полную собственность все мои сочинения. Я очень хорошо понимаю, что от Вас тут мало зависит и что Вы можете только заинтересовать в этом деле некоторых москвичей (Ковал<евского>, Муром<цева>, Собол<евского> и пр.), которые имеют связи между московскими капиталистами. Но на всякий случай, будет ли иметь успех эта попытка или нет, считаю нелишним довести до сведения Вашего след<ующие> данные 1) 50 000 есть крайняя цена и наличными деньгами. Я же, конечно, рад был, ежели бы и больше (примерно 70, 60 т.). Рассрочка может быть допущена только в крайнем случае лицу вполне состоятельному, т. е. $^{1}/_{3}$ вперед, $^{1}/_{3}$ через год и $^{1}/_{3}$ через 2 года. За неуплаченную сумму платить вперед 6%. 2) В число продаваемых сочинений входит только то, что доселе издано особыми издания<ми> и сверх того: а) все напечатанное и написанное мною после закрытия «Отеч<ественных> зап<исок>»; б) «Итоги» (см. «Отеч<ественные> зап<иски>» 1869 и 1870 гг.); в) «Игрушечного дела людишки» (не помню, когда были напечатаны); г) «Культурные люди» (январь или февраль 1876 г.) и др. все не пропущенные цензурой сказки, которые хранятся у меня на столе, завернутые в бумагу вместе с оттисками других сказок и «Пестр<ых> пис<ем>». Все остальное, мною написанное, яко дермо, желаю предать забвению. 3) Ежели я останусь жив, то все, что я напишу (буде напишу), принадлежит издателю, но прежде я имею право напечататься в журнале или газете и получить гонорар в свою пользу, а потом уже передать напечатанное собственнику издания для утилизирования не иначе как в виде отдельного тома не менее 10 листов (я обыкновенно прилаживаю серии). Я знаю, что можно и маленькими брошюрами издавать, но, во-первых, это скандально и при жизни может быть неприятно, а во-вторых, потребует вмешательства цензуры. 4) Ежели я останусь жив, то впервые издательское право проявляется в форме полного собрания сочинений Ежели же я в скором времени умру, то издателю предоставляется на волю издать прежде всего сочинения, не имевшие отдельных изданий («Сказки», «Итоги» и т. п.). 5) Полное издание сочинений начать печатать не раньше конца 1886 г. и выпустить в свет в конце 1887 г., так как только к этому времени можно ожидать, что исчерпаются все ныне находящиеся в ходу отдельные издания. К этому же времени окон-

чится и уплата *всех* денег по условию. Купчую крепость совершить в Петербурге на счет покупателя.

Повторяю: я ни мало не думаю, что Вы *непременно* тут что-нибудь сделаете, но для меня важно будет уже то, что сделан будет первый шаг, и я буду в состоянии судить, как могут отнестись к подобному предприятию такие лица, как, напр., Солдатенков, Третьяков или Морозов. Сверх того, мне важно спасти свои сочинения от надругательства, что, при малолетстве детей, весьма возможно. Разумеется, чем скорее выяснится это дело, тем лучше, ибо я не шутя думаю, что не выдержу мучений.

Искренно Вам преданный

М Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 29, л 59—60

Впервые с сокращениями опубликовано в статье В Розенберга «Долг справедливости и благодарности».— *Р. вед,* 1914, № 97, 27 апреля. Публикация произведена по копии Михайловского, содержащейся в его письме к Соболевскому от 24 сентября 1885 года. Здесь же приведена помета Соболевского: «Салтыков поручил мне войти в переговоры с К. Т. Солдатенковым или другими московскими капиталистами» Полностью письмо опубликовано *Письма,* с. 294—295

1217. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

5 сентября 1885 Петербург

5 сентября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вследствие изменившихся путей холеры, очевидно, направляющейся дальше и дальше по Ривьере, и Ваши пути могут измениться. Зимовка во Флоренции, пожалуй, не состоится, да и выезд из Парижа может замедлиться или получить иное направление. Напишите, пожалуйста, как Вы располагаете поступить. Я уже второе письмо Вам в Париж шлю[1], а про Вас знаю только от Саши Лихачева, который сегодня пришел поздравить жену с именинами и говорил, что Вы подавали руку помощи Е. Иос. Лихачевой. Я, впрочем, понимаю, что она могла заболеть: сидя на 22-франковом пансионе, весьма возможно и даже приличествует получить соответствующее расстройство. Я, впрочем, Лихачевым уже не пишу, потому что тот же Саша сообщил мне, что Влад<имир> Ив<анович> решился быть в Петербурге 11-го числа; стало быть, выедет из Парижа, пожалуй, послезавтра, и таким образом письма моего не получит.

Здесь тишина свирепствует страшная. Только «Нов<ое> вр<емя>» ежедневно доказывает, что конституция дана Фин-

ляндии как дар, и как дар может быть за неблагодарность отнята. Правительство, однако ж, разрешает и финляндским газетам доказывать, что конституция не дар, а условие присоединения. Это и «Вестнику Европы» даже дозволено высказать в сентябрьской книжке.

О себе не знаю что и сказать Вам. Иногда кажется, как будто легче с корчами, а иногда (как, напр., сегодня) все одно и то же. Сегодня опять меня с утра корчит. Да притом же усиливается одышка и кашель, которые были в последнее время пренебрежены. Я вчера и сегодня по ночам вставал, чтобы кашлять. Кашлял часа по полтора, и должен сказать, что неприятное это занятие.

Сегодня у меня должен был быть Соколов, но не приехал. Вероятно, уехал к Боткину, который сегодня новорожденный; а может быть, и позабыл.

Я продолжаю ничем не заниматься и тосковать. Сколько ни принимаюсь, ничего не выходит. Слабость еще слишком большая во всем теле.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне и поздравление, хотя и несколько раннее, с ее именинами.

Затем, жму Вашу руку и остаюсь искренно преданный

М. Салтыков

Где Лорис-Меликовы?

От Елисеева получил письмо[2]. Клянет Тверь на чем свет стоит.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 63
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 207—208

---

[1] Предыдущее письмо отправлено 1 сентября (см письмо 1213)

[2] Письмо Елисеева от 3 сентября 1885 года (*Письма Елисеева*, с 169—171).

1218. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

9 сентября 1885 Петербург

9 сентября

У меня есть сказка «Орел-меценат», которую ни один бесцензурный журнал не берет. Михайловский, прочитав ее, дал мне совет, что, может быть, в цензурном журнале она и пройдет — все зависит от расположения духа. Сегодня я прочитал ее, кой-что повыпустил и нашел, что Н<иколай> К<онстантинович>, может быть, и прав. Поэтому не хотите ли Вы ее взять для «Сев<ерного> вестн<ика>»? Ведь никакой беды

из этого не будет, если цензор не пропустит. Ну, не пропустит — только и всего. А набрать ее стоит не более 10 р., каковой расход я, пожалуй, приму на свой счет [1]. Пожалуйста, поторопитесь, весьма меня обяжете. Я все сижу дома, потому что болезнь моя идет crescendo. Поэтому Вы меня во всякое время застанете. Только я попрошу: мой оригинал возвратить в целости, <а не> [2] рвать в типографии по клочкам.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГИМ*, ф 282, № 559.
Впервые опубликовано *ИВ*, 1902, № 10, с 360

[1] Сказка «Орел-меценат» при жизни Салтыкова в России не была напечатана. В легальной печати появилась впервые в 1906 году в составе четвертого тома Полного собрания сочинений (см т 16, кн 1, с 459—460).

[2] В автографе или

1219. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

11 сентября 1885 Петербург

11 сентября.

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

«Вобла» и письмо к Феоктистову уже готовы, так что ежели зайдете за ними завтра, в четверг, то в пятницу можно будет их представить по адресу [1].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 359, № 8227, ед 4-а
Впервые опубликовано *ИВ*, 1902, № 10, с 360

[1] См письмо 1220

1220. Е. М ФЕОКТИСТОВУ

11 сентября 1885 Петербург

Милостивый государь Евгений Михайлович.

Тяжелая, почти безнадежная болезнь лишает меня возможности явиться к Вам лично с просьбою. Поэтому, рискуя быть назойливым, обращаюсь к Вам письменно. Будьте так добры, прочтите прилагаемую при сем сказку «Вяленая вобла», которая была уже в Вашем рассмотрении [1]. По чести смею Вас уверить, что в ней нет ничего, что могло бы обратить на себя особенное внимание. Прежде всего, я значительно ее выправил,

т. е. наиболее резкие места совсем уничтожил[2]. Сверх того, со времени ее первого появления все обстоятельства настолько изменились, что и самая сказка утратила первоначальный сомнительный смысл. Наконец, я предполагаю напечатать ее в «Северном вестнике», журнале мало распространенном. Все это позволяет мне думать, что Вы снисходительно взглянете на мою вещицу, признаете ее изрядно скучною и разрешите печатать[3].

С истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть

Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

М. Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 160, № 2, л. 147
Впервые опубликовано *ЛН*, т. 13—14, с 336—337.

---

[1] Имеется в виду запрещение печатать сказку в февральском номере «Отеч записок» за 1884 год.

[2] Наиболее значительной переработке сказка подверглась при подготовке ее к публикации в «Отеч записках» Пытаясь напечатать сказку в «Северном вестнике», Салтыков сделал еще несколько поправок, но уже менее принципиальных. Перечень важнейших сокращений и изменений, вносившихся в рукописные и корректурные редакции сказки, см. т. 16, кн. 1, с. 456—457.

[3] В «Северном вестнике» сказка не была напечатана. Ответ Феоктистова, дошедший до нас в изложении А Н Плещеева, не оставлял никаких надежд на ее публикацию в легальной печати: «Главное управление по делам печати относилось снисходительно к сказкам Салтыкова, когда они появлялись в бесцензурных изданиях, но странно требовать, чтобы они выходили с одобрения цензуры» (*ИВ*, 1901, № 10, с 360—361)

1221. Н А. БЕЛОГОЛОВОМУ

14 сентября 1885 Петербург

14 сентября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам совсем изнеможенный, почти умирающий. К корчам присовокупилось необычайное удушье, так что этот концерт делает для меня существование совсем несносным. Доктор Васильев давеча сам удивлялся. Вот и писать стал хуже. Слабость такая, что по временам едва говорю. Не знаю, предзнаменовывает ли все это *верную* смерть в скором времени, но что смерть желательна — это несомненно. Болезнь, очевидно, переходит через всевозможные фазисы, каким только доступно нервное расстройство, и нельзя предвидеть, чем она

осложнится, например, завтра. Вот почему она так и не поддается лечению, хотя лечение, конечно, идет весьма правильное и серьезное.

Перед концом концов у меня явилось наивное желание. Сегодня в «Temps» я увидел перевод «Чем люди живы» гр. Толстого. И мне пришло на мысль, отчего бы не перевести некоторые мои повестушки. Есть у меня книга, именуемая «Сборник», и в ней имеются четыре вещи, по-моему, недурные, и которые были бы вполне понятны для французов. А именно: «Больное место», «Похороны», «Старческое горе» и «Дворянская хандра»[1].

Посылаю Вам вместе с сим эту книгу. У Вас есть знакомые переводчики в Париже,— не можете ли Вы указать им на эти вещи. Это не «Головлевы» и для перевода не трудны. И притом они имеют настолько достоинств, что, например, «Temps» или «Revue des deux mondes» не отказались бы поместить их. А эти журналы получаются в России.

Будьте так добры, примите в этом деле участие, ежели можете. Я Вам буду очень благодарен.

Передайте мое и жены душевное приветствие уважаемой Софье Петровне. Извините, что мало пишу: устал.

Вам искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлининику· *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 64.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 210.

---

[1] Переводы произведеиий Салтыкова в «Temps» неизвестны.

1222. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

17 сентября 1885. Петербург

17 сентября.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Вы так давно замолкли, что я начинаю беспокоиться, здоровы ли Вы? Ежели здоровы, то нельзя ли как-нибудь утром зайти. Меня несколько беспокоит Карбасников[1].

Искренно Вам преданный

<М. Салтыков.>

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 38, л. 20 Нижняя часть листа с подписью отрезана и не сохранилась.

Впервые опубликовано· *Письма,* с. 296.

Год устанавливается по связи с письмом 1223.

---

[1] Имеются в виду расчеты с Н. Карбасниковым за осуществленные им издания произведений Салтыкова. Конкретные предложения по этому поводу изложены Н. Карбасниковым в письме к Салтыкову от 26 сентября 1885 года (см. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 443).

1223. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

27 сентября 1885. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Ради бога, зайдите ко мне хоть на минутку. Карбасников под меня какие-то подходы ведет. Прочтите его письмо, какое он делает мне предложение. Я думал, что он хочет учесть все векселя (и месячные и 6-месячные) из 5 процентов, а он ценность всех книг моих на 5 процентов уменьшает. Это необыкновенно меня взволновало.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Очевидно, он задумывает не платить.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 38, л 22.

Впервые опубликовано *Письма*, с. 296.

Датируется по упоминанию о письме Н. Карбасникова к Салтыкову от 26 сентября 1885 года (*Письма*, с. 296), пересылаемом Пантелееву.

1224. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

28 сентября 1885. Петербург

П б. 28 сентября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Получил Ваше письмо уже с нового места жительства и очень Вам благодарен за память[1]. Отвечаю Вам почти насильно: до такой степени мне тяжело Нимало мне не легче. Как я дознался, болезнь моя называется пляской св. Витта, и на излечение надежды мало. Целый день с утра до ночи без перемежки меня крючит, и никакого лечения натура моя не принимает. Мышьяк производит понос, меркурий в самых малых дозах производит опухоли во рту и в деснах. При этом жестокая астма и общая слабость, весьма понятная при такой энервирующей гимнастике. На днях возвращается С. П. Боткин; вероятно, заедет, но придумает ли что нибудь лучшее — не знаю. Может быть, и нельзя ничего, да скрывают от меня. По-моему, это неладно. Зачем мучить человека? Ведь я понимаю, что в

таком случае не считается грехом и честное слово дать, что болезнь излечима, но в сущности это грех.

Прощайте, насилу пишу. Передайте от меня и от жены привет уважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам благодарный и преданный

М. Салтыков.

Не знаете ли, где Лорис-Меликов?

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 65.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 211—212.

---

[1] Письмо неизвестно. Белоголовый с семьей в сентябре 1885 года переехал во Флоренцию.

1225. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

29 сентября 1885 Петербург

29 сентября.

Я мру, многоуважаемый Василий Михайлович, мру нелицеприятно и не притворно. Следовательно, ежели может быть полезна и успокоительна для меня сделка насчет моих сочинений, то именно теперь. Будьте так добры уведомить меня (но не телеграммой), в Москве ли М. М. Ковалевский и может ли он вместе с Вами принять в этом деле участие[1]. Я понимаю, что ежели нельзя, то нельзя, и нимало не осержусь на такой результат, но все-таки хорошо знать верно, на что можно рассчитывать.

Я очень был умилен Вашим вызовом напечатать несколько сочувственных слов по поводу претерпеваемых мною тяжких мучений (очевидно, безвыходных); я не вызывался на это, но мне было приятно, что в наиболее сочувственном мне журнале будет оповещено публике о моей почти безнадежной болезни. И что же? — Прошло уже около недели, а хоть бы Вы строчкой обмолвились![2] Зачем же вы не зашли?

Бог с Вами. Михайловский был у меня сегодня и видел, какие чудеса со мной делаются. Болезнь моя называется «Correa-подобная», т. е. подобная пляске св. Витта, но «подобная» прибавляется из учтивости.

Прошу извинить меня за сие слезно-нелепое письмо: я и сам не знаю, что со мной делается.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 66—67.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 236—237.

---

[1] Салтыков имеет в виду возможность продажи при содействии М. М. Ковалевского права собственности на свои сочинения (см. письмо 1216).

[2] Сообщение о болезни Салтыкова было опубликовано в «Русских ведомостях» 13 октября 1885 года.

1226. С. М. БАРАЦУ

2 октября 1885. Петербург

2 октября. Литейная, 62.

Многоуважаемый Семен Моисеевич.

Новая просьба к Вам. У меня вышло в тираж Харьковских земельных закл<адных> листов 18-летних 53 сторублевых листа на 5300 р. Не может ли контора Гинцбурга реализировать их и взамен продать мне закладных листов Ниже<городско->Самарского земельного банка $43\frac{1}{2}$-летних, но не сторублевых, а более крупных? Очень был бы обязан, особливо если б удалось тут что-нибудь выгадать.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 4.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 237.
Год устанавливается по связи с письмом 1214.

1227. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

6 октября 1885. Петербург

6 октября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Настолько болен, что прибегаю к сторонней помощи, чтобы отвечать Вам [1]. Благодарю за участие по продаже моих сочинений, хотя не верится в успех. Много денег не дадут, а за пустяки продать не приходится [2].

Что касается до моего здоровья, то напрасно ждете удостоверенья от Унковского. Я лично удостоверяю, что мне очень худо, да и Вы, бывши в Петербурге, могли в этом убедиться.

Поклонитесь от меня Максиму Максимовичу [3].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 68. Рукой Салтыкова только последняя фраза и подпись.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с 238.

---

[1] Письмо Соболевского неизвестно.
[2] См. письма 1216, 1225.
[3] Ковалевскому.

1228. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

12 октября 1885 Петербург

П.бург. 12 октября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я все еще в таком состоянии, которое препятствует мне беседовать с Вами о чем-нибудь другом, кроме моей болезни. Да и то насилу. С неделю подергивания меня оставили, а сегодня опять возобновились и очень сильно. Вчера так тяжко было сердце, что я в 11 часов ночи вынужден был просить Н. И. Соколова навестить меня. Сегодня в этом отношении несколько лучше. Горе в том, что болезнь моя сама себя теряет, и что способность раздражаться все больше и больше увеличивается. Поэтому, я считаю себя неизлечимым, хотя Боткин и утешает меня. Лечат меня: 1) Каломелем 3 пор<ошка> в сутки, в каждом $^1/_{12}$ грана; 2) Кофеином 3 пор<ошка> в сутки по $^1/_2$ гр<ана> в каждом; 3) Хлоралом от 2—3 ложек в сутки. Затем, смотря по надобности, бромом с дигиталисом, или с ландышевой настойкой. Букет, доверов порошок. Вот сколько снадобий, а все еще в человеческий образ придти не могу. Полтора месяца свежего воздуха не нюхал. Человеческое общество едва выношу, чтения не могу слышать.

Но довольно. Получаете ли Вы «Сев<ерный> вестник»? Кажется, пустой и глупый журнал. Я подписался для Вас на него и деньги от Лихачева получил, а доходит ли он до Вас — не знаю.

Гр. Толстой выздоровел и едет к нам. Что из этого выйдет — никто не знает [1].

Государь возвратился из Поневежского у<езда>. Вы, конечно, знаете об этом из газет.

Больше я ничего не знаю и ничем не интересуюсь. Болезнь поглотила все. Оканчиваю письмо, потому что худо пишется. Передайте от меня и от жены искреннейший привет многоуважаемой Софье Петровне.

Дружески жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 22, карт 7, № 66.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 214.

[1] Гр Д. А. Толстой «вернулся к занятиям» 18 октября 1885 года. Встретившись 21 октября с государственным секретарем А А Половцовым, он сообщил, что «вследствие нервного расстройства у него сделалось неправильное сердцебиение, отразившееся на всем организме, но что ныне все прошло и он здоровехонек» («Дневник Государственного секретаря А. А. Половцова», т. 1. М , «Наука», 1966, с. 342, 343).

1229. Я. Г. ГУРЕВИЧУ

18 октября 1885. Петербург

18 октября.

Многоуважаемый Яков Григорьевич!

Костя никогда не отличался хорошими отметками, но в последнее время стал получать уже совсем плохие[1]. К великому моему горю, я прикован болезнью к креслу и не могу следить за его ученьем; поэтому я позволю себе просить и даже молить Вас обратить внимание на моего сына. Сделайте это, ежели не ради моей сорокалетней литературной службы, то ради моей старости и недужности. Мне кажется, что школа имеет достаточно дисциплинарных средств, чтобы остепенить своих питомцев. Родители могут быть умные и глупые, решительные и слабохарактерные, но школа всегда верна раз сложившейся системе воспитания. Вот почему родители не-педагоги возлагают на нее свои надежды.

Костя сказал мне, что Вы намереваетесь посетить меня. Я знаю, как это Вам трудно, но ежели бы Вы удосужились, я был бы вполне счастлив.

Искренне преданный и уважающий Вас

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГИАЛО*, ф. 171, оп. 2, № 2925, л. 9.
Публикуется впервые.
Год устанавливается предположительно по характеристике болезненного состояния писателя (см. также письмо 1233).

[1] Сын Салтыкова Константин был принят в частную гимназию Я. Г. Гуревича 27 октября 1883 года, перейдя туда из 6-й С.-Петербургской гимназии (*ГИАЛО*, ф. 458, оп. 1, № 517, л. 212). В этой гимназии он учился до 20 декабря 1886 года, то есть до перехода в Александровский лицей.

1230. А. Н. ЕРАКОВУ

20 октября 1885. Петербург

Петербург. 20 октября 1885 г.

Многоуважаемый Александр Николаевич!

Считаю долгом засвидетельствовать вам и вашему почтенному семейству о моем чувстве горечи, которое я испытал, прочитав известие о кончине Льва Александровича [1].

Многострадальный [2]

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ЦГАОР*, ф 694, оп. 1, № 939.
Впервые опубликовано «Красный архив», 1941, № 2, с. 163

---

[1] Сын А Н Еракова профессор Института путей сообщения Л А Ераков скончался 19 октября 1885 года.

[2] Салтыков имел в виду библейский образ многострадального Иова. Этот же образ использован во вступлении к автобиографическому очерку «Имярек» из «Мелочей жизни»

1231. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

30 октября 1885 Петербург

30 октября

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Благодарю Вас за письмо [1]. Слава «Русским ведомостям», что Вы хотя через них узнали, что я мучительно болен [2] А я так болен с марта месяца, и болезнь моя, постоянно развиваясь, дошла, наконец, до таких тяжелых форм, что я не знал, куда деваться. Помнится, я из Висбадена Вам об этом писал [3]. Болезнь моя называется Corrеа (пляска св. Витта) и к этому названию врачи из учтивости <прибавляют> «подобная». Состоит оная из ежемгновенных дерганий всех суставов тела, а у меня осложнилась еще кашлем и одышкой Но что главное в этой болезни — это тоска. Тоска не об чем-нибудь, а тоска сама по себе, разрывающая сердце и вызывающая пот Ныне положение мое такое· подергивания несколько уменьшились, одышка даже увеличилась, но тоски почти нет, а так как это было самое мучительное и заставляло меня ненавидеть человеческое общество и чуждаться человеческой речи, то я, сравнительно, считаю себя благополучным. Но страшно боюсь, что все это может возвратиться, потому что я необыкновенно слаб и видите как ужасно пишу.

Вот и скажите, пожалуйста, от меня г. Павлу Бакунину, что если я русскую читающую публику считаю тем, что она есть, то совсем не за то, что она не подносит адресов, а за то, что она подлая и разумеется таковою всеми и следовательно никем не принимается в расчет. Не интересуется, отчего писатель шесть месяцев не пишет, совсем бросила привычку покупать книги, т. е. сама отказалась от всего, что в рабьем царстве могло бы служить демонстрацией[4]. Что касается до адресов, то скажу Вам, что я сам, когда явилась ко мне из Москвы депутация с адресом, не принял последнего, отвечав, что мы не на той улице живем, на которой подаются и принимаются адресы. И подносящие вынуждены были согласиться.

Прощайте, больше писать не способен: рука устала. Кланяйтесь от меня и от жены многоуважаемой Екатерине Павловне, а от меня и Лесевичу.

Ваш

М. Салтыков.

P. S. Спросите г. Бакунина, где он, член земства, был, когда г. Жизневский изгнал мой бюст из музея Тверского[5].

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 576, карт. 2, № 26, л 57.
Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941,* т XX, с 214—215

[1] Письмо от 26 октября (см *Письма Елисеева,* с. 172—175).

[2] Сообщение о болезни Салтыкова напечатано в «Русских ведомостях» 13 октября.

[3] См письмо 1191.

[4] Речь идет о П. А. Бакунине, одном из видных деятелей тверского земства.

[5] См. письмо 1074.

1232. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

13 ноября 1885. Петербург

13 ноября.

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Жена моя слышала, будто Вы говорите, что я Вас оскорбил и что Ваша нога больше у меня не будет. Ежели это правда, то простите меня. Во всяком случае, я до такой степени болен, что сердиться на меня, право, не стоит.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 501, карт. 1, № 7.

Впервые с обозначением года опубликовано А Плещеевым в сообщении «Материалы для биографий русских писателей».— «Петербургский дневник театрала», 1905, № 15—16, с. 2.

1233. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24 ноября 1885 Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вы желаете иметь известия о моем здоровье. Могу сообщить, но некрасивые. Несколько дней пролежал без памяти и теперь слаб безмерно. Сижу и дремлю, ночи сплю скверно. Весь рот внутри ободрало, боюсь, как бы рак на языке не приключился. Печень все побаливает. Кашель, о прочем умалчиваю, ибо не знаю. Говорят, впрочем, что все вообще благополучно. Заниматься не могу, писать — сами видите. Нехорошо мое дело. Даже хожу с трудом,— такая слабость везде.

Сюда переселился Елисеев совсем; [1] был вчера у меня и собирается на деятельность — хорош воин! Я решаюсь, ежели болезнь хоть несколько отпустит меня, навсегда переселиться в Москву.

Прощайте, не могу больше писать. Кланяйтесь от меня уважаемой Софье Петровне.

Ваш

М. Салтыков.

24 ноября.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 22, № 67.
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941,* т XX, с. 216.

---

[1] В ноябре 1885 года Елисеев переселился в Петербург из Твери.

1234. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

25 ноября 1885 Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Ежели у Вас есть свободные четверть часа, то зайдите ко мне, если можете, скорее, ибо мне необходимо Вас видеть. Всего удобнее между 1 и 3 <часами> дня.

Весь Ваш

М. Салтыков.

25 ноября.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 38, *л* 24.

Впервые опубликовано *Письма*, с. 297.

Год устанавливается по почерку, характерному для периодов обострения болезни.

1235. А. М. УНКОВСКОМУ

Сентябрь—ноябрь 1885. Петербург

Вот каково мое положение. Недели полторы тому назад был у меня сенатор Шульц и, увидев проявление моей болезни, бежал [1]. Сегодня приезжала ко мне жена его (она только что приехала в Петербург) и без церемонии заявила, что мне следует не лечиться, а приобщиться св. Тайн. Так как я ничего не ответил на это предложение, то она, посидев, побежала к жене, которая в это время одевалась, и сказала ей, что я равнодушно отнесся к ее совету, а жена ей в ответ, что я, напротив, очень благочестив и слежу за детьми. Теперь, того гляди, она побежит к Победоносцеву, и мне пришлют попа.

Сделайте милость, посоветуйте, что теперь делать. Ведь хорошо, если только убеждать попа пришлют, а вдруг как прямо со св. дарами.

Ваш

М. Салтыков.

Мне совсем скверно, насилу перо держу.

Печатается по копии, снятой В. П. Кранихфельдом с подлинника, впоследствии уничтоженного См т 19, кн 2, Приложение I.

Впервые опубликовано *ЛН*, т. 67, с 519.

Письмо датировано в копии Кранихфельда только годом — 1885 Скорее всего оно относится к периоду резкого обострения болезни Салтыкова, в сентябре — ноябре. Драматический эпизод, о котором сообщается в письме, документируется только этим источником.

---

[1] Когда и при каких обстоятельствах Салтыков познакомился с А Ф Шульцем, бывшим управляющим III Отделением (с 7 декабря 1871 по 6 ноября 1878 г.), впоследствии сенатором,— сведений нет.

1236. А. Н ПЛЕЩЕЕВУ

Ноябрь 1885 Петербург

Бога в Вас нет, никогда не зайдете.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ* ф. 501, карт 1, № 7.

Впервые опубликовано А Плещеевым в сообщении «Материалы для

биографий русских писателей» — «Петербургский дневник театрала», 1905, № 15—16, с 2 (с пометой· «записка без обозначения числа»).

Датируется условно, с учетом указания Н В. Яковлева в *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 215.

1237. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

2 декабря 1885 Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Не будете ли Вы так добры понудить Мальма к доставлению моего портрета. Он еще третьего дня присылал мне его для подписи. Это моя последняя просьба к Вам, и я очень хорошо вижу, что злоупотребляю Вашими услугами.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

2 декабря.

На конверте: В городе Николаевская, на углу Ивановской, 262, квартира 15 Его Высокоблагородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 38, лл. 26, 28.

Впервые опубликовано. *Письма,* с. 298.

Датируется по почерку и по сходству содержания письма с просьбами Салтыкова, излагавшимися в письмах его к Пантелееву этого периода.

1238. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

5 декабря 1885. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Я просил Ал<ексея> Ник<олаевича> [1], чтобы он передал Вам мою просьбу побывать у меня в один из вторников, но, вероятно, он этого не исполнил. Пожалуйста, приезжайте.

Так как завтра множество Николаев, то полагаю, что Вы один из оных.

Весь Ваш

М. Салтыков.

5 декабря.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 29, л 61.

Впервые частично опубликовано в статье Михайловского «Материалы для литературного портрета М Е Салтыкова» (*РМ,* 1890, № 4, с. 160) с пояснением «не знаю какого года», полностью. *Письма,* с. 298.

Датируется по почерку и по сходству бумаги на такой же бумаге написано письмо Пантелееву от 2 декабря 1885 года (см письмо 1237)

[1] А Н. Плещеев.

1239. В. Г. ЧЕРТКОВУ

5 декабря 1885. Петербург

5 декабря
Литейная, 62.

Милостивый государь Владимир Григорьевич.

Объясняясь с Вами воочию[1], я забыл спросить Вас, берете ли вещи, бывшие уже в напечатании (разумеется, без гонорара)? Покуда я соберусь с силами, я мог бы указать Вам на одну мою вещь, которая, как мне кажется, как раз подойдет к Вашему предприятию. Это — «Сон в летнюю ночь», напечатанный в «Отеч<ественных> зап<исках>» 1875 г. и потом перепечатанный в особом издании «Сборника». Содержание этой вещи отчасти бюрократическое, отчасти крестьянское. У меня остался только 1 экземпляр «Сборника», но думаю, что он есть во всех лавках. Я мог бы значительно ее видоизменить. Я предлагаю сие именно ввиду моей теперешней немочи, в чем Вы можете удостовериться по каракулям, которыми написано мое письмо и которые не скоро дозволяют надеяться на возобновление моей деятельности[2].

Искренно Вас уважающий
М. Салтыков.

Разумеется, по исправлении, я пришлю вещь к Вам.

Печатается по тексту, опубликованному в *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 218, сверенному с автографом. В настоящее время местонахождение автографа неизвестно. В машинописной копии (*ЦГАЛИ,* ф 552, оп. 2, № 770, л 1) много ошибок в прочтении текста и пропусков.

[1] В. Г. Чертков посетил Салтыкова, видимо, 4 или 5 декабря, передав ему письмо Л. Толстого, приблизительно датируемое 1—3 декабря 1885 года (см. *ЛН,* т. 13—14, с 514—515).

[2] Получив письмо Салтыкова, В Г. Чертков 9 декабря 1885 года сообщал Л. Толстому. «Салтыков написал мне, спрашивая, годятся ли для нас такие вещи, которые уже были в печати, и предлагая свой «Сон в летнюю ночь», написанный несколько лет тому назад и вошедший в его сборник,

недавно изданный. Я ответил Салтыкову, что вообще мы берем уже изданное, но относительно данного рассказа прошу мне, когда он поправится, назначить свидание для личного выяснения» (*ЛН*, т. 13—14, с. 516) Предложенный Салтыковым очерк и другие его произведения в изданиях «Посредника» напечатаны не были, хотя писатель живо откликнулся на предложение Л. Толстого, о чем свидетельствует сообщение А М. Унковского в его письме к В. М Соболевскому от 18 декабря 1885 года «На прошедшей неделе в течение 2—3 дней он <Салтыков> занялся просмотром нескольких прежних своих произведений с целью отдать их гр. Л Н. Толстому для народного чтения и, прочитав листа четыре, так утомился, что эта работа имела следствием весьма сильный припадок, продолжавшийся несколько часов» (*ЛН*, т. 13—14, с. 518).

1240. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

18 декабря 1885 Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Если Вы думаете, что я совсем здоров, то весьма ошибаетесь. Никогда я не бывал так болен, как в настоящее время [1], и потому рассчитывать на меня нечего; впрочем, у меня есть написанная для Вас сказка, которая и будет в свое время Вам прислана [2]. Уведомьте о себе, как живете и как идут «Русские ведомости».

Ваш
М. Салтыков.

18 декабря.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, л 70 Рукой Салтыкова только подпись и дата.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с 239

---

[1] О состоянии здоровья Салтыкова А. М Унковский в этот же день, 18 декабря 1885 года, так сообщал Соболевскому· «Положение здоровья М. Е Салтыкова очень плохо По-видимому, он слабеет с каждым днем и очень часто пугает всех нас чисто мозговыми явлениями, которых собственно и боится Боткин. Иногда в течение нескольких часов он лишается способности выражать свои мысли как письменно, так и на словах до такой степени, что ничего понять нельзя. Между тем, по уверению Боткина и других медиков, он не теряет совершенно сознания. Когда же проходят такие припадки, он впадает в крайнюю слабость. Настроение его большей частью мрачное, и сам он, по-видимому, не имеет никакой надежды на выздоровле-

ние, а рассчитывает умереть в непродолжительном времени» (*Русские ведомости*, с. 204).

[2] Сказка «Праздный разговор» отправлена Соболевскому 5 января 1886 года, напечатана в «Русских ведомостях» 15 февраля.

1241. В. П. ГАЕВСКОМУ

1885. Петербург

Любезный друг Виктор Павлович.

Будь так добр заехать ко мне, когда тебе свободно будет.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 60. Написано карандашом.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 186.

Датируется условно по сходству бумаги с письмом к Барацу от 2 октября 1885 года.

1242. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

1—5 января 1886. Петербург

Уважаемый Василий Михайлович.

Так как я на днях ожидаю конца жизни, то посылаю Вам сказку [1]. Печатайте ее *до* или *по* по усмотрению. Она послужит Вам уплатой долга. Еще прошу Вас: так или иначе порешить с Солдатенковым и не дольше недели 12 числа [2]. Или да или нет — все равно, но не позднее. Я думаю, что смогу какую-нибудь другую аферу сделать, хотя это будет и труднее и дольше, т. е. уже после моей смерти. Я слышал, что главный деятель у Солдатенкова не Корш, а Забелин.

Ваш

М. Салтыков.

Это жестоко, что ни Вы, ни Ковалевский не даете мне вѐсти о сношениях с Солдатенковым. Для меня важно: да или нет. Я могу здесь поручить друзьям заняться этим по смерти.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 72.

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 239—240.

Датируется по упоминанию о переговорах с Солдатенковым и по связи с письмом к Соболевскому от 9 января 1886 года.

---

[1] «Праздный разговор».

[2] Переговоры с Солдатенковым затянулись до конца февраля и результата не дали (см. письмо 1251).

1243. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

9 января 1886. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Извините меня, но Вы меня извещали, что Ковалевский уже взялся за это дело и говорил с Коршем, который и обещал

содействие[1]. Вот почему я и упомянул о Ковалевском, вовсе и не подозревая, что он за границей. Теперь я узнал, что главный заправило у Солдатенкова не Корш, а Забелин, и тоже сообщал Вам[2]. Да вообще, ежели это дело тяготит Вас, то бросьте его, в особенности ежели не надеетесь на успех. Напишите, намереваетесь ли напечатать сказку или отложите на неопределенное время[3].

Ваш
М. Салтыков.

9 января.

Печатается по подлининику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 74.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с 240.

---

[1] Речь идет о возможности продажи Солдатенкову права на издание сочинений(см письмо 1242). Письмо Соболевского неизвестно.
[2] См. письмо 1242.
[3] Речь идет о сказке «Праздный разговор».

1244. Е. А. БОТКИНОЙ

17 января 1886. Петербург

17 января.

Многоуважаемая Екатерина Алексеевна.

Простите, что вчера не поздравил Вас[1]. Я так был утомлен третьего дня, что вчера никуда не годился. Сверх того, думал, что жена лично передаст Вам и от меня поздравление, но она не застала Вас дома. Поэтому спешу исправить свои вины и принести Вам мои искреннейшие пожелания всего лучшего, а многоуважаемого Сергея Петровича поздравить с дорогой новорожденной. От полноты души благодарю Вас за то благосклонное внимание, которое Вы мне всегда оказывали.

Глубоко Вам преданный и уважающий
М. Салтыков.

Печатается по подлининику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 8.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 299.
Год устанавливается предположительно по почерку, характериому для периода болезни Салтыкова.

---

[1] Е. А Боткина, урожденная княжна Оболенская, родилась 16 января 1850 года.

1245. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

30 января 1886. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я давно собирался писать к Вам по поводу постигших Вас болезней и выразить свое участие; но лично этого до сих пор исполнить не мог, потому что весь превратился в развалину и грудь моя уподобилась мостовой маленького немецкого города. Вряд ли из этого толк будет. Что же касается до Вас, то, по отзыву доктора Соколова, Ваши болести весьма скоро кончатся, и Вы опять посетите меня с прежнею благосклонностью. Многоуважаемой Любови Исаковне прошу Вас передать мое почтение.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Все забываю, думаю, что скоро с ума сойду.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 93. Рукой Салтыкова только подпись и последняя фраза.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 27.

Датируется по помете Стасюлевича: «30.I 86».

1246. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

Конец декабря 1885 — январь 1886 Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Извините, что давно не писал. И теперь насилу пишу и немного. Руки не пишут, глаза не глядят. Близко к концу.

Прощайте, вероятно, навек. Глубокий поклон от меня уважаемой Софье Петровне.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 68.

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е. Салтыковым» — *Р. вед.*, 1894, № 331, 30 ноября, с. 1 (без обращения и заключительной фразы); полностью. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 217.

Датируется по почерку, характерному для периодов обострения болезни Салтыкова. Ко времени болезни 1885 года письмо отнесено и Н А. Белоголовым при его первой публикации Учитывая замечание Салтыкова о том, что он «давно не писал», письмо следует датировать концом декабря 1885 — январем 1886 года, то есть периодом наиболее длительного перерыва в переписке с Белоголовым за время болезни 1885—1886 годов. Такая дати-

ровка подтверждается и мыслью о конце жизни, выраженной здесь почти в тех же словах, что и в письме к В. М. Соболевскому от 1—5 января 1886 года (см. письмо 1242).

[1] Предыдущее письмо Салтыков написал Белоголовому 24 ноября (см. письмо 1233).

1247. Я. Г. ГУРЕВИЧУ

7 февраля 1886. Петербург

Милостивый государь Яков Григорьевич.

Сын мой сегодня возвратился из гимназии видимо взволнованный. На вопросы мои о причине этого я узнал, что учитель математики постоянно его бранит при всех дураком, ослом и проч. Затем и воспитатель Рубинштейн постоянно его наказывает, даже без всякого повода. (Вы знаете, что он был у Кости репетитором и неудачно.)

Так как все это Костю обескураживает, то я покорнейше прошу обратить Ваше внимание на эти факты, причину которых я, конечно, с точностью не знаю, но в которых не могу не видеть некоторую предвзятость.

Я очень жалею, что тяжелая моя болезнь не позволяет мне переговорить с Вами лично.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности.

М. Салтыков.

Впервые с редакторской датой (7 февраля 1886 г.) опубликовано *Изд 1933—1941,* т XX, с. 221—222 Автограф, в 1937 году находившийся в частном собрании в Москве, сейчас утрачен.

Печатается с датой, установленной при первой публикации Сын Салтыкова Константин был принят в гимназию Я Г. Гуревича 27 октября 1883 и выбыл из нее 20 декабря 1886 года (*ГИАЛО,* ф. 171, оп 2, № 2925) Следовательно, письмо относится к 1884, 1885 или 1886 годам В феврале 1884 и 1885 годов Салтыков был относительно здоров, и в его письмах за эти периоды нет жалоб на «тяжелую болезнь». Кроме того, в феврале 1885 года Константин болел скарлатиной и не посещал гимназию. Таким образом, письмо могло быть написано только в 1886 году. Можно предположить, что в *Изд. 1933—1941* авторская дата пропущена.

1248. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

12 февраля 1886. Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Поздравляю Вас, Софью Петровну и Елену Иосифовну с широкою масленицей, которою я, кажется, буду пользоваться

в постели. С некоторого времени (дня три) я не могу спать на правом боку от боли. Н. И. Соколов говорит, что это почки, и на мой вопрос, может ли случиться такой же припадок, как в ноябре, отвечает, что вполне может [1]. Так что я в надежде. Лекарство же прописал натирать бок мазью вератрин и скипидар, коею я и трусь, но без пользы. Вообще я, по-видимому, всем надоел, как, помните, под конец июля в Висбадене.

Продолжаю задыхаться и кривляться. Наступит весна, разъедутся врачи, а я сдохну как собака.

Из новостей ничего не знаю, ибо никто меня не посещает. Всем надоел, и всякому своего дела много. Знаю только, что холод здесь превышает всякую меру.

Прощайте. Кланяйтесь Софье Петровне и Елене Иосифовне.

Ваш
М. Салтыков.

12 февраля.

Сижу на трех бромах и на букете. Мышьяк не дается.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 69.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 222.

---

[1] См. письмо 1233.

1249. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

17 февраля 1886. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Благодарю Вас за оттиски сказки [1]. Мое здоровье все нехорошо, хотя Боткин и обнадеживает.

Я убедительно Вас прошу *на этой неделе* уведомить меня, в каком положении дело о продаже моих сочинений. Я жду этого уведомления несколько недель [2]. Ежели ничего не выходит, то я хоть с старыми изданиями извернусь У меня 2 или 3 издания совсем вышли, да «Сказки» с «Пестрыми письмами» напечатаю Надо чем-нибудь жить.

До свидания. Нетерпеливо жду Вашего ответа.

Искренно преданный
М. Салтыков.

17 февраля.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, л. 76.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 241

---

[1] Речь идет об оттисках сказки «Праздный разговор».

[2] Продажа сочинений Солдатенкову не состоялась. См. письмо 1251.

1250. С. В. ПАНТЕЛЕЕВОЙ

18 февраля 1886. Петербург

18 февраля.

Простите, пожалуйста.

М. Салтыков.

На конверте: В городе. Николаевская, 62. Ее Высокородию Серафиме Васильевне Пантелеевой.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 39.

Впервые опубликовано. *Письма*, с. 300.

Год устанавливается по почтовому штемпелю на конверте. «18 фев. 1886».

1251. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

28 февраля 1886 Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Благодарю Вас за письмо [1]. Хотя оно и неутешительно, но хорошо и то, что определенно. Но откуда Вы взяли, что я выздоравливаю? — Это совершенно ложно. Я никогда так расслаблен не был.

Кланяйтесь М. М. Ковалевскому и поблагодарите его за участие. Я на днях пришлю ему «Орла-мецената» для передачи по принадлежности [2].

Весь Ваш
М. Салтыков.

28 февраля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 78.
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 241—242.

---

[1] Письмо неизвестно В нем содержалось, видимо, сообщение Соболевского об отказе Солдатенкова приобрести в собственность сочинения Салтыкова. См. также письмо 1249

[2] Кому Ковалевский должен был передать сказку «Орел-меценат» — не установлено. К этому времени она уже была напечатана в журнале «Общее дело» (1886, январь, № 81). См. также письмо 1253. Предположение Н. В. Яковлева о том, что М. М. Ковалевский передавал произведения Сал-

тыкова в редакцию «Общего дела», вряд ли достаточно обосновано (см. *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 445), особенно в случае с «Орлом-меценатом» Ковалевский только что вернулся из-за границы и вряд ли стал бы пересылать почтой в Женеву запрещенную в России рукопись.

1252. М. М. КОВАЛЕВСКОМУ

8 марта 1886 Петербург

Многоуважаемый Максим Максимович.

Будьте так любезны, уведомьте, получили ли Вы мой страховой пакет [1]. Это для меня не безразлично.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

8 марта. Литейная, 62.

Печатается по подлиннику: *ГИМ*, ф. 213, Щ 204/84

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 242.

[1] В страховом пакете Салтыков послал Ковалевскому сказку «Орел-меценат» (см письмо 1251).

1253. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

10 марта 1886. Петербург

10 марта.

Уважаемый Василий Михайлович.

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой. На первой неделе послал я к М. М. Ковалевскому (Никитская, дом Батюшкова) заказным письмом мою сказку «Орел-меценат» [1]. На второй неделе просил его уведомить, получил ли он ее, что для меня весьма существенно, но ответа не получил [2].

Может быть, М<аксим> М<аксимович> уже переехал с квартиры; во всяком случае, прошу Вас взять на себя труд уведомить меня, получил ли М<аксим> М<аксимович> мою сказку.

О здоровьи моем можете судить по почерку [3].

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л 80.

Впервые опубликовано· *Неизданные письма*, с. 242, 245.

[1] См. письмо 1251.

[2] См письмо 1252

[3] Почерк письма неразборчивый, ломающийся. Написано карандашом.

1254. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 марта 1886 Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Именем единосущной Троицы молю Вас: 1) Прислать мне условие о продаже моих сочинений;[1] если же Вы уже его истребили, то уведомить меня. Я об этом просил при свидании с М. М. Ковалевским, но без успеха. Неужели Вы все рвете? 2) Уведомить меня, получил ли М. М. Ковалевский посланную мною ему сказку «Орел-меценат»? [2]

Пожалейте умирающего старца.

М. Салтыков.

13 марта.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, л. 82.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 245.

---

[1] Видимо, имеется в виду проект условия о несостоявшейся продаже сочинений Солдатенкову.

[2] См. письмо 1252.

1255. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

14 марта 1886. Петербург

14 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

А меня бог посетил новою милостью: Костя лежит 5-й день в кори. Второй уже год в это время мальчик слегает, прямо к экзаменам. Судите, как это благоприятно действует и на ход собственной моей болезни. Давно ли еще доктора сулили мне полное выздоровление к Пасхе, а теперь Боткин говорит, что раньше половины апреля и носа из квартиры показать нельзя, и все лето провести в деятельном лечении, в Териоках (Финляндии) [1]. А осенью опять болезнь. Это, ежели не умру, но, ввиду этой преспективы, я постараюсь умереть.

Вследствие продолжительности моей болезни и жена относится ко мне недружелюбно, да и доктора начинают слегка ненавидеть.

А положение мое вот какое: руки дрожат (в третий раз принимаюсь за письмо), нога и даже все нутро тоже дрожит; кривляться и хлопать глазами начинаю по-прежнему. Это — встречаю весну. После 15-дневного поноса опять начал принимать мышьяк минимальными дозами и трепещу, потому что второй день запор.

Отчасти доволен, что проведу лето в Териоках, потому что

в 18 верстах Боткин, и у нас церковь (погост), так что ежели умру, то буду первым гостем на этом погосте и, вероятно, единственным. Место они дадут даром, а на памятник можно будет вырвать скалу.

Прощайте, будьте здоровы; кланяйтесь Софье Петровне и Елене Осиповне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 70.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т XX, с 224—225.

[1] Лето 1886 года семья Салтыковых провела на даче Волковых близ станции Новая Кирка в Финляндии.

1256. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

16 марта 1886 Петербург

16 марта.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

У меня после Вашего отъезда[1] на другой же день бог милости прислал: Костя заболел в кори и вот уже седьмой день, как лежит бедняга в постели и, вероятно, еще дня два или три пролежит. Болезнь особых опасных симптомов не представляет.

Дом наш сделался еще более пустынным, а собственная моя болезнь никаких благоприятных шагов вперед не делает. Ужасно хотелось бы выехать прокататься, но не позволяют, хотя погода видимо улучшается.

Простите, что больше не пишу: утомился.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 38, л. 29.
Впервые опубликовано. *Письма*, с. 300.

[1] Пантелеев уехал в Вологду 8 или 9 марта.

1257. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

23 марта 1886. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Мне все еще так же худо, как Вы меня видели. Пробовал я вчера писать сказку: едва могу держать перо; пробовал дик-

товать сказку жене, но выходит банально. Боюсь, что к Святой не поспею [1].

Будьте так добры, заезжайте, когда будете приезжать в Петербург. Ведь Вы живете в Любани, а покуда Вы туда едете, всякая зараза из Вас выйдет.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Я теперь совсем отделился у себя в кабинете.

23 марта.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 29, л. 65.

Впервые опубликовано *Письма*, с. 301.

Год устанавливается по сходству почерка с предыдущими письмами и по упоминанию о «заразе» Костя в это время болел корью.

---

[1] Речь, вероятно, идет о сказке «Христова ночь», которую Салтыков готовил к «Святой неделе», но закончить не успел. Сказка напечатана в «Русских ведомостях» 7 сентября 1886 года.

1258. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

Телеграмма

25 марта 1886. Петербург

Мне лучше, Костя выздоравливает, Лиза слегла. Благодарю внимание.

Салтыков.

Телеграфный адрес: Вологда. Золотой якорь. Пантелееву.

Печатается по тексту телеграфного бланка. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 31.

Впервые опубликовано. *Письма*, с 301.

1259. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

Телеграмма

5 апреля 1886. Петербург

Живу по-прежнему; дети выздоравливают; когда приедете?

Салтыков.

Телеграфный адрес: Вологда Пантелееву.

Печатается по тексту телеграфного бланка. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 32.

Впервые опубликовано *Письма,* с. 301.

Отсутствующее в телеграфной дате указаиие месяца восполняется по связи с телеграммой от 25 марта 1886 года.

1260. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

14 апреля 1886. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Пожалуйста, не надоедайте с Лизой у Гердта. Я узнал, что экзамена из ест<ественной> истории совсем не будет, а остальное пускай идет на произвол судеб [1].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Пожалуйста, посещайте меня.

На конверте В городе. Николаевская, 62. Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 33, 35 Написано карандашом.

Впервые опубликовано· *Письма,* с. 302.

Датируется по почтовому штемпелю: «14 апр 1886».

[1] Речь идет об экзаменах в гимназии княгини Оболенской, директором которой был Гердт. Дочь Салтыкова Лиза в 1886 году училась в третьем классе этой гимназии.

1261. Г. Л. КРАВЦОВУ

14 апреля 1886. Петербург

14 апреля.

Милостивый государь Григорий Львович.

Простите меня. Я настолько расстроен физически и душевно, что не могу ответить обстоятельно на предложенные Вами вопросы [1]. Не в силах ни читать, ни писать; могу только сознавать горечь своего положения.

Искренно благодарный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 24.

Впервые опубликовано· *ЛН,* т. 13—14, с. 338.

Письмо относится предположительно к 1886 году, когда Салтыков в связи с обострением болезни в переписку почти не вступал При публикации в *ЛН* и в *Изд 1933—1941* письмо датировано 1887 годом. Такая датировка вызывает сомнение в связи с тем, что в апреле 1887 года Салтыков хотя и был болен, но вел оживленную переписку и мог бы ответить Кравцову.

[1] Ветеринарный врач и писатель Г. Л Кравцов собирал альбом автографов, для которого Салтыков в 1883 году послал фрагмент автографа сказки «Премудрый пискарь» (см письмо 963). На этот раз Салтыкову, видимо, были предложены вопросы биографического характера.

1262. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

7 июня 1886. Новая Кирка

7 июня.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Прошу извинить, что до сих пор не писал. Причина простая и все та же: болезнь, которая нимало не уменьшается. Я знаю, видя мой почерк, Вы скажете: притворяется милый, преувеличивает. Но, во-первых, я только сейчас встал с постели и оттого свежее, а во-вторых, я вот уже более года как «преувеличиваю», а дело все стоит так же. Пора, наконец, поверить, что я мучаюсь и не преувеличиваю.

Боткин видит меня почти ежедневно, и тоже все говорит, что вот через 2 недели я буду ходить к нему пешком; это он говорит уже целый год и, конечно, шутит. Да и больного поощрять надо. А я так думаю, что меня может вылечить только самоубийство, потому что доктора вот уже два месяца не могут сладить с моим поносом, вследствие чего у меня и руки и ноги болят.

Теперь меня начал лечить Боткин фосфором, а мышьяк оставил. Посмотрим, какой из этого пива выйдет квас. И все-таки понос идет своим чередом. Вот в августе он будет настаивать, чтоб я ехал за границу, а так как мне ехать не на что и незачем, то и придется покончить.

Я надоел всем до смерти и в согласность с сим и обхождение такое со мной. Вот Островский — любезное дело! Вздохнул и умер [1].

Прощайте, будьте здоровы. Мой адрес: Финляндия, *почтовая* станция Новая Кирка, дача г-жи Волковой.

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: В губ. гор Вологду Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 38, лл. 36—38.

Впервые опубликовано. *Письма,* с. 303—304

Год устанавливается по почтовому штемпелю «7 июня 1886».

[1] А. Н. Островский скончался 2 июня 1886 года от приступа грудной жабы.

1263. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

До 14 июня 1886. Новая Кирка

Мыза Красная.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Мне кажется, если б я испускал последний вздох, то и тут Вы бы сказали: он не ответил мне на последнее письмо, следовательно и мне нет надобности писать к нему.

Теперь я именно в таком положении: руки дрожат (я каждые три строки отдыхаю), ноги дрожат, конвульсии, жар в груди, в голове, и в заключение беспрерывный понос. Сухой кашель ежеминутно.

Вот мое положение среди живительного воздуха Финляндии, где теперь жар невыносимый и все преисполнено гарью.

Мне-то бы житье ничего, но дома меня уж чересчур ненавидят, и потому поводы для раздражения беспрерывные.

Третий день лечусь фосфором по одной пилюле в день. Боткина вижу чуть не каждый день, но мне сдается, что спасенья мне все-таки нет. Такой тоски щемящей я не испытывал никогда. И не от отсутствия деятельности, а так тоска сама по себе, ноет вся грудь. А Боткин всех уверяет, что мне лучше, и круглый год все уверял.

Я здесь уже 17-ый день [1], остается 2 месяца — что тут поделать. Но ежели с таким запасом придется возвращаться в Петербург, то приличнее кончить самоубийством. Боткин уже проговаривается, чтоб в августе ехать за границу, но мне и без того жить нечем, да и куда ехать?

Я могу только надоедать, а не требовать сочувствия,— слишком длится эта история, а люди так требовательны, именно относительно умирающих, что даже от них требуют реверансов. И ежели есть в мире несчастие горькое, то это быть в положении неравенства с людьми, с которыми, при равных отношениях, было бы вполне хорошо.

Мой адрес, ежели вздумаете черкнуть слово: Финляндия, почтовая станция Новая Кирка, дача г-жи Волковой.

А при сем я с каждым днем слабею рассудком.

Прошу Вас передать мой дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне.

Жму Вашу руку

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 72

Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 229—230

Первое письмо к Белоголовому, отправленное из Новой Кирки (с указанием дачного адреса). О нем Салтыков вспоминает 29 июня (см. письмо

1266) как о «предпоследнем» из двух посланных Белоголовому, то есть написано оно после переезда на дачу, но до 14 июня.

[1] Салтыков переехал на дачу до 7 июня (см. письмо 1262).

1264. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

14 июня 1886 Новая Кирка

14 июня.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Хотел тотчас же ответить на Ваше письмо [1], но перед этим только что написал другое, и враг мой, рука отказалась служить. Да, судьба странно располагает старостью людей; одних, как меня, делает полуидиотами, других, как Вас, награждает чужими семьями. Вообще, жизнь не казиста, и для меня собственно смерть была бы самым желанным исходом и даже приличным, потому что так жить нельзя, и ежели это пойдет дальше, то я непременно кончу самоубийством.

Сейчас воротился от Боткиных, которые живут, как принцы Орлеанские, и имеют в своем шатò 42 комнаты. Сказывал я ему содержание Вашего письма и то, что он не пишет к Вам, но он говорит, что на днях письмо отправил в Висбаден poste restante. По воскресеньям у них толпы гостей и такой шум, что я бывать не решаюсь. Вот и теперь чуть немного оживился и поговорил, как уже нервы упали.

Живу, именно только живу, и с удивлением смотрю, как другие ходят, ездят, читают, пишут, едят. Боткин требует, чтоб я ехал в конце августа за границу, но мне решительно нѐ на что, да притом и семья моя окончательно расстроится. И без того идет дело неладно, а в моем отсутствии совсем все повалится. Жена моя не знает цены деньгам, и я не знаю, будет ли ее кто-нибудь посещать. Я именно жду смерти как спасения, и думаю, что получу ее.

Боткин уверяет, что я с каждым днем поправляюсь, но ведь эту песню я целый год слышу. Ежели я здесь поправлюсь настолько, чтоб мочь ходить и писать не дрожа, я счел бы себя счастливым. А то представьте себе, воротиться в Петербург на зимнюю муку. С завтрашнего дня начинаю фосфор по две пилюли в день. Он действительно оживляет мою мозговую систему, но сил не дает и дрожанья не прекращает.

Прощайте, будьте здоровы и передайте мой и жены привет добрейшей Софье Петровне. Я же совсем устал.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 71.
Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 228—229.

---

[1] Письмо неизвестно.

1265. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

28 июня 1886. Новая Кирка

28 июня.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Позвольте мне напомнить Вам о себе присылкою двух сказок, которые Вы дня через четыре получите в двух страховых пакетах[1]. Ежели Вы найдете возможным поместить их по достоинству и по цензурным соображениям, то поместите и пришлите мне 5 оттисков *под бандеролью.* Если же нет, то возвратите их мне поскорее, я постараюсь сбыть их в другое место. Но ради бога не возвращайте *страховым,* а разбейте на четыре *простых* письма и адресуйте так: Финляндия, *почтовая* станция Новая Кирка, в имение г-жи Волковой Красная Мыза, г. Салтыкову. Я потому убедительно Вас об этом прошу, что здесь для получения страховых писем требуется личная явка, а станция от меня 5 верст, и я в моем положении не очень-то могу разъезжать.

Еще одна просьба: прошу меня в гонораре сравнять с Г. И. Успенским. Я не отрицаю талантов последнего, но и моя сорокалетняя служба чего-нибудь стоит. Да и я так мало пишу.

О себе скажу Вам, что мне все так же худо. Может быть, я несколько крепче, но принцип пляски св. Витта остался при мне всецело. Главное — тоска и невозможность читать и писать. Лето здесь плохое: вот уже две недели дуют ветры, которые изнуряют меня, и льют дожди, которые лишают меня воздуха. Дача попалась худая, сквозная; топим по временам, даже теперь, а что будет в августе — знает один бог. Мы на самом берегу озера, которое гудёт день и ночь. Одно удобство — это близость Боткина, но ведь и он не бог.

Прощайте. Будьте здоровы. Больше не могу писать — рука устала.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Денег, ежели напечатаете, не присылайте. Сочтемся после, когда я Вам напишу. Вычтите 21 р., которые я остался должен редакции за напечатанием «Пустого разговора»[2].

На конверте: Москва. Чернышевский переулок, дом бывший кн. Черкасского № 7. В редакцию газеты «Русские ведомости» Василию Михайловичу Соболевскому (в случае отсутствия, заменяющему его лицу).

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл 84—86.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн.. *Русские ведомости*, с 203—204, 205 (фраза из первого абзаца, третий абзац), полностью *Неизданные письма*, с. 245—246 (с ошибочной датой. 18 июня 1886 года).

---

[1] Вероятно, речь идет о сказках «Гиена» и «Богатырь», от публикации которых Соболевский, опасаясь цензурных преследований, воздержался. Первая из них напечатана в 1886 году в книге «23 сказки», вторая при жизни писателя не публиковалась.

[2] Салтыков ошибся. имеется в виду сказка «Праздный разговор».

1266. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

29 июня 1886. Новая Кирка

29 июня.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вы, конечно, рассердились на меня за предпоследнее мое письмо[1] (в последнем не̇ на что)[2], но если бы Вы знали, как я страдаю, Вы бросили бы сердиться.

Какая ужасная страна Финляндия,— это трудно сказать. Особенно для нервных. Вот уже три недели, как дуют ветры и у самой нашей дачи гудит озеро, а дожди бьют почти ежедневно. Последние два дня я имел не более 3-х часов сна в сутки и то тревожного. Днем совсем не могу заснуть,— так и подмывает ходить по комнате. Может быть, это действие и фосфора (3 пил. в день),— ничего не понимаю.

Что вам сказать нового отсюда? Политикой я не занимаюсь, литературой — тоже, по той причине, что читать еще не могу да вряд ли когда-нибудь и достигну этой возможности. Екатерина Алексеевна продолжает быть беременна и судя по окружности обещает двойни (так многим кажется). У них уж несколько недель акушерка живет, но когда именно все это кончится — неизвестно[3]. Оболенские благоденствуют, старуха совсем бодра, дочь что-то на сердце жалуется, но Боткин уверяет, что это пройдет. Одно худо: дача у них прескверная, а мы свою на веру взяли[4].

Думаю, что я собственно не выдержу и в начале августа переду в город[5]. Только что̇ там меня ожидает — это единому богу известно. Думал застрелиться, но и это сделать, кажется, не сумею. Представьте себе, рука так слаба, что курка спустить не могу. Пожалуй, только изуродуешь себя.

Счастливцы Лихачевы за границу едут на два с лишком ме-

сяца. И у вас будут. От них Вы узнаете многое, что и не снилось нашим мудрецам, потому что Влад<имир> Иван<ович>, в качестве Головы, сделался в некотором роде центром новостей.

Сейчас получил от Лихачева письмо, что Лорис<-Меликов> в Петербурге остановился по Сергиевской № 51 [6]. Очень интересовался моим здоровьем, но ехать в наши страны не может. Впрочем, кто знает, может быть, и пожелает повидаться с Боткиным. А так как Лиза сегодня отправилась в Петербург (к сожалению, до получения письма), то и увидится там с Лорисом. Последний через три дня уезжает обратно в Висбаден.

Прощайте, будьте здоровы; передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 73.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 231—232.

---

[1] См. письмо 1263.

[2] См письмо 1264.

[3] В июле у Боткиных родилась дочь.

[4] В 1886 году Салтыков снимал дачу у Е А Волковой, дочери А. А. Оболенской, основательницы женской гимназии, в которой училась дочь писателя.

[5] Салтыков вернулся в Петербург 22 августа.

[6] Письмо неизвестно.

1267. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

Конец июня 1886. Новая Кирка

Финляндия. Почтовая станция Новая Кирка, дача г-жи Волковой.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Я уже писал к Вам отсюда, но ответа не получил. Пытаюсь писать в другой раз, рискуя тоже остаться без ответа. Может быть, Вы не получите ни того, ни другого письма, ибо я адресую просто в Вологду. А может быть, Вам и надоело уж возиться со мною.

Скажу Вам о себе, что мне все так же худо. Ежели есть маленькое улучшение, то ведь летом и калеки чувствуют себя легче. А руки и ноги дрожат по-прежнему. Все предлагают ехать на зиму за границу, но мне и не на что да и семья в мое

отсутствие распадется. А сверх того, я и не доеду. Печальная и тяжелая участь: зову смерть, и не идет, а самоубийством покончить еще раздумываю. Силы физической у меня нет, даже чтоб застрелиться: курок в пистон не ударяет.

Дача у нас нельзя сказать, чтоб удобная, но местоположение хорошее. Главная ее особенность: ни одной лишней комнаты, в которой можно было бы поместить гостя, нет. И во всяком углу все слышно, что в других углах делается.

У Боткина я бываю через день, и он у меня раза два в неделю бывает. Время, большею частью, в разговорах проходит. Я начинаю думать, что могут быть великие теоретики и диагносты, но практики — обыкновенные. Да и не со всем к Боткину полезешь. Я вот и до сих пор не могу ходить на двор иначе как с помощью клистира, а чаще всего понос.

Но чувствую, что я Вам надоел своим поносным письмом, да и рука страдает. Очень желал бы получить известие об Вас, но плохо надеюсь. Во всяком случае, прощайте.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по автографу: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, лл 39—40.

Впервые опубликовано· *Письма*, с. 304—305.

Письмо относится к концу июня, когда Салтыков, не дождавшись ответа на письмо от 7 июня, вновь написал Пантелееву. Подтверждением этому является и мотив о самоубийстве, в это же время прозвучавший и в письмах к Белоголовому (см. письма 1264, 1266).

1268. М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ

3 июля 1886. Новая Кирка

3 июля. Станция Новая Кирка,
имение г-жи Волковой.

Милостивый государь и глубокоуважаемый граф Михаил Тариелович.

Теплое участие, выраженное в письме Вашем, живейшим образом тронуло меня [1]. Вот уж почти год, как я страдаю самым невероятным образом, живу чисто-растительною жизнью, не могу ни писать, ни читать, ни даже слышать чтения. И все, мне кажется, дело идет хуже и хуже. Последние шесть ночей я почти не спал, и вследствие этого ослаб ужасно. Очевидно, что близкая смерть для меня неизбежна.

Боткину я передал о Вашем намерении (условном) быть у него, но он был так душевно расстроен, что никакого ответа не дал. У него сегодня после обеда умер маленький и любимый сын[2]. В одни почти сутки его свернуло от воспаления в почках. А при этом и жена его в *самых последних днях* беременности, и что выйдет из всего этого — бог один знает. Само собой разумеется, что это должно отразиться и на моем лечении, потому что Боткину, конечно, не до меня.

За границу я не мечтаю ехать. Главная причина — не на что. А во-вторых, я там стоскуюсь и все равно умру. Да и не доеду я никуда, так как сил у меня совсем нет. Вообще судьба, никогда особенно меня не баловавшая, в последнее время преследует меня с особенною настойчивостью. Всем я надоел, и ухода за мной никакого нет.

Прощайте, многоуважаемый граф, более не могу писать: рука слабеет Вновь благодарю Вас за участие и, прося Вас передать мое почтение графине, остаюсь искренно преданным Вам слугою.

Михаил Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ЦГАОР,* ф 569, оп. 1, № 230, лл 4—5.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 247—248.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] 3 июля 1886 года у Боткина умер пятилетний сын Алексей (Петербургский некрополь, т. 1, с. 276).

1269. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

4 июля 1886. Новая Кирка

Многоуважаемый Василий Матвеевич.

Без сомнения, я буду очень рад, ежели Вы навестите меня, полуумирающего человека. В последнее время мне как-то хуже сделалось. Но я должен предупредить Вас, что я почти каждый день между 12 и 2 часами езжу к Боткину. Остальное время — дома.

Искренно преданный Вам
М. Салтыков.

4 июля.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 155, л. 6.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с 234.

Год устанавливается по упоминанию о ежедневных поездках к Боткину, который летом 1886 года жил вблизи снимаемой Салтыковым дачи.

1270. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

5 июля 1886. Новая Кирка

5 июля

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Совсем Вы забыли меня. Я Вам писал два раза [1]. Второе письмо адресовал в Вологду оставить на почте до востребования. Теперь опять пишу просто в Вологду. А может быть, Вы уж и в Петербурге? По крайней мере, Лихачев уверял меня, что видел Вас на Финляндской железной дороге.

Я здесь живу скверно, а чувствую себя ужасно. Каждое утро встаю с мыслью: не лучше ли застрелиться. Последние шесть ночей почти не спал, а точно в тумане лежал от 3 до пяти часов в совокупности.

У Боткина, третьего дня, сын маленький умер, и это в такое время, когда жена его ходит, как говорится, на сносях. А с Ивановым происшествие. Собираясь на Кавказ, ехал он ко мне проститься и вывалился из таратайки так неудачно, что вывихнул себе правое плечо. Чуть не в обмороке приехал к Боткину, в то самое время, как у него сын умирал. Я был там. Сейчас телеграфировал двум хирургам и к ночи (через 12 часов) плечо вправили, а вчера он уехал. Но поездку на Кавказ ему придется отложить недели на две.

Прощайте, будьте здоровы и возвращайтесь в Петербург. Ежели я буду еще на даче, то посетите. Но поместить мне гостей негде. Поэтому, ежели Вы не отяготитесь, то приезжайте с 9-часовым поездом и оставьте таратайку за собой. Рука совсем больше не пишет.

Ваш душевно

М. Салтыков.

На конверте: В губ. гор. Вологду. Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 38, лл 41—43.

Впервые опубликовано· *Письма,* с. 305—306.

Год устанавливается по упоминанию о смерти сына Боткина.

[1] См. письма 1262 и 1267.

1271. М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВУ

6 июля 1886. Новая Кирка

Милостивый государь глубокоуважаемый граф Михаил Тариелович.

Позвольте мне побеспокоить Вас покорнейшею просьбой

уведомить меня, куда Вы решили ехать на зиму, в Закавказье или за границу? Кто знает, может быть, обстоятельства так сложатся, что мне *непременно* надо будет зимовать вне Петербурга. Я нимало не намерен утруждать Вас своею навязчивостью, но все-таки хотелось бы жить там, где есть лицо, принимающее во мне участие. Впрочем, это одно только предположение, и всего вероятнее, что я совсем никуда не поеду, а так, на всякий случай.

Мне ужасно худо, и Финляндия принесла мне положительный вред. Вот уже неделя, как я сплю лишь по нескольку часов тревожным сном. Лечение идет неудачно, и, вместо того, чтоб укрепляться, я с каждым днем ослабеваю. Очевидно, дело идет к концу, против чего я лично ничего не имею, но мысль о семье, оброшенной и оставленной, рвет мне душу. Теперь и лечить меня некому, потому что у Боткина своего горя довольно. Умер сын, а у жены его уже второй день родовые схватки. Завтра, впрочем, попытаюсь съездить, ежели ничто не попрепятствует.

Я думаю, что Лихачев уже уехал за границу. Вот счастливый человек, которому улыбается впереди хорошее будущее.

Не пишу больше, потому что рука слабеет. Прощайте, глубокоуважаемый граф, и верьте моей искренней преданности и привязанности.

М. Салтыков.

6 июля 1886 г.

Мой адрес: Финляндия, почтовая станция Новая Кирка, в имение г-жи Волковой. Жена свидетельствует Вам свое почтение.

Печатается по подлиннику· *ЦГАОР,* ф. 569, оп 1, № 230, лл. 2—3.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 249—250.

1272. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

6 июля 1886 Новая Кирка

6 июля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Письмо это придет к Вам 9-го, когда Вы, вероятно, уже возвратитесь из экскурсии. А ежели и полежит, так не беда, хотя мне хотелось бы поскорее узнать что-нибудь верное об участи моих сказок.

Я никак не предполагал, что Катков производит на Вас такое давление. Я знаю, что он человек злой и опасный, но, мне кажется, ему придают слишком много значения, и это еще

больше ободряет его в мерзких делах. Попробуйте отрешиться от мысли об нем — может быть, и полегче будет.

Я очень нездоров: хуже, чем когда-нибудь. Рука правая точно парализована, на правой ноге едва ступаю. Голова разорена.

Во всяком случае, повторяю мою просьбу: ежели сказки Вам не годятся, то прислать их мне *не* застрахованными в нескольких конвертах[1]. Адрес: Финляндия, почтовая станция Новая Кирка, в имение г-жи Волковой.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л. 87.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн *Русские ведомости*, с. 204 (третий абзац), полностью *Неизданные письма*, с 248—249.

---

[1] Речь идет о сказках «Гиена» и «Богатырь», посланных Соболевскому 28 июня (см прим. 1 к письму 1265).

1273. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

9 июля 1886 Новая Кирка

Многоуважаемый Василий Михайлович.

С удовольствием узнал я о разрешении «Р<усским> в<едомостям>» розничной продажи[1]. Теперь, полагаю, неудобно было бы печатать мои сказки (для Вас), а потому, если находите лучшим, то отложите это до августа[2].

Я совсем болен.
Ваш
М. Салтыков.

9 июля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 89

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 250.

---

[1] Розничная продажа «Русских ведомостей» запрещена 29 марта и вновь разрешена 5 июля 1886 года (см. *Русские ведомости*, с. 304).

[2] См. прим. 1 к письму 1265.

1274. В. П. ГАЕВСКОМУ

10 июля 1886. Новая Кирка

10 июля.

Любезный друг Виктор Павлович.

Будь так добр, извести меня, по каким ты дням бываешь в Петербурге и с каким поездом выезжаешь из Териок.

Что касается до меня, то я очень-очень худо себя чувствую и насилу пишу, потому что всещедрый бог наградил меня ревматизмом в правой руке.

Адрес мой: почтовая станция Новая Кирка, имение г-жи Волковой.

Поклонись от меня многоуважаемой Елизавете Николаевне.

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 61.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 251.

1275. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

11 июля 1886. Новая Кирка

11 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вы были всегда не вполне справедливы ко мне. Вы симпатизировали мне, как писателю, а к человеку симпатии не имели В особенности это высказалось при определении моих отношений к жене. Вы считаете ее милой женщиной, жертвой моего взбалмошного и раздражительного темперамента. Даже усилия, которые в прошлом году понадобились, чтобы заставить ее проводить меня в Петербург, не сказали Вам ничего в мою пользу. А дело, между тем, очень просто. Она ненавидит меня с тех пор, как я перестал быть мужчиной, и это длится уже 4 года.

Вот уже десять лет, как я болен тяжко, но медики, по-видимому, придают моим болезням очень мало значения. Для них доказательна только смерть, а мучения — это вещь, которую следует мужественно переносить — только и всего. Противное называется — *малодушием.* Но ведь и мужеству (терпению) есть предел, и в настоящее время я, кажется, достиг зенита. Ко всем обычным болям присоединился ревматизм в правом плече и левой ноге. Около недели уже пью салицилку, и ничего легче нет. Хожу как труп, насилу ноги волочу. И вот в эту минуту милая женщина со всею семьей на три дня оставляет меня, уезжают на Иматру. Спрашиваю Вас: сделала ли

бы что-нибудь подобное Софья Петровна? Я уже давно не чаю облегчения хотя бы относительного, давно призываю смерть, как единственную избавительницу от мук жизни Ужели же и теперь она замедлит? — Это было бы величайшею жестокостью судьбы. Я даже застрелиться не в силах, потому что рука так слаба, что спущенный курок не разбивает пистона.

Прощайте, больше не могу: болен. Поклонитесь от меня добрейшей Софье Петровне.

Ваш
М. Салтыков.

У меня голова с утра до ночи наполнена нелепым пением. Ни одной минуты покоя.

Лихачеву я уже писал в Карлсбад[1], а теперь слышу, что он еще в Петербурге, сидит и ждет представления государю.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 74.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 237—238.

[1] Письмо неизвестно.

1276. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

11 июля 1886. Новая Кирка

Многоуважаемый Василий Матвеевич.

Не будете ли так добры зайти ко мне сегодня или завтра после обеда. Я совсем один, мои уехали на Иматру. Очень-очень болен.

Весь Ваш
М. Салтыков.

11 июля.

Печатается по подлинннку: *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 2, № 27, л. 1.
Публикуется впервые.
Год устанавливается по упоминанию о поездке семьи на Иматру.

1277. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

19 июля 1886. Новая Кирка

19 июля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Одновременно с этим письмом Вы, вероятно, получите еще две сказки в двух заказных пакетах. Они почти одинакового объема с прежде посланными, но несколько цензурнее[1].

Я ничего не имею против, если Вы и их напечатаете во вто-

рой половине августа, а всего было бы лучше, если б Вы напечатали все четыре сказки вместе, по пословице: семь бед — один ответ. Выйдет фельетон строк в 900, но один раз — это не беда.

Письма Вашего, посланного в Петербург, я не получил, и, вероятно, оно пропадет[2]. Я с Петербургом не имею сообщений, а просить соседей заходить ко мне в дом совестно.

Мне очень желательно бы знать мнение Ваше об этих четырех сказках. Не нагородил ли я чепухи? и не слишком ли велик упадок?

Прощайте, я очень-очень нездоров. Рука совсем не пишет; боюсь, как бы не отнялась. Я переезжаю через месяц в город. Не напишете ли о получении сказок по дачному адресу: ст. Новая Кирка, имение г-жи Волковой.

Весь Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Москва Чернышевский переулок, дом бывший кн. Черкасского, № 7. В редакцию газеты «Русские ведомости» Василию Михайловичу Соболевскому.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, лл 91, 93.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн · *Русские ведомости,* с. 205 (первые два абзаца), полностью *Неизданные письма,* с. 251—252.

---

[1] Салтыков послал Соболевскому сказки «Христова ночь» и «Путем-дорогою», напечатанные в «Русских ведомостях» 7 сентября Кроме того, у Соболевского в это время находились «Гиена» и «Богатырь» (см. письмо 1265)

[2] Письмо неизвестно.

1278. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

24 июля 1886. Новая Кирка

24 июля.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Мы, кажется, с Вами совсем расстроились. Вы о себе никакой вести не подаете, я же не писал, потому что мне и писать не об чем, кроме как о своих страданьях. А это порядочно всем надоело. Страдаю я чрезмерно, похудел, как щепка, и не сплю ночей. Голова полна неотвязным пением, которое даже ночью не дает покоя. Очевидно, это действие фосфора. Последний должен был бы укреплять нервы, а у меня он только возбуждает их, потому что истощенный организм не представляет ни малейшего противодействия. К тому же у меня ревматизм

в правой руке и в левой ноге, и более трех недель не уступает ни пяди. А три дня тому назад посетил меня lumbago, и я хожу теперь точно с вывихнутою спиною. Вот каковы мои новости.

У Боткиных, как, вероятно, Вам известно, умер маленький сын и родилась дочь. Екатерина Алексеевна еще не встает с постели. Я бываю у них раза три в неделю для совета; он у меня сначала бывал, а теперь нет: не до меня ему. Иногда меня посещает старший его сын, но редко. Боюсь, что мне придется переехать в город раньше срока.

Вчера получил от В. И. Лихачева письмо[1]. Пишет, что в Карлсбаде дожди, что город переполнен жидами и что они насилу нашли квартиру. Вообще, не расточает похвал. Начал лечиться.

Вы, конечно, удивитесь, что я за всем тем написал 4 небольших сказки; но это правда[2]. Впрочем, начала их были написаны прежде, а теперь я только докончил. Боюсь, что вышло плохо и доказывает упадок. Трудно переживать свое литературное прошлое; надо бы замолчать совсем, а меня тянет.

Здесь начались проливные дожди; хлеб созрел, а дойти до него нельзя. Может быть, и на меня это действует. Я так слаб, что еле хожу. Грудь и спина уподобились петербургской мостовой, ноги — холодные как лед.

Повторяю то, что давно говорил: мне нужна только смерть. Только она одна мне любезна, и судьба слишком жестока ко мне, отказывая мне в этом.

До свидания, будьте здоровы. Рука больше не пишет. Передайте мой привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 26, л 66
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 239—240

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] «Гиена», «Богатырь», «Христова ночь», «Путем-дорогою».

1279. А. Н. ПЫПИНУ

29 июля 1886 Новая Кирка

29 июля.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Одновременно с этим письмом или днем позднее Вы получите в трех заказных пакетах 8-ое «Пестрое письмо»[1]. Письмо это мне стоило множества мучений, и я даже не понимаю, как

доконичил его. Мне М<ихаил> М<атвеевич> [2] сказывал, что ежели я пришлю работу до 15 числа, то она может быть помещена в следующей же книжке. Теперь до след<ующей> книжки остается целый месяц, и Вы в случае сомнений найдете даже время списаться с М<ихаилом> М<атвеевичем> и даже послать ему корректуру. А я желал бы видеть мое письмо в сентябрьской книжке.

Корректуру пусть продержат обыкновенным порядком, а я держать не в состоянии. Ежели письмо покажется М<ихаилу> М<атвеевичу> нецензурным, то лучше вовсе не печатать его, а не дожидаться, что вырежут из книжки, ибо вырезанные статьи для меня вовсе пропадают, тогда как *вовсе не напечатанную* статью я могу поместить в другом месте, напр., в «Русских ведомостях» под иным заглавием.

У меня в голове скомпоновалось еще письмо о «пестрых людях» [3]. Не знаю, успею ли я выполнить свой план, ибо мучаюсь беспрерывно и с наступлением осени ожидаю столь же скорбной зимы, как и предшествующая. Не знаю, зачем я жив.

Финляндия — страна ужаснейшая. Кругом — дифтерит, у Боткина — свила гнездо скарлатина. А я к нему должен ходить. Везде у меня ревматизм от проклятой озерной сырости.

Черкните мне несколько слов в ответ. Адрес: Финляндия, *почтовая* станция Новая Кирка, в имение г-жи Волковой, М. Е. Салтыкову.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

На конверте: С.-Петербург. Васильевский остров, 2 линия, 7. В Главную контору журнала «Вестник Европы». Для передачи А. Н Пыпину.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф 621, № 750, лл. 12—14.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 252—253.

[1] Очерк напечатан в сентябрьском номере «Вестника Европы».

[2] М М Стасюлевич.

[3] Имеется в виду девятое «Пестрое письмо».

1280. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

3 августа 1886 Новая Кирка

3 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам все еще на Gleisbergstrasse, в надежде, что, ежели Вы уехали, Вам перешлют мое письмо по адресу. Впрочем, собственно говоря, и писать не об чем, кроме как о недугах, которыми я всем надоел.

А со мной происшествие. Вам, конечно, известно, что у Боткиных все дети переболели скарлатиной. Но меня С<ергей> П<етрович> уверил, что опасности посещать его нет никакой, потому что дети отделены в другом этаже, и форма болезни самая легкая. Я и продолжал ездить, не говоря жене, которая хоть и знала, но смутно. Как вдруг появляется старший сын Боткина и объявляет при жене, что скарлатина у них вступила в период шелушения. Можете себе представить, что тут произошло. «Не езди к Боткиным, или мы бросим тебя и все уедем в Гельсингфорс». Я было согласился, но через час: вот все по твоей милости дети должны страдать,— скоро ли ты умрешь! Довели до того, что я вынужден был написать Боткину письмо, что не могу у него бывать. И в ответ получил, что семейные страхи такого рода, что им нельзя не покориться. Но о том, какой я должен держать режим,— ни слова.

Понятно, какой переполох все это во мне произвело. Одышка превратилась в настоящее удушье; возобновились дерганья. Опухоли в ноге и руке не только не уступают, но прибавилась еще опухоль в пояснице. И ниоткуда помощи. Завтра хочу написать к С<ергею> П<етровичу> и просить заочно совета, но, может быть, он ответит, что заочно не лечит. С нетерпением жду отъезда в Петербург, но там что?

Вероятно, Вы скоро увидите Лихачевых,— поклонитесь им от меня. Я, впрочем, несколько дней назад писал В<ладимиру> И<вановичу> в Карлсбад, но дальнейшего их маршрута не знаю [1].

На днях получил письмо от Лорис-Меликова: пишет, что 27 июля отправляется в Висбаден [2]. Итак, Вы на некоторое время будете au complet [3]. Куда поедет зимовать Лор<ис>-Мел<иков>, в Ниццу или в Палермо?

Прощайте, голубчик, буду мучительно умирать. Умру — не поминайте лихом. Прошу Вас передать мой привет добрейшей Софье Петровне.

Искренно Вас любящий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 75
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941*, т XX, с. 241—242.

---

[1] Письмо Лихачеву неизвестно.

[2] Письмо неизвестно.

[3] В полном составе.

1281. В. М. ЛАЗАРЕВСКОМУ

7 августа 1886. Новая Кирка

7 августа.

Крайне Вам, многоуважаемый Василий Матвеевич, обязан за память, выразившуюся в присылке плодов земных. Семейство мое тоже поголовно благодарит Вас. Что касается до меня, то я до того ослаб, что едва волочу ноги. Потому и прошу извинения, что так мало пишу: рука точно как не своя.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ЦГАЛИ,* ф. 277, оп. 1, № 155, л. 7.

Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 242.

Год устанавливается предположительно: в 1886 году Лазаревский, видимо, проводил лето неподалеку от Салтыкова (см. письмо 1269), посещал его и мог прислать ему в подарок упоминаемые в письме «плоды земные».

1282. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

9 августа 1886. Новая Кирка

9 августа.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Семья моя сегодня уехала в Гельсингфорс на неделю. Так, неизвестно с чего. Остался я один, без всякой помощи, весь в ревматизмах, с ужасной одышкой. У Боткина я уже десять дней не был, по причине скарлатины, которая свила у него в доме гнездо. Да говорят, что он и сам лежит больной. Соколов обещал завтра приехать, но исполнит ли — не знаю. Собираюсь в Петербург через две недели на зимнее страдание, потому что лето для меня пропало без пользы. Не навестите ли Вы меня на неделе? Это было бы очень приятно, хоть я и не надеюсь.

Вам искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 38, л. 44.

Впервые опубликовано· *Письма,* с. 306.

Год устанавливается по упоминанию о поездке семьи в Гельсингфорс.

1283. М. С. СКРЕБИЦКОЙ

13 августа 1886. Новая Кирка

13 августа

Многоуважаемая Мария Семеновна.

Простите великодушно, что я до сих пор не ответил на Ваше доброе и милое письмо[1]. Я до того изнурен болезнью, что писание составляет для меня чистейшую муку. Притом же, я не имею почти никакой медицинской помощи, потому что у Боткиных целое лето скарлатина, которою все дети его (маленькие) переболели, и жена моя очень боялась их. А теперь сам Боткин заболел. От домашних тревог у него опять растревожился камень в печени.

Теперь жена моя с семьей уехала в Гельсингфорс. Собралась внезапно и бросила меня на целую неделю. Вот уже четыре дня, как я живу совершенно один, и не получил ни одного письма от своих. Все это волнует меня до крайности и понуждает ехать в Петербург на многострадальную зиму.

К сожалению, швейцар Михайло уведомляет, что он оставляет Ваш дом. А между тем у него на руках наша квартира. Управляющий Ваш ничего мне об этой перемене не писал, и я только стороной узнал, что на место Михайлы нанят *хороший* человек, но кто именно — неизвестно. Все это вынуждает меня отделить от нашей скудной прислуги одну девушку и послать ее в Петербург 17-го числа, чтобы принять квартиру и устроить ее по-зимнему. Сам же я предполагаю переехать 24-го числа[2].

После месячных проливных дождей здесь наступила ясная и румяная осень, которая длится уже дней десять, но которою я не могу пользоваться, потому что едва волочу ноги. Ночи, однако, холодные, да и днем уже чувствуется свежесть.

Очень рад, что у Вас в Prelaz[3] так хорошо и что Вы приятно проводите время. Мы здесь довольно часто вспоминаем об Вас с кн. Оболенской, у дочери которой я нанимаю дачу[4]. Княгиня удостоверяет, что она редко встречала такую добрую душу, как Ваша.

Извините, что мало пишу: просто не в мочь. Чувствую, что еще минута — и пойдут каракули. Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемому Александру Ильичу[5].

Душевно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 56.
Впервые опубликовано· *Письма*, с. 307—308.

---

[1] Письмо неизвестно.
[2] Салтыков вернулся в Петербург 22 августа.
[3] Prelaz — вилла в Швейцарии, принадлежавшая семье Скребицких.
[4] См. прим. 4 к письму 1266.
[5] А. И. Скребицкому.

1284. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

14 августа 1886. Новая Кирка

14 августа.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам единственно для того, чтобы заявить, что я еще жив. Весь организм мой болит, все кости. В особенности ноги, так что я почти не могу ходить. Что я ни принимаю,— все не в пользу.

Я теперь совсем один. Жена забрала детей и 9-го числа уехала в Гельсингфорс на 8 дней. В довершение всего я только вчера получил от нее письмо [1]. Должно быть, это меня окончательно скапутило. Боткин сравнивает ее двукратные поездки в течение лета с двукратною хирургической операцией, вытерпенной мною. Тяжко быть одному, в особенности же потому, что вечера делаются все длиннее и длиннее. К счастью, кривляния еще не сильно беспокоят, но гудение в голове все продолжается и непременно сведет меня с ума. Ужасно также тревожит одышка. Дал мне Боткин дигиталис против нее, и я принимал его два дня по три столовых ложки, но на третий произошел сильнейший понос, и я теперь довольствуюсь так называемым «букетом».

Тем не менее я много работаю и в течение последнего месяца написал до 2½ печатных листа [2]. Должно быть, это перед смертью. Заканчиваю работы, необходимые для издания двух книжек [3]. Все же подспорье, ибо я, с такой хозяйкой, как Е<лизавета> А<поллоновна>, решительно не знаю, как свести концы с концами. Все ее прихоти стоят больших денег, несогласных с моим бюджетом. А за каждый истрачиваемый лично мною грош на лечение поднимаются целые истории.

Боткин похудел, обрюзг и постарел на 10 лет. Беды прошлого лета так на него подействовали, что камень, начавший выходить из печени, опять туда скрылся [4]. Так, по крайней мере, мне сказывали Оболенские, которые слышали это от Сергея Сергеича [5]. Тем более для меня мучительно беспокоить человека, который сам мучается. Но скоро это кончится. В воскресенье опять явится Е<лизавета> А<поллоновна>, опять начнется гвалт из-за скарлатины (которая уже прошла), и, вероятно, я заеду к Боткиным только проститься.

А между 24 и 26 я и сам перееду в Петербург — один[6]. Судя по румяной осени, установившейся здесь, вероятно, дачный сезон продолжится, и я даже правильной медицинской помощи не буду иметь. Впрочем, за лето я уже привык к этому.

До свидания; передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне и не забывайте меня. Кланяйтесь Лихачевым, скажите, что я два раза уже писал им в Висбаден[7], а теперь не пишу, потому что мое письмо вышло бы повторением настоящего, содержание которого Вы, конечно, передадите им. Кланяйтесь и Лорис-Меликову.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 76

Впервые опубликовано в кн.: Н А. Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 281 (начало второго абзаца); полностью· *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 244—245.

Год устанавливается по упоминанию о поездке семьи Салтыкова в Гельсингфорс.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] В июле — августе 1886 года Салтыков написал сказки «Гиена», «Богатырь», «Христова ночь», «Путем-дорогою», восьмой и девятый очерки из цикла «Пестрые письма» и первые две главы из «Введения» к «Мелочам жизни».

[3] «23 сказки» и «Пестрые письма».

[4] Речь идет о смерти сына Алексея и болезни детей летом 1886 года.

[5] С. С. Боткин.

[6] См. прим. 2 к письму 1283.

[7] Письма неизвестны.

1285. А. Н. ПЫПИНУ

17 августа 1886. Новая Кирка

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю за уведомление[1]. У меня готово уже 9-е и последнее письмо, которое я попрошу поместить в октябрьской книжке[2]. Так как я переезжаю на неделе в Петербург[3], то, по приезде, попрошу А. А. Хомиховского зайти ко мне и взять мою работу.

У меня есть до Вас просьба. Нельзя ли рассчитывать меня не по 250, а по 300 р. за лист? Я пишу так тихо и редко, что для «В<естника> Е<вропы>» это большого расчета соста-

вить не может. Впрочем, если бы встретилось какое-нибудь неудобство, то пусть останется по-прежнему.

Не можете ли Вы навестить меня хоть на четверть часа? Я буду в Петербурге между 22 и 24 [3]. Не знаю, когда Вы переезжаете с дачи?

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

17 августа.

На конверте С. Петербург. Васильевский остров, 2 линия, 7. В Главную контору журнала «Вестник Европы» для передачи А. Н. Пыпину.

Печатается по подлиннику. *ГПБ,* ф. 621, № 750, л. 15.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма,* с. 254.

---

[1] Уведомление неизвестно.

[2] Девятый очерк из цикла «Пестрые письма» напечатан **в октябрьском** номере «Вестника Европы».

[3] См. прим. 2 к письму 1283.

1286. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

20 августа 1886. Новая Кирка

20 августа.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю Вам в заказном пакете две новые вещицы [1]. Прошу Вас напечатать их 31 августа или 2-го сентября, а те три сказки, которые были присланы прежде, отложить до 14 сентября [2]. Я потому так убедительно прошу Вас, что мне нужно печатать книжку, а без этого мне плохо придется [3]. Ответ о получении адресуйте уже в Петербург, Литейная, 62 [4].

По-видимому, мне не придется уже посылать Вам ничего больше: до такой степени плохо мое здоровье.

Еще одна просьба. Пришлите мне через Юнкера 400 р., что с должными мною Вам 21 р. составит 421 р. Я полагаю, что с «Мелочами жизни» у Вас материалу моего на эту сумму хватит или приблизительно. Пожалуйста, ведите счет моему долгу, а то мне все кажется, что я украл. Я буду вести счет и по окончании сказок напишу Вам.

Но деньги вышлите не раньше 1-го сентября — пожалуйста, не забудьте это именно число.

Пришлите также 10 оттисков «Мелочей жизни» [5] и по 10-ти же оттисков след<ующих> статей.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 94.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 205 (второй абзац), полностью. *Неизданные письма*, с. 254—255.

---

[1] Речь идет, по-видимому, о сказках «Приключение с Крамольниковым» и «Деревенский пожар».

[2] У Соболевского в это время находились четыре сказки. «Гиена», «Богатырь», «Христова ночь», «Путем-дорогою». К 20 августа Салтыков уже отказался от публикации сказки «Богатырь», а поэтому считал, что у Соболевского три сказки. 5 сентября *он* попросил Соболевского не печатать и «Гиену» (см. письмо 1293). Сказки «Приключение с Крамольниковым» и «Деревенский пожар» напечатаны 14 и 19 сентября.

[3] В это время печаталась книга «23 сказки», в которой Салтыков поместил и сказки, находившиеся у Соболевского, кроме «Богатыря». Книга вышла в свет в конце сентября 1886 года.

[4] Письмо неизвестно.

[5] Первая глава «Мелочей жизни» (*Р. вед.*, 1886, № 224, 17 августа).

1287. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

22 августа 1886. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Я переехал в П<етер>бург. Не будете ли так добры навестить меня.

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: С.-Петербург, на углу Ивановской и Николаевской, дом Шульца, кв. № 15. Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 47—48.

Впервые опубликовано. *Письма*, с. 308.

Датируется на основании почтового штемпеля финской почты. «22. 8. 1886». Видимо, Салтыков, уезжая 22 августа в Петербург, опустил письмо в почтовый ящик поезда. Пантелеев, в это время, возможно, отсутствовавший в городе, сделал помету. «получ. 27 авг.». Таким образом, на основании даты отправления письма, подтвержденной почтовым штемпелем, следует считать, что в 1886 году Салтыков уехал с дачи 22 августа.

1288. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

23 августа 1886 Петербург

23 августа.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вместе с этим письмом Вы получите два *не* страховых па-

кета, заключающие в себе новый фельетон «Мелочи жизни» [1]. Извините, что я рассыпался таким градом статей. Я пользуюсь временным просветом, но, вероятно, скоро опять погружусь в мглу безмолвия. Не думайте, однако, что я здоров. Я попрежнему и даже сильнее болен, а писание только подбавляет страданий.

Фельетон имеет современный интерес; поэтому я просил бы поместить его 31 августа или 2 сентября, а сказки 7-го и 14 сентября [2]. Извините, что назначаю сроки. Мне сказки необходимо начать печатанием (особой книжкой) с половины сентября [3]. Я прошу Вас убедительно исполнить мою просьбу.

Прошу Вас также не забыть выслать мне 1-го сентября 400 рублей. Материал, мною посланный, окупит мой долг вполне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Ежели Вам фельетоны мои надоедят, то напишите прямо.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 96.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 255—256 (с ошибкой в дате. 13 августа).

---

[1] Вторая глава «Мелочей жизни» («новый фельетон») напечатана в «Русских ведомостях» 31 августа. В отдельном издании вошла в состав «Введения».

[2] 7 сентября напечатаны «Христова ночь» и «Путем-дорогою», 14-го — «Приключения с Крамольниковым», 19-го — «Деревенский пожар».

[3] См. прим. 3 к письму 1286.

1289. В. П. ГАЕВСКОМУ

27 августа 1886. Петербург

Любезный Виктор Павлович.

Я в Петербурге. Не будешь ли так добр навестить меня.

Твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф 171, № 248, л 62.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 256

Датируется на основании карандашной пометы Гаевского: «27 авг. 1886».

1290. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

Телеграмма

28 августа 1886 Петербург

Прошу напечатать второй фельетон без изменения. Письмо почтой[1].

Салтыков.

Телеграфный адрес М<о>ск<ва>. Послед<няя> Кисловка, д Коссова Соболевскому.

Печатается по тексту телеграфного бланка. *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л 98.

Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с 257.

Датируется по отметке на телеграфном бланке. «Принята с аппарата 28.VIII 1886». Из Петербурга телеграмма подана в 9 часов утра.

---

[1] Второй очерк из цикла «Мелочи жизни» В не дошедшем до нас письме Соболевский настаивал на сокращении первой фразы. «Только что я написал, что он не знает, куда ему ехать, на север или на запад, как его начали «возить» Потребовав в телеграмме публикации очерка «без изменения», Салтыков в письме, посланном Соболевскому в тот же день, согласился с его предложением (см. письмо 1292).

1291. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

Телеграмма

28 августа 1886 Петербург

Уведомьте телеграммой будут напечатаны Мелочи воскресенье[1].

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес: М<о>ск<ва>. Последняя Кисловка, дом Коссова Соболевскому «Принята с аппарата 28 VIII 1886» Из Петербурга телеграмма подана в 10 часов 55 минут утра

Печатается по тексту телеграфного бланка. *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 99.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма,* с. 257.

---

[1] Второй очерк из цикла «Мелочи жизни» напечатан в «Русских ведомостях» в воскресенье, 31 августа.

1292. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

28 августа 1886 Петербург

28 августа.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Так много тревоги причинило мне Ваше письмо [1], что сейчас же явилась страшная одышка. Впрочем, я юродивый, и Вы поступили со мной, как с юродивым. Предположим, что я глуп. Ради бога, напишите мне, будете ли продолжать «Мелочи жизни» во всем объеме, сколько мне удастся в течение зимы написать. Напишите прямо [2]. Всего менее я ожидал, что возникнут недоумения между мною и Вами [3]. Ежели не будете печатать, не для чего мне и писать их. Но то, что у Вас есть: фельетон и пять сказок — ради Христа, напечатайте в те сроки, как я Вас просил [4]. И еще третий фельетон, который у меня готов, но я пришлю его несколько повременя, чтобы опять не смутить Вас Батенбергом [5].

Тяжело печататься в Москве, а в Петербурге негде. В том вся болезнь моя, что требует спокойное течение жизни, а писать спокойно нельзя. На беду мою я начал.

Пишите мне несколько поразборчивее: я задыхаюсь, читая Ваши письма.

Еще раз прошу: напечатайте 2-ой фельетон в воскресенье. Ежели нужно, выпустите совсем фразу: «только что я написал и т. д.» и начните прямо фразой: его начали возить [6].

Ради бога утешьте меня, что я Вам не в тягость.

Еще просьба: вместо 400, пришлите 600 р. Я уверен, что тремя фел<ьетонами> и 5 сказками весь мой долг пополнится или останется за мной самая малость. Я уже первым фельетоном заработал 115 р. 50 к.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф 366, оп. 33, № 57, л. 100.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 257—258
Год устанавливается по упоминанию о первых главах «Мелочей жизни».

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] В «Русских ведомостях» напечатаны два очерка из «Введения» к «Мелочам жизни» (август), после чего публикация этого произведения была перенесена в «Вестник Европы» В октябре — ноябре в «Русских ведомостях» появились четыре очерка из раздела «Молодые люди», но без указания на их принадлежность к циклу «Мелочи жизни».

[3] Недоразумения между Салтыковым и Соболевским возникли в связи с отказом последнего печатать третью главу «Мелочей жизни» (подробнее см. т. 16, кн. 2, с. 348—349).

[4] У Соболевского в это время находилась вторая глава «Мелочей жизни» и шесть сказок. См. письмо 1277.

[5] В не дошедшем до нас письме Соболевский, видимо, высказал опасения относительно цензурности содержащихся во втором очерке «Мелочей жизни» насмешек в адрес ставленника русского правительства «болгарского князя» А. Баттенберга (см. т. 16, кн. 2, с. 350, 353). Третья глава «Мелочей жизни» послана Соболевскому 5 сентября (см. прим. 1 к письму 1293).

[6] Предложенное Соболевским сокращение было сделано (см прим. 1 к письму 1290). Очерк напечатан 31 августа.

1293. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

5 сентября 1886. Петербург

5 сентября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Пишу к Вам, хотя и не уверен, что Вы находитесь в Москве. Вместе с сим я посылаю в контору страховым 4-ю главу «Мелочей»[1]. Прочтите и обсудите сами, можно ли отложить ее печатание. По-моему, она чересчур современна. Но я не желал бы откладывать печатание «Сказок», которые давят меня, как кошмар, и появление которых я ожидаю 7-го и 14 сентября[2]. Я просил бы Вас, кроме «Богатыря», не печатать еще и «Гиену», но, *пожалуйста,* пришлите мне обратно оригинал обеих сказок. Я их напечатаю в книге, которая уже начата в типографии набором[3].

Ежели и Вы признаете современность 3-ей главы «Мелочей», то напечатайте ее, прошу Вас, в средине будущей недели. Но я Вам так надоел со своими просьбами, что делайте, как сами хотите. У меня готова 4-ая глава и начата 5-ая. Их я Вам предоставлю печатать когда угодно, потому что современный интерес тут уже слаб[4]. Вообще, я стараюсь пользоваться льготным временем, но, кажется, не надолго, и опять скоро наступит молчание.

Мне прислано из конторы 400 р., а с прежними это составит долгу 421 р. Из них я заработал на 2-х фельетонах (888 стр. по 25 к.) 222 р. Осталось за мной 199 р. Пришлите, пожалуйста, еще 200 р. Моих статей у Вас найдется рублей на 400.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Пожалуйста, не задерживайте сказок и пришлите обратно «Гиену».

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, л. 102.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 258—259

---

[1] Соболевскому была послана не четвертая, а третья глава «Мелочей жизни». Четвертую Салтыков отправил 8 сентября (см. письмо 1295).

[2] 7 сентября в «Русских ведомостях» напечатаны «Христова ночь» и «Путем-дорогою», 14 сентября — «Приключение с Крамольниковым».

[3] См прим. 3 к письму 1286

[4] Четвертая и пятая главы «Мелочей жизни», посланные Соболевскому после отказа печатать третью главу.

1294. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 сентября 1886. Петербург

7 сентября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Благодарю Вас искренно за известие о себе и радуюсь, что Вам хорошо живется в Динаре[1]. Что касается до меня, то я влачу жалкое существование, и мое нынешнее писательство есть не более, как мучительный процесс, который, вероятно, не будет продолжителен. Ноги у меня отказываются ходить, спина как переломленная, исхудал я страшно, и, вдобавок, начинается вновь подергивание. Все это признаки зимнего мрака, в который мне предстоит окунуться. Для меня, стало быть, не только одна, но и десять ласточек весны не сделают, и дачная жизнь была мне крайне неудачна, благодаря сырости, близости озера и невзгодам, постигшим семью Боткина, которому было не до меня[2].

Не знаю, напишу ли я что-нибудь для последних двух книжек «В<естника> Евр<опы>»[3], но для январской начал большую вещь, которая будет длиться довольно долго, но и тут не могу утвердительно сказать, успею ли я что-нибудь сделать[4]. Скажу лишь, что при моих условиях нельзя долго жить и что не нынче, так завтра смерть положит предел страданиям.

То, что Вы пишете о Павле Вас<ильевиче>, крайне огорчительно, но я уже в прошлом году летом видел его в таком состоянии[5]. За ним, кажется, в семье очень мало ухода.

Простите, что мало пишу: перо выскользает из рук. Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Любови Исаковне.

Дружески жму Вашу руку.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л. 95.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т. V, с 28.

[1] Письмо неизвестно.

[2] См письмо 1270.

[3] В ноябрьском номере «Вестника Европы» напечатаны две уже публиковавшиеся в «Русских ведомостях» и три возвращенные Соболевским главы из «Мелочей жизни» (III—V), позднее составившие раздел «Введение», в декабрьском — четыре главы из раздела «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений».

[4] Возможно, что Салтыков имеет в виду «Пошехонскую старину», но ее первые главы появились в «Вестнике Европы» только в октябре 1887 года.

[5] П. В Анненков. См. письмо 1209.

1295. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 сентября 1886. Петербург

8 сентября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вместе с этим письмом я посылаю в Контору 4-ую главу «Мелочей». У меня уже готова и 5-ая глава, которая переписывается и будет выслана на будущей неделе[1]. Но я не стесняю Вас сроками печатания и предоставляю Вам поступать, как угодно, лишь бы рукописи не затерялись. Может быть, я и еще буду Вам постепенно высылать что напишется, т. е. продолжать «Мелочи», но тоже без всяких стеснений относительно сроков[2]. Мне необходимо только, чтобы «Сказки» и 3-я глава «Мелочей» были напечатаны неотлагательно[3].

Ежели Вам работы мои не нравятся, то напишите прямо: я кончу и ни мало не оскорблюсь. Я не желал бы только, чтобы написанное пропало даром.

Повторяю мою просьбу не печатать «Гиены» и прислать мне обратно оригинал. Появления последних сказок жду 14-го числа. Как поступите Вы с прежде посланной 3-ей главой «Мелочей»? [4]

Прощайте, будьте здоровы. Я и себе желаю здоровья, но тщетно. Совсем обезножил.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Сейчас получил № «Р<усских> вед<омостей>» 7 сентября. Благодарю за напечатание, только довольны ли Вы и публика? [5] Оттисков не присылайте больше 10. Я получил сегодня.

На конверте: Москва. Большая Кисловка, дом Коссова Его Высокородию Василию Михайловичу Соболевскому.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, лл 104, 106

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 260.

[1] См. прим. 3 к письму 1294.

[2] «Мелочи жизни», за исключением двух напечатанных глав и раздела «Молодые люди», Салтыков печатал в «Вестнике Европы».

[3] См. прим. 2 к письму 1303

[4] Третья глава «Мелочей жизни» в «Русских ведомостях» не была напечатана.

[5] «Христова ночь» и «Путем-дорогою».

1296. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

10 сентября 1886. Петербург

10 сентября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Простите, что давно не писал Вам [1]. Я знаю, что Вы неравнодушно относитесь к молчанию своих друзей, и ежели за всем тем безмолвствовал, то это значит, что мне было тяжко. И было тяжко и теперь тяжко.

Посылаю Вам вместе с сим новую 2-ую главу «Мелочей жизни» (1-ую Вы получили от Лихачева). 7-го числа вышли еще мои две новые сказки, но не посылаю их, потому что не имею оттисков. Разнузданность московская такова, что редакция «Русских ведомостей» никак не может своевременно сделать, что нужно. Когда получу оттиски, то пришлю один сейчас же.

Мне хотелось бы знать Ваше откровенное мнение о моем новом вступлении на литературное поприще, тем больше, что Вы, вероятно, уже прочли в «Вестн<ике> Евр<опы>» мое 8-ое «Пестрое письмо». Боюсь, не слишком ли чувствуется упадок и не чересчур ли болезненно. Я очень дорожу Вашим мнением и потому надеюсь, что Вы исполните мою просьбу [2].

У меня еще готово, но не напечатано: две сказки, три главы «Мелочей» и одно «Пестрое письмо» [3]. Все это я написал в течение каких-нибудь 5 недель, но при этом чувствовал себя так мучительно, как будто во мне совершался страшный болезненный процесс. Буквально задыхался пиша, как задыхаюсь и теперь, пиша это письмо.

Существование мое, могу сказать, самое жалкое. Беспрерывные поносы, одышка, боль в ногах, и в особенности в икрах, истощение сил, непомерная худоба,— все это делает для меня вопрос о смерти единственно желанным и, может быть, даже достижимым в недолгом времени. Как ни жаль оставлять жену и детей в жертву бестолочи и хаоса,— ни у меня, ни у нее нет ни родных, ни близких людей вообще,— но ведь и теперь я уже настолько мертв, что ни во что не вхожу и ничем не распоряжаюсь. Стало быть, и нужды во мне особенной нет.

Лечат меня, по-прежнему, Соколов и Васильев. Но Соко-

лов круто изменил свое прежнее дружеское отношение ко мне на вполне равнодушное. Приезжает два раза в неделю в белом жилете, посидит пять минут, скажет: продолжайте, я спешу,— и уходит. В причины этой перемены я не успел проникнуть, но она волнует безмерно. Хоть бы понял человек, что дело врача успокоивать, а не волновать.

А меня это заставляет серьезно задумываться, и я жду только приезда Лихачева, чтоб уяснить сию тайну и затем принять какое-либо решение. Очевидно, я надоел Соколову, а отказаться ему от меня неловко. Я, впрочем, предвидел это с тех пор, как Соколов отказался от вознаграждения за мое лечение, и даже Боткина предупреждал, что из этого ничего доброго не выйдет.

Теперь, после лихорадочной писательской деятельности я, кажется, погружаюсь в мрак. Благодаря бромам во всех видах, меня так и тянет в постель, да и ноги иначе никак согреть не могу. Вскоре после переезда с дачи еще писал, а теперь охоту потерял. Но и за то спасибо, что заработал на 1500 рублей, и это дает мне возможность прожить до нового года.

Сказки совсем покончил и издаю их книгой, которая появится в начале октября. То же и с «Пестрыми письмами». Обе книги пришлю Вам немедленно по выходе.

Вот каковы мои дела. Сижу как заключенный, никого не вижу. Лихачев пишет, что приедет 16-го числа [4].

Прощайте, любезный друг Николай Андреевич; передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне и поздравьте ее с именинами, а себя с дорогой именинницей. Напишите Ваш адрес в Вевэ.

Искренно Вас любящий

М. Салтыков.

Сейчас принесли оттиски «Сказок». Один из них при сем прилагаю [5].

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 77.

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е Салтыковым».— *Р. вед*, 1894, № 331, 30 ноября, с. 1 (второй, третий, четвертый абзацы). Полностью *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 251—252.

Год устанавливается по упоминанию о второй главе «Мелочей жизни».

---

[1] Салтыков не писал Белоголовому с 14 августа (письмо 1284).

[2] 5 октября 1886 года Белоголовый писал Лаврову в связи с получением от Салтыкова оттисков его произведений «...положение мое было довольно затруднительно, потому что легенда о Христе на меня не произвела далеко

такого сильного впечатления, как на Вас, но меня выручило «Пестрое письмо» в сентябрьской книге «Вестника Европы», которое действительно очень хорошо, а потому я ответил ему в самом хвалебном и поощрительном тоне» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп. 4, № 36, лл. 94—95 об).

[3] См письма 1293, 1295.

[4] Письмо неизвестно.

[5] «Христова ночь», «Путем-дорогою».

1297. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

Телеграмма

11 сентября 1886 Петербург

Прошу воскресенье сказки [1].

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес· М<о>ск<ва> Посл<едняя> Кисл<овка>, дом Коссова Соболевскому Подана 11 сентября 1886 г 4 ч. пополудни.

Печатается по тексту телеграфного бланка. *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, л. 107.

Впервые опубликовано· *Неизданные письма*, с. 227

---

[1] В воскресенье 14 сентября «Русские ведомости» напечатали сказку «Приключение с Крамольниковым».

1298. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

Телеграмма

11 сентября 1886 Петербург

Прошу четвертую главу не печатать. Письмо почтой.

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес: М<о>ск<ва>. Посл<едняя> Кисловка, дом Коссова Соболевскому. Подана 11 сентября 1886 г. 6 ч. пополудни.

Печатается по тексту телеграфного бланка. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 108.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 262.

---

[1] Телеграмма является ответом на не дошедшую до нас телеграмму Соболевского с предложением печатать четвертую главу «Мелочей жизни» ранее третьей См. письмо 1295.

1299. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

11 сентября 1886. Петербург

11 сентября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вместе с сим высылаю в контору «Русских ведомостей» 5-ую главу «Мелочей» и прошу Вас напечатать ее, когда Вам удобно.

Будьте так добры уведомить меня о получении ее, а равно и 3-ей и 4-ой [1]. Пришлите, пожалуйста, «Гиену» — мне нужно. И еще просьба: продолжать ли «Мелочи» или закончить? Этот вопрос я просил бы Вас разрешить поскорее, потому что я могу начать 6-ую главу, которую пришлось бы бросить.

Пожалуйста, ответьте.

Искренно преданный *М. Салтыков.*

Сейчас получил Вашу телеграмму [2]. Еще не напечатана 3-я глава, а Вы хотите в воскресенье печатать 4-ую. Ради бога печатайте сказки (последние две). Они давят меня [3].

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, л 109.
Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с. 261.

---

[1] 3—5 главы не были напечатаны в «Русских ведомостях». См. прим. 3 к письму 1294.

[2] Телеграмма неизвестна.

[3] В связи с отказом «Русских ведомостей» от публикации третьей главы «Мелочей жизни» Салтыков вынужден был продолжить печатание произведения в «Вестнике Европы».

1300. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12—18 сентября 1886. Петербург

Пожалуйста, не уезжайте в Москву, не навестивши меня.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, л. 111.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 262.

Написано на визитной карточке с надписью «Михаил Евграфович Салтыков». На карточке помета Соболевского: «Мел Спб. 1886 г.» Сокращение «Мел.» озиачает, вероятно, «Мелочи жизни», вопрос о публикации которых решался при встрече Салтыкова с Соболевским. Такая встреча не могла состояться ранее 12 сентября, так как 11-го Салтыков отправил письмо Соболевскому, которого еще не было в Петербурге, и позже 18-го, когда Салтыков, после встречи с Соболевским, запрашивает у А. А Хомиховского адрес Пыпина, явно с целью выяснить возможность публикации «Мелочей жизни» в «Вестнике Европы». См также письмо 1301.

1301. А. А. ХОМИХОВСКОМУ

18 сентября 1886. Петербург

18 сентября.

Уважаемый Александр Александрович.

Я не знаю, переехал ли А. Н. Пыпин с дачи, и не знаю его городского адреса. Будьте так любезны передать ему, что я очень прошу его посетить меня по одному делу[1]. Уведомьте меня также, когда Вы ожидаете Михаила Матвеевича[2].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Передайте, пожалуйста, в типографии, что я прошу приступить к набору «Помпадуров»[3].

Печатается по подлиннику. *ЦГАЛИ,* ф 445, оп. 1, № 137, л 1.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма,* с. 333—334 (с неустановленным адресатом).

Год устанавливается по упоминанию о новом (четвертом) издании «Помпадуров и помпадурш». Только это издание названного цикла печаталось в типографии Стасюлевича.

---

[1] Во время встречи с Соболевским, состоявшейся между 12 и 18 сентября, обсуждался вопрос о прекращении публикации «Мелочей жизни» в «Русских ведомостях». Предполагая печатать «Мелочи жизни» в «Вестнике Европы», Салтыков вынужден был обратиться к Пыпину, полагая, что Стасюлевич еще не вернулся из-за границы.

[2] А. А Хомиховский в несохранившемся письме сообщил, что Пыпин еще на даче, а Стасюлевич уже вернулся в Петербург (см письмо 1302).

[3] Четвертое издание «Помпадуров и помпадурш» вышло в свет между 9 и 15 ноября 1886 года.

1302. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19 сентября 1886. Петербург

19 сентября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

У меня есть до Вас просьба, касающаяся одной написанной мною вещи[1]. Я очень желал бы переговорить с Вами, ежели возможно, поскорее. Я хотел говорить с А. Н. Пыпиным, но он на даче.

Я совсем умираю.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л 97.

Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т. V, с. 28.

Год устанавливается по связи с письмом к Хомиховскому от 18 сентября 1886 года и по помете Стасюлевича. «20 IX.86. Спб».

[1] Салтыков предполагал обратиться к Стасюлевичу по вопросу о возможности публикации в «Вестнике Европы» возвращаемых из «Русских ведомостей» глав «Мелочей жизни» и продолжения этого цикла.

1303. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

20 сентября 1886. Петербург

20 сентября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Я сегодня имел собеседование с Стасюлевичем, рассказал ему содержание 3-ей главы, и он ничего не имеет против напечатания ее, в совокупности с остальными четырьмя (первые две в виде приложения). Я же сделаю примечание, что, ввиду распространения размеров «Мелочей», я нашел удобным печатать их в большом журнале, а не отрывками в газете [1]. Поэтому я прошу Вас решиться на одно из двух: или отложить продолжение «Мелочей» до 19 октября и начать печатание их все-таки с 3-й главы, в продолжение трех воскресений, или же, если Вы и на это не согласны, то будьте так добры, по получении сего, возвратить мне все три главы обратно. Я просто не могу по сей миг успокоиться ввиду предполагаемого пропуска [2]. Повторяется то же самое, что и с «Пестрыми письмами», которые Вы с первого же письма отказались печатать, а «В<естник> Е<вропы>» напечатал и ничего не вышло [3].

Впрочем, Вы не думайте, чтоб я желал порвать с «Р<усскими> в<едомостями>». Напротив, я уж надумал работу, которую и начну, как только Вы пришлете обратно «Мелочи». Новая работа будет составлять часть «Мелочей», только с отдельным заглавием [4]. Постараюсь быть цензурным. Ради бога, исполните мою просьбу: или вышлите 3 главы, или решитесь 19 октября печатать, но уже тогда печатайте с 3-й, а не с 4-й главы. Всего же лучше, я полагаю, выслать, ибо я к 19-му числу все меры употреблю, чтоб Вам что-нибудь доставить [5].

Жду Вашего ответа с нетерпением.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлининику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л 112.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 262—263.

[1] Публикация пяти глав «Мелочей жизни» в «Вестнике Европы» сопровождена специальным авторским примечанием. См. прим. 4 к письму 1306.

2 Эпизод с отказом от публикации «Мелочей жизни» в «Русских ведомостях» освещен в письме Соболевского к Михайловскому от 23 сентября 1886 года. «Он не может помириться с пропуском 3-й главы и предлагает одно из двух или напечатать ее и следующие главы 19-го октября,— и затем 3 воскресенья подряд, или же возвратить все Оказывается, что Стасюлевич берет у него эти вещи Как ни жаль расставаться с ними, но, думаю, в конце концов такой исход будет лучший Ведь предстоит еще 13 глав как поручиться, что из-за некоторых из них не придется испытывать такие же нравственные бани, какую выдержали мы с тобой. К тому же я думаю, что в журнале эти вещи выиграют и в художественном и в цензурном отношении Если бы место позволило поместить в газетном фельетоне все три главы рассказа, не было бы никакого разговора и я поместил бы их без пропусков Так я и пишу М<ихаилу> Е<вграфовичу>. Он обещает, впрочем, прислать что-нибудь взамен «Мелочей» для «Р<усских> в<едомостей>». Право, у меня по отношению к этому несчастному больному человеку только одно искреннее желание чтобы, пока еще может работать, печатался как можно чаще, где бы ни помещались его статьи И для него и для публики в этом будет только выигрыш Но боюсь, он поладит со Стасюлевичем, хотя на случай тягостных для него переговоров и ограничений и прошу его не считать себя связанным никакими ультиматумами и возвратиться с «Мелочами» в «Русск<ие> вед<омости>», как бы ничего не произошло» (*ИРЛИ*, ф 181, оп. 1, № 660, л 68).

3 На полях письма примечание Соболевского: «Пестрые письма» — первый опыт помещения Салтыковым в «Русских ведомостях» — были получены в редакции в мое отсутствие из Москвы Товарищи «Рус. вед», ввиду только что полученной тогда «Рус вед» кары, нашли, что печатать эту статью Салтыкова рискованно для газеты».

4 Салтыков имеет в виду раздел «Молодые люди» из «Мелочей жизни».

5 30 сентября Салтыков послал Соболевскому очерк «Сережа Ростокин».

1304. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

21 сентября 1886. Петербург

21 сентября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за доброе письмо и за откровенное мнение о моей новой литературной деятельности[1]. «Мелочи жизни» должны были выясниться впоследствии, но с ними случилась история. «Русские вед<омости>» отказались печатать 3-ю главу, по цензурным соображениям, и просят печатать 4-ую главу Это меня до того расстроило и раздражило, что я целых две недели придти в себя не могу. Это испортило весь мой труд, потому что я написал уже 5 глав и предполагал еще 12—13 глав. Не знаю, на что решусь[2].

Посылаю Вам еще 2 рассказа. Желаю, чтоб Вы хоть каплю

удовольствия испытали, читая их[3]. Да получили ли Вы «Христову ночь»? На днях выйдет целый том моих «Сказок»[4], которые я и пришлю Вам немедленно.

Я совсем не то писал Вам о Соколове, будто бы он тяготится лечить меня *безмездно*. Я именно хотел сказать, что *он* изменил свое обращение потому, что я *надоел* ему, как хронический и не уступающий никаким усилиям больной[5]. Вообще я всем надоел; шлют меня за границу с глаз долой, а я и до Пскова не доеду. Да и что я буду за границей делать — *один?*

Прощайте, покуда. Я до того демора<ли>зирован, что едва перо могу держать в руке. Голос человеческий мне тягостен.

Прошу Вас передать от меня и от жены привет уважаемой Софье Петровне.

Искренно Вас любящий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 78.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 255—256.

---

[1] Письмо неизвестно. См прим 2 к письму 1296.

[2] См. прим 2 к письму 1303

[3] Салтыков посылал оттиски сказок «Приключение с Крамольниковым» и «Деревенский пожар».

[4] Сборник «23 сказки» вышел между 24 и 30 сентября 1886 года.

[5] См. письмо 1296.

1305. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

25 сентября 1886. Петербург

25 сентября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Благодарю Вас за присылку рукописей[1], а еще больше за то, что Вы и впредь не отказываете мне в убежище. Простите великодушно за причиненные огорчения: я до того расстроен, что дошел почти до невменяемости.

Постараюсь отработать свой долг в октябре и ноябре. Теперь мне нужен отдых, но дня через два сяду за работу. Сделаю все, чтоб она подходила для Вас. Если же опять наступит мрак для меня, то возвращу деньги.

Будьте здоровы и извините меня.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 114.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с 264.
Год устанавливается по связи с письмами 1308 и 1309.

---

[1] Рукописи 3—5 глав «Мелочей жизни».

1306. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 сентября 1886 Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем все пять глав «Мелочей жизни», о которых я говорил с Вами. Пожалуйста, прочтите и уведомьте меня, можете ли их напечатать в ноябрьской книжке «Вестника Европы» [1].

Вероятно, Вы еще вчера отослали в цензуру сентябрьскую книжку, и у меня уже сердце не на месте от волнения [2]. Будьте так добры, дайте мне знать в понедельник, все ли благополучно.

Дайте посыльному записку, что посылаемый пакет Вами получен [3].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

26 сентября 1886 г

Я написал и *примечание* для объяснения появления «Мелочей» в «В<естнике> Е<вропы>» [4]. Соболевский пишет, что он вполне понимает этот перенос [5].

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 99.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т V, с 29.

---

[1] Пять глав, впоследствии составившие «Введение» к циклу «Мелочи жизни» Напечатаны в ноябрьском номере «Вестника Европы».

[2] У Салтыкова ошибка. речь, конечно, идет об октябрьской книжке «Вестника Европы», в которой печаталось девятое «Пестрое письмо».

[3] Записка неизвестна.

[4] К первой публикации глав из «Мелочей жизни» Салтыков написал следующее примечание· «Первые две главы «Мелочей жизни» были напечатаны в «Русских ведомостях» Но по мере того, как работа подвигалась вперед, автор убеждался, что она явится в более цельном виде, будучи напечатана в большом журнале, нежели в газете, где, по самому способу издания, авторский труд поневоле дробится. Поэтому автор решился продолжать «Мелочи жизни» в ежемесячном издании. Да не посетует читатель,

что вследствие того первые две главы повторяются здесь для установления общей их связи с новыми, последующими главами. Авт» (*ВЕ*, 1886, № 11, с. 229).

[5] Письмо неизвестно. См прим 2 к письму 1303.

1307. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

30 сентября 1886. Петербург

30 сентября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Одновременно я посылаю в контору «Р<усских> в<едомостей>» заказной пакет со статьею «Молодые люди» [1]. Предполагаю написать три этюда: один — перед Вами, другой будет иметь предметом человека, трудящегося ради насущного хлеба, третий — человека, ищущего света и обретающего смерть [2]. Буду писать, сколь возможно цензурно, но ежели Вы заметите нецензурность в первом этюде и что-нибудь подозрительное в сюжетах двух остальных, то пришлите рукопись обратно. Сроком печатания я Вас не стесняю, хотя нежелательно бы, чтобы рукопись залежалась, потому что на этом рассчитана последующая работа. Но прошу поскорее прочитать рукопись и уведомить о решении Боюсь, что фельетон будет слишком велик, но прошу на этот раз постесниться.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

На конверте: Москва Последняя Кисловка, дом Коссова Его Высокородию Василию Михайловичу Соболевскому.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, лл. 116, 118

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 205.

---

[1] Салтыков послал в контору «Русских ведомостей» очерк «Сережа Ростокин», первый из раздела «Молодые люди». Пакет послан утром 1 октября (см письмо 1308).

[2] Три этюда: «Сережа Ростокин», «Черезовы, муж и жена» (о человеке, трудящемся «ради насущного хлеба»), «Чудинов» (о человеке, ищущем света и обретающем смерть).

1308. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

1 октября 1886. Петербург

1 октября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Сегодня утром я послал в контору «Р<усских> в<едомостей>» заказной пакет с письмом [1], а вчера писал к Вам лично [2]. Теперь я рассуждаю так, что Вам гораздо удобнее

будет определить, будете ли Вы печатать мои статьи тогда, когда они *все три* будут перед Вами, так как это с моей стороны *непременное* условие, напечатать *все три* в одном и том же журнале. Тесной связи между ними нет, но есть параллель, которую читатель должен не терять из вида. Поэтому я и прошу Вас подождать остальные два этюда. Я не замедлю, и полагаю, что в конце будущей недели вышлю Вам все, ежели не впаду в оцепенение, что тоже может случиться [3]. 8-го числа я непременно Вам напишу о положении дела [4]. Теперь же прошу уведомить о получении статьи и о том, как Вы ее нашли [5]. Ежели с первого же этюда он Вам не по нутру, то возвратите

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 119.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 205—206 (без обращения и подписи); полностью: *Неизданные письма*, с 265—266.

---

[1] Пакет с рукописью очерка «Сережа Ростокин»

[2] См. письмо 1307.

[3] См. прим. 3 к письму 1309.

[4] Салтыков написал Соболевскому не 8, а 7 октября (см. письмо 1309).

[5] Письмо неизвестно.

1309. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

7 октября 1886 Петербург

7 октября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

На просьбу Вашу печатать «Молодых людей» с 12 числа [1] я отвечал другой просьбой: не печатать их, покуда у Вас все этюды не будут налицо. К сожалению, покуда я писал второй этюд, у меня выработался еще промежуточный тип, государственного послушника [2]. Один этюд уже у Вас (отметьте его цифрою 1), два других завтра заказным письмом вышлю, но не для печатания, а чтобы Вам досужнее было прочесть. Четвертый наполовину готов и вышлется не позднее начала будущей недели, ежели ничего экстраординарного не случится [3]. Когда все будет на виду, Вы лучше рассудите, можно ли, согласно с Вашими требованиями, печатать их без пропусков и изменений. Я не из самомнения не желаю изменений, а просто потому, что объясняться за 600 верст не в силах.

Сверх того я прошу Вас принять в соображение следующее: 1) Вы уже писали мне, что первый этюд для газеты

слишком велик — к сожалению, и остальные три вышли такого же размера. Быть может, и это Вы найдете для себя неудобным. 2) Я просил бы Вас увеличить мой гонорар до 30 к. со строки, что как раз равняется получаемому мной гонорару в «Вестн<ике> Евр<опы>».

Ежели хотя одно из этих условий неудобно для Вас, то возвратите мою работу без церемоний, хотя я душевно хотел бы, чтоб она появилась в Вашей газете.

Еще одна просьба: благоволите распорядиться напечатать в «Р<усских> в<едомостях>» перед текстом прилагаемое объявление. В один столбец и три раза[4]. Что будет стоить, прикажите поставить мне на счет. Я теперь должен конторе 266 р. 50 к.

Дружески жму Вашу руку и прошу уведомить письмом о получении статей, а равно и о Вашем мнении об них и дальнейших намерениях

Искренно преданный

М. Салтыков

Ответ просто киньте в почтовый ящик,— чай, и в Москве на улицах водятся таковые[5].

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 121

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 206 (без обращения и первой фразы); полностью· *Неизданные письма*, с 266—267.

---

[1] «Молодые люди» начали печататься с 19 октября.

[2] Тип «государственного послушника» изображен Салтыковым в очерке «Евгений Люберцев», ставшем третьим звеном в разделе «Молодые люди».

[3] У Соболевского находился очерк «Сережа Ростокин», посланный 1 октября. Очерки «Черезовы, муж и жена» и «Евгений Люберцев» Салтыков послал 8 октября, очерк «Чудинов» отправил 12 октября (см письмо 1311)

[4] Объявление о выходе в свет сборника «23 сказки» напечатано в «Русских ведомостях» 11, 14 и 18 октября

[5] Письмо неизвестно

1310. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

10 октября 1886 Петербург

10 октября

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Простите, что так долго не отвечал на Ваше письмо[1] У меня была работа, которую я желал кончить[2], так как всякую минуту могу ожидать, что возможность что-нибудь делать

прекратится для меня. А дни теперь стоят здесь короткие. В три часа уж и работать нельзя. Тем не менее, я послал Вам мою книгу «Сказок» и надеюсь, что Вы ее получили.

От души радуюсь, что Вам живется изрядно. Все-таки в Крыму и светлее и теплее, чем здесь. Впрочем и здесь, за исключением последней недели, было изрядно, но зато целых пять дней лил дождь и царствовал такой мрак, что мне все сердце иссосала тоска. Сегодня опять светло и мороз.

Мне все хуже и хуже; опять появилось дерганье и в той же силе, как в прошлом году. Очень мучительно. Может быть, это и от погоды, но вот сегодня и светло, а дерганье с утра началось. Утомляюсь я быстро, напишу десять строк и в постель тянет. Хожу с трудом, тягощусь обществом и даже говором — вообще, все по-прежнему без малейших признаков улучшения. Эта косность еще больше раздражает; невольно спрашиваешь себя: да когда же конец.

Вижусь я почаще других с Лихачевым, который раза два в неделю заезжает. Других мало вижу. Неприятно мое общество, смотреть на меня больно. Доктора всех специальностей, до мозольного оператора включительно — вот мое общество. А лекарство, притирания, компрессы и клистиры — времяпро вождение.

Вот написал Вам всего несколько строк — и совсем запыхался. Душит кашель, давит тоска — надо в постель.

Прощайте, будьте здоровы и верьте одушевляющим меня теплым чувствам

Искренно преданный Вам

М Салтыков

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 26, л 58

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 259—260.

Год устанавливается по упоминанию о книге сказок, вышедшей в конце сентября 1886 года

---

[1] Имеется в виду письмо Елисеева от 24 сентября 1886 года из Ялты (см. *Письма Елисеева,* с. 175—179).

[2] Четыре очерка из раздела «Молодые люди» («Мелочи жизни»)

1311. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 октября 1886. Петербург

12 октября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вот какая мысль у меня родилась. Уверен я, что Вы уже на «Люберцеве» задумались, кого я описываю. И хотя и уве-

ряю Вас, что никого лично в виду не имею, но ведь мне, критикану, кто же поверит? На то я и критикан, чтобы дразнить и списывать патреты. А на четвертом этюде Вы наверное остановитесь, потому что в нем идет речь о той особи молодых людей, которая ныне не ко двору. Поэтому я надумал для «Р<усских> вед<омостей>» другую работу. Называется она «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений», и предметом ей послужит сельский экономический год. Фельетонов будет три: в первом — крестьянское хозяйство, во втором — поповское (буду называть его сельским священником, и ни одним словом не коснусь служебных обязанностей), в третьем — помещичье. В цензурном отношении, самый ревнивый цензор иголки не подточит. В литературном отношении — не хуже прочего. Во вторник я вышлю первую главу заказным письмом, а поздно ежели в среду, так что в четверг или в пятницу работа будет у Вас, а в воскресенье я попрошу Вас напечатать. Остальные фельетоны не замедлю выслать[1].

Простите за мои частые перемены. Вы знаете, что, по закрытии «О<течественных> з<аписок>», я намеревался всю деятельность посвятить «Р<усским> вед<омостям»>. Не моя вина, что не так случилось; но, во всяком случае, я всячески готов служить Вашей газете.

Прошу Вас, вышлите поскорее три этюда «Молодых людей» обратно. Буду ждать их на неделе. И вообще напишите мне, а между прочим и о цифре гонорара.

Новые фельетоны не будут так обширны, как «Молодые люди».

Мною овладело теперь непреодолимое желание работать. Надумал еще несколько вещей, и выполню, ежели выдержу.

Благодарю Вас за напечатание объявления[2].

Жду письма Вашего и присылки статей и остаюсь искренно

Вам преданный

М. Салтыков.

Боюсь, что Вы рассердитесь и перестанете совсем печатать меня. Не делайте этого — мне деваться некуда на старости лет. И то представляется, что всем надоел.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 123—124. Рукой Салтыкова только подпись и приписка.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн: *Русские ведомости*, с. 297 (первый абзац без двух последних фраз и заключительный фрагмент со слов «Мною овладело...»); полностью: *Неизданные письма*, с. 267—269.

[1] Перемена не была осуществлена раздел «Молодые люди» печатался в «Русских ведомостях». Раздел же «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений», состоявший не из трех, как предполагал Салтыков, а из четырех очерков, был опубликован в «Вестнике Европы».

[2] См. прим. 4 к письму 1309.

1312. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 октября 1886 Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович, при огне не могу писать сам и потому прибегаю к помощи. Только что послал к Вам письмо[1], как получил Ваше[2], и потому спешу послать вдогонку другое. Так как Вы не имеете ничего, с цензурной точки зрения, против печатания «Молодых людей», то завтра же вышлю страховым 4-й этюд[3]. Прочтите и ежели не задумаетесь печатать, то с богом. Если же встретите препятствие, то немедленно телеграфируйте: я сейчас же вышлю другую работу, а «Молодых людей» Вы возвратите обратно.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

12 октября.

Еще просьба: я не желал бы длить печатание всех четырех этюдов более четырех недель и начать дальше 19-го — 21 числа[4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, л 125 Рукой Салтыкова написаны только заключительная фраза, дата, подпись и приписка.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 269.

---

[1] См. письмо 1311.

[2] Письмо неизвестно.

[3] «Чудинов».

[4] Печатание «Молодых людей» начато 19 октября.

1313. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

Телеграмма

17 октября 1886. Петербург

На перемену согласен[1]. Усердно прошу 19 начать печатание[2].

Салтыков.

Телеграфные пометы и адрес. М<осква> Пос<ледняя> Кисл<овка>. Д<ом> Коссова. Соболевскому, 17 октября 1886 г. 9 ч. 17 м. пополудни Петербург.

Печатается по тексту телеграфного бланка: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л 127.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 270.

---

[1] Речь идет о последовательности публикации очерков «Молодые люди». Салтыков считал необходимым вторым печатать очерк «Евгений Люберцев», а Соболевский — «Черезовы, муж и жена», с чем Салтыков и согласился, восстановив предлагавшуюся им последовательность в отдельном издании цикла (см. т. 16, кн. 2, с. 360).

[2] 19 октября в «Русских ведомостях» напечатан очерк «Сережа Ростокин»

1314. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

21 октября 1886. Петербург

21 октября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вместе с сим я посылаю в контору «Русских ведомостей» мой расчет. Оказывается, что за мной остается долгу 25 р. 30 к. А так как у Вас в распоряжении находится моих рукописей приблизительно на 700 руб., то не будете ли Вы так любезны выслать мне 675 руб., которые несомненно и пополнятся с напечатанием 4-го этюда.

Искренно жму Вашу руку

М. Салтыков

Вечером не могу писать сам.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 128. Рукой Салтыкова лишь подпись и приписка

Впервые опубликовано· *Неизданные письма*, с. 270.

Год устанавливается по упоминанию «4-го этюда», то есть очерка «Чудинов», являющегося заключительным в разделе «Молодые люди».

1315. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 октября 1886 Петербург

26 октября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не будете ли так добры навестить меня хоть на минуту. Я желал бы передать Вам мою новую статью для декабрьской книжки, а посыльному доверить боюсь: не равно потеряет[1].

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 101
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т V, с 29

Произведения Салтыкова публиковались в декабрьских книжках «Вестника Европы» в 1886, 1887, 1888 годах. Письмо относится к 1886 году. в 1887 году Салтыков в 20-х числах октября не встречался со Стасюлевичем (см. письмо 1429), а в 1888 году корректура декабрьской книжки была послана Салтыкову к 20 октября (см. письмо 1504)

[1] В декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1886 год напечатан шестой раздел «Мелочей жизни» («На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений»).

1316. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

30 октября 1886. Петербург

30 октября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас, что не оставляете, от времени до времени, без известий о себе[1], и очень рад, что новое Ваше семейное положение удовлетворяет Вас, хотя и не лишено своего рода эпизодов[2].

Посылаю при сем два этюда моих[3]. Будет еще два, которые своевременно Вам доставлю[4]. Этюды эти составляют часть «Мелочей жизни», которые я перенес в «Вестник Европы», и 5 глав (из них две уже Вам известны) будут помещены в ноябрьской книжке[5]. На декабрьскую и на январскую мною уже заготовлено продолжение[6]. В целом составится довольно большая книжка (предполагаю всю работу кончить к апрелю), не лишенная смысла[7]. Только в последней заключительной статье раскроется истинный смысл работы[8]. Вообще, я к журнальной работе отношусь теперь несколько иначе. К ней (а в особенности к газетной) всего менее применима поговорка scripta manent[9], и тот, кто не читал меня *в книжке*, очень мало меня знает.

Здоровье мое чрезвычайно плохо. Еле брожу и устаю неимоверно. Одышка преследует меня, даже сидя задыхаюсь. Читать и даже слышать чтение, по-прежнему, не могу. Боткина не видал уже с месяц, и, по-видимому, он перестал интересоваться мною. Н. И. Соколов приходит на пять минут; Васильев или боится, или мало понимает. Сердце у меня все находят в исправности с «объективной» стороны, а субъективно я чувствую, что оно у меня нестерпимо болит. Именно болит, щемит, точно залитое тоскою.

Я буду весьма удивлен, ежели доживу до весны. Чем дальше, тем тоскливее жить. Всякая мелочь раздражает, а тут еще

писательство привязалось, и не могу отделаться от него. Вот и теперь пишу к Вам и чувствую, как пот выступает во всем теле. Надо бы выезжать на воздух, но погода стоит такая, что носу показать из дома нельзя. Мрак и сырость.

До свидания. Прошу передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Жена ей пишет сама. Искренно жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 79.

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М Е Салтыковым».— *Р. вед*, 1894, № 331, 30 ноября, с. 2 (второй абзац); полностью *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 263—264.

[1] Письмо неизвестно.

[2] В 1886 году Н. А Белоголовый взял на воспитание оставшихся сиротами племянников

[3] Салтыков послал очерки «Сережа Ростокин» и «Черезовы, муж и жена»

[4] «Евгений Люберцев» и «Чудинов»

[5] В ноябрьской книжке «Вестника Европы» напечатаны пять глав, составляющие «Введение» к «Мелочам жизни».

[6] В декабрьской книжке «Вестника Европы» напечатан раздел «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений», а в январской — очерк «Портной Гришка».

[7] Журнальная публикация «Мелочей жизни» закончена в июне 1887 года.

[8] «Имярек».

[9] Написанное остается.

1317. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

30 октября 1886. Петербург

30 октября

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Благодарю Вас за память и за известие о себе [1]. Но взгляда Вашего на Крамольникова не разделяю и теории вождения Дворникова за нос за правильную не признаю. Дворниковы и до и по Петровские одинаковы, и литературная проповедь перестанет быть плодотворною, ежели будет говорить о соглашении с Дворниковыми. Для этого достаточно Сувориных и Краевских. Наша практика и без того настолько спутана, что представляет сплошное прелюбодеяние. Но спутанность эта вынужденная, и не следует упускать этого из вида. Даже если бы мы добровольно отдались ей, то полезнее убеждать себя в вынужденности, нежели признать спутанность за правило. Но

во всяком случае, для литературы возводить практику соглашения с Дворниковым в теорию — дело весьма опасное. Ведь охотников держать дворниковский нос между пальцами очень много. Кроме Петра Петровича найдется и Андрей Андреич, который будет отбивать этот нос в свою пользу. Произойдет борьба, в конце которой утратится даже представление о цели, для которой потребовался нос, а просто окажется теория держания носа для держания. Литератор, яко человек, имеет право бояться за свою шкуру, но литература должна оберегать свою проповедь от всяких примесей, вроде поступания вперед рука об руку с Дворниковым такого-то, а не иного пошиба [2].

В Евангелии есть прекрасное изречение: если око твое тебя соблазняет, то вырви его [3]. Вот настоящая задача литературы, хотя, конечно, она не должна скрывать от читателя трудности ее выполнения, и обязана прибавлять: могий вместити да вместит. Но ни в каком случае не та практика, которая заставила Петра три раза отречься прежде, нежели три раза прокричал петух. Недаром же Петр вспомнил и горько заплакал — стало быть, нехорошо у него сделалось на душе. Оттого у нас и идет так плохо, что мы все около дворниковских носов держимся. Это — основная идея «Мелочей жизни», которые я теперь пишу и которую Вы постепенно раскроете. Мелочи до того заполонили всех, что ни об чем не думается, лишь бы брюхо было цело и шкура спасена, благодаря благоволению Дворникова.

Извините, что я так откровенно высказал мое мнение, и притом недостаточно развил его. Я настолько болен, что для диалектики совсем не гожусь. По-прежнему, не могу ничего читать, по-прежнему — боюсь общества и разговоров. Ежели пишу,— а пишу много,—то это своего рода недуг. Вот и теперь: пишу к Вам, и чувствую, что во всем теле выступает пот. Очень буду удивлен, ежели застанет меня весна в живых. Хотелось бы закончить «Мелочи жизни», но задача так обширна, обнимает столько разнообразных профессий, что многое придется пропустить (большинство) или скомкать.

До свидания, будьте здоровы. Жму Вашу руку. Жена Вам кланяется.

Искренно Вас уважающий *М. Салтыков.*

Когда Вы предполагаете вернуться? [4]

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 576, карт. 2, № 26, л. 59.
Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941,* т. XX, с. 264—265

---

[1] Письмо из Ялты от 23 октября 1886 года (см. *Письма Елисеева,* с. 179—183).

[2] Елисеев выразил несогласие с идеями Крамольникова — Салтыкова, заявив о бесполезности всякого антиправительственного протеста и выдвинув «теорию» сотрудничества общественных деятелей с самодержавием, что, по его мнению, позволило бы направить деятельность правительства по пути реформ (см. т. 16, кн. 1, с. 474—475).

[3] Несколько измененное выражение из Евангелия (Матф., 5, 29).

[4] Елисеев вернулся из Ялты в мае — июне 1887 года

1318. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

30 октября 1886. Петербург

30 октября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не будете ли так любезны приказать прислать мне корректуру 3-го этюда «На лоне природы», называющегося «Помещик». Я не с тем прошу, чтобы держать корректуру,—я не в состоянии это сделать,— а желалось бы поместить две небольшие вставочки[1].

Искренно Вас уважающий
М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 103
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 29.

[1] См т 16, кн. 2, с. 357.

1319. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

3 ноября 1886. Петербург

3 ноября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

У меня написался 4-ый этюд к главе «На лоне природы» под названием «Мироеды». Я отдам его в переписку и к субботе, а может быть и ранее, он будет готов. Займет он менее 1/2 листа. Нельзя ли напечатать его тоже в декабрьской книжке вместе с прочими? Иначе, он у меня совсем пропадет[1].

Будьте так добры уведомить меня о своем решении и извините за назойливость.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 105
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с 29—30

[1] «Мироеды» вместе с другими тремя очерками из раздела «На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений» напечатаны в декабрьской книжке «Вестника Европы» за 1886 год

1320. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

12 ноября 1886. Петербург

12 ноября

Многоуважаемый Николай Константинович.

Посылаю при сем два экземпляра «Пестрых писем», один для Вас, другой для Скабичевского, которого адрес я потерял (сообщите, пожалуйста). Да попросите, пожалуйста, Скабичевского, не может ли он хоть два слова сказать в «Новостях» об этой книге и о «Сказках»[1]. Ни одна газета не обмолвилась — право, моя сорокалетняя деятельность не того заслуживает[2].

Весь Ваш
М. Салтыков.

Не знаете ли Вы адреса Антоновича. Ежели знаете — сообщите мне.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 90, л. 1
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 271

---

[1] Статья Скабичевского о сборнике «23 сказки» и о «Пестрых письмах» напечатана в «Новостях и Биржевой газете» 17 ноября и перепечатана в «Русском курьере» 20 ноября. На обороте комментируемого письма Михайловский набросал записку к Скабичевскому· «Многоуважаемый Александр Михайлович, посылаю Вам, по поручению Салтыкова, его книгу. На обороте найдете его письмо ко мне, касающееся Вас. Никакого требования от Литературного фонда по займу Успенского я до сих пор не получил, а потому да не будет на меня нареканий за неаккуратность Ваш *Ник Михайловский*».

[2] Салтыков не точен. К 12 ноября в русской печати появились краткие отклики иа его книгу «23 сказки» в «Неделе» (1886, № 42, 19 октября, стлб 1392—1395) и в «Биржевых ведомостях» (1886, № 283, 17 октября, с. 1)

1321. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 ноября 1886 Петербург

12 ноября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вместе с сим посылаю Вам издание «Пестрых писем» и прошу принять, как дань моего уважения. Не будете ли так добры сказать об этой книге хоть несколько слов в «Рус<ских> вед<омостях>»;[1] ни одна газета о «Сказках» моих не обмолвилась[2] Это особого рода тактика

Я по-прежнему болен; в особенности болят глаза.

На днях пришлю Вам новую сказку, хотя наверное сказать не могу[3].

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 130
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с. 270—271.

---

[1] «Русские ведомости» откликались на журнальные публикации очерков из цикла «Пестрые письма», рецензии на отдельное издание в газете не появилось.

[2] См прим 2 к письму 1320.

[3] 17 ноября Салтыков послал Соболевскому сказку «Ворон-челобитчик» (см. письмо 1322).

1322. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

17 ноября 1886. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Посылаю Вам новую сказку[1]. Сроком печатания не стесняйтесь, лишь бы не в будущем году, а в нынешнем. Я нахожусь в таком болезненном фазисе, что едва ли до нового года что-нибудь пришлю: наступила полная реакция. Впрочем, это еще вопрос: покажется ли новая сказка удобною с цензурной стороны. Прочтите ее и, буде найдете неудобною, возвратите.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

17 ноября.

Во всяком случае, уведомьте о получении.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 132
Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 272.
Год устанавливается по связи с письмом 1321.

---

[1] Речь идет о сказке «Ворон-челобитчик».

1323. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

26 ноября 1886. Петербург

26 ноября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Вчера я послал Вам письмо, которое глубоко меня тревожит[1]. Простите. Представьте себе положение человека, кото-

рый встает утром и думает: ах, скоро ли наступит ночь! и ложась вечером, повторяет: ах, кабы поскорее прошла эта тревожная бессонная ночь! Никакого просвета в будущем, ни малейшей надежды на участие в жизни. Все умственные наслаждения закрыты. Вот мое положение, которое, впрочем, доктора, с «объективной точки зрения», находят удовлетворительным.

Тем не менее я остаюсь при убеждении, что «Ворон» не должен быть напечатан в «Р<усских> в <едомостях>» и может навлечь на них серьезную кару. Поэтому, вновь и настоятельно прошу Вас прислать мне эту сказку, как возможно скорее[2]. Вместо нее, к рожественскому № я пришлю Вам непременно что-нибудь подходящее и не совсем пошлое[3].

Что касается до сельскохоз<яйственных> рассказов[4], то я предлагал Вам их на замену «Молодых людей», которых думал передать Стасюлевичу. А так как Вы напечатали «Молодых людей», то я и отдал сельские рассказы в декабрьскую книжку «В<естника> Евр<опы>».

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Напишите, что Вы не сердитесь.

Печатается по подлиинику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 134.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн : *Русские ведомости*, с. 207 (первый абзац без начальной фразы); полностью· *Неизданные письма*, с. 272—273.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] «Ворон-челобитчик» был возвращен Салтыкову и позднее напечатан в сборнике «Памяти В. М Гаршина» (1889)

[3] «Рождественская сказка» Послана Соболевскому 3 декабря (см письмо 1325).

[4] «Мелочи жизни. VI. На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений» (*ВЕ*, 1886, № 12)

1324. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

29 ноября 1886. Петербург

29 ноября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Будьте так добры уведомить меня, в каком размере может быть рожественский фельетон. Вы писали, что вообще имеете обыкновение давать 25 декабря больше места беллетристике, но в самом ли газетном листе или в приложении, я не помню[1]. Если б у меня вышло 1000—1200 строк, пригодно ли это

будет? Я и сам не предполагал, что выйдет много, а между тем, написав больше половины, вижу, что едва ли не зарвусь дальше пределов.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, л. 136

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с 207 (без обращения и подписи); полностью *Неизданные письма,* с 273—274

[1] «Рождественская сказка» напечатана на первой странице газеты

1325. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

3 декабря 1886 Петербург

3 декабря

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Благодарю Вас за письмо, которое меня очень утешило[1]. При той всесторонней оброшенности, среди которой я живу, мне становится легче, когда я хоть изредка слышу ободряющий голос. Вот г. Михайловский уже около двух месяцев ни разу даже не заглянул ко мне — по этому можете судить и о прочем.

Посылаю Вам «Рожественскую сказку» (на 25 декабря). По-моему, она вполне цензурна, только понравится ли Вам — вот вопрос. Я, кажется, начинаю исписываться. Утешаюсь тем, что хотя я и угрожал Вам перспективою 1000 строк, но едва ли и 600 выйдет. Уведомьте о получении. В том письме, которого Вы не получили[2], я, между прочим, просил Вас о следующем. Так как я был в долгу у «Р<усских> в<едомостей>», то после каждого заработка посылал в контору расчет, сколько остается за мной денег. По напечатании «Лучинцева»[3] осталось за мной по *моему* расчету, 34 р. 20 к. Но от конторы я ни разу не получил уведомления, считает ли она мои расчеты правильными. Поэтому я просил Вас и теперь повторяю мою просьбу побудить контору уведомить меня,что кроме 34 р. 20 к за мной никакого долга не остается. Разумеется, ежели она не имеет ничего против моего расчета. Вы этим весьма обяжете, и я с большим удовольствием получу желаемое, ежели оно прислано будет поскорее.

Простите, что надоедаю Вам, и верьте моей искренней преданности

М Салтыков

Я справлялся по вопросу о подчинении беллетристики цензуре. Оказывается, что такого предположения не существует. Наша публика сама распускаемыми слухами наталкивает на подобные проекты.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, лл. 138—139.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн : *Русские ведомости*, с. 208 (первый абзац без заключительной фразы и начало второго); полностью *Неизданные письма*, с. 274—275

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Имеется в виду письмо от 25 ноября 1886 года (см. письмо 1323)

[3] Салтыков ошибся. Речь идет о «Люберцеве»

1326. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

9 декабря 1886. Петербург

9 декабря

Многоуважаемый Василий Михайлович.

3-го декабря я послал Вам страховым письмом (на квартиру) «Рожественскую сказку»[1]. По расчету, Вы должны были получить ее в четверг, и я в воскресенье ждал уведомления как о получении, так и о том, будет ли сказка напечатана. Но вот и вторичная почта пришла, а письма от Вас нет. Может быть, Вас нет в Москве, и потому не мудрено, что мой пакет совсем пропал. Во всяком случае, это одно из неудобств сношений с Москвою. Официально, для получения ответа на письмо требуется двое суток, а проходит неделя. Пожалуйста, уведомьте поскорее. Возможно, что Вы и эту сказку найдете для себя неудобною, хотя, по совести, я старался написать ее вполне цензурно. Но если уж мне не суждено видеть ее в «Рус<ских> вед<омостях>», то пришлите статью обратно поскорее, как ни прискорбно, что мое сотрудничество ограничивается посылкою и возвратом статей. Прошу Вас принять в соображение, что «Рожеств<енская> сказка» написана для праздника, и ежели я не успею напечатать ее где-нибудь 25 декабря или близко этого, то она должна пропасть. Ради бога, *или* решитесь *печатать, или пришлите скорее*. Здесь я *наверное* ее напечатаю, если не пропущу времени. В видах цензурных, я полагал бы слова няньки: «известно, что же в церкви и говорить?» совсем выпустить, а далее после слов: «о праведных делах слушать» — прибавить: «Ну а с людьми нельзя без того, чтобы и со всячинкой не прожить». Затем слово «только» выпустить и начать: «Ты, маленький» и т. д. Затем в словах священника за обедом и по окончании слов:

«оставаться глухим к ней» — прибавить фразу: «Ну, а в миру не без греха». Затем ответ Сережи: «В церкви? а жить?» изменить так: «Как же жить?» И дальше в ответе священника, к словам: «И жить по правде следует» — прибавить: «памятуя завет святой церкви» [2].

Жду Вашего ответа с нетерпением, и думаю, что в субботу получу или согласие Ваше, или статью.

Еще я Вас просил, чтобы контора «Р<усских> в<едомостей>» прислала мне удостоверение, что я должен «Р<усским> в<едомостям>» 34 р. 20 к. и более долга на мне нет. Это для меня крайне необходимо, и я вновь прошу Вас о том же.

Укажите мне на третье лицо, которое не выезжало бы из Москвы и которому я мог бы адресовать письма для передачи Вам.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Буде можно, уведомьте телеграммой, принимаете ли статью.

Сейчас получил Вашу телеграмму [3]. Так и есть, опять встретились препятствия и опять переписка. Не поможет ли это письмо и мои указания в нем. Ради Христа, если Вы боитесь, то просто пришлите рукопись назад. Вы положительно измучили меня.

Впрочем, буду ждать письма.

О господи!

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 140—141.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн: *Русские ведомости,* с. 208 (от слов: «В видах цензурных» до конца первого абзаца); полностью. *Неизданные письма,* с 275—277.

[1] См письмо 1325.

[2] «Рождественская сказка» опубликована в «Русских ведомостях» 25 декабря в первоначальной редакции, но учтена просьба Салтыкова (см. письмо 1330).

[3] Телеграмма неизвестна.

1327. В. П. ГАЕВСКОМУ

Первая половина декабря 1886. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович

Будь так добр уведомить меня, не нужно ли, вместе с представлением Кости к экзамену, подать Гартману и прошение о

принятии его, и не следует ли в прошении упомянуть, чтоб его считали принятым с 1-го января 1887 г. и чтоб мне не пришлось платить за 2-ю половину 1886 года, что будет для меня несколько отяготительно. Когда ты будешь взносить за своего Колю деньги за 1-ю половину 1887 года?

Искренно тебе преданный
М. Салтыков

Документы некоторые я уже отдал для списания нотариальной копии, но некоторые находятся еще у Гуревича, и я вытребую их лишь после того, как буду уверен, что Костя принят [1].

Печатается по подлиннику *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 63
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 278—279.
Датируется по упоминанию о предстоящих экзаменах Кости, которые он держал 17 и 18 декабря (см. письмо 1328).

---

[1] Документы Кости из гимназии Гуревича взяла 20 декабря 1886 года Е. А. Салтыкова (*ГИАЛО,* ф. 171, оп 2, № 2925).

1328. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

16 декабря 1886 Петербург

16 декабря

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Давненько я Вам не писал, но от Вас еще давнее не получал никаких известий [1]. Знаю, впрочем, через Лихачевых, что у Вас все благополучно. В оправдание мне служит то, что по вечерам мне писать запрещено, а весь ноябрь и начало декабря стоял у нас такой мрак, что света, да и то сомнительного, приходилось не более 3-х часов в сутки. Да и теперь ясных дней нет, хотя зима, по-видимому, установилась дней 10 тому назад. Небо облачное, хмурое. Исключите из этого короткого времени что́ нужно на прочтение газеты, на завтрак — сколько останется? Бывают хоть изредка посетители, доктора навещают, да и работать нужно, потому что без этого концов с концами не сведешь.

Положение мое очень плохое. Одышка неимоверная, желудок в крайнем беспорядке. С. П. Боткин почти целых три месяца ноги ко мне не поставил и, наконец, 14 дек<абря> посетил. Вообще я нахожусь в положении оброшенного. Всякое пренебрежение ко мне представляется делом легким, почти естественным. Можно помнить обо мне и забыть, можно, *при*

случае, навестить, можно и не навестить; можно написать ко мне, можно и не написать. Я лишний, ненужный, и даже всем надоевший человек. Мне кажется, что и литературная моя деятельность последнего времени есть не более как назойливость. Только из учтивости мне этого не говорят.

Боткин нашел, что я совсем поправился. Пульс хороший, сердце работает исправно, желудок действует лучше, дерганье есть, но меньше, вот одышка... но с одышкой как-нибудь справимся. Есть у докторов какой-то *объективный* взгляд на болезнь, точно так же, как у пациентов взгляд *субъективный* О раздражительности, безнадежности и проч. объективный взгляд не знает. Даже нервы, по-видимому, не входят в его область. Между тем существует факт вполне бесспорный: я ни выйти, ни выехать никуда не могу. Целые вечера бездействую, даже в обществе не могу долго быть. Этого тоже объективный взгляд знать не хочет.

До какой степени я оброшен и как естественно пренебреженье ко мне — служит доказательством такой факт. Е. О. Лихачева некоторое время совсем перестала к нам ездить, потому что в нашем доме произносятся ненавистные ей фамилии: Унковского, Пантелеева и проч.[2] Насилу я мог убедить Влад<имира> Ив<ановича>, что никак невозможно без резона разрывать старые связи, и что я и без того совсем изолирован Насилу мог убедить, и Е<лена> О<сиповна> переменила гнев на милость. Но что за сумбур происходит, так это даже удивительно. И я, больной, не могу выйти из него. Хотелось бы переехать в другой город, да дети держат. Хотелось бы запереться в деревню — своего угла нет.

Я отдаю Костю в лицей, т. е. предварительно на полгода в приготовительный класс, а в мае он будет держать экзамен в настоящий лицей. Завтра и послезавтра он будет экзаменоваться. Но будет горькая шутка, если он не выдержит[3].

Поздравляю Вас и многоуважаемую Софью Петровну с новым годом. Желаю Вам обоим всех благ.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 80.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т XX, с. 270—272

---

[1] Салтыков ие писал Белоголовому с 30 октября (см. письмо 1316) Получив 2 января н. ст. настоящее письмо Салтыкова, Белоголовый в тот же день сообщал Лаврову: «Сейчас иаконец-то получил письмо от Салты-

кова, ругается за мое молчание, но, видимо, сдерживается, жалуется на болезнь и на покинувших его друзей; нового же ничего не сообщает; из других источников знаю, что работает много» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп 4 № 36).

[2] Пантелеев с конца 1885 года прервал отношения с Лихачевым (см письмо 1518). Разыгравшаяся осенью 1885 года история о причастности городского головы Лихачева к хищениям и спекулятивно-биржевым махинациям «сделала невозможными какие-нибудь личные отношения между В И. Лихачевым и А. М. Унковским, ранее находившимися в добром знакомстве» (*Салтыков в воспоминаниях,* с 187)

[3] Сын Салтыкова Константин в 1886 году перешел из частной гимназии Я. Г. Гуревича в приготовительный класс Александровского лицея По свидетельству В. А. Оболенского, перевод Константина из гимназии совершился по инициативе Е. А Салтыковой, которой «казалось, что это заведение недостаточно «comme il faut» (*Салтыков в воспоминаниях* с. 639). Белоголовый свидетельствует о другом. В письме к Лаврову от 30 января 1887 года он сообщал, что Салтыков «горюет теперь над своим сыном, который чуть не откусил нос у своего товарища в гимназии, а потому переводит его для дальнейшего воспитания в Лицей, жаль, мальчик очень способный, но совсем невоспитанный» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп 4, № 36, л 9 об)

1329. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

16 декабря 1886 Петербург

16 декабря

Многоуважаемый Григорий Захарович

Простите, что давно не писал. Здесь более месяца царствует такой мрак, что человеку, которому запрещено писать при свечах, почти совсем нельзя и думать о писании. Каких-нибудь 3—4 часа сомнительного света на сутки, да и из тех нужно вычесть на газету, завтрак, посетителей и т. д. Надо и работать, потому что без этого концы с концами не сведешь У меня же, кстати, и глаза болят, и весь я совсем разложился

Последнее Ваше письмо я с трудом разобрал. Понял, однако, что Вам живется в Ялте недурно и что Вы, ввиду безоблачного неба и Черного моря, не забываете о Дворникове и продолжаете настаивать на теории хождения с ним под руку и постепенного приведения на путь истинный [1].

С теорией этой я и лично никак согласиться не могу, а тем менее мог усвоить ее Крамольников. Последний всего менее человек компромиссов и ежели создаст теорию, то для практики совсем иного рода. Для той практики, которой Вы некогда сами служили, которую теперь забыли и объяснять которую здесь не место. Можно признавать ее несвоевременною и небезопасною, но в литературе напоминать об ней не

только можно, но и должно. Но довольно об этом, так как учить Вас, во всяком случае, мне не приходится [2].

Новостей никаких сообщить Вам не имею, ибо живу одинокий, оброшенный. Боткин, после двух с половиной месяцев воздержания, только третьего дня вздумал навестить меня. Нашел, что все идет отлично. Но ежели это так, то отчего же я ни выйти, ни выехать не могу, и вообще не могу жить сколько-нибудь по-людски. А по вечерам чистейшая мука — даже общество людей тяготит, а без общества томление, тоска.

Впрочем, Ваша теория, по-видимому, преуспевает, и все идет в мире к лучшему. Арестов (кроме таких-то) нет, обысков (кроме таких-то) нет; женские курсы процветают, медицинские — тоже. Словом сказать, Дворниковы уже стоят на пути истинном, или, по малой мере, на распутии.

До свидания; поздравляю Вас с Новым годом. Желаю Вам встретить его при наилучших предзнаменованиях. Для себя же собственно ни о чем не прошу у судьбы, кроме смерти. Надоело.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 576, карт 2, № 26, л. 60
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941,* т. XX, с 272—273.

---

[1] Имеется в виду письмо без даты (1886, ноябрь — декабрь) с рассуждением о теории вождения за нос генерала Дворникова (*Письма Елисеева,* с 183—187).

[2] См. прим 2 к письму 1317

1330. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

17 декабря 1886 Петербург

17 декабря.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Само собой разумеется, что по первоначальной редакции печатать лучше, но я хотел бы вопрос Сережи «В церкви? а жить» исправить так: «А жить как?» Впрочем, и во всем остальном поступите по собственному усмотрению; кажется, нелишнее бы оставить также фразу: «а в мире не без греха», чтобы уж не очень выделялась церковь [1].

Удостоверение конторы, что за мной остается долга 34 р. 30 к. я получил, и очень за него благодарен. У меня есть к Вам и просьба. Когда наберут «Рожеств<енскую> сказку», нельзя ли рассчитать по набору, что мне за нее причитается гонорара, и потом, вычтя из общей суммы мой долг конторе,

выслать мне остальное чеком на контору Юнкера. Мне хотелось бы получить деньги около 26—27 декабря, так как весьма нуждаюсь. Но по почте не посылайте: много хлопот. Впрочем, ежели неудобно набирать статью заранее, то оставьте мою просьбу и деньги вышлите обыкновенным порядком по выходе статьи.

Я весьма болен и вот уж второй день не могу работать. Кажется, предстоит перерыв очень не кстати.

Поздравляю Вас с праздниками и желаю провести их весело.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, лл. 142—143

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн: *Русские ведомости*, с. 208—209 (первый и третий абзацы); полностью *Неизданные письма*, с. 277—278.

---

[1] Просьба Салтыкова при публикации сказки учтена См. также прим 2 к письму 1326.

1331. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

1 января 1887 Петербург

Визитная карточка

На конверте. В городе. Николаевская, дом Шульца Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 38, лл 52—53

Публикуется впервые

В конверте Пантелееву послана чистая визитная карточка Датируется по почтовому штемпелю

1332. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

5 января 1887 Петербург

Визитная карточка

На конверте: Николаевская, 62 Логгину Федоровичу Пантелееву

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 38, лл 54—55

Публикуется впервые.

В конверте Пантелееву послана чистая визитная карточка Датируется по почтовому штемпелю

1333. П. И. ВЕЙНБЕРГУ

10 января 1887 Петербург

Милостивый государь Петр Исаевич.

Вот уже два года, как я безнадежно болен, и ни Вы, ни кто другой из литераторов (за исключением некоторых сотрудников «О<течественных> з<аписок>») не заблагорассудите даже навестить меня. Очевидно, что я забыт и отметен. Поэтому мне несколько странным показалось Ваше предложение подписать поздравительную телеграмму лицу, которое в самой телеграмме не поименовано (неужели г Танеев счи-

гается беллетристом?), а в письме Вашем я фамилии не разобрал. Затем желаю Вам веселиться на чествовании и остаюсь с совершенным почтением и преданностью

Готовый к услугам

М. Салтыков.

10 января

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 72

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13, № 14, с. 337.

Датируется предположительно на основании слов Салтыкова: «уж два года, как безнадежно болен». Ухудшение состояния здоровья Салтыкова началось осенью 1885 года.

---

[1] Письмо Вейнберга не сохранилось. Неизвестно, какому лицу Вейнберг просил подписать поздравительную телеграмму. Если Салтыков правильно прочел фамилию «Танеев», то она, видимо, относилась к адвокату и журналисту П И. Танееву, брату композитора Сергея Ивановича и социолога Владимира Ивановича.

1334. К. М. САЛТЫКОВУ

15 января 1887. Петербург

Милый Костя.

Очень рад был услышать от мамы, что ты здоров и получаешь хорошие отметки. Учись, голубчик , но не слишком натуживайся. Ты мальчик слабый, как раз болезнь себе наживешь. А прежде всего надо быть здоровым, потому что тогда и за уроками будешь сидеть правильно.

Сегодня мне минуло 61 год.

У нас все благополучно. Лиза ушла в гимназию. Вероятно, ты условился с мамой насчет субботы, но, во всяком случае, ежели экзамена не будет, то приезжай на извозчике. Если встретится препятствие к отпуску в 4 часа, то дай знать завтра с Гаевским, в котором часу ждать.

Любящий тебя

М. Салтыков

15 января

На конверте: В городе. Каменноостровский проспект. Монетная улица В приготовительный класс Императорского Александровского Лицея Воспитаннику 2 го отделения Константину Салтыкову

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 50.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 327—328 (с ошибочной **датировкой**: 15 января 1889 года).

1335. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

25 января 1887. Петербург

25 января.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Опять несколько замедлил с письмом к Вам, но, поистине говорю, моя болезнь положительно превращается в пытку. Целый день задыхаюсь. Ноги еле ходят и начинают дрожать, руки тоже слабеют и предчувствую дрожание. Ежеминутно спрашиваю себя: когда же это кончится?

Погода здесь адская; весь январь каждый день перемена: сегодня сухо, завтра дождь. Снегу давным-давно нет, только сегодня сколько-то выпало, но долго ли продержится — неизвестно. Работаю достаточно, но чувствую, что работе моей конец. Желалось бы хоть «Мелочи жизни» кончить, но с каждым номером работа выходит серее и серее. Совсем исписался.

Что я не могу дальше жить,— это для меня ясно, и лично я ничего, кроме смерти, не желаю. Но будущее моей семьи сильно беспокоит меня. Скудное состояние, без малейшей склонности к самостоятельности, без способности к домостроительности,— вот будущее, которое угрожает детям и которое уже при мне осуществляется, несмотря на мою упорную борьбу. Эта борьба, собственно говоря, и подтачивает мне жизнь. Родных нет, друзей нет,— полная оброшенность. Вот картина моего существования в настоящем. Только Лихачевы раз в неделю аккуратно навещают в середу, точно отдают долг природе. Литература совсем игнорирует меня, и никто из литераторов, даже бывшие сотрудники «Отеч<ественных> зап<исок>», меня не навещает. Словом сказать, складываются итоги прошлого и, сказать по правде, не блестящие.

К большому сожалению, Н. И. Соколов заболел серьезно, и меня посещает Васильев, по моему мнению, врач не особенно искусный. Так что положение мое день ото дня становится хуже и хуже. Даже я, никогда не хвалившийся здоровьем, не мог ожидать ничего подобного.

Елисеев все еще в Ялте и пишет оттуда, что с января такие наступили морозы, что он с утра до вечера топит печку [1]. А жена его здесь и сегодня празднует его именины.

Константин мой и в лицее начинает учиться небрежно — это составляет для меня источник горестей. Ему уж 15 лет, а он еще в приготовительном классе, и до конца курса ему ос-

тается $7^1/_2$ лет в интернате. Боюсь, что он и в лицей в свое время не попадет, и тогда его совсем исключат за большим возрастом. Не правда ли, лучше умереть, нежели быть свидетелем всего этого[2].

Прощайте, будьте здоровы; передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне и не забывайте

искренно Вас любящего

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 81.

Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т XX, с 275—276 (с неправильной датой 14 января 1887 года).

---

[1] Письмо не сохранилось

[2] Получив письмо Салтыкова, Белоголовый 13 февраля писал Лаврову: «На днях имел письмо от Салтыкова, полное жалоб на здоровье и свои семейные условия и особенно на сына, но на этот раз жалобы имеют не бурный, а сиротливый и жалобный тон, так что мне стало снова жаль бедного старика, да и почерк последнего письма заметно хуже предыдущих, того и жди, опять задурит мозг и он не в состоянии будет работать, а это для него самое ужасное» (*ЦГАОР,* ф 1762, оп 4, № 36, л. 15 об)

1336. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 января 1887. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем, для мартовской книжки, 9-ю главу «Мелочей жизни». Будьте так добры уведомить меня о получении, а насчет «Газетчика» поступить как было условлено[1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л 107.

Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с 30

Датируется по помете Стасюлевича. «26 I 87»

---

[1] Получив рукопись, Стасюлевич 27 января 1887 года писал Соболевскому: «Сейчас получил от него новый этюд «В среде публичности» (все те же «Мелочи жизни»). Там есть отдел «Газетчик» — воображаю, чем разразился наш М. Е.» *(Стасюлевич,* т V, с. 439). Девятая глава «Мелочей жизни» «В среде публичности» напечатана в мартовском номере «Вестника Европы» без отдела «Газетчик», замененного отточием.

1337. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

26 января 1887. Петербург

Многоуважаемый Николай Константинович.

Простите меня, но, обдумавши дело, я решил, что могу дать свою подпись лишь в том случае, если в протесте будут участвовать редакции «Р<усского> вестн<ика>», «Русск<их> ведомостей» и «Сев<ерного> вестн<ика>». Но ни в голове, ни в хвосте «Новостей» быть не желаю. Поэтому не лучше ли будет прямо меня вычеркнуть и дать мне умереть спокойно. Литература достаточно меня забыла, чтобы я вмешивался в дрязги ее.

Весь ваш

М. Салтыков

26 января

Печатается по подлинику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, л 63

Впервые опубликовано: *Письма,* с. 299—300.

Год устанавливается по бумаге. Письмо написано на плотной *желтоватой бумаге, на какой Салтыков писал только в конце* 1886 — *начале* 1887 года (см автографы писем 1318, 1319, 1323, 1324, 1337, 1340)

1338. М. И. СЕМЕВСКОМУ

1 февраля 1887. Петербург

1 февраля 1887 г

Многоуважаемый Михаил Иванович.

Глубоко благодарю Вас за прекрасный портрет мой, приложенный к февральской книжке «Р<усской> старины»[1], а равно и за сочувственный обо мне отзыв, помещенный там же[2]. Я вовсе не так высоко ценю себя, как Вы, и отношу это лестное мнение обо мне исключительно Вашей благосклонности.

Что касается до начала моей литературной деятельности, то я сам не могу его с точностью определить. Во всяком случае, более 40 лет, потому что я писал стихи еще в лицее (вышел в 1844 году) и печатал их в «Современнике» Плетнева и даже в «Библиотеке для чтения» Сенковского[3].

Прошу Вас передать мой искренний привет глубокоуважаемой Елизавете Михайловне

Душевно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 274, оп 1, № 397, л 180

Впервые опубликовано· «Русская старина», 1889, № 6, с 739

[1] Портрет Салтыкова, представляющий собою гравюру на меди работы Ф. А. Меркина, печатался в «Русской старине» дважды. 1887, № 2, и 1889, № 6. Последняя публикация сопровождалась следующим примечанием. «Этот самый портрет, как вполне одобренный Михаилом Евграфовичем, приложен при настоящей книге во втором тиснении, между прочим и потому, что «Русская старина» 1887-го года давно разошлась по подписке вся, до последнего экземпляра» (с. 739).

[2] Речь идет об очерке М Семевского «Михаил Евграфович Салтыков (Щедрин)», опубликованном в «Русской старине» (1887, № 2, с 529—531)

[3] Первое стихотворение Салтыкова «Лира» напечатано в «Библиотеке для чтения» (1841, март, с. 105—106) В «Современнике» в 1844—1845 годах помещено восемь стихотворений Салтыкова

1339. М. И. СЕМЕВСКОМУ

4 февраля 1887. Петербург

4 февраля

Многоуважаемый Михаил Иванович.

Прошу Вас передать Константину Карловичу Гроту, что я в высшей степени польщен приглашением на коммеморативный обед 19 февраля, хотя имею очень мало фактических прав на это, кроме разве права сочувствователя и губернского деятеля во время действия в губерниях комитетов об улучшении быта крестьян. Я и коммеморативной медали не имею, хотя губернские деятели имели не мало-таки хлопот с крепостническими поползновениями комитетов [1].

Что касается до статьи Фирсова, то очень Вам благодарен, что Вы приняли на себя труд ответить ему. Фирсов — один из многих, оставшихся без приюта с закрытием «Отеч<ественных> зап<исок>». Но он не понимает, что требуется, и я совершенно согласен, что воспоминание о Мих<айловском> арт<иллерийском> училище в больших дозах было бы вещью не весьма удобною.

Не переслать ли эту статью С. Н. Шубинскому? Я его журнала совсем не знаю, но сам он мне несколько знаком, хотя тоже очень мало. Если Вы находите такую пересылку удобною, то пришлите статью ко мне; я отошлю. Отослать прямо от Вас едва ли удобно, потому что это значило бы прямо сказать, что статья признана негодною [2].

Прошу Вас передать мой искренний привет уважаемой Елизавете Михайловне.

Душевно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 54.
Впервые опубликовано. *Письма*, с. 309—310

[1] См. прим. 1 к письму 1135.
[2] См. прим. 1 к письму 1341.

1340. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

24 февраля 1887. Петербург

24 февраля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем заключительную главу «Мелочей» [1]. Очень возможно, что она покажется Вам нескладною, но прошу Вашего снисхождения. Во-первых, необходимо покончить с «Мелочами», во-вторых, вероятно, это последнее, что я пишу. Голова моя пропадает, болезнь идет crescendo, хотя, к сожалению, я не могу сказать, что вот-вот умру. Мученическая моя жизнь — вот и все.

Впрочем, ежели глава покажется совсем уже не складною, то переговорите со мною.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Будьте добры прислать визитную карточку в знак получения пакета.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 109.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с 30

[1] Салтыков имеет в виду предназначенную для апрельского номера «Вестника Европы» главу «Мелочи жизни. Заключение X Имярек». Однако и после ее публикации главы цикла продолжали печататься и в «Вестнике Европы» («Счастливец») и в «Русских ведомостях» («Читатель»).

1341. С. Н. ШУБИНСКОМУ

26 февраля 1887 Петербург

26 февраля.

Многоуважаемый Сергей Николаевич.

Бывший сотрудник «Отеч<ественных> записок» Николай Николаевич Фирсов (псевдоним Рускин) прислал мне статью о Михайловском артилл<ерийском> училище с просьбою пристроить ее. Находя, что она по содержанию своему представляет исторический матерьял, я решаюсь препроводить

статью к Вам, с тем, не признаете ли Вы удобным напечатать ее в редактируемом Вами журнале [1]. Фирсов живет в Неаполе. Во всяком случае, я просил бы Вас уведомить меня о решении. Гонорар платился Фирсову 75 р. с листа «Отеч<ественных> записок».

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Литейная, 62.

Печатается по подлиннику. *ГПБ,* ф. 874, оп 1, № 32, л. 103.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 278.

---

[1] Статья Н. Н. Фирсова «Воспоминания об императоре Николае Павловиче» (в них много о Михайловском артиллерийском училище) напечатана *ИВ,* 1887, № 9, с. 565—581. См. письмо 1339

1342. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

4 марта 1887. Петербург

4 марта

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Не писал я к Вам долго, потому что голова у меня не думает, рука не пишет [1]. А в последние дни я, кажется, совсем собрался умирать. Терплю крестную пытку, по четыре часа кряду, задыхаюсь, ходить совсем не могу. Зову смерть, как избавление, ибо ниоткуда помощи не вижу. Слышал я от Екатерины Павловны [2], что Вы не прочь бы прожить летом на даче вблизи меня, а что касается до меня лично, то я был бы вполне счастлив, если б это состоялось. Только что-то не налаживается дело, дача не отыскивается. Я остаюсь летом один с прислугой, потому что жена с детьми уезжает в Нижегородскую губернию. Хочется им отдохнуть от меня, да и в самом деле я всем в тягость. Мне бы хотелось нанять дачу в Царском, где климат посуше, да и доктор Соколов, кажется, будет жить [3]. Но, повторяю, дело не идет на лад, так как им занимаются только на языке.

К несчастью, у нас вдруг вся прислуга разладилась. Настасья, которая за мной ходит, едва жива и ждет только весны, чтоб уехать в деревню, а Татьяна уже в конце беременности. Кухарка тоже вдруг запила. Каково мне, больному человеку, привыкать к новой прислуге, которую, кстати, мы и сыскать не умеем.

Простите, но здесь я должен кончить письмо. Рука устала и насилу водит по бумаге.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 27, л. 61.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 279.

[1] Салтыков не писал Елисееву с 16 декабря 1886 года
[2] Е. П. Елисеева.
[3] Салтыков провел лето 1887 года на даче на станции Серебрянка Варшавской железной дороги

1343. В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСРЕДНИК»

12 марта 1887. Петербург

12 марта

Уже довольно давно Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков предлагали мне участвовать в изданиях «Посредника», но в то время у меня ничего подходящего не было[1]. Теперь же кое-что набралось, и я препровождаю при сем в склад пять сказок, которые и прошу издать, если это окажется удобным. Две из них: «Самоотв<ерженный> заяц» и «Бедный волк» я полагал бы издать вместе (в одной книжке), так как между ними есть связь; остальные — порознь. При этом я вполне подчиняюсь тем условиям, какие полагаются для прочих писателей, участвующих в изданиях «Посредника»[2].

Я попросил бы ответить на настоящее письмо, и притом по возможности скорее, потому что я тяжко болен[3].

М. Салтыков (Щедрин)

Литейная, 62

В случае напечатания прошу на обложке означить: соч. Н. Щедрин (М. Салтыков).

Впервые опубликовано в статье М Чистяковой «Л. Н. Толстой и Салтыков» — *ЛН*, т. 13—14, с. 517. Автограф неизвестен

[1] См. письмо 1239
[2] Кроме «Самоотверженного зайца» и «Бедного волка», Салтыков, как установила М. Чистякова, пользовавшаяся консультациями В. Г. Черткова, послал в издательство «Посредник» сказки «Пропала совесть» и «Рождественская сказка». Название пятой сказки не установлено. Из предложенных вещей внимание Толстого обратила лишь «Рождественская сказка» Чертков просил Салтыкова сократить или изменить «нехристианский» конец сказки, но последний отказался. Сказки Салтыкова в «Посреднике» не были напечатаны.
[3] Ответ издательства «Посредник» неизвестен.

1344. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 марта 1887. Петербург

13 марта

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Ради бога, по моему поводу, не отказывайте в печатании «Воспоминаний об Островском». Луженовский, по-видимому, действительно его знал[1]. Вообще, меня это дело больше не занимает, и интересует более Сытин, который и на будущее время, пожалуй, продолжит свою затею[2].

Я очень, очень, очень болен, и вряд ли возьмусь за перо. От всего сердца желаю умереть.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 144
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с 279.

---

[1] «Воспоминания об А. Н. Островском» Н. Н. Луженовского с отзывом Островского о Салтыкове опубликованы (под псевдонимом Л. Новский) — *Р. вед.* (1887, № 111, 25 апреля, с. 3; № 134, 18 мая, с. 3; № 138, 22 мая, с. 3). В 1887 году Н. Н Луженовский и М. А. Островский, сын драматурга, переделали для народного чтения сказку Салтыкова «Пропала совесть» и издали ее без обозначения источника и с купюрами, сделанными в цензуре (см. *ЛН*, т. 13—14, с. 414). В письме к Салтыкову от 7 марта 1887 года Н. Н. Луженовский сообщал, что вскоре «Русские ведомости» должны напечатать его воспоминания об Островском и в них будут отзывы о Салтыкове Островского, который считал его «пророком, vater'ом римским, страшной поэтической силой, приравнивал почему-то к библейским пророкам» (*ЛН*, т. 13—14, с. 417).

[2] Вероятно, имеется в виду план Сытина издать сказки Салтыкова для народного чтения

1345. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

20 марта 1887. Петербург

20 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем рукопись с приложенным к ней письмом автора, из которого Вы увидите, в чем дело. Просмотреть ее я не в состоянии, ибо до крайности болен, о чем и известил автора[1].

Сказку «Ворон-челобитчик» просил бы до времени не набирать, ибо она слишком мала, а дружка к ней я покуда напи-

сать не могу. Может быть, сделается полегче, и тогда видно будет. Во всяком случае, до половины апреля лучше подождать[2]. Желаю Вам искренно выздоровления.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 58, л 111. Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 30—31.

---

[1] Рукопись неустановленного автора. Письмо Салтыкова неизвестно.

[2] Сказку «Ворон-челобитчик» Салтыков первоначально предполагал напечатать в «Русских ведомостях» (см. письма 1321, 1322). Не напечатал сказку и Стасюлевич Она была опубликована в 1889 году в сборнике «Памяти В. М Гаршина». СПб., 1889.

1346. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 марта 1887 Петербург

23 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я уже писал Вам, что нахожу неудобным печатать в майской книжке одного «Ворона»[1]. Слишком мало. Но так как я не скоро, вероятно, буду в состоянии писать, то мне пришла в голову следующая комбинация. Есть у меня сказка «Вобла», которую, лет пять тому назад, цензура вырезала из «Отеч<ественных> зап<исок>». И тогда она была невинна, а теперь, с переменою обстоятельств, сделалась и вовсе безопасною. Притом же я дал ей другое название и во многом изменил. Посылаю Вам ее. Будьте так добры, прикажите набрать ее вместе с «Вороном» для майской книжки. Обе вместе не составят и листа. Быть может, и сойдет с рук. А мне, между прочим, это необходимо, потому что я сильно нуждаюсь, а работать не могу. Я желал бы видеть корректуру, потому что оригинал сильно исправлен, а конец даже по писанному[2].

Уведомьте меня о Вашем решении. Ежели будете печатать, то заглавие общее так: *Две сказки,* а затем I. Ворон, II. Маленькая рыбка и т. д.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков

Посылаю еще третью сказку (писанную и совсем крохотную) «Богатырь»; но думаю, что Вы не решитесь печатать ее[3].

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, лл 113—114 Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 31

---

[1] См письмо 1345

[2] Сказка «Вяленая вобла» по требованию цензуры была вырезана из февральского иомера «Отеч записок» за 1884 год. Новой редакции сказки Салтыков дал заглавие «Мала рыбка, а лучше большого таракана». В «Вестнике Европы» сказка не была напечатана. См. т. 16, кн. 1, с. 457—458

[3] Сказка «Богатырь» при жизни Салтыкова не была опубликоваиа

1347. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 марта 1887. Петербург

23 марта.

Будьте так добры, многоуважаемый Михаил Матвеевич, уведомить меня, получен ли Вами мой пакет, который я послал сегодня утром, я не получил расписки в приеме [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 59, л 115
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с. 32

---

[1] Утром 23 марта Стасюлевичу послана новая редакция «Вяленой воблы» и сказка «Богатырь» (см письмо 1346)

1348. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

26 марта 1887. Петербург

26 марта

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я думаю, не поздоровилось Вам на этой неделе от петербургских новостей. Во-первых, Крамской умер [1], во-вторых, паспортные намерения Вышнеградского. С Крамским Вы, кажется, были близки, и его очень жаль, хотя лично я его почти не знал. Он двукратно снимал с меня портреты по заказам [2], но вообще даже во время моей болезни ни разу меня не посетил. Во всяком случае, это был человек с талантом, имел вкус и чувство меры, а этим обладают немногие из наших живописцев, вообще людей невежественных и страдающих самомнением. Умер он прекрасно, то есть внезапно, как умер другой талантливый человек,— Бородин [3]. Я всякий раз завидую, но из меня, по-видимому, болезнь возьмет все, что может взять, и доконает только тогда, когда вконец измучит.

Что касается до паспортов, то когда я прочитал эту штуку в газетах, моя первая мысль была об Вас. Что Вы будете делать? не придется ли расстаться с детьми?

Вообще я нахожу, что наступило время, когда зло действует самочинно и беспредметно. Зло для зла. Сколько людей мечтали отдохнуть и успокоиться от трудовой или болезненной жизни,— и вдруг в один момент их опутывает со всех сторон какая-то нелепая напасть, которая вконец портит все существование, спутывает все расчеты, расстраивает привязанности и т. д. Какая горькая бессмыслица!

Поговаривают о многих других мероприятиях, столь же плодотворных и не менее ядовитых. В провинции, например, совсем жить будет нельзя. Как хотите, а все-таки хорошо старикам: конец ближе. А вот каково будет молодому поколению переживать эту сумятицу, которая каждогодно меняется и даже примениться к себе не дает времени.

О своем здоровьи я ничего Вам не пишу[4]. Нового нет, да и надоело Вам слушать. Поздравляю Вас с наступающим праздником, и шлю сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 82.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ,* 1914, № 4, с. 169 (с ошибочной датой 26 марта 1888 года)

---

[1] И. Н. Крамской умер 25 марта/6 апреля 1887 года.

[2] Крамской писал портреты Салтыкова в 1877 и 1879 годах.

[3] А. П. Бородин умер 15/27 февраля 1887 года.

[4] 24 марта 1887 года А. М. Унковский сообщал Г. А. Джаншиеву: «Салтыков — в прежнем положении: ему то лучше, то хуже. Впрочем, зимой ни разу не выходит из дому: постоянно сидит, окруженный лекарствами. Такая жизнь — совершенное мученье. Я еще ни разу не видел больного, который, подобно ему, не мирится ни на один день с своим положением » (*Изд 1933—1941,* т. XX, с. 453).

1349. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 марта 1887. Петербург

26 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Хотя Вы несколько иронически отнеслись к моей мысли печатать «Ворона», но, мне кажется, ее можно будет осуществить, ежели сделать некоторые изменения (напр., орла понизить чином, вместо «совета» допустить губернское правление). Ежели бы Вы благоволили приказать набрать обе сказки, то

я в течение страстной и светлой недели мог бы исподволь заняться этим. Будьте так добры, не откажите в моей просьбе[1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 117.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 32.

[1] «Ворон-челобитчик» и «Мала рыбка, а лучше большого таракана» в «Вестнике Европы» не были напечатаны. При публикации в сборнике «Памяти В. М. Гаршина» сказка «Ворон-челобитчик» была переработана. Салтыков действительно понизил орла в чине, заменил совет губернским правлением.

1350. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 марта 1887. Петербург

26 марта.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Сейчас получил Ваше письмо[1]. Действительно лучше оставить сказки. Поэтому будьте так добры пришлите мне все три[2]. Я так болен, что и поправлять не в состоянии. Очень рад, что Вы здоровы, о чем узнал сегодня от Гаевского.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 119.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 31. С ошибочной датой: 21 марта.

[1] Письмо неизвестно.
[2] Салтыков просит возвратить посланные Стасюлевичу сказки «Ворон-челобитчик», «Мала рыбка, а лучше большого таракана», «Богатырь».

1351. В. Г. ЧЕРТКОВУ

26 марта 1887. Петербург

26 марта. Литейная, 62

Многоуважаемый Владимир Григорьевич.

Будьте так добры уведомить меня, приняли ли Вы какое-нибудь решение относительно моих сказок[1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по машинописной копии: *ЦГАЛИ*, ф. 552, оп. 2, № 770, л. 3. Местонахождение автографа неизвестно.

[1] Салтыков справляется относительно пяти сказок, посланных 12 марта (см. письмо 1343). Сказки в издательстве «Посредник» опубликованы не были

1352. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 марта 1887. Петербург

27 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Рукописи я получил и благодарю Вас[1]. Извините, что беспокоил Вас относительно набора их; я не знал ничего о затруднениях, которые изложены в письме Вашем[2].

И все-таки жаль потраченного труда.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, л 121
Впервые опубликовано· *Стасюлевич*, т V, с. 32

[1] См. письмо 1350
[2] Письмо неизвестно.

1353. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

30 марта 1887. Петербург

Я желал бы, чтоб после смерти моей сочинения мои были проданы в частную собственность не менее, как за 50 т. р. и деньги обращены в пользу моего семейства.

Желательно было бы, чтоб лицо, приобревшее право собственности, вступило в обладание им не *раньше* 1-го *января* 1889 года и начало с издания Полного собрания сочинений Впрочем, это последнее условие не обязательное и составляет только *желание*.

План издания следующий:

1-й том. Губернские очерки.
2 — » Невинные рассказы. Сатиры в прозе.
3 — » Признаки времени. Письма из провинции. Итоги.

NB «Итоги» не появлялись в отдельном издании, их можно перепечатать из «Отеч<ественных> записок» 1869 года или 1870, где они появлялись в числе 4-х или 5 статей.

4-й том. История одного города. Помпадуры.
5 — » Дневник провинциала. Ташкентцы.

6 — » В среде умеренности. Сборник. Nß Из «Сборника» исключить три сказки и присовокупить статью «Культурные люди» (см. «Отеч<ественные> зап<иски>» январь 1876 года).

7-й том. Благонамеренные речи.

8 — » Головлевы. Круглый год.

9 — » За рубежом. Письма к тетеньке.

10 — » Монрепо. Современная идиллия.

11 — » Пошехонские рассказы. Недоконченные беседы.

12 — » Сказки. Nß Кроме помещенных в особом сборнике 23-х, перенести сюда из «Сборника» 3 сказки, да еще «Рожеств<енскую> сказку». Сверх того, есть несколько (4) непропущенных, которые тоже, буде возможно, напечатать тут же (Орел-меценат, Топтыгины, Вобла, Ворон-челобитчик) [1]. Пестрые письма.

13-й том Мелочи жизни и все, что после них до смерти моей появится.

Хотя кроме этих сочинений и имеется еще достаточно рассеянных в разных изданиях, но они отчуждению не подлежат, и я *положительно воспрещаю* их когда-либо перепечатывать.

Записку эту я прошу Логгина Федоровича Пантелеева предъявить по смерти моей опеке над семьей моей. Его же прошу содействовать выполнению ее.

М. Салтыков.

30 марта 1887 г.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 58—59.

Впервые опубликовано в статье Л. Пантелеева «Посмертная воля М. Е. Салтыкова».— «Речь», 1910, № 23, 24 января, с. 3.

Письмо вложено в конверт с грифом Логгин Федорович Пантелеев. Бассейная, 42, кв 7 На конверте надпись Пантелеева: «Распоряженне М Е. насчет издания его сочиионий после смерти».

[1] В число непропущеиных сказок Салтыков не включил «Богатыря»

1354. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

30 марта 1887. Петербург

30 марта.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Позвольте обратиться к Вам вновь с просьбой. Прочтите еще раз «Ворона-челобитчика»; я его урезал донельзя. Если возможно, то напечатайте, и ежели понадобится, то урежьте сами что нужно. Мне не до жиру. Но ежели окончательно не найдете возможным печатать, то будьте добры прислать об-

ратно. Переписываться обширно я не желал бы, ибо во всем моем организме нет живого места. Если напечатаете, то нельзя ли возвратить мне оригинал. Уведомьте о получении, а потом и о решении Вашем. Повторяю: предоставляю Вам урезывать, не спрашивая меня [1].

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л 146
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 279—280.

[1] В «Русских ведомостях» сказка не появилась.

1355. В. Г. ЧЕРТКОВУ

30 марта 1887 Петербург

30 марта

Многоуважаемый Владимир Григорьевич.

Простите, что еще раз беспокою Вас. Так как Вам доставленные мною сказки не нужны, а между тем в них имеются сделанные мною поправки, которые для меня не лишние, то не будете ли Вы так добры возвратить их мне [1].

Искренно уважающий Вас
М. Салтыков.

Печатается по машинописной копии: *ЦГАЛИ*, ф 552, оп 2, № 770, л. 4
Местонахождение автографа неизвестно.

Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 285—286.

[1] Речь идет о пяти сказках, посланных в «Посредник» 12 марта (см письмо 1343). Запросив 26 марта Черткова о судьбе сказок (см. письмо 1351), Салтыков к 30 марта, видимо, получил ответ с отказом от их публикации, в связи с чем он и обратился с просьбой о возвращении посланных оригиналов

1356. В РЕДАКЦИЮ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

1 апреля 1887. Петербург

В апрельской книжке «Р<усской> старины» настоящего года напечатана заметка о начале моей литературной деятельности [1]. Совершенно справедливо сказано, что я начал писать гораздо ранее 1847 года; писал стихи и мелкие рецензии, но с какого именно времени — этого я и сам определить не могу, но вероятнее всего около 1841 года [2].

Что касается до повести «Забытое дело», то такой я никогда не писал, а написал повесть «Запутанное дело», которая была помещена в мартовской книжке «Отеч<ественных> записок» 1848 года, и затем перепечатана мной в сборнике «Невинные рассказы».

Если возможно, прошу напечатать эту поправку в след<ующем> № журнала.

М. Салтыков.

1 апреля 1887 г

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 54.

Впервые опубликовано: *Р. ст.*, 1887, № 5, с. 562 (без последней фразы); полностью *Письма*, с. 312.

---

[1] Автор заметки «Михаил Евграфович Салтыков» М. Семевский (*Р. ст*, 1887, № 4, с. 244).

[2] Первое стихотворение Салтыкова «Лира» напечатано в «Библиотеке для чтения» в марте 1841 года

1857. П. К. КЮГЕЛЬГЕНУ

4 апреля 1887 Петербург

Переведенную г. Генертом на немецкий язык сказку «Христова ночь» печатать разрешаю. 4 апреля 1887 г.

М. Салтыков.

Впервые опубликоваио *Изд 1933—1941*, т. XX, с 286 Местонахождение автографа неизвестно

1358. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

6 апреля 1887. Петербург

Будьте добры написать Саблину, что ежели решатся печатать, то нельзя ли в будущее воскресенье [1]. И деньги, по расчету, чтобы тогда же через Юнкера прислали до 10 оттисков.

На конверте. Здесь. Николаевская 62 (Шульце). Его Высокоблагородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 61—62. Написано на визитной карточке «Михаил Евграфович Салтыков».

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 312.

---

[1] М. А. Саблин был членом товарищества по изданию «Русских ведомостей», а поэтому, вероятно, речь идет о публикации сказки «Ворон-челобитчик» См письмо 1354.

1359. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

11 апреля 1887. Петербург

11 апреля

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Ваше предположение поселиться летом на даче вблизи меня принесло мне порядочный вред. Благодаря ему меня увозят за 5 часов езды, на ст<анцию> Серебрянку, где нет ни доктора, ни аптеки и где я буду вполне в руках капризной и злой женщины. Если б Вы были близко, то все-таки я мог бы найти защиту, а теперь я совершенно буду оброшен. Все меня оставили; доктора относятся ко мне почти с ненавистью. А я сижу прикованный к креслу и никакой помощи оказать себе не могу. Ужасное мое положение, неслыханное. Зову смерть всеминутно, а она не идет.

Если б хоть Вы были здесь, мне было бы лучше. Вы могли бы серьезно объяснить жене моей, что бессовестно мучить больного человека. А прочие знакомые только шутят.

В последнее время здоровье мое значительно ухудшилось. Ничем уж два месяца не занимаюсь и ни о чем думать не могу. Весь дрожу, ходить почти не могу. Думаю, что на дачу не соберусь. Но всего ужаснее оброшенность.

Прощайте, рука устала.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 27, л 62.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т XX, с. 287.

1360. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

12 апреля 1887. Петербург

12 апреля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Вот уже почти месяц, как я не видал Вас. Случайность ли это или недоразумение — это меня, недужного человека, в высшей степени беспокоит. Будьте так добры, объясните, ежели это не составляет для Вас неудобства.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л. 123
Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т. V, с. 32.
Год устанавливается по связи с письмами 1361, 1363.

1361. В. П. ГАЕВСКОМУ

13 апреля 1887. Петербург

Любезный Виктор Павлович.

Не забудь, пожалуйста, спросить Стасюлевича, почему он перестал видеться со мной. Меня это просто измучило. Я вчера писал ему письмо, и он даже не ответил.

Искренно преданный
М. Салтыков.

13 апреля.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 171, № 248, л. 64. Написано карандашом.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 280

Год устанавливается по связи с письмами к Стасюлевичу, касающимися «охлаждения» в отношениях его к Салтыкову в связи с отказом от публикации сказок в «Вестнике Европы» (см. письмо 1368).

1362. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 апреля 1887. Петербург

13 апреля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Последние времена пришли — по крайней мере, для меня. Меня уж совсем печатать отказываются: до того одолел трус сердцами [1].

Только Полонскому хорошо [2].

Прощайте.

Ваш
М. Салтыков.

Плещеев вкупе с Вышнеградским, Катковым и Тертием Филипповым — это ли не умилительно.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 148
Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с. 280—281.

[1] Салтыков имеет в виду отказ Стасюлевича печатать сказки «Ворон-челобитчик», «Мала рыбка, а лучше большого таракана», «Богатырь».

[2] На праздновании 50-летия литературной деятельности Я. П. Полонского Плещеев читал адрес от литераторов, почитателей и друзей Полонского. На юбилее присутствовали И. А. Вышнеградский, Тертий Филиппов, С. С. Поляков и другие. Катков прислал приветственную телеграмму, Полонскому была назначена удвоенная пенсия (*НВ*, 1887, 11 и 12 апреля).

1363. В. П. ГАЕВСКОМУ

14 апреля 1887. Петербург

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Ты весьма обязал бы меня, если б зашел ко мне на короткое время. Я очень огорчен и нуждаюсь в совете.

Весь твой

М. Салтыков.

14 апреля

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 65.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 281.
Год устанавливается по связи с письмами 1361, 1366.

---

[1] Салтыков приглашал Гаевского для обсуждения недоразумений, возникших между ним и Стасюлевичем (см. письмо 1361).

1364. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

16 апреля 1887. Петербург

16 апреля.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Будьте так добры узнать от Н. И. Пантелеева, не счел ли Комитет, что я *всю* книжку представил в цензуру, и не запретил ли вообще *всю* книжку. А также можно ли считать «Рожеств<енскую> сказку» не запрещенною к включению во второе издание «Сказок» [1].

Вот какой случай случился!

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 38, л. 63
Впервые опубликовано· *Письма*, с. 313

---

[1] 15 апреля 1887 года С-Петербургский цензурный комитет запретил издание отдельными брошюрами семи сказок Салтыкова («Премудрый

пискарь», «Самоотверженный заяц», «Бедный волк», «Карась-идеалист», «Соседи», «Христова ночь», «Рождественская сказка»). Это запрещение и вызвало тревогу Салтыкова, который в это время готовил второе издание книги «23 сказки» с дополнительным включением в нее «Рождественской сказки».

1365. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

17 апреля 1887. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Ежели Вы знаете, что «Сказки» совсем все покончены, ради бога не скрывайте от меня [1]. Все лучше знать верное, чем томиться неизвестностью.

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Здесь. Угол Ивановской и Николаевской, дом № 62 (Шульца). Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 38, лл 65, 67.

Впервые опубликовано: *Письма*, с. 313.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] См прим 1 к письму 1364.

1366. В. П ГАЕВСКОМУ

19 апреля 1887. Петербург

19 апреля

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Можешь себе представить: Стасюлевич так и не был у меня.

Весь твой

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 66

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 281.

Год устанавливается по связи с письмами 1361, 1363

1367. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Между 13 и 20 апреля 1887. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я никогда не говорил, что Вы не печатаете моих сказок, потому что собрали подписку. Очень жалею, что Вы поверили

пустому наговору, и еще более жалею, что даже мысль о безвыходности моего положения не была принята Вами в соображение. Во всяком случае, прошу Вас верить, что я глубоко огорчен.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, л 125

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с 33

Написано после 13 апреля (см письмо 1360), но до отправки письма Стасюлевичу от 20 апреля (см. письмо 1368).

1368. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

20 апреля 1887. Петербург

20 апреля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Н. И. Соколов может засвидетельствовать, какое действие произвело Ваше охлаждение ко мне на мой расшатанный организм. Я буквально чувствую себя хуже и хуже, именно благодаря этому. Поэтому убедительно Вас прошу навестить меня, и если возможно, то не позднее как завтра утром. Я думаю и надеюсь, что нелепая сплетня рассеется сама собой, не оставив следа. Два года я сотрудничал в «В<естнике> Е<вропы>» — ужели это ничего не значит, в смысле моей симпатии к Вам и к Вашему делу.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 127.

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 33

Год устанавливается по упоминанию о двухлетнем сотрудничестве в «Вестнике Европы» и по помете Стасюлевича «87»

1369. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 апреля 1887. Петербург

22 апреля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Искренно благодарен Вам за письмо [1], но так как посланный Ваш ушел, не дождавшись ответа, то я посылаю это письмо через посыльного. Я так измучен, что, конечно, лучше было бы, если б Вы навестили меня сегодня в пятом часу, но, вероятно, теперь уж поздно об этом говорить, и потому буду с нетерпением ожидать Вас завтра до 12 часов. Но прошу Вас приехать не ранее 11 часов, потому что до этого времени у

меня идут всякие натирания, необходимые при моей болезни. Очень-очень буду рад возобновлению добрых отношений и надеюсь, что они не прекратятся больше.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 58, л 129
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 33.
Год устанавливается по связи с письмами 1360, 1367, 1368

---

[1] Письмо неизвестно

1370. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

27 апреля 1887. Петербург

27 апреля Литейная 62

Многоуважаемый Виктор Александрович.

Душевно благодарю Вас, что Вы даете мне возможность печататься в «Русской мысли», и вообще за Ваше доброе и участливое письмо[1]. Но вряд ли участие мое в «Р<усской> м<ысли>» осуществится в скором времени, потому что все наличное мною уже роздано, а в какой мере я буду в состоянии писать — не знаю[2]. Мои сношения с «Вестн<иком> Евр<опы>», несколько поколебавшиеся, вновь уладились, и я нахожу для себя удобным печататься в этом журнале по многим причинам[3]. Во-первых, сношения с Москвою сопряжены с осложнениями, от которых я, сильно расшатанный человек, очень страдаю, как это доказал мне опыт с «Р<усскими> вед<омостями>», весьма мне сочувственными. Во-вторых, мне не весьма сочувственны Ваши соредакторы[4], которые простерли свое пренебрежение ко мне до того, что даже прекратили даровую высылку мне журнала, тогда как я собственно немало содействовал успеху «Р<усской> м<ысли>», передав ей до 6 т<ысяч> подписчиков «От<ечественных> зап<исок>»[5]. Правда, я сделал это ради моего старого друга С. А. Юрьева, но ведь все-таки воспользовался этим журнал, и устранение С<ергея> А<ндреевича> вовсе не представляет в моих глазах факта, который мог бы заслуживать симпатии. В-третьих, наконец, о «Рус<ской> мысли» ходят здесь странные слухи. Не говоря уже о сношениях с цензурой чересчур тесных и зависимых, рассказывают даже о сношениях с Катковым. Один из сотрудников последнего рассказывал здесь открыто, в присутствии г-жи Евреиновой, что, в бытность его у Каткова, к последнему принесли из редакции «Рус<ской> мысли» на просмотр какую-то статью. Быть может, все это и

сплетни, но мнение все-таки существует. Впрочем, во всяком случае, я постараюсь выполнить свое и мое <?> желание, если здоровье мне позволит. Разумеется, я желаю иметь дело исключительно с Вами, а не с гг. Лавровым и Бахметьевым.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 77, карт. 7, № 14, лл. 3—4

Впервые опубликовано· «Архив В. А. Гольцева», т. 1 М., 1914, с 218—219, с ошибочной датой 27 апреля 1886 года.

---

[1] Письмо неизвестно. Сохранилось написанное по просьбе Салтыкова обращение А. Плещеева к Гольцеву от 16 апреля 1887 года, в ответ на которое было послано Гольцевым приглашение Салтыкову о сотрудничестве. Плещеев писал Гольцеву: «Салтыков просил меня осведомиться у вас, может ли он рассчитывать, что если б он присылал вам свои работы, то «Русская мысль» стала бы их печатать, т е. иными словами, не считает ли «Русская мысль» его сотрудничество опасным для себя? Но он не желал бы, чтобы его статьи проводились через цензуру (здесь ходили слухи, что в «Русской мысли» показывают статьи предварительно цензору, может это и вздор, но это говорили) и также, чтоб их не рассматривал г. Бахметьев, которого он не терпит (это между нами). В его статьях, впрочем, не будет ничего особенно нецензурного. Они, кажется, будут посвящены прошлому, и даже чуть ли не будут иметь автобиографический характер. Между Салтыковым и «Вестником Европы», по-видимому, пробежала какая-то черная кошка. В подцензурном издании писать он не желает, и потому видеть его в «Северном вестнике» мы не имеем надежды. Пользуйтесь же случаем и завербуйте его. Не откажитесь, добрейший Виктор Александрович, отвечать мне(или прямо ему) поскорее, а то он по своей болезненной мнительности будет думать, что я не *написал вам или* получнл такой ответ, которого не желаю ему сообщить» (*ЛН,* т. 13—14, с. 340). Гольцев ответил Салтыкову. Из письма Плещеева явствует, что первоначально предполагалось публиковать «Пошехонскую старину» в «Русской мысли»

[2] Салтыков в «Русской мысли» не печатался

[3] См. письма 1368, 1369.

[4] В. М Лавров, Н. Н. Бахметьев

[5] См письмо 1023

1371. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 апреля 1887. Петербург

27 апреля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Посылаю при сем статью мою, которую кончил раньше, не-

жели сам ожидал. Недоразумения прекратились, и работа пошла скоро. Нецензурного, кажется, нет, разве в конце, сейчас после *второй* черты. Ежели найдете нецензурности, то отчеркните — я исправлю, а всего лучше, ежели исправить по соглашению с Вами [1]. Я очень прошу Вас прислать мне корректуру. Она мне будет нужна для того, чтобы сдать ее в типографию в качестве матерьяла, долженствующего войти в особое издание «Мелочей жизни» [2].

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 131.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с 34

---

[1] Речь идет об очерке «Счастливец» из цикла «Мелочи жизни». Очерк напечатан в «Вестнике Европы» без цензурных сокращений. См. т. 16, кн. 2, с. 371.

[2] Отдельное издание «Мелочей жизни», отпечатанное в типографии Стасюлевича, вышло в свет во второй половине августа 1887 года.

1372. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

29 апреля 1887. Петербург

29 апреля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Будьте так добры уведомить меня, получили ли Вы мою рукопись [1] и как порешили относительно ее. Я послал ее к Вам в понедельник вечером, и мой посланный отдал ее швейцару. Извините за надоедание, но дело в том, что занятый цензурным вопросом я совсем забыл, что Вашему суду подлежит тоже вопрос литературный. Признаете ли Вы статью мою удобною в литературном смысле? Но, во всяком случае, прежде всего, дошла ли она до Вас?

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 133.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с 34

---

[1] Рассказ «Счастливец». См. письмо 1371

1373. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

2 мая 1887. Петербург

2 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Я к Вам с повинной и с работой. В понедельник утром вышлю Вам страховым статью под названием «Читатель», подразделенную на четыре этюда [1]. На первый раз высылаю два этюда, которые займут два необширных фельетона; остальные два этюда (из них один в несколько строк) на один фельетон — вышлю не позднее 15-го числа, а может быть и раньше [2]. Я бы занялся ими немедленно, но чувствую себя утомленным и хочу дать себе дня два отдыха.

При этом у меня есть до Вас прошение, а о чем тому следуют пункты:

1) Так как, по расчету, Вы получите статью не позднее среды, то будьте так добры уведомьте в четверг по телеграфу как о получении, так и о решении Вашем [3].

2) Если Вы решитесь печатать статью в том виде, как она мною написана, то печатайте в течение мая (третий фельетон выйдет вполне цензурный, за это я ручаюсь), потому что она войдет в состав отдельного издания «Мелочей жизни», которое я располагаю начать печатать с первых чисел июня. Разумеется, пришлите мне по 10 оттисков каждого фельетона. Ежели найдете, что совсем печатать нельзя, то пришлите статью обратно: я пристрою ее в Петербурге. Но, пожалуйста, поскорее это сделайте, покуда я еще не выехал из Петербурга.

3) Ежели найдете, что статью можно печатать лишь с некоторыми пропусками и изменениями, то разрешаю Вам сделать их самим не сносясь со мною. Одно только условие ставлю: выпускайте и исправляйте по корректуре, в которой статья будет оттиснута в том виде, в каком я ее написал, и один такой оттиск пришлите мне для помещения в отдельном издании «Мелочей». Я даже за напечатание в измененном виде буду до крайности благодарен, потому что крайне нуждаюсь [4].

4) *Ежели статья — в том или ином виде — будет напечатана,* то будьте так любезны выслать мне вперед в субботу или в пятницу, как успеете, чек на контору Юнкера в 350 р. Сообразуясь с размером условленного гонорара, я уверен, что посылаемый материал оплатит просимую сумму, но ежели случится передача или недодача, то я сосчитаюсь без замедления. *Но в случае невозможности печатать денег не высылайте.* Это будет мне в тягость. Я потому прошу Вас о деньгах, что семья моя сбирается на дачу. Сам я выеду несколько позднее и уведомлю Вас как о времени выезда, так и об адресе [5].

Очень возможно, что я и некстати лезу к Вам с сотрудниче-

ством, но на этот раз простите. Повторяю: сокращайте, изменяйте, делайте что угодно. Только оттиск первоначальной редакции доставьте.

Я бы мог отдать статью в «В<естник> Е<вропы>», где ее несомненно бы напечатали, но, к сожалению, на июнь там уже печатается другая моя статья[6]. К маю я ничего не мог дать, потому что был в марте сильно болен и не в состоянии писать. Сверх того я чуть не порвал с Стасюл<евичем> из сущих пустяков, но, к удовольствию моему, дело уладилось[7]. Как бы то ни было, отдать ему «Читателя» неловко: и назойливо и очередь наступит только в июле, когда уж чересчур тепло.

Надеюсь, что Вы на меня не рассердитесь.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 150—151.

Впервые опубликовано· *Неизданные письма*, с. 282—284. Две фразы из письма процитированы В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 209.

---

[1] Четыре этюда под общим заглавием «Читатель (Несколько нелишних характеристик)» напечатаны в «Русских ведомостях» 6, 14 и 17 мая.

[2] Третий этюд послан 8 мая (см. письмо 1377).

[3] Телеграмма Соболевского, полученная Салтыковым 5 мая, неизвестна (см. письмо 1375).

[4] Некоторые изменения в разделе «Читатель» Соболевским, видимо, были сделаны(см. т. 16, кн. 2, с. 361—362).

[5] В 1887 году Салтыков переехал на дачу на станции Серебрянка 21 мая.

[6] «Счастливец» («Мелочи жизни»).

[7] О натянутых отношениях со Стасюлевичем см. в письмах 1360, 1361, 1367, 1368

1374. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

5 мая 1887. Петербург

5 мая.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Никогда я еще не печатался без имени, но, делать нечего, приходится и этот срам испытать. Я хотел бы<ло> телеграфировать Вам, чтобы не печатать, но потом махнул рукой[1]. Может быть, найдете возможным поставить мое имя под вторым или третьим фельетоном, но, может быть, Вам дан совет не печатать моих статей. Во всяком случае, это — неожиданность. Я прошу Вас выслать мне хотя один оттиск без исправ-

лений и, по обыкновению, 10 экземпляров №. Пожалуйста, исполните мою просьбу поскорее. Пожалуйста. Телеграмма на меня подействовала,— но Вам что за дело. Я полагал, что Вы ранее воскресенья не будете печатать, а до воскресенья можно было бы списаться. Впрочем, все три статьи будут напечатаны в отдельном издании. Второй фельетон вчера выслал, но третий вышлю не раньше конца будущей недели. Очень Вы поторопились.

Вот так сюрприз!

До сих пор я получал со всех сторон сочувственные письма; отныне, вероятно, мне будут присылать письма укоризненные. Спасибо.

Преданный Вам

М. Салтыков

Прошу и второй фельетон поскорее печатать [2]

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 152.
Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с 209

[1] См. письма 1375 и 1377.

[2] Второй фельетон «Читатель (Несколько нелишних характеристик)» напечатан в «Русских ведомостях» 14 мая.

1375. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

7 мая 1887. Петербург

7 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Телеграммой Вы дали мне знать, что печатаете мою статью *без имени* [1]. Я так и понял, что моего имени под статьею не будет, и, признаюсь, был несколько сконфужен. Теперь получил № газеты и, к удивлению, увидел статью с полным моим именем. Простите меня, но я ничего не понимаю в этой истории. Нет ли тут какой-нибудь мистификации? [2]

Второй фельетон, более скромный, я уже выслал; третий — кончил и вышлю в субботу 9-го числа безотменно [3].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, л 154.
Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн : *Русские ведомости,* с 210

[1] Телеграмма неизвестна

[2] См. письма 1374, 1377

[3] Имеются в виду этюды «Читатель»

1376. В КОНТОРУ «РУССКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

7 мая 1887. Петербург

Чек на контору Юнкера в 350 р. мною получен. В 122 № «Р<усских> в<едомостей>» мною в счет этих денег заработано 176 р. 40 к. (588 стр. по 30 к.) [1]. Остается за мною в долгу 173 р. 60 к.

М. Салтыков.

7 мая 1887 г.

Печатается по подлиннику: *ЦГАЛИ,* ф. 1086, оп. 2, № 154, л. 25-а. Публикуется впервые.

---

[1] 6 мая 1887 года в № 122 газеты «Русские ведомости» напечатан этюд «Читатель (Несколько нелишних характеристик)».

1377. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 мая 1887. Петербург

8 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

В доказательство, что тревога моя имела основания, посылаю подлинную телеграмму Вашу. Теперь я догадываюсь: Вы написали: без изменений, а телеграф переврал: без имени [1].

Я очень расклеился. Усиленная работа (кроме посланного Вам, я еще столько же в «В<естник> Е<вропы>» дал) [2] расстроила меня. Но я не могу воздержаться — чисто нервное влечение работать. Теперь — обессилел и хлопаю глазами.

Простите за всю эту нелепую историю.

Ваш

М. Салтыков.

Сегодня отсылаю заказным 3-й и последний фельетон. На Ваше имя [3].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 156.
Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с 210

---

[1] Телеграмма неизвестна.

[2] Очерк «Счастливец». См. письмо 1372.

[3] Заключительная часть раздела «Читатель», включающая очерки «Читатель-простец» и «Читатель-друг».

1378. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

8 мая 1887. Петербург

8 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Я уже и сам догадался, в чем дело, и сегодня писал Вам об этом[1]. Так как Вы пишете, что 2-й фельетон напечатаете в среду, то не можете ли 3-й напечатать не позднее 17-го в воскресенье[2]. Мне это очень нужно, потому что я тоже собираюсь на дачу, но не в Финляндию. Когда определю день выезда, то сообщу Вашей конторе.

Так как предвидится, что сверх 350 р. мне придется еще несколько получить, то распорядитесь, чтоб контора выслала мне в понедельник 18-го, что по расчету сверх 350 р. будет следовать.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 158
Впервые опубликовано· *Неизданные письма*, с. 286

---

[1] См. письмо 1377

[2] Второй фельетон напечатан 14 мая, третий — 17 мая

1379. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

9 мая 1887. Петербург

9 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

В 3-ем фельетоне, в главе 4-ой, в самом конце, я желал бы прибавить несколько строк, а именно:

Виноват: еще одно слово. В последнее время я довольно часто получаю заявления, в которых выражается упрек за то, что я сомневаюсь в наличности читателя-друга и в его сочувственном отношении к убежденной литературе. По этому поводу я считаю долгом оговориться: ни в наличности читателя-друга, ни в его сочувствии я не сомневаюсь, а утверждаю только, что не существует непосредственного общения между читателем и писателем. Покуда мнения читателя-друга не будут при<ни>маться в расчет на весах общественного сознания, с тою же обязательностью, как и мнения прочих читательских категорий, до тех пор вопрос об удрученном положении убежденного писателя останется открытым.

Напечатанием этих строк Вы крайне обяжете меня, разумеется, ежели найдете их непротивоцензурными[1].

Ваш

М Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 160
Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с 198

---

[1] Предложенный Салтыковым фрагмент включен в текст главы «Читатель-друг» (см. т. 16, кн 2, с. 154)

1380. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

12 мая 1887. Петербург

12 мая

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Вы не только сами не пишете ко мне, но и на мои письма не отвечаете[1]. Такой уж у Вас обычай: даже мертвый человек может быть предметом счетов для Вас. Оказывается, что в «Имярек» я был пророком: наступило время, когда мне всякое пренебрежение можно оказать[2]. Да будет.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Жена говорит, что это Вы меня *учите*. Вы учите, Стасюлевич учит — вот сколько! А я сижу и задыхаюсь.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 27, л. 63
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с 298.
Елисеев из Ялты уехал в Магарачь, где и получил письмо только в середине июня (см. *Письма Елисеева*, с. 191).

---

[1] На свое последнее письмо Елисееву от 11 апреля Салтыков получил ответ от середины апреля (*Письма Елисеева*, с. 187—190).

[2] Салтыков имеет в виду следующий фрагмент из очерка «Имярек» «Имярек мало-помалу вступил в тот фазис болезненного существования, когда людям здорового мира представляется возможным и даже естественным оказывать человеку всякого рода пренебрежение..» (т. 16, кн 2, с. 315)

1381. В. М СОБОЛЕВСКОМУ

12 мая 1887. Петербург

12 мая

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Позвольте мне просить Вас вновь последний фельетон мой (получили ли Вы его?) напечатать в будущее воскресенье, так, чтоб я в понедельник мог получить газету, а во вторник отдельные оттиски. Только тогда я буду считать себя свободным уехать из Петербурга, в котором остаюсь с завтрашнего

дня один. Вообще мне худо живется. Вместо того, чтоб оживиться с наступлением лета, я сижу и буквально задыхаюсь. Только о том и думаю, хоть бы какой-нибудь конец. И с печатанием неудача. Стасюлевич обещал прислать корректуру 3-го мая, но и доселе не присылает [1]. Вы тоже медлите. Право, Вам ничего не стоит кончить с «Читателем» поскорее.

Еще одна просьба. По напечатании 1-го фельетона за мной осталось менее 174 р. Материалу в двух остальных найдете рублей на 250. Не можете ли Вы с получением сего выслать мне чек на Юнкера на сумму 200 р. Я останусь Вам должен около 125 р., которые и заработаю в течение лета непременно

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Адрес свой я сообщу конторе, как только соберусь из Петербурга.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 162
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 287—288

[1] Салтыков ждал корректуру очерка «Счастливец».

1382. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

13 мая 1887. Петербург

13 мая

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Спешу возвратить Вам корректуру, чтобы поспеть раньше 12 часов. Как Вы увидите, я сделал всего одну вставку строк в пять, но и на ней не особенно настаиваю, так что ежели Вы найдете ее бесполезною, то уничтожьте [1]. Вообще, корректуры я не держал, потому что глаза не хороши да и одышка большая.

Позвольте напомнить мне об обещании сделать мне расчет гонорара по корректуре, ежели не встретится цензурных сомнений. Так как семья моя уезжает на дачу завтра, то я был бы крайне обязан, если б этот расчет был произведен сегодня до вечера.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 135.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 34.

[1] Корректура очерка «Счастливец» (см. письмо 1381). Установить текст вставки, сделанной Салтыковым, невозможно, так как рукописи и корректуры не сохранились.

1383. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

14 мая 1887. Петербург

14 мая.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Очень Вам благодарен за извещение о порядке печатания «Читателя»[1]. Ежели в воскресенье будет помещена 3-я главка, то я буду во вторник или в среду свободен уехать на дачу. Прошу Вас приказать выслать мне оттиски 3-го фельетона сюда, ежели можно в понедельник, не позднее.

Я просил Вас прислать мне, вместо расчета, 200 р. Ежели это возможно, то исполните мою просьбу в субботу и не позднее понедельника чеком на Юнкера. Боюсь, что это задержит меня, потому, что московскую почту задерживают поздно. Излишек, который вышлется, я заработаю невдолге.

Мои все уехали, и я совсем один[2].

И никто не заглядывает.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Сию минуту получил из конторы чек на 200 р. Крайне благодарен.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 164.
Впервые опубликоваио: *Неизданные письма*, с. 288—289.

[1] Письмо неизвестно.
[2] Семья Салтыкова выехала на дачу 14 мая (см. письмо 1382)

1384. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18 мая 1887. Петербург

18 мая.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Посылаю Вам последние два этюда «Читателя»[1]. Чувствую сам, что вышли совсем слабы, но что же делать? — кажется, приходится окончательно закрыть лавочку. Последние три недели мне так скверно, что всякое усилие мысли вызывает во мне одышку и дергание.

Я давно не имею от Вас известий. Знаю, что Вы не напишете раньше, чем получите возвратный визит, и, представьте себе, никак не могу привыкнуть к этому отсутствию благосклонности с Вашей стороны. Мне кажется, что я ни от кого ничего не заслужил. Поэтому и нет ко мне сочувствия. Да будет.

Я теперь совсем один. Семья уехала на дачу и оставила меня с судомойкой, которая и кушанье мне готовит (мерзит) и ходит за мной. В одной руке урыльник несет, в другой — стакан чаю.

Болен я очень: одышка, дергание и три дня сряду был понос. Доктора совсем меня обросили. Не те времена, — надоел.

Вот уж четыре дня, как здесь идут дожди и завернул холод (7°). Хотел ехать на дачу 21-го, но не знаю. Ежели холод будет продолжаться, то придется отложить. Адрес мой дачный: Варшавская жел. дор., станция Серебрянка, в имение г-жи Кирилиной.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Прочитавши фельетоны, дайте прочесть Елене Иосифовне [2], которой тоже усердно кланяюсь.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 83
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 300—301.

---

[1] Этюды «Читатель-простец» и «Читатель-друг».
[2] Е. И. Лихачева.

1385. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 мая 1887. Петербург

18 мая

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я послал в типографию весь материал «Мелочей жизни» и оглавление. Выйдет два тома по 15 л. каждый. Но у меня есть до Вас просьба: не придерется ли цензура к «Газетчику»? Посоветуйте мне. Прочтите, пожалуйста, вновь и почеркайте, что слишком резко в цензурном смысле (в начале статьи). Извините, что беспокою Вас, но мне важно Ваше мнение, потому что меня не будет летом в Петербурге и книга будет печататься без меня [1].

Я предполагаю уехать на дачу в четверг 21 числа, но не знаю, удастся ли, потому что я сильно расхворался. Желудок так расстроился, что едва брожу — до того ослабел.

Вновь прошу Вас извинить за беспокойство. Если удосужитесь, то загляните ко мне до четверга.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, **№ 58, л. 137**.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 35.

---

[1] «Мелочи жизни» печатались в типографии Стасюлевича и вышли в свет между 16 и 23 августа 1887 года Очерк «Газетчик» ие был напечатан в мартовском номере «Вестника Европы», для которого предназначался, и был, по совету самого Салтыкова, заменен строкой точек (см. письмо 1336). Установить степень соответствия текста очерка «Газетчик», опубликованного в отдельном издании, варианту, предназначавшемуся для «Вестника Европы», не представляется возможным, так как сохранилась только черновая рукопись.

1386. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

28 мая 1887. Серебряика

28 мая Серебрянка

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Искренно благодарен Вам и лицам, подписавшим телеграмму, за память обо мне[1]. Следовало бы давно мне это сделать, но голова так слаба, что решительно ничего не могу делать. Вечный шум, точно прибой волн. Боюсь с ума сойти. Но, с другой стороны, это было бы и недурно, потому что тогда в больницу отдадут, и я никому мешать не буду.

Я уж около недели на даче. Погода скверная. На солнце знойно, в тени — холод. Я с первого же дня простудился. Кашель неимоверный с труднейшей экспекторацией. Лечить меня будет здешний земский врач — не особенно умный.

Простите, больше писать не могу. Совсем ослаб.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Адрес: Варш<авская> жел. дор., ст. Серебрянка.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 38, л. 68.
Впервые опубликовано. *Письма*, с 314.
Год устанавливается по месту отправления письма· на станции Серебрянка Салтыков проводил лето только в 1887 году.

---

[1] Коллективная телеграмма, среди других подписанная и Пантелеевым, неизвестна. Вероятно, это было одно из выражений симпатии и сочувствия Салтыкову в связи с его болезнью См. письмо 1387

1387. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

31 мая 1887. Серебрянка

31 мая Серебрянка

Вы совершенно правы, многоуважаемый Николай Андреевич, находя, что этюды «Читателя» вялы;[1] я и сам это знаю. Я понимал это уже тогда, когда их писал почти насильно, в предчувствии близости того периода бессилия мысли, которое утруждало меня в Висбадене. Теперь этот период наступил и, хотя Соколов рекомендовал мне не заниматься умственною работой до июля, но это и без его рекомендации сделалось бы само собой. Боюсь только, как бы окончательно бессилие мысли не овладело мною.

Насчет нашей переписки, действительно, существует недоразумение. Вероятно, я не умею объяснить дело как следует. Вообще, я желал бы иногда высказать очень многое,— и не могу. Всякая серьезная работа, вроде анализа, производит во мне весьма мучительные припадки: одышку, раздражение и проч. Вот почему мои письма бывают несколько пошловаты. Вот и теперь: едва написал страницу, как уже почувствовал необходимость отдохнуть. Сердце затосковало, голова ослабела, не держится на плечах. Донимает дремота[2].

Мне кажется, всего яснее можно формулировать то, что мне теперь нужнее всего,— это двумя словами: участия и сострадания. Я не могу пожаловаться на недостаток друзей, потому что мой письменный стол наполнен массою адресов, писем и телеграмм, доказывающих, что друзья у меня есть и что слово мое звучало не даром. Но где эти друзья, и что значат заочные заявления больному человеку (понимаю, что говорю неясно, но делать нечего, яснее выразиться не могу). Не сетую также на знакомых, но ведь у них свое дело, и они могут мне уделить несколько коротких минут в неделю Остается домашняя обстановка; она должна бы вознаградить меня, но Вы знаете, какова она. Более чем двухлетнее отчуждение мое от жизни породило в сердцах не сострадание ко мне, а ненависть, почти презренье. Легкомыслие довершило остальное, т. е. развязало язык и дозволило не скрывать враждебные чувства.

Что я умираю,— это несомненно. Но ужасно то, что умирание происходит с такою мучительною медленностью. Напрасно говорят мне доктора (а в том числе и Боткин), что мне лучше,— я в этом случае считаю себя более компетентным судьей. Когда я был в Висбадене, мне было очень худо, но я мог гулять, ходил пешком в курзал, ездил на конке и т. д. В прошлом году, летом в Финляндии, хотя и с трудом, но мог ходить по саду, ездить. Нынешнее лето, покуда, с места тронуться не

могу. Правда, что и лето отвратительное (вчера ночью 2 град<уса> было), но и в перспективе ничего хорошего не предвижу. Вкус к жизни потерян; голова слабеет с каждым днем.

Судя по этим объективным признакам, будущего лета я, конечно, не дождусь, но не это худо, а то, что болезнь и сопряженная с нею оброшенность измучат меня. Даже прислуги у нас порядочной нет, так что я никакого ухода не знаю.

Прощайте, покуда, мой дорогой друг; передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне и поклонитесь Елене Иосифовне и Лорис-Меликову.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 84.

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е. Салтыковым».— *Р. вед*, 1894, № 331, 30 ноября, с. 2 (без обращения и заключительного абзаца); полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с 302—303

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Под впечатлением от переписки с Салтыковым Белоголовый писал Лаврову 19 июня. «Салтыков перебрался в глухую деревню по Варшавской железной дороге, страшно скучает от одиночества, а потому пишет письма чаще, но все в тоне однообразных иеремиад на окружающую природу, семью, здоровье и знакомых, отвечать ему становится для меня все более и более трудной задачей, потому что он не выносит никакого противуречия» (*ЦГАОР*, ф. 1762, оп 4, № 36, л. 58 об.).

1388. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

3 июня 1887. Серебрянка

3 июня. Серебрянка

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Надеюсь, что письмо это еще застанет Вас в Петербурге[1], а пишу я, желая дать Вам некоторое понятие о моем теперешнем положении. Оно весьма некрасиво. Благодаря ужасной погоде я совсем не пользуюсь воздухом и вследствие этого ослабел чрезвычайно. Вот уже с неделю, как я с утра до вечера нахожусь в полудремотном состоянии, весьма тяжелом, и совершенно не способен ни к какой работе. Н. И. Соколов советовал мне две недели воздержаться от приема фосфора, и я следую этому совету, а между тем отсутствие этого снадобья дает себя знать очень чувствительно. Усиливаются подергивания, требующие усиленных приемов брома и хлорала, а это-то и производит слабость и дремоту. Сверх того, я беспрестанно

простужаюсь, хотя печки мы топим везде. Кашель усилился и в то же время усилилась и одышка.

Вообще, скуке, унынию и мраку нет границ. Целые дни сижу один, прикованный к креслу, не выходя из своих двух комнат, потому что другие комнаты расположены на север и в них еще холоднее. Даже обедаю розно с семьей. Дача была бы, однако ж, весьма комфортабельна, если б не такое проклятое лето, которое, по-видимому, и перемен к лучшему не обещает. У нас еще летних цветов не рассадили, а третьего дня ночью был мороз, который побил огурцы.

Едва написал последнюю фразу, как получил Ваше письмо[2]. Очень Вам благодарен за память, но из предыдущего Вы уже, вероятно, усматриваете, что меня только первый день здешнего пребывания порадовал и я сгоряча написал об этом Соколову[3]. А теперь мне настолько худо, что и предвидеть лучшее не в состоянии.

Н. И. Соколов еще в Петербурге убеждал меня до 20 июня *ничем* не заниматься. Но оказывается, что я и без его убеждения был бы не способен чем-нибудь заняться. Вот почему, благодаря Вас от души за гостеприимство в августовской книжке, не думаю, чтобы я мог воспользоваться им. Вообще расчеты мои оказываются писанными на воде, но, во всяком случае, надеюсь, что ежели фосфор окажет свое действие, то для сентябрьской книжки что-нибудь изготовлю. Поэтому будьте так добры предупредить кого следует, чтобы в 9-м № сберегли для меня местечко листа на 2[4]. Во всяком случае, я в конце июля напишу к А. Н. Пыпину, доставлю ли статью и когда[5].

Я дней пять тому назад просил А. А. Хомиховского присылать мне летние книжки «В<естника> Е<вропы>» по дачному адресу. Но вот прошло 2-е число, а июньская книжка на Серебрянку еще не пришла[6]. Зная всегдашнюю пунктуальность журнала, я начинаю сомневаться, дошло ли мое письмо, и потому прошу Вас, буде найдете удобным, оказать содействие к удовлетворению как этого моего желания, так и другого (я тоже писал г. Хомиховскому) о присылке мне по одному экземпляру чистых листов моих книг, по мере отпечатания. В издержках на пересылку я сочтусь с типографией.

Затем, желая Вам наилучшего здоровья и хорошего лета, остаюсь

искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлининку· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, лл. 139—140
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 35—36

[1] Стасюлевич уехал в Карлсбад после 11 июня (см. письмо 1391).
[2] Письмо неизвестно.
[3] Письмо неизвестно
[4] В августовской и сентябрьской книжках «Вестника Европы» Салтыков не печатался.
[5] См. письмо 1401.
[6] Письмо неизвестно См. письмо 1389

1389. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

4 июня 1887. Серебрянка

4 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Спешу известить Вас, что вслед за отправлением вчерашнего моего письма я получил июньскую книжку «В<естника> Е<вропы>».

Погода здесь продолжает быть коварною. Сегодня утром до 9 часов небо было безоблачное и солнце сильно пригревало; но едва я успел совершить обряд омовения, напиться кофе и выйти на воздух, как небо обложилось кругом, и через час уже дождь вогнал меня опять в дом. Теперь, в час пополудни, термометр на южной стороне показывает 11 град<усов>. Вчера в 9 часов вечера было 7 град<усов>, а ночью часа в 4 доходило до 3-х.

До свидания. Жму Вашу руку и остаюсь

искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлинику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л 141
Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т V, с 36

1390. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

11 июня 1887. Серебрянка

11 июня. Варш ж. дор., ст Серебрянка

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Когда-то, года четыре тому назад, Вы писывали мне письма, в которых называли меня не только талантливейшим, но и великодушнейшим смертным[1]. Письма эти глубоко меня радовали, ибо свидетельствовали о сочувствии человека, которого я искренно уважал. Я сознавал преувеличенность похвал, но в то же время думалось мне, что в них есть и доля

правды. Действительно, я всем сердцем готов был служить Вам, ибо понимал, что Вы больны, а я в то время был еще, относительно, здоров.

Теперь роли переменились. Вы здоровы, а я безнадежно болен. Поэтому Вы даже не считаете нужным почтить меня строкою ни на одно из моих писем. Я человек пропащий, погибший и для дела и для общества — стало быть, нечего обо мне и думать. Это ужасно печально.

На днях Екатерина Павловна писала моей жене[2], что Вы поздоровели, пишете что-то в высшей степени интересное и окружены толпою поклонниц. Все это доказывает, что Вы счастливы и вошли в прежнюю колею. Но думаю, что людям великим и счастливым свойственны великодушие и снисходительность, и потому, если б я прегрешил в чем-нибудь перед Вами, то сдается, что Вам следовало бы взглянуть на это прегрешение снисходительным оком. Но судя по тому, как круто Вами поставлен вопрос об отношениях ко мне, мне остается только перечитывать Ваши старые письма и соболезновать о том, как много воды с тех пор утекло.

В заключение, желаю Вам всевозможных благ, пущего выздоровления, а более всего человечного отношения к ближним. Твердость души полезна в деле убеждений, а не тогда, когда идет речь о человеке, нуждающемся в успокоении. Меня прошлой зимой «твердый» Стасюлевич, по поводу выеденного яйца, чуть в гроб не положил. Я и понимал, что игра свеч не стоит, да что же с болезнью прикажете делать. Потребовалось посредничество Боткина, чтоб уладить недоразумение[3].

Прощайте, передайте мой привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Я так болен, что вот уж с месяц ничего не пишу и не читаю Погода адская; сегодня топлю кабинет.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 576, карт. 2, № 27, л. 64.

Впервые опубликоваио: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 305—306.

Получено Елисеевым 18 июня, в тот же деиь послан ответ (см. ***Письма** Елисеева,* с. 190—194).

---

[1] В письмах Елисеева часто встречаются восторженные обращения к Салтыкову: «Живите долго и цветите для блага России» (1884, 6 января); «...Салтыков — слава и надежда России современной...» (1884, 24 марта) и т. д.

[2] Письмо неизвестно.

[3] Об охлаждеиии отношенний со Стасюлевичем в апреле 1887 года см письма 1360 и 1368. Известно, что посредничал в урегулировании отиошений между ними Гаевский О Боткине как посреднике сведений иет.

1391. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

11 июня 1887. Серебрянка

11 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Благодарю за письмо [1] и душевно поздравляю с изгнанием из желудка врага. Желаю Вам хорошего лета и успешного дальнейшего лечения. Я охотно бы поехал на станцию посмотреть, как Вы проедете мимо [2], но положение мое таково, что я и подумать о передвижении не могу. Было здесь два хороших дня, а теперь опять с утра до ночи дождь, и я сегодня в кабинете топлю. Боюсь, что я уже кончил свою жизнь и едва ли буду на что-нибудь пригоден.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Любови Исаковне. Жму крепко Вашу руку.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л 143.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с. 36—37.
Год подтверждается пометой Стасюлевича: «12.VI.1887»

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Стасюлевич уезжал в Карлсбад

1392. В. П. ГАЕВСКОМУ

19 июня 1887. Серебрянка

19 июня

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Благодарю за память, но, признаюсь, твои розыски насчет «Счастливца» глубоко меня огорчили. Я слышал, что ты производил их совместно с Гартманом, у которого находится в руках мой сын. Почему Бобринский? Почему не Лев Толстой, не Журавский, не Ге, не Поляков? Наконец, мой покойный тесть был завзятый спирит, и у него происходили сборища [1].

Ужасно все это больно и увеличивает мои нервные страдания до высшей меры.

Прошу тебя передать мой привет Елизавете Николаевне.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

Печатается но подлиннику. *ГПБ*, ф 171, № 248, л. 67.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 289—290
На письме помета Гаевского «Получ. 22 июня 1887».

[1] Этюд «Счастливец» появился в июньском номере «Вестиика Европы» Предметом «розысков» мог быть изображенный в произведении школьный друг автора, сохранивший с ним дружеские отношения и к старости увлекшийся спиритизмом и религиозно-нравственной проповедью. Гаевский ответил Салтыкову 23 июня. Сохранился проект его ответа, набросанный на чистом листе салтыковского письма: «Слышать, что я производил да еще совместно с Г<артманом> «розыски» насчет «Счастливца», ты не мог, по тому что о «Счастливце» я ни с кем не говорил и Г<артмаиа> не видал, если же какой-нибудь сплетник говорил это, скажи ему, что он врет, сообщи мне его имя и адрес и впредь до моих объяснений с ним покажи ему это письмо. В ожидании скорого и необходимого мне ответа. Твой В. Г Я возмущен твоим письмом и не оставлю этого дела» (*ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 68).

1393. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24 июня 1887. Серебрянка

24 июня

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за письмо и за память, а более всего за пожелание, чтоб я работал [1]. К сожалению, я в настоящее время не чувствую никакого влечения к работе и нахожусь в какой-то глубокой прострации, от которой бог весть когда избавлюсь. Весь я начинаю дрожать, и боюсь, чтоб болезнь моя к концу лета не разыгралась так же жестоко, как два года тому назад в Висбадене. Затем, больше Вам болезнью своею надоедать считаю неприличным: что будет, то будет.

Вы указываете мне на автобиографический труд, но он и прежде меня уже заманивал. У меня уже есть начатая работа [2], и я с тем и уезжал на дачу, чтобы ее продолжать летом, как меня охватило полное бессилие. Но Вы, кажется, ошибаетесь, находя эту работу легкою. По моему мнению, из всех родов беллетристики это самый трудный.

Во-первых, автобиографический материал очень скуден и неинтересен, так что необходимо большое участие воображения, чтоб сообщить ему ценность. Во-вторых, в большинстве случаев не знаешь, как отнестись к нему. Правду писать неловко, а отступать от нее безнаказанно, в литературном смысле, нельзя: сейчас почувствуется фальшь. Но, повторяю, я не оставлю этой мысли и приступлю к ней, как только возможно будет.

Но вряд ли эта возможность скоро настанет. Уже по почер-

ку этого письма Вы видите, вероятно, что я близок к каракулям, а писать, при таких условиях, даже малыми дозами трудно.

Третьего дня у нас был Вл. Ив. Лихачев, который тоже болен и очень похудел. 8-го числа он собирается уехать из Петербурга прямо в Вевэ.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Затем, жму крепко Вашу руку и остаюсь

искренно преданный

М. Салтыков

Мой поклон Лорис-Меликову

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 85.

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ*, 1914, № 4, с. 173—174.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Салтыков имеет в виду начатую им работу над «Пошехонской стариной»

1394. В. П. ГАЕВСКОМУ

24 июня 1887 Серебрянка

Любезный друг Виктор Павлович.

Я виноват. Ради бога, не сердись. Все это я выдумал в болезненном припадке[1]. Да и не могло быть речи о «Счастливце», потому что статья эта вышла в июне, а я никого не видел после ее выхода. Кажется, мне припомнилось что-то о «Ташкентцах». Бога ради, оставь. Я слишком дорожу твоей дружбой и прошу сердечно простить меня. Ты пишешь, что возмущен моим письмом; а твой ответ произвел на меня еще более горькое впечатление[2]. Я положительно впадаю в смертельную тоску после таких писем. Мучительно умираю, так мучительно, как никто. Назвать никого не могу, ибо это значило бы выдумать. Ради бога, пожалей мою болезнь, ответь мне, что ты забываешь. Иначе, я совсем измучусь.

Весь твой

М. Салтыков

24 июня

Ужели человеческие сердца так жестоки, что в них есть места только для самолюбия и нет приюта для снисхождения. Ужели ты хочешь повторять со мной историю Стасюлевича?[3]

Ужели я осужден умирать одиноким. Подумай: ведь письмо твое, *поистине,* ужасно. Я перепутал, по болезненному состоянию, «Ташкентцев» с «Счастл<ивцем>» (ты сам навел меня на это указанием на Бобринского), а ты уже почти угрозу мне пишешь. Ради бога, прости. Дай мне возможность думать, что ты не лишаешь меня своей дружбы. Меня более огорчают толкования насчет Бобринского, нежели можно ожидать. Со всех сторон только и слышишь: того-то изобразил. Для автора это не очень-то лестно.

Слово «розыск» употреблено мною совсем не в том смысле, который ты ему придаешь.

Мое положение с каждым днем становится более и более невыносимым. Погода нестерпима и убивает. Жена совсем удалила от меня детей под предлогом, что я заражаю воздух своим дыханием. Можешь себе представить, какой, при такой обстановке, эпизод произошел со мной по получении твоего письма.

Ради бога, напиши, что ты оставляешь свою претензию. Право, мне не долго остается мучиться.

Печатается по подлиннику. *ГПБ*, ф. 171, № 248, лл. 69—70
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 290—291.

---

[1] См. письмо 1392.
[2] См. прим. 1 к письму 1392.
[3] Об инциденте со Стасюлевичем см. письма 1360 и 1368.

1395. В. П. ГАЕВСКОМУ

26 июня 1887. Серебрянка

26 июня

Многоуважаемый Виктор Павлович.

Ты написал мне поучительное письмо[1], а у меня возобновилась одышка и усилилось во всем теле дерганье. Будь так добр, напиши, что ты забываешь. Ведь не так же велика моя вина, чтоб усиливать и без того сильные страдания. Да и ты настолько добр, что, конечно, не пожелаешь возобновления стасюлевического эпизода[2], действие которого на меня ты сам видел. Будь великодушен, напиши несколько строк.

Я вчера послал тебе письмо[3], где извинился и насколько мог объяснился. Письмо вышло беспорядочное, но в этом уж виновата моя болезнь. Вот и теперь я насилу пишу и спешу кончить.

Искренно тебя любящий

М. Салтыков.

В понедельник надеюсь получить от тебя ответ, ибо серьезно меня мучит.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 71.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 291—292.

[1] Письмо Гаевского от 23 июня (см. прим. 1 к письму 1392).
[2] О «стасюлевичевском эпизоде» см. письма 1360 и 1368.
[3] См. письмо 1394.

1396. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 июня 1887. Серебрянка

27 июня. Серебрянка.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Простите, что не скоро отвечаю на Ваше доброе письмо[1] — очень уж я разнемогся. Рад, что Вы, наконец, устроились в Карлсбаде и от души желаю Вам облегчения от Ваших недугов, равно как и восстановления того $1/2$ пуда, который Вы утратили в течение зимы. Что касается до меня, то я ни на какое восстановление уже не надеюсь. Благодаря одной погоде, которая до сих пор угощает нас ежедневными проливными дождями и теплом в 11 град<усов> в полдень, и в 7 — вечером, я окончательно сделался никуда не годен. Воздуха не нюхаю, сижу на одном месте, закутанный в пледы. Ужасное это положение: не видеть никакого просвета в будущем и каждое утро вставать, чтобы в течение дня испытывать неимоверные и загадочные страдания. Я до сих пор ни к какой работе не приступал и не могу даже определить, когда ощущу позыв к деятельности. Целый день чувствую такую слабость — особенно в голове,— что только и делаю, что дремлю. Голова совсем с плеч валится, а в груди точно сыпной процесс происходит, вроде кори.

Как бы то ни было, но все-таки я не отчаиваюсь. Когда же нибудь наступят лучшие дни. Во всяком случае, А. Н. Пыпин будет в свое время уведомлен[2]. Хорошо Вам: Вы все-таки успели переселить своего жильца в банку со спиртом, а я никуда переселить своего недуга не могу. Вот задача, достойная правительства: высылать солитеров в места более или менее отдаленные, но, кажется, долго еще до этого не додумаются.

До свидания; ежели лето будет столь же ужасно, как теперь, то переселюсь в Петербург раньше, нежели рассчитывал.

Прошу Вас передать мой привет Любови Исаковне, когда Вы будете писать ей. Затем жму Вашу руку и остаюсь

искренно преданный

М. Салтыков.

Вся растительность остановилась вследствие холодов. Ягоды не зреют, даже грибов нет.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, лл. 145—146.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с 37.
На письме помета Стасюлевича о получении· «30 июня. Карлсб<ад>»

---

[1] Письмо неизвестно
[2] См. письмо 1401.

1397. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

28 июня 1887. Серебрянка

28 июня. Варш. ж. д. Серебрянка

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Давно я не писал к Вам, потому, просто, что писать было не в мочь. Адская погода с бешеными ветрами, ежедневными проливными дождями окончательно расшатала мое здоровье. Несносный кашель с трудною экспекторациею душит меня, а голова точно пустая. Целый день дремлю, боюсь кончить отупением, и ни к какой работе приступить не могу. А тут и руки начали дрожать, так что писать утомительно и почерк приближается к каракулям. Плохо мое дело, и ежели смерть не избавит меня от страданий, думаю, что кончу в доме умалишенных. А тут, кстати, наняли дачу с фруктовым садом, огородом и с садовником. Каждый день с утра до вечера гвалт, потому что ничего не удается. Ни овощей, ни ягод, ничего нет, а на яблоки напал червь. Вчера садовника прогнали, а сегодня уж на клумбах телята гуляют.

Вот уже шестая неделя, как я здесь страдаю, и в течение всего этого времени только дня три вышло порядочных. Еще вчера топил печь в спальной. Однажды, в начале июня, были у меня Унковский и Иванов, да с неделю тому назад Лихачев. Вот и все.

Не знаю, известно ли Вам, что Манасеина-Тарханова-Коркунова добилась у государя аудиенции, поднесла ему какую-то свою книгу и получила пенсию за литературные труды в 2 т. р. [1]. Это сообщил мне В. И. Иванов, а я за что купил, за то и продаю.

Прощайте, будьте здоровы; не могу больше писать, рука отказывается. Ежели возвратитесь в Петербург раньше меня, то навестите.

Искренно Вам преданный

М Салтыков.

Печатается по подлининику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 70—71.
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 314—315.
Год устанавливается по месту отправления письма. в Серебрянке Салтыков проводил лето только в 1887 году.

[1] М. М. Манасеина (дочь академика М. А. Коркунова) была автором ряда сочинений по медицинским вопросам и находилась в близких отношениях к профессору Военно-Медицинской академии кн И. Р. Тарханову

1398. В. П. ГАЕВСКОМУ

8 июля 1887. Серебрянка

8 июля. Варш. ж. дор., ст. Серебрянка.

Любезный друг Виктор Павлович.

Благодарю тебя искренно за присылку квитанции и за брошюру. Извини, что долго не уведомлял о получении: очень болен. До такой степени болен, что ни читать, ни писать не могу. Даже в мыслях никакой связи нет.

Прошу тебя передать мой сердечный привет уважаемой Елизавете Николаевне и поцеловать Колю.

Искренно тебе преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф 171, № 248, л. 72.
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с 292.
Год устанавливается по месту отправления письма.

1399. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

12 июля 1887 Серебрянка

12 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Увы! я не только для автобиографической, но и вообще ни для какой литературной работы не пригоден. У меня есть готовые три главы из давно начатой работы, я даже их в порядок не могу привести и переписать [1]. Доктора мои (здешние) положительно запрещают мне не только заниматься литературой, но избегать и переписки. Со мной что-то странное происходит: не могу десяти строк написать, как поднимается кашель и за ним — дерганье. Словом сказать, не жизнь, а мученье. Из семьи меня выключили, из распоряжений по дому — тоже. Все делается без моего участия и против моего желания. Ясно, что при таких условиях смерть самый желательный исход. А сердце не переставая тоскует.

Я только из Вашего письма узнал, что Боткин забрался в

Трувиль[2]. А за день перед тем написал ему в Культивлу письмо, где изложил свои докуки[3]. Не знаю, ответит ли он мне, но не буду удивлен, ежели и не ответит. Я всем так надоел, и притом у всех до такой степени внедрилось убеждение о том, что я *преувеличиваю,* что даже такое бесспорное доказательство, как моя теперешняя бездеятельность, в сравнении с обычною ретивостью, никого не убеждает. Сравните, как благочестно умирает Катков[4], сей истинный generis humani<s> hostis[5], окруженный семьей, друзьями, в богатом имении, плоде накраденных денег, и как рядом с ним околеваю я, одинокий, забытый,— как паршивый пес. А ведь я все-таки немало в свое время сделал для пробуждения общественного самосознания.

Вы жалуетесь на жары, а здесь по 1-е июля было счетом только два теплых дня, затем с 1-го по 7-е стоял жар, а теперь опять начались дожди и холод.

Прилагаемый пакет, по сделании на нем надписи, перешлите, пожалуйста, Вл. Ив. Лихачеву[6]. Он мне адреса своего не прислал, а сказал его жене, которая, с обычным своим легкомыслием, позабыла. С отъездом Лихачева сделалось как-то совсем пусто. Это единственный человек, который меня не оставлял.

Я даже умереть боюсь, пока он за границей: пожалуй, похоронят как червя.

Прощайте, будьте здоровы; передайте мой сердечный привет добрейшей Софии Петровне. Дружески жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 86.

Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941,* т XX, с. 312—313 Слова о Каткове приведены В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрнна».— *РБ,* 1914, № 4, с. 171, 174.

---

[1] Речь идет о первых главах «Пошехонской старины».

[2] Письмо неизвестно. В 1887 году Боткин лето и осень провел за границей, главным образом в Биаррице.

[3] Письмо неизвестно.

[4] Катков умер 20 июля 1887 года. «Все теперь занято болезнью Каткова,— писал Белоголовый Лаврову 31 июля,— и Салтыков в последнем письме ко мне проводит сравнение между заброшенностью и отчуждением, в которых он доканчивает свою старость,— и теми не только монаршими, но даже общественными симпатиями, которые отовсюду выражаются Каткову; — и параллель выходит действительно угнетающая!» (*ЦГАОР,* ф 1762, оп. 4, № 36, л. 67 об)

[5] Враг рода человеческого.

[6] Письмо неизвестио

1400. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24 июля 1887. Серебрянка

24 июля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Недели две тому назад я писал к Вам и вложил в мое письмо пакет, который просил Вас передать В. И. Лихачеву[1]. До сих пор я ни от Вас, ни от В<ладимира> И<вановича> ответа не получил, так что адрес Лихачевых мне неизвестен. Знаю, что он послан в Лусек, но поехал ли туда и где этот Лусек,— не знаю. Будьте так добры, уведомьте. Я знаю, что переписка со мной не интересна, но так и быть, потерпите.

Вот и Катков умер. Теперь на вакансии великого патриота, властителя дум и мужа совета состоит Суворин. Вот увидите, что так будет. Я, признаться, завидую Каткову: он сын своих дел. При жизни имел и почести и богатство, и наконец не долго томился и умер. Даже французы оплакивают его и шлют на могилу венки[2]. А скажет ли об нем история свое правдивое слово,— неизвестно. Потому что так все перепуталось, что и разобраться трудно. А ведь гаже человека нельзя себе вообразить.

Что касается до меня, то по почерку моему Вы уже догадаетесь, в каком я положении. Chorea в полной силе. Руки еле двигаются, непрерывная одышка, дерганье, кашель, насморк. И вдобавок адская обстановка.

Простите: больше не могу писать. Передайте мой привет уважаемой Софье Петровне и Лихачевым. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 87.

Впервые опубликовано В. Розенбергом.— *РБ,* 1914, № 4, с. 171—172 (второй абзац); полностью *Изд. 1933—1941,* т. XX, с 313.

---

[1] Пакет Лихачеву послан при письме от 12 июля См письмо 1399.

[2] Белоголовый в письме к Лаврову от 7 августа 1887 года писал: «В овациях к Каткову больше всего возмущает горе таких парижан, как Локруа, Флокке, и всей печати, которые только подливают масла на алтарь обоготворения имени Каткова в России» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп. 4, № 36, л. 71). Французский синдикат печати направил в редакцию «Московских ведомостей» телеграмму «с выражением соболезнования и посылает венок с лентой из национальных цветов» (*Р. вед*, 1887, № 201, 24 июля, с. 1). Возмущаясь реакцией, которую произвела во Франции смерть Каткова, В. А. Арцимович

10 августа (29 июля) писал Стасюлевичу. «Нет, даже на русском языке, достаточно сильных ругательных слов, чтобы наградить ими издателей французских журналов и газет и всех этих республиканских депутатов, ринувшихся в Москву <..> Какой хаос! Какое падение! Одна ненависть, к тому же не простая, а слепая, злобная, помутила умы и устраивает божеские почести человеку, который проповедывал не только уничтожение всяких человеческих прав, но и истребление целых народов» (*Стасюлевич*, т. IV, с. 256).

1401. А. Н. ПЫПИНУ

27 июля 1887. Серебрянка

27 июля

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Считаю долгом известить Вас, что я к сентябрьской книжке «В<естника> Е<вропы>» ничего прислать не могу. Да и вообще болезнь моя принимает такой оборот, что, вероятно, литературная карьера моя кончилась. Тоска сердечная, дерганье, беспрерывный кашель и насморк — все составляет невыносимое мучение. Руки и ноги дрожат.

До свидания. Жму Вашу руку.

М. Салтыков.

Ст Серебрянка.

Печатается по подлиннику· *ГПБ*, ф. 621, № 750, л. 17.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с 293

1402. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

27 июля 1887 Серебрянка

27 июля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

К великому моему горю, я ничего не мог приготовить к сентябрьской книжке. Да вряд ли и совсем моя литературная карьера не кончилась. В прошлом году я в это время пропасть написал, а ныне — ни строки. Заехал в трущобу, где ни малейшей помощи, один гвалт и терзание. Сердце так болит, точно рвут на части; кашель, дергание, дрожание рук и ног. Плохо мне.

Вот Катков благую часть избрал. Умер и дело с концом. А каковы поминки справляют! И французы туда же — просто бесстыдство [1]. Кто-то теперь будет властителем дум, первым патриотом и мужем совета? — вероятно Суворин. Он так и лезет. Был кабан — будет поросенок, это в порядке вещей.

Прощайте; не посетуйте за короткое письмо — поистине, больше не могу. Прошу передать мой сердечный привет многоуважаемой Любови Исаковне.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

А. Н. Пыпину пишу вместе с сим [2].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 147.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 38.

На письме помета Стасюлевича о получении: «.. 31 июля 1887» *(каранд)*

---

[1] См. прим. 2 к письму 1400.

[2] См. письмо 1401.

1403. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

28 июля 1887. Серебрянка

28 июля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за передачу моего письма В. И. Лихачеву, от которого я уже получил известие, что он начал лечение [1].

Приходило ли Вам когда-нибудь на мысль, что мы *никогда* не увидимся? Мне на днях это вздумалось, и, признаюсь, ужасно горько сделалось, что судьба так шутя разделяет людей, симпатизирующих друг другу. Впрочем, я серьезно начинаю <надеяться> на смерть; успокоила же она Каткова,— ужели не придет на выручку и ко мне, мучающемуся и страдающему без конца?

Вы совершенно правы: овации французов по поводу смерти Каткова положительно отравляют жизнь. Впрочем, Франция, по моему мнению, уже перестала быть светочем человечества [2]. От нее теперь смердит страхом перед Германией.

Ежели Вы увидитесь с Боткиным, то попросите его не оставлять меня. Мне кажется, что я ему уж надоел. Простите меня, что я опять скажу несколько слов о своей болезни. Меня лечат здесь двое: земский врач Николаев и студент (переходящий на 5 курс) Иваницкий. До сих пор я лечился фосфором, но в последнее время он перестал оказывать действие. Весь я дрожу, писать не только не могу, но двух мыслей связать не умею. Кашляю, кривляюсь.

Иваницкий решился списаться с Соколовым, и тот посоветовал опять прибегнуть к мышьяку. С сегодняшнего дня я оставляю фосфор и начинаю мышьяк с минимальных доз. Но ежели сделается понос, то сейчас же брошу. Ах, если б Вы

знали, как я страдаю и какую ужасную жизнь я веду. Заброшен, одинок, беспомощен [3].

Ну прощайте. Рука решительно пишет каракули. Передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне и поклонитесь Лорис-Меликову.

Искренно преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику. *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 88.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ,* 1914, № 4, с. 172 (второй и третий абзацы), полностью *Изд. 1933—1941,* т XX, с. 315

---

[1] Письмо неизвестно, неизвестен и ответ Лихачева.

[2] См. прим. 2 к письму 1400.

[3] Белоголовый 14 августа писал Лаврову: «От Салтыкова получаю отчаянные письма, он снова впадает в такое состояние, в каком был в Висбадене. всего снова дергает, не может творить и взывает о помощи, а какая тут помощь, когда, по моему расчету, он должен был умереть года полтора назад» (*ЦГАОР,* ф. 1762, оп. 4, № 36, л. 74).

1404. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

6 августа 1887. Серебрянка

6 августа Серебрянка

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я уже писал к Вам в Динар, что ничего не мог приготовить к сентябрьской книжке [1]. О том же писал я и А. Н. Пыпину, но получил ли он мое письмо — уведомления от него не имею [2]. Хоть бы слово черкнул.

Всем лето принесло оживление, а мне — ожесточение недуга и уверенность, что всякая умственная деятельность для меня прекратилась. Хоть я иногда и стараюсь обмануть себя, что боли пройдут и я еще буду работать, но, очевидно, это только самообольщение.

Горько мне до слез во всех отношениях. И в материальном смысле и в том, что это прекращает окончательно мои связи с миром живых. Ибо раз я не работаю — кому я нужен?

По почерку этого письма Вы можете судить, в каком положении мои руки, а ежели навестите меня по приезде в Петербург (о чем усердно прошу), то увидите, до чего довело меня отсутствие умелой врачебной помощи.

Повторяю: горько, горько до слез. Тяжело окунуться в пучину забвения, тяжело переживать самого себя. И все это при

злорадстве всех ненавистников, которые у нас только одни и могут открыто высказывать свое мнение.

Больше писать ничего не имею, да и не могу: рука отказывается. Передайте, пожалуйста, мой привет многоуважаемой Любови Исаковне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Ваша типография несколько обижает меня. Было условлено к 1 сентября напечатать три тома, а вот и август, а напечатан всего 1 том. В течение двух месяцев $13^1/_2$ листов [3].

Черкните мне хоть словечко: я буду рад. Я уеду отсюда не раньше 20-го [4].

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 58, лл. 149—150.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с 38—39.
На письме помета Стасюлевича о получении «Динар. 10/22 авг. 87».

---

[1] См. письмо 1402.

[2] См. письмо 1401.

[3] Салтыков имеет в виду два тома «Мелочей жизни» и книгу «23 сказки». «Мелочи жизни» вышли в свет между 16 и 23 августа, а сказки появились в первых числах октября. См письмо 1406.

[4] Салтыков вернулся в Петербург 29 августа (см. письмо 1407).

1405. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

12 августа 1887. Серебрянка

12 августа.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Я давно не писал к Вам по той уважительной причине, что рука едва двигается [1]. Страдаю я невыносимо, и дело, очевидно, идет к концу, но к концу мучительному. Сегодня ночью собака с час под окном моим выла и не нашлось сердобольной души, чтоб ее отогнать. Во всяком случае, литературная карьера моя кончилась: во все лето я не написал ни строки. И память совсем потерял, вообще впадаю в идиотизм. Как горько переживать самого себя — Вы представить себе не можете.

Я переезжаю в Петербург между 20—25 [2], стало быть почти в одно и то же время, как и Вы. Переезжаю один без семьи, которая остается на даче до 5 сентября. Будет ли у меня кухарка и даже прислуга вообще — ничего не знаю. Навестите меня.

Погода здесь во все лето только три недели была хорошая, остальное время — отвратительная. Теперь опять дня с три

выпало хороших. Затмение происходило во время проливного дождя, и ничего не было видно.

Унковский пишет[3], что у него необыкновенный урожай. Рожь сам-осьмнадцать. Яровые обещают еще больше, ежели погода не расстроит расчеты. Как-то у Вас.

Прощайте, будьте здоровы. Рука больше не пишет.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На конверте: В губ. гор. Вологду (дом Левитского) Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 72, 74.

Впервые опубликовано. *Письма,* с. 315—316

---

[1] Последнее письмо от 28 июня (см письмо 1397)

[2] Салтыков переехал 29 августа

[3] Письмо неизвестно

1406. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

15 августа 1887. Серебрянка

15 августа.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Глубоко Вам благодарен за письмо[1], которое мне доказало, что Вы принимаете во мне действительное участие. В том жестоком и безнадежном одиночестве, в котором я нахожусь — это для меня драгоценность.

Я уеду отсюда, вероятно, 25 числа. Целое лето провел в неслыханных страданиях и те же страдания ждут впереди с осенним и зимним мраком, с болью сердца и беспричинною тоскою. С 25 августа и по 3 сентября я пробуду в квартире совсем один, и так как все знакомые разъехались, то одиночество будет самое полное. Заняться я ничем не могу; весь я дрожу, голова болит. Недостает, чтоб я сделался сумасшедшим, и, кажется, похоже на то, что это случится. Эта ужасная мысль просто убивает меня, и я всегда всего больше этого боялся.

На типографию Вашу я жаловался напрасно. У меня уже налицо 10 чистых листов 2-го тома «Мелочей», и, вероятно, *там* уже почти все набрано. Боюсь, чтоб в цензуре не случилось с книгою неприятности (особливо по поводу «Газетчика»), а Ратынского, кажется, еще нет в Петербурге, и похлопотать некому. Впрочем. попытаюсь, напишу к нему — может быть, уж и воротился, откликнется[2].

Здесь после двухнедельных дождей, вот уж пять дней как наступила чудесная солнечная погода. Но в воздухе уже ощу-

щается большая свежесть, и ночью народ ходит в полушубках. Грибов такое изобилие, что даже на дорожках сада растут. И представьте себе, я даже этим хорошим временем пользоваться не могу, ибо как только хвачу свежего воздуха, так сейчас простужусь.

До свидания, многоуважаемый Михаил Матвеевич. Прошу Вас передать мой сердечный привет добрейшей Любови Исаковне, а меня извинить за короткое и бессодержательное письмо. Не клеится в голове, а рука едва пишет.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, лл 151—152
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 39.
На письме помета Стасюлевича о получении· «Динар 19/30 авг 87»

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Очерк «Газетчик» напечатан в отдельном издании «Мелочеи жизни». Письмо к Ратынскому неизвестно

1407. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

24 августа 1887 Серебрянка

24 августа Серебрянка

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Ежели Вы уже в Петербурге, то у меня до Вас большая просьба. Дело в том, что в настоящее время в цензуре находятся «Мелочи жизни» и срок истекает 27 числа, в четверг, в 1 ч. дня. Не будете ли Вы так бесконечно добры узнать *именно в это время* в магазине Стасюлевича, благополучно ли вышла книга, и потребовать от Хомиховского, чтоб он *тогда же*, т. е. в 1 час, послал мне телеграмму сюда. Я об этом просил его, но он так упорен, что, пожалуй, не сделает ничего. А между тем я мучаюсь неимоверно.

Я приеду в Петербург 29-го, в 6 часов вечера. Будьте любезны посетить меня. Ежели не в субботу, то в воскресенье утром. Увидите, что со мной сделалось за лето. Одышка, дерганье, дрожание рук — все тут. Неужели осень не доконает меня.

Положение мое значительно ухудшилось еще от того, что в последнее время мной овладела страсть к писанию, и я койчто настряпал из давно готового матерьяла [1]. Боюсь, что нескладно вышло и Стасюлевич откажется принять.

Ради Христа, исполните мою просьбу о книге. Ежели я в

четверг не получу телеграммы, наверное, целую ночь спать не буду. Послать надо именно в 1 ч. дня, потому что иначе она придет ночью и всех переполошит.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На конверте: С. Петербург. Николаевская, на углу Ивановской, дом Шульца. Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, лл 75, 77.

Впервые опубликовано. *Письма,* с. 316—317.

---

[1] Первые главы «Пошехонской старины»

1408. А. Н. ПЫПИНУ

25 августа 1887 Серебрянка

25 августа Серебрянка.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Не будете ли Вы так любезны навестить меня в понедельник в Петербурге (Литейная, 62). Я знаю, что просьба моя не совсем приятна, но дело в том, что у меня готова для октябрьской книжки «В<естника> Е<вропы>» статья и хотелось бы переговорить с Вами. Она начата мною давно, но только на сих днях случайно кончилась[1]. Поэтому я, десять дней тому назад, не писал об ней даже Мих<аилу> Матв<еевичу>, не зная наверное, выйдет ли что-нибудь. Мне желалось бы, чтобы ее поскорее набрали, потому что я намерен сам прочитать корректуру, а сделать это я не могу раньше как в 3—4 дня. Разумеется, моя корректура останется до приезда М. М. Стасюлевича, и он уже решит, печатать ли статью или нет, но набрать ее все-таки, полагаю, можно.

В ожидании свидания, жму Вашу руку.

М. Салтыков.

На конверте: Васильевский остров, 2-я линия 7, в Главную Контору журнала «Вестник Европы» Для дальнейшей передачи А Н Пыпину.

Печатается по копии В А. Ляцкой, дочери Пыпина· *ГПБ,* ф 621, № 750, лл. 18—20.

Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с. 293—294

На копии приписка В. А Ляцкой. «Это письмо было скопировано мною, по желанию отца, много лет назад Вероятно, оригинал был им подарен кому-нибудь в качестве автографа *В Л*».

---

[1] В письме речь идет о первых главах «Пошехонской старины» (Введение.— I Гнездо.— II. Мое раннее детство.—Воспитание физическое.— III. Воспитание нравственное), напечатанных в октябрьском номере «Вестника Европы».

1409. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

26 августа 1887. Серебрянка

26 августа

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Несколько замедлил писать Вам, потому что болезнь идет все crescendo. Этому не мало способствовало то, что с 20 числа находится в цензуре моя книга «Мелочи жизни», и я нахожусь в неизвестности об ее участи. И, вероятно, до самого переезда в Петербург ничего не буду знать. Сверх того, в последнее время меня обуял демон писания, и я кой-что накропал из старого материала [1]. Но это ужасно меня измучило.

Это последнее письмо, которое я пишу Вам отсюда, ибо 29-го вечером буду уж в Петербурге. Кончатся дачные мучения, начнутся петербургские.

Удивляюсь, как Боткин, столь знаменитый и искусный врач, не может мне помочь. Хоть бы сколько-нибудь поставил на ноги, а то я уже почти совсем ходить не могу от слабости и какого-то невыносимого тупого страдания в ногах. Мне кажется, что ему просто не хочется хотя некоторое время пристальнее последить за мной. Заезжая на четверть часа раз в два месяца, трудно сделать что-нибудь полезное. Будьте так добры, поговорите с ним обо мне, когда свидитесь. Лихачев писал мне [2], что Вы увидитесь с С<ергеем> П<етровичем> [3], когда он будет на обратном пути. Пожалуйста, попросите заняться мной. Вот я теперь еду в Петербург один и не знаю, когда меня кто-нибудь из врачей посетит. Всем я опостылел, и горько сознаю свое униженное состояние. Я совсем вне жизни, ничего не знаю, что делается, и если б даже был в состоянии писать, то материала свежего нет. Ничего не читаю, никого не вижу, живу как идиот. А ведь я все-таки что-нибудь сделал в жизни и заслужил.

Прощайте, будьте здоровы и передайте мой дружеский поклон добрейшей Софье Петровне. Жму Вашу руку.

Искренно преданный

М. Салтыков

Поклонитесь, пожалуйста, Лорис-Меликову и его семейству.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 89

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ*, 1914, № 4, с 174 (первый абзац), полностью· *Изд 1933—1941*, т XX, с. 319—320

---

[1] Первые главы «Пошехонской старины». См. письмо 1408. Белоголовый 11 сентября сообщал Лаврову. «Вчера получил письмо ог Салтыкова, он на днях переезжает в Петербург с дачи, и хотя письмо все полно жалоб, но почерк лучше и сам сообщает, что начал снова что-то творить» (*ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, № 36, л 85 об.)

[2] Письмо неизвестно

[3] С П. Боткин.

1410. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

1 сентября 1887. Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Будьте так добры передать через магазин Карбасникова В. М. Соболевскому прилагаемое письмо[1] вместе с 94 рублями, которые я Вам при первом свидании уплачу.

Искренно преданный

1 сентября *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л. 78.

Впервые опубликовано. *Письма*, с. 317.

Датируется по помете Пантелеева («87 г») и по связи со следующим письмом.

---

[1] См письмо 1411.

1411. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

1 сентября 1887. Петербург

1 сентября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Я так страдал целое лето, что мог написать (почти только переписать со старого) в последнее время листа полтора, составляющих начало труда, обещанного мною Стасюлевичу[1]. Буду ли продолжать — не знаю, ибо положительно измучен. Поэтому и Вам ничего обещать не могу. А так как по моим расчетам за мной состоит в долгу «Р<усским> в<едомостям>» 94 р., то считаю нужным Вам их возвратить вместе с сим (через магазин Карбасникова) и прошу о получении меня уведомить.

Положение мое страшно жалкое. Голова не в порядке, память пропала, руки и ноги дрожат. Ежели не распространяюсь больше, то потому, что уж всем надоел и все меня обросили

У меня до Вас нахальная просьба. Вышла моя книга «Мелочи жизни». Не можете ли Вы напечатать в «Р<усских> в<едомостях>» два или три раза объявление об ней: на будущей неделе во вторник, четверг и в воскресенье. Я бесконечно Вам буду обязан. Текст объявления при сем прилагается [2].

В ожидании словечка от Вас, остаюсь искренно преданный

М. Салтыков

Где Вы живете? на прежней ли квартире?

На конверте Москва, Чернышевский переулок, 7
В контору «Русских ведомостей» для передачи В М Соболевскому с приложением 94 рублей.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 57, л. 166.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.. *Русские ведомости*, с. 210 (часть первого и второй абзацы); полностью· *Неизданные письма*, с 294—295

---

[1] «Пошехонская старина».

[2] Объявление о выходе «Мелочей жизни» напечатано на первой странице «Русских ведомостей» 8, 10, 13 сентября, с указанием содержания и цены книги Прилагавшийся к письму автограф объявления не сохранился.

1412. В. П. ГАЕВСКОМУ

2 сентября 1887 Петербург

2 сентября

Любезный Виктор Павлович.

Получил ли ты мою книгу «Мелочи жизни»? Костя отдал ее твоему швейцару. Уведомь, пожалуйста, да зайди, ежели можешь. Я очень болен.

Весь твой
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф. 171, № 248, л. 73.
Впервые опубликовано *Неизданные письма* с 295.

1413. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 сентября 1887. Петербург

7 сентября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Мое письмо будет, вероятно, из первых, которые встретят приветствием Ваше водворение в Галерной [1]. Начну с извинения: не дождавшись Вас, я передал А Н. Пыпину статью (начало труда, об котором я Вам давно говорил) для октябрьской

книжки[2]. Когда я, дней двадцать тому назад, писал к Вам последнее мое письмо[3], то добрая половина статьи была уже готова, но так как я не был уверен, что кончу определенные заранее 3 главы, то и не упоминал об этом. Однако ж случилось, что я успел кончить. Теперь я уже прочитал статью в корректуре и желал бы, чтоб и Вы прочитали ее уже в исправленном по *моей* корректуре виде.

Признаюсь откровенно, я боюсь, что вышло несколько мрачно и нескладно. Боюсь, что и Вы найдете то же самое. Во всяком случае, ежели Вам статья не понравится, то прошу Вас сказать мне Ваше мнение вполне без церемоний. Я желал бы только, чтоб Вы поскорее повидались со мною.

До свидания, многоуважаемый Михаил Матвеевич, жму Вашу руку и остаюсь

искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 58, л. 153.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с. 40.

---

[1] Редакция «Вестника Европы» и квартира Стасюлевича помещались в доме № 20 по улице Галерной (ныне улица Красная). В начале сентября 1887 года Стасюлевич вернулся из заграничного путешествия.

[2] Начало «Пошехонской старины». См. письмо 1408.

[3] См. письмо 1406.

1414. А. Н. ПЫПИНУ

8 сентября 1887. Петербург

8 сентября. Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Пожалуйста, помогите мне. Вероятно, в типографии предположили, что я потребовал корректуру «Пошехонской старины» из праздного любопытства, потому что прислали ее мне без оригинала и притом доселе не берут ее от меня. А между тем я сделал довольно много исправлений[1] и желал бы, чтоб статья была исправлена согласно с моей корректурой и в этом виде доставлена М. М. Стасюлевичу, ежели он не отложил своего приезда без срока. Сентябрь уже надвигается и печатание книжки тоже. Будьте так добры распорядиться, чтоб у меня взяли корректуру, и наблюсти, чтоб статья моя не была напечатана без моих исправлений. Да ежели это возможно, скажите Ваше откровенное мнение об ней. Стоит ли продол-

жать? Я уже около листа написал, и это стоит мне больших мучений. Кстати: сообщите мне Ваш адрес и адрес К. К. Арсеньева.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Пожалуйста попросите, чтоб поскорее прислали за корректурой.

На конверте: Александру Николаевичу Пыпину.

Печатается по подлиннику. *ГПБ,* ф. 621, № 750, лл. 21—22.

Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 295—296

---

[1] О внесенных Салтыковым в текст главы исправлениях см т. 17, с 546—547.

1415. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

8 сентября 1887 Петербург

8 сентября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Если Вы полагаете, что из-за слов (в заглавии) «Пошехонского дворянина» могут вырезать всю статью, то сделайте милость, выбросьте их [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Я бы желал быть вне всяких сомнений.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 155

Впервые опубликовано· *Стасюлевич,* т. V, с. 40.

---

[1] Первоначальное заглавие· «Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина» В журнале печаталось под заглавием: «Пошехонская старина. Жизнь и приключения Никанора Затрапезного».

1416. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 сентября 1887. Петербург

9 сентября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не найдете ли Вы более уместным во 2-й гранке слова: *вовлеклись в тревогу* — заменить выражением: *обнаружили нетерпение,* которое и т. д. [1].

Извините, что беспокою Вас; больше не буду. Да и теперь вполне располагаюсь на Вас, и только предлагаю, а не настаиваю.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 58, л. 157.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т V, с 40

[1] Просьба Салтыкова была выполнена

1417. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 сентября 1887. Петербург

9 сентября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Еще раз простите. Не лучше ли в заглавии вместо слова «Житие» написать: «Жизнь и приключения». Как бы цензура к «Житию» не придралась [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л 159.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с. 41.

[1] См прим 1 к письму 1415

1418. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

13 сентября 1887. Петербург

13 сентября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

На днях я послал Вам экземпляр «Мелочей жизни», который Вы, конечно, уже и получили. Вероятно, это последнее издание, которое я делаю, и публика более ничего от меня не дождется. Ибо хотя в октябрьской и ноябрьской книжках «Вести<ика> Евр<опы>» и появятся мои статьи [1], но я сам знаю, что они до крайности плохи, нескладны и бесцельны. В этом же убедитесь и Вы, прочитавши их, и, конечно, не посоветуете продолжать. Если же я решаюсь все-таки печатать их, то только потому, что деньги нужны. Они могут быть нужны и после, но я не теряю надежды умереть.

Голова моя совсем перестала работать, и материала для наблюдений нет,— что же путного из этого может выйти? Вот про Лорис-Меликова Лихачевы пишут [2], что он все лето из квартиры не выходил, но я все-таки завидую ему. Во-первых, он живет в хорошем климате, во-вторых, располагает своими действиями, и в-третьих, любим в семье и имеет друзей.

О Боткине здесь ходят разные слухи. Адепты его утверждают, что он всю зиму пробудет за границей, а может быть и сряду две. Из сыновей его ни разу ни один ко мне не зашел, и

это очень меня огорчает. Вообще, неизвестно, с чего все Боткины в последнее время сделались совсем ко мне равнодушны.

От В. И. Лихачева давно писем не получаю и не знаю, где он теперь. Жена слышала от Е. П. Елисеевой, будто Елена Иосифовна извещала их о скором переезде в Париж, но насколько это справедливо — не знаю. Сам Григорий Захарыч болен воспалением легких, но Соколов говорит, что он вынырнет.

Здесь уже в полном смысле слова наступило царство мрака. Под влиянием дурной погоды и недуги мои усиливаются. К главному недугу присоединяются разные мелочишки, вроде гриппа и несноснейшего насморка. А в моем положении все эти мелочишки чувствуются вдвое.

Стасюлевич воротился на днях, но, кажется, морские купанья пошли ему не в пользу. Похудел и постарел.

Прощайте, добрейший друг! пожелайте мне скорейшего расчета с жизнью,— вот все, что мне надо.

Передайте от меня сердечный привет многоуважаемой Софии Петровне и поздравьте ее с именинами. Жена Вас тоже обоих поздравляет.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику. *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 90-а.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с. 174—175 (первый и начало второго абзаца), полностью. *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 323—324

[1] Первые главы «Пошехонской старины»

[2] Письмо неизвестно

1419. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

13 сентября 1887. Петербург

13 сентября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Возвращение мною долга «Русским ведомостям» вовсе не имеет значения разрыва с газетой, а означает только, что я не надеюсь на себя. Заглянувши в октябрьскую книжку «В<естника> Евр<опы>», Вы сами убедитесь, что я уже далеко не тот, что прежде, и хотя я готовлю продолжение[1], но, кажется, это будет последняя статья, на которой я и покончу свое литературное поприще. Выходит нескладно, бесцельно и даже безобразно; юмор совсем исчез, а он всегда был моею главною силой. Словом сказать, голова совсем перестает работать, и

становится совестно перед читателем. Только какое-нибудь чудо может возвратить меня снова к литературной деятельности, но, увы! в наше время чудес не бывает. Если же бы таковое совершилось, то я ни в каком случае не обойду «Русс<ких> вед<омостей>», помня то гостеприимство, которое они мне всегда оказывали.

Благодарю Вас искренно за напечатание объявления о моей книге [2]. На днях я Вам послал ее. По всей вероятности, это — *последнее* издание, которое я делаю.

Наступают серые осенние дни, а с ними вместе сердечная тоска становится еще более удручающею. К тому же меня, кроме главной болезни, настигают еще мелочи, вроде, например, гриппа, которым я в настоящее время страдаю. Ноги тоже совсем отказываются служить. Боткин на всю зиму уехал за границу, а на прочих докторов надежда плохая. Впрочем, и Боткин в последнее время неглижировал меня. Вообще я не взыскан судьбою с точки зрения друзей. Представьте себе, Плещеева я уже более полугода не видал. В газетах тоже помалчивают обо мне, и об моей новой книге — нигде ни слова [3]. Точно я уже давно умер, да забыли похоронить.

Ежели будете в Петербурге, то, пожалуйста, навестите.

Прощайте, будьте здоровы. Рука насилу пишет.

Искренно преданный

М. Салтыков.

На конверте: Москва. Чернышевский пер , 7.

В контору «Русских ведомостей». Для передачи В М Соболевскому с приложением 94 рублей.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, лл 168—170.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн *Русские ведомости,* с 211 (без первой фразы и подписи); полностью *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 324—325.

---

[1] Речь идет о «Пошехонской старине».

[2] См письмо 1411.

[3] 13 сентября «Русские ведомости» напечатали анонимный отзыв об отдельном издании «Мелочей жизни».

1420. А. Н. ПЛЕЩЕЕВУ

14 сентября 1887 Петербург

14 сентября

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Посылаю при сем 5 экземп<ляров> «Мелочей жизни», прошу принять один из них лично от меня, а прочие раздать

по принадлежности. Что касается до Кривенко и Михайловского, то не может ли контора «С<еверного> в<естника>» переслать им мои книги. Я не знаю их адресов и тотчас же уплачу расходы на пересылку.

Я до того забыт, что ни в одной газете о моей книге — ни гугу [1].

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 501, карт. 1, № 7.

Впервые опубликовано А. Плещеевым в сообщении «Материалы для биографий русских писателей» — «Петербургский дневник театрала», 1905, №№ 15 и 16, с 2—3.

---

[1] См. прим. 3 к письму 1419

1421. А. Н. ПЫПИНУ

22 сентября 1887 Петербург

22 сентября Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Ежели Вам известен адрес М. А. Антоновича, то будьте так добры сообщить мне его [1]. У меня статья для ноябрьской книжки уже совсем готова; нужно только кое-что исправить. Боюсь только, что редакция не найдет ее годною к напечатанию [2].

Михаила Матвеевича я не видал уже больше недели.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На конверте: Здесь. Васильевский остров, Средний проспект между 5 и 6 лин., 29. Его Высокоблагородию Александру Николаевичу Пыпину.

Печатается по подлиннику: *ГПБ,* ф. 621, № 750, лл. 23—24

Впервые опубликоваио: *Неизданные письма,* с. 298—299.

---

[1] Салтыков, видимо, собирался послать Антоновичу книгу «Мелочи жизни».

[2] В ноябрьской книжке «Вестника Европы» напечатаны четвертая и пятая главы «Пошехоиской старины».

1422. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

23 сентября 1887. Петербург

23 сентября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я кончил две главы «Пошехонской старины» [1] (приблизительно 2 листа) и желал бы знать, найдется ли для них место

в ноябрьской книжке. Ежели Вы ответите утвердительно, то я не замедлю прислать к Вам рукопись. А может быть Вы и сами, сдав октябрьскую книжку в цензуру, заблагорассудите навестить меня. Мне желательно было бы самому прочитать последнюю корректуру (с оригиналом), а по состоянию моего здоровья это потребует около трех дней. Пожалуйста, разрешите мои сомнения.

Вот и Ратынский умер [2], а так как он *читал* «Вестник Европы», то с октября Вам дадут нового чтеца. От души желаю, чтобы чтец этот был столь же удобен, как и Ратынский.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 161
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с 41.

---

[1] «День в помещичьей усадьбе» и «Первые шаги на пути к просвещению».

[2] Н А Ратынский умер 21 сентября

1423. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

25 сентября 1887. Петербург

25 сентября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Очень благодарен Вам за доброе Ваше письмо [1] и за то, что книга [2] моя принята Вами радушно. Хотел бы Вам и в будущем обещать много книг, но, вероятно, не придется. Рабочая сила не по дням, а по часам слабеет, и надежды в будущем нет.

У нас, т. е. в окружающем меня маленьком обществе, все смертные случаи. Четыре дня тому назад умер Ратынский, которого, помнится, Вы видели в Париже. Почувствовал себя дурно на углу Литейной и Невского, нанял извозчика, но едва доехал до дому, как у него в швейцарской отнялись руки, ноги и язык. Сутки, однако ж, после этого прожил, но сознавал ли что-нибудь — неизвестно. Покойный был мне товарищем по Московскому Дворянскому институту и в последнее время часто меня навещал. Он крайне был для меня полезен в цензурном отношении, ибо служил в Совете книгопечатания членом.

Не успела промелькнуть эта смерть, как пришла другая. На даче нынешним летом меня навещал студент академии Иваницкий, и мы так дружески сошлись, что он даже проводил меня с дачи в Петербург. Так как он обещал зайти ко мне, то я два раза писал к нему напоминательные письма [3], спрашивал

о причине перемены, случившейся в наших отношениях, но ни на одно письмо ответа не получил. Сегодня утром пришел его товарищ и объявил, что вчера он умер от апоплексии. А не отвечал мне, потому что для него настала пора запоя. Ужасно мне жаль этого бедного молодого человека, который так тепло и сердечно отнесся ко мне. После него осталась жена с троими детьми. К счастию, у них хоть небольшое состояние есть.

Лихачевых ждут в воскресенье 27 числа. Жена поедет их встретить.

Здоровье мое все в том же состоянии. Конечно, советы заочно давать трудно, но вот случай, который, как мне кажется, Вы можете и за глаза обсудить. Дело в том, что желудок мой совсем бездействует, или, лучше сказать, кишки.

<— — —>

Передайте от меня и от жены сердечный привет добрейшей Софье Петровне.

Жму Вашу руку. Искренно Вас любящий

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 90-б.
Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 326—328

[1] Письмо неизвестно
[2] «Мелочи жизни».
[3] Письма неизвестны

1424. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

9 октября 1887. Петербург

9 октября

Многоуважаемый Николай Константинович.

Не можете ли Вы зайти ко мне завтра в субботу, между 2—3 часами. У меня написана статейка для «Рус<ских> вед<омостей>» [1], но я желал бы проверить себя и относительно внутренних достоинств и в цензурном смысле. Я послал бы ее Вам по почте, но боюсь, чтобы не затерялась Будьте так добры, навестите.

Преданный Вам
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 29, л 67
Впервые опубликовано: *Письма*, с. 318.

Год устанавливается по связи с письмом 1426 и по упоминанию о субботе, которая на 10 октября приходилась в 1887 году.

[1] Очерк «Дети», позднее включенный в «Пошехонскую старину». Первоначально Салтыков предполагал напечатать его в «Русских ведомостях»

1425. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

11 октября 1887. Петербург

11 октября

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Куда Вы запропали? Ужели грипп и до сих пор держит Вас взаперти? Пожалуйста, навестите, ежели простуда прошла. Я сам неизвестно где простудился и едва дышу.

Преданный Вам

М. Салтыков

На конверте: На углу Николаевской и Ивановской, дом Шульца Его Высокородию Логгиму Федоровичу Пантелееву

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 38, лл 80, 82

Датируется по почтовому штемпелю («12 окт. 1887 С-Петербург») и помете Пантелеева («12 окт 87 г.»).

1426. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

11 октября 1887. Петербург

11 октября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Что я не покинул и не думаю покидать «Русские ведомости», доказательством служит статья «Дети», которую я, вместе с сим, посылаю в двух страховых пакетах. Вы, вероятно, получите ее в среду и будете иметь возможность предварительно прочесть, чтобы напечатать в воскресенье, ежели <не> найдете препятствий. Ежели найдете статью скучною или нецензурною, то, пожалуйста, пришлите ее мне обратно *немедленно.* Ежели найдете необходимым что-либо изменить, то обращайтесь к Михайловскому (Пушкинская, Пале рояль), но всего лучше присылайте статью обратно, ибо я так болен, что переписка и переговоры для меня сущее наказание [1]. Но Михайловский уже читал статью: она ему понравилась, и нецензурного он в ней ничего не нашел [2].

Просьба: нельзя ли напечатать 18, 22 и 25 числа прилагаемое объявление [3]. Простите, что надоедаю.

Гонорар за статью, ежели она напечатается, пришлите через контору Юнкера, а равно 10 оттисков не забудьте прислать.

Не будете ли так добры телеграфировать мне, будет ли напечатана статья и когда. Самая короткая телеграмма: да, такого-то числа. Или: высылается обратно.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте искренно Вам преданного

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, р. 366, оп 3, № 57, л 171.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с 299—300

---

[1] Очерк «Дети» не был напечатан в «Русских ведомостях», он появился в декабрьской книжке «Вестника Европы». Соболевский 15 октября писал Михайловскому. «В бытность мою в Петербурге я обещал Михаилу Евграфовичу немедленно по приезде в Москву дать по телеграфу категорический ответ, будет ли и если будет, то когда помещена присланная им в мое отсутствие статья Прочитав ее по приезде, я отвечал следующее: «Помещу в воскресенье». Это было вчера, а сегодня я из достоверных источников получил известие, что в надлежащих сферах ждут первого повода, чтобы применить к «Русским ведомостям» одну из двух мер: приостановку издания или запрещение объявлений. И та и другая меры будут теперь равносильны закрытию газеты Ввиду этого я считаю напечатание очерка Михаила Евграфовича в настоящее время невозможным: заключение очерка будет истолковано не иначе как в смысле резкой критики «системы» того самого ведомства, из-за которого газете уже запрещена розничная продажа. Я прошу тебя немедля побывать у Михаила Евграфовича и объяснить ему все это, возвратив статью, которую посылаю при сем. Это нужно сделать раньше понедельника, так как иначе непоявление в воскресном номере его очерка расстроит его, писать же ему об этом я не считаю себя вправе, так как он просил меня не беспокоить его деловой перепиской, а обращаться к тебе» (*ИРЛИ*, ф 181, оп. 1, № 66, лл. 3—4).

[2] См письмо 1424.

[3] Объявлений Салтыкова в октябре — ноябре в «Русских ведомостях» не появлялось.

1427. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

11 октября 1887. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я позабыл Вам сказать, что под заглавием выставил в скобках: 1834—1836 гг. Это я сделал для цензуры, но ежели Вы находите лишним, то вычеркну [1].

Пишу вечером, зажмурив глаза.

Весь Ваш

М. Салтыков.

11 октября

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 163
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 41.

---

[1] Приведенная Салтыковым дата в журнальной публикации (*ВЕ*, 1887, № 11) помещена в качестве подзаголовка к очерку «День в помещичьей усадьбе». При подготовке первого Собрания сочинений 1889—1890 годов дата была снята.

1428. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

15 октября 1887. Петербург

15 октября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я обещал Вас известить о том, будет ли в декабрьской книжке продолжение «Старины», и спешу исполнить это обещание[1]. Я уже начал Портретную галерею, но пишется довольно туго, в особенности по причине необыкновенно-мрачной погоды, которая ужасно тяжело влияет на мое здоровье. Поэтому я боюсь с уверенностью сказать, буду ли я готов. Может случиться так, что совсем придется бросить на время писание, как бы ни велико было мое желание поспеть к сроку. В свою очередь, я просил бы Вас уведомить меня, на всякий случай, найдется ли для меня место (листа на 2—2$^{1}/_{2}$) в январской книжке будущего года, или она уже вся занята. Вообще, я понимаю, что по особым условиям, в которых я нахожусь, я сотрудник не совсем удобный и надежный, но — увы! — это уже не от меня зависит. Сегодня, например, мне так мучительно, что я ни строки не мог написать.

Есть у меня до Вас довольно нескромная просьба. Как Вам известно, Хомиховский приобрел у меня для Склада «Сказки» (2-е издание) и выдал мне две платежные расписки, по 700 р. каждая, на сроки: 1 февраля и 1 мая 1889 года, т. е. на 15$^{1}/_{2}$ и 18$^{1}/_{2}$ месяцев. Я, разумеется, согласился, потому что не желаю иметь дело с другими книжными магазинами, да и не в силах хлопотать, но все-таки сроки мне кажутся чересчур отдаленными. Не будете ли Вы так добры убедить г. Хомиховского изменить их так, чтобы первый платеж приходился через 13$^{1}/_{2}$, а второй через 15$^{1}/_{2}$ месяцев, т. е. 1 декабря будущего года и 1 февраля 89 года. Мне ужасно совестно обращаться к Вам с такою просьбой, но ежели и Вы найдете ее нескромною, то не давайте ей хода и забудьте об ней.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 165
Впервые опубликоваио· *Стасюлевич*, т. V, с 42.

---

[1] В декабрьской книжке «Вестнпка Европы» напечатаны шестая и седьмая главы «Пошехонской старины» (VI. Дети.— По поводу предыдущего.— VII. Портретная галерея.— Тетеньки-сестрицы).

1429. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19 октября 1887. Петербург

19 октября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Если б не «Вестник Европы», то литература сама собой подвергла меня остракизму, и таким образом задача цензурного ведомства упростилась бы. Я говорил Вам, что у меня есть статейка под названием «Дети» и что «Рус<ские> ведом<ости>» возвратили мне ее. Затем я отдал ее Гайдебурову, который хотя и согласился напечатать, но в голосе его звучала такая неуверенность, что я взял статью обратно, хотя, по моему искреннему убеждению, в ней нет ничего опасного. Теперь я припоминаю, что по поводу этой статьи Вы давали мне благой совет: приурочить ее к «Пошехонской старине». Перечитав ее сегодня, я убедился, что это не только возможно, но будет совершенно уместно и потребует самых ничтожных изменений! Поэтому я обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбой уведомить меня, не признаете ли Вы удобным, чтоб я сделал из нее VI главу, которая хотя и будет отступлением, но далеко не лишним [1]. К этому присоединится VII глава (начало Портретной галереи), которой я написал три четверти и надеюсь, что к самым первым числам ноября допишу совсем, а может быть и ранее. Все вместе составит около 22 страниц. И хотя я воистину мучительно болен, но думаю, что судьба сжалится надо мною и даст мне доконить характеристику, давно задуманную.

Теперешнее мое существование может быть охарактеризовано двумя словами: живая смерть. Память меркнет, сознательность пропадает в такой степени, что в собеседованиях с знакомыми я веду себя как потерянный.

Так, например, я забыл спросить Вас, признали ли Вы удобоисполнимою мою просьбу насчет срока платежей. Простите мою назойливость, но я так уверен в близости конца, что теперь ни о чем другом думать не могу, кроме того, чтобы оставить свои дела в порядке.

Ежели многоуважаемая Любовь Исаковна возвратилась, то прошу передать ей мой сердечный привет.

Простите за длинное письмо.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлининку *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, лл. 167—168.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т. V, с. 42—43

---

[1] Салтыков ввел очерк «Дети» в состав шестой главы «Пошехонской старины». См т 17, с 554—555

1430. В. П. ГАЕВСКОМУ

25 октября 1887. Петербург

25 октября

Любезный друг Виктор Павлович.

На Костю пошла невзгода. Третий праздник сряду его наказывают. Прошлое воскресенье за то, что подрался (впрочем, жена ездила к Лемму и выпросила). В среду оставили на два часа за то, что подсказывал товарищу (в классе у Лемма), да за то же Лемм поставил ему единицу вместо одиннадцати, а за единицу оставил до сегодня утра. Это меня совсем измучило. Сверх того, Костя меня уверяет, что он в своем классе первый ученик (баллы у него порядочные), но я начинаю сомневаться в этом, потому что с первым учеником не стали бы поступать так бесцеремонно.

Если ты увидишь Лемма, то не можешь ли сообщить ему, что эти систематические оставления мучат не столько Костю, сколько меня, и что, по моему мнению, за подсказыванье достаточно наказать один раз, да и то поставить в угол, а не оставлять без отпуска. Сверх того мне очень хотелось бы знать, действительно ли он первый ученик в классе или из первых. Можно ли рассчитывать, что он перейдет в Лицей. Ибо он в таком возрасте, что ежели не перейдет, нѐкуда будет деваться с ним.

Пожалуйста, прости меня за беспокойство и назойливые просьбы.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 171, № 248, л 74

Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с 306 (с ошибочной датой 25 октября 1888 года)

Письмо относится к 1887 году: в январе этого года Константин Салтыков поступил в приготовительный класс лицея, а в октябре 1888 года Гаевского уже не было в живых

---

[1] А. Э. Лемм (Лемм-младший)в это время заведовал приготовительными классами в Александровском лицее

1431. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

27 октября 1887. Петербург

27 октября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я с трудом пишу к Вам, зная, что не получу от Вас вести, покуда не очищу старого номера. Так всегда водилось в кан-

целяриях и департаментах. Между тем мне крайне хотелось бы знать Ваше мнение о «Пошехонской старине». Пожалуйста, скажите прямо, что Вы думаете. Кстати, дней через шесть после этого письма подоспеет к Вам ноябрьская книжка «В<естника> Е<вропы>», так и там есть продолжение[1]. Здесь мне сообщают лестные отзывы, но, вероятно, не хотят огорчить хворого человека. Мне же лично мой новый труд кажется не совсем складным. В газетах и журналах, по обыкновению, молчат[2]. С громадным мучением я приготовил еще 3-ю статью для декабря, но на этом, вероятно, и кончится моя литературная деятельность[3].

А литературное мое положение вот какое. Большая половина лит<ературных> органов ненавидит меня и молчит обо мне, как будто я последний из писак. Затем остаются только четыре органа, которые сочувственно относятся ко мне: «Сев<ерный> вестник», «Неделя», «Русские ведомости» и «Вестник Европы». В первом я не могу появляться, потому что он подцензурный. О средних двух скажу Вам следующее. В начале этого месяца я написал статейку «Дети» и послал в «Рус<ские> вед<омости>». Оттуда мне ее возвратили, так как они при первом случае ожидают, что их совсем закроют, и хотя моя статья ничего противоцензурного не представляет, но самое имя мое противоцензурно[4]. Я отдал статью в «Неделю», но Гайдебуров прибежал ко мне в таком трепете, что я сам уже взял ее назад. Не правда ли, что это похоже на остракизм. Литература, без особенных начальственных усилий, изгоняет меня. Таким образом, я нахожусь совершенно во власти Стасюлевича, человека капризного и своенравного, который может *рассердиться* на меня (один раз это уже и было) и окончательно устранить меня. Мог ли я думать, что доживу до такого срама. Вы прочитаете «Детей» в декабрьской книжке (я приспособил их к «Старине») и увидите сами, из-за чего сыр-бор загорелся.

Да и у Стасюлевича разговор короткий. Ежели цензура пожелает, он без малейших колебаний вырежет ее, чтоб только не опоздать 1-го числа. <..>

До свидания. Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 91

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ*, 1914, № 4, с. 176, 181 (фраза о лестных отзывах о «По-

шехонской старине» из первого абзаца и фрагмент об очерке «Дети» из второго и третьего абзацев), полностью· *Изд 1933—1941,* т. XX, с 332—333

---

¹ Четвертая и пятая главы «Пошехонской старины» («День в помещичьей усадьбе», «Первые шаги на пути к просвещению»)

² Не совсем точно. Отклики на первые главы «Пошехонской старины» напечатали «Русский курьер» (17 октября, № 286, с. 1); «Новороссийский телеграф» (23 октября, № 3876, с. 1); «Южный край» (16, 17 и 18 октября) Правда, развернутых рецензий на главы «Пошехонской старины» не появилось, напечатанные же отклики, особенно в провинциальных изданиях, Салтыков мог не знать, чем и объясняется упоминание о молчании газет.

³ В декабрьском номере появились шестая и седьмая главы («Дети — По поводу предыдущего» и «Портретная галерея — Тетеньки-сестрицы»)

⁴ См письмо 1426 и прим 1 к нему

1432. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

29 октября 1887. Петербург

29 октября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я получил вчера (через Вас) из Парижа письмо от некоего Гальперин-Каминского[1], величающего себя редактором «Nouvelle Revue», с просьбой сообщить ему факты для реабилитации Тургенева по поводу разоблачений некоего Павловского, сотрудника «Нового времени» (см. сегодняшний №)[2]. Он прибавляет, что с подобной же просьбой обращается и к Вам. Между прочим делает ссылку на письма Тургенева ко мне, где будто бы он отзывается о звездах франц<узской> литературы не вполне почтительно.

Я так болен, что обстоятельного ответа дать не могу, да не могу и уничтожить то, что написано в письмах Тургенева. Отвечать, однако ж, надо[3]. Но мне хотелось бы предварительно знать, будете ли Вы отвечать и в каком тоне. Сообразно с этим поступлю и я[4]. И потому прошу Вашего совета.

Я уж очень давно Вас не видел. Вероятно, Вы очень заняты.

Прошу Вас передать мой привет многоуважаемой Любови Исаковне

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л 169
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с 43

---

¹ Письмо неизвестно.

² Имеется в виду статья Ф. Булгакова «С того берега» (*НВ,* 1887,

№ 4191, 29 октября), посвященная разбору книги И. Я. Павловского «Souvenirs sur Tourgueneff» (Paris, 1887).

[3] Речь идет, по всей вероятности, о письме Тургенева Салтыкову от 25 ноября/7 декабря 1875 года с отзывами о Гонкуре и Золя.

[4] Салтыков ответил 14 ноября. См письмо 1442.

1433. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

30 октября 1887. Петербург

30 октября.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Жена сказала мне, что вчера у Вас шла речь о моем портрете, где я изображен выходящим из лесу. Помнится мне, что я предоставил Вам этот портрет, поднесенный мне тверитянами. У меня такого портрета совсем нет. Сегодня утром я везде рылся и не отыскал. Хотелось бы завещать его моему сыну, а не знаю, где достать[1]. Написал сегодня Михайловскому, не знает ли он, но сомневаюсь. Не будете ли Вы так добры уступить мне Ваш экземпляр? Вам, собственно говоря, он не нужен, а меня Вы до крайности обяжете. Впрочем, ежели Вы находите мою просьбу неправильною, то оставьте ее без исполнения. Напишу еще кому-нибудь в Москву.

Будьте добры, навестите меня, ежели можете. Я скорблю в высшей мере.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 576, карт. 2, № 27, л. 65.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 334.

[1] Аллегорическая картина Д. Брызгалова и Н. Орлова. По поводу этого портрета Салтыков обращался к Елисееву, Михайловскому, Пантелееву, Соболевскому. Портрет нашелся (см. письмо 1439).

1434. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

30 октября 1887. Петербург

30 октября.

Многоуважаемый Николай Константинович.

Не знаете ли, где можно достать в собственность тот портрет мой, изданный веселым нотариусом Орловым, где я изображен выходящим из леса. Нет ли у Вас? Ежели есть, то я

безмерно Вам буду обязан, ежели Вы уступите мне его. Я сегодня все ящики у себя перерыл и портрета не нашел, а мне нужно хоть что-нибудь *настоящее* сыну на память оставить [1].

Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 29, л. 68.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 319—320.

---

[1] См. прим 1 к письму 1433.

1435. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

30 октября 1887. Петербург

30 октября.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Не знаете ли, где можно достать *в собственность* портрет мой, изданный нотариусом Орловым (в Москве), где я изображен выходящим из леса [1]. Нет ли у Вас? Я был бы безмерно Вам благодарен, ежели бы Вы уступили мне его. Мой экземпляр пропал, и мне нечего оставить сыну на память.

Ваш
М. Салтыков.

Как Ваше здоровье?

На конверте: Здесь. На углу Николаевской и Ивановской, дом Шульца. Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, л 83, 85.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 319.
Датируется по почтовому штемпелю.

---

[1] См. прим. 1 к письму 1433

1436. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

30 октября 1887. Петербург

30 октября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Есть у меня до Вас крайняя и слезная просьба. Дело вот в чем. Четыре года тому назад моск<овский> нотариус Орлов издал мой портрет, в котором я изображен выходящим из леса и т. д. У меня было два экземпляра этого портрета, но болезнь сделала между прочим и то, что я очень многие нужные бумаги и вещи растерял. Нет теперь у меня и ни одного экземпляра портрета Орлова. Нельзя ли как-нибудь добыть его

в Москве, т. е. купить для меня, и прислать мне. Я деньги тотчас же пришлю. Хотелось бы оставить на память сыну, и очень горько будет, ежели он не будет иметь этот портрет. Будьте добры, постарайтесь достать [1].

Очень жаль, что «Дети» не подошли ко времени к «Р<усским> в<едомостям>». Теперь я приспособил их к «Пошехонской старине» [2] и отдал Стасюлевичу на декабрьскую книжку. Не знаю, как отнесется он и не откажет ли мне в помещении. На днях это разрешится, ибо статья уже в наборе.

До свиданья, до лучших дней.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Пожалуйста, уведомьте меня.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л 173.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с. 212 (первый абзац); полностью *Неизданные письма,* с. 300.

[1] См. прим. 1 к письму 1433.

[2] См. письмо 1426 и прим. 1 к нему.

1437. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

31 октября 1887. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

По письму моему о портрете исполнения не чините [1].

Весь Ваш

М. Салтыков.

31 октября.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 57, л 175.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн.. *Русские ведомости,* с. 212 (без обращения и подписи), полностью· *Неизданные письма,* с. 303.

[1] См письмо 1436 и прим 1 к письму 1433.

1438. Н. К. МИХАЙЛОВСКОМУ

1 ноября 1887. Петербург

1 ноября.

Многоуважаемый Николай Константинович.

От всей души благодарю Вас, а в Вашем лице и редакцию «Северного вестника» за сочувственный отзыв о моей книге [1].

Я не заслужил этого отзыва и считаю его преувеличенным (в особенности конец), но, во всяком случае, мне дороги теплые чувства хороших людей.

Я на днях просил Вас об моем портрете [2]. Теперь прошу оставить мою просьбу без исполнения.

Искренно Вам преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 29, л. 70.
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 320.

---

[1] Салтыков имеет в виду рецензию без подписи на отдельное издание «Мелочей жизни», помещенную в разделе «Новые книги» журнала «Северный вестник» (1887, № 11, отд. 2, с. 76—80). Автором рецензии мог быть Михайловский, который в этом же номере журнала в обозрении «Дневник читателя. Журнальные заметки» (с. 132—133) выступил с критикой бессодержательности рецензий «Русской мысли» на произведения Салтыкова (из цикла «Мелочи жизни»).

[2] См. письмо 1434.

1439. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

3 ноября 1887. Петербург

3 ноября.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Прошу Вас *не* высылать портрета. У меня свой нашелся [1]. Я поэтому-то и писал Вам письмо вслед за первым [2]. Благодарю Вас, впрочем, за готовность и радуюсь, что могу не воспользоваться ею. Из письма Вашего вижу, что Вы очень боитесь за газету. Мне кажется, что это уже слишком. Вы даете чересчур много веры слухам, по пословице: пуганая лошадь дальше кнута бежит. А меня, вследствие этого, постигает остракизм [3].

Искренно преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 176.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 303—304.

---

[1] См прим. 1 к письму 1433.

[2] См письмо 1436.

[3] Намек на отказ печатать очерк «Дети».

1440. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

7 ноября 1887. Петербург

7 ноября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Ежели это возможно, то будьте так добры поторопить с корректурой. Болезнь моя приняла очень неприятный характер: я все дремлю. Поэтому мне очень хотелось бы поскорее согласиться с Вами насчет изменений, которые окажутся необходимыми, да и вообще увериться, что статья удобна для помещения в декабрьской книжке [1]. Этот последний вопрос в особенности для меня важен.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Простите за назойливость. Впрочем, я так плох, что, вероятно, не долго буду надоедать.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л 171.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с. 44.

---

[1] См. прим. 1 к письму 1441.

1441. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

10 ноября 1887. Петербург

10 ноября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я думаю, что чем скорее корректура будет в Ваших руках, тем будет для Вас удобнее [1]. Поэтому и посылаю ее во вторник вечером. Кажется, что конец статьи вышел суховат и бледноват, но, к несчастию, нахожусь в таком положении, что исправить не могу. И нового ничего предпринять, покуда, не в состоянии. Не пропишет ли что-нибудь Боткин, что разбудит меня.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 173.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с. 44.

---

[1] Речь идет о корректуре шестой и седьмой глав «Пошехонской старины» для декабрьской книжки «Вестника Европы».

1442. И. Д. ГАЛЬПЕРИНУ-КАМИНСКОМУ

14 ноября 1887. Петербург

Я ничего не вижу обидного или вероломного по отношению к друзьям в оценке Тургеневым современной реалистической школы во Франции[1]. Можно сохранять дружеские отношения и не приходить в восторг от всего в своих друзьях. Тургенев выразился немного грубо, говоря, что произведения Гонкура и Зола воняют литературой, но вот и все. Эта оценка была ответом на мое письмо, в котором я говорил, что, по-моему, эти писатели не реалисты, как, например, Гоголь, Диккенс и др., но психологи, присвоившие себе название реалистов <...>. Как бы то ни было, я никогда не замечал в характере Тургенева ни малейшего следа лицемерия.

Впервые опубликовано: «Письма И. С. Тургенева к г-же Полине Виардо и его французским друзьям (собранные и изданные г. Гальпериным-Каминским)». М, 1900, с. 256. Дата указана И. Д. Гальпериным-Каминским

Автограф неизвестен.

---

[1] Имеется в виду письмо Тургенева к Салтыкову от 25 ноября/7 декабря 1875 года, содержащее оценку творчества Гонкура и Золя (см· Тургенев. Полн собр. соч и писем в двадцати восьми томах. Письма, т. XI. М.— Л., 1966, с. 164).

1443. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

16 ноября 1887. Петербург

16 ноября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за письмо и за сочувственный отзыв о моих писаниях[1]. Теперь Вы, вероятно, прочитали и вторую статью «Пошехонской старины»[2] и, конечно, не откажетесь дать мне свой отзыв об ней, равно как и о 3-ей статье, которая появится в декабрьской книжке. По моему мнению, она просто плоха.

Вот уже целый месяц, как я не беру пера в руки, чтоб сочинять, и потому в январе моего ничего не появится[3]. Не знаю, что будет дальше, но в настоящее время чувствую себя крайне дурно и голова решительно отказывается работать. Две недели тому назад меня лишили фосфора под предлогом, что я слишком привык к нему, и он мало на меня действует. Вероятно, тут есть основание, но что со мной делается без фосфора — этого пером описать нельзя. Дрожание, одышка, дремота, почти идиотизм. При этом пристала ко мне болезнь носа, которая совсем меня энервирует, и вот уже больше месяца как ничего лучше нет. И все это вместе взятое считается улучшением.

Не говоря уже о щемящей скорби, которая докторскому диагнозу недоступна. Главным образом меня мучит будущее семьи: не могу и придумать, что̀ с нею будет после моей смерти. Подумайте: Косте остается еще $6^1/_2$ лет пробыть в интернате![4] Кто примет участие в них, в случае смерти моей и жены? У нас у обоих совсем родных нет, а отношения к приятелям самые натянутые.

Вы, вероятно, уже виделись с Боткиным[5]. Говорили ли Вы с ним обо мне и походатайствовали ли, чтоб он принял действительное участие ко мне? Не знаю, когда он возвратится, но просил Лихачева, чтобы напомнил ему обо мне. Странное мое положение: я безмерно болен, а мою болезнь принимают за каприз и грубость.

И при этом целое гнездо сплетен кругом. Г. Унковский, например, доискивается, на кого похожи мои дети, и хохочет.

И мне все эти подлости передают. Я считал человека добродушным и честным, а выходит, что он гороховый шут.

Прощайте. Желаю Вам искренно всего лучшего и прошу верить, что язык мой ни разу не шевельнулся, чтобы сказать о Вас что-нибудь подлое.

Посылаю от себя и от жены дружеский привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 92.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с. 175 (первый и начало второго абзаца); полностью: *Изд 1933—1941*, т. XX, с 338.

[1] Письмо неизвестно.

[2] Четвертая и пятая главы «Пошехонской старины» (*ВЕ*, 1887, № 11).

[3] В январском и февральском номерах «Вестника Европы» Салтыков не участвовал.

[4] Речь идет об Александровском лицее, где учился в это время сын Салтыкова Константин.

[5] Осень 1887 года Боткин провел на морских купаньях в Биаррице, откуда около 15 ноября поехал в Париж. Во время этого путешествия Боткин имел возможность встретиться с Белоголовыми (см. Н. А. Белоголовый. С. П. Боткин. Его жизнь и врачебная деятельность. СПб, 1892, с 71—72).

1444. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

17 ноября 1887. Петербург

17 ноября.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Позвольте мне напомнить Вам насчет пятницы; хотя я до крайности болен и мне говорить будет тяжело, но я каждый день нахожусь в ожидании смерти и потому желалось бы кончить [1].

В ожидании, не прочтете ли прилагаемый проект условий. Знаю, что многое тут лишнее, но его можно будет выкинуть. Думаю, что у Иванова сохранился прежний проект, или он помнит его. Во всяком случае, он сумеет его написать, приняв в основание прилагаемый проэкт.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Если найдете нужным, то сообщите эти условия и Сибирякову. Боюсь, как бы он после не отказался.

В продажу поступают.

I. *Все сочинения, доныне изданные отдельно, как-то:*

1) Губ<ернские> очерки
2) Невинные рассказы
3) Сатиры в прозе
4) Признаки времени и Письма из пров<инции>
5) История одного города
6) Помпадуры
7) Ташкентцы
8) Дневник провинциала
9) Господа Головлевы
10) Монрепо
11) Круглый год
12) Среди умеренности
13) Сборник
14) Благонамеренные речи
15) За рубежом
16) Письма к тетеньке
17) Пошехонские рассказы
18) Недоконченные беседы
19) Современная идиллия
20) 23 сказки
21) Пестрые письма
и 22) Мелочи жизни.

II. Напечатанные сочинения, но не изданные отдельно:

1) Итоги (см. «Отеч<ественные> зап<иски>», 1869 г.).

2) Продолжение Дневника провинциала: «В сумасшедшем доме» (см. «Отеч<ественные> зап<иски>», 1872—1874 г.), две статьи.
3) Культурные люди (см. «Отеч<ественные> зап<иски>», январь 1876 г.).
4) Три сказки, не пропущ<енные> цензурой: Орел, Вобла и Ворон.

III. Все, что напечатано мной после издания «Мелочей жизни» и что будет напечатано до конца жизни. Гонорар за предварительное напечатание в журналах и газетах предоставляется автору. Затем, каждое сочинение, по окончании, передается собственнику всех сочинений, а в случае смерти, и в недоконченном виде.

Хотя, кроме вышепоименованных, имеются еще напечатанные мои сочинения, но отчасти я сам забыл об них и не могу указать, отчасти же они так слабы, что я не желал бы перепечатки их после смерти. Поэтому «Полным собранием моих сочинений» прошу считать только исчисленное выше.

Я желал бы, чтоб прежде всего было напечатано «Полное собрание», но так как в настоящее время очень много моих изданий не распродано в книжных магазинах, а кроме того, самое печатание «Полного собрания» (более 400 листов формата «Вестн<ика> Евр<опы>») потребует не меньше $1^1/_2$ года, то я желал бы, чтоб таковое вышло не раньше сентября 1889 года. Впрочем, от собственника зависит начать и не с Полного собрания, а с издания отдельных книг; но в таком случае названия, остающиеся нераспроданными, могут быть возобновлены все-таки лишь в сентябре 1889 г. В настоящее время окончательно распроданы следующие издания: «Губ<ернские> очерки», «Признаки времени», «История города», «Головлевы», «Монрепо», «За рубежом» и «Письма к тетеньке». Вероятно, в течение полутора года и большинство остальных книг распродастся.

Расходы по совершению купчей на счет покупателя.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 38, л 86; ф 366, оп 4, № 6 Перечень сочинений и записка об условиях передачи права на их издание вложены в конверт с адресом. Николаевская, 62 (Шульца) Логгину Федоровичу Пантелееву от Салтыкова.

---

[1] Против этих слов в автографе помета Пантелеева: «(с продажей Сибирякову)». Соглашение с Сибиряковым относительно продажи ему сочинений не состоялось.

1445. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

30 ноября 1887. Петербург

30 ноября.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

26-го числа приехал в Петербург С. П. Боткин и был встречен почти всем сонмищем врачей и в то же время in corpore[1] всем первым курсом студентов Мед<ико>-хир<ургической> академии. Последнее очень тронуло С<ергея> П<етровича>, который на другой же день приехал в клинику.

Другое происшествие обратного свойства. На прошлой неделе инспектору студентов Моск<овского> университета на студенческом балу дали две плюхи. Дал студент от имени университета, и, как слышно, по жребию[2]. Назначен военный суд, но исход его покамест неизвестен. Опасаются, чтоб и здесь не вышло какой истории. Я радуюсь, что отдал своего Константина в приготовительный класс лицея, и прошу только судьбу, чтоб он перешел будущим летом в самый лицей.

Боткин был у меня вчера и передал мне, что Вы говорили с ним обо мне. Глубоко и сердечно за это Вам благодарен. Он осмотрел меня очень внимательно и обещал переговорить с Соколовым насчет моего лечения. Меня эта оттяжка не очень-то радует, потому что я, говоря по совести, того гляди, умру. Кроме того, что у меня в полном разгаре chorea и несноснейшая одышка, от которой я целый день стону́,— вдобавок привязалась еще болезнь почек и болезнь носа. Пропадает память, теряю слова, голова, как пустая. Словом, все признаки разложения, даже ходить не могу. Не думайте, что я преувеличиваю, взваливая на себя такой воз болей,— нет, все это воистине так. До такой степени несносно, что по временам плачу.

Боткин сказывал, что нашел Вас в цветущем положении, с чем искренно Вас поздравляю.

Вот французы отлично вышли из затруднения;[3] худо только, что с министерством никак не могут сладить. А у нас хорошо: Вышнеградский, Манасеин, Островский, Делянов — запас не оскудевает.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте недугующего. Жена Вам кланяется. Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт. 7, № 93

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебедииая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с 172, 175 (заключительная фраза третьего и пятый абзац); полностью *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 340—341.

---

[1] В полном составе.

[2] Подробности о «двух плюхах» в печать не попали, но 28 ноября московские газеты сообщили, что «инспектор студентов московского университета г. Брызгалов подал рапорт о болезни» Отставка Брызгалова несомненно связана с упоминаемым Салтыковым протестом студентов (см. *Р. вед*, 1887, № 328, 28 ноября, с 2).

[3] Имеется в виду правительственный кризис во Франции, повлекший за собой отставку президента Греви. 21 ноября новым президентом Франции был избран Сади-Карно, которому удалось сформировать правительство только после длительных переговоров «Прошла уже неделя со времени избрания нового президента французской республики,— сообщало «Новое время»,— а г. Сади-Карно все еще не может составить своего первого министерства» (*НВ*, № 4222, 29 ноября, с. 1).

1446. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

12 декабря 1887. Петербург

12 декабря

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

С величайшим горем считаю долгом сообщить Вам, что я и к февралю считаю себя неспособным приготовить что-либо для «Вестн<ика> Европы». Сколько ни принимался — ничего не выходит. Давно я не чувствовал себя столь больным, как в течение прошлого месяца, а доктора между тем находят, что я все лучше и лучше. Да и не лечат меня совсем — так я надоел. Всем надоел — пора и на покой.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 58, л. 175.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 44

1447. В. И. ЛИХАЧЕВУ

17 декабря 1887 Петербург

17 декабря.

Многоуважаемый Владимир Иванович.

Посылаю Вам обратно проект условия. В середине (у ст<атьи> 4) Вы найдете прибавку, которую, если найдете нужным, сообщите И. М. Сибирякову, хотя я наперед знаю, что он не примет ее[1].

Простите меня, что я Вам так надоел, но я и сам глубоко страдаю. В оправдание свое могу сказать, что, делая эту *прибавку,* я руководился след<ующими> соображениями: 1) я ограждаю не только свое право быть изданным, но и право публики читать меня; 2) я не думаю, чтоб издатель мог быть стеснен *шестилетним* сроком, потому что его чересчур достаточно, чтоб осуществить издание; сверх того, преемники прав г. Сибирякова могут иметь совершенно иной взгляд на дело, нежели он, а они-то и имеются преимущественно в виду; 3) цензурные опасения, по моему мнению, излишни, потому что все уже было неоднократно пропущено цензурой; 4) я не требую восстановления прав своих или наследников моих на издание — это было бы своекорыстно,— а предлагаю комбинацию, которая совершенно обеляет меня с этой стороны.

Это дело совсем меня измучило, но я попросил бы Вас *в последний раз* заняться им и уведомить меня.

Еще раз простите за назойливость и верьте моей искренней преданности.

М. Салтыков.

Подателю сего дайте расписку в получении пакета.

Пожалуйста, не оставляйте меня своими посещениями и не бросьте совсем. Я действительный мученик.

Печатается по подлинчнику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 26
Впервые опубликовано *Письма,* с. 323.

---

[1] Салтыков выдвииул требование обязательного издания Собрания сочинений в течение шести лет, которое подсказал ему Г. З Елисеев· « .сейчас же полетели письма к посредникам, чтобы передали Сибирякову о необходимости дополнить условие еще пунктом, которым возлагалось на Сибирякова обязательство в известный срок выпустить полное собрание К общему удивлению, Сибиряков не принял этого пункта, найдя неудобным связывать себя таким обязательством» (Л Ф. Пантелеев. Воспоминания М, 1958, с 462).

1448. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18 декабря 1887. Петербург

18 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Поздравляю Вас и добрейшую Софью Петровну с наступающими праздниками и с Новым годом. Желаю Вам встретить их в веселии сердца и затем весь 1888 год провести в полном благополучии.

Мои личные праздники будут, вероятно, самые жалкие. Я и теперь пишу к Вам через великую силу, а с каждым днем ста-

новится хуже и хуже. Бессонница преследует меня, так что я совсем ослабел. Да и одышка с кашлем привязалась.

Боткин был у меня вскоре по приезде, но с тех пор прошло три недели, и я его не видал. Мне он ничего не сказал, а обещал переговорить с Соколовым. Вероятно, говорил, но что именно, я толком понять не мог. Во всяком случае, мне худо как никогда, и от писания я, видимо, должен отказаться Полтора месяца не присаживался и ничего выдумать не могу. Нет, куда нам до таких звезд, как Боткин! Он и во сне-то меня не увидит.

У меня случился казус. Сибиряков (Иннокентий) восхотел приобрести право собственности на мои сочинения, как прошлые, так и будущие [1]. Предложил 50 тысяч, и я было согласился, но когда дело дошло до купчей, то меня взяло раздумье: а что если этот господин *совсем* меня не будет издавать и, так сказать, исключит на пятьдесят лет из литературы? Скажет себе: не хочу я этого писателя, чтоб об нем в литературе значилось! Ведь ему 50 т. р. ничего не значат. Или призовут его и скажут: не смей издавать! Я предложил, вследствие этого, такое условие: издание полного собрания обязательно не позже как через шесть лет, а в противном случае сочинения делаются общим достоянием. Но он отказался. Вообще, эти переговоры доставили мне немало мучений и не состоялись.

Прощайте, рука не пишет. Будьте здоровы вместе с Софьей Петровной и детьми. Очень-очень Вам благодарен за память.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 94.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Долг справедливости и благодарности» — *Р. вед.*, 1914, № 97, 27 апреля, с 5 (четвертый абзац, с неточностями) и в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с. 175 (первый и второй абзацы); полностью: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 343.

---

[1] См прим 1 к письму 1444.

1449. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 декабря 1887 Петербург

21 декабря.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Ради бога, скажите мне по сущей правде, стоит ли продолжать «Пош<ехонскую> стар<ину>», ежели продолжение

будет не лучше последней статьи; не будет ли это напрасным трудом, свидетельствующим об упадке таланта? И если мне еще суждено писать (в чем я крепко сомневаюсь), то не лучше ли разрабатывать другой сюжет? Последняя статья мне кажется совсем плохою [1], насильственно выжатою.

Я болен до невозможности.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 177.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с 44—45

---

[1] Салтыков имеет в виду главы из «Пошехонской старины» (VI. Дети.— По поводу предыдущего.— VII. Портретная галерея.— Тетеньки-сестрицы).

1450. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

10 января 1888. Петербург

10 января.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

У меня готова *одна* глава, довольно большая (около $1^1/_2$ л.) и наполовину уже переписанная. Если я уже не опоздал, то не найдете ли Вы возможным поместить мою работу в февральской книжке. Уведомьте меня, и я во вторник или в среду вечером доставлю ее. К мартовской книжке можно, надеюсь, доставить работу в первых числах февраля, хотя ручаться не могу [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л 179.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с. 45.

---

[1] Речь идет о восьмой главе «Пошехонской старины» («Тетенька Анфиса Порфирьевна») См письмо 1451.

1451. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

12 января 1888. Петербург

12 января.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Мне хотелось напомнить о себе читателям несколько раньше, но вышла неудача, которой надо покориться [1]. Я пришлю Вам главу, о которой писал, не позже 1-го февраля, а вероятно, раньше [2]. Боюсь, что Вы затруднитесь печатать, ибо в ней изображаются помещичьи варварства, хотя речь идет о тридцатых годах. Меня разуверяет то, что в литературе не раз изображались не только помещичьи варварства, но и пытки, производимые в застенках по военной инициативе.

Вместе с VIII главою я пришлю (вероятно) еще IX-ую [3], небольшую, и попрошу Вас напечатать обе вместе. Я потому

прошу об этом, что болезнь моя капризна, и я опять могу очутиться в состоянии полного бессилия. Тогда мне с главкой в 10—12 стр<аниц> некуда будет деться. Впрочем, все это гадательно, так как я и теперь уже начинаю чувствовать что-то недоброе.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Искренно сожалею, что не видал Любови Исаковны, хотя мы были дома, когда она приезжала. Надеюсь, что Вы навестите меня, когда удосужитесь.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л. 181.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т. V, с. 45.

---

[1] Салтыков был болен и в январе и феврале не мог выступать в «Вестнике Европы» (см. письмо 1446).

[2] См письмо 1450.

[3] «Заболотье».

1452. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

1 февраля 1888. Петербург

1 февраля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я без числа виноват, что не писал к Вам так долго, и Вы совершенно правы, ежели недоумеваете по этому поводу [1]. Дело вот в чем. И ноябрь и декабрь я ничего не писал. С наступлением января несколько просветлело, а вместе с тем пробудились слегка и мои душевные силы. Я поспешил воспользоваться этим и весь месяц усиленно работал даже к ущербу для здоровья. Успел приготовить и на март и на апрель. Теперь намереваюсь отдохнуть и ежели буду продолжать работу, то исподволь [2].

Состояние моего здоровья, однако ж, нимало не улучшилось. В особенности же беспокоят почки. Четыре раза я испытал прохождение камней, а о песке и говорить нечего. Это большое страдание, тем больше, что со мной эти казусы всегда случались ночью, когда все домашние спят, а следовательно нельзя распорядиться насчет припарок для смягчения боли. Первые три раза страдания продолжались не более 2—3 часов, но в последний раз (четыре дня тому назад) с одиннадцати часов ночи до 7 утра. Можете представить, какую ночь я провел. Боткин велел мне пить воду Contrexéville, и я шесть недель как пью ее. Предполагалось, что она вымоет мне почки, а они даже и теперь источают песок и гравий. Не знаю, что будет дальше, ибо, с легкой руки Боткина, Contrexéville

так пошел в ход, что ни одной бутылки во всем городе достать нельзя. Впрочем, и Боткин (с которым я советуюсь через посредство Васильева) сказал, что мне надобно отдохнуть, а пока прописал мне капли Strophant.

Вообще, мне кажется, что теперешнее мое положение признается нормальным, т. е. таким, лучше которого уже не будет. Я готов бы был примириться с этим, но отчаяние мешает примирению. И в самом деле ужасно иметь в преспективе одно: быть прикованным к креслу.

Знакомые мало-помалу оставляют меня или же выполняют относительно меня нечто вроде обряда. В. И. Лихачев аккуратно навещает меня с Еленой Иосифовной по пятницам; Н. И. Соколов — по вторникам (на десять минут). Прочие заходят случайно и очень редко, а Унковского, например, я почти совсем не вижу. Заходит, впрочем, Г. З. Елисеев, которому я завидую. Не знаю, в какой мере он болен, но, по крайней мере, может выходить. Я же вот уж четыре месяца, как даже в карете прогуляться не выезжаю. Боткин воспретил, потому что уже более $1^1/_2$ <месяцев?> здесь стоят нестерпимые холода. Григ<орий> Зах<арович> совершенно примирился с Екат<ериной> Павл<овной>, которая ходит козырем и выгнала Матрешу, приревновав ее к мужу. Человеческому легкомыслию, очевидно, пределов нет.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софии Петровне.

Затем дружески жму Вашу руку и остаюсь искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 95.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с. 175 (первый абзац); полностью: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 345—346.

Год устанавливается по упоминанию о главах, приготовленных для мартовской и апрельской книжек «Вестника Европы» («Пошехонская старина») и по связи с письмами 1454 и 1456.

---

[1] Салтыков не писал Белоголовому с 18 декабря 1887 года (см. письмо 1448).

[2] Опубликовав в марте — апреле VIII—XII главы «Пошехонской старины», Салтыков до сентября в печати не выступал.

1453. А. И. УРУСОВУ

2 февраля 1888. Петербург

Я ничего не имею против того, чтобы г-жа Берта Вальдберг переводила на немецкий язык и печатала свои переводы из моей книги «Мелочи жизни»[1].

М. Салтыков.

1888 Февраля 2 дня.

На конверте: Здесь Князю Александру Ивановичу Урусову. Софийская 56.

Печатается по подлиннику. *ГБЛ,* ф 311, п 16, № 42. Написано неизвестной рукой; подпись — автограф

Впервые опубликовано. *Изд 1933—1941,* т. XX, с 347

---

[1] Переводы Б. Вальдберг неизвестны.

1454. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 февраля 1888 Петербург

14 февраля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

У меня уже с 1-го февраля готово продолжение «Пошех<онской> старины», предназначенное для апрельской книжки[1]. Если Вы с своей стороны не находите препятствий к напечатанию, не будете ли так добры или взять статью у меня лично, или же, если Вам недосужно, прислать за ней кого-нибудь. Я боюсь доверять посыльному: как бы не потерял. Главы, которые я приготовил, совсем в другом роде — идиллическом. Я начал писать и для майской книжки, но впал в мрак бездействия — уже с неделю — и должен был оставить работу[2]. Хотелось бы в мае покончить с портретами родственников, а осенью и вообще с «Стариною»[3].

Извините, что беспокою Вас.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Я потому спешу уведомить Вас, что, кажется, набор будущего № кончается около 20 числа; следовательно, можно бы не торопясь набрать и мою статью для апреля. Во всяком случае, будьте добры ответить на настоящее письмо.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л 183.

Впервые опубликовано· *Стасюлевич,* т V, с. 46.

---

[1] В апрельской книжке «Вестника Европы» напечатаны X—XII главы «Пошехонской старины» (Тетенька-сластена — Братец Федос — Поездки в Москву)

[2] В мае — августе 1888 года Салтыков в печати не выступал

[3] Главы, посвященные портретам родственников, печатались в «Вестнике Европы» в сентябре и октябре 1888 года. Салтыков закончил «Пошехонскую старину» в марте 1889 года.

1455. А. И. УРУСОВУ

17 февраля 1888. Петербург

17 февраля.

Многоуважаемый Александр Иванович.

Получил Ваши две карточки, но напрасно Вы не зашли. Труд, право, не очень велик.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

На конверте Здесь Князю Александру Ивановичу Урусову. Софийская 56

Почтовый штемпель 18 февр 1888

Печатается по подлиннику. *ГБЛ,* ф 311, карт. 16, № 42.

Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941,* т XI, с 347.

1456. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

21 февраля 1888 Петербург

21 февраля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

К сожалению, хороших вестей о себе не могу Вам дать и теперь. С самого начала февраля до того измучен припадками хореи, что почти доведен до бессознательного положения. Не только не могу работать, но даже когда письмо начинаю писать, то меня бросает в пот, и сердце стучит — вот как теперь. Хорошо, что мне удалось в январе наготовить и для мартовской и для апрельской книжки, а то и в средствах к существованию был бы недостаток. Впрочем, не хвалюсь: «Пошехонская старина» выходит плохо — это, кажется, общее мнение. Надо совсем перестать писать,— вот это будет похвально, только не совсем удобоисполнимо.

У меня 19-го числа был Боткин; кажется, я ему набормотал кучу пустяков, так что он рассердился. Дело в том, что, кроме хореических припадков, меня еще почки продолжают тревожить. С<ергей> П<етрович> преимущественно налегает на то, что прежде всего надо вымыть почки. Ради этого я

три раза по две недели пил воду Контрексевиль, пущенную в ход Боткиным, но каждый раз, как после двух недель мне на неделю давали отдых,— опять начинался процесс выхождения камней. Теперь Контрексевиля ни одной бутылки во всем городе нет, и мне прописали на две недели Виши с литьем. Стало быть, вот уж восемь недель, как я пью воды, а против хореических припадков никаких мер не принимается. Вот я и просил прежде мне хореические припадки облегчить, потому что почки я могу выносить, а дерганье, кашель и проч. просто измучили меня. Но С<ергей> П<етрович> не согласился,— вероятно, он лучше знает. Представьте себе: сегодня утром у меня по всему лицу выступили багровые пятна,— вот и еще сюрприз.

У нас здесь крахи, крахи и крахи. Лопнул Фелейзен, а за ним начала лопаться мелкота. Вчера — наш банкир, Стефаниц, но, к счастию, бумаг наших у него не было, а только застраховали билеты внутр<еннего> займа. Рубль стоит менее двух франков,— просто хоть не живи. Лопнул также банк Внешней торговли,— и за ним, наверное, потянется целая свита [1]. А между тем слухи о войне все больше подтверждаются. Пойдут падать железнодорожные акции. Блажен, кто устроил капиталы свои за границей.

Прошу Вас передать от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне. Жму Вашу дружескую руку.

Искренно и душевно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 96.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ,* 1914, № 4, с. 175—176 (первый абзац); полностью: *Изд. 1933—1941,* т XX, с. 348.

---

[1] В феврале 1888 года Петербургскую биржу охватила паника в связи с крахом ряда банкирских домов Первым из них пал банк наследников барона К К. Фелейзена, умершего 30 января 1888 года (*НВ,* 1888, № 4283, 31 января, с 1). В результате крупной кражи (1 миллион 600 тысяч рублей), произведенной приказчиком Фелейзена, у наследников банкира «не только не оказалось никакого состояния, но все лица, что-либо ему доверившие, потеряли все доверенное состояние, не исключая и вкладов, отданных на хранение» («Дневник Государственного секретаря А А. Половцова», т. II. М., «Наука», 1966, с. 81) Агония Русского банка для внешней торговли продолжалась целую неделю, с 14 по 21 февраля, и разрешилась лишь в связи с демонстративным приобретением русских ценностей, которое было произведено «на берлинской бирже одним из перворазрядных таможенных банкирских домов» (*НВ,* 1888, № 4305, 22 февраля, с. 4).

1457. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

21 февраля 1888 Петербург

21 февраля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Позвольте мне обратиться к Вам с просьбою. Дело вот в чем. Г-жа Некрасова прислала мне письмо от 15 февраля[1], в котором извещала, что 20 числа готовится С. А. Юрьеву торжество, и что не худо было бы, чтоб я прислал ему поздравительное письмо или телеграмму[2]. Но при этом она: 1) на конверте перепутала адрес (вместо 62 № дома, написала 79), так что письмо со многими справками дошло до меня только вчера вечером; 2) не написала, с чем я должен поздравлять и куда посылать свое поздравление. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой сообщить С<ергею> А<ндреевичу>, что я *не мог* его поздравить, но что, во всяком случае, он может быть уверен в незыблемости дружеских уз, связывающих нас с лет раннего детства.

Как Вы живете? Давно я не посылал Вам ничего[3], но, читая «Пошехон<скую> старину», вряд ли Вы и жалеете об этом. Плохо пишется, очень плохо.

С 1-го февраля я бездействую. Недуг до того овладел мной, что в силу доканчиваю настоящее письмо.

Уведомьте когда-нибудь о себе.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 57, л 178 Впервые опубликовано В Розенбергом в кн · *Русские ведомости,* с 211—212 (без обращения и подписи); полностью *Неизданные письма,* с 304—305.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] 20 февраля 1888 года в Москве состоялся обед, устроенный кружком профессоров, писателей и артистов в честь многолетней деятельности С. А. Юрьева на поприще литературы, науки, искусства На обеде присутствовали и выступали Г. Н Федотова, М Н. Ермолова, В. А. Гольцев, А. Н. Веселовский, А И Сумбатов-Южин, Ф. Н. Плевако и другие (см *Р вед,* 1888, № 52, 22 февраля, с 2)

[3] Последнее выступление Салтыкова в «Русских ведомостях» относится к маю 1887 года (очерк «Чудинов»).

1458. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

27 февраля 1888 Петербург

27 февраля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Хотя Вы ничего не ответили мне на письмо от 21 февраля, но я решаюсь вновь прибегнуть к Вам с просьбою. Простите —

мне обратиться не к кому. Дело в том, что меня вызывает здешний судебный следователь (по поручению московского) в свою камеру для дачи свидетельского показания по делу о подлогах Бахметьева [1]. Зачем оказалось нужным свидетельство мое — я недоумеваю, ибо видел Бахметьева всего один раз, когда Юрьев прислал его ко мне для переговоров о передаче «Р<усской> мысли» подписчиков «Отеч<ественных> зап<исок>». Конечно, я к следователю не явлюсь и пошлю докторское свидетельство, но мне не безынтересно знать, что от меня нужно.

Не можете ли Вы через московских юристов узнать об этом и сообщить мне?

До свидания; насилу пишу.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л 180
Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 305.

---

[1] К судебному следователю Салтыкова вызывали по делу Н Н. Бахметьева, секретаря редакции «Русской мысли», печатавшегося под псевдонимом Статистик. В 1888 году Бахметьев был осужден и сослан в Сибирь за подлоги.

1459. В. П. ГАЕВСКОМУ

До марта 1888. Петербург

Виктор Павлович! не будешь ли так добр навестить меня завтра или послезавтра. Мне *крайне* необходимо тебя видеть.

Печатается по подлиннику· *ГПБ*, ф 171, № 248, л 75. Карандашная записка без подписи на визитной карточке «Михаил Евграфович Салтыков»
Впервые опубликовано· *Неизданные письма*, с 279.

Датируется предположительно по визитной карточке, характерной для середины 80-х годов, и в соответствии с датой смерти адресата.

1460. В. П. ГАЕВСКОМУ

До марта 1888. Петербург

Виктор Павлович! Не можешь ли на прилагаемом письме поставить адрес и отправить по назначению? Письмо трактует об деле, о котором я вчера говорил.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 68 Карандашная записка без подписи на визитной карточке «Michel Saltikoff»

Датируется предположительно в соответствии с датой смерти адресата.

Публикуется впервые.

1461. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

2 марта 1888 Петербург

2 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я давно не писал к Вам, потому что болезнь моя в последнее время до того усилилась, что я просил у судьбы одного: смерти. Вы, может быть, удивитесь, видя, что я исправно каждый месяц появляюсь в «В<естнике> Е<вропы>», но все это написано ранее, и даже на апрель и май, хотя в малом количестве[1]. Уже с месяц, как я испытываю чисто-крестное страдание. По нескольку часов сряду сижу и тяжело дышу, и это раза три-четыре в день, особливо после еды, хотя я в день едва ли съем фунт. Лекарства пью без перерыва, но ничто не помогает. И теперь трудно и тошно. Боткина не видел недели три; я думаю, что он мог бы помочь мне, если б внимательно осмотрел и последил за мною, но не могу на него претендовать, ибо, во-первых, не имею никаких прав, а во-вторых, у него у самого весь дом болен, да и сам он ослабел.

Меня обыкновенно обвиняют в преувеличении, и, по-видимому, репутация эта исходит из моей литературной деятельности. И Вы не прочь отозваться, что я преувеличиваю. Это ужасно обидно. Сорок лет действовать в литературе и кроме репутации карикатуриста ничего не заслужить очень больно. Но дело в том, что самые страшные припадки удушья случаются со мной между 5 и 7 часами, после обеда, когда доктора не видят меня. Но недавно Унковский зашел ко мне в это время и ужаснулся. Даже жена однажды сказала: удивляюсь, как ты можешь переносить. И за всем тем, не умираю,— вот это-то именно и значит: преувеличиваю. Надо, чтоб человек пластом лежал, чтоб пролежни у него образовались,— это будет значить, что он *настоящим образом* страдает.

Об Вас имею известия от Лихачевых,— спасибо и за то. А относительно меня Вы продолжаете пребывать в горделивом молчании. Зато я распорядился, чтоб в случае моей смерти Вас немедленно уведомили телеграммой. Это будет последнее письмо, на которое уже и ответа не потребуется[2].

У нас идут финансовые выдумки. Сахаровары будут платить акциз сахаром. Вероятно, эта идея примется, и скоро

пряничники будут платить подать пряниками, апельсинщики — апельсинами и т. д.

Простите, что мало пишу: едва волочу руку. Передайте от меня и от жены привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 97
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 350—351.

---

[1] В майской книжке журнала в связи с болезнью Салтыкова очередная глава не появилась Печатание «Пошехонской старины» возобновилось в сентябре 1888 года.

[2] Белоголовый 20 марта 1888 года писал Лаврову: «На днях получил письмо от Салтыкова, и снова ругательное за то, что считаюсь с ним письмами, пишет, что уже распорядился, чтобы в случае его смерти меня уведомили телеграммой; это, дескать, будет последнее письмо, на которое и ответа не потребуется Ему снова было похуже, но теперь сносно и почерк опять твердый» (*ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, № 36, л. 26).

1462. Е. Н. ГАЕВСКОЙ

4 марта 1888. Петербург

Многоуважаемая Елизавета Николаевна.

Я глубоко сочувствую понесенной Вами дорогой утрате[1]. Лично я всегда видел в покойном дружески расположенного ко мне человека, который неоднократно приходил ко мне на помощь. Да почиет прах его в мире, а Вам и маленькому Коле[2] от всей души желаю, чтоб горе Ваше загладилось, и в то же время, чтоб память о дорогом человеке долго жила в сердцах Ваших.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

4 марта 1888 г.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, № 12.
Впервые опубликовано. *Письма*, с 324.

---

[1] Муж Е. Н. Гаевской В. П Гаевский скончался 2 марта 1888 года.

[2] Сын В. П. Гаевского Николай.

1463. С. А. ЮРЬЕВУ

10 марта 1888. Петербург

10 марта.

Любезный друг Сергей Андреевич.

Посылаю тебе, по желанию твоему, портрет с надписью [1] и при сем повторяю, что дружба моя к тебе, начавшаяся с детства, пребывает и доднесь незыблемою [2].

Здоровье мое таково, что ежели смерть не стоит прямо за плечами, то, во всяком случае, не в большом отдалении, а если такое положение продолжится, то тем хуже, ибо я воистину мученик. В декабре и в январе выпадали дни, когда я мог писать (и в апрельской книжке «В<естника> Е<вропы>» будет продолжение «Старины»), но с февраля даже письмо короткое с трудом могу написать. Память пропадает, выражений не могу сыскать. Какой тут может быть вопрос о творчестве? Целый день дремлю и мучительно кашляю. Если не умру, то выброшусь в окошко,— сил моих нет больше терпеть. К тому же и доктора охладели ко мне и почти не оказывают помощи на том основании, что я хронический больной и меня все равно что лечить, что нет.

Прощай. Рука отказывается писать.

Искренно тебе преданный

М. Салтыков.

Впервые опубликовано с пояснениями А. Веселовского в статье «Отрывки из старой переписки».— В кн : «В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного». М, 1891, с. 291—292. Автограф неизвестен.

[1] Портрет Салтыкова с дарственной надписью Юрьеву неизвестен.

[2] Салтыков подружился с Юрьевым в детские годы во время частых поездок из Спасского в близлежащее село Вознесенское, где находилось имение Юрьевых. Эта дружба поздиее была закреплена совместной учебой в Московском дворянском институте (см: С. А. Макашин. Салтыков-Щедрин. Биография, т 1. М, Гослитиздат, 1951, с 71—72).

1464. В. А. ГОЛЬЦЕВУ

20 марта 1888. Петербург

Многоуважаемый Виктор Александрович.

В мартовской книжке редактируемой Вами «Русской мысли» извещается, что в настоящем месяце последовал сорокалетний юбилей моей литературной деятельности [1]. Благодарю журнал за благосклонное воспоминание обо мне, но в то же

время считаю не лишним уведомить Вас, что сорокалетний срок моей литературной деятельности миновал, по крайней мере пять лет тому назад[2]. Я никогда юбилеев не праздновал, да и надеюсь, что и впредь праздновать не буду. Только однажды в Москве праздновалось двадцатипятилетие «Губернских очерков», да и то помимо моего ведома и желания[3]. Вообще я имею на юбилеи взгляд особенный, выраженный мной в рассказе «Сон в летнюю ночь» (см. «Сборник»), и отказаться от этого взгляда не имею повода.

Простите, что письмо мое несколько безалаберно и притом написано каракулями. Вот уже два месяца, как я глубоко страдаю и ни к какой умственной работе приступить не могу.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

20 марта.
Литейная, 62.

Печатается по автографу· *ГБЛ*, ф 77, карт 7, № 14, л 1

Впервые опубликовано. «Памяти Виктора Александровича Гольцева». М, 1910, с 201 (с ошибочной датой 20 марта 1885 г.).

---

[1] *Р М*, 1883, № 3, Внутреннее обозрение, с 175.

[2] Первое выступление Салтыкова в печати (стихотворение «Лира») относится к марту 1841 года, и, таким образом, сорокалетие литературной деятельности писателя приходится на 1881 год.

[3] Двадцатипятилетие «Губернских очерков» было отмечено в Москве 31 августа 1881 года кружком профессоров, журналистов, художников и актеров (*ГМ*, 1915, № 4, с. 224).

1465. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

20 марта 1888. Петербург

Не известен ли Вам, многоуважаемый Логгин Федорович, адрес И. М. Сеченова. Если да, то будьте добры сообщить. Я гуляю в карете от 1/2 1 до 1 1/2.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 38. Написано на визитной карточке «Михаил Евграфович Салтыков».

Впервые опубликовано *Письма*, с. 324.

Датируется на основании пометы Пантелеева. «20 марта 1888 г.».

1466. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

22 марта 1888 Петербург

22 марта.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Считаю нелишним уведомить Вас, что к майской книжке я никакой статьи не приготовил. Я уже скоро два месяца как совсем не работаю, и не знаю даже, наступит <ли> для меня время работы. Впрочем, вот уже недели две, как принимаю фосфор и раза три выезжал гулять. Но ничего из этого покуда не выходит.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 58, л 185. Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 46.

1467. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

24 марта 1888 Петербург

24 марта.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Пишу к Вам, зная наперед, что письмо мое будет и бесполезно и неинтересно, но как-то жаль было бы прекратить старинные отношения, и потому прошу потерпеть.

Дело в том, что я дошел почти до того пункта, который называется сумасшествием. Два месяца сряду ничего не делаю, все забываю, даже говорю с трудом. Руки и ноги дрожат, душит кашель. Принимаю пилюли фосфора до 2 в день 120-го деления,— не помогает. Доктора махнули на меня рукой: хронический, не стоит его и навещать. Но здесь отлагаю письмо, потому что рука пишет каракули.

Продолжаю. Престранная моя судьба. Десятками лет наживал себе репутацию, считался будителем общественного сознания — и вдруг, в один-два года все потерял. Принадлежу к числу забытых писателей, о которых иные совсем не поминают, а другие поминают из учтивости, и никогда не говорят по существу. Поверите ли Вы, например, что иногда проходит месяц, и у меня никто не бывает, кроме Лихачевых (раз в неделю положено) и Елисеева, который, к несчастию, вот уже две недели болен воспалением легких. Еще было бы туда-сюда, если б я мог что-нибудь делать, а то сижу и дремлю, и ежеминутно бросает в пот. Опять рука болит, прекращаю.

Продолжаю. Боткин не был у меня более месяца. У него много работы при дворе [1]. Но так как с наступлением довольно сносных дней (от 3 до 5 тепла) я стал выезжать в карете, то

сегодня, 24 марта, решаюсь просить его разрешения приехать к нему. Даст ли он это разрешение,— не знаю, ибо он странно ко мне изменился. Да и вообще к старым знакомым. Унковский уже около трех недель болен брюшным тифом, и Боткин ни разу у него не был. Впрочем, у Унковского каждодневно бывает Бородулин, который, быть может, передает ему о ходе болезни. А я почти лишен врачебной помощи, потому что Соколов бывает случайно, а Васильев — нерешителен. Боюсь, что сойду с ума,— истинно не преувеличиваю.

Прощайте, будьте здоровы; жму дружески Вашу руку. Передайте от меня и от жены сердечный привет многоуважаемой Софии Петровне.

Искренно преданный
М. Салтыков.

23—24 марта.

Мы уже наняли дачу, на Преображенской станции, тоже около Луги, только ближе к Петербургу (в 3 часах). Привлекательного мало.

Как Вы находите мои труды в мартовской и апрельской книжках? [2]

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 98.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 353—354.

---

[1] См. прим 3 к письму 1468.

[2] Восьмая и девятая главы «Пошехонской старины».

1468. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

5 апреля 1888. Петербург

5 апреля

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Андреевич.

Благодарю Вас за письмо [1] и спешу ответить на него (хотя мне, как говорится, мочи нет), потому что знаю, что без ответного письма я не дождусь от Вас известия. А мне между тем хотелось бы знать Ваше мнение о последних главах «Пошехонской старины».

Со времени моего последнего письма [2] мне ни на иоту не сделалось лучше. Целые дни задыхаюсь, кашляю и не могу откашляться, весь дрожу,— это ли не пытка? А теперь и сплю мало — по ночам, а днем все дремлю.

Третьего дня, в воскресенье, катался в карете и заехал к Боткину. Застал его в критическую минуту: у Екатерины Алексевны только что начались потуги. Родила ли она,— еще не

знаю, потому что никого не видал. Иногда у нее фальшивые потуги бывают очень продолжительны. Во всяком случае, видел С<ергея> П<етровича> самое короткое время.

Вы пишете, что врачи неохотно посещают меня ввиду неуспеха их усилий. Может быть это и правда, но как же с этим быть? Ужели бросить меня, как собаку? Вы пишете также, что я настаиваю на аптечных средствах, а врачи рассчитывают на целебную силу природы. Но какая же у меня природа? Я и не надеюсь на *излечение,* а желаю только облегчения от чрезвычайных мук.

Нет, кроме этих причин, есть и другие. С<ергей> П<етрович> очень занят при дворе[3] и в Коммиссиях,— ему не до меня. Что же касается до Н. И. Соколова, то просто-напросто он кует деньги, так как, во время отсутствия Боткина, нахватал громаду практики, особливо между купечеством. Стало быть, и ему некогда.

Ничто под луной не изменилось, я все так же страдаю, а меня неглижируют. Ведь Васильев же продолжает быть регулярным. Мне говорили, что каждый визит ко мне дает Соколову убытка от 25 до 50 рублей. Вот какие ныне цены платят на Калашниковской пристани. А может быть, это все и вздор, продукт моего оскорбленного сердца.

Прощайте. Мне кажется, что я не могу, не должен дожить до лета.

Передайте мой сердечный привет многоуважаемой Софье Петровне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф. 22, карт. 7, № 99.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 354—355.

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] Письмо от 24 марта.

[3] В 1872 году Боткин был назначен лейб-медиком и принял на себя лечение императрицы Марии Александровны, часто сопровождал ее в длительных поездках в Ливадию или на побережье Средиземного моря. Кроме того, с 1881 года Боткин — гласный Петербургской городской думы и одновременно заместитель председателя Комиссии общественного здравия, с 1886 года — почетный попечитель всех городских больниц и председатель в Комиссии по улучшению санитарных условий и уменьшению смертности в России (см Н. А Белоголовый С П. Боткин Его жизнь и врачебная деятельность. СПб, 1892, с. 50—63).

1469. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

15 апреля 1888 Петербург

15 апреля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Кажется, прошло уже более месяца, как я Вас не видал, и, признаюсь, соскучился. Может быть, я Вам надоел, как и многим, и лично своею персоной, и своим плохим писанием. Но ежели этого нет, то будьте так добры навестите меня, ежели найдете свободную минуту. Я все чрезмерно болею и ни к какой работе приступить не в силах.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л 187.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич,* т. V, с. 46.

1470. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

20 апреля 1888 Петербург

20 апреля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Благодарю Вас за выдержку из «Русск<ой> мысли» и возвращаю ее[1]. Не будете ли Вы так добры, при свидании с К. К. Арсеньевым, спросить его, живет ли в настоящее время в Луге земский врач П. А. Николаев. Я желал бы, чтоб он навещал меня летом, по примеру прошлого года, так как болезнь моя известна ему[2].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л. 189.
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т. V, с. 47.

---

[1] В библиографическом отделе апрельского номера журнала «Русская мысль» за 1888 год помещен отзыв (без подписи) об очерке «Тетенька Анфиса Порфирьевна» (с 199—202).

[2] Врач П. А Николаев лечил Салтыкова летом 1887 года во время пребывания его на даче в Серебрянке (см. письмо 1403). В 1888 году Салтыков, видимо, не воспользовался услугами Николаева. Навещал его на даче в Преображенской доктор А. А. Кобылин (см письмо 1477).

1471. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

24 апреля 1888. Петербург

Визитная карточка

На конверте: Здесь Николаевская 62. Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 38, лл. 89—90

Публикуется впервые.

В конверт вложена чистая визитная карточка с печатным текстом: «Михаил Евграфович Салтыков».

1472. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

26 апреля 1888. Петербург

Визитная карточка

На конверте: Здесь. Николаевская, 62. Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 38, лл 89—90

Публикуется впервые.

В конверт вложена чистая визитная карточка с печатным текстом «Михаил Евграфович Салтыков»

1473. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

26 апреля 1888 Петербург

26 апреля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Поздравляю Вас с праздником [1]. Я встретил его хуже, чем худо: еле дышащий, в каковом положении и доднесь пребываю.

Зато знакомцы наши: Боткин и Лихачев, встретили радостно; первый получил Александра Невского, второй — чин тайного советника. Вероятно, теперь и тот и другой позабудут о моем грешном существовании,— и недосужно, да и компрометирует. По крайней мере, я предчувствую, что так выйдет, так как Лихачев уже начал с того, что не приехал ко мне в праздник, чего прежде никогда не бывало. Такое, впрочем, уж время, что необыкновенно благоприятствует благоразумию. Выходят люди на арену деятельности и говорят: это я не для карьеры, а для общей пользы, а потом потихоньку облаживают свои делишки, зная, что никто им даже не бросит укора [2]. Г. З. Елисеев много тут виноват с своей пошлой теорией хождения об руку с начальством [3].

Одним словом, круг знакомства до того редеет, что стано-

вится жутко. Не за себя, которого дни сочтены, а за семью, которая ни в ком не найдет ни участья, ни опоры.

Вы напрасно полагаете, что я не доверяю Васильеву; я считаю его хорошим врачом, но не самостоятельным. А так как и Боткин и Соколов меня бросили, то я и не знаю, что дальше будет.

Благодарю Вас за письмо и за память [4]. Вы единственный, быть может, человек, который не охладел ко мне. Да и то, может быть, потому, что мы лично не видимся. Говорю это не в виде укора, а ведь и в самом деле свойство хронических больных — надоедать.

Благодарю также и за отзыв о последних моих писаниях. Впрочем, теперь, когда меня хвалят, мне все кажется, что только утешить хотят. К дальнейшей работе я еще не приступал. Скоро будет три месяца, как голова у меня перестала работать.

Хотелось бы уехать отсюда, освободить от себя, но не знаю, куда и как это сделать. Весь мир закрыт для меня, благодаря злому недугу.

Еще хотелось бы настолько иметь сил, чтоб написать оправдательную записку с изложением последних лет моей горькой жизни, с тем чтоб напечатали ее после смерти. Но и это вряд ли удастся [5].

Прощайте, больше писать не в силах. Передайте мой привет добрейшей Софье Петровне.

Искренно Вас любящий

М. Салтыков.

Печатается по подлининику: *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 100.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ,* 1914, № 4, с. 170, 176 (конец второго и начало третьего абзацев, с заменою фамилии Елисеева криптоимом «Х», шестой абзац); полностью· *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 356—357.

---

[1] Поздравление с Пасхой.

[2] Получив 13 мая н. ст. письмо Салтыкова, Белоголовый сообщал в этот же день Лаврову: «По случаю Пасхи много наград и в числе награжденных находятся Боткин и Лихачев: первый получил звезду Александра Невского, а второй — чин тайного советника,— и вообразите, это приводит в зависть М. Е. Салтыкова,— и эта зависть по мне неизмеримо противнее этих наград чуть не единственных его близких приятелей. Сегодня я получил от него такое злобствующее по этому поводу письмо, что читать было противно; вот бы я ему удружил, если бы сохранил это письмо для потомства; он снова находится в периоде творческой прострации и уже три месяца не берется за перо, а жаль, он теперь как раз дошел до описания школьной педагогии при Николае, и под его пером эта тема могла бы выйти очень пикантной,

а для нас, питомцев той эпохи, имела большой ретроспективный интерес» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп 4, № 36, лл 42—42 об.) Это письмо интересно как реакция одного из ближайших приятелей Салтыкова и как свидетельство одиночества писателя, ибо реакция Белоголового ни в коей мере не соответствует смыслу горьких (а не завистливых) жалоб Салтыкова.

[3] Теория компромиссов и хождения об руку с начальством, которая проповедовалась Елисеевым, вызвала резкую критику со стороны Салтыкова (см. письма 1317 и 1329)

[4] Письмо неизвестно.

[5] По предположению В Розенберга, высказанному в его статье «Лебединая песнь Щедрина» (*РБ*, 1914, № 4, с 179), фрагментом задуманной, но не завершенной писателем «оправдательной записки» является обнаруженный К К Арсеньевым в бумагах Салтыкова набросок «Я никогда не мог похвалиться ни хорошим здоровьем, ни физической силой » и опубликованный им в книге «Салтыков-Щедрин Литературно-общественная характеристика» (СПб, 1906, с 30) См т 17, с 473

1474. А. Н ПЛЕЩЕЕВУ

1 мая 1886—1888 Петербург

1 мая

Многоуважаемый Алексей Николаевич.

Некто Кларк, при посредстве Белоголового, прислал Вам или в редакцию «С<еверного> в<естника>» повесть, предоставляя сокращать и изменять как угодно, лишь бы напечатать. Теперь Белоголовый просит уведомить его, будет ли напечатана повесть и когда? Он пишет, что Вы обещали.

Пожалуйста уведомьте меня, если можно, завтра.

Искренно преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ЦГАЛИ*, ф 378, оп 1, № 33, л 1.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 227

1475. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

9 мая 1888 Петербург

9 мая

Многоуважаемый Николай Андреевич

Ежели сегодня Ваши именины, то поздравляю Вас, если же нет, то все-таки не беру назад поздравления, потому что поздравление, как и брань, на вороту не виснет.

Прочитавши только что полученное Ваше письмо[1], я был несколько сконфужен Вашим восклицанием по поводу Лиха-

чева и Боткина: хорошего же Вы мнения о Ваших знакомых![2] На это я могу Вам сказать по чести: да, хорошего. Но я так измучен и так всем надоел неизменяемостью своего положения, что ничего не будет удивительного, если я буду осужден на полное одиночество. Сверх того, успехи в жизни налагают на людей многоразличные обязанности и отнимают у них досуг,— это тоже, по-моему, истина Люди расходятся не предумышленно, а просто в силу пословицы: tempora *mutantur* et nos *mutamur* in illis[3]. Вот все, что я хотел сказать в прошлом моем письме по этому поводу. С успехами людей, круг их знакомств расширяется, и старое *невольно* отодвигается на задний план Я не думаю, чтоб в этом чисто отвлеченном суждении было что-нибудь обидное. Это сила вещей.

Я вчера выезжал гулять, и заехал к Боткиным. Просидел около часа и провел время очень хорошо, насколько позволило мое положение. Советовал, с переездом на дачу, пить Contrexéville и бросить все лекарства. Разумеется, я выполню совет, но вопрос: как же будет с хореей?

На дачу я перееду не раньше июня[4], и перед переездом сообщу Вам точный адрес. Пожалуйста, не забудьте обо мне и хоть изредка пишите.

У детей — экзамены. Лиза уже четыре экзамена выдержала хорошо, а у Кости первый экзамен — завтра Боюсь за него: он переходит из приготовительного класса в Лицей, и ежели не выдержит, то оставаться еще на год нельзя, потому что возраст велик. К тому же мне желалось бы, чтоб он перешел на казенный счет, а вакансий мало, конкуренция же большая. Теперь он выпросился домой готовиться к экзаменам, а вместо того шляется по знакомым и гуляньям[5].

Прощайте; дружески жму Вашу руку и прошу передать мой привет многоуважаемой Софии Петровне.

Искренно и нелицемерно Вам преданный

М. Салтыков.

Поклонитесь М. Т. Лорису от меня.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 101

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с 170—171 (первый и второй абзацы, с пропуском фамилий Лихачева и Боткина), полностью· *Изд. 1933—1941*, т. XX, с 357—358

---

[1] Письмо неизвестно.

[2] См письмо 1473.

[3] Времена меняются, и мы меняемся с ними *(лат.)*. Выражение, при-

писываемое римскому императору Лотарю I (ок. 795—855). Употреблено Салтыковым также в шестом очерке из цикла «Пестрые письма»

[4] В 1888 году Салтыков переехал на дачу в Преображенское 5 июня.

[5] Константин Салтыков в 1888 году выдержал экзамены и поступил в Александровский лицей, откуда в 1893 году был исключен

1476. М. М СТАСЮЛЕВИЧУ

28 мая 1888 Петербург

28 мая.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я уезжаю на дачу 6-го или 7-го июня[1], и Вы крайне обязали бы меня, навестив на неделе Я передал бы Вам готовую главу «Пошех<онской> стар<ины>» (около 2-х листов). Я, впрочем, не тороплюсь печатанием и даже полагаю поместить ее не раньше сентябрьской книжки, но желаю вручить рукопись Вам, потому что на Преображенской станции нет страховой корреспонденции, а простым письмом боюсь посылать. До сентября же нахожу удобным отложить печатание, потому что бог весть буду ли я способен продолжать писать.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л 191
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, л 47.

---

[1] Переехал на дачу 5 июня.

1477. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

3 июня 1888 Петербург

3 июня

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Послезавтра, еле живой, собираюсь на дачу. На дворе стоит холод, да видно лета и не дождемся. Выпало два дня порядочных, и опять термометр упал. Адрес моей дачи: Варшавская железная дорога, станция Преображенская, дача Розенбаха. Три часа езды от Петербурга,— не знаю как и доеду один. Навещать меня будет доктор Кобылин, который живет в своем имении, недалеко от нас. Мои уж уехали пять дней назад. Дачу наняли заглазно и теперь жалуются на множество неудобств. Вряд ли мне пользу принесет лето Почки замучили меня: моча мутная, как бульон у скверной кухарки. Последнее время я несколько работал и даже написал целых две

главы; но так себя измучил, что, кажется, опять надолго придется отказаться от работы. Как приеду на дачу, начну пить Контрексевиль, а покуда пью, работать не разрешается. Но и от питья большой пользы не жду, потому что при этом требуется спокойствие духа, а этого-то мне и недостает.

День ото дня существование мое делается невыносимее, да и я становлюсь в высшей мере несносен. Редко кто может выдержать и видеться со мной. Повторяю: у меня не болезнь, а колдовство. Все внутренности стонут от боли тупой и загадочной

Все постепенно разъезжаются. По-моему, это самое паскудное время, хуже зимы, особливо для тех, у кого, как и у меня, нет собственного угла. Е. О. Лихачева уехала, Елисеевы тоже. Летом прекращаются всякие связи, иногда даже навсегда. Круг близких людей все редеет и редеет, а новых связей больному человеку заводить не приходится. Теперь представьте себе: у меня дочь почти невеста,— неужели, по моей милости, ей жить в заточении! Очевидно, что я всем мешаю, а больше всего семье. И факт горек сам по себе, а сознание — и того горше. Стоны мои уже перестают возбуждать сострадание, а производят одну гадливость. Завидую Фридриху III. Император,— а все-таки, кажется, удастся умереть; а я живу да живу [2].

Приехал ли в Вевэ Лорис-Меликов? На днях я как-то раздумался об нем и должен был сознаться, что как я ни забыт, но до такой глубины забвения все-таки не дошел, до какой дошел этот когда-то всесильный человек.

Прощайте. Передайте мой сердечный привет добрейшей Софии Петровне. Она должна быть теперь в большом огорчении по случаю смерти сестры.

Жму Вашу руку и остаюсь навсегда искренно преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 22, карт 7, № 102

Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т XX, с 359—360 Фраза о Фридрихе III приведена В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ,* 1914, № 4, с. 172.

---

[1] Очерки «Московская родня» и «Дедушка Павел Борисович» (*ВЕ,* 1888, № 9)

[2] Император Фридрих III после продолжительной болезни скончался в Потсдаме 3 июня 1888 года (*РВ,* 1888, № 152, 4 июня, с. 1).

1478. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5 июня 1888 Преображенская

5 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Спешу поблагодарить Вас за теплое участие, которое Вы выказали по поводу моего отъезда на дачу. Я прибыл сюда своевременно и благополучно, при погоде, изменившейся к лучшему. Не знаю, что будет вперед, но покуда я и тому рад, что перекочевка кончилась.

Ежели будете посылать корректуры, то, пожалуйста, не страхуйте. Не успел я ввалиться на станцию, как уже меня ожидала из Луги повестка о прибытии на мое имя страхового письма. Теперь я должен посылать в стан свидетельствовать руку, потом в Лугу и т. д.

Еще раз благодарю за участие и прошу передать мой сердечный привет многоуважаемой Любови Исаковне.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Ст<анция> Преображенская, дача Розенбаха

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л 193
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 47.

1479. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19 июня 1888 Преображенская

19 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Считаю не лишним уведомить Вас, что у меня уж и для октябрьской книжки готово и переписано продолжение «Пош<ехонской> стар<ины>» в том же размере, как и для сентябрьской. Хотя Н. И Соколов и запретил мне писать во время питья вод, но такой уж нашел на меня стих, что никак воздержаться не мог. Но теперь, кажется, это проходит, и я боюсь впасть в противоположную крайность. Хотелось бы и для ноябрьской книжки изобразить продолжение, но заранъше ничего сказать не могу, кроме того, что времени впереди еще много. По моему расчету, кроме двух готовых статей, должно быть еще три или четыре, так что и на будущий год перейдет две или три статьи.

Приготовленную статью я вышлю в конце августа Вам или тому лицу, которое Вы укажете. А если и раньше желаете, то напишите. Корректур я до сих пор еще не получал, да оно и

не к спеху, и если упоминаю об них, то на случай не затерялись ли.

Погода здесь адская, и я невыносимо болен Кроме всего прочего, у меня сделался lumbago, так что я ходить совсем не могу. Доктор Кобылин был три раза, но особенной помощи от него не вижу.

До свидания. Дружески жму Вашу руку и прошу передать мой привет многоуважаемой Любови Исаковне Жена тоже обоим Вам шлет поклон. Если б Вам вздумалось навестить меня то весьма бы обязали, хотя при моих болях не надеюсь, чтобы этот визит доставил Вам удовольствие. Всего удобнее сделать так: выехать с почтовым поездом в $1^1/_2$ ч. Тогда Вы приедете на Преображенскую в $4^3/_4$ ч., как раз к нашему обеду. А возвратиться можно в 9 ч. 8 м. с тем, чтобы быть в Петерб<урге> в $12^1/_2$ ч. ночи. Ночевать я не приглашаю, по неимению надлежащих удобств. Но если решитесь на эту экскурсию, то телеграфируйте.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Преображенская ст<анция>, дача Розенбаха

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, лл 195—196
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 48

1480. М М СТАСЮЛЕВИЧУ

21 июля 1888 Преображенская

21 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Вчера я приглашал Вас навестить меня, а сегодня вынужден просить отложить Ваш визит, если Вы и имели намерение сделать его. Дело в том, что мой lumbago принял такие размеры, что я ни сидеть, ни ходить не могу, все лежу и стону... О работе, разумеется, и речи нет, и я бесконечно рад, что кончил статью для октября Погода продолжает быть адскою.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ* ф 366, оп 3, № 58, л 197
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 48
Год устанавливается по связи с письмом 1479.

1481. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 июня 1888 Преображенская

26 июня

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Позвольте просить Вашего распоряжения, чтобы июльская и августовская книжки «Вестника Европы» были высланы мне не по петербургскому адресу, а на Преображенскую станцию. Я боюсь, впрочем, что опоздал с своей просьбой.

Здоровье мое все в том же положении. Спина болит попрежнему, а пользы от советов д-ра Кобылина особенной не вижу. Погода здесь бестолковая: на дню несколько раз меняется. Я начал писать и для ноябрьской книжки [1]. До свидания. Черкните когда-нибудь строчку, ежели удосужитесь.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366 оп 3, № 58, л 199
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 49

---

[1] Главы XVII XX «Пошехонской старины» (Крепостная масса — Аннушка — Мавруша-Новоторка — Ванька-Каин)

1482 Л Ф ПАНТЕЛЕЕВУ

1 июля 1888 Преображенская

Телеграмма

Здоровье прежнее, лето холодное благодарю за память

Салтыков

Печатается по тексту телеграфного бланка *ИРЛИ* ф 366 оп. 3, № 38
Впервые опубликовано *Письма* с 324 В *Изд 1933—1941* с ошибочной датировкой 2 июля 1888 Месяц в дате на телеграфном бланке прочитывается условно

1483 Н А БЕЛОГОЛОВОМУ

14 июля 1888 Преображенская

14 июля

Многоуважаемый Николай Андреевич

Сегодня, мимо Преображенской станции, проехали в Карлсбад Лихачевы, и так как он городской голова, то хотя скорый поезд и не останавливается у нас, но ради него остановили, и я мог пожать ему руку В Карлсбаде они пробудут три не

дели, потом собираются на неделю в Тёплиц, а затем в Вевэ. Стало быть, приблизительно через месяц Вы их увидите. Признаюсь откровенно, отъезд их очень тяжело на меня подействовал. Это единственные знакомые, которые до сих пор не бросили меня и относятся ко мне сочувственно. Я не говорю об Вас, потому что Вы далече и можете утешить только заочно. Скажу Вам откровенно: я глубоко несчастлив. Не одна болезнь, но и вся вообще обстановка до такой степени поддерживают во мне раздражительность, что я ни одной минуты льготной не знаю. Хотелось бы куда-нибудь скрыться, пропасть, погрузиться в полное одиночество, но не знаю, как это сделать Сам я ничем распорядиться не в состоянии, и в то же время ни в ком не успел заслужить сочувствия. Что-то чудовищное представляется мне, как будто весь мир одеревенел. Ниоткуда никакой помощи, ни в ком ни малейшего сострадания к человеку, который погибает на службе обществу. Деревянные времена, деревянные люди Ежеминутно стонать, как, например, теперь, от всевозможных болей,— скажите, разве это <не> бесконечная мука?

В последнее время я довольно много работал, так что в сентябре, октябре и ноябре Вы рискуете встретиться со мной в «Вестнике Европы». Соколов, правда, убеждал меня не работать, покуда я пью Контрексевиль, но какая же возможность удержаться, когда позывает к работе? Кроме того, работа необходима мне и в материальном отношении, потому что требования семьи возрастают все больше и больше, и я рискую сделаться несостоятельным. Мне кажется, что я до последнего издыхания осужден работать, и хорошо, что я уже смолоду привык к труду. А то была бы беда.

Я слышал, что Вы на время уехали из Вевэ, но надеюсь, что письмо мое все-таки дойдет до Вас.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софии Петровне. Жены нет дома, уехала проводить Лихачевых до Луги.

Прощайте, будьте здоровы и не забывайте

искренно Вас любящего
М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 103

Впервые опубликовано Н А. Белоголовым в статье «Из переписки с М Е Салтыковым» — *Р. вед*, 1894, № 331, 30 ноября, с 2 (второй абзац), В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с 171, 176 (первый абзац без начальных и заключительной фраз, первая половина второго), полностью *Изд 1933—1941*, т XX, с 363.

1484. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 июля 1888. Преображенская

17 июля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Плохо мне — оттого и не ответил на Ваше письмо до сих пор [1]. Во-первых, задыхаюсь, во-вторых, ноги пухнут. Обе причины препятствуют движению. От души жалею, что Вы сами недомогаете, но ежели бы Вы решились посвятить больному человеку (разумеется, буде боль в Вашей ноге унялась) три часа, то я был бы Вам очень обязан. Советую выбрать хороший день и отправиться с почтовым поездом, тогда Вы как раз к нашему обеду приедете, а уехать будет можно в 9 часов вечера с поездом, который приходит в П<етер>бург в 12 ч. ночи.

Очень рад, что «Дедушка» Вам понравился; продолжение, которое я приготовил для октябрьской книжки, по мнению моему, тоже удалось мне [2]. Я начал серию портретов «рабов», но так устал, что вынужден покуда оставить работу. Выходит холодно. Впрочем, того, что уже написалось, будет вполне достаточно для ноябрьской книжки.

Предстоит еще несколько портретов — и сюжет будет исчерпан; весь вопрос в том, не овладеет ли мной отвращение к работе, которое, по временам, меня посещает. Последние главы «Старины» я предназначаю для начала будущего года. Знаю, что слишком долго затянулась моя работа — но что делать, будьте уж снисходительны.

До свидания. Дружески жму Вашу руку.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, лл 201—202.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 49.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Имеются в виду XIV—XVI главы «Пошехонской старины».

1485. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 июля 1888 Преображенская

26 июля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Завтра утром отправлю Вам рукопись страховым пакетом из Луги, и, по всем вероятиям, в четверг Вы ее получите [1]. В посылаемых главах будет около $2^1/_2$—$2^3/_4$ л., но было бы

очень приятно, если б их набрали, покуда Вы еще в Петербурге, и успели хоть в дорогу взять корректуру с собою. Во всяком случае, когда получите рукопись, то черкните строчку о получении, так как я буду тревожиться, не затерялся ли пакет. А когда она будет набрана, то будьте добры распорядиться, чтоб мне выслали корректуру.

Поистине, душевно сожалею, что обстоятельства препятствуют Вам навестить меня. Никогда я так не нуждался в участии, как теперь И нравственно и физически пропадаю. Но делать нечего. видно, приходится пропадать.

У нас в субботу урагана никакого не было, а была гроза в ночь с пятницы на субботу, впрочем, не особенная. Погода здесь переменная, но днем тепло. Зато ночью просто холодно.

Уведомьте, пожалуйста, куда Вы направляете путь и долго н[illegible] за границей Может быть, придется что-нибудь [illegible]

[illegible]редать мой привет многоуважаемой Любови

Искренно Вам преданный

М Салтыков

Д[illegible]я но[illegible]бря у меня тоже готова статья, но пускай у меня ж[illegible] до возвращения в Петербург[2]

[illegible] по подлиннику *ИРЛИ* ф 366, оп 3 № 58 л 203 - 204
[illegible]опубликовано *Стасюлевич*, т V с 50

[illegible] V [illegible] XV[illegible] глав «Пошехонской старины»
[illegible] глав «Пошехонской старины»

1486 М М СТАСЮЛЕВИЧУ

31 июля 1888 Преображенская

31 июля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Очень рад, что рукопись дошла до Вас; я получил от Вас известие об этом вчера, в субботу, с почтовым поездом· вот как поспешает почта[1]. Не будете ли добры прислать мне не одну, а *две* корректуры. Одну мне хотелось бы послать в Вевэ Белоголовому и Лорис Меликову. Впрочем, разумеется, ежели тут нет какого-нибудь риска со стороны типографии[2].

Душевно рад, что положение Вашей ноги улучшается. Повторяю просьбу уведомьте, когда Вы уезжаете, куда и на какой срок

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л 205
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 50

---

[1] См письмо 1485

[2] Стасюлевич прислал лишь один экземпляр корректурных гранок (см письмо 1489)

1487. Г. З ЕЛИСЕЕВУ

1 августа 1888 Преображенская

1 августа

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Давно об Вас не имею известий и признаю прежде всего виноватым себя, что не писал Вам Приехать к Вам, впрочем, я не мог, и думаю, что Вы на меня за это не в претензии. Я выезжаю очень редко, и не больше как на час, потому что погода стоит в полном смысле слова адская. В июне ждали, что июль будет хорош, в июле — что август выручит Вот и август наступил, а на дворе совершенная осень. Небо хмурое, холод, ветер как с цепи сорвался. Говорят, будто сентябрь и октябрь будут хороши, но ведь сентябрь все-таки сентябрь, как его ни поверни. Не знаю, когда уеду отсюда. Здесь скверно, да и в городе не лучше. Нет для больного ни правой, ни левой, куда бы он ни сунулся. Думаю, однако ж, что к 25-му числу непременно переберусь в Петербург[1], а семья к 1-му сентября переедет.

Когда собираетесь Вы? Душевно желал бы, чтоб это случилось тоже в конце месяца: хотелось бы видеться. Впрочем, зная, что Вы не любите стеснений, воздерживаюсь от дальнейшей назойливости.

От Лихачева получил два письма[2] — спасибо ему за память. 7-го числа он предполагает выехать в Тёплиц, но адреса не дает, а я в географии слаб, не знаю, где этот город находится и как писать это название по-немецки. Кажется так: Oesterreich, Böhmen, Töplitz или Toeplitz.

Меня развлекает здесь бывший цензор Веселаго, который раза три навещал меня и рассказывал анекдоты, свидетельствующие об его цензорской проницательности. При свидании, я кой-что Вам передам из этих рассказов, хотя, я полагаю, Вам эта проницательность достаточно известна.

Написал я здесь довольно много, так что материала набралось на четыре месяца, т. е. около $8^1/_2$ листов. Из них, впрочем, часть была уже в Петербурге готова. Остается еще страниц семь печатных написать, что и надеюсь выполнить, ежели не впаду внезапно в маразм.

Это единственное полезное, что я сделал, а для здоровья,

кажется, ничего. Хотелось бы «Пошех<онскую> старину» кончить (листов на пять еще осталось для будущего года) и затем навсегда замолчать. Вижу, как волны забвения все ближе и ближе подступают, и тяжело старому литературному слуге бороться с этим. Негодяи сплотились и образуют несокрушимую силу; честные люди — врозь глядят. Вот с каким убеждением приходится умирать.

До свидания; если удосужитесь, черкните строчку. Многоуважаемой Екатерине Павловне передайте мой привет. Жена Вам обоим кланяется.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 576, карт. 2, № 27, л 67.
Впервые опубликовано *Изд. 1933—1941,* т XX, с 366—367.

---

[1] Салтыков вернулся в Петербург 18 августа См письмо 1491.
[2] Письма неизвестны.

1488. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

3 августа 1888 Преображенская

3 августа

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Дались Вам мои $8^1/_2$ листов. Во-первых, это неверно, потому что добрую треть я еще в Петербурге написал; во-вторых, это вовсе не свидетельствует о здоровьи, а о вынужденном труде, который и зимой изнурял меня. Болтливость моя только ставит меня в фальшивое положение: кажется, что я и невесть как блаженствую. Скажите, почему Вы думаете, что я лгу? из-за чего лгать? Рисуюсь, что ли, я моею болезнью? — Уверяю Вас, что рисоваться тут нечем. Право, если б выпал хоть один месяц здоровья, я воспользовался бы им, чтоб бежать.

Виноват я, буду вперед воздерживаться. Здоров как бык — вот и все. Пишу и потешаю — больше от меня не требуется. Это и Боткин говорит, а Белоголовый присовокупляет: ищите утешения в спасительном труде. Хорошо утешение, когда не знаешь, куда деваться от щемящей тоски.

Вот Вы и не отвечаете на мой вопрос: когда думаете в город переехать. Тайна сия велика есть.

Погода *у нас* — прескверная. Вчера, правда, часов пять сряду было тепло, а потом опять захватило. Поэтому я сижу в кабинете и с каждым часом все здоровею и здоровею Полчаса пишу, полчаса в постели лежу — так с утра до вечера.

Прощайте, будьте здоровы и передайте мой сердечный привет многоуважаемой Екатерине Павловне. Жена обоим Вам кланяется.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 27
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 367

1489. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

6 августа 1888 Преображенская

6 августа

Многоуважаемый Григорий Захарович

Простите, ежели в прошлом письме сказалась горечь[1]. Я писал под влиянием переутомления, последствия которого чувствуются все больше и больше. Теперь уж я не работаю, а большую часть дня дремлю. Это случается со мной нередко и бывает, что я полтора-два месяца ничего не в состоянии делать. Досадно будет, ежели это попрепятствует кончить «Пошехонскую старину»: мне осталось еще листов 6 написать.

По настоящей адской погоде я даже на балкон не выхожу. Как выйду, похожу час или два — заболят зубы, нос, горло. При главных болях эти прибавки крайне мучительны. Не знаю еще, когда перееду в город, но если так продолжится, то вдруг соберусь и уеду. Неприятно, что дней за пять нужно вперед послать, квартиру устроить.

Хотел послать Вам в корректуре мою статью прочесть и просил Стасюлевича доставить мне, вместо одной, две корректуры[2], но он отозвался, что боится ответственности для типографии, так как может встретиться вопрос, куда лишние корректуры требуются[3].

Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой привет многоуважаемой Екатерине Павловне. Жена Вам обоим кланяется.

Искренно преданный

М Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 27, л 69
Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941*, т. XX, с 368

[1] См письмо 1488

[2] См письмо 1486

[3] Письмо неизвестно. Речь идет о корректурах XIV—XVI глав «Пошехонской старины»

1490. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

10 августа 1888 Преображенская

10 августа

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Не могу Вам описать, что в здешней природе происходит. Ежечасно погода изменяется по нескольку раз. Выглянет солнышко на четверть часа,— а за ним уж облако. Налетит проклятое, и в одну секунду поднимается холодный ветер. Раз по пяти в сутки принимается дождь Никто ничего подобного не запомнит. Я сижу в комнате и даже на балкон идти не дерзаю. Ежели с час посижу на воздухе, или в горле першить начинает, или зубы заболят, то есть, те корешки, которые дантист Догаев мне на му́ку оставил Никакой пользы от дачи я лично не получил, а напротив, вред. В городе хоть сквозного ветру я не ощущал бы.

Творится со мной что-то загадочное: пальцы на руках воспалены, особенно на левой руке. И никто не помогает; все говорят· это само собой пройдет, а мне все хуже и хуже делается. Терпение скоро лопнет. За всем тем, я до сих пор писал, но, кажется, теперь и «спасительный труд» закроется для меня. И устал, да и дни короче и короче делаются. Вечером при свечах я работать не могу, а в течение шестичасового зимнего дня немного наработаешь. Очень хотелось бы к весне будущего года с «Пошех<онской> стариной» покончить, но по плану остается еще около 6—7 листов написать.

Сентябрь уж недалеко, и Вы прочтете в сент<ябрьской> книжке «В<естника> Е<вропы>» «Дедушкино семейство» [1]. Глава эта понравилась и Лихачеву и Стасюлевичу. Хотелось послать В<ладимиру> И<вановичу> [2] продолжение, которое будет напечатано в октябрьской книжке, но Стасюлевич такой формалист, что в корректуре отказал. А В<ладимир> И<ванович>, конечно, и Вам дал бы прочесть. По моему мнению, и это продолжение не менее удачно.

О Боткине я никаких слухов не имею. Слышал, что он уж уехал, но куда — не знаю [3]. С марта месяца он ни разу ко мне не заглянул, и увижу ли его когда-нибудь,— сказать не могу. Слышал, будто он называет меня неблагодарным, но за что,— не понимаю Да и не верится, потому что для доктора столь знаменитого — это чересчур мелко. Просто забыл обо мне или находит бесполезным ездить к «хроническому» больному, хотя, с другой стороны, во время о̀но, мы видались с ним и как знакомые Ну, да куда уж!

Вместе с сим я посылаю на Ваше имя письмо В И. Лихачеву. Ежели соберетесь встретить его на жел<езной> дороге,

то захватите и мое письмо: пускай оно приветствует его в Вевэ [4].

Передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне. Жена Вам обоим кланяется.

Прощайте, жму Вашу руку.

Искренно преданный и любящий
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 22, карт 7, № 104.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина».— *РБ*, 1914, № 4, с. 176 (второй и третий абзацы); полностью *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 368—369.

---

[1] XIII глава при публикации стала называться «Московская родня — Дедушка Павел Борисович» Белоголовый писал П. Л. Лаврову 9 сентября 1888 года. «Салтыков злобствует, но написал за лето пропасть «Пошехонской старины», которая и иачнет печататься с сентябрьской книжки» (*ЦГАОР*, ф. 1762, оп. 4, № 36, лл. 83—83 *об.*).

[2] Лихачеву.

[3] У Боткина в это время болела дочь Уехал он на Принцевы острова лишь в начале сентября См. письма 1493 и 1496.

[4] Письмо неизвестно.

1491. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

17 августа 1888 Преображенская

17 августа

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Несмотря на хорошую погоду, завтра уезжаю в город. Очень мне уж плохо, надо подобру-поздорову убираться. Недели три придется прожить в одиночестве. Никого в Петербурге нет, даже докторов, и, вероятно, ежели погода установится, то и долго никого не будет, но такая уж мне во всем удача.

Когда переедете, будьте добры, навестите меня.

До свидания, прошу передать мой привет многоуважаемой Екатерине Павловне.

Весь Ваш
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 27, л. 70.

Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 369—370

Год устанавливается по времени возвращения с дачи (см письмо 1492).

1492. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

18 августа 1888 Петербург

18 августа.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Ежели Вы уже в Петербурге, то навестите меня, пожалуйста. Я уже воротился с дачи, и живу без семьи. Буду ждать Вас с великим нетерпением.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 38, л 92.

Впервые опубликовано *Письма,* с 325

Письмо датируется 1888 годом на том основании, что в 1884—1887 годах 18 августа Салтыкова не было в Петербурге и лишь в 1888 году он вернулся с дачи 18 августа. Эта датировка подтверждается и содержанием письма. Именно в 1888 году Салтыков вернулся в Петербург один и некоторое время жил без семьи.

1493. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 августа 1888. Петербург

Петербург. 21 августа.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Со мной творится что-то необычайное. Совсем забыл, писал ли я к Вам, или только намеревался писать [1]. Вот Вам образчик того психического состояния, в котором я нахожусь. Во всяком случае, ежели настоящее письмо будет повторением уже написанного, то прошу не посетовать.

Я уже переехал с дачи и живу один. И как на грех, с переездом моим началась чудесная, теплая погода. Во всем мне такая удача. Четвертый день скучаю неслыханно, потому что никого в городе знакомых нет и скоро нельзя ожидать.

Я передал в типографию корректуру октябрьской статьи [2]. Вероятно, сентябрьская книжка уже кончается печатанием, так моя корректура будет кстати. Так как у меня и на ноябрьскую книжку статья совсем готова [3], а Вы в последнее время распоряжались набирать мои статьи заблаговременно, то не сделаете ли такого же распоряжения и теперь. В таком случае будьте добры написать в типографию, чтобы у меня взяли ноябрьский оригинал.

У меня и на декабрь оригинал готов и даже на январь половина написана. Не знаю, в какой мере это соответствует Вашим планам, но, во всяком случае, радуюсь, что конец «Пошехонской старины» уже близок и есть вероятие думать, что

она напечатается без перерыва, ежели Вы признаете это удобным.

Вот все, что покамест имею сообщить Вам. Прошу Вас передать мой искренний привет многоуважаемой Любови Исаковне. Затем до свидания. Дружески жму Вашу руку и остаюсь

искренно преданный

М. Салтыков.

Боткин еще в Финляндии. У него заболела дочь — Зоя — ревматизмом, и он отложил поездку [4]. Это мне сказал вчера Васильев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, лл 207—208. Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с. 51.

---

[1] В последний раз Салтыков писал Стасюлевичу 31 июля 1888 года (см. письмо 1486).

[2] XIV—XVI главы «Пошехонской старины».

[3] XVII—XX главы «Пошехонской старины».

[4] См. прим. 3 к письму 1496.

1494. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

22 августа 1888. Петербург

22 августа.

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Письмо Ваше от 19-го я только что сейчас получил [1]. Оно переслано мне с Преображенской, хотя я Вас еще 17-го уведомлял о своем переезде. У меня опять болят почки и идут камни, а вследствие этого и весь организм страдает. Писал Соколову [2], прося приехать, но приедет ли он — не знаю. Ежели Вы найдете возможным, по состоянию здоровья, посетить меня, то сердечно буду рад. Но предупреждаю, что с $1^1/_2$—3 ч. утра я выезжаю гулять. Передайте мой поклон добрейшей Екатерине Павловне.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф. 576, карт 2, № 27, л 71. Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т XX, с. 371.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Письмо неизвестно

1495. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

4 сентября 1888. Петербург

4 сентября.

Очень хотелось бы знать Ваше мнение о «Дедушке», многоуважаемый Григорий Захарович. Особливо сравнительно с прежними писаниями. Не зайдете ли во вторник часа в три — крайне буду рад.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Сердечный привет добрейшей Екатерине Павловне.

Печатается по подлиннику· *ГБЛ,* ф 576, карт 2, № 27, л 72. Впервые опубликовано *Изд 1933—1941,* т. XX, с. 371—372

1496. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

16 сентября 1888. Петербург

16 сентября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Простите, что давно не писал к Вам. Право, не могу даже определить, что̀ со мной делается. Целый месяц задыхаюсь, не могу левой лопаткой к спинке кресла прислониться,— сейчас кровь в голову вступит, сердце забьется; сяду писать,— не успею и несколько строк кончить, как в пот бросит и начинается задышка, пальцы на руках воспалены, левая нога ноет, моча мутная. Помощи не вижу. Боткина с марта месяца не видал, Соколов — совсем перестал ездить. Один Васильев продолжает посещать, но ничего не придумает, чтоб хоть одышку унять. Такие мучительные ночи провожу, что страшно спать ложиться. Квартира у нас неудобная, и я сплю один, в отдалении от всех; наступит пароксизм,— никто и не поможет. Говорю без малейшего желания рисоваться: смерть была бы единственным желательным исходом от таких страданий [1].

Вам, вероятно, уж известно, что Лихачевы воротились [2]. Я два раза уж видел Влад<имира> Иван<овича> и оба раза был в полнейшей прострации. Ввиду этого очень возможно, что и у него пропадет охота посещать меня. Постороннему человеку смотреть на меня гадко, да и своим не слаще. Всем я опротивел.

Боткин, вместо Биарица, уехал в Константинополь купаться на Принцевы острова, и притом уехал без жены, с сыном Петром, которому дали из министерства командировку [3]. Я ни-

как не мог до сих пор добиться, как ему адресовать письма; Васильев говорит, что не знает. И срока, на который он уехал, тоже не определяют, а говорят только, что, вероятно, соскучится и приедет скоро. Конечно, Екатерина Алексеевна знает все определительно, но она в Культивле, а переписываться с ней — боюсь беспокоить. Вообще, и люди и вещи, за редкими исключениями, все так изменилось, что я всего боюсь, и не без горечи вижу себя последним из людей.

Погода здесь на дню несколько раз меняется; то солнце выглянет, то проливной дождь, но перевес на стороне дождя Это тоже влияет на меня несносным образом Наступает мрак, и мне, конечно, будет не до писания. Хорошо, что я успел наработать столько, что и на февраль будущего года приготовил, но надежде моей покончить с «Пош<ехонской> стар<иной>» в первые четыре месяца 89-го года едва ли суждено осуществиться [4]. Настает период, когда строки из меня не выбьешь.

Передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне.

Прощайте. Дружески жму Вашу руку.

Искренно уважающий и любящий

М. Салтыков.

Жена Вам обоим кланяется.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 105

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с. 177 (четвертый абзац), полностью *Изд 1933—1941*, т XX, с 372—373.

---

[1] Стасюлевич в письме от 16 сентября писал жене «Салтыков, на мой взгляд, очень поправился и, как всегда с ним при этом бывает, еще больше вздыхает и просит смерть пожаловать за ним» (*Стасюлевич*, т V, с 51).

[2] Лето Лихачевы провели за границей, в Карлсбаде, Тёплице, Вевэ, где встречались с Белоголовыми (см письмо 1483).

[3] В связи с болезнью дочери Боткин задержался в Петербурге до сентября, когда ехать на морские купания в Биарриц было уже поздно Поэтому Боткин в начале сентября отправился на Принцевы острова, а в заключение поездки посетил Константинополь, где «принялся за изучение военно-медицинской школы и за осмотр больниц» (Н А. Белоголовый С П Боткин Его жизнь и врачебная деятельность. СПб, 1892, с 74)

[4] Публикация «Пошехонской старины» закончена в марте 1889 года

1497. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

16 сентября 1888 Петербург

16 сентября

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Простите, что вчера все так неловко обошлось. Я понимаю, что это может отбить охоту меня навещать, но Вы сами были свидетелем припадка кашля, который случился со мной и по Вашем уходе возобновился в прежней силе. Всю ночь я кашлял и теперь сижу измученный.

До свидания, вновь прошу не посетовать и не оставить

уважающего Вас

М. Салтыкова.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 38, л 94
Впервые опубликовано *Письма*, с 325
Год устанавливается по бумаге, сходной с письмами этого периода.

1498. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

4 октября 1888 Петербург

4 октября

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Очень я Вас давно не вижу — здоровы ли Вы? Ежели выходите, то зайдите навестить человека совсем пропадающего. К несчастью, у меня заболели глаза, и это составляет новую прибавку к прочим прелестям моего существования. Не знаю, удастся ли кончить «Пошехонскую старину». Октябрьскую книжку я отдал В. И. Лихачеву с тем, чтобы по прочтении передал Вам.

Прошу Вас передать мой привет добрейшей Екатерине Павловне.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 576, карт 2, № 27, л 73.
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 373—374.

1499. А. Я. ГЕРДУ

7 октября 1888 Петербург

7 октября

Многоуважаемый Александр Яковлевич.

Мне кажется, что из числа врученных мною Вам сказок всего удобнее остановиться на «Вороне-челобитчике». Она не была ни напечатана, ни набрана, и совсем неизвестна цензуре.

А ежели понизить ранги, как это, кажется, и сделано мною в рукописи, то и содержание едва ли покажется чересчур резким. Напечатать ее (сказку) можно в конце сборника, чтобы вырезать в случае требования. Что касается прочих сказок, то, по мнению моему, «Вяленая вобла» только по капризу цензуры не пропущена, и ежели у Вас есть какие-нибудь отношения к цензуре, то можно вступить в соглашение. Но повторяю: всего лучше ограничиться «Вороном». Во всяком случае, прошу Вас уведомить меня о решении [1].

Искренно преданный и уважающий

Литейная, 62 *М. Салтыков.*

Впервые опубликовано в статье «Материалы по истории русской литературы и культуры» — *РМ*, 1914, № 2, отд 2, с 131 Автограф неизвестен.

[1] Осенью 1888 года А Я Герд и Я. В Абрамов посетили Салтыкова и предложили ему принять участие в готовящемся сборнике в память В М Гаршина. Этот эпизод из биографии Салтыкова нашел отражение в воспоминаниях Я В Абрамова (*Салтыков в воспоминаниях*, с 297—298) Салтыков передал для помещения в сборнике несколько сказок, не напечатанных ранее по цензурным обстоятельствам «Ворон-челобитчик», «Вяленая вобла», а также, по видимому, «Орел-меценат», «Медведь на воеводстве» Сборник «Памяти В М Гаршина» вышел в свет в 1889 году, уже после смерти Салтыкова В сборнике был напечатан только «Ворон-челобитчик»

1500. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 октября 1888. Петербург

9 октября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Всякий раз, при свидании с Вами, забываю спросить, будет ли в «В<естнике> Е<вропы>» для меня место в первых трех книжках 89 года, или же Вы имеете что-нибудь иное в виду [1]. Дело в том, что я в мартовской книжке хотел бы кончить «Пош<ехонскую> стар<ину>» и на январь и февраль статьи уже готовы. Есть даже и на март готовая большая глава, но об ней я переговорю с Вами при свидании. Если и ее можно будет пустить в ход, то окончание будет в апрельской книжке [2].

Позвольте напомнить Вам прислать адрес А. Н. Энгельгардт. Еще одна просьба: будьте так добры распорядиться, чтоб типография прислала мне оттиски октябрьской статьи.

Прошу Вас передать мой искренний привет многоуважаемой Любови Исаковне.

Сердечно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л 209
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 51—52

[1] Главы из «Пошехонской старины» печатались во всех трех первых книжках «Вестника Европы» за 1889 год

[2] Вероятно, Салтыков имеет в виду главу «Словущенские дамы и проч » Завершая произведение и невыносимо страдая от приступов болезни, писатель «скомкал» заключение хроники, в связи с чем и окончание ее появилось не в апрельском, а в мартовском номере «Вестника Европы»

1501. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

10 октября 1888 Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Вероятно, я очень надоедаю Вам однообразием моих писем, но примите в соображение, что вся моя жизнь исчерпывается одним словом: болен,— и извините. Болен до того, что люди, которые меня видят, уж и то находят достаточным, что я жив[1]. А по моему мнению, именно это уж совсем лишнее.

Вот уже две недели, как я не прикасаюсь к литературной работе: совсем не действует мысль. И письмо это пишу через силу, опасаясь, чтоб не произошло перерыва в общении с человеком, которого я люблю более, нежели кого-либо из друзей.

Ко мне в полной мере воротилась хорея, как в ту осень, когда я воротился из Висбадена. Мучительное дерганье, шмыганье носом, морганье и тоска, безмерная сердечная тоска. Разумеется, все это последствия домашней обстановки, которая без конца раздражает. Мне необходимо выйти из нее, но самостоятельно я ничего не могу сделать, а домашним *невыгодно,* чтоб я жил отдельно. Во-первых: что̀ скажут? во-вторых, я, пожалуй, заленюсь, работать не буду, и денег мало будет. Я просил В. И Лихачева, чтоб вошел в мое положение, и переселил меня в Царское Село, но он, вероятно, находит, что это просто каприз больного человека. Так я, конечно, и сгибну.

Обиднее всего то, что я не только сам мучусь, но и семью мучу. И все думают, что я последнего не понимаю.

Надеюсь, что наступающая зима скажет свое слово А ежели не скажет, то, с наступлением лета, отправлю семью за границу, а сам поселюсь в Царском и уже не возвращусь. Только ждать долго и мучительно. Что такое случилось со мной,— не знаю, но нечто в высшей мере ужасное. Главное: дети изму-

чили. Такие афоризмы Константин уже выработал, что слушать страшно. Еще шесть лет учиться предстоит, а он о карьере и протекции говорит.

Прошу Вас передать мой привет добрейшей Софии Петровне.

Прощайте, более не могу. Жму Вашу руку.

Искренно преданный

М. Салтыков.

10 го октября

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 107

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки М. Е. Салтыкова» — *Р вед*, 1894, № 33, 30 ноября, с 2 (конец третьего абзаца и четвертый), В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с 177 (первый, второй и часть третьего абзаца), полностью *Изд 1933—1941*, т XX, с 375—376.

[1] Получив письмо Салтыкова, Белоголовый 28 октября сообщал П. Л. Лаврову «Салтыкову снова стало хуже, и почерк скверный и пишет, [illegible] снова две недели не берется за литературную работу» (*ЦГАОР*, ф 1762, оп 4, № 37, л 18)

1502. А Н. ЭНГЕЛЬГАРДТ

11 октября 1888 Петербург

11 октября

Многоуважаемая Анна Николаевна.

Только вчера узнал от Стасюлевича Ваш адрес и спешу поблагодарить за доставленную книжку Александра Николаевича[1]. По-видимому, Вы лично отдали ее швейцару, и очень жаль, что не заблагорассудили взглянуть на меня. Между тем мне было бы нужно переговорить с Вами о Царском Селе, куда я обращаю взоры. Будьте так любезны, зайдите хоть на короткое время. Самое лучшее время от $2^1/_2$ до 4 часов.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по тексту *Изд 1933—1941*, т XX, с 376

Местонахождение автографа неизвестно

Год устанавливается по упоминанию о Царском Селе куда Салтыков предполагал переехать в случае отделения от семьи

[1] Имеется в виду книга А Н Энгельгардта «О хозяйстве в Северной России и применении в нем фосфоритов» (СПб, 1888).

1503. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

11 октября 1886—1888 Петербург

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Рамка, по моему мнению, похабная, но Ел<изавета> Ап<оллоновна> взяла портрет и отдала его посыльному (Вейдле даже подмастерья не прислал). Что теперь будет — не знаю, потому что портрет вдвое меньше дыры, для него назначенной. Следовательно, и вся рамка должна быть на $^{1}/_{3}$ меньше. Примите, ради бога, в этом деле участие, столкуйтесь с Вейдле и насчет цены. Этот портрет останется дома, а потому пускай вкус Е<лизаветы> А<поллоновны> торжествует.

Ваш

М. Салтыков.

11 октября.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 38, л 50

Впервые опубликовано *Письма,* с 297.

Датируется 1886—1888 годами, когда Салтыков обращался к Пантелееву с разного рода просьбами.

1504. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

20 октября 1888 Петербург

20 октября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Будьте так добры распорядиться, чтоб у меня взяли корректуру, которая совсем готова. Кстати, прикажите взять и оригинал для январской книжки, который тоже готов, и может быть исподволь набран [1].

Я совсем болен и ничего делать не могу. Целые дни дремлю.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 58, л. 211.

Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 52.

---

[1] Речь идет о корректурных гранках для декабрьского номера «Вестника Европы», где печатались XXI—XXV главы «Пошехонской старины». Одновременно Салтыков передал в редакцию рукопись XXVI и XXVII глав («Помещичья среда», «Предводитель Струнников»)

1505. В. Р. ЗОТОВУ

1 ноября 1888 Петербург

1 ноября.

Многоуважаемый Владимир Рафаилович.

Если б Вы заглянули ко мне, то убедились бы лично, что я писать ничего не могу. Я даже не знаю, успею ли кончить «Пошех<онскую> старину», хотя остается очень мало. А портфеля у меня никогда не бывало и рыться не в чем[1].

Простите за отказ.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 20
Впервые опубликовано *Письма,* с 326

[1] Вероятно, речь идет о приглашении участвовать в «Наблюдателе», издававшемся А Пятковским при активном участии Зотова

1506. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

5 ноября 1888 Петербург

5 ноября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Будьте так добры поторопить корректуру январской моей статьи[1]. У меня болят глаза и притом такой мрак, что я боюсь не поспеть ко времени. Извините, что беспокою. Насилу пишу.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л 213
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с 52

[1] XXVI и XXVII главы «Пошехонской старины».

1507. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

8 ноября 1888 Петербург

8 ноября

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Простите, что именины мои вывели Вашу корреспонденцию из очереди. Знаю, что я запоздал, но поистине было не в мочь писать. Да и теперь не в мочь. Могу сказать прямо, что я уже не человек. Сижу целый день, как идиот, ничего не делаю и ни к чему приступиться не могу. Малейший стук пугает, малей-

шее слово раздражает. Сегодня я вполне несчастнейший человек, потому что жене вздумалось, по случаю именин, увеселять меня.

Боткин приехал с неделю тому назад и был третьего дня у меня, осматривал. Покуда велел все бросить, исключая infus convallariae, да еще прописал Chin hydrobrom. в соединении с camphor. monobrom. Еще: 1 пилюлю фосфора в день и сколько угодно хлоралу. Что из этого выйдет, не знаю, но так как прежние приемы бромов отменены, то уже вчера дерганье усилилось.

У нас мрак и сырость. Ветер дует такой, что каждый день ждут наводнения.

Извините, что на этом кончаю письмо. Право, не могу больше писать. На днях, если хоть сколько-нибудь полегчает, напишу подробнее. Понравилась ли Вам «Старина»? Думаю, что нет.

Прошу Вас передать мой привет добрейшей Софии Петровне. Жена кланяется Вам обоим.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ* ф 22, карт 7, № 108

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4 с 177 (фрагмент первого абзаца), полностью *Изд 1933—1941*, т XX, с 377—378

1508 М М СТАСЮЛЕВИЧУ

9 ноября 1888 Петербург

9 ноября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я крайне нуждаюсь в Вашем совете и помощи и вообще желал бы переговорить с Вами по душе Не можете ли Вы навестить меня несколько ранее, нежели обыкновенно, например, между 1 и $2^1/_2$ ч. утра. Я позволяю себе указать на этот срок, так как в это время надеюсь говорить с Вами без посторонних, да и мраку меньше и голова у меня свежее. Будьте так добры, уведомьте, получили ли Вы это письмо, и согласны ли удовлетворить моей просьбе [1].

Искренно Вам преданный

М Салтыков

Печатается по подлиннику *ИРЛИ* ф 366, оп 3 № 58, л 215

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 52

[1] Салтыков просил Стасюлевича оказать ему необходимую помощь в случае его отделения от семьи и возможного переезда из Петербурга (см письма 1509 и 1512) Встреча состоялась 10 или 11 ноября.

1509. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

13 ноября 1888. Петербург

13 ноября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Вчера я был доведен всякими дерзостями до такого исступления, что вне себя ударил сына. Каюсь в этом перед Вами и могу прибавить только одно: что был вполне вознагражден за этот звериный поступок, когда вслед за ним бросился просить у сына прощения. В ответ на мои просьбы я получил целую массу глумления.

Боюсь, чтоб и Вас поступок этот не отвратил от меня, но прошу Вас принять в соображение, что я более месяца как почти с ума схожу и ни о чем думать не могу, кроме того, на какой манер меня терзать будут.

Будьте так добры уведомить меня, виделись ли Вы с В. И. Лихачевым, и условились ли с ним насчет чего-нибудь [1]. Ради бога, не оставьте меня. Я доведен до крайности и могу решиться на что-нибудь неудобное. Иногда у меня мелькает мысль напечатать в газетах, в каком положении оброшенности и презрения я нахожусь. Иногда я собираюсь писать государю .. Ради бога, помогите. Нельзя ли меня общими силами спровадить куда-нибудь — в Крым, например?

Жду Вашей помощи.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л 217.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 53.

---

[1] См письмо 1508 и прим 1 к нему.

1510. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

17 ноября 1888. Петербург

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Не раз пытался я восстановить равновесие в очереди, которой следовала до сих пор наша корреспонденция, но несносный мрак, царствующий здесь в течение короткого дня, положительно не дает возможности писать. К тому же у меня болят глаза, так что и теперь почти через силу начинаю мое письмо

и не знаю, когда кончу его. Даже для Петербурга, привыкшего к атмосферическим неурядицам, нынешняя осень из ряда вон. Ни одного светлого луча в течение двух месяцев; погода каждый день меняется три, четыре раза, постоянный западный ветер грозит наводнениями.

Под влиянием этого мрака в голове бродят самые несообразные прожекты. Но главным образом они вертятся около одной мысли: выйти из несносной обстановки, в которой я нахожусь. Казалось, что если я перееду на особую квартиру, то будет лучше, поводов для раздражения меньше, и самый недуг, быть может, уступит, ежели жизнь потечет мало-мальски спокойнее. Но увы! сам я устроить это не могу, а к кому я ни обращался с просьбой помочь мне,— все уклоняются, да и времени ни у кого нет. Много лет я живу на свете, а не нажил себе друзей, которые в тяжкую годину помогли бы мне. Наконец придумал я такую комбинацию: так как я не в силах управлять собой, ни руководить семьею, то просить об учреждении опеки [1]. Оказывается, что я должен быть для этого освидетельствован и признан сумасшедшим. Сам я, например, не могу сказать: придите ко мне на помощь,— я лишен возможности управлять собой! Нужно, чтоб это сказали *третьи* лица. Даже дворник может сказать, и его послушают, а меня — нет.

Чувствую, что письма мои скорее должны надоедать Вам, нежели представлять интерес, но что же делать! — сидя целый день в одиночестве, без дела, ничего не читая и уставясь глазами в стену,— ничего из себя не выжмешь. Вот теперь повсюду шпионы шмыгают, а я не могу настоять, чтоб сынок мой не связывался со всяким встречным.

С 3-го декабря начинается для В. И. Лихачева искус — выборный период — и будет продолжаться до конца февраля. Все это время он, конечно, будет, как в котле, кипеть [2].

Прощайте, добрый и любимый друг. Передайте мой сердечный привет добрейшей Софье Петровне. Более писать, ей-богу, не в силах.

Искренно Вас любящий и глубоко преданный

М Салтыков.

17 ноября

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 109

Впервые опубликовано Н А Белоголовым в статье «Из переписки с М Е Салтыковым» — *Р вед*, 1894, № 331, 30 ноября, с 2 (фрагмент о возможности учреждения опеки), полностью *Изд 1933—1941*, т XX, с 379—380

[1] См письма 1508, 1509, 1512

[2] См прим 2 к письму 1544

1511. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

19 ноября 1888. Петербург

19 ноября

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Давно собираюсь благодарить Вас за те благосклонные отзывы, которых постоянно удостаивают «Рус<ские> вед<омости>» мои посильные литературные труды [1], но немощи, в последнее время усилившиеся, мешали мне писать. Мне очень горько вообще, что сношения между нами как будто прекратились [2]. Думаю, что Вы хоть изредка, но бываете же в Петербурге, и никогда не заглянете ко мне.

Я очень страдаю. Это не болезнь, а что-то вроде колдовства. Вот уже больше двух месяцев, почти с самого переезда с дачи, постоянно дремлю и ни к какой работе приступить не могу. Хорошо, что летом успел наготовить материала столько, что хватит до февральской книжки «В<естника> Е<вропы>» включительно, но представьте себе, что осталось мне дописать не больше двух небольших глав, чтоб довести «Пошех<онскую> стар<ину>» до конца (т. е. детство), а я даже сказать не могу, напишу ли я их. Короткое письмо написать связно не могу. И доктора, по-видимому, отказываются от меня, и вообще я ниоткуда серьезной помощи и участия не вижу. Скоро пятьдесят лет минет, как я служу обществу, и вот чем кончается.

Прощайте, более писать не могу.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, лл 182—183

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн *Русские ведомости,* с. 211 (второй абзац, без заключительной фразы), полностью *Неизданные письма,* с 307.

---

[1] В «Русских ведомостях» 17 марта, 12 сентября, 16 ноября 1888 года были напечатаны отзывы А И Введенского на появившиеся главы «Пошехонской старины»

[2] Последний раз Салтыков выступил в «Русских ведомостях» 17 мая 1887 года.

1512. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

25 ноября 1888 Петербург

25 ноября.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не будете ли Вы так добры распорядиться, чтоб меня рассчитали за декабрьскую статью теперь, а не 30-го. Мне крайне необходимы деньги, а размеры статьи уже известны [1].

В. И. Лихачев сообщил мне, что по общем совещании Вы оба решили предоставить меня самому себе. К сожалению, он не мог, по обстоятельствам, выяснить мне мотивы этого решения. Может быть, при свидании с Вами, я узнаю их, но скоро ли мы увидимся?[2]

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 219
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 53

[1] Просьба Салтыкова была исполнена на следующий же день (см письмо 1513).

[2] См письма 1508, 1509.

1513. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 ноября 1888 Петербург

26 ноября

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Благодарю Вас за исполнение моей денежной просьбы[1]. К сожалению, Вы ничего не ответили мне на вопрос, скоро ли мы свидимся, из чего я заключаю, что у Вас мало времени и ожидать Вас скоро нельзя.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 221.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 53.

[1] См. письмо 1512.

1514. А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ

30 ноября 1888 Петербург

30 ноября

Многоуважаемый Александр Львович.

Пожалуйста, зайдите ко мне завтра, в четверг, утром, если это только возможно[1]. Прошу вас.

Искренно преданный

М. Салтыков.

На конверте В городе Никольская (Николы Морского) площадь, 3, квартира Котельникова, Александру Львовичу Боровиковскому.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 7

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 308

Год устанавливается по почтовому штемпелю «С-Пет 30 ноябр. 1888 г».

---

[1] В конце ноября Боровиковский приехал в Петербург из Одессы (см письмо 1516).

1515. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

30 ноября 1888 Петербург

30 ноября

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Наслышан я, что Вы воротились из путешествия. Не будете ли так добры навестить меня.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, л 96

Впервые опубликовано *Письма*, с 327

Год устанавливается на основании пометы Пантелеева «88 г».

1516. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

1 декабря 1888 Петербург

1 декабря

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Поздравляю Вас с наступающими именинами и шлю Вам от глубины души пожелания всех возможных благ,— впрочем, не по этому только случаю, но и всегда. Будьте благополучны, здоровы и счастливы, Вы заслуживаете этого более, нежели всякий другой. Верьте искренности моих слов: ведь не случайно же, несмотря на долгую разлуку и разделяющее нас пространство, я с таким упорством поддерживаю переписку с Вами. Поистине я был бы неутешен, если б она прекратилась.

Благодарю за последнее письмо[1]. Ваше участие ободряет меня, хотя в то же время и подтверждает, что из моего положения нет выхода, кроме смерти или бессрочного страдания. Пишу к Вам все в тех же условиях, т. е. задыхающийся, полуспящий. Мрак кругом все тот же, с тою только разницей, что на дворе уже три дня стоит мороз в 10 град<усов>. Еще 12 часов нет, а почти совсем не видать. В учебных заведениях

с утра занимаются при огне — вот какая задалась осень. Не знаю, от этого ли, или по другой причине, но я по-прежнему не могу приступить к работе, и по-прежнему опасаюсь, что не кончу «Пошехонской старины». Это уж совсем досадно, потому что осталось очень немного, а не кончивши, нельзя отдельное издание сделать, и, следовательно, нельзя рассчитывать и на доход, а в моем положении это очень худо.

На днях приехал сюда в побывку Боровиковский из Одессы,— кажется, Вы его знаете — и приехал веселый. Он своими руководствами по гражданскому праву составил себе верный доход около 10 т. р. в год на долгое время, и потому живет теперь припеваючи, в хорошем климате, и получая с жалованием до 15 т. р. Разумеется, при этом и здоров.

Нового здесь ничего нет. Я ни с кем не вижусь и ничего не знаю. Бывают раз в неделю Лихачевы, но и тут опасаюсь, что вдруг как-нибудь и эта последняя связь с живым миром оборвется.

Прошу Вас передать мой сердечный привет многоуважаемой Софие Петровне и мое поздравление с дорогим именинником. Жена Вам обоим шлет поклон и поздравление.

Прощайте, будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 22, карт 7, № 110

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ,* 1914, № 4, с 177—178 (с пропуском третьего абзаца о Боровиковском), полностью *Изд 1933—1941,* т XX, с. 382—383.

[1] Письмо неизвестно

1517. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

3 декабря 1888 Петербург

3 декабря

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Давно Вас не видал и стосковался. Не сердитесь ли — так, кажется, не за что. Может быть, погода держит Вас дома. Черкните строчку, здоровы ли и могу ли надеяться видеть Вас.

Добрейшей Екатерине Павловне мой поклон.

Ваш душевно

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ГБЛ,* ф 576, карт. 2, № 27, л 74.

Впервые опубликовано: *Изд 1933—1941,* т. XX, с 383.

1518. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

6 декабря 1888. Петербург

6 декабря

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Извините, что первое же Ваше вечернее посещение вышло неудачно. По случаю Николина дня, В. И. Лихачев неожиданно приехал ко мне, вместо вторника, в понедельник, и на будущее время подобных изменений не предполагается[1]. Надеюсь, что неудача эта не изменит наших отношений, которыми я так дорожу, и что Вы все-таки навестите меня к вечернему чаю в один из ближайших вечеров.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 38, л 98

Впервые опубликовано *Письма*, с. 326—327.

Год устанавливается по помете Пантелеева: «1888 г.»

---

[1] На письме карандашная приписка Пантелеева: «С конца 85 г. я оборвал отношения с Лихачевым, и мы бывали в разные дни у Салтыкова, а тут произошла непредвиденная встреча»

1519. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

7 декабря 1888 Петербург

7 декабря

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Елиз<авета> Апол<лоновна> сейчас возвратилась от Вас раньше обыкновенного, говоря, что ей сделалось не по себе от жара. Но я, как человек нервный, думаю, не случилось ли чего-нибудь. Будьте так добры, уведомьте поскорее. А также известите, могу ли я надеяться видеть Вас.

Искренно преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 576, карт. 2, № 27, л. 75

Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941*, т XX, с. 384

Год устанавливается предположительно, в соответствии с датировкой Н. В Яковлева в *Изд 1933—1941*

1520. Г. З. ЕЛИСЕЕВУ

8 декабря 1888 Петербург

Многоуважаемый Григорий Захарович.

Я вчера писал к Вам под влиянием тревоги, и жена не знала об этом. Она завтра приедет к Вам; пожалуйста, не упоминайте, что я Вам писал.

Ваш

М. Салтыков.

8-го декабря.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 576, карт. 2, № 27, л 76
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т XX, с 384.
Год устанавливается по связи с письмом 1519

1521. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

14 декабря 1888. Петербург

14 декабря

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Дня два тому назад я получил из Москвы очень сочувственное письмо, подписанное В. Морозова [1]. Хотелось бы ответить, но не знаю, куда и кому. Пришло в голову, не та ли это Морозова, владелица тверских фабрик, которую Вы, кажется, знаете. Не можете ли Вы разузнать об этом и сообщить мне (имя, отчество и адрес).

Я, по-прежнему, ничего делать не могу и нахожусь в оцепенении.

Ваш

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л 184.
Впервые опубликовано В Розенбергом в кн · *Русские ведомости*, с. 198 (с пропуском двух фраз); полностью: *Неизданные письма*, с. 308.
Год устанавливается предположительно по замечанию о состоянии здоровья.

---

[1] Возможно, В А Морозова, гражданская жена В. М. Соболевского.

1522. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

15 декабря 1888 Петербург

15 декабря.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Сердечно благодарю Вас за последнее Ваше письмо [1], в котором Вы подразделяете мои недуги на срочные и бессрочные. Бессрочные, надо сказать правду, переносятся тяжелее,

особливо одышка, которая преследует меня даже когда я спокойно сижу, сопровождаемая кашлем и всякими сердечными явлениями. В особенности тяжело действуют теперешние холода, которые, вот уже более 10 дней, стоят не меньше 15° ниже нуля. Стены до того промерзли, что, несмотря на усиленную топку, у меня в кабинете не больше 13°, что совсем для больного организма несносно. Благодаря холодам привязалась зубная боль, до такой степени усилившаяся, что не только десны, но и подбородок болит, так что дотронуться нельзя. И к довершению всего, два дня тому назад заболел доктор Васильев, так что я не знаю, к кому обратиться. Писал к Соколову сегодня [2], но посланный уже в 9 часов утра не застал его дома, и я не знаю, приедет ли он.

Вот и Лорис-Меликова не стало [3]. Меня это известие очень взволновало, и я вчера целый день был сам не свой. Это был один из немногих симпатичных русских правителей, и хотя пребывание его у кормила было недолговременно, но, по крайней мере, в течение этого пребывания Россия избавлена была от тех несносных, загадочных шепотов, которыми наполнили ее Муравьевы, Гурки, Маковы и проч.

В один день с Лор<ис>-Мел<иковым> в Петербурге умер от припадка грудной жабы другой отличнейший человек, педагог Герд [4]. Мрут хорошие русские люди. Как поредел в течение каких-нибудь 5—6 лет круг знакомых, это подумать горько. Нынешний год особенно был лют. Хотя его осталось всего 15 дней, но и я не без надежды, что будущего года не увижу. Вдруг как-то это нынче случается. Герд всего полтора часа мучился.

Кончая настоящее письмо, поздравляю Вас и многоуважаемую Софью Петровну с Новым годом, хоть это несколько и рано. Жена присоединяется к моим поздравлениям и пожеланиям всего лучшего.

Прощайте, будьте здоровы. Крепко жму Вашу руку.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

У Бородулиной родился сын [5]. С. П. Боткина я не видал с 8 ноября.

Печатается по подлиннику *ГБЛ*, ф 22, карт 7, № 111

Впервые опубликовано В Розенбергом в статье «Лебединая песнь Щедрина» — *РБ*, 1914, № 4, с 172 (третий абзац), полностью: *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 385—386.

---

[1] Письмо неизвестно

[2] Письмо неизвестно

[3] М Т. Лорис-Меликов умер 12 декабря 1888 года в Ницце (*НВ*, 1888, № 4598, 15 декабря, с. 1).

[4] А. Я Герд, председатель педагогического совета Женской гимназии княгини Оболенской, скоропостижно скончался 13 декабря 1888 года (*НВ*, 1888, № 4597, 14 декабря, с. 4). В гимназии кн. Оболенской училась дочь Салтыкова.

[5] Жена Василия Михайловича Бородулина, дочь С П Боткина

1523. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 декабря 1888. Петербург

18 декабря

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Извините, что после недавнего свидания опять обращаюсь к Вам с письмом. Не приходило ли Вам на мысль, что «Пошехонскую старину» из январской книжки могут потребовать вырезать за изображение дворянства и в особенности предводителя в неприятном виде. Особенно разговор с Корнеичем о том, что такое дворянин? [1] Я совсем забыл поговорить с Вами об этом вчера. Сверх того, мне кажется, что характеристика Бурмакина очень слаба. Вообще, конец «Старины» не интересен и может значительно подорвать интерес, возбужденный началом [2].

Будьте так добры, сообщите мне Ваше мнение по этим двум вопросам, чем премного обяжете

искренно уважающего Вас

М. Салтыкова

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л. 223
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т V, с. 54.

[1] «Помещичья среда» и «Предводитель Струнников» цензурных осложнений не вызвали

[2] Салтыков просил Стасюлевича высказать мнение о главе «Валентин Бурмакин», но Стасюлевич «не ответил, уклонился», в связи с чем писателю пришлось с аналогичной просьбой обратиться к Пыпину (см. письма 1524, 1527).

1524. А. Н. ПЫПИНУ

21 декабря 1888. Петербург

21 декабря
Литейная, 62.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Обращаюсь к Вам с неожиданной просьбой. Вот в чем дело. Мне кажется, что главы, предназначенные для январской и февральской книжек, значительно слабее всего предыду-

щего. В особенности на меня наводит сомнение «Бурмакин». Боюсь, что глава эта повредит общему впечатлению, производимому «Стариной». Не лучше ли не печатать ее? — вот вопрос. К сожалению, я в таком положении, что и посоветоваться не с кем. Никому до меня дела нет. Обращался с этим вопросом к М. М. Стасюлевичу, но он не ответил, уклонился. Будьте так любезны, ответьте, разрешите мои сомнения [1]. Весьма меня обяжете.

Я по-прежнему не только ничего не работаю, но даже при всякой попытке чувствую отвращение, сопровождаемое каким-то мучительным процессом особого рода. И письма нужного написать не могу. Просто колдовство.

Искренно преданный

М. Салтыков.

На конверте В городе Васильевский Остров, 2-я линия, 7. В книжный магазин М М Стасюлевича. Для передачи А. Н Пыпину

Печатается по подлиннику *ГПБ*, ф. 621, № 750, лл 25—26

Впервые опубликовано *Неизданные письма*, с 309

---

[1] См также письмо 1527.

1525. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 декабря 1888. Петербург

26 декабря.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Завтра истекает цензурный срок январской книжке. Так как меня очень тревожит участь моей статьи, то не будете ли Вы так добры уведомить меня, по окончании срока, прошла ли она благополучно, и если нет, то что Вы предполагаете относительно нее предпринять [1].

Простите, что беспокою, но убедительнейше прошу внять моей просьбе.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 225

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 54

---

[1] Цензурных осложнений январский номер журнала не вызвал, о чем 27 декабря Стасюлевич телеграфировал Салтыкову (см письмо 1527).

1526. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

28 декабря 1888. Петербург

28 декабря

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Сейчас вычитал из газет о смерти С. А. Юрьева. Известие это глубоко меня тронуло. К сожалению, я знал только его одного, а из семейства его никто мне знаком не был, а потому я не могу заявить его семейным чувства моего живого соболезнования по поводу смерти старого друга и товарища детства. Не будете ли Вы так добры взять на себя передать семье покойного мои чувства [1].

Простите, что пишу мало и нескладно. Болезнь одолевает.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Поздравляю с Новым годом.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л. 186.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн.: *Русские ведомости,* с. 212 (без обращения и подписи); полностью *Неизданные письма,* с. 310.

---

[1] С. А. Юрьев скончался 26 декабря 1888 года. Соболевский передал семье С. А Юрьева соболезнование Салтыкова. С. С. Юрьев, сын С. А Юрьева, в письме от 31 декабря 1888 года выразил Салтыкову признательность за «теплый сочувствующий <..> отклик» (*Неизданные письма,* с. 407—408).

1527. А. Н. ПЫПИНУ

29 декабря 1888 Петербург

29 декабря.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Благодарю Вас за письмо [1], надеюсь, что Вы уже прочитали мой рассказ и исполните благое намерение навестить меня [2]. Теперь я нахожусь в мучительном состоянии. Мих<аил> Матв<еевич> обещал мне дать знать, благополучно ли кончится цензурный срок, и во вторник телеграфировал: благополучно [3]. Но в то же время он обещал мне *по окончании срока* прислать расчет, а до сих пор из конторы не присылает. Забыл ли он, или что-нибудь и после срока случилось — не знаю, но мучусь бесконечно.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГПБ*, ф. 621, № 750, л 27.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма*, с. 310—311.

[1] Письмо неизвестно.
[2] См. письмо 1524.
[3] Телеграмма неизвестна.

1528. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

31 декабря 1888 Петербург

31 декабря.

Надоел я Вам, дорогой Михаил Матвеевич, но организм мой до того расшатан, что малейшее сомнение служит для меня источником жестоких страданий. А между этими сомнениями — цензурные стоят на первом плане[1]. Надеюсь, что судьба положит этому предел и успокоит меня невдолге. Об одном сожалею: что врываюсь с своими болестями в жизнь тех немногих доброжелательных людей, которые у меня остались. Но думаю, что если они посудят беспристрастно, то найдут возможность до известной степени оправдать меня.

Сердечно поздравляю Вас и многоуважаемую Любовь Исаковну с Новым годом. Надеюсь, что Вы не измените и за гранью старого года Ваших добрых отношений ко мне.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Рука изменяет; начинаю писать каракулями.

Печатается по подлинннку: *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л 227.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с 54.

[1] См. письмо 1525.

1889

1529. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

4 января 1889. Петербург

Визитная карточка

На конверте. В городе. Николаевская, 62 (Шульца). Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 38, лл 100—101.

Публикуется впервые.

Датируется по почтовому штемпелю.

1530. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

5 января 1889. Петербург

5 января

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Очень Вам благодарен за передачи Юрьевым моих соболезнований[1]. Да, некрасиво положение этого семейства, но Москва богата сочувственными людьми вроде Солдатенкова, Третьяковых, Ланина и проч., которые, конечно, придут на помощь. А ежели материальной помощи не будет, то за семьей останется общественное сочувствие, еще при жизни покойного признававшее его честною и чистою личностью, а сочувствие — это в жизни самое великое утешение. Вот я, например, два года себя продаю и покупщика не нахожу[2], да и отдельные издания мои плохо идут, но зато пользуюсь общественным сочувствием,— и горя мне мало. На днях Боткин мне говорил: если бы Вам года три сряду прожить в хорошем климате, то это, наверное, значительно восстановило бы Ваш организм. На что я ему резонно ответил: вот погодите, запасусь я общественным сочувствием и уеду за границу па палке верхом; проживу там без нужды, сколько следует, да и ворочусь крепышом.

Вот насчет «Сборника» хорошо задумано: нищие всегда с охотой нищенские обрывки на суму нищему собрату подадут. Но только и тут беда: что, ежели сочувствователи ограничат-

ся сочувствием, а «Сборника» покупать не будут? А это может случиться и даже непременно будет.

Что касается до меня, то я ничего не могу для «Сборника» обещать[3]. Я уже пятый месяц не выхожу из мглы и ничего не работаю. Мне всего одну главу остается дописать, чтобы «Пошех<онскую> стар<ину>» докончить, а я и этого не могу сделать. Ежели хоть малейший просвет будет, то воспользуюсь им, чтобы хоть как-нибудь скомкать.

Прощайте. Ей-богу, более не в силах писать.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Много ли написал, а уж руки дрожат, и все тело в поту.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 188—189. Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн *Русские ведомости*, с. 213. Год устанавливается по упоминанию о смерти Юрьева и проекте сборника в его память.

---

[1] См письмо 1526.

[2] Переговоры с московскими и петербургскими издателями о продаже права на сочинения не увенчались успехом, и Салтыков в феврале 1889 года сам приступил к их изданию при содействии Стасюлевича.

[3] Сборник «В память С А Юрьева» вышел в свет в Москве в 1891 году. В начале января 1889 года А Н Веселовский посетил Салтыкова и обратился к нему с просьбой написать воспоминания о Юрьеве. Однако писатель отказался, предложив в сборник запрещенные ранее цензурой сказки «Медведь на воеводстве» и «Вяленая вобла» В сборнике их не удалось напечатать, но Алексей Веселовский изложил их содержание в своей статье (с 285—287), предваряющей публикацию шести писем Салтыкова к Юрьеву (с. 287—292).

1531. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

9 января 1889. Петербург

9 января.

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Пожалуйста, не давайте последствий моей просьбе относительно Коркунова[1]. До поры, до времени надо терпеть.

Ваш

М. Салтыков.

На конверте: Здесь. Николаевская, 62 (Шульца). Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 102, 104.
Впервые опубликовано. *Письма*, с. 327.
Датируется по почтовому штемпелю. «10 янв. 1889».

[1] Через Пантелеева Салтыков, видимо, предполагал обратиться к профессору Александровского лицея Н. М. Коркунову с какой-то просьбой относительно учившегося в это время в лицее сына Константина Об этом свидетельствует карандашная помета Пантелеева. «Насчет Константина в лицее».

1532. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

16 января 1889. Петербург

16 января

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я кончил, так что Вы можете прислать за рукописью когда угодно. Конец неважный, но я чувствовал такую потребность отделаться от «Старины», что даже скомкал [1]. Надеюсь на Вашу снисходительность и благодушие читателей.

Искренно преданный
М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 229.
Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с 55

[1] Салтыков сообщает о завершении работы над заключительными главами «Пошехонской старины» (XXX. Словущенские дамы и проч — XXXI. Заключение).

1533. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

17 января 1889. Петербург

Михаил Евграфович Салтыков просит Логгина Федоровича посетить его завтра, в среду, между 1—2 ч. по весьма нужному для него (т. е. для меня) делу [1].

На конверте: В городе Николаевская, 62 (Шульца). Его высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 105—106 Написано на визитной карточке. Первые три слова — печатный текст.
Впервые опубликовано. *Письма*, с. 328.
Датируется по почтовому штемпелю: «С.-Петербург. 17 января 1889».

[1] Речь, вероятно, идет о сделанном Салтыкову 17 января 1889 года со стороны книгоиздателя Салаева предложении о продаже права на издание его сочинеиий (см. письмо 1534).

1534. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

17 января 1889. Петербург

17 января

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Сегодня ко мне приезжал доверенный от фирмы Салаевых и предлагал купить меня навсегда всего и со всем, что будет написано впредь (до сих пор около 420 листов формата «В<естника> Е<вропы>»). Я назначил цену крови 60 т. р. без рассрочек. Будьте так добры сообщить мне Ваше мнение, не продешевил ли я себя, или, быть может, заломил чересчур много. Поверенный обещал сообщить своим доверителям и дать ответ не далее как через неделю [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

На случай, если Вы не получили вчера моего письма, повторяю здесь, что оригинал для март<овской> книжки у меня готов и переписан [2].

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 58, л. 231
Впервые опубликовано· *Стасюлевич,* т. V, с. 58
Год устанавливается по упоминанию о предложении Салаевых.

[1] Фирма Салаевых дала принципиальное согласие на покупку сочинений Салтыкова (см. письмо 1538), но, как вспоминает Пантелеев, переговоры «расстроились из-за каких-то пустяков» (Л. Ф. Пантелеев Воспоминания М, Гослитиздат, 1958, с. 462).

[2] См. письмо 1532.

1535. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

18 января 1889 Петербург

18 января.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Бог знает, сколько уж времени ни я не писал к Вам, ни от Вас не получал известий, так что и с очереди сбился. Я, впрочем, потому не писал, что в последнее время был особенно удручен. Об Вас же с удовольствием слышал от Лихачевых, что Вы, благодарение бога, здоровы и делаете уже планы на будущее лето.

Боткин давно меня не смотрел. Здесь был съезд врачей и продолжался десять дней; понятно, что С<ергей> П<етрович> был занят по горло [1]. 1-го и 15 января (мне 63 года исполнилось) он был, впрочем, у меня, но с предварением, что

приезжает не как врач. Судя же по тому, что Екатерина Алексеевна сообщила жене, что я еще 15 лет проживу, я заключаю, что и взгляд Сергея Петровича таков, что болезнь моя идет своим порядком. Но можете себе представить, как меня обрадовала *мучительная* перспектива долгих лет существования.

В последнее время у меня созрел план. У жены есть сестра, которая замужем за французом и живет в гор<оде> Туре[2]. Не переехать ли и мне туда. Только она не очень добрая и притом спиритка,— пожалуй, будет меня обращать в свою веру и каждоминутно раздражать. А другое обстоятельство — *на два дома жить нечем будет*. А переезжать придется, вероятно, навсегда, потому что Тур не купель Силоамская и не восстановит меня настолько, чтоб я мог мечтать о прежней деятельности. Если перемена климата и поможет, *то лишь под условием,* чтоб в этом новом климате и жить.

Дня три тому назад опасно заболел Гончаров. Прежде сказали бы, что с ним случился паралич, а теперь говорят: *закупорка* Все совершенствуется. Я, впрочем, вчера посылал справиться. Он, как Вам известно, совсем одинок, но какие-то две дамы ухаживают за ним и велели сказать, что больному лучше. Во всяком случае, 78-летний возраст дает плохую надежду.

С Елисеевым творится тоже что-то неладное, открылось кровохаркание. И его года не молодые. Уходят старики, в последнее время валом валит. Но как ни велики недуги, угнетающие Гонч<арова> и Елис<еева>, а мне кажется, что недуги эти — ничто перед моими, с точки зрения мучительности. Неужто ж я буду настолько несчастлив, что меня одного смерть пощадит.

Я кое-как покончил с «Пош<ехонской> стариной», т. е. попросту скомкал. В мартовской книжке появится конец, за который никто меня не похвалит. Но я до такой степени устал и измучен, что надо было во что бы то ни стало отделаться.

Прошу Вас передать мой сердечный привет добрейшей Софие Петровне. Жена шлет Вам обоим поклон.

Прощайте. Насилу пишу. Дружески жму Вашу руку и остаюсь искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 112

Впервые опубликовано Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е. Салтыковым».— *Р. вед.,* 1894, № 331, 30 ноября, с. 2 (фрагмент о возможности переезда в город Тур и о «Пошехонской старине», о болезни

Гончарова), в ки: Н. А. Белоголовый Воспоминания и другие статьи М, 1897, с 288 (часть второго и третьего абзацев); полностью «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» М, 1897, с. 388—390.

---

[1] С 3 по 10 января 1889 года в Петербурге проходил Третий съезд Общества русских врачей, посвященный памяти Н. И. Пирогова. Съезд был открыт речью С П. Боткина, председателя правления съезда (см. *СПб вед*, 1889, № 5, 5 января, с. 2).

[2] Сестра Е. А. Салтыковой Анна Аполлоновна Болтина в 1882 году вышла замуж за французского спирита Валентина Турнье В 1889 году семья Турнье жила в городе Туре, недалеко от Парижа (см. *Салтыков в воспоминаниях*, с. 813—814).

1536. А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТУ

23 января 1886—1889. Петербург

23 января

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Совсем Вы забыли о моем существовании. Навестите хоть на короткое время, если найдете свободную минуту.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Литейная, 62.

Печатается по подлиннику. *ЦГАЛИ*, ф 572, оп. 1, № 174, л 27
Впервые опубликовано *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 134.

1537. М. С. СКРЕБИЦКОЙ

25 января 1886—1889. Петербург

25 января

Многоуважаемая Мария Семеновна.

От всей души поздравляю Вас с днем рождения и наступающим днем именин. Глубоко сожалею, что болезнь лишает меня возможности сойти вниз и приветствовать Вас лично. Желаю Вам всех благополучий, каких Вы сами себе пожелать можете, и поздравляю Александра Ильича и все Ваше семейство с дорогой новорожденной.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 56.
Впервые опубликовано: *Изд. 1933—1941*, т. XX, с. 220.
Датируется предположительно по упоминанию о болезни

1538. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

26 января 1889 Петербург

26 января

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Салаев в принципе согласился на покупку моих сочинений за 60 т. р. Поэтому я составил проект договора, который при сем и препровождаю, прося Вас прочитать его. Не будете ли так добры переговорить со мною по этому поводу, если можно, завтра, в пятницу, так как владелец фирмы может приехать в Петербург очень скоро. Во всяком случае, будьте так добры проект возвратить мне [1].

Кстати: я до сих пор не получал корректуры мартовской статьи.

Извините за беспокойство.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф 366, оп. 3, № 58, л 233
Впервые опубликовано *Стасюлевич,* т V, с. 55

---

[1] Проект договора не сохранился Покупка права собственности на произведения Салтыкова фирмой Салаевых не состоялась (см письмо 1534).

1539. Л. Ф. ПАНТЕЛЕЕВУ

4 февраля 1889. Петербург

4 февраля

Многоуважаемый Логгин Федорович.

Об Салаевых ни слуха, ни духа [1]. Между тем Павленков дал мне знать, что завтра утром будет у меня для переговоров на тех же условиях, как и Салаевы. Я совсем Павленкова не знаю, и потому обращаюсь к Вам с просьбой уведомить меня (ежели сами зайти не можете), не рискую ли я, в особенности при рассрочке платежей [2]. Само собой разумеется, что Ваш отзыв останется тайной.

Искренно преданный

М. Салтыков.

На конверте Здесь. Николаевская, 62 (Шульца) Его Высокородию Логгину Федоровичу Пантелееву

Печатается по подлиннику *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 38, лл. 107, 109
Впервые опубликовано: *Письма,* с. 328—329

Год устанавливается по содержанию и подтверждается почтовым штемпелем («С.-Петербург. 5 февр. 1889 г»).

[1] См письма 1541, 1542

[2] Переговоры с Павленковым закончились безрезультатно.

1540. Г. И. УСПЕНСКОМУ

8 февраля 1889 Петербург

8 февраля

Многоуважаемый Глеб Иванович.

Искренно Вам благодарен за присылку сочинений[1]. Это послужило для меня доказательством, что Вы не забыли обо мне. Глубоко скорблю о Ваших домашних горестях[2], но напрасно Вы думаете, что посещение Ваше может расстроить меня. Напротив того, оно в высшей мере утешит меня, и если Вы когда-нибудь найдете свободную минуту, то зайдите *на короткое время.*

Искренно Вам преданный

М. Салтыков

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф 313, оп. 3, № 280.

Впервые опубликовано: *ЛН,* т. 13—14, с. 340.

Год устанавливается по упоминанию о сочинениях, рассылавшихся Успенским в начале 1889 года, а также по содержанию.

[1] Салтыков получил книгу: Г. И. Успенский. Сочинения. В двух томах. С портретом автора и вступительной статьей Н. Михайловского. Второе, значительно дополненное, издание. Издание Ф. Павленкова. СПб., 1889. Это издание вышло в свет в конце 1888 года. В январе — феврале 1889 года, кроме Салтыкова, Успенский подарил это издание Скабичевскому, Д Н. Анучину, Пыпину и другим.

[2] В это время была тяжело больна жена писателя, Александра Васильевна, здоровье которой, по мнению Успенского, «не подает никаких верных надежд на полное ее выздоровление» (Г. И. Успенский. Полн. собр. соч., т. XIV. Л., Изд-во АН СССР, 1954, с. 264).

1541. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

11 февраля 1889 Петербург

11 февраля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Со мной происходит нечто вроде нелепого сновидения. «Рус<ские> вед<омости>» объявили, что фирма Салаевых вступила со мной в переговоры относительно права собственности на мои сочинения и что переговоры эти приходят к удовлетворительному концу[1]. Откуда получила газета это из-

вестие,— не знаю, но действительно ко мне вслед за тем явился доверенный фирмы и повел разговор. Всякие шли тут разговоры относительно суммы, срока платежей и проч. Наконец, когда вопросы эти почти уладились, со стороны г. Думнова посыпались разные совершенно необыкновенные запросы. Во-первых, требование, чтобы я представил все мои сочинения на просмотр предварительной цензуры, а когда это требование мною было отвергнуто, то пришло другое: чтобы я представил гарантию, что издание Полного собрания сочинений пройдет беспрепятственно. И это, конечно, я отвергнул. Засим дело, кажется, остановилось и, во всяком случае, впереди не обещает ничего доброго. Поэтому не будете ли Вы так добры напечатать в «Р<усских> в<едомостях>» такого рода заявление: «Нас просят известить, что переданный в «Русск<их> ведом<остях>» слух о переговорах книгопродавческой фирмы наследников Салаевых относительно приобретения у М. Е. Салтыкова (Щедрина) права собственности на его сочинения не имеет положительного основания. Газеты, перепечатавшие это известие, приглашаются перепечатать и настоящее опровержение».

Исполнением настоящей просьбы Вы весьма меня обяжете.

Переговоры эти глубоко меня изнурили, и я больнее, нежели когда-либо.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, лл 190—191 Текст предлагаемого к помещению в «Русских ведомостях» «заявления» в автографе вырезан и воспроизводится по публикации его в газете *Р. вед* (1889, № 48, 17 февраля, с. 1).

Впервые опубликовано В. Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с. 213—214 (без обращения и подписи, с пропуском текста объявления); полностью. *Неизданные письма*, с. 312—313

[1] 3 февраля 1889 года газета «Русские ведомости» поместила следующее сообщение «Мы слышали, что московская книгопродавческая фирма «братьев Салаевых» вступила в переговоры с М. Е. Салтыковым о приобретении права собственности на все его сочинения и что переговоры близятся к окончаиию».

1542. Ф. Ф. ПАВЛЕНКОВУ

17 февраля 1889. Петербург

17 февраля.

Милостивый государь Флорентий Федорович.

Болезнь моя приняла такой тяжелый характер, что я выну-

жден отложить на неопределенное время всякие предположения об отчуждении права собственности на мои сочинения [1].

Примите уверения в совершенном почтении.

М. Салтыков.

Печатается по подлинннику. *ИРЛИ,* Р. III, оп. 1, № 1870.
Впервые опубликовано. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 395.

[1] См. письмо 1539 и прим. 2 к нему.

1543. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

18 февраля 1889. Петербург

18 февраля.

Многоуважаемый Василий Михайлович.

С неделю тому назад я просил Вас напечатать в «Р<усских> в<едомостях>» опровержение слуха о покупке у меня фирмою Салаевых права собственности на сочинения. Так как просьба эта доселе Вами не исполнена, то позвольте вновь просить Вас о напечатании опровержения, так как слух, пущенный «Р<усскими> в<едомостями>» [1], до известной степени вредит продаже моих отдельных изданий, да и в действительности не основателен.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

На конверте. Москва Чернышевский пер., 7. В контору «Русских ведомостей». Для передачи В М. Соболевскому.

Печатается по подлинннику· *ИРЛИ,* ф 366, оп 3, № 57, лл. 192, 194.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 313—314.

[1] Салтыков не заметил публикации опровержения, которое появилось в «Русских ведомостях» 17 февраля 1889 года.

1544. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

21 февраля 1889. Петербург

21 февраля.

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Я уж и со счета сбился, с каких пор Вам не писал [1]. Право, я не виноват, до такой степени мне нестерпимо жить, и в то же время так совестно наполнять письма личными стенаниями. Мучение, мучение, мучение — вот и все, и, кроме того, почти полная разобщенность с внешним миром. Даже Лихаче-

ва совсем не вижу, потому что Вл<адимир> Ив<анович> совершенно погружен в избирательную агитацию[2], а Елена Осиповна вообще не очень ко мне благоволит. А о Боткине и понятия не имею, хотя каждый раз, как ему напоминают обо мне, он велит сказать, что *на днях* побывает. В этих обольщениях проходят месяцы.

В последнее время меня сильно донимали предложениями купить право собственности на мои сочинения. Давали 60 т. р., — сумма приличная, но с такими рассрочками платежей, что вместо денег на первом плане стояла хитро задуманная комбинация. Один из приобретателей даже требовал, чтоб я представил все сочинения в предварительную цензуру и во всяком случае гарантировал, что «Полное собрание» пройдет благополучно. Переговоры эти до того меня измучили, что я решился разом оборвать их[3]. Теперь задумал сам издавать полное собрание, но так как наблюдение за ходом этого дела было бы для меня уже окончательно невозможно, то М. М. Стасюлевич снисходительно принял его на себя. Одно пугает: по смете издание будет стоить около 32 т. р. и ежели не пойдет, то придется расплачиваться из своего кармана. Меня уговорили печатать 10 т. экз<емпляров> и продавать по 12 р. Цена так мала (теперь все собрание стоит до 40 р.), что можно рассчитывать на хорошую продажу, но с нашей публикой загадывать вперед трудно.

Вы совершенно правы: мне и думать нечего ехать за границу, но не потому, что я там стоскуюсь, а потому что в моем теперешнем положении едва ли куда-нибудь доеду. Что касается до тоски по родине, то я полагаю, что не далеко время, когда вообще никакие ощущения не будут для меня доступны, а о деятельности я и не помышляю. Вот уж почти 6 месяцев ничего не пишу, да и не думаю, чтоб творческая сила когда-нибудь восстановилась[4].

У меня новость: лицо покрылось багровыми пятнами. Васильев смотрит и говорит: скажите на милость!

Прошу передать мой сердечный привет добрейшей Софии Петровне. Жена Вам кланяется.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ГБЛ*, ф. 22, карт. 7, № 113.

Впервые опубликовано в кн.: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». М., 1898, с. 390.

---

[1] Последнее известное письмо Салтыкова Белоголовому датировано 18 января (см. письмо 1535).

[2] Лихачев в это время был занят подготовкой к выборам в Петербургскую городскую думу, которые состоялись в конце марта (см. *СПб вед.*, 1889, № 90, 26 апреля, с. 1). Городским головой 26 апреля вновь был избран Лихачев. На первом заседании после своего избрания, которое состоялось 1 мая, Лихачев сделал заявление о смерти Салтыкова. «Дума почтила память покойного писателя и постановила выразить соболезнование его семейству и возложить на гроб венок» (*СПб. вед*, 1889, № 118, 2 мая, с. 2).

[3] Имеются в виду безрезультатные переговоры с фирмой Салаева.

[4] Не совсем точно: в январе 1889 года Салтыков закончил последние главы «Пошехонской старины»

1545. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 февраля 1889. Петербург

21 февраля

Многоуважаемый Михаил Матвеевич

Благодарю за присылку статьи «П<етер>б<ургских> вед<омостей>», которая меня не столько обрадовала, сколько удивила [1].

Дело с Салаевым не сладилось. Предлагает 50 т. и притом только 20 т. сейчас, а остальное — в годы.

Я остался при своем.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57, л. 235.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 56.
Датируется по упоминанию о переговорах с Салаевыми

---

[1] Стасюлевич присылал Салтыкову номер «Санкт-Петербургских ведомостей» от 20 января 1889 года со статьей Н. Ладожского (псевд. В Петерсена) «Критические наброски», в которой утверждалось, что «Пошехонская старина» принадлежит «бесспорно к лучшим произведениям М. Е. Салтыкова». Между тем, отмечая, что в «Пошехонской старине» бытописатель-художник «пересиливает сатирика и заставляет автора бросить эзоповский язык обоюдоострого сатирического бичевания правых и левых», критик не увидел в последнем произведении Салтыкова отрицательного отношеиия его к изображаемой действительности, гневного разоблачения крепостнических порядков, а представил писателя в необычной для него роли созерцателя, «спокойно взирающего на правых и виновных».

1546. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

22 февраля 1889 Петербург

22 февраля

Многоуважаемый Василий Михайлович.

В третий раз обращаюсь к Вам с просьбой о напечатании опровержения относительно моих переговоров с фирмой Салаевых[1]. Ужели тут могут встретиться какие-либо препятствия? Убедительно Вас прошу.

Преданный Вам

М. Салтыков.

На конверте: Москва Чернышевский переулок (близ Никитской) 7, в контору газеты «Русские ведомости» Василию Михайловичу Соболевскому.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, лл. 194—195.
Впервые опубликовано *Неизданные письма,* с 314.

---

[1] См письма 1541, 1543

1547. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

25 февраля 1889. Петербург

В четвертый раз обращаюсь с просьбой напечатать опровержение насчет переговоров с Салаевыми. Ежели нельзя напечатать, то не будете ли так любезны объяснить, почему[1].

М. Салтыков.

На обороте (письмо открытое)· Москва. Чернышевский переулок, близ Никитской, дом № 7. В контору газеты «Русские ведомости» Василию Михайловичу Соболевскому.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 57, л 197 (почтовая открытка).
Почтовый штемпель· 25 февраля 1889.
Впервые опубликовано: *Неизданные письма,* с. 314—315

---

[1] См. прим 1 к письму 1543

1548. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

3 марта 1889. Петербург

3 марта.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Простите, что надоедаю Вам своим нелепым делом. Мне кажется, что Е. И. Утин прав: издание в том виде, формате и на той бумаге, как мною проектировано, будет безобразно. Поэтому формат следовало бы взять несколько меньше, а что-

бы окончательно остановиться на чем-нибудь, не найдете ли за лучшее распорядиться, чтобы в том формате, на который сделана смета (50 стр. $7^1/_2$ квадр.), набрать на пробу 1 л. «Губ<ернских> очерков», чтобы видеть, сколько в таком листе уйдет оригинала, и не будут ли томы слишком тощи. Мне хотелось бы переговорить об этом с управляющим Вашей типографии и очень совестно беспокоить Вас. Не будете ли Вы так любезны передать ему о моем желании. Необходимо вернее определить число листов [1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ,* ф. 366, оп 3, № 58, л 237.
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с. 56.

Год устанавливается по содержанию. издание сочинений Салтыков предпринял в начале 1889 года.

[1] См письмо 1554.

1549. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 марта 1889. Петербург

9 марта.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Пожалуйста, навестите меня завтра, ибо совсем погибаю. Сегодня у меня был прикащик из книжного магазина «Нов<ого> врем<ени>» и спрашивал, нельзя ли у них открыть подписку. Я отослал его к Хомиховскому и впредь так поступать буду. Сообщаю Вам об этом, опасаясь, чтоб не вышло каких-нибудь книгопродавческих сплетен [1].

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Насилу пишу.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ,* ф. 366, оп. 3, № 58, л. 239
Впервые опубликовано: *Стасюлевич,* т. V, с. 56.

[1] Стасюлевич, видимо, не разрешил открыть подписку в книжном магазине «Нового времени». в объявлениях среди магазинов, проводящих подписку, магазин «Нового времени» отсутствует

1550. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

9 марта 1889. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Простите пожалуйста, что через час опять беспокою Вас. Не признаете ли полезным во втором объявлении упомянуть,

что все желающие иметь дело до издания должны обращаться в контору Вашего склада. Это от многих мучений меня избавит[1].

Простите, ради бога, и навестите. Совсем погибаю.

Преданный искренно

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л 241.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с 57.

Год устанавливается по связи с письмом 1549.

[1] Первое объявление напечатано в «Новом времени» 9 марта. Во втором объявлении, помещенном в этой же газете (1889, № 4690, 20 марта, с. 1), введена фраза «Книжные магазины и лица, желающие подписаться, обращаются по делам издания в книжный склад типографии М. М Стасюлевича».

1551. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

12 марта 1889. Петербург

12 марта

Многоуважаемый Василий Михайлович.

Я приступил к изданию моих сочинений. Сам я не занимаюсь этим делом, а обратился к благосклонности М. М. Стасюлевича, который и взял его на себя. И к Вам обращаюсь с просьбой: заявить в «Р<усских> вед<омостях>» о предстоящем издании, что оно будет состоять (включительно с «Пошехонской стариной») из 9 компактных томов, которые будут окончательно отпечатаны к началу будущего года, что по отпечатании *всего* издания *оно* будет стоить 20 р., а с перес<ылкой> — 25 р., но что в конторах «Вестника Европы» можно подписываться на него и теперь, и такие подписчики уплатят без пересылки 15, а с перес<ылкой> — 20 р. и будут получать издание по мере отпечатания книжек[1].

Исполните эту просьбу и простите, что мало пишу. Рука совсем не действует.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику· *ИРЛИ*, ф. 366, оп 3, № 57, л. 198.

Впервые опубликовано В. Розенбергом в ки.· *Русские ведомости*, с 214 (без обращения и подписи); полностью: *Неизданные письма*, с. 315.

[1] Объявление о подписке на Сочинения Салтыкова «Русские ведомости» поместили 18 марта, сообщение о выходе первого тома — 27 апреля.

1552. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 марта 1889. Петербург

14 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Будьте так добры прислать мне два или три проекта таких, какой я от Вас получил. Я присланный Вами испортил. Мне кажется, что ежели допустить рассрочку обязательно, то никто *без рассрочки* уже подписываться не будет. Я полагал, что рассрочка полезна только для присут<ственных> мест и обществ [1].

Я, впрочем, так болен, что не понимаю и сам, что пишу. Ради бога, нельзя ли поскорее начать дело. Будьте благосклонны, пришлите два-три экземпляра проекта, чтобы я мог обдумать. А еще было бы лучше, если Вы навестили меня, хоть это и надоело Вам. Бога ради, не сердитесь.

Искренно преданный

М. Салтыков.

Положительно думаю, что на днях умру.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп. 3, № 58, л. 243
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 57.

---

[1] Вариант объявления с предложением рассрочки в печати не появлялся.

1553. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

14 марта 1889. Петербург

14 марта.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Боюсь, что Вы не получите моего давишнего письма [1], и потому вновь прошу Вас прислать мне два-три оттиска проекта объявления, так как я присланное испортил.

Я положительно умираю — это подтвердит Вам Н. И. Соколов. Не оставьте меня, покуда я жив. Хотелось бы поскорее пустить это дело в ход и видеть его в таких надежных руках, как Ваши.

Ради бога, навестите меня и вообще не оставьте.

Вам преданный

М. Салтыков.

Всего боюсь, а больше всего, что Вы, наконец, бросите все.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 245.
Впервые опубликовано. *Стасюлевич*, т. V, с. 57.

---

[1] См. письмо 1552.

1554. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 марта 1889. Петербург

18 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Не будете ли Вы так добры ускорить печатанием второго объявления, чтобы разъяснить вопрос о рассрочке платежей [1]. А вот и еще обстоятельство, о котором считаю долгом напомнить. Условлено напечатать лишних 500 экз. и уступать книготорговцам не два, а три рубля. Это следовало бы включить дополнительною статьею в «Условие». Поэтому, когда Вы соберетесь навестить меня, то будьте так добры привезти с собой копию с условия, которая имеется у Вас.

Мне не только не легче, а совсем худо. Боткин не был.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику. *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л 247. Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 58.

---

[1] Второе объявление о подписке на издаваемые Сочинения напечатано в «Новом времени» 20 марта, третье — 25 марта. О рассрочке платежей и уступке книгопродавцам в этих объявлениях, как и в первом, напечатанном 9 марта, ничего не сообщается.

1555. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

19 марта 1889. Петербург

19 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Я потому писал к Вам, что, по крайнему нездоровью, вероятно, просмотрел, что второе объявление было уже напечатано в «Новом вр<емени>» [1]. Тем не менее мне кажется, что именно теперь необходимо оповестить о допущении рассрочки: с этим вопросом так часто обращаются, что он представляется совершенно насущным. Поэтому утешьте меня, напечатайте независимо от серии объявлений, еще прилагаемое объявление двукратно в тех же газетах в течение предстоящих двух недель *на первой странице;* а ежели Вы найдете это нелепым, то, по крайней мере, оповестите главные магазины здесь и в Москве [2]. Боюсь, как бы не упустить время, покуда публика не охладела. Да и праздники наступают.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Сегодня был у меня С. П. Боткин и порядком помял.

В сотый раз прошу Вас простить меня. Надеюсь, что невдолге увижу Вас. Страдаю безмерно, но, по словам Боткина, надеюсь еще осенью заслужить Вам.

В дополнение к объявлению об издании Сочинений М. Е Салтыкова (Н. Щедрина).

Рассрочка в платеже денег при подписке допускается на след<ующих> условиях:

Для городских

(остальное как проектировано)

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, лл 249—250

Впервые опубликовано· *Стасюлевич*, т. V, с. 58. Текст опубликован без проекта объявления, то есть без последних шести строк. Полностью письмо напечатано. *Изд 1933—1941*, т. XX, с. 401—402.

---

[1] Второе объявление напечатано в «Новом времени» 20 марта.

[2] Предлагаемое Салтыковым дополнение к напечатанным объявлениям в газетах помещено не было.

1556. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

21 марта 1889 Петербург

21 марта

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Крайне обязан Вам за присылку чистого листа [1]. Лучше ничего не надо, и я совершенно доволен Был у меня сегодня Боткин и тоже похвалил Первый том, я полагаю, будет листов 31. Сегодня мне кстати и несколько лучше.

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 58, л 251

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т V, с. 58.

---

[1] Речь идет о «чистом», то есть уже напечатанном листе первого тома Сочинений, вышедшего в свет в апреле 1889 года.

1557. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

3 апреля 1889. Петербург

Многоуважаемый Михаил Матвеевич, сам не могу писать, поручаю жене.

Перечитывая оглавление сочинений моих, я убедился, что пропущена целая книга Монрепо. Надо это как-нибудь испра-

вить. Нет ли его в томах, которые Вы уже составили? Ежели нет, тогда не знаю как и быть [1]. Нельзя ли Вам на минуту заехать. Надолго не прошу, потому что совсем умираю.

Ваш

М. Салтыков.

3 апреля.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 253. Рукой Е. А. Салтыковой, подпись и дата — автографы.

Впервые опубликовано: *Стасюлевич*, т. V, с. 59.

---

[1] «Убежище Монрепо» вошло в IV том Сочинений.

1558. В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «НОВОСТИ»

8—11 апреля 1889 Петербург

Милостивый государь. По поводу помещенной в № 92 газеты «Новости» заметки [1] имею честь покорнейше просить напечатать, что тяжелая болезнь моя нимало не повлияет на ход издания моих сочинений и что первый том выйдет в апреле так же верно, как последний в декабре. В этом порукою М. Стасюлевич, который обязательно взял на себя все распоряжения по изданию.

Прошу принять и пр.

М. Салтыков.

Впервые опубликовано: «Новости», 1889, № 99, 12 апреля. Автограф неизвестен.

---

[1] Заметка о состоянии здоровья Салтыкова была опубликована в газете «Новости» (1889, № 97, 8 апреля, с. 1). В ней, в частности, выражалось опасение, что болезнь помешает писателю закончить предпринятое нздание Сочинений· «Весьма досадно, что ухудшение состояния здоровья Щедрина произошло как раз среди трудов его по изданию полного собрания своих сочинений, появление которого нетерпеливо ожидается многочисленными почитателями его таланта. Будем надеяться, что здоровье г. Щедрина, как и три года тому назад, поправится и ему удастся не только лично докончить свое издание, но и обогатить нашу литературу иовыми произведениями».

1559. Н. В. КИДОШЕНКОВУ

15 апреля 1889. Петербург

15 апреля

Многоуважаемый Николай Васильевич.

Будьте добры уведомить, где Вы нанимали дачу в Царском, хороша ли была и дорого ли стоила. Не знаете ли там дач вообще?

Искренно преданный *М. Салтыков.*

Печатается по подлиннику: *ЦГИАЛ*, ф. 1577, оп. 1, № 542.

Публикуется впервые.

Год устанавливается по содержанию. дачу Салтыковы нанимали в Царском Селе лишь в 1889 году (см письмо 1560).

1560. М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

18 апреля 1889. Петербург

18 апреля.

Многоуважаемый Михаил Матвеевич.

Мне наняли в Царском дачу Пронченко, где жил Арсеньев. Будьте так добры справиться у К<онстантина> К<онстантиновича>, настолько ли она удобна, чтоб можно было в ней промаячить с мая по 15 сентября.

Искренно преданный Вам

М. Салтыков.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 58, л. 255.

Впервые опубликовано *Стасюлевич*, т. V, с. 59.

Год устанавливается по сообщению о нанятой в Царском Селе даче, которая была снята Салтыковыми в 1889 году.

1561. В. М. СОБОЛЕВСКОМУ

20 апреля 1889. Петербург

Многоуважаемый Василий Михайлович.

До того ослабел, что не могу писать Вам лично, между тем у меня к Вам есть дело. Я слышал, что в Москве издание моих сочинений идет очень плохо; поэтому нельзя ли оказать какое-нибудь содействие более успешному ходу подписки, вроде, например, приема подписки в редакции со сдачею денег в магазин Карбасникова и с объявлением о том подписчикам[1].

Искренно Вам преданный

М. Салтыков.

20 апреля 1889 г.

Печатается по подлиннику *ИРЛИ*, ф 366, оп 3, № 57, л. 200 Написано рукой Е. А. Салтыковой, подпись — автограф.

Впервые опубликовано В Розенбергом в кн.: *Русские ведомости*, с 214.

[1] 27 апреля 1889 года «Русские ведомости» напечатали объявление о выходе первого тома Сочинений Салтыкова с сообщением, что «подписка в Москве производится в книжных магазинах Н. П. Карбасникова и Н. И Мамонтова».

1562. Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ

22 апреля 1889. Петербург

22 апреля

Многоуважаемый Николай Андреевич.

Хотя Боткин и утверждает, что я избежал опасности, но я честью Вас заверяю, что испытываю жестокие страдания. Целый день задыхаюсь, сплю и потею.

Ослабел до того, что не только ходить, но стоять не могу. Кажется, довольно?

Прощайте, Софье Петровне жму руку.

Ваш

М. Салтыков.

На днях получите 1-й том моих «Сочинений».

Печатается по подлиннику. *ГБЛ,* ф 22, карт. 7, № 114.

Впервые опубликоваио Н. А. Белоголовым в статье «Из переписки с М. Е. Салтыковым».— *Р вед.,* 1894, № 331, 30 ноября, с. 2 (без обращения и подписи), факсимильное воспроизведение письма приведено в кн.: «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам» М., 1897, с. 391, частично опубликовано в кн.. Н. А Белоголовый. Воспоминания и другие статьи. М., 1897, с. 391 (без обращения и подписи); полностью. *Изд. 1933—1941,* т. XX, с. 404.

Год устанавливается по содержанию. Белоголовый сообщил 11 мая н ст. Лаврову. «На днях получил коротенькое и написанное карандашом письмецо от Салтыкова, и хотя он пишет, что еще не может стоять на ногах, а все же ему заметно лучше» (*ЦГАОР,* ф 1762, оп. 4, № 37, л. 64 об.).

1563. В. Р. ЗОТОВУ

2 ноября 1884—1886 Петербург

2 ноября

Многоуважаемый Владимир Рафаилович. Я никогда не рассчитывал сотрудничать в «Наблюдателе», во-первых, потому, что не имею желания разбрасываться и, во-вторых, потому, что деятельность моя дошла до минимума. Я уже не могу писать так много, как прежде, и, вероятно, буду писать все менее и менее. Поэтому прошу и Вас лично извинить меня и извиниться за меня перед А. П. Пятковским.

Искренно Вас уважающий

М. Салтыков.

Печатается по подлининику. *ГПБ*, ф. 301, оп. 1, № 9.

Впервые опубликовано. *Неизданные письма*, с. 173. В. Р. Зотов принимал участие в журнале «Наблюдатель», издававшемся с 1882 года А. П. Пятковским. Приглашение участвовать в этом журнале вряд ли могло быть сделано Салтыкову ранее прекращения *Отеч. записок*, то есть ранее 1884 года С другой стороны, известно, что Зотов обращался к Салтыкову с просьбой о сотрудничестве в каком-то издании, вероятно, также в «Наблюдателе» в 1886 году (см. письмо 1505). Настоящее письмо по содержанию предшествует ему и поэтому может быть отнесено к 1884—1886 году.

1564. Н. И. СОКОЛОВУ

1884—1889. Петербург

Михаил Евграфович Салтыков просит Нила Ивановича осмотреть литератора Глеба Ивановича Успенского.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*, ф. 366, оп. 3, № 57.

Публикуется впервые.

Датируется предположительно последнимн годами жизни Салтыкова, когда его лечил доктор Н И. Соколов.

1565. К. М. САЛТЫКОВУ

Апрель 1889. Петербург

Милый Костя, так как я каждый день могу умереть, то вот тебе мой завет: люби мать и береги ее; внушай то же и сестре. Помни, что ежели Вы не сбережете ее, то вся семья распадется, потому что до совершеннолетия вашего еще очень-очень далеко. Старайся хорошо учиться и будь безусловно честен в жизни. Вот и все. Любящий тебя отец.

Еще: паче всего люби родную литературу, и звание литератора предпочитай всякому другому.

Впервые опубликовано К. К. Арсеньевым в статье «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова».— *ВЕ*, 1890, № 2, с. 822. Автограф неизвестен.

Датируется приблизительно, в соответствии с публикацией К. К. Арсеньева

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О ЗАКРЫТИИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Некоторые органы нашей периодической печати несут на себе тяжелую ответственность за удручающие общество события последних лет.

Свободой, предоставленной печатному слову, пользовались они для того, чтобы проповедывать теории, находившиеся в противоречии с основными началами государственного и общественного строя, и, как известно, проповедь эта, обращенная к незрелым умам, не оставалась бесплодною. Так было и прежде, и, к сожалению, это не прекратилось еще и теперь. Страницы журналов и газет известного оттенка все еще отмечены направлением, которое породило неисчислимый вред и связь коего с преступными учениями, излагаемыми в подпольных изданиях, не подлежит сомнению

В последнее время при исследовании деятельности тайного общества, существовавшего в течение трех лет, начиная с 1879 года, а также и нескольких попыток возобновить его [1], соединением для этой цели преступных кружков второстепенного значения, были выяснены факты, подтверждающие основательность вышеупомянутого предположения.

Один из важных государственных преступников, представляя объяснения о деятельности своей за время существования тайного общества, говорит: «Литература того времени сильно способствовала поддержанию в нас революционного духа; статьи, появлявшиеся в журналах радикального направления, пели прямо в унисон нашей партии». Одна из наиболее обративших на себя внимание статей была написана одним из членов исполнительного комитета и даже подписана буквами И. К., соответствовавшими также и заглавным буквам его литературного псевдонима [2]. Вообще лица, занимавшиеся пропагандой, употребляли обыкновенно для своих целей журнальные статьи

Сходство не только идей, но и самого тона и манеры изложения в произведениях тайной печати со многими статьями дозволенных периодических изданий, побуждало предполагать, что сотрудники сих изданий, не ограничиваясь только враждебною существующему порядку деятельностью

в области литературы, принимают прямое, непосредственное участие в революционной организации. Предположение это подтверждается ныне вполне убедительными данными.

Производящимся следствием выяснено, что занимавший место секретаря редакции одного из периодических изданий служил посредником в сношениях членов преступной партии, существовавшей в Петербурге, с их единомышленниками в провинции и за границей, дознано также, что на имя постоянного сотрудника другого издания, по адресу издания, направляемы были статьи, предназначавшиеся к помещению в подпольных изданиях.

Далее, из того же источника имеются несомненные сведения, что в редакции «Отечественных записок» группировались лица, состоявшие в близкой связи с революционной организацией. Еще в прошлом году один из руководящих членов редакции означенного журнала подвергся высылке из столицы за крайне возмутительную речь, с которой он обратился к воспитанникам высших учебных заведений, приглашая их к противодействию законной власти [3]. Следствием, кроме того, установлено, что заведующий одним из отделов того же журнала до времени его ареста был участником преступной организации [4]. Еще на сих днях полиция поставлена была в необходимость арестовать двух сотрудников этого журнала за доказанное пособничество с их стороны деятельности злоумышленников [5]. Нет ничего странного, что при такой обстановке статьи самого ответственного редактора, которые по цензурным условиям не могли быть напечатаны в журнале, появлялись в подпольных изданиях у нас и в изданиях, принадлежащих эмиграции [6]. Присутствие значительного числа лиц с преступными намерениями в редакции «Отечественных записок» не покажется случайным ни для кого, кто следит за направлением этого журнала, внесшего немало смуты в сознание известной части общества

Независимо от привлечения к законной ответственности виновных правительство не может допустить дальнейшего существования органа печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет ближайшими своими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ

По всем этим соображениям Совещание министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора святейшего Синода, на основании пункта III высочайше утвержденного в 27-й день августа 1882 года положения Комитета министров о временных правилах для периодической печати, постановило «Прекратить вовсе издание журнала «Отечественные записки».

Впервые опубликовано: «Правительственный вестник», 1884, № 87, 20 апреля, с. 1.

Рукопись неизвестна, печатается по тексту первой публикации.

Правительственное сообщение о закрытии *Отеч записок* является важным историческим документом, свидетельствующим о расправе царского правительства с крупнейшим для того времени печатным органом демокра-

тического лагеря в России. Не вынося журналу третьего предостережения, совещание министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции с участием обер-прокурора Синода, состоявшееся 13 апреля 1884 года, постановило: «Прекратить вовсе новое издание журнала «Отечественные записки». По свидетельству начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова инициатором составления специального правительственного сообщения для печати был граф Д Толстой (Е. М Феоктистов За кулисами политики и литературы. Л., «Прибой», 1928, с. 242). Текст же документа выработали Феоктистов и министр юстиции В. К. Плеве при участии обер-прокурора Синода К П Победоносцева (М В Теплинский. «Отечественные записки» 1868—1884. История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск, 1966, с. 125—126). Проект был составлен заранее, о нем Феоктистов сообщил 12 апреля Плеве, что внесенные в проект поправки Победоносцева кажутся ему очень удачными и необходимыми (*ЦГАОР,* ф 586, оп. 1, № 1189, л. 1). Именно этот проект лег в основу Журнала совещания трех министров с обер-прокурором Синода (*ЦГИАЛ,* ф. 776, оп. 1, № 20, лл. 25—29). Однако в ходе совещания, видимо, были высказаны пожелания об усилении аргументации запрещения *Отеч записок,* вследствие чего в печатном тексте сообщения по сравнению с Журналом совещания появились вставки о секретаре редакции «одного из периодических изданий», выполнявшем роль посредника в сношениях с подпольной революционной организацией, о связи постоянного сотрудника другого журнала с подпольными изданиями, о группировании вокруг «Отечественных записок» лиц <...> состоявших в близкой связи с революционною организацией, и заключительная формулировка о закономерности этого процесса, являющегося следствием направления журнала («Присутствие значительного числа лиц в сознании известной части общества»). 19 апреля Д. Толстой доложил Александру III о результатах совещания, которые были одобрены царем, а на следующий день отредактированное сообщение появилось в «Правительственном вестнике».

---

[1] Речь идет о «старой» «Народной воле», возникшей в 1879 году в результате решения Липецкого (июнь) и Петербургского (август) съездов и практически прекратившей свою деятельность в 1883 году в связи с разгромом военной организации народовольцев, арестами и начавшимися в среде народовольцев организационным разбродом и идейными шатаниями (С. С Волк Народная воля. 1879—1882 М—Л, «Наука», 1966, с. 43) В 1883—1884 годах попытки сплотить организацию воедино предпринимались неоднократно, но, опираясь на разрозненные кружки, этого не могли сделать ни Петербургский съезд в октябре 1883 года, ни усилия П Ф. Якубовича и Г. А. Лопатина, пытавшихся создать народовольческий центр (там же, с. 150).

[2] Под псевдонимом И. Кольцов (или И. К.) выступал, главным образом на страницах журнала «Дело», член Исполнительного комитета «Народной воли» Л. А. Тихомиров. Возможно, что здесь имеется в виду его

статья «Тирания политической мысли» («Дело», 1883, № 3). При составлении сообщения сведения о литературно-публицистической деятельности Тихомирова взяты из заведенного 3 июля 1883 года в Департаменте полиции «Дела о политической неблагонадежности сотрудников некоторых повременных изданий». В этом деле не совсем точно отмечалось, что «в числе сотрудников повременных изданий, не всегда отличающихся правительственным направлением, состояли и состоят люди, заведомо политически неблагонадежные.. Разыскиваемый член Исполнительного комитета Лев Тихомиров и находящийся в административной ссылке Петропавловский работали под псевдонимом Кольцова и Каронина в «Отечественных записках» (М. В. Теплинский. «Отечественные записки». 1868—1884. Южно-Сахалинск, 1966, с. 122).

[3] Намек на Н. К. Михайловского, который в январе 1884 года был выслан в Выборг, а потом переведен в Любань.

[4] Речь идет о С Н Кривенко, арестованном 3 января 1884 года С 1883 года он входил в так называемую Центральную группу «Народной воли».

[5] Имеются в виду аресты в марте и начале апреля 1884 года критика М А. Протопопова и писателя А. И. Эртеля. См. письмо 1034 н прим. 4 к нему.

[6] Запрещенные цензурой произведения Салтыкова — третье «Письмо к тетеньке», очерк «Они же» из цикла «Господа-ташкентцы» и «Сказки» неоднократно подпольно выходили в России в литографированных изданиях. Они публиковались также в женевском журнале «Общее дело», выходили отдельными брошюрами у Элпидина и в других изданиях зарубежной русской печати. Издания эти выходили не по инициативе Салтыкова.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

А. Для архивных источников

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И Ленина. Москва.

ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области

ГИМ — Государственный исторический музей Москва

ГПБ — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е Салтыкова-Щедрина. Ленинград

ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР Ленинград

ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства СССР Москва

ЦГАОР — Центральный Государственный архив Октябрьской революции, Высших органов государственной власти и государственного управления СССР. Москва.

Б. Для печатных источников

Цитаты из сочинений и писем М. Е Салтыкова Щедрина указываются:
1) с римской нумерацией томов по изданию 1933—1941
2) с арабской нумерацией томов по настоящему изданию

ВЕ — «Вестник Европы».

ГМ — «Голос минувшего».

ИВ — «Исторический вестник»

ЛН — «*Литературное наследство*», тт 1—86 М, Изд-во «Наука» (ранее журнально-газетное объединение), 1931—1974 (издание продолжается).

НВ — «Новое время»

Неизданные письма — М. Е. Салтыков-Щедрин Неизданные письма (1844—1889) Редакция Н В Яковлева Подготовили к печати Е Н Дубов и Е М Макарова М —Л, 1932

Письма — М Е. Салтыков Щедрин Письма 1845—1889 Под редакцией Н В Яковлева «Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук». Л, Госиздат, 1924

Письма Елисеева — «Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину» М, 1935.

РБ — «Русское богатство»

Р вед — «Русские ведомости».

Русские ведомости — Вл Розенберг Русские ведомости. 1863—1913 Сборник статей М, 1913.

РМ — «Русская мысль».

Р ст — «Русская старина».

СПб вед — «С-Петербургские ведомости».

Салтыков в воспоминаниях — «М Е Салтыков Щедрин в воспоминаниях современников» Предисловие, подготовка текста и комментарии С. А Макашина М, Гослитиздат, 1957

Стасюлевич, т V — «М М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V. СПб., 1913.

УКАЗАТЕЛИ
к томам XVIII—XX
(Письма)

УКАЗАТЕЛЬ-СЛОВАРЬ АДРЕСАТОВ*

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886), публицист и поэт, видный представитель славянофильства, сын С. Т. Аксакова, служил в департаменте Правительствующего сената, затем в Министерстве внутренних дел, вышел в отставку в 1852 г.; в 1858—1859 гг. редактировал журнал «Русская беседа», в 1861—1865 гг.— газету «День», в 1867—1868 гг.— газету «Москва», в 1880—1885 гг.— газету «Русь»; в 1858—1878 гг. был одним из руководителей Славянского благотворительного комитета. В конце 50-х годов Салтыков поддерживал дружеские отношения с семьей Аксаковых, в частности с братьями Иваном и Константином Сергеевичами, с которыми его сближали идеи самобытности русской народной жизни и отношение к вопросу об отмене крепостного права. Начиная с 60-х годов эволюция И. С Аксакова к реакционному панславизму сделала невозможным их дружеские отношения. И С Аксаков и его газеты «День» и «Русь» стали предметом постоянной щедринской критики.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель. Его «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» оказали определенное влияние как на замысел, так и на форму первых произведений Салтыкова, из жизни народа. С. Т Аксакову Салтыков посвятил первопечатную журнальную публикацию своих рассказов о крестьянах и раскольниках в «Губернских очерках» — «Богомольцы, странники и проезжие». И в дальнейшем, вплоть до предсмертной «Пошехонской старины», Салтыков помнил силу впечатлений, испытанных им от художественных произведений Аксакова. Личное знакомство Салтыкова с Аксаковым произошло 5 апреля 1858 г. в Москве.

Анненков Николай Николаевич (1799—1865), генерал-адъютант, начальник Канцелярии Военного министерства в 1842—1848 гг.; член учрежденного в 1848 г. Секретного комитета для надзора за печатью, с 1862 г.— киевский, подольский и волынский генерал-губернатор, член следственной комиссии, разбиравшей в апреле 1848 г. «дело Салтыкова». С этим «делом» и связано единственное известное письмо Салтыкова к Анненкову.

Анненков Павел Васильевич (1813 или 1812—1887), литературный критик и мемуарист, первый биограф Пушкина, редактор и издатель его сочинений (1855) В 40-х годах был близок с В Г. Белинским, Н. В. Гоголем,

* Щедриноведческие элементы справок об адресатах заимствованы из биографических трудов С А Макашина о писателе
Указатель составила А М Малахова

А И Герценом, позднее с И. С. Тургеневым, переписывался с К. Марксом. Сотрудничал в «Отечественных записках» и «Современнике». Дружеские отношения с Анненковым установились у Салтыкова сразу же после возвращения из Вятки в Петербург Они не прекращались до конца жизни Анненкова. Однако в его богатом мемуарном наследстве Салтыкову посвящено всего лишь несколько строк. Автор статьи «Современная беллетристика Г-н Щедрин» (1863). Из многочисленных писем Анненкова к Салтыкову известно лишь одно, от 1/13 октября 1880 г.— см. *Изд. 1933—1941,* т. XIX, с. 425.

Баранов Павел Трофимович, граф (1814—1864), свиты е. и в генерал-майор, тверской военный и гражданский губернатор в 1857—1862 гг; был ближайшим начальником Салтыкова в пору его вице-губернаторства в Твери.

Барац Семен Моисеевич (1850—1913), служащий банкирской конторы Г. О. Гинцбурга, через которую Салтыков вел свои финансовые дела; в 80-х годах преподаватель Коммерческого училища по торговой корреспонденции, позднее — профессор Политехнического института.

Бахметьев (лит. псевдоним — Статистик) *Николай Николаевич* (1847—1909), публицист, секретарь редакции «Русской мысли», делец от журналистики, судимый и сосланный в 1888 г. в Сибирь за подлоги. Салтыкова связывали с Бахметьевым деловые отношения, возникшие в 1884 г. в связи с передачей «Русской мысли» подписчиков закрытых правительством «Отечественных записок».

Безобразов Владимир Павлович (1828—1889), экономист, публицист, географ, академик, преподаватель политической экономии в Александровском лицее, член Совета Министерства финансов, с 1885 г.— сенатор. В конце 50-х годов служил в Министерстве государственных имуществ и редактировал журнал министерства Безобразов был младшим лицейским товарищем Салтыкова. В предреформенный период он с дворянско-либеральных позиций выступал за освобождение крестьян. После возвращения Салтыкова из вятской ссылки и в годы рязанского вице-губернаторства его отношения с Безобразовым были дружескими Они жили в Петербурге в одном доме Безобразов способствовал публикации «Губернских очерков» в «Русском вестнике». Салтыков посвятил ему «Смерть Пазухина». В 1856 г. они намеревались вместе издавать журнал. Но с начала 60-х годов идеологические расхождения почти полностью прервали их личное общение. В 1869 г. Салтыков резко выступил против Безобразова в статье «Человек, который смеется» и неоднократно подвергал его позиции своей сатирической и публицистической критике в позднейших произведениях.

Бекетов Андрей Николаевич (1825—1902), ботаник и общественный деятель, профессор Петербургского университета в 1863—1897 гг.; председатель Комитета Литературного фонда в 1881—1882 гг.

Белоголовый Николай Андреевич (1834—1895), лечащий врач (терапевт) и друг Салтыкова, уроженец Сибири, его первыми учителями были ссыльные декабристы, закончил Московский университет, после чего рабо-

тал практикующим врачом сначала в Сибири, а потом в Петербурге. В начале 70-х годов сближается с литературно-общественной группой журнала «Отечественные записки» — с Некрасовым, Салтыковым, Елисеевым Еще ранее он заводит дружеские связи с Тургеневым, а также с Герценом, Огаревым, Лавровым, Лопатиным, В. Зайцевым и другими эмигрантами. С 1883 г — фактический главный редактор (анонимно) женевской эмигрантской газеты «Общее дело» (1877—1890), с которой был связан с 1877 г Через Белоголового осуществлялась связь редакции «Отечественных записок» с конспиративно сотрудничавшими в журнале революционными эмигрантами, прежде всего с П. Л. Лавровым Белоголовый — автор одних из иаиболее достоверных воспоминаний о Салтыкове.

Берсенев Василий Федорович, члеи уездного по крестьянским делам присутствия в Угличе По своей должности он участвовал в операции перехода иа выкуп крестьяи принадлежавшей Салтыкову части имеиия Заозерье в Угличском уезде Ярославской губернии.

Боровиковский Александр Львович (1844—1906), юрист, автор ряда книг по гражданскому законодательству и судопроизводству, поэт. В «Отечественных записках» в 1877—1883 гг. опубликован целый ряд его стихотворений Летом 1882 г. выехал из Петербурга. С 1883 г.— член Судебной палаты в Одессе Близкий знакомый Салтыкова, с которым он проводил часы своего отдыха, дружил «домами», входил в «компанию мушкетеров».

Боткина (рожд. княжна Оболенская) *Екатерина Алексеевна* (1850—1917), дочь эмигрантки княгини Зои Оболенской, в первом браке жена студента Цюрихского уннверситета Мордвинова, во втором — С. П. Боткина, врача и одного из друзей Салтыкова

Брюн де Сент-Катрин (рожд. Chauwin de Courtine) Каролина Петровна (ум в 1860), мать А. Я. Салтыковой и А. Я Гринвальдь, из семьи французских эмигрантов.

Буткевич (рожд Некрасова) *Анна Алексеевна* (1823 или 1825—1882), сестра и близкий друг Некрасова; с 1844 и до середины 60-х годов — жена отставного подполковника Г. С. Буткевича, впоследствии гражданская жена А. Н Еракова Как наследница авторских прав Некрасова А. А. Буткевич выпустила в 1879 г. первое посмертное собрание его стихотворений. Салтыков принимал участие в работе над этнм издаиием.

Бух Константин Андреевич (1812—1895), управляющий Палатой государственных имуществ, а затем акцизными сборами в Уфе (1856—1866), в 1866 г переведен на ту же должность в Пензу, где в это время Салтыков был управляющим Казенной палатой, с 1874 г.— член Совета Министерства финансов, сотрудничал в «Русской старине», член Литературного фонда. С Бухом Салтыков дружески сошелся в Пензе; это был не только партнер по карточной игре, но и человек идейно близкий писателю. Известна одна записка Буха к Салтыкову — см т. 19, кн. 1, с 37.

Вейнберг (лит. псевдоним — Гейие из Тамбова) *Петр Исаевич* (1831—1908), поэт, переводчик, историк литературы, почетный академик, в 60-х годах сотрудничал в «Искре», выступал в «Современнике» и особенно в «Оте-

чественных записках» с переводами и статьями-обозрениями по иностранной литературе, редактор журналов «Век» (1861—1862), «Изящная литература» (1883—1885). В 1884 г., после закрытия правительством «Отечественных записок», Вейнберг предложил опальному Салтыкову сотрудничать в его журнале «Изящная литература» в качестве переводчика и даже назвал его в числе сотрудников на 1885 г («Изящная литература», 1884, № 11) Сотрудничество не состоялось.

Верховский Никандр Иванович, присяжный поверенный в Смоленске. В 1868 г, когда он был начинающим журналистом и переводчиком, Верховский обратился к Некрасову с просьбой о содействии ему в получении из Литфонда 200 рублей, недостающих для покупки рекрутской квитанции для его брата. По подписке и при участии Литературного фонда было собрано 750 рублей.

Виницкая (лит. псевдоним Будзианик Александры Александровны; 1847—1914), беллетристка, в «Отечественных записках» была напечатана ее повесть «Перед рассветом» (1881), высоко оцененная Салтыковым и отредактированная им, и еще два рассказа (1882). По свидетельству Салтыкова, виделся он с Виницкой всего один раз.

Вольф Алексей Маврикиевич (1863—1909), сын и наследник М. О Вольфа В 1884 г. основал иллюстрированный журнал «Новь» и обратился к Салтыкову с предложением о сотрудничестве, но получил отказ.

Вольф Маврикий Осипович (1825—1883), основатель петербургской книгоиздательской и книгопродавческой фирмы, владелец книжных магазинов в Петербурге и Москве Хотел приобрести у Салтыкова право на издание его собрания сочинений, но переговоры по этому вопросу закончились безрезультатно. Из писем Вольфа к Салтыкову известно лишь одно, от 25 ноября 1881 г.— см *Салтыков в воспоминаниях*, с 698.

Вонлярский Федор Ардалионович (1833—1903), пензенский помещик и сослуживец Салтыкова по Пензенской казенной палате; в конце 1866 г был переведен в Петербург, где занял в Министерстве финансов должность старшего ревизора Департамента неокладных сборов.

Воропонов Федор Федорович (1839—1913), публицист и экономист, член Комитета (в 1879 г) и казначей Литературного фонда (1880—1883).

Вревский Павел Александрович, барон, генерал-майор, начальник I отделения Канцелярии Военного министерства в годы службы там Салтыкова (1844—1848), позднее — директор

Гаевская (рожд Полевая) *Елизавета Николаевна* (1827—1900), жена В П Гаевского

Гаевский Виктор Павлович (1826—1888), библиограф, пушкиновед, критик, адвокат, общественный деятель. Лицейский товарищ Салтыкова. Один из учредителей (в 1859 г) Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературного фонда), с 1883 г.— его председатель Принадлежал к небольшому кругу близких друзей Салтыкова, член «компании мушкетеров».

Гайдебуров Павел Александрович (1841—1893), писатель, публицист, участник студенческих волнений 1861 г., сотрудник журнала «Современник» и газеты «С-Петербургские ведомости» (1863—1869); с 1869 г — сотрудник-издатель газеты «Неделя», в 1876—1893 гг.— ее редактор-издатель. С 1878 г издавал в виде приложения к газете ежемесячный «Журнал романов и повестей» или «Книжки «Недели» Салтыков дал Гайдебурову для этого издания два произведения. сказку «Неумытный Трезор» и рассказ «Полковницкая дочь» («Мелочи жизни»)

Гальперин-Каминский (Halpérin-Kaminsky) *Илья Данилович* (1858—1936), литератор, живший почти всю жизнь во Франции, переводчик на французский язык многих русских писателей, публикатор нескольких сборников и серий писем Тургенева (к П. Виардо, к французским и немецким друзьям)

Гаршин Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель В «Отечественных записках» напечатано девять его рассказов Гаршин высоко ценил талант и личность Салтыкова, ставил некоторые его произведения выше всего творчества Достоевского и называл его «нашим командиром»

Гаршина (рожд Акимова) *Екатерина Степановна* (1828—1897), мать В М Гаршина Просила Салтыкова выхлопотать от Литературного фонда пособие для помещения больного сына в психиатрическую лечебницу Вены — см ее письмо к Салтыкову от 7 июня 1880 г.— *Изд 1933—1941,* т XIX, с 422—424

Гвоздев Александр Александрович, делопроизводитель «меньшиковского комитета», рассматривавшего и осудившего повесть Салтыкова «Запутанное дело» (1848); в 50—60-х годах — директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел, то есть прямой начальник Салтыкова во время его службы в министерстве в 1856—1858 гг

Герд Александр Яковлевич (1841—1888), педагог, с 1877 г.— директор женской гимназии в Петербурге, в которой училась дочь Салтыкова Принял участие в подготовке сборника «Памяти В М Гаршина» (1889), в которой помещена сказка Салтыкова «Ворон челобитчик». О знакомстве Герда с Салтыковым — см Я В Абрамов «Памяти М Е. Салтыкова».

Голубовский, владелец книжного магазина

Гольцев Виктор Александрович (1850—1906), публицист и литературный критик, деятельно сотрудничал в либеральных органах «Голос», «Русские ведомости», «Вестник Европы». С 1885 г.— фактический редактор московского журнала «Русская мысль».

Гончаров Иван Александрович (1812—1891), писатель, познакомился с Салтыковым, после возвращения последнего из вятской ссылки, у А В Дружинина В 1869 г Салтыков опубликовал в «Отечественных записках» полемическую статью «Уличная философия» о пятой части романа Гончарова «Обрыв» Письмо Гончарова к Салтыкову от 30 декабря 1876/11 января 1877 г. посвящено образу Иудушки в романе «Господа Головлевы» — см.: И А Гончаров Собр соч, т 8 Гослитиздат, 1955, с. 489—491.

Горбунов Иван Федорович (1831—1895), писатель и актер с 1854 г. Мо-

сковского Малого театра, а с 1855 г.— Петербургского Александринского театра, создатель жанра «устных рассказов» преимущественно из народной и купеческой жизни. Близкий знакомый Салтыкова, входивший в «компанию мушкетеров».

Гордеенко Егор Степанович (1812—1897), химик, профессор Харьковского университета, общественный деятель В 1883 г по его предложению Салтыков был избран почетным членом Харьковского университета Известна телеграмма Гордеенко к Салтыкову от 17 января 1883 г.— см «Харьковские губернские ведомости», 1883, № 18, 20 января

Григорьев Василий Васильевич (1816—1881), ученый-востоковед, профессор Петербургского университета, впоследствии член-корреспондент Академии наук, в 1874—1880 гг.— начальник Главного управления по делам печати. Личное знакомство Салтыкова с Григорьевым произошло на официальной почве и сопровождалось инцидентом, наделавшим много шума в Петербурге — см. т. 19, кн. 1, с. 16—18.

Гринвальд (рожд Брюн де Сент-Катрин) *Алина Яковлевна* (1816—1898), жена М. Н. Гринвальда, сестра А. Я Салтыковой.

Грот Яков Карлович (1812—1893), историк литературы, лингвист и переводчик; с 1858 г.— академик, с 1889 г.— вице-президент российской Академии наук.

Гуревич Яков Григорьевич (1843—1906), педагог (историк), владелец и директор мужской гимназии в Петербурге, в которой в 1883—1886 гг. учился сын Салтыкова Константин.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель. Дата личного знакомства Достоевского с Салтыковым в точности не известна. Возможно, что они встречались еще в конце 40-х годов в кружке петрашевцев В 1862 г. Салтыков сотрудничает в журнале М. М. и Ф М. Достоевских «Время». В 1863—1864 гг. Достоевский и Салтыков выступают главными противостоящими друг другу силами в ожесточенной полемике, возникшей между демократическим «Современником» и почвенническими журналами «Время» и «Эпоха». В письмах и произведениях Достоевского и Салтыкова содержится много резких их отзывов друг о друге, но также и взаимные признания первостепенности их талантов. Салтыков особенно высоко ценил замысел образа князя Мышкина в романе «Идиот» и рассказ «Кроткая» Для Достоевского Салтыков «настоящий художник» (1861), «большой художник» (1876). В 1875 г. Салтыков напечатал в «Отечественных записках» роман Достоевского «Подросток», которым, однако, остался недоволен.

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864), писатель, критик и переводчик, инициатор создания Литературного фонда. В конце 40-х годов был товарищем Салтыкова по службе в Канцелярии Военного министерства. Когда Салтыков в начале 1856 г. вернулся в Петербург из вятской ссылки, Дружинин предложил ему сотрудничество в редактируемом им журнале «Библиотека для чтения» и ввел в литературные круги столицы, познакомив с Тургеневым, Л. Толстым, Анненковым и другими писателями

Елисеев Григорий Захарович (1821—1891), журналист, публицист, окончил Московскую духовную академию в 1844 г., до 1854 г был профессором Казанской духовной академии Позднее — член редакции сатирического журнала «Искра», сотрудник (с 1858 г.) и член редакции (1863—1866 гг) «Современника», редактор газет «Век» (1862 г.) и «Очерки» (1863 г), один из редакторов (1868—1884 гг) «Отечественных записок», где ведал критико-публицистическим отделом («Современное обозрение»). В 60-е годы выступал как революционный демократ. К началу 80-х годов эволюционировал к либерализму В этот период Салтыков намеревался заявить Елисееву о невозможности их дальнейшей совместной работы. Запрещение «Отечественных записок» избавило Салтыкова от этого. Автор статьи <«Из неоконченных воспоминаний о М. Е. Салтыкове»>. 64 письма Елисеева к Салтыкову опубликованы в книге. «Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину». М , 1935.

Елисеева (рожд Гофштеттер, по первому мужу Корбецкая) *Екатерина Павловна* (1832—1891), с 1865 г.— жена Г. З Елисеева.

Ераков Александр Николаевич (1817—1886), инженер путей сообщения, в его семье в качестве воспитательницы много лет жила сестра Некрасова А. А. Буткевич, со второй половины 60-х годов — его гражданская жена. Ераков познакомился с Салтыковым через Некрасова и стал одним из самых близких его друзей. Он был постоянным партнером писателя в карточной игре, активным членом «компании мушкетеров», завсегдатаем «пятниц» Унковского

Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908), поэт, вместе с В. М. Жемчужниковым и А. К. Толстым писал юмористические стихотворения и афоризмы под псевдонимом Козьмы Пруткова. Значительную часть жизни (с середины 60-х годов до 1884 г) прожил за границей. Знакомство Салтыкова с Жемчужниковым состоялось в 1862 г. в редакции «Современника» и продолжалось до конца дней сатирика. На смерть его Жемчужников написал стихотворение «Забытые слова» («Вестник Европы», 1889, № 6, с. 849). Известно одно письмо Жемчужникова к Салтыкову, от 29 сентября 1876 г.— см. «Литературное наследство», т. 13—14, с. 350.

Засодимский (лит. псевдоним — Вологдин) *Павел Владимирович* (1843—1912), писатель, участник «хождения в народ», учительствовал в деревне. Сотрудничал в журналах «Дело» и «Русское богатство». Наиболее значительное его произведение — «Хроника села Смурина» (отредактированное Салтыковым) напечатано в «Отечественных записках» в 1874 г. Автор воспоминаний «Мое знакомство с М. Е Салтыковым».

Златовратский Николай Николаевич (1845—1911), писатель народнического направления. Свои первые очерки и рассказы иногда подписывал псевдонимом: «Маленький Щедрин» Непосредственное общение Златовратского с Салтыковым установилось в 1874 г., когда в «Отечественных записках» была напечатана его повесть «Крестьяне-присяжные» С этих пор до закрытия журнала Златовратский помещал в нем все свои крупные

произведения. В 1880 г. он один из активных участников народнического журнала «Устои» и «Русского богатства». Салтыков критически относился к идейным позициям и к элементам сентиментального народолюбия в его творчестве. Известны десять писем Златовратского к Салтыкову (см «Литературное наследство», т. 13—14).

Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896), писатель и журналист Его знакомство с Салтыковым произошло в Царскосельском лицее (был старше Салтыкова на два курса), продолжалось в Канцелярии Военного министерства, где оба служили В 50—60-е годы дважды ездил за границу для свидания с Герценом, сотрудничал в «Колоколе» В конце 70 х — начале 80-х годов по просьбе Салтыкова участвовал некоторое время в работе редакции «Отечественных записок». Последнее свидание Зотова с Салтыковым произошло за несколько дней до смерти Салтыкова, в марте 1889 г.— см. *Салтыков в воспоминаниях,* с. 201—202.

Каблуков Алексей Федорович (1814—1882), доверенное лицо Салтыкова по управлению (с 1867 по 1877 г) его подмосковным имением Витенево. По происхождению крепостной калужского помещика И В. Тутолмина, получивший после его смерти «вольную», по образованию фельдшер и зубной лекарь

Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885), историк, правовед и социолог, публицист, профессор Петербургского университета (1857—1861 гг), один из виднейших представителей либерального лагеря, в 1883 г. председатель Вольно-экономического общества.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887), журналист и публицист. В 1856 г. основал журнал «Русский вестник» либерального направления, в котором появились сенсационные «Губернские очерки» Салтыкова В дальнейшем, после польского восстания 1863 г, Катков переходит в лагерь реакции и становится одним из ее крупнейших идеологов и проводников. Редактор газеты «Московские ведомости», оказывал значительное влияние на внешнюю и внутреннюю политику царизма, особенно при Александре III. Катков — один из наиболее последовательных идейно-политических противников Салтыкова Критика и обличение направления и самой личности Каткова часто встречается в произведениях и письмах сатирика

Кидошенков Николай Васильевич (1826—1905), чиновник Министерства финансов, с 1868 г.— член Литературного фонда, член Географического общества, с 1898 г.— сенатор. Близкий знакомый Салтыкова, в начале 80-х годов постоянный партнер его по карточной игре.

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916), историк и социолог-позитивист, в 1878—1887 гг.— профессор Московского университета Был знаком с К. Марксом и Ф Энгельсом Осенью 1880 г. Салтыков и Ковалевский жили в Париже в одном доме и часто общались — см. заметку Ковалевского «Из воспоминаний о И. С Тургеневе»

Кони Анатолий Федорович (1844—1927), судебный и общественный деятель, юрист, сенатор, сотрудник «Вестника Европы», «Порядка» и дру-

гих изданий. Кони познакомился с Салтыковым у Некрасова в начале 70-х годов

Конисский Александр Яковлевич (1836—1900), украинский писатель, публицист, адвокат и общественный деятель В 1862 г. был арестован за участие в политических украинофильских кружках Полтавы и Харькова и выслан под надзор полиции в г. Тотьму Вологодской губернии

Корш Евгений Федорович (1810—1897), журналист и переводчик В 1855—1857 гг входил в редакцию «Русского вестника», здесь с ним и познакомился Салтыков В 1858—1859 гг редактировал журнал «Атеней», в котором Салтыков напечатал «Святочный рассказ»

Кошурников Иван Николаевич, чиновник Вятского губернского правления в 50-х годах, сослуживец Салтыкова.

Кравцов Григорий Львович (1840—1890), ветеринарный врач, писатель, собирал со своею женою А П. Блюммер-Кравцовой альбом автографов Известно одно письмо Кравцова к Салтыкову от 22 ноября 1883 г.— см «Литературное наследство», т. 13—14, с. 400

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), журналист и издатель, с 1839 по 1868 г. издавал «Отечественные записки», с 1862 по 1884 г — газету «Голос» В 1868—1884 гг. «Отечественные записки» находились в аренде у Некрасова и Салтыкова. Взаимоотношения между Салтыковым и Краевским носили чисто деловой характер и после закрытия «Отечественных записок» практически прекратились

Купреянов Яков Александрович (1824—1880), директор департамента Государственного казначейства Министерства финансов. Содействовал служебному переводу Салтыкова на пост управляющего (председателя) Казенной палаты из Пензы в Тулу в ноябре 1866 г, а затем, в 1867 г, из Тулы в Рязань Известны две телеграммы Купреянова к Салтыкову за 1866 и 1867 гг.— см. *Салтыков в воспоминаниях,* с 798 и 800.

Курочкин Николай Степанович (1830—1884), поэт, переводчик и журналист, по профессии врач, сотрудник «Искры», в 1861 г.— ее редактор, в 1865—1866 гг.— редактор «Книжного вестника». С момента организации новой редакции «Отечественных записок» деятельный сотрудник журнала, заведующий сначала его библиографическим (1868—1871 гг), затем иностранным отделом.

Кюгельген Пауль (Павел Константинович; 1843—1904), профессор педагогических курсов в Петербурге, редактор-издатель «St.-Petersburger Zeitung» (1877—1904 гг.), а также немецких газет в Ревеле.

Лавриченко Кондратий Гавриилович, автор педагогической брошюры «Родители и учителя» и романа «Вера в жизнь».

Лавров Вукол Михайлович (1852—1912), основатель и издатель журнала «Русская мысль», выходившего в Москве с 1880 г, в прошлом купец-хлеботорговец Салтыков относился к Лаврову резко отрицательно

Лазаревский Василий Матвеевич (1817—1890), влиятельный чиновник; с 1866 г.— член совета Главного управления по делам печати, был лично близок к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву, был членом совета его

министерства. С 1868 по 1873 г. Лазаревский, искусно направляемый Некрасовым и Салтыковым, с которым находился в дружеских отношеиях, был, по существу, главным «адвокатом» «Отечественных запиcок» в цензурном ведомстве и не раз предупреждал журнал о грозивших ему опасностях и помогал устраиять их.

Ланской Сергей Степанович, с 1861 г. граф (1787—1862), в начале 50-х годов — управляющий, а в 1855—1861 гг — министр внутренних дел. Способствовал возвращению Салтыкова из вятской ссылки и освобождеиию из-под надзора полиции. Салтыков был лично знаком с Ланским.

Лихачев Владимир Иванович (1837—1906), юрист, либеральный общественный деятель, в 70-х годах — член Петербургского окружного суда, гласный петербургской городской думы, в 1885 и 1889 гг — петербургский городской голова. В начале 1876 г приобрел газету «Новое время» совместно с А С. Суворииным и был в течение года его соредактором Салтыков находился с ним в дружеских отношениях, проводил с инм часы своего отдыха, дружил «домами», член «компании мушкетеров». Душеприказчик, после смерти писателя опекун его детей.

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875), историк литературы, библиограф, библиофил; в 1846—1848 гг.— сослуживец Салтыкова по Канцелярии Военного министерства; в 1871—1875 гг.— начальник Главного управления по делам печати В 50-х годах был близок к кругу «Современника», в пореформенный период перешел на реакционые позиции и, будучи главою цензурного ведомства, преследовал прогрессивную литературу.

Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825—1888), граф с 1878 г., государственный деятель, генерал-адъютант В феврале 1880 г был назначен начальником «Верховной распорядительной комиссии», учреждеиной в связи с сложившейся в стране революционной ситуацией, и стал фактическим диктатором России С августа 1880 по август 1881 г — министр внутренних дел и шеф жандармов Ведя борьбу с революционным движением, пытался вместе с тем опереться на оппозиционные круги общества. В августе 1881 г. вышел в отставку Знакомство Салтыкова с Лорис-Меликовым состоялось в первой половине мая 1880 г по инициативе последнего Начиная с лета 1881 г. писатель несколько раз встречался с Лорис-Меликовым за границей От него Салтыков узнал о существовании Священиой дружины, которую разоблачил в «Письмах к тетеньке» («Клуб взволнованных лоботрясов»)

Максимов Сергей Васильевич (1831—1901), писатель, этнограф, в 1865—1866 гг. редактировал и составлял книги для народа в книгоиздательстве «Общественная польза». В «Отечественных записках» опубликовал цикл очерков «Народные преступления и несчастья» (1869), а в 1874—1876 гг. напечатал серию очерков «Бродячая Русь». Салтыков относил Максимова к лучшим этнографам-беллетристам и считал, что его рассказы «должны быть настольной книгой для всех исследователей русской народности» (т 9, с 440) Салтыков и Максимов встречались не только в редакции «Отечественных записок», но и на «пятницах» у А. М. Унковского.

Мамин-Сибиряк (лит псевдоним Дмитрия Наркисовича Мамина, 1852—1912), писатель Печататься начал в 1875 г. С 1877 по 1891 г. жил на Урале В 1884 г в «Отечественных записках» были опубликованы его роман «Горное гнездо», принесший ему известность, и другие произведения. В 1883 г. Мамин написал для Салтыкова по его просьбе свою автобиографию 30 октября 1883 г он сообщал брату В Н. Мамину: «Сегодня < > я получил письмо от Салтыкова *. Пишет, что ему *весьма понравилась* первая часть моего большого очерка «Горное гнездо» и что он ждет с нетерпением продолжения. Конец этой статьи послан мной 20 октября Но он пишет, что статья велика,— до 15 печатных листов,— в этом году не упечатается, а поэтому предполагает начать печатание ее с января 84 года <...> В постскриптуме дедушка Евграфыч прибавляет «Позвольте один нескромный вопрос о Вашем возрасте и социальном положении Впрочем, ежели Вы найдете ненужным отвечать, то не стесняйтесь» Ну, натурально, у меня целый день рот до ушей, и я сейчас же написал свое curriculum vitale **, которое Мария Якимовна уничтожала два раза и нашла сносным только в третий раз. Меня лично письмо дедушки Евграфыча интересует больше с той стороны, которой он касается «грошей» .» (Д Н Мамин-Сибиряк *Собр. соч*, т. 10 М, 1958, с 336—337)

Милютин Николай Алексеевич (1818—1872), государственный деятель, представитель либеральной бюрократии. В 1854—1858 гг — директор Хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, в 1859—1861 гг — товарищ министра внутренних дел и фактический руководитель подготовительных работ к проведению крестьянской реформы 1861 г. Брат друга единомышленника Салтыкова В А Милютина Ходатайствовал в 1848 г. о назначении Салтыкова на должность старшего чиновника особых поручений при вятском губернаторе Непосредственный начальник писателя по его службе в Петербурге (1856—1858) и в провинции (1858—1861), по словам Салтыкова, покровительствовавший ему

Михайловский Николай Константинович (1842—1904). публицист, социолог и литературный критик, один из идеологов народничества, сотрудник (с 1868 г), а затем один из редакторов (1877—1884 гг.) «Отечественных записок». По признанию Салтыкова, Михайловский был для него одним из симпатичнейших и любимейших людей (*Салтыков в воспоминаниях*, с. 316), хотя особой близости между ними не было. Михайловский — автор серии статей о Салтыкове, собранных в книге: «Критические опыты Н К Михайловского. II Щедрин» (М, 1890), мемуарных заметок «Памяти Щедрина» и «Материалов для литературного портрета М Е. Салтыкова».

Недетовский (лит. псевдоним — О. Забытый) *Григорий Иванович* (1846—1922), писатель, в 1880 г. начал при посредстве Салтыкова печататься в «Отечественных записках», где было опубликовано десять его произведений.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877), поэт, издатель и факти-

* Это письмо неизвестно.
** жизнеописание (*лат.*).

ческий редактор журиала «Современиик», главного органа революционно-демократической мысли своего времени. Один из ианболее блнзких соратников и единомышленников Салтыкова. По мемуарному свидетельству Л Ф Пантелеева, зиакомство Салтыкова с Некрасовым произошло по инициативе последнего, летом 1857 г. В этом же году началось сотрудничество Салтыкова в «Современнике», сначала эпизодически, а затем постоянное. С ноября 1862 по ноябрь 1864 г. (включительно) Салтыков по предложениям Некрасова — член редакции «Современника», с 1868 — «Отечественных записок» Активное сотрудничество Салтыкова в редактируемом Некрасовым и Чернышевским «Современике» иачалось с 1859—1860 гг Наброски письма Некрасова к Салтыкову—см. Н. А Некрасов. Полн собр. соч. и писем, т XI, с. 130.

Нефедов Филипп Диомидович (1838—1902), беллетрист и этнограф, народник. В «Отечественных записках» иапечатано всего одно его произведение — «Девичник. Очерк фабричных нравов» (1869, № 9). Другие, предложенные им рукописи были отвергиуты Салтыковым.

Новодворский (лит. псевдоним — А Осипович) *Андрей Осипович* (1853—1882), писатель, по определению Горького, «щедринской школы». Печатался в основном в «Отечественных записках», его рассказ «Тетушка» (1880, № 9) опубликован в редакции Салтыкова. Летом 1881 г. заболел туберкулезом, по ходатайству Салтыкова был иаправлен на средства Литературного фонда на лечение за границу, где скончался Салтыков считал Новодворского «очень хорошим писателем». Письмо Новодворского к Салтыкову от 14/26 ноября 1881 г — см. «Литературное наследство» т. 13—14, с. 361.

Оболенская Александра Алексеевна, княгиия (1831—1890), жена Андр. В Оболенского, тетка Е. А. Боткиной, деятельница женского образоваиия, основательница первой частиой женской гимназии в Петербурге, где с 1883 по 1890 г. училась дочь Салтыкова Лиза. С Оболенской Салтыков познакомился у С. П Боткина Лето 1866 г. провел на даче в Финляндии, близ станции Мустамяки, которую снимал у дочери Оболенской — Е. А Волковой.

Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, с 1856 г. князь, геиерал-адъютант, шеф жандармов и главный иачальник III Отделения в 1844—1856 гг.; один из ближайших сотрудников Николая I, руководитель политической полиции в эпоху крайней реакции после революции 1848 г.

Орлов (лит. псевдоним — Н. Северов) *Николай Павлович* (1840 — после 1906), московский нотариус, отдавший свое состояние иа нужды революционного дела, друг Михайловского и Г. Успенского. В 1882 г. «скомпоновал», при участии художника Д Н. Брызгалова, и издал подпольно в фотографнческих снимках аллегорическую картину «Щедрин выходящий из леса реакцнй». Салтыков высоко цеиил эту картину. Автор мемуарных заметок «М. Е. Салтыков (Щедрин)».

Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург. В «Отечественных записках» периода редактирования их Некрасовым, а затем Салтыковым (1868—1884 гг.) напечатаны все главные произведения Остров-

ского. Некоторыми чертами одного из персонажей драматурга — Глумова («На всякого мудреца довольно простоты») Салтыков воспользовался для создания своего особенного образа, играющего важную роль в ряде произведений сатирика 70—80 х годов. «В среде умеренности и аккуратности», «Современная идиллия», «Письма к тетеньке», «Недоконченные беседы» и др Островский чрезвычайно высоко ценил талант Салтыкова, называл его «пророком» Известно одно письмо Островского к Салтыкову от 11 апреля 1872 г (А Н. Островский Полн. собр. соч, т. XIV. М., Гослитиздат, 1953).

Павленков Флорентий Федорович (1839—1900), книгоиздатель и книгопродавец, участник революционного движения. Салтыков познакомился с Павленковым в феврале 1889 г. Они встретились для переговоров о продаже права собственности на издание сочииений писателя. Переговоры закончились безрезультатно.

Павлов (лит псевдоним — Л. Оптухин) *Иван Васильевич* (1823—1904), публицист, близкий к славянофилам, по образованию врач, школьный товарищ Салтыкова по Московскому дворянскому иниституту и Александровскому лицею. Выйдя с последнего курса лицея, Павлов поступил сначала на математический, а затем на медицинский факультет Московского университета. В этот период был близок к кружку Грановского и встречался с Герценом С 1857 г. — чиновник Палаты государственных имуществ Орловской губернии. С середины 1860-х годов — управлял контрольными палатами в Витебске и Орле. Основал в 1860 г. и фактически редактировал еженедельник «Московский вестник», к участию в котором привлек Салтыкова Позднее сотрудничал в аксаковском «Дне», юрьевской «Беседе» и «Русской мысли». Известны перлюстрированные выписки из двух писем Павлова к Салтыкову (1857) — см. «Литературное наследство», т. 67, с. 456, 459—460.

Панаев Ипполит Александрович (1822—1901), двоюродный брат И. И. Панаева, соредактор Некрасова в «Современнике»; управлял конторой и хозяйственной частью журнала с 11 августа 1856 г. по 28 мая 1866 г.

Пантелеев Лонгин Федорович (1840—1919), общественный деятель, публицист, издатель, член первой «Земли и воли» (1862). В декабре 1864 г. был арестован и приговорен к каторге, замененной по прибытии в Сибирь поселением В 1876 г. вернулся в Петербург и вскоре занялся книгоиздательской деятельностью. Близкое знакомство Пантелеева с Салтыковым началось с 1884 г. Автор мемуаров «Из воспоминаний прошлого», одна из глав которых посвящена Салтыкову, заметок «Христова ночь» М. Е. Салтыкова (по воспоминаниям)», «Забытый юбилей», «Как трудно управлять Россией».

Пантелеев Николай Иванович, цензор, помощник секретаря и секретарь Петербургского цензурного комитета (1868, 1870—1891).

Пантелеева (рожд. Латкина) *Серафима Васильевна* (1846—1918), жена Л. Ф. Пантелеева; вице-председатель Российской лиги равноправных женщин, автор научно-популярных очерков, корреспондентка газеты «Русские ведомости».

Писемский Алексей Феофилактович (1821—1881), писатель В 1857—1860 гг. совместно с А. В. Дружининым, а в 1860—1863 гг. единолнчио редактировал «Библиотеку для чтення». Знакомство Салтыкова с Писемским произошло, по-видимому, в 1856 г. в доме Дружинииа Тогда же он получил предложеиие сотрудннчать в их журнале. Салтыков высоко ценил роман Писемского «Тысяча душ». Автор рецензии на постановку «Горькой судьбины». Весиой 1875 г. Салтыков вместе с Писемским отдыхал в Бадеи-Бадене.

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893), поэт, беллетрист, переводчик. Салтыков и Плещеев познакомились в конце 40-х годов в кружке петрашевцев После возвращения обоих из ссылки их знакомство возобновилось. Плещеев посвятил автору «Губернских очерков» стихотворение «С.. у. При вступлении иа поприще». Салтыков автор рецензии на его сб. «Новые стихотворения». С 1872 г. оии были связаны по работе в «Отечественных записках», где Плещеев был секретарем редакции.

Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт и беллетрист. В 1859—1860 гг.— один из редакторов журнала «Русское слово». В «Современнике» и «Отечественных записках» опубликовано несколько стихотворений и повестей писателя. Салтыков поместил в «Отечественных записках» (в 1869 и 1871 гг) две рецензии иа книги Полонского.

Пустонский Михаил Васильевич (ум. в 1890 г.), директор шестой мужской гимиазии в Петербурге, в которой с апреля по ноябрь 1883 г. учился во втором классе сын Салтыкова Константин.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904), историк литературы, исследователь фольклора, двоюродный брат Н Г. Чернышевского В 1860—1861 гг — профессор Петербургского университета, сотрудник «Отечественных записок» (с 1853 г), сотрудник и член редакции (1863—1866 гг) «Современника», с 1866 г — «Вестиика Европы», где, после закрытия «Отечественных записок», с 1884 г. печатался Салтыков Известны два письма к Салтыкову, 1871 (об «Истории одного города») и 1882 г.— см. т. 18, кн 2, с. 346—349 и «Литературное наследство», т. 13—14, с 373.

Рейтерн Михаил Христофорович, граф (1820—1890), лицеист выпуска 1839 г., статс-секретарь и управляющий железных дорог с 1858 г., управляющий Министерством финансов в 1862—1878 гг., с 1881 г.— председатель Совета Министров и Главного комитета по устройству сельского состояния В 1867 г. содействовал ликвидации конфликта Салтыкова на посту управляющего тульской Казенной палаты с губернатором Шидловским путем служебиого перевода Салтыкова в Рязань.

Репинский Григорий Козьмич (1834—1906), судебный деятель, автор работ по русской истории, в 1869—1871 и 1873—1875 гг.— секретарь, а в 1877—1879 гг.— председатель Литературного фонда Салтыков познакомился с Репинским в конце 50-х или начале 60-х годов Оба они входили тогда в учрежденную при Министерстве внутренних дел Особую комиссию о губернских и уездных учреждениях.

Родиславский Владимир Иванович (1828—1885), драматург, театраль-

ный критик, переводчик, учредитель и активный деятель «Общества русских драматических писателей», редактор газеты «Антракт».

Розен Герман Оттонович, барон (1829—1884), племянник декабриста А. Е. Розена, в 1848 г. окончил Александровский лицей, участник Крымской войны, корреспондент «Колокола», с 1861 по 1866 г. занимал в Пеизе должиость управляющего акцизными сборами, где познакомился с Салтыковым. Впоследствии Салтыков встречался с Розеном как в Петербурге, так и во время своих заграничных поездок

Салиас де Турнемир (рожд. Сухово-Кобылина, лит. псевдоним — Евгения Тур) *Елизавета Васильевна*, графиня (1815—1892), писательница, сестра А В Сухово-Кобылина Задумав в 1860 г. журнал «Русская речь», обратилась к Салтыкову с предложением сотрудничать в нем, на что получила согласие, однако сотрудничество не состоялось.

Салов Илья Александрович (1834—1902), беллетрист, мировой судья и земский начальник, литературную деятельность начал в конце 50-х годов в «Русском вестнике», где и состоялось его знакомство с Салтыковым. В 1877—1883 гг. его произведения печатались в «Отечественных записках», позднее в «Русской мысли». Автор воспоминаний о Салтыкове («Русская мысль», 1897, № 7—10 и «Исторический вестник», 1906, № 10).

Салтыков Дмитрий Евграфович (1819—1885), брат Салтыкова, чиновник сначала I отделения Собственной е. и в. Канцелярии, а потом Лесного департамеита Министерства внутренних дел Находился в конфликтных отношениях с братом. В одном из писем Салтыков назвал его «иегодяем» и признался, что воспользовался некоторыми его чертами при создании образа Иудушки.

Салтыков Евграф Васильевич (1776—1851), отец Салтыкова.

Салтыков Илья Евграфович (1834—1895), брат Салтыкова.

Салтыков Константин Михайлович (1872—1931), сын Салтыкова.

Салтыков Сергей Евграфович (1829—1872), брат Салтыкова, совладелец писателя по ярославскому имению Заозерье, фактически управлял им.

Салтыкова (рожд Брюн де Сент-Катрин) *Аделаида Яковлевна* (ум. в 1862 г.), жена Д Е Салтыкова.

Салтыкова Елизавета Михайловна (1873—1927), дочь Салтыкова, в иервом браке баронесса Дистерло, во втором — маркиза да Пассано, умерла за границей, куда из Петербурга уехала в 1917 г. со своим мужем.

Салтыкова (рожд. Забелина) *Ольга Михайловна* (1801—1874), мать Салтыкова Переписка с ней (чаще совместно с ней и отцом, Евграфом Васильевичем) была интенсивной в годы московского, а затем лицейского ученичества и особенно в годы вятской ссылки Переписка эта в целом утрачена Из нее сохранились лишь двенадцать писем Салтыкова (преимущественно 1873 г.) и несколько писем и приписок О М Салтыковой — см. сб. «Салтыков Щедрин. 1826—1976. Статьи и материалы, библиография». Л., «Наука», 1976, с 251—342

Семевский Михаил Иванович (1837—1892), историк и публицист, редактор-издатель журнала «Русская старина» (с 1870 г.), постоянным чита-

телем которого был Салтыков, а также альбома «Знакомые», в котором представлен и автор «Губернских очерков». Сохранилась запись беседы с Салтыковым Семевского, сделанная последним 6 февраля 1882 г.,— см. *Салтыков в воспоминаниях*, с. 523—530

Семенов Николай Николаевич (1796—1875), вятский гражданский губернатор в 1851—1857 гг., доброжелательно относился к Салтыкову, содействовал освобождению писателя из вятской ссылки

Середа Аким Иванович (ум. в 1852 г), вятский губернатор (XII 1843—IV. 1851). Салтыков высоко ставил его нравственные достоинства и отношение к службе. Середа способствовал служебному продвижению ссыльного писателя и оказывал поддержку его попыткам освободиться из-под полицейского надзора и уехать из Вятки.

Скабичевский Александр Михайлович (1838—1910), литературный критик и историк литературы, постоянный сотрудник «Отечественных записок» (1868—1884). Автор мемуарных заметок <«Несколько воспоминаний о М Е. Салтыкове»>.

Скребицкая (рожд. Юркевич, в первом браке Красовская) *Мария Семеновна* (1843—1900), общественная деятельница, главным образом в деле народного и профессионального образования, жена доктора А И Скребицкого, владелица дома в Петербурге (Литейная, 62), где писатель жил с августа 1876 г и до самой смерти Салтыков называл Скребицкую «отличнейшей женщиной» и находился с неи в дружеских отношениях.

Слепцов Василий Алексеевич (1836—1878), писатель, участник демократического движения 60-х годов, основатель так называемой Знаменской коммуны, сотрудник «Современника», одно время был секретарем редакции этого журнала.

Случевский Константин Константинович (1837—1904), поэт и прозаик. В 1871 г. предложил Салтыкову для напечатания в «Отечественных записках» свой роман «От поцелуя к поцелую». Роман не был напечатан в журнале.

Соболевский Василий Михайлович (1846—1913), редактор газеты «Русские ведомости», в которой Салтыков начал сотрудничать с декабря 1884 г. после закрытия «Отечественных записок». Здесь в 1884—1887 гг. были напечатаны пятнадцать его «Сказок» и девять глав цикла «Мелочи жизни» Письма к Соболевскому содержат важные материалы для творческой истории и публикации этих произведений Салтыкова.

Соколов Нил Иванович (1844—1894), врач-терапевт, профессор Военно-медицинской академии, ассистент С П. Боткина. С 1876 г., почти тринадцать лет, постоянно наблюдал и лечил Салтыкова, навещая его еженедельно.

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист, общественный деятель, автор трехтомной «Истории средних веков» и статей о русской литературе XIX века Основал и редактировал в 1881—1882 гг. газету «Порядок», в 1866—1908 гг.— журнал «Вестник Европы» Салтыков начал печататься в «Вестнике Европы» после закрытия «Отечественных записок». Здесь в 1884—1889 гг. была опубликована большая часть послед-

них произведений писателя, в том числе все главы «Пошехонской старины». Вместе с К К. Арсеньевым Стасюлевич был одним из фактических редакторов первого Собрания сочинений Салтыкова по просьбе последнего («издание автора», 1889—1890 гг). Письма к Стасюлевичу содержат важные материалы для изучения этих произведений.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912), литератор и издатель, начал свою деятельность в конце 50-х — начале 60-х годов в демократическом лагере «Современника» и «Отечественных записок» С февраля 1876 г Суворин — издатель газеты «Новое время» В самом начале после перехода этой газеты в руки Суворина еще возможно было сотрудничество в ней Салтыкова и Некрасова Но вскоре после того, как Суворин «повернул к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед власть имущими» (В. И Ленин. Полн собр соч, т 22, с 44), он и его «Новое время» получили в салтыковской сатире кличку «Чего изволите».

Таганцев Николай Степанович (1843—1923), ученый-криминалист и общественный деятель, с 1887 г — сенатор и член Государственного совета На «процессе 193-х» (1877 г.) выступал в качестве защитника С Салтыковым был знаком по делам Литературного фонда, членом и председателем (с 1879 г) которого он был.

Танеев Владимир Иванович (1840—1921), философ-социолог коммунистического направления, адвокат, выступавший защитником в политических процессах К Маркс назвал его « .преданным другом освобождения народа» (К Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 34, с. 185). Автор воспоминаний «Русский писатель М Е Салтыков (Езоп)».

Тимирязев Василий Аркадьевич (1840—1912), переводчик, сотрудничал в «Отечественных записках», «Историческом вестнике» и других изданиях.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910). Знакомство с ним Салтыкова состоялось в 1856 г. в Петербурге; они встречались и в последующие годы (1857 и 1858). Первое известное письмо Салтыкова к Толстому относится к августу 1878 г и содержит предложение сотрудничать в «Отечественных записках». В последующие годы Салтыков не раз возобновлял это предложение, но участие Толстого в этом журнале ограничилось опубликованием в 1874 г. статьи «О народном образовании». В свою очередь, Толстой просил в 1885 г Салтыкова о сотрудничестве в издательстве «Посредник». Известно письмо Толстого к Салтыкову (декабрь 1885 г) — см.: Л. Н. Толстой Полн собр соч, т 63 М — Л., 1934, с 308.

Трубникова Мария Васильевна (1835—1897), дочь декабриста В. П Ивашева, жена К В. Трубникова, издателя «Биржевых ведомостей» и «Коммерческой газеты», деятельная участница либерального женского движения 60—70-х годов, организатор и руководитель женской издательской артели, существовавшей под названием «Издание Трубниковой и Стасовой» Известно одно письмо Трубниковой к Салтыкову, от марта 1872 г — см: М. Е. Салтыков-Щедрин Неизданные письма (1844—1889) М — Л, «Academia», 1932, с. 346

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883). Салтыков познакомился с Тур-

геневым по приезде из Вятки, то есть в начале 1856 г. Салтыков давал тогда Тургеневу читать рукописи первых глав из своих «Губернских очерков», не получивших одобрения со стороны автора «Записок охотника» Сближение между Салтыковым и Тургеневым, перешедшее в дружбу, началось с начала 70-х годов В 1870 г. Салтыков подарил Тургеневу отдельное издание «Истории одного города», а Тургенев 17 февраля (1 марта) 1871 г. в № 19 английского журнала «The Academy» поместил статью об этом произведении. Салтыков высоко ценил литературный талант Тургенева и был близок с ним более, чем с кем-либо из других писателей, во многих своих произведениях, а также в письмах упоминал он о Тургеневе, использовал его художественные образы. Салтыков завещал похоронить себя рядом с Тургеневым и откликнулся на его смерть некрологической статьей («Отечественные записки», 1883, № 9), содержащей одну из наиболее глубоких характеристик значения творчества Тургенева для русского общества и народа.

Известно двадцать одно письмо Тургенева к Салтыкову (1870—1882 гг), которые опубликованы в Полном собрании сочинений и писем И. С Тургенева (М — Л., Изд во АН СССР, 1960—1968, серия· Письма в 13-ти томах).

Унковский Алексей Михайлович (1828—1893), присяжный поверенный, юрист и общественный деятель, в период проведения крестьянской реформы возглавлял либерально-оппозиционное движение дворянства Салтыков познакомился с ним еще в лицейские годы, но сблизились они в Твери, и сблизились настолько, что с тех пор и до конца дней Салтыкова Унковский остался наиболее лично близким ему человеком В 1862 г. Салтыков пригласил Унковского в соредакторы задуманного им в 1862 г журнала «Русская правда» (не разрешенного правительством) Салтыков крестил сына Унковского, а Унковский — дочь Салтыкова. В 1875 г. Салтыков назначил Унковского своим душеприказчиком и одним из опекунов своих детей. После смерти писателя его вдова Е А Салтыкова и А М Унковская обменялись письмами своих мужей и предали их сожжению. Сохранились лишь краткие пометки и аннотации, сделанные В П Кранихфельдом к сорока одному письму Салтыкова Автор воспоминаний о Салтыкове.

Урусов Александр Иванович, князь (1843—1900), адвокат, прославившийся защитительными речами по делу крестьянки Волоховой (1867 г) и во время нечаевского процесса (1871 г) По инициативе Урусова в 1881 г. возник журнал «Новое обозрение» Салтыков находился с Урусовым в дружеских отношениях (познакомились они, возможно, в марте 1868 г. в Москве) Они встречались в Петербурге и Париже.

Успенский Глеб Иванович (1843—1902). Начал регулярно печататься в «Отечественных записках» с первого года перехода журнала в руки Некрасова и Салтыкова Тогда же, несомненно, возникла его переписка с редакцией журнала, прежде всего с Салтыковым. Однако судьба переписки за 1868—1879 гг. остается неизвестной Все сохранившиеся письма Успенского к Салтыкову относятся к 1880—1889 гг.

Утин Борис Исаакович (1832—1872), юрист, профессор Петербургского университета, публицист и журналист, сотрудник «Вестника Европы»; в 60-х годах — член Петербургской судебной палаты. В 1858 г. побывал в Лондоне у Герцена Выразил желание материально поддержать задуманный Салтыковым, совместно с Унковским и Головачевым, журнал «Русская правда». Участвовал в разработке его программы Известен черновик письма (без окончания) Утина к Салтыкову — см. *Изд. 1933—1941,* т. XVIII, с. 376—377.

Утин Евгений Исаакович (1843—1894), брат Утина Б И, активный участник студенческих волнений в Петербургском университете в 1861 г., позднее адвокат, публицист и литературный критик, сотрудник «Вестника Европы». Автор статьи «Сатира Щедрина Очерки из современной литературы» («Вестник Европы», 1881, № 1), посвященной первому отдельному изданию цикла «Круглый год» (СПб., 1880).

Фан-дер-Флит Федор Тимофеевич (1810—1873), директор Общей канцелярии министра финансов

Феоктистов Евгений Михайлович (1828—1898), литератор и историк; государственный деятель. В 50-х годах сотрудничал в «Современнике», «Отечественных записках» и «Русской речи». Позднее от умеренного либерализма перешел на консервативные позиции. В 1871—1882 гг.— редактор «Журнала Министерства народного просвещения». В 1883—1895 гг.— начальник Главного управления по делам печати, проводил реакционный курс Д. А Толстого, К. А Победоносцева и М. Н. Каткова, являлся гонителем демократической печати При его участии было осуществлено правительственное закрытие «Отечественных записок» в 1884 г.

Хвощинская, в замужестве Зайончковская (лит. псевдоним — В. Крестовский) *Надежда Дмитриевна* (1824—1889), писательница, сотрудничала в «Отечественных записках», «Вестнике Европы» и других изданиях. Салтыков познакомился с Хвощинской в конце 1859 г. в Рязани. Известно одно письмо Хвощинской к Салтыкову, от 8 октября 1876 г — см. т 19, с 25—26.

Хомиховский Александр Александрович (1845—1897), управляющий книжным складом М. М. Стасюлевича и конторою «Вестника Европы», редактор «Книжного вестника» (1888—1896 гг) Салтыков был связан с ним по сотрудничеству в журнале «Вестник Европы».

Чернышев Александр Иванович, князь (1785—1857), военный министр в 1832—1852 гг, с 1848 г.— председатель Государственного совета. Высший начальник Салтыкова по службе в Канцелярии Военного министерства.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) Личное знакомство Салтыкова с Чернышевским состоялось в конце 1857 или начале 1858 г. в период после появления в «Современнике» статей Чернышевского и Добролюбова о «Губернских очерках» и до отъезда Салтыкова на вице-губернаторство в Рязань. В 1861 г. Салтыков приезжал из Твери в Петербург для объяснения с редакцией «Современника» по поводу «обручевской истории» и тогда же получил от Чернышевского предложение о текущем сотрудничестве в журнале, о чем сообщалось в объявлении «Об издании «Со-

временника» в 1862 году» В апреле 1862 г. Салтыков предложил Чернышевскому сотрудиичество в проектировавшемся нм журнале «Русская правда». Взаимоотношеиия между Салтыковым и Чернышевским характеризуются высоким интересом и уважением к творчеству и деятельности друг друга Восприятие трагической судьбы Чернышевского отразилось в ряде мест сочинений Салтыкова и породило в его творческом сознании замысел особого произведення, который, однако, не был выполнен

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936), издатель, публицист. В 1883 г. познакомился с Л Н. Толстым и стал последователем и пропагандистом его учения В 1884 г. создал по инициативе и при участии Толстого издательство «Посредник». В декабре 1885 г Чертков посетил по просьбе Толстого Салтыкова и вел переговоры по вопросу об участии писателя в изданиях «Посредника».

Шассен (лит. псевдоним — Клод Франк и Людовик) *Шарль Луи* (1831—1901), франц историк и журналист демократического направления, издатель журнала «Democratie» (1868—1870). С 1865 г началась его работа в «Современнике», он начал печатать в нем «Парижские письма» С июльской книжки 1869 г стал постоянным обозревателем французской жизни в «Отечественных записках». За пятнадцать лет сотрудничества в журнале поместил более 150 статей-обозрений сначала под заглавием «Парижские письма», а с 1874 г — «Хроника парижской жизни». В 1875 г. Салтыков в Париже лично познакомился с Шассеном и затем не раз встречался с ним Известно одно письмо Шассена к Салтыкову (черновик), от 10 февраля 1883 г — см «Литературное наследство», т 67, с 491.

Шидловский Михаид Романович (1826—1880), генерал-майор, в 1860—1870 гг — тульский гражданский губернатор, в 1870—1871 гг — начальник Главного управления по делам печати С Шидловским судьба столкнула Салтыкова в 1866 г на служебном поприще в Туле, где между ними сложились остро конфликтые отношения Шидловский принадлежал к числу наиболее ретроградных и тупых представителей администрации царизма Салтыков, в свою очередь, ненавидел губернатора и вел с ним яростную борьбу. По свидетельству ряда мемуаристов, Шидловский является прообразом градоначальника с оргаичиком в голове из «Истории одного города»

Шубинский Сергей Николаевич (1834—1913), журналист и историк, в 1875—1879 гг.— редактор журнала «Древияя и новая Россия», с 1880 г — соредактор «Исторического вестника».

Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893), публицист-иародник, ученый-агрохимик, профессор в Петербургском земледельческом институте. За сочувственное отношение к движению революционно настроенного студенчества был арестоваи, лишен кафедры и в январе 1871 г. выслан в принадлежавшее ему имение Батищево (Смоленской губ) под гласный иадзор полиции. Знакомство Энгельгардта с семьей Салтыкова началось в 1859 г., когда он вступил в брак с двоюродной сестрой жены писателя Елизаветы Аполлоновны — Анной Николаевной Макаровой Салтыков привлек Энгельгардта к сотрудничеству в «Отечественных записках», где в 1872 г. появи-

лись его первые работы С 1872 по 1882 г. там печатались «Письма из деревни», работа над которыми была начата по инициативе Салтыкова.

Энгельгардт (рожд. Макарова) *Анна Николаевна* (1835—1903), писательница и переводчица, деятельница женского движения 60—70 х годов, двоюродная сестра Е. А Салтыковой, жена А Н Энгельгардта. Салтыков высоко ценил переводческую деятельность Энгельгардт.

Эртель Александр Иванович (1855—1908), писатель, печатавшийся в основном в «Вестнике Европы» Первую неудачную попытку сотрудничать в «Отечественных записках» Эртель предпринял в конце 1882 г., прислав Салтыкову рассказ, который не был напечатан. В 1884 г. Эртель прислал в «Отечественные записки» рассказ «Миниатюры», который был напечатан Салтыковым Известно письмо Эртеля к Салтыкову — см «Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В И. Ленина», вып. 6, 1940, с. 69.

Южаков Сергей Николаевич (1849—1910), либерально-народнический публицист и экономист, в 1878 г. был выслан в Восточную Сибирь, где началась его литературная работа для «Отечественных записок». После возвращения в Петербург в 1882 г был привлечен Михайловским к постоянному сотрудничеству в журнале. Автор статьи о Салтыкове в «Большой энциклопедии», т XIII, 1903 и очерка «М Е. Салтыков как редактор (по личным воспоминаниям)».

Юрьев Сергей Андреевич (1821—1888), литератор, театровед и переводчик, был близок к славянофилам, редактор-издатель журналов «Беседа» (1871—1872 гг) и «Русская мысль» (1880—1885 гг.). Друг детства Салтыкова, сосед по имению в Тверской губернии и товарищ по Московскому дворянскому институту. До конца жизни Юрьев был дружен с Салтыковым.

Языков Михаил Александрович (1811—1885), друг И. И Панаева и В. Г. Белинского, принимал в конце 40 х годов участие в делах редакции «Современника». Лицеист Салтыков посещал собрания литераторов у Языкова и слушал здесь Белинского. С Языковым Салтыков поддерживал знакомство и в последующие годы, вплоть до его смерти.

Якушкин Вячеслав Евгеньевич (1856—1912), земский деятель, историк и пушкинист.

Якушкин Евгений Иванович (1826—1905), сын декабриста И. Д Якушкина, юрист и этнограф, с 1859 г.— управляющий ярославской Палатой государственных имуществ, позднее управляющий ярославской Казенной палатой, в эпоху крестьянских реформ был членом Губернского по крестьянским делам присутствия в Ярославле. Знакомство Салтыкова с Якушкиным произошло, вероятно, в конце 1859 г. или в начале 1860 г. в связи с семейным разделом ярославского имения матери Салтыкова.

Ясинский (лит. псевдоним — Максим Белинский) *Иероним Иеронимович* (1850—1931), писатель, журналист, в 1881 г прислал в «Отечественные записки» рассказ «Наташка», который понравился Салтыкову и был напечатан им Тогда же Салтыков пригласил Ясинского к постоянному сотрудничеству Салтыков неоднократно хлопотал перед Литературным фондом о материальной помощи Ясинскому.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ*

* Т XVIII$_1$ — письма 1—243.
Т XVIII$_2$ — письма 244—486.
Т XIX$_1$ — письма 487—752.
Т XIX$_2$ — письма 753—1017.
Т. XX — письма 1018—1565.

Безобразову В. П.

119 29 июня 1858
120 1 октября 1858.
122 17 января 1859.
125 7 июля 1859 (?).
128 8 ноября 1859
131 29 декабря 1859

Бекетову А Н

786 Между 19 и 25 октября 1881.

Белоголовому Н А.

424 18/30 августа 1875
443 31 октября/12 ноября 1875
460 27 января/8 февраля 1876.
474 10/22 марта 1876
482 4/16 мая 1876.
753 5/17 июля 1881
755 11/23 июля 1881
757 25 июля/6 августа 1881.
758 29 июля/10 августа 1881.
759 2/14 августв 1881
761 7/19 августа 1881.
763 12/24 августа 1881.
777 24 сентября 1881.
781 14 октября 1881.
794 19 ноября 1881.
803 21 декабря 1881.
816 25 января 1882
824 23 февраля 1882.
831 20 марта 1882.
834 28 апреля 1882.
835 15 мая 1882
839 8 июня 1882
843 7 июля 1882
844 19 июля 1882
849 11 августа 1882
858 23 октября 1882
876 18 декабря 1882
903—904 19 февраля 1883
918 11 мая 1883
938 9/21 августа 1883
940 15/27 августа 1883
943 19/31 августа 1883
946 16 сентября 1883
956 28 октября 1883
964 5 декабря 1883
967 18 декабря 1883
991 13 февраля 1884
1011 5 апреля 1884
1021 24 апреля 1884
1031 11 мая 1884.
1045 23 июня 1884
1052 3 июля 1884
1060 27 июля 1884
1064 15 августа 1884
1069 31 августа 1884
1070 6 сентября 1884.
1086 26 октября 1884.
1093 10 ноября 1884
1108 10 декабря 1884
1123 19 января 1885
1129 5 февраля 1885
1138 16 февраля 1885
1156 22 марта 1885
1168 26 апреля 1885.
1182 28 мая 1885
1183 31 мая 1885
1185 4 июня 1885
1187 16 июня 1885
1188 21 июня/3 июля 1885
1189 23 июня 5 июля 1885
1190 24—28 июня/6—10 июля 1885.
1204 18/30 августа 1885
1206 21 августа 1885
1212 28 августа 1885.
1213 1 сентября 1885
1217 5 сентября 1885
1221 14 сентября 1885
1224 28 сентября 1885
1228 12 октября 1885
1233 24 ноября 1885
1246 Конец декабря 1885 — январь 1886.
1248 12 февраля 1886.
1255 14 марта 1886
1263 До 14 июня 1886
1264 14 июня 1886
1266 29 июня 1886.
1275 11 июля 1886
1280 3 августа 1886
1284 14 августа 1886
1296 10 сентября 1886
1304 21 сентября 1886.
1316 30 октября 1886
1328 16 декабря 1886
1335 25 января 1887
1348 26 марта 1887.
1384 18 мая 1887
1387 31 мая 1887
1393 24 июня 1887
1399 12 июля 1887
1400 24 июля 1887.
1403 28 июля 1887
1409 26 августа 1887.
1418 13 сентября 1887.
1423 25 сентября 1887.
1431 27 октября 1887
1443 16 ноября 1887.
1445 30 ноября 1887.
1448 18 декабря 1887
1452 1 февраля 1888
1456 21 февраля 1888
1461 2 марта 1888
1467 24 марта 1888

1468 5 апреля 1888.
1473 26 апреля 1888.
1475 9 мая 1888
1477 3 июня 1888.
1483 14 июля 1888.
1490 10 августа 1888.
1496 16 сентября 1888.
1501 10 октября 1888.
1507 8 ноября 1888
1510 17 ноября 1888.
1516 1 декабря 1888.
1522. 15 декабря 1888.
1535 18 января 1889.
1544 21 февраля 1889.
1562 22 апреля 1889.

Берсеневу В. Ф.

417а 28 июня/10 июля 1875.

Боровиковскому А. Л.

587 Середина марта 1879 (?).
800 11 декабря 1881
818 1 февраля 1877—1882.
822 22 февраля (?) 1882
857 18 октября 1882.
867 18 ноября 1882.
870 29 ноября 1882.
885 6 января 1883
898 31 января 1883
902 15 февраля 1883.
905 13 марта 1883.
913 4 мая 1883
926 1 июня 1883
936 12/25 июля 1883.
1034 17 мая 1884.
1040 11 июня 1884.
1053 6 июля 1884
1055. 15 июля 1884.
1057. 21 июля 1884.
1061 5 августа 1884.
1066 19 августа 1884.
1105 22 ноября 1884.
1106 2 декабря 1884.
1121 15 января 1885.
1141 25 февраля 1885.
1160 4 апреля 1885
1210 26 августа 1885.
1514. 30 ноября 1888.

Боткиной Е. А.

1244 17 января 1886.

Брюн де Сент-Катрин К. П.

10 8 мая 1848.

Буткевич А. А.

582 21 января 1879.
694. 9 декабря 1880.

Буху К. А.

411 1 апреля 1875.
509 1874—1876 (?).
1074 5 октября 1884

Вейнбергу П. И.

1112 2 января 1885
1333. 10 января 1887.

Верховскому Н. И.

1155 21 марта 1885

Виницкой А А.

708 13 января 1881.
742 16 мая 1881.
744 22 мая 1881.
823 22 февраля 1882
830 12 марта 1882
862 1 ноября 1882.
866 16 ноября 1882

Вольфу А М

1059 24 июля 1884

Вольфу М О

545 6 марта 1878.
795 23 ноября 1881.
798 25 ноября 1881.
799 26 ноября 1881.
802 19 декабря 1881.
863 2 ноября 1882

Вонлярскому Ф. А.

215 11 июля 1867.

Воропонову Ф. Ф.

784 20 октября 1881
789 Начало ноября 1881.

Вревскому П. А.

55 15 декабря 1851.

Гаевскому В. П.

260 30 апреля 1869
270 26 сентября 1869.
284 17 мая 1870
301 2 февраля 1871.
339 10 мая 1872
386 18 октября 1873
396 17 апреля 1872—1874.
488 26 июня 1876
508 27 декабря 1876
580. Конец 1878 — начало 1879.
614 21 декабря 1879
623 4 февраля 1880 (?).
632 25 февраля 1880.
641 1 мая 1880.

Гринвальд А. Я.

11 8 мая 1848.

Гроту Я. К.

305 10 марта 1871.

Гуревичу Я. Г.

1229 18 октября 1885.
1247. 7 февраля 1886.

Достоевскому Ф. М.

155 30 марта 1862.
507. 21 декабря 1876.
536 6 декабря 1877.

Дружинину А. В.

95 1 февраля 1856 (?)
96 Не ранее второй половины марта 1856
126 18 октября 1859.
127. 27 октября 1859.
129 20 ноября 1859
134 13 февраля 1860.

Елисеевой Е. П

868—869 18 ноября 1882.

Елисееву Г З.

433 2/14 октября 1875.
597. 17 августа 1879
617 3 января 1880
626 13 февраля 1880
636 После 6 марта 1880.
637 28 марта 1880
645 Около 10 мая 1880
646 Около 10 мая 1880
674 31 августа/12 сентября 1880.
678 10/22 сентября 1880
690 24 ноября 1880
695 9 декабря 1880.
702 1879—1880
709 14 января 1881.
711. 15 января 1881.
713 16 января 1881
723 16 февраля 1881.
725 18 февраля 1881
728 Начало марта 1881
729 5 марта 1881
730 До 13 марта 1881.
731. 12—13 марта 1881.
732 13 марта 1881.
733 13—14 марта 1881.
747. Весна 1881.
752 Не ранее начала апреля 1869 — до 30 июня 1881 (?).
752а. До 30 июня 1881.
756 15/27 июля 1881.
779 30 сентября 1881.
783 18 октября 1881.
791 5 ноября 1881.
796 23 ноября 1881.
804 23 декабря 1881.
806 31 декабря 1881.
814 13 января 1882
819 10 февраля 1882.
832 28 марта 1882.
836 15 мая 1882.
845 27 июля 1882
847 5 августа 1882.
850 11 августа 1882.
859 26 октября 1882
860 30 октября 1882.
865 13 ноября 1882.
874 15 декабря 1882.
882 1 января 1883
886 8 января 1883 (?).
891. 20 января 1883.
893. 21 января 1883
894 21 января 1883.
907 29 марта 1883.
911 28 апреля 1883
914 4 мая 1883
934 5 июля 1883
937 2/14 августа 1883.
951 9 октября 1883
961 11 ноября 1883.
966 13 декабря 1883
970 20 декабря 1883
975 30 декабря 1883.
984 23 января 1884
1001 12 марта 1884
1009 1 апреля 1884
1018 10 апреля 1884
1029 5 мая 1884
1035 17 мая 1884
1041 11 июня 1884
1056 15 июля 1884
1062 5 августа 1884
1071 20 сентября 1884.
1097 13 ноября 1884.
1110 18 декабря 1884.
1131 5 февраля 1885
1142 1 марта 1885
1152 20 марта 1885
1159 31 марта 1885
1191 1/13 июля 1885
1192 3/15 июля 1885
1211 27 августа 1885
1231 30 октября 1885.
1278 24 июля 1886
1310 10 октября 1886
1317 30 октября 1886
1329 16 декабря 1886

1342 4 марта 1887
1359 11 апреля 1887.
1380 12 мая 1887.
1390 11 июня 1887
1433 30 октября 1887.
1487 1 августа 1888
1488 3 августа 1888
1489 6 августа 1888.
1491 17 августа 1888
1494 22 августа 1888.
1495 4 сентября 1888
1498 4 октября 1888.
1517 3 декабря 1888
1519. 7 декабря 1888
1520. 8 декабря 1888

Еракову А Н.

449 9/21 декабря 1875
541 3 января 1878
586 14 марта 1879
601 15 сентября 1879.
606 11 октября 1879
619 13 января 1880
651 18 мая 1880
1230 20 октября 1885

Жемчужникову А. М.

261 30 апреля 1869
279 9 февраля 1870
285 10 июня 1870
286 22 июня 1870
296 25 ноября 1870
319 31 августа 1871
335 1 апреля 1872
494 8 сентября 1876
550 28 марта 1878
722 Первая половина февраля 1881.
817 25 января 1882

Засодимскому П В.

398 20 мая 1874

Златовратскому Н Н.

833 4 апреля 1882
838 26 мая 1882
854 29 сентября 1882

Зотову В Р.

2 Осень (не ранее сентября) 1840—1841.
3 Осень (не ранее октября) 1840—1841.
7 1845 — начало 1848
549 21 марта 1877—1878
977 Конец 1883.
978 Конец 1883
1505 1 ноября 1888
1563 2 ноября 1884—1886

В издательство «Посредник»

1343. 12 марта 1887.

Каблукову А. Ф.

206. 1 февраля 1867.
207 20 марта 1867
208 5 апреля 1867
212 20 апреля 1867.
213 25 мая 1867
214 9 июня 1867.
216 2 августа 1867.
217 15 августа 1867.
221 13 ноября 1867
225 13 декабря 1867.
232 29 января 1868 (?).
245 9 сентября 1868
246 1 октября 1868
249 5 ноября 1868 (?).
252 17 января 1869
253 26 марта 1869
259 27 апреля 1869.
267 19 августа 1869.
269 23 сентября 1869.
271 16 октября 1869
272 27 октября 1869.
273 8 ноября 1869
274 13 декабря 1869
277 14 января 1870 (?).
292 17 сентября 1870
293 9 октября 1870 (?)
294 21 октября 1870
297 8 января 1871.
298 14 января 1871
299 27 января 1871
300 28—29 января 1871
304 5 марта 1871
308 31 марта 1871
316 Конец апреля — начало мая 1871.
324 21 октября 1871
325 26 ноября 1871.
326 4 декабря 1871
329 10 февраля 1872
340 10 мая 1872
341 17 мая 1872
354 Конец сентября — начало октября 1872
357 Начало ноября 1872.
358 4 ноября 1872.
359 3 декабря 1872
366 24 января 1873
369 7 марта 1873
371 22 марта 1873
377 17 мая 1873
390 Октябрь — ноябрь 1873.
392 1 января 1874
402 25 сентября 1874
404 18 октября 1874.

Лаврову В. М.

922 24 мая 1883.

Лазаревскому В. М.

256 Середина апреля 1869.
258. 22 апреля 1869.
263. 19 мая 1869
330 21 февраля 1872.
331 После 21 февраля 1872.
594 1 августа 1879.
668 3/15 июля 1880.
1269 4 июля 1886.
1276 11 июля 1886
1281 7 августа 1886.

Ланскому С. С.

94 18 января 1856.
99 7 мая 1856.
100 25 мая 1856.

Лихачеву В. И.

1157 25 марта 1885
1447 17 декабря 1887

Лонгинову М Н.

362 31 декабря 1872.

Лорис-Меликову М Т.

767 27 августа/2 сентября 1881.
805. 25 декабря 1881
1205 18(30) августа 1885.
1268 3 июля 1886.
1271 6 июля 1886.

Максимову С. В.

268 Август — начало сентября 1869.

Мамину-Сибиряку Д. Н.

877. 19 декабря 1882.
884. 4 января 1883
887. 10—11 января 1883.
906. 15 марта 1883.
932. 1 июля 1883.
982. 10 января 1884.
987 5 февраля 1884.

Милютину Н А.

52 27 октября 1851.

Михайловскому Н. К.

490 4 августа 1876
562 6 ноября 1878.
563 7 ноября 1878.
564 10 ноября 1878.
570 7 декабря 1878.
572 10 декабря 1878.
574. 15 декабря 1878.
576 20 декабря 1878.
577 25 декабря 1878.
578 29 декабря 1878.
666 27 июня 1880
669 18/30 июля 1880.
670 25 июля/6 августа 1880
671 28 июля/9 августа 1880.
672 14/26 августа 1880
675 31 августа/12 сентября 1880.
676 3/15 сентября 1880
677 5/17 сентября 1880
692 Начало декабря 1880.
701 27 декабря 1880
704 Конец декабря 1880 — начало января 1881
706 10 января 1881 (?).
712 15 января 1881
716 29—30 января 1881.
719 3 февраля 1881.
718 2 февраля 1881
720 После 3 февраля 1881
726 18 февраля 1881
750 29 июня 1881
753 bis 7/19 июля 1881.
760 4/16 августа 1881.
764 14/26 августа 1881
765 15/27 августа 1881
768. 29 августа/10 сентября 1881.
773 11/23 сентября 1881.
775 16/28 сентября 1881.
792 11 ноября 1881.
793 13 ноября 1881
810 Конец декабря 1881 — начало января 1882
827. Конец февраля — начало марта 1882
851 11 августа 1882
855 30 сентября 1882.
873 8 декабря 1882
892 20 января 1883.
931 30 июня 1883
968 18 декабря 1883
981 Между 3 и 13 января 1884.
983 13 января 1884
988 6 февраля 1884.
989 8 февраля 1884
992 14 февраля 1884
994 18 февраля 1884
998 Конец февраля 1884.
1000 11—12 марта 1884.
1003 14 марта 1884
1023 25 апреля 1884.
1032 11 мая 1884
1044 Около 20 июня 1884.
1047 29 июня 1884
1049. Начало июля 1884.
1058 23 июля 1884
1063 11 августа 1884.

Пантелееву Л. Ф.

969 19 декабря 1883.
980 2 января 1884
1012 10 апреля 1884
1013 11 апреля 1884.
1014 12 апреля 1884
1146 5—9 марта 1885.
1158 30 марта 1885.
1179 21 мая 1885
1180 22 мая 1885
1184 Май 1885
1215 3 сентября 1885.
1222 17 сентября 1885.
1223 27 сентября 1885.
1234 25 ноября 1885.
1237. 2 декабря 1885
1256 16 марта 1886
1258 25 марта 1886
1259 5 апреля 1886
1260 14 апреля 1886
1262 7 июня 1886
1267 Конец июня 1886.
1270 5 июля 1886
1282 9 августа 1886
1287 22 августа 1886.
1331. 1 января 1887.
1332 5 января 1887.
1353 30 марта 1887.
1358 6 апреля 1887
1364 16 апреля 1887.
1365 17 апреля 1887.
1386 28 мая 1887.
1397 28 июня 1887.
1405 12 августа 1887.
1407. 24 августа 1887
1410 1 сентября 1887.
1425 11 октября 1887
1435 30 октября 1887.
1444 17 ноября 1887.
1465 20 марта 1888
1471 24 апреля 1888
1472 26 апреля 1888
1482 1 июля 1888
1492 18 августа 1888.
1497. 16 сентября 1888
1503 11 октября 1886—1888.
1515. 30 ноября 1888.
1518 6 декабря 1888.
1529 4 января 1889.
1531 9 января 1889.
1533 17 января 1889
1539 4 февраля 1889

Пантелееву Н. И.

604 20 сентября 1879.

Писемскому А Ф

415 Между 16/26 мая и концом июня — началом июля 1875

Плещееву А Н.

435 2/14 октября 1875
976 31 декабря 1876—1883.
1148. 11 марта 1885.
1218. 9 сентября 1885.
1219. 11 сентября 1885
1232. 13 ноября 1885
1236 Ноябрь 1885
1420 14 сентября 1887
1474 1 мая 1886—1888

В Повенскую общественную библиотеку

575 17 декабря 1878

Полонскому Я. П.

175 20 сентября 1863
178 19 октября 1863

Пустонскому М. В.

912 29 апреля 1883
954 21 октября 1883

Пыпину А Н.

160. Середина декабря 1862
173 15 августа 1863
211 18 апреля 1867.
310. 2 апреля 1871.
311. 6 апреля 1871.
504. Между 6 и 19 ноября 1876.
880 29 декабря 1882
959. 1 ноября 1883.
1279 29 июля 1886
1285 17 августа 1886
1401 27 июля 1887
1408 25 августа 1887
1414 8 сентября 1887
1421 22 сентября 1887.
1524 21 декабря 1888
1527 29 декабря 1888

Редактору газеты «Daily News»

1088 31 октября 1884

В редакцию «Вестника Европы»

315 Апрель 1871

В редакцию газеты «Голос»

693 7 декабря 1880

379 28 июня 1873
381 28 июля 1873.
383 17 августа 1873.
387 20 октября 1873
389 20 ноября 1873

Салтыкову Д Е.

4 9 июля 1845
5 20—21 сентября 1844—1847.
6 12 января 1848
8 От 9 мая 1847 — до 22 апреля 1848.
15 3 января 1850
16 3 февраля 1850
17 6 марта 1850.
18 21 марта 1850
19 4 апреля 1850
20 1 мая 1850
21 16 июня 1850.
22 3 июля 1850
24 7 августа 1850
26 26 августа 1850.
27 16 сентября 1850
28 14 октября 1850
29 6 ноября 1850
30 18 ноября 1850
31 6 января 1851
32 18 января 1851
33 22 января 1851.
35 29 января 1851.
36 5 февраля 1851.
37 19 февраля 1851
38 24 февраля 1851.
39 5 марта 1851.
40 10 марта 1851
41 10 марта 1851
44 17 апреля 1851.
45 1 мая 1851
46 11 июня 1851
47 14 июля 1851.
48. 29 июля 1851
49 14 августа 1851.
50 3 сентября 1851.
51 6 октября 1851.
54 17 ноября 1851.
56. 15 декабря 1851.
58 19 января 1852
59 25 февраля 1852.
60 7 марта 1852
61 25 марта 1852.
62 30 апреля 1852.
63 28 июля 1852
64 23 августа 1852.
65 18 октября 1852.
68 22 декабря 1852.
69 24 марта 1853.
70 21 апреля 1853,
71 28 июня 1853
72 Июль 1853
73 28 августа (?) 1853
74 30 августа 1853
75 18 сентября 1853.
76 6 ноября 1853.
78 8 января 1854.
79 5 апреля 1854.
80 11 июля 1854.
81 1 октября 1854
82 9 декабря 1854.
83 4 марта 1855
84 20 марта 1855
85 3 мая 1855
86 29 июля 1855
87. 2 сентября 1855.
88 15 сентября 1855.
89 13 октября 1855.
90 4—5 ноября 1855.
91 10 ноября 1855.
92 28 ноября 1855
93 28 декабря 1855
103 Начало августа 1856.
116 Не ранее 1—2 марта 1858.
118. 20 июня 1858
135 2 апреля 1860
136 24 июля 1860.
137. 15 августа 1860
138 31 августа 1860
141 29—31 декабря 1860.
142 8 апреля 1861.
146 3 июня 1861
248 18 октября 1868
251 14 января 1869
322 17 октября 1871.

Салтыкову Е. В.

1 7 марта 1839
23. 15 июля 1850

Салтыкову И Е.

349. 10 июля 1872
351 18 июля 1872
353. Между 18 июля и 14 августа 1872.
382 17 августа 1873.

Салтыкову К. М.

647. 12 мая 1880
650 17 мая 1880
654 20 мая 1880
656 Между 20 мая и 9 июня 1880.
657 Между 20 мая и 9 июня 1880.
658 9 июня 1880
664 Между 9 и 27 июня 1880
665 Между 9 и 27 июня 1880.
745 22 мая 1881.
1334. 15 января 1887.
1565 Апрель 1889,

1323 26 ноября 1886.
1324 29 ноября 1886.
1325 3 декабря 1886.
1326 9 декабря 1886.
1330 17 декабря 1886.
1344 13 марта 1887.
1354 30 марта 1887.
1362 13 апреля 1887.
1373 2 мая 1887.
1374 5 мая 1887.
1375 7 мая 1887.
1377 8 мая 1887.
1378 8 мая 1887.
1379 9 мая 1887.
1381. 12 мая 1887.
1383 14 мая 1887.
1411 1 сентября 1887.
1419. 13 сентября 1887.
1426 11 октября 1887.
1436 30 октября 1887.
1437 31 октября 1887.
1439 3 ноября 1887
1457. 21 февраля 1888.
1458. 27 февраля 1888.
1511 19 ноября 1888.
1521 14 декабря 1888.
1526 28 декабря 1888.
1530 5 января 1889
1541 11 февраля 1889.
1543 18 февраля 1889.
1546 22 февраля 1889.
1547. 25 февраля 1889.
1551 12 марта 1889
1561. 20 апреля 1889.

Соколову ***Н. И.***

1564 1884—1889

Стасюлевичу ***М. М***

368 24 февраля 1873
552 Март 1878
554 29 мая 1878
571. 8 декабря 1878
589 11 апреля 1879
609 28 ноября 1879.
610 28 ноября 1879.
612 2 декабря 1879.
699 25 декабря 1880
737 20 апреля 1881.
771 7/19 сентября 1881.
772 7/19 сентября 1881.
812 9 января 1882
825 26 февраля 1882
910 25 апреля 1883.
916 5 мая 1883
1006 19 марта 1884
1015 14 апреля 1884
1025 2 мая 1884
1078 14 октября 1884.
1079 18 октября 1884
1080 18 октября 1884.
1081 21 октября 1884
1082 21 октября 1884
1084 22 октября 1884.
1094 10 ноября 1884
1098 15 ноября 1884
1099 16 ноября 1884
1111. Ноябрь — декабрь 1884.
1113 2 января 1885.
1114 6 января 1885
1115 После 6 января 1885
1124 20 января 1885
1125 28 января 1885
1126 29 января 1885
1139 21 февраля 1885
1144. 4 марта 1885
1150 12 марта 1885
1163 6 апреля 1885.
1164 7 апреля 1885.
1170 30 апреля 1885
1172 6 мая 1885
1173 9 мая 1885
1186 14 июня 1885
1193 5/17 июля 1885
1195 13/25 июля 1885
1201 1/13 августа 1885
1202 3/15 августа 1885
1209 23 августа 1885
1245 29 января 1886
1294 7 сентября 1886
1302 19 сентября 1886.
1306 26 сентября 1886
1315 26 октября 1886
1318 30 октября 1886
1319 3 ноября 1886
1336 26 января 1887
1340 24 февраля 1887
1345 20 марта 1887.
1346 23 марта 1887
1347 23 марта 1887
1349 26 марта 1887
1350 26 марта 1887
1352 27 марта 1887.
1360 12 апреля 1887
1367. Между 13 и 20 апреля 1887.
1368 20 апреля 1887
1369 22 апреля 1887
1371 27 апреля 1887
1372 29 апреля 1887
1382. 13 мая 1887
1385 18 мая 1887.
1388 3 июня 1887
1389 4 июня 1887

1391 11 июня 1887
1396 27 июня 1887.
1402 27 июля 1887.
1404 6 августа 1887.
1406 15 августа 1887.
1413 7 сентября 1887.
1415 8 сентября 1887.
1416 9 сентября 1887.
1417. 9 сентября 1887
1422 23 сентября 1887.
1427 11 октября 1887.
1428 15 октября 1887
1429 19 октября 1887.
1432 29 октября 1887
1440 7 ноября 1887
1441 10 ноября 1887
1446 12 декабря 1887.
1449 21 декабря 1887.
1450 10 января 1888
1451 12 января 1888.
1454 14 февраля 1888.
1466 22 марта 1888.
1469 15 апреля 1888.
1470 20 апреля 1888
1476 28 мая 1888
1478 5 июня 1888.
1479 19 июня 1888.
1480 21 июня 1888
1481 26 июня 1888
1484 17 июля 1888
1485 26 июля 1888
1486 31 июля 1888
1493 21 августа 1888
1500 9 октября 1888
1504 20 октября 1888
1506 5 ноября 1888
1508 9 ноября 1888
1509 13 ноября 1888
1512 25 ноября 1888
1513 26 ноября 1888
1523 18 декабря 1888.
1525 26 декабря 1888.
1528 31 декабря 1888
1532 16 января 1889
1534 17 января 1889
1538 26 января 1889.
1545 21 февраля 1889
1548 3 марта 1889
1549 9 марта 1889
1550 9 марта 1889
1552 14 марта 1889
1553 14 марта 1889
1554 18 марта 1889
1555 19 марта 1889
1556. 21 марта 1889.
1557. 3 апреля 1889
1560. 18 апреля 1889

Суворину А. С.

342 31 мая 1872
457 23 января/4 февраля 1876.
468 26 февраля/9 марта 1876.
470 6/18 марта 1876
515 24 февраля 1877 (?)
540 23 декабря 1877

Таганцеву Н. С.

616 2 января 1880
618 8 января 1880
1154 До 21 марта 1885

Танееву В И

376а 11 мая 1872—1873

Тимирязеву В А

741 5 мая 1881
883 1 января 1883 (?).
925 30 мая 1883
929 23 июня 1883

Толстому Л Н.

556 28 августа 1878
558 25 сентября 1878
878. 21 декабря 1882
972. 20 декабря 1883
993 14 февраля 1884

Трубниковой М В

332 21 марта 1872

Тургеневу И С

295 20 ноября 1870
430 11/23 сентября 1875.
813 11 января 1882
820 13 февраля 1882
829 6 марта 1882
840 9 июня 1882

Унковскому А. М

227 20 декабря 1867
418 4/16 июля <1875>
454 Конец декабря 1875 — начало янря 1876.
464 11/23 февраля 1876
1235 Сентябрь — ноябрь 1885

Урусову А. И.

235 18 марта 1868
244 7 июля 1868.
276 Конец 1860-х — начало 1870-х
355 Не ранее 17 октября 1872.
399 26 мая 1874
584 25 февраля 1879 (?).
770 4/16 сентября 1881.

Юрьеву С. А.

302 8 февраля 1871.
643 8 мая 1880
644 8 мая 1880
653 19 мая 1880
900 12 февраля 1883
901 После 12 февраля **1883**.
953 15 октября 1883.
955 23 октября 1883
960 7 ноября 1883
1096 11 ноября 1884
1153 20 марта 1885
1463 10 марта 1888

Языкову М А

879 22 декабря 1882

Якушкину В Е

1010 1 апреля 1884

Якушкину Е И.

143 11 мая 1861
147 7 июня 1861
161 22 декабря 1862
317 1 июня 1871
350 16 июля 1872
356 20 октября 1872
360 25 декабря 1872
456 19/31 января 1876.
472 7/19 марта 1876.
491 27 августа 1876.
498 26 сентября 1876

Ясинскому И. И.

743 20 мая 1881
826 Февраль 1882
846 29 июля 1882
852 8 сентября 1882
853 10 сентября 1882
875 15 декабря 1882
888 11 января 1883
897. 25 января 1883
923 Около 26 мая 1883.
924 26 мая 1883
944 27 августа 1883
974 22 декабря 1883
1008 27 марта 1884

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАНИЙ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЦИКЛОВ, СТАТЕЙ, РЕЦЕНЗИЙ, ЗАМЫСЛОВ, АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ И СЛУЖЕБНЫХ ЗАПИСОК*

* Первоначальные названия произведений введены в общий алфавит с отсылкой на окончательное заглавие. В скобках приводится название цикла, к которому относится данный очерк Персонажи, упомянутые в тексте писем, указываются вслед за произведениями, к которым относятся

Тома обозначены римскими цифрами Арабская цифра 1, 2 при римской указывает номер книги

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ*

---

* В указатель входят имена, названия периодических изданий, произведений науки, литературы и искусства, прямо или косвенно упомянутых в томах писем Салтыкова (произведения даются при имени автора) Адресаты писем выделены в отдельный указатель, здесь же даны общие сведения о них и указаны страницы

Аннотации даются применительно ко времени, охватываемому публикуемыми письмами Иноязычные имена и названия выделены в особый раздел в конце указателя, где расположены в порядке латинского алфавита

Для наглядности тома обозначены римскими цифрами В отсылках на них обозначаются только вторые книги.

СПИСОК ПОПРАВОК

Том	Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
4	337	15 св.	Да, cher	Да, mon cher
4	357	9 св.	так	как
4	357	14 сн.	глупое	грубое
5	462	16 сн.	вылетающий	вылезающий
5	462	16 сн.	кафтана	кармана
5	462	5—3 сн.	из <пропуск в корректуре> всякий остерегается, всякий себя <?> монумент, известный по именем «сапогов в смятку!» проходит мимо.	извергнет из себя монумент, известный под именем «сапогов в смятку!», всякий остерегается, всякий проходит мимо.
5	468	17 св.	Аиопуте	Апопуте
6	421	21 св.	чудаком	идолом
6	436	4 св.	столба	столпа
8	299	11 св.	сославшись	стакнувшись
8	275	18 св.	Иволгина	Волгина
8	277	22 сн.	Иволгиным	Волгиным
9	285	1 сн.	отправляется	отправлялся
«	286	1 сн.	неблагодарной	благодарной
«	287	15 св.	мешает	препятствует
«	287	17 св.	в первый	на первый
«	288	12 св.	почему-либо	почему-нибудь
«	288	10 сн.	Если бы	Ежели бы
«	288	5—4 сн.	ошибается	ошибется
«	290	22 св.	появиться	появляться
«	624	7 сн.	Иволгин	Волгин
10	808	15 св.	(теперь площадь Жертв революции)	(потом площадь Жертв революции, а затем вновь Марсово поле)
10	704	8 сн.	В И Ленин Сочинения	В. И. Ленин Полн собр. соч.
13	44	4 сн.	оставить	отставить
13	59	7 св.	развал	разгар
14	89	7 сн.	Подребляете	Потребляете
15, кн. 1	66	15 сн.	пропускает	пробивает
18, кн. 1	8	2 сн.	Chanwin	Cauwin
»	94	15 св.	Тупарев	Пупарев
»	110	18 св.	Тиньяков	Тиньков
»	126	11 сн.	оп 5, № 1	оп 5, № 11
18, кн. 2	163	12 св.	не могу	не могут
19, кн. 1	83	8 сн.	562	563
»	83	7 сн.	6 ноября	Утро 9 ноября
»	84	13 св.	563	562
»	86	18 св.	Это письмо неизвестно	См письмо 363

СОДЕРЖАНИЕ

1884

1885

1886

1887

1888

1889

Приложения

Михаил Евграфович
САЛТЫКОВ ЩЕДРИН

Собрание сочинений, т. 20

Редактор *С Розанова*

Художественный редактор
С Данилов

Технические редакторы
Л Жилина и *Т Таржанова*

Корректор *Т Кузина*

ИБ № 30

Сдано в набор 25/XI-1975 г Подписано в печать 23/IX 1977 г Бумага типогр № 1 Формат 60×90[1]/16. 39 0 печ л. 39,0 усл печ л 41.036 + + 1 вкл. = 41 08 уч.-изд. л Тираж 30 500 экз. Заказ 229 Цена 2 р 20 к

Издательство «Художественная литература»
Москва, Б 78, Ново Басманная, 19

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16